НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

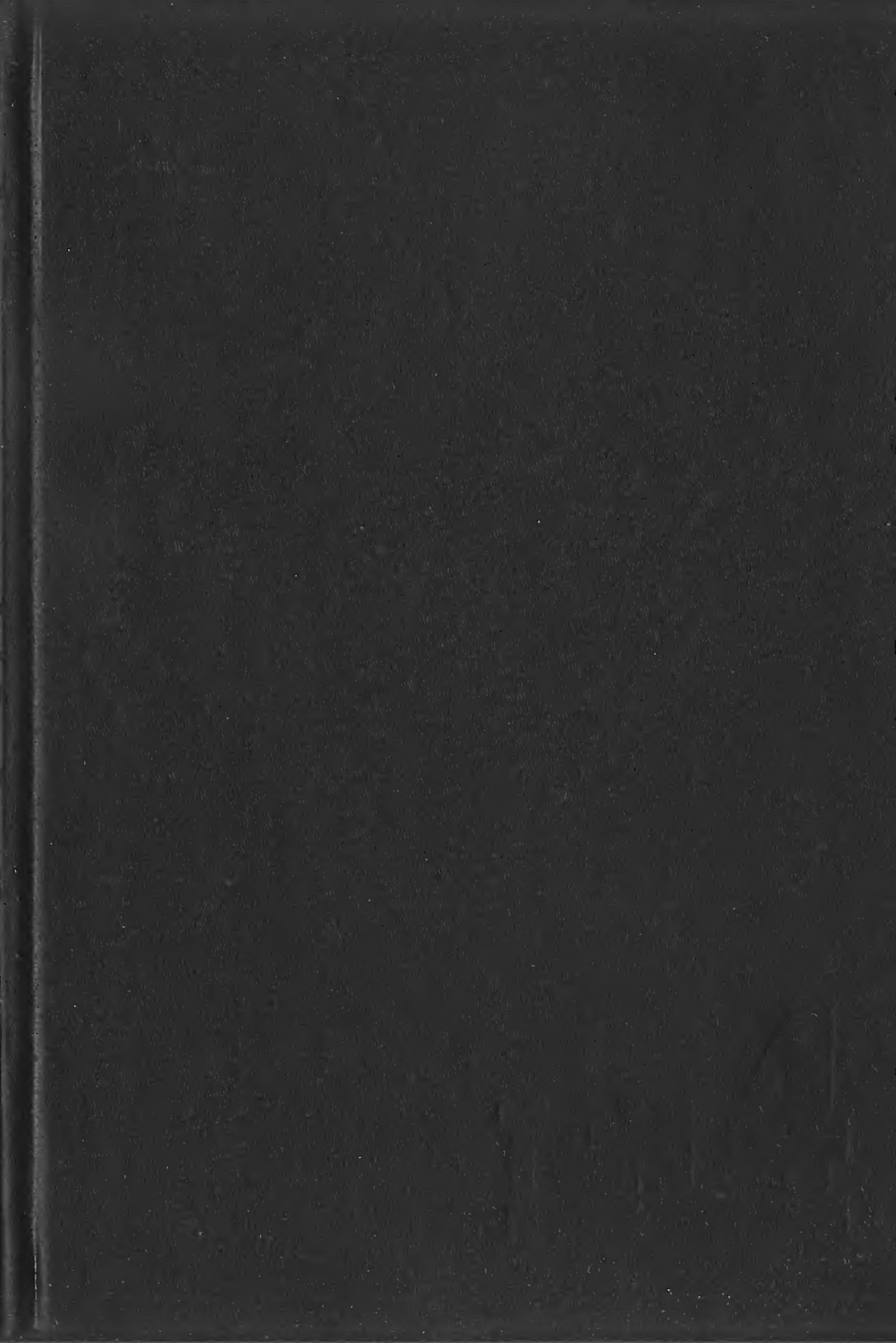
Сборник материалов в 8-ми томах

ТОМ 4

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС
Сборник материалов
ТОМ 4

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС
ТОМ 4

В томе помещены материалы обвинения, допросы свидетелей и документы, свидетельствующие о преступном попрании нацистами законов и обычаев войны, т. е. массовых убийствах и жестоком обращении с мирным населением, убийствах военнопленных и казнях заложников, разграблении и разрушении культурных и научных ценностей, городов и сел, промышленности, транспорта и связи, осуществлении политики рабского труда.

РАЗДЕЛ III

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

[Устав Международного Военного Трибунала (ст. 6), особенно статья 6 (b)]

ФОРМУЛА ОБВИНЕНИЯ

Все обвиняемые совершили военные преступления между 1 сентября 1939 г. и 8 мая 1945 г. в Германии и во всех странах и областях, которые были оккупированы германскими вооруженными силами с 1 сентября 1939 г., а также в Австрии, Чехословакии, Италии и в открытом море.

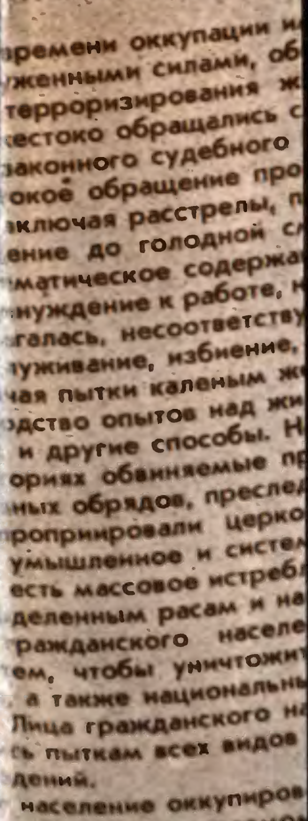
Все обвиняемые, действуя по уговору с другими, составили и выполнили общий план или заговор с целью совершить военные преступления, как они определяются в статье 6 (b) Устава этого Трибунала. Этот план повлек за собой, в числе других преступных действий, практику «тотальной войны», включающую методы боевых действий и военной оккупации, прямо противоречащие законам и обычаям войны, и совершение преступлений на полях сражений при столкновениях с вражескими армиями и против военнопленных, а на оккупированной территории против гражданского населения этих территорий.

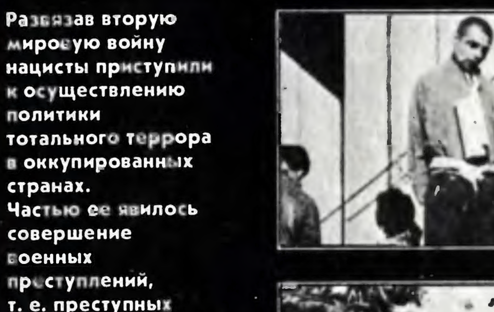
НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

ТОМ 4

**Развязав вторую мировую войну нацисты приступили к осуществлению политики тотального террора в оккупированных странах.
Частью ее явилось совершение военных преступлений, т. е. преступных деяний, нарушающих законы и обычаи войны, и среди них: убийства и истязания военнопленных и мирных граждан, разграбление общественной и частной собственности, не оправданное военной необходимостью разорение и разрушение городов и сел, уничтожение культурных ценностей.**

1

Военные преступления

Том 4

Результаты налетов немецких бомбардировщиков на английские города: Лондон

Ковентри.

Эксетер

Фашистские самолеты над островом Мальта (1942 г.).
Улица г. Валетты (о. Мальта) после налета.

Разрушенные кварталы Мадрида.

Немецкие корабли и самолеты вели охоту за гражданскими судами стран, воевавших против Германии.

Севастополь в дыму пожарищ. Горят причалы порта.

Потопление британского судна в Атлантике (1941 г.)

Гибель американского танкера, атакованного немецкой подводной лодкой (1942 г.).

Нацисты уничтожали даже санитарные поезда, госпиталя и больницы.

Один из вагонов санитарного поезда, обстрелянного с немецких самолетов. (1942 г.)

Отделение больницы им. Фореля, расстрелянной немецкой артиллерией.

Широкое применение у оккупантов получили огнеметы, которые использовались как в боевых действиях, так и в целях уничтожения жилых и других построек в населенных пунктах, как это запечатлено на нижнем снимке (Ивановская область).

Пожары...
Пожары...
Пожары...

Жилой квартал Гомеля после налета фашистской авиации

Разрушения и пожарища в Ростове.

Пожары...
Пожары...
Пожары...

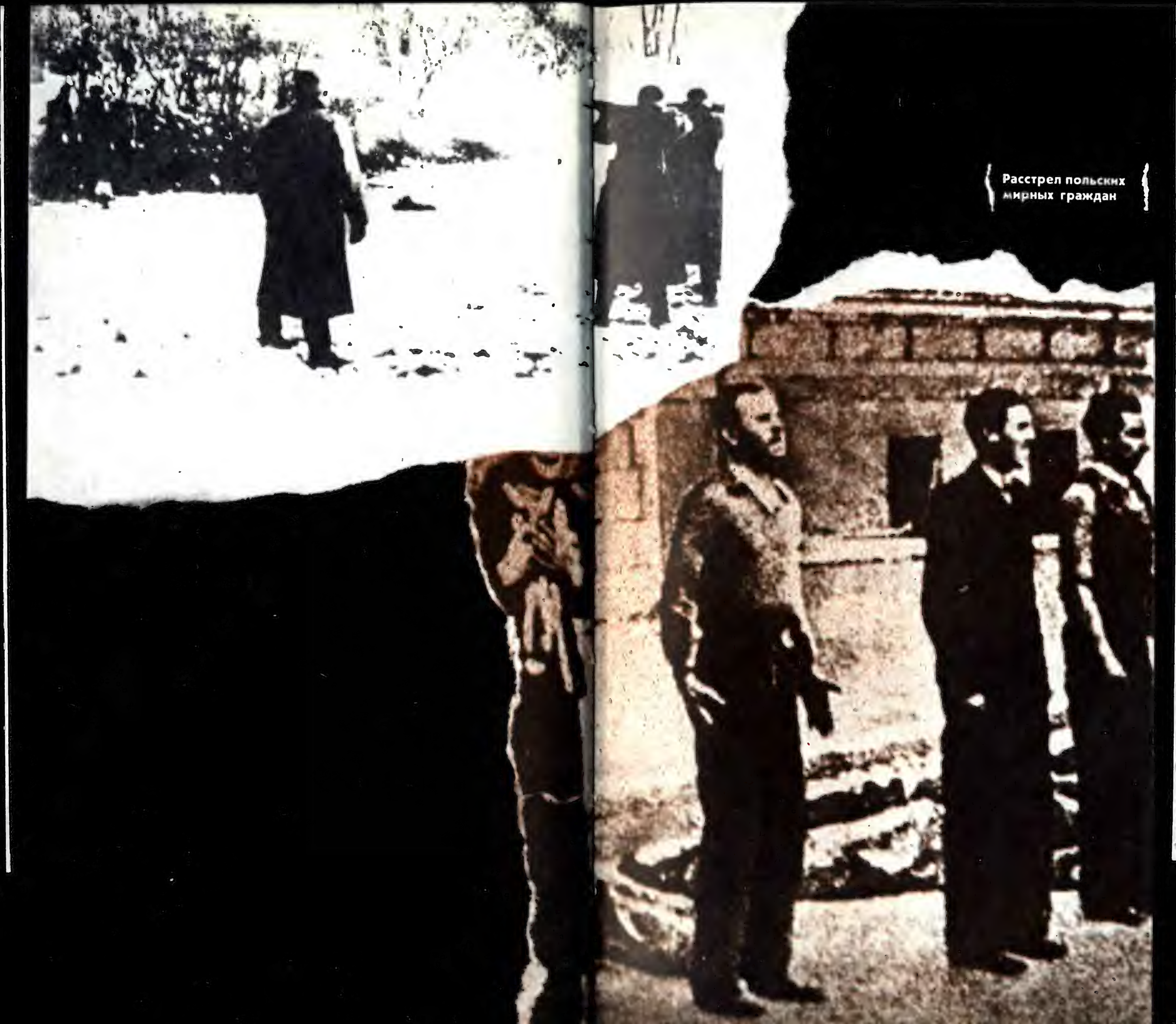
Отчет командира 10-й роты 3-го батальона 15-го полицейского полка обер-лейтенанта Мюллера об уничтожении деревни Борки (Белоруссия)

1941 г. Жители одной из деревень, оставшиеся накануне зимы без крова.

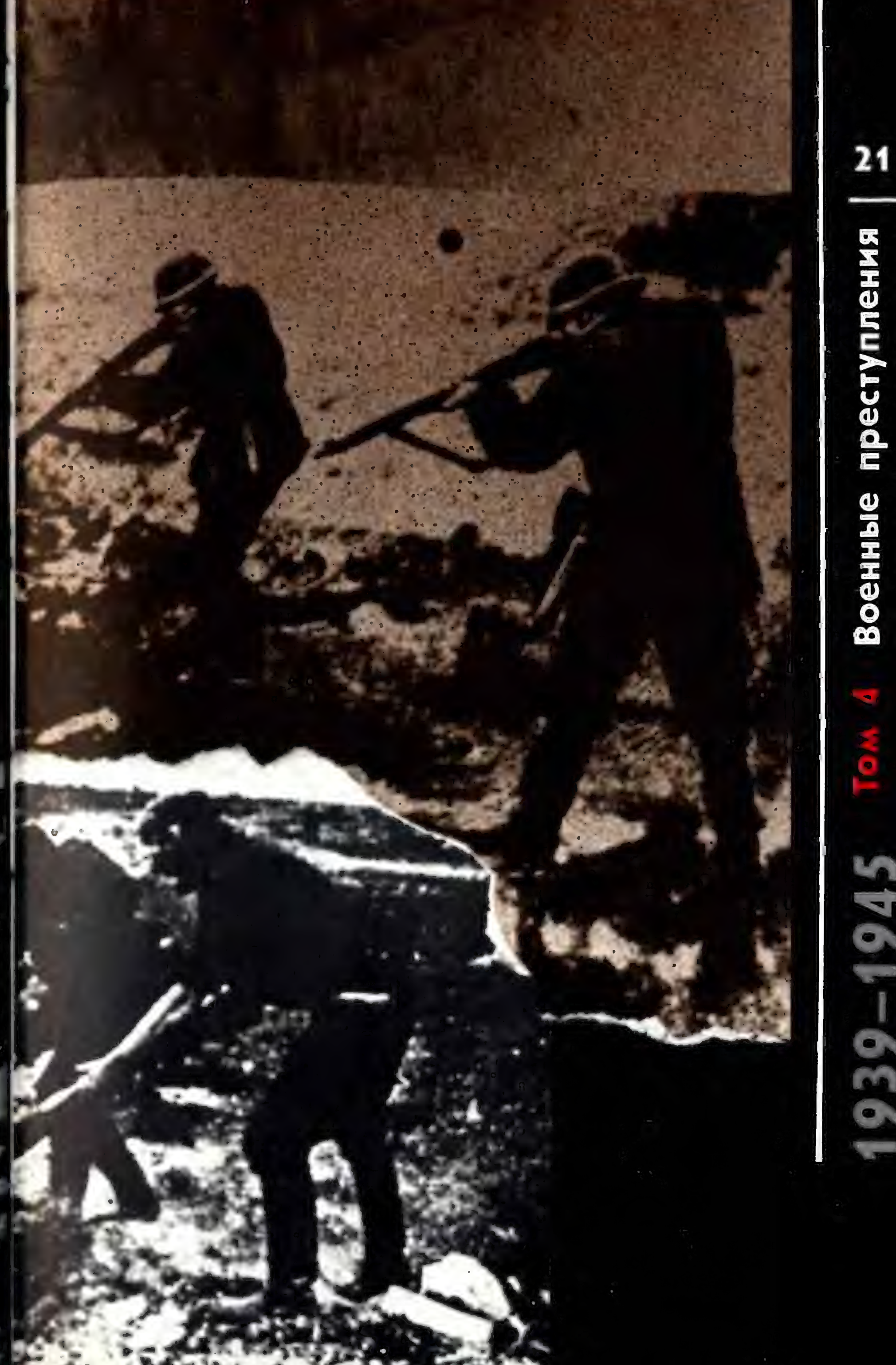

Женщина плачет у пепелища своего дома.

Только три дома из 260 остались несожженными в селе Крововка Тереховского района Гомельской области.

Расстрел польских мирных граждан

Фашисты добивают раненных красноармейцев.

Трупы пленных красноармейцев, зверски убитых немцами в Верейском соборе (Московская область).

Трупы красноармейцев, сожженных заживо гитлеровцами при отступлении (Калининская область).

После освобождения хутора Вертячего (Сталинградская область) там был обнаружен лагерь для советских военнопленных. Из всех узников спаслись только двое, остальные — замучены, расстреляны, умерли от голода и ран.

В одном из лагерей для советских военнопленных на территории СССР.

Бывший лагерь для военнопленных красноармейцев (г. Вязьма).

Трупы замученных фашистами узников концлагеря в Городищенском районе (Белоруссия).

Скелеты советских военнопленных, обнаруженных в могиле 6-го форта Каунасской крепости.

Чудом выживший советский военнопленный Н. Черкасов, освобожденный войсками Красной Армии из «гросс-лазарета» Слаавута (Каменец-Подольская область).

История не знает более жестоких преступлений, чем те, которые совершала фашистская военщина по отношению к мирному населению. Миллионы людей гибли от рук нацистов в разных странах Европы.

«Новый порядок» в Польше. Фашисты расстреливают польских патриотов (Краковское воеводство).

Повешенные югославские патриоты

Перед расстрелом патриотов Греции.

Расстрел борца Сопротивления (Франция).

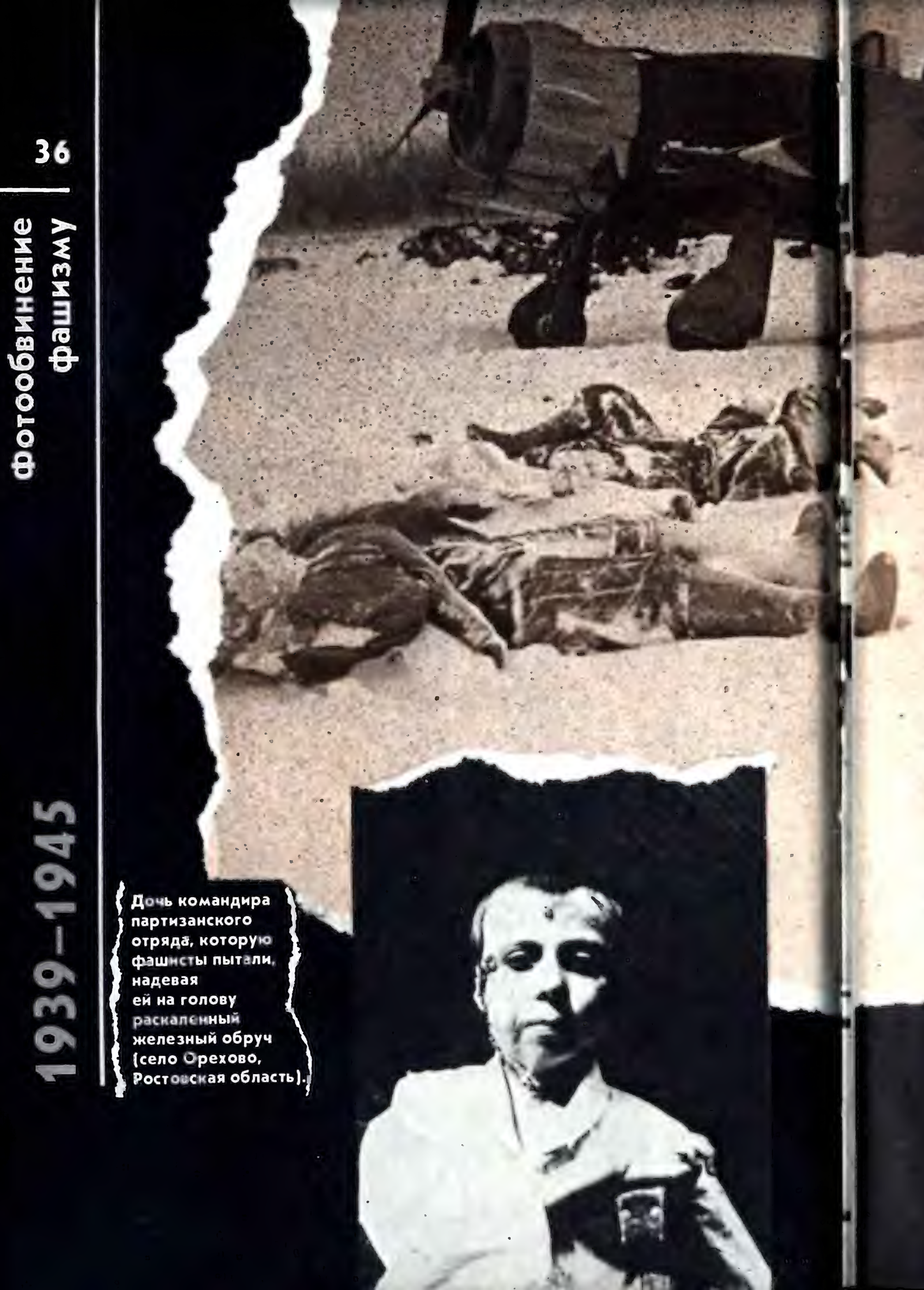
Приказы палача белорусского народа генерального комиссара Белорусии Кубе

Каратели ведут на казнь минских подпольщиков (1941 г.)

Партизаны, повешенные в Харькове на здании обкома.

Мирные жители Сталинграда, повешенные на одной из улиц города.

Дочь командира партизанского отряда, которую фашисты пытали, надевая ей на голову раскаленный железный обруч (село Орехово, Ростовская область).

Расстрелянные фашистами при отступлении мирные граждане, насильно мобилизованные для обслуживания военного аэродрома.

Эти люди были замучены в подвале здания гестапо в городе Мстиславле (Могилевская область).

Район г. Фастова (Западная Украина) — место массовых расстрелов советских граждан.

Der Kommandeur der Sicherheitspolizei Lettland gibt bekannt:

Im Kampf gegen diese Elemente sind lettische Polizeibeamte erschossen worden

3. Ich habe daher als Sühnemassnahme
a) das Dorf Audrini dem Erdboden gleichmachen
b) die Einwohner des Dorfes Audrini festnehmen und
c) 30 männliche Einwohner des Dorfes Audrini am 4. 1. 1942 auf dem Marktplatz in Rositten öffentlich erschiessen lassen.

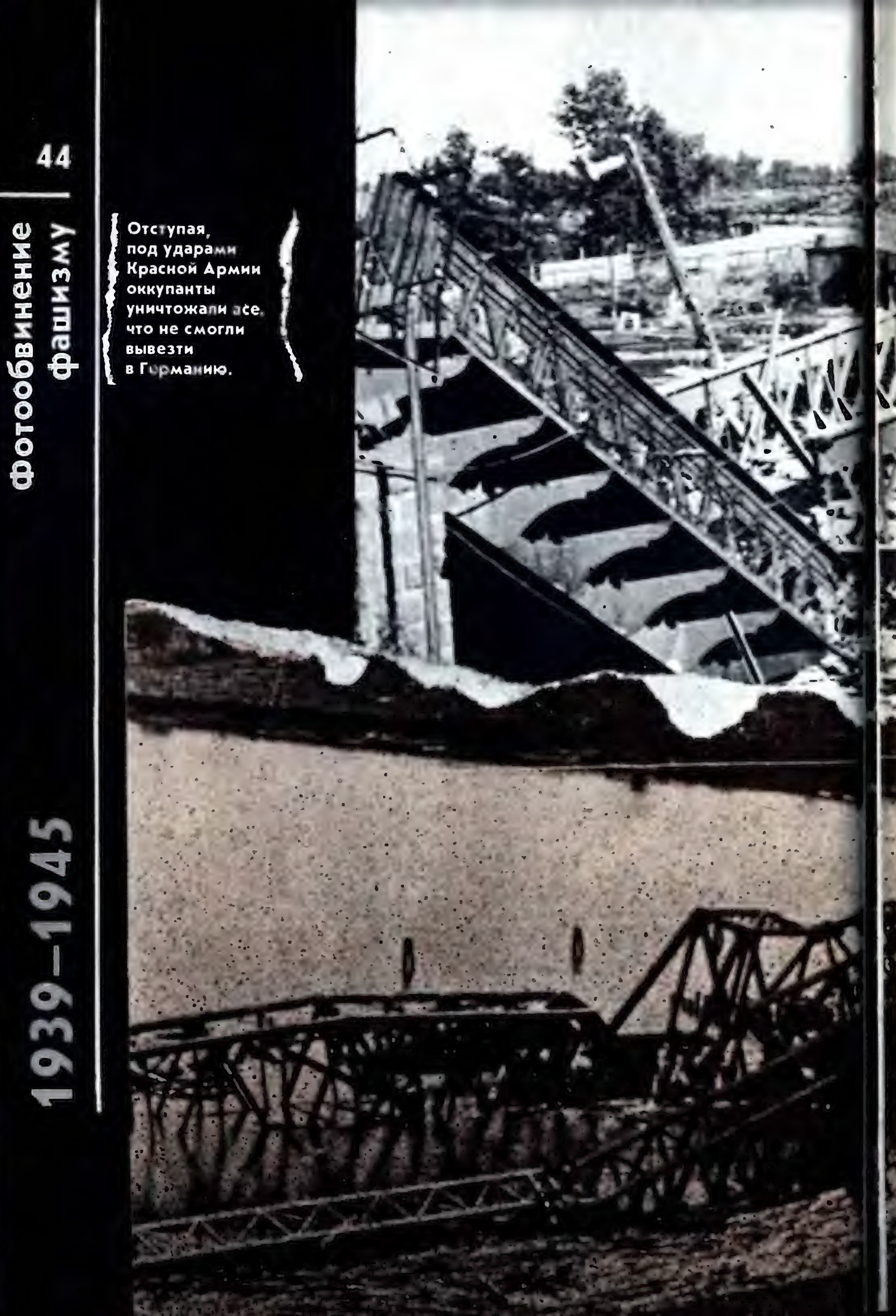
4. Ich werde auch in Zukunft mit den schärfsten Massnahmen sowohl gegen diejenigen Personen vorgehen, die glauben, die bestehende Ordnung sabotieren zu können als auch gegen diejenigen, die diesen Elementen in irgendeiner Weise Hilfe gewähren.

Strauch

Приказ о сожжении деревни Аудрины (Латвия)

Жертвы фашистского террора — расстрелянные жители г. Георгиевска (Ставропольский край).

Трупы расстрелянных граждан, приготовленные к сожжению. (лагерь смерти Клоога, Эстония).

Отступая, под ударами Красной Армии оккупанты уничтожали все, что не смогли вывезти в Германию.

Железнодорожные мосты, взорванные при отступлении у г. Жлобин (Гомельская область) и у г. Брест-Литовска (левый снимок).

Взломанное специальным «плугом» железнодорожное полотно.

Подожженная фашистами при отступлении электростанция (г. Рига).

Скот, сожженный отступающими оккупантами.

Тяжелые катки, которыми фашисты уничтожали перед отступлением урожай (Белоруссия).

Немецкие солдаты гонят отобранных у населения свиней (Воронежская область).

Фашистские солдаты, позирующие перед фотокамерой после грабежа.

В зоне оккупации немецко-фашистские войска безжалостно уничтожали памятники культуры, подвергали их разграблению и осквернению.

Уничтоженный памятник Николаю Копернику в Варшаве.

Рамы от картин разграбленного музея Бородино.

Разрушенный дом Шопена.

Музей Бородино, разрушенный немцами во время их отступления.

Разрушенный музей Суворова (г. Ленинград).

Внутренний вид дома-музея П. И. Чайковского (г. Клин)

Здание музея И. С. Тургенева, разграбленное и оскверненное проживавшими в нем фашистскими офицерами (г. Орел).

Разрушенный фашистами один из древнейших памятников — Храм Спаса Нередицы (г. Новгород).

Псковская область. Советские саперы очищают от мин двор разрушенного и заминированного фашистами Святогорского монастыря.

Киево-Печерская Лавра. Разрушенный Успенский собор (XI в.).

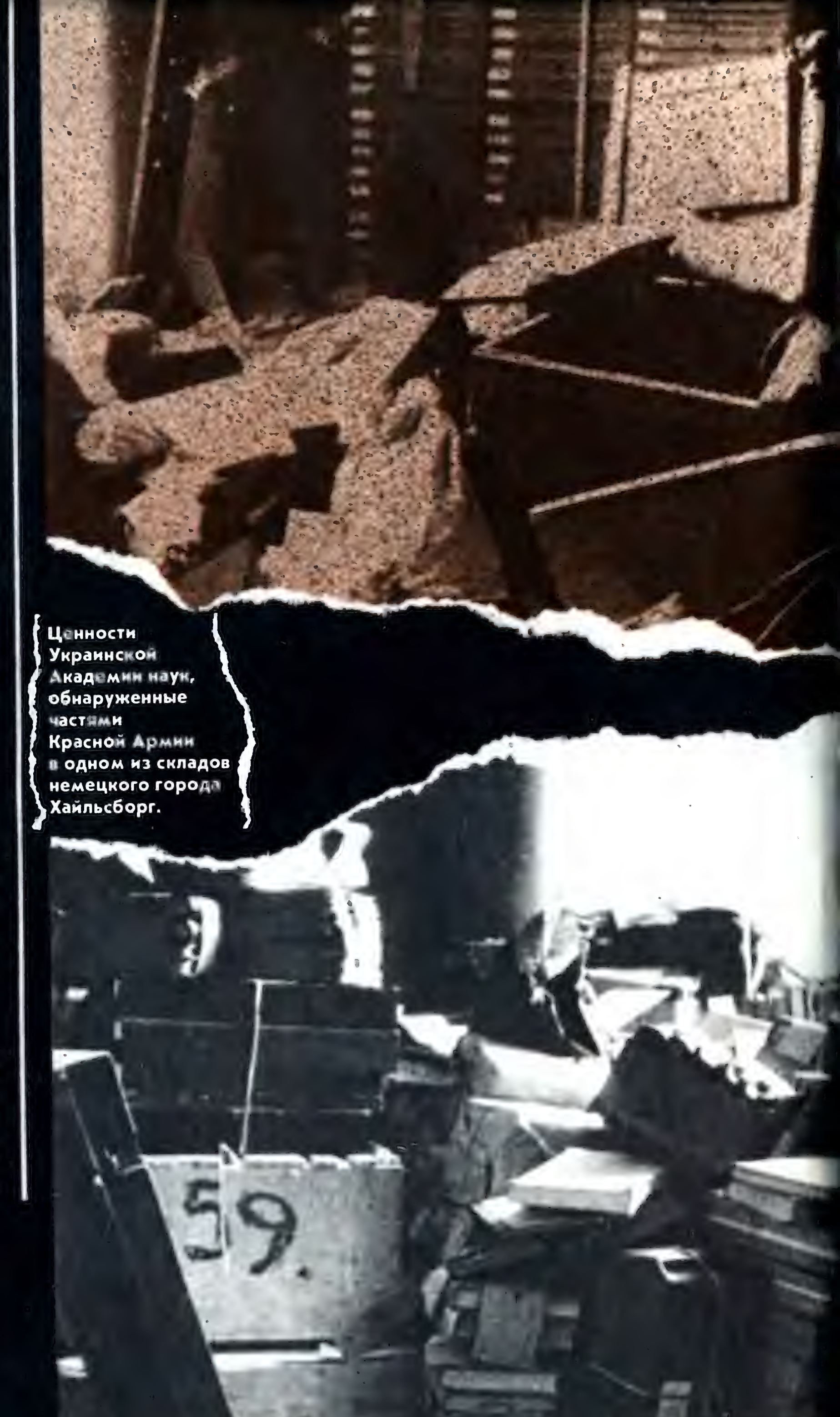
Фасад Большого дворца Петергофа после его разрушения немецкими захватчиками.

Фасад Александровского дворца в Детском селе (Ленинградская область), разрушенного немцами. На переднем плане — памятник на могиле немецких солдат.

Развалины дома-музея И. Е. Репина «Пенаты».

Вид разбитого памятника А. С. Пушкину. На втором плане — развалины разрушенного фашистами дома-музея А. С.Пушкина (село Михайловское).

Ценности Украинской Академии наук, обнаруженные частями Красной Армии в одном из складов немецкого города Хайльсборг.

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

Сборник материалов в 8-ми томах

ТОМ 4

65

Нюрнбергский процесс

3—774

66

Нюрнбергский процесс

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

ТОМ 4

Сухарев А. Я. — ответственный редактор

Рагинский М. Ю. — спец. научный редактор

Павлищев К. С. — спец. научный редактор

Зоря Ю. Н. — составитель

Николаев А. Н. — составитель

Лебедева Н. С. — научный редактор, автор предисловия

Рудой Г. Я., **Щемелева-Стенина Е. Е.** — перевод отдельных документов и сверка текстов на немецком языке

Валицкая В. И. — перевод отдельных документов и сверка текстов на английском языке

Алексеев Н. С. — рецензент

Зенюк Н. И. — консультант

Зимонин В. П. — составитель фотоматериала

Москва
«Юридическая литература»
1990

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

67
Нюрнбергский процесс

ТОМ 4

Сборник материалов в 8-ми томах

Москва
«Юридическая литература»
1990

Х
~~67.91~~
Н 97

68

Нюрнбергский процесс

Н $\frac{1207000000-063}{012(01)-90}$ подписное

ISBN 5-7260-0249-0(т. 4)
ISBN 5-7260-0015-3
(все издание)

В IV том сборника материалов «Нюрнбергский процесс» включены выступления обвинителей, допросы свидетелей и подлинные немецкие документы, касающиеся военных преступлений нацистов. В соответствии со статьей 6 Устава Международного военного трибунала военными преступлениями являются нарушения законов и обычаев войны. К ним относятся: «убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированных территорий; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления»[1].

Эти преступления совершались нацистскими изуверами и в ходе военных кампаний, и в период оккупации в масштабах, которых еще не знала история. Война была превращена ими в систему военизированного бандитизма.

Захватив полностью или частично 12 европейских стран, германские фашисты перекроили политическую карту Европы. Непосредственно в состав «третьего рейха» были включены Австрия, Люксембург, Судетская область Чехословакии, литовская Клайпеда (Мемель), важные промышленные районы Польши (Поморье, Познань, Верхняя Силезия, Лодзь и др., названные «присоединенными территориями»), отторгнутые от Бельгии области Эйпен и Мальмеди, от Франции — Эльзас и Лотарингия, от Югославии — Нижняя Штирия и Верхняя Крайна. К Германии должны были отойти Прибалтика, Крым с прилегающими районами, Бакинская область, Кольский полуостров.

Не включенные в состав Германии территории Польши нацисты объявили своим генерал-губернаторством. В Норвегии, Голландии, а в 1944 г. и в Бельгии были учреждены имперские комиссариаты, в чешских землях — провозглашен имперский протекторат Богемии и Моравии при формальном сохранении «государственного президента» и «национального правительства». Сербией и частью территории Греции управляли немецкие военные власти, хотя там и были созданы марионеточные «правительства». «Независимым» государством была объявлена Словакия, где был установлен клерикальный фашистский режим Й. Тиссо. В северной оккупированной части Франции была учреждена германская военная администрация. На юге (неоккупированная зона) функционировало коллаборационистское пра-

[1] Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. М., «Юридическая литература». 1987. Т. 1, С. 148.

вительство Петэна, которое сохранилось и после занятия данной части страны немецко-фашистскими войсками в ноябре 1942 г. Формально сохраняла свою «независимость» до августа 1943 г. Дания, хотя и там вершителем дел являлся германский посол. Всего к лету 1941 г. под игом нацистской Германии и ее союзников оказались территории примерно в 2 млн. кв. км с населением около 190 млн. человек[1].

Захваченные территории СССР были разделены на прифронтовые, где власть полностью была сосредоточена в руках командования соответствующих групп армий, и тыловые, где были созданы три рейхскомиссариата — «Остланд», Белоруссия, Украина. В специальную область — «Транснистрию» — была выделена территория между Бугом и Днестром, управляемая румынскими оккупационными властями. Главным органом управления всеми захваченными областями СССР было министерство по делам оккупированных восточных территорий во главе с Розенбергом.

Во всех оккупированных фашистами странах и областях независимо от их формального статуса был установлен «новый порядок» — небывалый по размаху и жестокости режим грабежа, эксплуатации, насилия, кровавых расправ и систематического истребления народов, призванный увековечить германское господство, уничтожить рабочее и демократическое движение, предотвратить любые попытки сопротивления. В соответствии с Гаагскими конвенциями 1899 и 1907 гг. о законах и обычаях сухопутной войны, Женевскими конвенциями 1929 г. об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях и о военнопленных убийство и ограбление мирного населения, взятия заложников, жестокое обращение с военнопленными являлись тягчайшими военными преступлениями. Законы и обычаи войны, общепризнанные всеми цивилизованными народами, исходили из того, что плен не является ни местью, ни наказанием, но лишь мерой предосторожности, единственная цель которой воспрепятствовать дальнейшему участию военнопленных в войне. В Гаагской конвенции 1907 г. указывалось, что «военнопленные находятся во власти неприятельского правительства, а не отдельных лиц или отрядов, взявших их в плен. С ними надлежит обращаться человеколюбиво». Запрещалось «убивать или ранить неприятеля, который... безусловно сдался», использовать на тяжелых или вредных для здоровья работах, а также на работах, имеющих отношение к ведению войны против их страны. Запрещалось наказывать за попытку бегства из плена. Указывалось, что «военнопленные пользуются такой же пищей, помещением и одеждой, как войска правительства, взявшего их в плен»[2]. Доказательства, предъявленные обвинением СССР, США, Великобрита-

---

[1] Deutschland im zweiten Weltkrieg, Bd. I. Berlin, 1974, S. 455.

[2] См.: Документы и материалы по вопросам борьбы с военными преступниками и поджигателями войны. М., 1949.

нии и Франции на процессе, свидетельствовали, что агрессоры полностью отбросили общепринятые и установленные Гаагскими и Женевскими конвенциями правила и законы войны. Они не считались ни с какими нормами международного права и человеческой морали, прибегая к самым злодейским методам и средствам оккупации.

Военные преступления заранее планировались и со всей тщательностью готовились по мере разработки очередных актов агрессии, причем не только фашистским руководством, но и командованием вермахта. Так, приняв план нападения на СССР, так называемый план «Барбаросса», гитлеровские главари разработали вместе с ним и ряд чудовищных документов, в которых преступления и зверства были возведены в ранг государственной политики. «Распоряжение о военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых мероприятиях войск» от 13 мая 1941 г. предусматривало массовое уничтожение мирного населения; «план Ольденбург» и «Зеленая папка» Геринга определяли методы ведения экономической войны на оккупированных советских территориях — их тотальное ограбление и превращение в пустыни; директива ОКВ от 12 мая 1941 г. предписывала уничтожение советских политических работников и комиссаров в войсках и т. д. Преступные методы оккупации являлись неотъемлемой частью стратегии фашистской Германии, средством достижения военно-политических целей агрессии. Специальными приказами германское командование заранее устанавливало безнаказанность этих преступлений для своих военнослужащих.

В методах фашистской оккупации имелись определенные различия: если в большинстве стран Восточной и Юго-Восточной Европы нацисты и их пособники прибегали к открытому и беспощадному террору, то в Нидерландах, Дании, Бельгии, Люксембурге, Норвегии оккупанты выступали на первых порах в обличье «нордических братьев по крови». В этих странах, а также во Франции они опирались на поддержку реакционных группировок буржуазии, вставших на путь сотрудничества с фашистским рейхом. Более того, германские власти пытались привлечь там на свою сторону широкие слои населения, используя для этого в качестве вспомогательных инструментов «малые» фашистские движения. Последние же видели в Германии силу, которая поможет им навязать народу режим террора и насилия, заставит массы пройти через процесс фашизации. Вынашивая собственные экспансионистские планы, фашистские движения ряда стран рассчитывали осуществить их с помощью «всесильной» Германии. Они питали иллюзии относительно сохранения известной самостоятельности в рамках пангерманского союза. Однако нацистская клика, хотя и не считала нужным рассеивать эти надежды, рассматривала порабощенные ею западноевропейские страны лишь как провинции великогерманского рейха.

Фашизируя захваченные страны данного региона, гитлеровцы оказывали мощную поддержку и финансовую по-

мощь местным реакционным экстремистским организациям. Квислинговцы в Норвегии, «Национал-социалистская рабочая партия» в Дании, сторонники лидеров местных коллаборационистов Муссерта и ван Тоннингена в Нидерландах, «Фламандская национальная лига» в Бельгии, «Легион ветеранов», «Национально-народное объединение» и другие группировки фашистского толка во Франции активно включились в создание «нового порядка» под контролем германской военной администрации[1].

Отношения нацистов с фашистами оккупированной Западной Европы зависели главным образом от их удельного веса в политической жизни соответствующих стран. Специфическое место при этом занял режим Виши. Имея на руках такие козыри, как флот и колониальные владения, профашистские круги Франции смогли временно сохранить относительную самостоятельность. В отличие от квислинговского правительства, режим Виши имел определенные корни во Франции[2]. За ним стояли могущественные фракции господствующего класса — монополисты, представители военной касты и высшего чиновничества. Петэновская клика временно сумела добиться поддержки мелкой буржуазии, зажиточного крестьянства. Фашистские группы и партии, готовые растворить Францию без остатка в «новой» Европе, были оттеснены на второй план.

Под давлением германских властей и в соответствии с политикой наиболее экстремистских кругов монополистического капитала Франции вишистский режим эволюционизировал от авторитаризма к тоталитаризму. В стране сформировался вариант государственно-монополистического капитализма, весьма напоминавший германский и итальянский образцы. Террор стал нормой жизни во Франции. Несостоятельность расчетов лидеров Виши, надеявшихся обеспечить привилегированное место своему режиму в системе «нового порядка», со всей ясностью обнаружилась в ноябре 1942 г., когда после высадки союзников в Северной Африке фашистская Германия оккупировала всю территорию Франции, оказавшуюся под строжайшим нацистским контролем. По требованию нацистов в правительство Виши вошли парижские марионетки. Оккупанты стали широко применять террористические методы правления.

В Скандинавских странах, Бельгии, Нидерландах, Люксембурге Берлин на первых порах делал ставку не на местные относительно слабые фашистские организации, а на коллаборационистски настроенные круги крупного капитала и бюрократии. Так, в Норвегии был сформирован

---

[1] Семиряга М. И. Немецко-фашистская политика Национального порабощения в оккупированных странах Западной и Северной Европы. М., 1980.

[2] См. подробнее: Смирнов В. Н. Движение Сопротивления во Франции в годы второй мировой войны. М., 1974. С. 29 — 30; Amouroux H. La grande histoire des Francais l occupation. P., 1981, vol. 1—5.

Административный совет при рейхскомиссаре Тербовене; в Нидерландах разрешена деятельность всех партий, кроме коммунистической; в Дании использован метод «правительственного коллаборационизма», при котором эксплуатация экономики страны осуществлялась через социал-демократическое правительство Стаднинга. Однако даже столь изощренные методы насаждения германского господства и фашизации этих стран изнутри не привели к желаемым гитлеровской кликой результатам. Семена нацизма не дали сколько-нибудь заметных всходов в этих странах. Рост же антифашистских настроений, активизация движения Сопротивления побудили руководство рейха отбросить либеральный камуфляж. Все политические партии, кроме фашистских, были запрещены, а во главе правительств Норвегии и Нидерландов поставлены их марионетки — Квислинг и Муссерт; в Дании правительство было распущено. Оккупанты перешли к методам открытого террора. Стало очевидным, что менее жестокие, чем на Востоке, методы оккупации в Западной и Северной Европе были не проявлением гуманности к «братьям по крови», но лишь тактической уловкой, призванной обеспечить захватчикам наилучшие возможности для фашизации и германизации этих стран, эффективной эксплуатации их экономики, предотвращения там движения Сопротивления.

Наиболее жестокие, бесчеловечные формы оккупационный режим принял на временно оккупированных советских землях. Сущность его определялась целями войны против СССР, являвшегося главным препятствием на пути Германии к мировому господству. Они сводились к тому, чтобы ликвидировать советский общественный и государственный строй, социалистическую систему хозяйства, искоренить марксистско-ленинскую идеологию, истребить большую часть населения страны, а остальных превратить в рабов, разграбить как можно больше народного богатства. Выступая 16 июля 1941 г. перед своими ближайшими помощниками, Гитлер определил основные цели в отношении СССР так: «В основном дело сводится к тому, чтобы, мы, во-первых, овладели им, во-вторых, управляли и, в-третьих, эксплуатировали самое основное. Создание военной державы западнее Урала не может снова стать на повестку дня, хотя бы нам для этого пришлось воевать сто лет. Все последователи фюрера должны знать: империя лишь тогда будет в безопасности, если западнее Урала не будет существовать чужого войска... Никогда не должно быть позволено, чтобы оружие носил кто-либо иной, кроме немцев... Только немец вправе носить оружие, а не славянин, не чех, не казах и не украинец...»[1].

---

[1] Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. В 8-ми томах. М., 1989. Т. 3. С. 566.

Оккупационная администрация использовала в своих целях охранные дивизии, аппарат гестапо, контрразведки, полевой жандармерии, общей полиции, отряды и команды по борьбе с партизанами, националистические формирования, специальные карательные команды, регулярные воинские части. Фашистские власти использовали предателей народа, буржуазных националистов, уголовников, создавая из них органы местного «самоуправления», отряды полиции и т. д. На оккупированных территориях СССР были запрещены все общественные организации, закрыты советские учреждения, органы печати и т. д. Никаких законов, защищающих права, жизнь, имущество граждан оккупированных территорий, не существовало.

Одними из первых на себе испытали зверства оккупантов советские воины, оказавшиеся по тем или иным причинам в фашистском плену. Еще в марте 1941 г. за несколько месяцев до нападения на СССР верховное командование вермахта (ОКВ) провело совещания относительно создания лагерей для советских военнопленных и правил обращения с ними. Фактически уже в это время предусматривалось массовое истребление военнослужащих Красной Армии, оказавшихся в плену. 12 мая была подготовлена специальная директива об обращении с захваченными в плен, предусматривавшая немедленное уничтожение всех политработников и коммунистов. 8 сентября 1941 г. ОКВ издало распоряжение об обращении с советскими военнопленными во всех лагерях, в котором подчеркивалось: «Большевизм является смертельным врагом национал-социалистской Германии. Впервые перед германским солдатом стоит противник, обученный не только в военном, но и политическом смысле... Поэтому большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение с ним как с честным солдатом, в соответствии с Женевским Соглашением... В отношении советских военнопленных даже из дисциплинарных соображений следует весьма решительно прибегать к оружию»[1].

17 июля 1941 г. гестапо издало приказ, предусматривавший убийство всех советских военнопленных, которые были или могли впоследствии стать опасны для национал-социализма. Для этого в лагеря для военнопленных — дулаги и шталаги[2] — направлялись специальные команды полиции безопасности и СД, задачей которых было выявление и немедленное уничтожение таких военнопленных. Помимо физического уничтожения значительной части военнопленных, созданные при транспортировке и содержании в лагерях условия были нацелены на массовую смертность среди

[1] См. приложение документов к данному тому.
[2] Пересыльные и стационарные лагеря для военнопленных.

военнопленных. Многокилометровые пешие переходы без отдыха, без пищи, размещение в лагерях под открытым небом, часто без всякого питания или при столь скудном пайке, что он не мог поддержать силы заключенных, запрещение местному населению передавать им продукты питания, антисанитарные условия — все это привело к смерти от голода, сыпного тифа и других болезней большей части тех, кто попал в плен. Об этом свидетельствует письмо Розенберга Кейтелю от 28 февраля 1942 г. Чтобы предотвратить бегство советских военнопленных, был издан ряд приказов об их клеймении. Нередко советские военнопленные становились объектами медицинских опытов, исход которых, как правило, был смертельным[1]. Со второй половины 1942 г. труд советских военнопленных в широких масштабах стал применяться в военной промышленности, что также являлось нарушением элементарных норм международного права. Как правило, советских военнопленных задействовали на самых тяжелых, изнурительных работах, причем нормы питания при этом были почти в 2 раза ниже, чем у пленных из других стран. Они к тому же не пользовались посылками Красного Креста. Те, кто слабел и не мог больше трудиться, безжалостно уничтожались. В результате из 5 млн. 700 тыс.[2] военнопленных 3 млн. 300 тыс. погибли. Вернувшихся на Родину, прошедших все круги фашистского ада, ждали новые тяжкие испытания, уготованные им режимом Сталина.

Обращение с военнопленными из стран Западной Европы хотя и не было столь зверским, как с советскими и польскими военнопленными, тем не менее и оно даже в отдаленной степени не соответствовало нормам и положениям Гаагской и Женевской конвенций об обращении с военнопленными. В соответствии с приказами ОКВ из числа военнопленных изымались лица еврейской национальности и коммунисты, которые подлежали «специальному обращению», т. е. расстрелу или «убийству трудом» в концлагерях[3]. 18 октября 1942 г. Кейтель разослал утвержденную Гитлером директиву, согласно которой все члены союзных соединений «командос», часто даже те, кто был одет в военную форму, независимо от их согласия сдаться в плен подлежали немедленному уничтожению или передаче в руки СД. В ноябре аналогичный приказ был издан в отношении летчиков союзных армий[4]. В марте 1944 г. командование сухопутными силами (ОКХ) издало приказ «Пуля», следуя которому все бежавшие из лагерей военноплен-

[1] Алексеев Н. С. Злодеяния и возмездие. Преступления против человечества. М., 1986. С. 161—190.

[2] Новый мир. 1986. № 11. С. 223.

[3] International Military Tribunal. Trial of Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945 — 1 October 1946. In 42 vol., Nuremberg, 1947—1949, vol. 26, p. 111—114. (Далее—IMT)

[4] Ibid. p. 100—102, 121—124, 127.

ные, за исключением английских и американских, при поимке направлялись в концлагерь Маутхаузен и расстреливались. 50 английских летчиков, бежавших из лагеря в Сагане в марте 1944 г., по приказу Гитлера также были расстреляны. 25 июня 1944 г. действие приказа относительно «командос» было распространено и на военнослужащих союзных армий, высадившихся во Франции[1]. Санкционировалось и линчевание летчиков, совершивших вынужденную посадку или сбросившихся с парашютом на контролируемую вермахтом территорию. Все эти приказы неукоснительно исполнялись.

Военнопленных вынуждали работать в тяжелых условиях, часто на военных предприятиях. Отказавшихся работать подвергали телесным наказаниям, морили голодом, отправляли в концлагеря. Особенно жестоким было обращение с итальянскими военнопленными. Из 640 тыс. пленных, попавших в руки нацистов после капитуляции Италии и последовавшей за ней оккупации, 183 тыс. были отправлены в Германию. Те части, которые сражались на Восточном фронте, были помещены в лагеря для военнопленных, находившихся в Белоруссии и Польше. В течение полугода более 400 тыс. итальянских военнослужащих погибли там в результате жестокого обращения, непосильного труда и прямого физического уничтожения[2].

Еще более страшные злодеяния творили фашистские изверги в отношении мирного населения на оккупированных территориях. Жестокое обращение с гражданским населением, массовые убийства были не эксцессами отдельных палачей, но последовательным осуществлением заранее разработанных планов, целью которых было не только предотвратить малейшее сопротивление со стороны населения, но избавление от местного населения путем его уничтожения и колонизации освободившихся территорий. «Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве. Дело заключается скорее всего в том, чтобы уничтожить русских как народ», — подчеркивалось в плане «Ост». Коммунисты и комсомольцы, работники советских учреждений подвергались жесточайшим преследованиям и, как правило, расстреливались. В городах и селах выстраивались виселицы, гестаповские застенки были переполнены, патриотов подвергали изуверским пыткам и издевательствам. Против мирных граждан СССР широко применялись так называемые душегубки — специальные машины, в которых умерщвляли людей отработанным газом. Еще до вторжения на территорию СССР были созданы в соответствии с приказом Гиммлера части специального назначения полиции безопасности и СД — так

---

[1] Ibid. vol. 26, p. 142—143, vol. 27, p. 424—428.

[2] Woller H. Der "Fall Lemberg": Verwirrende Berichte über deutsche Verbrechen an italienischen Soldaten 1943—1944//Geschichte in Wissenschaft und Unterricht 1987, Jg. 38, H. 11, S. 696—698.

называемые эйнзатцгруппы. Вначале были созданы четыре таких группы. Одна из них действовала в Прибалтике, другая — на Московском направлении, третья — на Киевском и последняя — на юге СССР. Только они уничтожили на временно оккупированных территориях 2 млн. мирных граждан. Эйнзатцгруппа «С», дислоцировавшаяся в Киеве, осуществила массовый расстрел советских людей в Бабьем Яру, где было загублено 100 тыс. человек. В Мозырские болота на верную гибель загоняли женщин, детей, стариков молодчики из эйнзатцгруппы «В». В Ставропольском и Краснодарском краях эйнзатцгруппа «Д» травила беззащитных людей в газовых камерах-душегубках, творила и другие не менее страшные злодеяния[1]. О том, какие преступления были совершены этими эйнзатцгруппами лишь за один месяц — октябрь 1941 г. свидетельствует эсэсовский отчет об их деятельности.

Самое активное участие в преступлениях против мирных граждан СССР принимал и вермахт. В приказе, изданном Кейтелем 23 июля 1941 г., говорилось: «Учитывая громадные пространства оккупированных территорий на Востоке, наличных вооруженных сил для поддержания безопасности на этих территориях будет достаточно лишь в том случае, если всякое сопротивление будет караться не путем судебного преследования виновных, а путем создания такой системы террора со стороны вооруженных сил, которая будет достаточна для того, чтобы искоренить у населения всякое намерение сопротивляться. Командиры должны изыскать средства для выполнения этого приказа путем применения драконовских мер»[2]. Из представленных на Нюрнбергском процессе доказательств видно, что данный приказ выполнялся со всей безжалостностью на временно оккупированных территориях СССР. Фашисты стирали с лица земли целые поселки и деревни. Так, в январе 1942 г. все жители латвийской деревни Аудрины были расстреляны, а селение сожжено. В сентябре того же года было уничтожено население и сожжены белорусские деревни Заболотье, Борки, Борисовка, Шлыки, Жеребцово, Затлойщина, Демодово, Дуброво, Осетки, Попущево и многие другие. Только при уничтожении деревни Борки было расстреляно 705 человек, из них 372 женщины и 130 детей. Всего же за годы войны в Белоруссии было разрушено и сожжено 9200 населенных пунктов, причем 5295 фашисты уничтожили вместе со всем или частью их населения в период карательных операций[3].

---

[1] Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944). М., 1968. С. 112—114, 125.

[2] См. приложение документов к данному тому.

[3] Вторая мировая война: Краткая история. М., 1984. С. 249; Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии. Минск, 1984. С. 46.

Однако и эти меры показались фашистам недостаточными. 16 декабря 1942 г. Кейтель издает новый приказ — «О борьбе с бандами», в котором предписывает применять самые жестокие средства, чтобы искоренить партизанскую «чуму». «Войска поэтому имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства, без ограничения, также против женщин и детей, если это только способствует успеху», — говорилось в приказе. Ни один немец, участвовавший в акциях против населения, не мог быть привлечен к ответственности ни в дисциплинарном, ни в судебном порядке. В результате фашистской оккупационной политики было уничтожено 10 млн. советских мирных граждан и военнопленных.

Аналогичные действия предпринимали оккупанты в Польше, Югославии, Чехословакии, Греции и других странах. Так, в Польше фашисты провели карательные акции в 769 деревнях, в ходе которых было убито 19 792 человека. В Чехословакии в июне 1942 г. фашисты уничтожили поселок Лидице, расстреляв все мужское население и отправив женщин и детей в концлагерь Ясеновац. Во время карательной экспедиции в Западной Боснии летом 1942 г. фашисты захватили около 50 тыс. жителей, многие из которых были расстреляны, а остальные замучены в концлагерях. Полностью был уничтожен поселок Скела и многие сотни других населенных пунктов. В Греции в октябре 1941 г. было расстреляно мужское население от 16 до 60 лет (всего 207 человек) деревень Амелофито, Клистон, Кизония, Ано-Керцелион, Като-Керцелион, Мезовунос, Селли и других[1].

На оккупированных территориях Западной и Северной Европы широко применялась система заложничества, строжайше запрещенная Женевской и Гаагской конвенциями. На основании приказа ОКВ от 26 марта 1941 г. оккупанты устраивали облавы на людей, которых арестовывали в качестве заложников. 16 сентября 1941 г., когда был издан приказ Кейтеля о расстреле 50 — 100 заложников за каждого убитого германского солдата, главнокомандующий германскими вооруженными силами во Франции О. Штюльпнагель распорядился расстрелять первых заложников, за этим последовало огромное количество казней. Во Франции было расстреляно 29 660 заложников, из них 11 тыс. в Парижском округе[2]. Казни заложников широко применялись в Голландии, Бельгии, Италии и др. странах. Так, в Северной Италии в местечке Картоло 38 заложников были заперты в заминированный сарай и уничтожены взрывом. В Ардеатинских пещерах вблизи Рима были расстреляны 335 заложников за то, что на одной из улиц

---

[1] Вторая мировая война. Краткая история. С. 250.

[2] IMT, vol. 27, p. 364—373, vol. 34, p. 501—503, vol. 37, p. 190—198, 212.

Рима была брошена бомба в колонну полицейских. От казней заложников оккупанты переходили к уничтожению целых деревень. В апреле 1943 г. в отместку за гибель двух эсэсовцев в стычке с норвежскими патриотами был уничтожен поселок Телавог, его мужское население отправлено в концлагерь или уничтожено, а женщины и дети высланы в другие районы[1]. Подобная же расправа была проведена на Лофонтеновых островах, а также в отношении населенных пунктов Мадьяват и Буланде.

В Голландии 1 октября 1944 г. в ответ на покушение на офицера вермахта была сравнена с землей деревня Пюттен, 7 ее жителей расстреляны на месте, 660 человек отправлены в концлагерь Нейенгамме, из них лишь 115 вернулись после войны домой. Во время Арденского наступления танкисты одной из дивизий вермахта уничтожили 140 мирных жителей, в том числе 36 женщин и 140 детей. 10 июня 1944 г. немецкие фашисты уничтожили французский городок Орадур-сюр-Глан, где были заживо сожжены и убиты 639 его жителей, в том числе 210 женщин и 250 детей[2]. Аналогичная судьба постигла селения Майе, Тулле. Дотла были разрушены деревни Сан-Низье, город Сан-Дье, взорван старый портовый район Марселя, уничтожены курорты на Атлантическом и Средиземноморском побережьях, в частности г. Санари.

В Италии были уничтожены селения и расстреляны многие жители, в частности в Чивителла-Валькьяно — 205 человек, в Сант Анна-ди-Стацедена — 560 человек и т. д[3].

Одной из важнейших задач оккупационных властей была организация тотального разграбления и беспощадной эксплуатации захваченных территорий. В ее выполнении самое активное участие принимали представители монополий, которые развертывали свою деятельность на захваченных территориях сразу же после занятия ее передовыми частями вермахта. Они действовали в составе хозяйственного штаба «Ольденбург» в качестве уполномоченных различных органов министерства вооружения и боеприпасов, в имперском министерстве по делам оккупированных восточных территорий. Совместный грабеж оккупированных территорий еще теснее связал фашистскую верхушку с монополиями.

С особой беспощадностью разграблялась оккупантами личная, общественная и государственная собственность на временно захваченных советских территориях. В «Директиве по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях» («Зеленая папка»), разработанной еще до нападения на СССР, указывалось: «Обеспечение возможности получения максимального количества продо-

---

[1] Riste O., Nöleby B. Norvay, 1940—1945; The Resistence Movement Oslo, 1970., p. 52.
[2] Przybylski P., Busse H. Mörder von Oradur. B., 1984.
[3] IMT, vol. 35, p. 1—2.

вольствия и сырой нефти для Германии является главной экономической целью данной кампании». Накануне нападения на СССР 20 июня Розенберг в свою очередь подчеркнул необходимость снабжать германское население продовольствием, вывезенным из России. При этом рейхсминистр цинично указал: «Мы отнюдь не признаем себя обязанными за счет этих плодородных районов кормить также и русский народ. Мы знаем, что это жестокая необходимость, выходящая за пределы всяких чувств. Несомненно, будет необходима весьма широкая эвакуация, и русским, определенно, предстоит пережить очень тяжелые годы».

Свои планы гитлеровцы претворяли в жизнь настойчиво и жестоко. Продовольствие, скот, сырье, готовая продукция, оборудование заводов и предприятий, личное имущество граждан — все захватывалось и вывозилось в Германию. Население подвергалось нещадной эксплуатации: рабочий день продолжался 14 — 16 час. в сутки, уклонявшихся от работы бросали в тюрьмы или отправляли на виселицу. 15 февраля 1942 г. вступил в действие «новый аграрный порядок», по которому вся земля объявлялась собственностью рейха. Создавались «общинные хозяйства» с крепостническим укладом жизни, весь собранный урожай передавался оккупационным властям. Тысячи немецких колонистов заняли лучшие земли в Прибалтике, на Украине и в других областях. Захватчики разорили 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов, 2790 машинно-тракторных станций, отобрали 7 млн. лошадей, 17 млн. голов крупного рогатого скота, 20 млн. голов свиней, 27 млн. овец и коз, 110 млн. шт. домашней птицы». Общий прямой ущерб, причиненный народному хозяйству СССР и отдельным его гражданам, составил 679 млрд. рублей в ценах 1941 г.[1].

Материальный ущерб Польше в годы оккупации также составил огромную сумму — 50 млрд. долларов по довоенному курсу. В стране было захвачено или уничтожено около 30% личной собственности и свыше 38% национального достояния[2].

Ущерб, нанесенный гитлеровцами чехословацкому народному хозяйству, составил 700 млрд. чешских крон. В результате ограбления Греции ее население в течение нескольких лет жило на грани голодной смерти. Из 6500 греческих деревень 1600 были полностью или частично разрушены[3]. Тяжело пострадали промышленность и сельское хозяйство Югославии.

В оккупированных странах Западной и Северной Европы, в которых нацистская клика проводила курс на «эконо-

---

[1] Преступные цели — преступные средства. С. 364—365.

[2] Носкова А. Разорение экономики Польши гитлеровской Германией 1939—1944 (Территория генерал-губернаторства). М., 1971. С. 203, 226.

[3] Нюрнбергский процесс. В 3-х томах, М., «Юридическая литература», 1966. Т. 2. С. 90, 92.

мическую интеграцию», эксплуатация промышленного потенциала и природных богатств носила более завуалированные формы, нежели в Восточной и Юго-Восточной Европе. Насильственные методы (захват отдельных промышленных предприятий, запасов и источников сырья, реквизиции, непомерно высокие оккупационные платежи, подрыв денежного обращения, введение нормированного питания, обеспечивавшего полуголодное существование местного населения и позволявшего вывозить основную часть продовольствия в рейх) сочетались с курсом на создание смешанных предприятий с участием германских и местных монополий, на более тесное сотрудничество с крупным капиталом, землевладельцами и промышленниками стран этого региона. Благодаря поддержке со стороны коллаборационистов захватчики смогли использовать в своих агрессивных целях промышленный потенциал Франции, Бельгии, Дании, Голландии, Норвегии, Люксембурга, Чехии. Только в 1942 г. эти страны поставили вермахту артиллерийско-стрелкового вооружения, боеприпасов, автомашин, судов и др. на сумму свыше 4 млрд. марок, что составило почти четверть всего военного производства рейха. В целом же с июля 1950 г. по сентябрь 1944 г. фашистские захватчики выкачали из оккупированных стран, включая долги по клирингу, материальные ценности на сумму в 124,6 млрд. марок[1].

Особо пристальное внимание уделило обвинение на Нюрнбергском процессе разграблению и разрушению произведений искусства и культуры фашистскими варварами. Представленные трибуналу документы и свидетельства очевидцев убедительно показали, что захват и вывоз в рейх в огромных масштабах культурных ценностей имел своей целью не только пополнение германских музеев, библиотек, личных коллекций Гитлера, Гиммлера, Розенберга и других фашистских боссов, но прежде всего подрыв культуры и национального самосознания народов. Духовная деградация, искусственно созданная «интеллектуальная пустыня» по расчетам нацистов должны были облегчить господство германского империализма над покоренной Европой.

В соответствии с приказом Гитлера от 17 сентября 1940 г. был создан «эйнзатцштаб Розенберга», которому было поручено вывозить из оккупированных территорий произведения искусства, антикварную мебель, рукописи, редкие книги и т. д. Штаб имел право обыскивать библиотеки, музеи, частные дома и в первую очередь конфисковывать собрания коллекционеров евреев. Гитлеровцы разграбили музеи Нанта, Нанси, Старого Марселя, захватили собрания Ротшильда, Кана, Зейлигмана и др., вывезли в

---

[1] Militärgeschichte, 1973, № 2. S. 140—151.

рейх полотна великих голландских художников из нидерландских государственных и частных собраний, из Италии — произведения античного искусства, полотна мастеров эпохи Возрождения. Всего же с 1940 по 1944 г. из западных стран было вывезено свыше 20 тыс. произведений искусства и антикварных изделий огромной ценности[1].

Повсеместные грабежи и разрушения производились оккупантами по прямому приказу германского правительства на временно захваченных территориях СССР. Было разрушено и разграблено 427 музеев, среди них богатейшие музеи Ленинграда и его пригородов, Смоленска, Сталинграда, Новгорода, Полтавы, Пятигорска, Киева. Оккупанты разрушили такие святые для советских людей памятники, как усадьба Пушкина в Михайловском, Святогорский монастырь, усадьбу и музей Льва Толстого в Ясной Поляне, музей Чайковского в Клину, Чехова в Таганроге и многие другие. Они разрушили, сожгли и осквернили на территории СССР 1670 церквей, в том числе знаменитый Успенский собор Киево-Печерской лавры XI века, древние храмы Новгорода, Чернигова, Пскова, Смоленска и многих других городов. Эйнзатцштаб Розенберга, специальный батальон Риббентропа, имперские комиссары и военные власти захватывали бесценные сокровища и вывозили их в рейх. Многие полотна, произведения декоративного искусства, в том числе «янтарная комната», древние рукописи и книги исчезли бесследно. Погибли и произведения древней архитектуры и живописи, многие научные лаборатории, коллекции, имевшие огромную научную ценность. Немецко-фашистские захватчики уничтожили на территории СССР 40 тыс. больниц, 84 тыс. школ, техникумов, высших учебных заведений, научно-исследовательских институтов, 43 тыс. библиотек.

На территории СССР нацисты уничтожили или сильно разрушили 1710 городов и более 70 тыс. деревень и населенных пунктов, более 6 млн. зданий, оставив без крова 25 млн. человек[2]*. Обвинение представило суду документы, свидетельствовавшие о намерении гитлеровцев сравнять с землей и уничтожить население таких городов, как Москва и Ленинград. Нацистские преступники планировали также полностью разрушить столицы: Польши — Варшаву, Югославии — Белград. Были подвергнуты разрушению многие города и населенные пункты Чехословакии и Греции.*

От варварской бомбардировки, произведенной уже после согласия капитулировать, чрезвычайно пострадал Роттердам. Незадолго до своего полного поражения гитлеровцы разрушили плотины и затопили огромные территории в Голландии, даже не предупредив в должное время население. Как уже указывалось выше, разрушению под-

---

[1] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в 7-ми томах. М., «Юридическая литература», 1957—1961. Т. 1. С. 131.

[2] Преступные цели — преступные средства. С. 324—325.

вергли́сь многие населенные пункты во Франции, Норвегии, Голландии, Италии и других странах.

Неисчислимы преступления гитлеровцев, связанные с угоном миллионов людей на принудительный труд в Германию. Рабочая сила была одним из самых уязвимых участков в экономической и военной системе рейха. Особую остроту она приобрела после провала «блицкрига» на Восточном фронте. Огромные материальные и людские потери, которые нес вермахт в боях с Красной Армией, побуждали гитлеровское руководство забирать в армию часть квалифицированных промышленных и сельскохозяйственных рабочих и одновременно требовали расширения производства вооружения, что было невозможно без дополнительных ресурсов рабочей силы. На первых порах, когда в оккупированных странах еще имелись большие запасы сырья, оккупанты старались задействовать местную рабочую силу на производствах, в продукции которых нуждался рейх. Так, в 1942 г. на территории своих стран работало на Германию 3 млн. 300 тыс. рабочих, в том числе 300 тыс. в Норвегии, 249 тыс. в Голландии, 650 тыс. во Франции[1]. Однако с начала 1942 г. начал осуществляться принудительный вывоз рабочей силы в Германию. Для руководства этой деятельностью было создано в марте 1942 г. ведомство генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, во главе которого встал Заукель. В сентябре этого года был издан декрет Гитлера, предписывавший принимать любые действия для обеспечения рабочей силой германской военной промышленности[2]. В массовом порядке на принудительные работы в Германию стали отправляться не только безработные, но и квалифицированные рабочие. На людей устраивали облавы, задержанных помещали в специальные лагеря, а затем под стражей, в вагонах для скота, без пищи транспортировали на фашистскую каторгу в Германию. 4 января 1944 г. Гитлер поставил перед своими приближенными задачу обеспечить рейху еще 4 млн. рабочих с оккупированных территорий. Угнанные в Германию рабочие вынуждены были жить в тяжелейших условиях. Скученность в бараках, антисанитария, полуголодное существование, изнуряющий труд, неограниченный рабочий день, суровые наказания, террор гестапо являлись постоянными факторами их жизни. 20 апреля 1942 г. Заукель лично распорядился, чтобы все иностранные рабочие получали такую пищу и такое жилье, которое давало бы возможность эксплуатировать их с максимальной пользой при минимальных затратах[3]. Рабочие, у которых вследствие болезней, истощения и истязаний производительность труда становилась низкой, списывались со счетов — их передавали в концлагеря для уничтожения.

---

[1] Нюрнбергский процесс в 7-ми томах. Т. 1. С. 424.
[2] IMT, vol. 25, p. 150—151, 158—159; vol. 29, p. 93—94.
[3] IMT, vol. 5, p. 394; vol. 29, p. 95.

На принудительные работы в Германию были депортированы 875,9 тыс. рабочих и 987,7 тыс. военнопленных и узников концлагерей из Франции, 500 тыс. рабочих из Бельгии, 300 тыс. из Норвегии, 70 тыс. из Дании, 500 тыс. из Голландии[1]. *Из Советского Союза германские оккупационные власти отправили на каторжные работы в Германию 4978 тыс. советских граждан. На совещании в Берлине 7 ноября 1941 г. Геринг дал указание своим подчиненным в максимальных размерах использовать советских людей на принудительных работах. Его указания были официально оформлены в секретном циркуляре хозяйственного штаба германского командования на Востоке от 4 декабря 1941 г. В них предписывалось использовать советских людей на самых тяжелых работах. «При применении мер поддержания порядка, — указывалось в этом документе, — решающим соображением является быстрота и строгость. Должны применяться лишь следующие разновидности наказания, без промежуточных ступеней: лишение питания и смертная казнь решением военно-полевого суда».*

Всего же за годы войны, по данным историков ГДР, на фашистскую каторгу были загнаны 14 млн. человек. В 1944 же году в Германии были заняты 9 млн. иностранцев, из них 6 млн. гражданских рабочих, 2 млн. военнопленных, 0,5 млн. узников концлагерей[2].

Массовые депортации наиболее дееспособной части населения были призваны не только восполнить дефицит рабочей силы в Германии, но и ослабить движение Сопротивления и партизанскую борьбу, а также биологически ослабить народы оккупированных стран. Об этом свидетельствуют и записи нацистских боссов. Так, в январе 1940 г. Франк записал в своем дневнике: «Дешевые рабочие должны вывозиться из генерал-губернаторства сотнями тысяч. Это предотвратит биологическое размножение польского народа». Германия осуществляла эту политику в Польше столь усиленно, что к концу войны треть ее населения была убита, а вся страна — опустошена. Неисчислимые беды принес «новый порядок» и другим народам Европы.

В настоящем томе сборника материалов «Нюрнбергский процесс» публикуются речи обвинителей, протоколы допросов свидетелей обвинения и документы, относящиеся к III разделу обвинительного заключения — «Военные преступления». Они сгруппированы в основном в соответствии с подпунктами этого раздела — Убийства военнопленных и жестокое обращение с ними. Разграбление и разрушение общественной, государственной и частной со-

---

[1] IMT, vol. 5, p. 505, vol. 26, p. 562, vol. 27, p. 544; Jackel E. Frankrich in Hitlers Europa. Stuttgart, 1966. S. 223.

[2] Дюбиж К. Айххольтц Д. Использование принудительного труда иностранных рабочих в Германии во время второй мировой войны. Доклад на XIII международном конгрессе исторических наук. М., 1970. С. 13.

бственности. Разрушение и разграбление культурных и научных ценностей. Угон в фашистское рабство мирного населения и применение принудительного труда на оккупированной территории. Все речи приведены почти полностью. Как и в предыдущих томах, отточиями отмечены те опущенные в стенограмме судебного процесса места, где происходил обмен репликами между судьями, защитниками и обвинителями по процедурным вопросам, а также части текстов, не вошедшие в настоящий том ввиду ограниченного объема издания. Заголовки документов составлены нами. Текст их, как правило, публикуется полностью, в ином случае это оговаривается в заголовке, пропущенные места — отточиями в тексте. Многие документы в переводе на русский язык публикуются впервые. Документальные материалы настоящего издания сверялись с оригиналами на английском и немецком языках заново. Этим объясняется частичное разночтение текстов документов и их отрывков, цитируемых обвинителями, а также тех же документов, но опубликованных ранее.

В настоящий том не включены показания свидетелей обвинения о расстрелах в Катынском лесу. Эти лица были вызваны лишь на стадии предъявления доказательств защиты, когда по требованию адвоката Штамера Трибунал разрешил пригласить трех свидетелей защите и столько же — обвинению. Очевидно, что целесообразнее поместить их вместе в соответствующем томе.

Поскольку в выступлении Ю. В. Покровского излагается версия комиссии Н. Н. Бурденко относительно катынской драмы, видимо, следует сказать, что обнаруженные нами в Центральном государственном архиве Советской армии и Центральном государственном архиве документы двух управлений НКВД СССР — конвойных войск и по делам о военнопленных — доказали ее несостоятельность. Из архивных документов явствует, что в сентябре 1939 г. были взяты в плен 126 тысяч польских военнослужащих, из них 42.4 тыс. уроженцев Западной Белоруссии и Западной Украины распущены по домам, 43 тыс. жителей центральных областей Польши переданы немцам, 25 тыс. человек вступили в 1941 г. в армию Андерса. Однако 15 тыс. офицеров и полицейских, сосредоточенных в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях, среди этих групп людей не оказалось. В 1943 г. 4200 человек из Козельского лагеря были обнаружены в катынских могилах. Сегодня архивные документы позволяют буквально по дням восстановить судьбу этих людей[1], хотя целый ряд моментов еще требует уточнения (прежде всего — где находятся могилы 10 тыс. человек из двух других спецлагерей). По директиве Берии от 8 октября 1939 г. в лагерях была создана сеть провокаторов, проводился сбор оперативной информации о военнопленных. Присланные в Козельск, Старобельск и Осташ-

---

[1] См. подробнее: Международная жизнь. 1990. № 5. С. 112.

ков бригады сотрудников центрального аппарата НКВД еще в ноябре 1939 — феврале 1940 гг. оформляли следственные дела на каждого из военнопленных для представления на Особое совещание НКВД СССР — верховный орган внесудебной расправы сталинского тоталитарного режима. Те, кто был осужден этим ОСО, передавался в распоряжение УНКВД, те кто в списках осужденных не значился — отправлялись в Юхновский лагерь, откуда спустя месяц были перевезены в Грязовец. «Операция по разгрузке» трех спецлагерей началась в первых числах апреля и в основном завершилась к 12 мая 1940 г. В соответствии со справкой начальника Управления НКВД по делам о военнопленных СУПВИ П. К. Сопруненко из Осташковского лагеря было отправлено в УНКВД по Калининской области 6287 человек, в Юхновский лагерь — 112, из Козельского лагеря в УКВД по Смоленской области — 4404 человека, в Юхновский лагерь — 205 человек; из Старобельского лагеря в УНКВД по Харьковской области — 3891 человек, в Юхнов — 78. «Всего отправлено, — подводил итог Сопруненко, — 1)УНКВД 14 587 чел., 2) в Юхновский лагерь 395 чел.»[1] В последующих справках УПВИ они продолжают значиться как переданные УНКВД, но не фигурируют как заключенные какого-либо из лагерей для военнопленных или ГУЛАГа, в то время как переведенные из Донбасса и Кривого Рога 8 тыс. военнопленных в Северный железнодорожный лагерь ГУЛАГа значатся во всех сводках. Учетные дела и переписка отданных на распоряжение УНКВД были уничтожены, в то время как аналогичные документы направленных в Юхнов сохранены. Не фигурировали эти 14,5 тысяч человек и в сводках об эвакуации военнопленных. Из последних также явствует, что ни одна партия польских военнопленных в руки немцев не попала. Не упоминаются в документах и лагеря под Смоленском — ОН-1, ОН-2 и ОН-3, в которых якобы в начале войны содержались польские офицеры, занятые на дорожных работах. Выявленные архивные материалы в своей совокупности позволяют сделать вывод о непосредственной ответственности за злодеяния в отношении польских офицеров НКВД и персонально Берии, Меркулова и их подручных[2]. Не мог не знать об этом и сам Сталин.

Н. С. Лебедева,
кандидат исторических наук.

---

[1] ЦГА СССР. Фонд Управления НКВД СССР по делам о военнопленных.

[2] Заявление ТАСС. — Известия, 13 апреля 1990 г.

Убийство и жестокое обращение с военнопленными

Выступление заместителя Главного обвинителя от СССР Ю. В. ПОКРОВСКОГО[1]

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 13 и 14 февраля 1946 г.

Господа судьи, сегодня моей задачей является представление материалов по разделу обвинения «Преступное попрание законов и обычаев войны об обращении с военнопленными».

Перед тем как приступить к представлению доказательств тягчайшей вины подсудимых в этих преступлениях, я считаю необходимым сделать несколько кратких замечаний.

Еще в конце прошлого века постановлением Гаагской Конвенции 1899 года были установлены нормы, регулирующие права и обязанности воюющих сторон по отношению к военнопленным.

Руководствуясь постановлениями этой Конвенции 1899 года, ряд государств разработали необходимые инструкции об обращении с военнопленными. В одной из них говорится:

«Исключительной целью военного плена является воспрепятствование дальнейшему участию пленных в войне.

Государство может делать все, что окажется необходимым для удержания за собой пленных, но не более...

Военнопленные могут привлекатся к умеренной работе, соответствующей их общественному положению. Во всяком случае, она не должна быть вредна для здоровья и не должна носить унизительного характера. Она не должна также непосредственно служить военным операциям против родины пленных.

Хотя военнопленные теряют свою свободу, но не теряют своих прав. Другими словами, военный плен не есть более акт милосердия со стороны победителя — это право обезоруженного».

Может быть, Вас удивит, когда я скажу, что цитировал я указания германского генерального штаба, содержащиеся в 18-й тетради циркуляров германского генерального штаба, изданных в 1902 году.

В дальнейшем принцип гуманного отношения к пленным и раненым военным был развит Гаагской Конвенцией 1907 года и Женевской Конвенцией 1929 года.

Присоединение Германии к этим Конвенциям нашло определенное отражение в германском законе о судоустройстве и судопроизводстве в военных судах во время

[1] ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 1, ед. хран. 24.

войны. Я имею в виду, в частности, германский закон от 17 августа 1938 г. (раздел «Е», № 73 и 75), в котором содержатся прямые ссылки на Конвенцию 1929 года. Это было тогда, когда гитлеровская Германия уже начала реализацию своих агрессивных планов.

Я хочу напомнить, что статья 23 Гаагской Конвенции 1907 года гласит:

«...Воспрещается: ...в) убивать или ранить неприятеля, который, положив оружие или не имея более средств защищаться, безусловно сдался».

Нельзя сказать, чтобы краткий свод законов войны, который был выработан в Гааге и Женеве, охватывал весь комплекс вопросов, связанных с законами войны. Поэтому авторы Гаагской Конвенции сделали специальную оговорку, и я позволю себе процитировать этот отрывок:

«Впредь до того времени, когда представится возможность издать более полный свод законов войны, Высокие Договаривающиеся Стороны (а я позволю напомнить Трибуналу, что среди этих договаривающихся сторон была Германия) считают уместным засвидетельствовать, что в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между цивилизованными народами обычаев, законов человечности и требований общественного сознания».

Мне хотелось бы подчеркнуть, что в приложении к Конвенции 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны в статье 4 главы 2 о военнопленных прямо сказано:

«Военнопленные находятся во власти неприятельского правительства, а не отдельных лиц или отрядов, взявших их в плен.

С ними надлежит обращаться человеколюбиво.

Все, что принадлежит им лично, за исключением оружия, лошадей и военных бумаг, остается их собственностью».

Таким образом, можно считать установленным, что правительства ряда стран, в том числе и Германии, безоговорочно признали свою обязанность обеспечить такой порядок, при котором военнопленные не должны страдать от произвола со стороны отдельных лиц, входящих в состав вооруженных сил того или иного государства.

Естественно будет сделать вывод, что ответственность за нарушение этого обязательства, за каждый случай преступления против военнопленного, а тем более за систему преступлений против человеческого достоинства, личности, здоровья и жизни военнопленных лежит на правительстве страны, подписавшей Конвенцию.

Как будет доказано бесспорными документами, торжественные обязательства Германии об отношении к военнопленным оказались беспримерно циничным издевательст-

вом над понятиями о договорах, о праве, о культуре и человечности.

Я представляю Суду ноту Народного комиссара иностранных дел СССР от 25 ноября 1941 г. о возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных (под номером СССР-51) и оглашаю некоторые выдержки из этой ноты:

«Советское правительство располагает многочисленными фактами, свидетельствующими о систематических зверствах и расправах, чинимых германскими властями над пленными красноармейцами и командирами Красной Армии. За последнее время эти факты стали особенно многочисленны и приняли особенно вопиющий характер, разоблачая тем самым еще раз германскую военщину и германское правительство как банду насильников, не считающихся ни с какими нормами международного права, ни с какими законами человеческой морали.

Советским военным командованием установлены многочисленные факты, когда захваченные в плен, большей частью раненые, красноармейцы подвергаются со стороны германского военного командования и германских воинских частей зверским пыткам, истязаниям и убийствам. Пленных красноармейцев пытают раскаленным железом, выкалывают им глаза, вспарывают животы, привязывают к танкам и разрывают на части. Подобного рода изуверства и позорные преступления фашистско-германские офицеры и солдаты совершают на всем протяжении фронта, всюду, где они только появляются и где в их руки попадают бойцы и командиры Красной Армии.

Так, например, в Украинской ССР на острове Хортица, на Днепре, после ухода немецких частей, выбитых Красной Армией, были найдены трупы пленных красноармейцев, замученных немцами. Пленным отрезали руки, выкалывали глаза, вспарывали животы. На юго-западном направлении у деревни Репки на Украине после отступления немцев с занятой ими позиции были обнаружены трупы командира батальона Боброва, политрука Пятигорского и двух бойцов, руки и ноги которых были пригвождены к кольям, а на телах чернели пятиконечные звезды, вырезанные раскаленными ножами. Лица погибших были изрезаны и обожжены. Тут же, неподалеку, был найден еще один труп красноармейца, накануне попавшего к немцам в плен, с обгоревшими ногами, с отрезанными ушами. При взятии нашими частями деревни Холмы (Северо-Западный фронт) были обнаружены изуродованные трупы красноармейцев, причем один из них был сожжен на костре. Это был красноармеец Осипов Андрей из Казахской ССР. На станции Грейгово (Украинская ССР) немецкие части захватили в плен небольшую группу красноармейцев и несколько дней не давали им никакой пищи и воды. Нескольким пленным отрезали уши, выкололи глаза, отрубили руки, а затем закололи их штыками. В июле с. г. у железнодорожной

станции Шумилино немцы захватили в плен группу тяжело раненных красноармейцев и тут же их добили. В том же месяце в районе города Борисова Белорусской ССР, захватив в плен 70 тяжело раненных красноармейцев, гитлеровцы всех их отравили мышьяком. В августе месяце под местечком Заболотье немцы захватили на поле боя 17 тяжело раненных красноармейцев. Три дня им не давали пищи. Затем все семнадцать истекавших кровью пленных красноармейцев были привязаны к телеграфным столбам, в результате чего трое пленных красноармейцев скончались, остальные 14 были спасены от верной смерти подоспевшим советским танковым подразделением старшего лейтенанта Рыбина. В деревне Лагутино, в районе Брянска, немцы привязали к двум танкам раненого красноармейца и разорвали его на части. В одном из пунктов, западнее Брянска, недалеко от колхоза «Красный Октябрь» было найдено 11 обгоревших трупов бойцов и командиров Красной Армии, захваченных фашистами. На руках и на спине одного из красноармейцев остались следы пыток раскаленным железом.

Зарегистрирован ряд случаев, когда по приказу германского командования пленных красноармейцев во время атак гонят под угрозой расстрела впереди своих наступающих колонн. Такие случаи, в частности, зарегистрированы в районе совхоза «Выборы» Ленинградской области, в районе Ельни Смоленской области, в Гомельской области Белорусской ССР, в Полтавской области Украинской ССР и в ряде других мест.

Возмутительным издевательствам, пыткам и зверским истязаниям систематически подвергаются раненые и больные красноармейцы, находящиеся в госпиталях, попавших в руки германских захватчиков. Имеется бесконечное количество фактов, когда беззащитных и раненых красноармейцев, находящихся в лазаретах, фашистские изуверы закалывают и расстреливают на месте. Так, в М. Рудня Смоленской области фашистско-германские части захватили советский полевой госпиталь и расстреляли раненых красноармейцев, санитаров и санитарок. Здесь погибли раненые бойцы Шаламов, Азимов, лейтенант Дилеев, санитарка — семнадцатилетняя Варя Бойко и др. Известны многочисленные факты насилия и надругательства над женской честью, когда в руки гитлеровских захватчиков попадают медицинские сестры и санитарки».

В этой же ноте приводится еще значительное количество таких фактов, и вслед за этим там говорится:

«Среди солдат и офицеров гитлеровской армии процветает мародерство. С наступлением зимних холодов мародерство стало принимать массовый характер, причем гитлеровские разбойники в погоне за теплыми вещами не считаются ни с чем. Они не только сдирают теплую одежду и обувь с убитых советских бойцов, но снимают буквально все теплые вещи — валенки, сапоги, носки, фуфайки, те-

логрейки, ушанки — с раненых бойцов, раздевая их догола и напяливая на себя все, включая до теплых женских вещей, снятых с раненых и убитых медицинских сестер.

Пленных красноармейцев морят голодом, по неделям оставляя без пищи или выдавая ничтожные порции гнилого хлеба или гнилой картошки. Не давая советским военнопленным пищи, гитлеровцы заставляют их рыться в помойках и разыскивать там остатки пищи, выброшенные германскими солдатами, или, как это имело место в ряде лагерей, в том числе в лагере м. Корма Белорусской ССР, бросают советским военнопленным за колючую проволоку трупы дохлых лошадей. В Витебском лагере в Белоруссии пленные красноармейцы 4 месяца почти не получали пищи. Когда группа пленных красноармейцев подала немецкому командованию письменное заявление с просьбой выдать им пищу для поддержания жизни, немецкий офицер спросил — кто писал это заявление, — и пять человек красноармейцев, подтвердивших, что это писали они, тут же были расстреляны.

Аналогичные факты вопиющего произвола и зверств наблюдаются и в других лагерях (Шитьковский, Демьяновский и др.).

Стремясь к массовому истреблению советских военнопленных, германские власти и германское правительство установили в лагерях для советских военнопленных зверский режим. Германским верховным командованием и министерством продовольствия и земледелия издано постановление, которым для советских военнопленных установлено питание, худшее, чем для военнопленных других стран, как в отношении качества, так и в отношении количества подлежащих выдаче продуктов. Установленные этим постановлением нормы питания... обрекают советских военнопленных на мучительную голодную смерть. Бесчеловечно жестоко проводя в жизнь свой позорный и явно беззаконный режим содержания советских военнопленных, германское правительство, однако, всячески старается скрыть от общественного мнения изданные по этому вопросу германским правительством постановления. Так, на соответствующий запрос Советского правительства Шведское правительство сообщило, что опубликованные в европейской и американской печати сведения о вышеупомянутом постановлении германского правительства соответствуют действительности, но текст этого постановления не опубликован и поэтому недоступен».

То, что было недоступным для Шведского правительства осенью 1941 года, стало доступным сейчас для Международного военного трибунала.

Мне кажется особо важным то обстоятельство, что эти документы шли по двум каналам: по линии верховного командования и по линии фашистской партии. Таким образом, умерщвление голодом советских воинов, оказавшихся в германском плену, было запланировано и осуществлено

и верховным командованием германской армии, и гитлеровской партией.

Я предъявляю Суду эти недоступные когда-то документы под номером Д-225 как тяжкий груз на чашу весов обвинения:

«Главное командование сухопутными силами. Начальник управления вооружения сухопутных сил и командующий армией резерва.

Берлин, 6 августа 1941 г.

Касательно: снабжения советских военнопленных.

Советский Союз не присоединился к соглашению относительно обращения с военнопленными. Вследствие этого мы не обязаны обеспечивать советских военнопленных снабжением, которое соответствовало бы этому соглашению как по количеству, так и по качеству.

Учитывая общее положение со снабжением, устанавливаются следующие нормы для советских военнопленных, достаточные по врачебному заключению.

Нормы снабжения в лагере военнопленных (для используемых на работах) от 6 июля 1941 г.:

Хлеб	6 кг
Мясо	400 г
Жиры	440 г
Сахар	600 г

Нормы для используемых на особых работах:

Хлеб	9 кг
Мясо	600 г
Жиры	520 г
Сахар	900 г»

Аналогичное предписание, озаглавленное «Снабжение русских военнопленных», было разослано как секретное канцелярией нацистской партии 17 декабря 1941 г.

Я оглашаю из этой партийной директивы только одну выдержку:

«Открытое обсуждение вопроса относительно питания военнопленных устно или в печати исключается, учитывая возможность вражеской агитации».

Авторы документа далее специально подчеркивают, что не следует опасаться сколько-нибудь значительного ухудшения питания «нашего германского народа». Намек, как мне кажется, в достаточной степени ясный. Документ послан главному командованию сухопутными силами, командованию военных округов, военным властям в Богемии и Моравии, военным уполномоченным в ряде городов.

Фашистские заговорщики для воинов Красной Армии устанавливали особо заниженные нормы питания. По их собственным расчетам, норма для советских военнопленных по жирам составляла 42 процента, по сахару и хлебу — 66 процентов, по мясу — 0 процентов по сравнению с тем количеством продуктов, которое получали военнопленные из состава других армий, сражавшихся с Германией.

Кроме того, в самой директиве было указано особым примечанием:

«Если снижается норма для несоветских военнопленных, то соответственно снижается норма для советских военнопленных».

Но даже и эти явно голодные нормы, которые не могли поддержать жизнь взрослого человека, существовали чаще всего только на бумаге.

Председатель: *Полковник Покровский, Вы сказали 0 процентов, когда говорили о нормах снабжения мясом, и тут же говорили о 400 граммах и 600 граммах мяса для людей, которые исполняли особую и специальную работу. Как же 400 граммов могут составить 0 процентов? Нет ли здесь несоответствия?*

Покровский: *Вы правы, я назвал те цифры, которые Вы повторили, но противоречия здесь никакого нет. Я как раз и докладываю Суду о том, что существует несколько директив. Причем первая, казалось бы, более благоприятная для советских военнопленных, говорит о количестве мяса в 400 граммов на 28 дней. Следующая, устанавливающая процентное соотношение снабжения советских военнопленных и военнопленных из числа других армий, указывает на 0 процентов.*

Речь идет о том, что если мяса не хватало на всех военнопленных, то советские в этом случае не получали ничего.

Председатель: *Я понимаю. Продолжайте.*

Покровский: *Я предъявляю документ по этому же вопросу под номером СССР-177. Это запись совещания в министерстве снабжения под руководством статс-секретаря Бакке и министериаль-дirигента Морица от 24 ноября 1941 г. в 16 ч. 30 м. В совещании, как сказано в документе, принимали участие представители ведомств, в том числе генерал Рейнеке (Трибунал, вероятно, помнит, что именно Рейнеке возглавлял тот участок работы, который был связан с военнопленными) и министериаль-дирigент Мансфельд. Совещание происходило по вопросу снабжения русских военнопленных и гражданских рабочих. Я цитирую:*

«V. Виды продовольствия.

Попытки изготовить для русских специальный хлеб показали, что наиболее выгодная смесь получается при 50 процентах ржаных отрубей, 20 процентах отжимок сахарной свеклы, 20 процентах целлюлозной муки и 10 процентах муки, изготовленной из соломы или листьев. Обычно употребляемое в пищу мясо животных никогда не удовлетворит в достаточном размере потребности в мясе; поэтому русские должны снабжаться кониной и малопригодным к употреблению мясом, которое сегодня в двойном количестве выдается по карточкам.

При нынешнем состоянии жиротехники больше нет неполноценных жиров, следовательно, русские должны будут получать хорошие столовые жиры».

Трудно пройти спокойно мимо этих издевательских строчек. Русские военнопленные должны были получать в счет своих голодных норм лишь такое малопригодное к употреблению мясо, которое в двойном количестве отпускается по карточкам обычному потребителю, а вместо жиров — какие-то составы, которые становится возможным употреблять в пищу «лишь при нынешнем состоянии жиротехники». И подобный продукт еще именуется «хорошим столовым жиром».

Вторая часть документа озаглавлена: «Нормы». Я ее цитирую:

«Так как данные специалистов имперского министерства здравоохранения и главного военно-санитарного управления относительно необходимой калорийности продуктов сильно расходятся, то окончательное установление норм будет проведено в более узком кругу специалистов в течение недели. Мучной суп в течение семи дней в качестве переходного питания и вопрос о норме для русских, находящихся в настоящее время в немецких лагерях «без работы», разрешаются министерством снабжения». Далее в документе указывается:

«III. Количество русских, которых имперское министерство снабжения может зачислить на продовольственное снабжение».

Я должен отметить, что после этой фразы следует одно слово: «выясняется». Производится выяснение количества русских, которые могут быть зачислены на снабжение.

«На настойчивые вопросы генерала Рейнеке и министериаль-диригента Мансфельда статс-секретарь Бакке не дал никакого обязывающего ответа».

На документе сделана пометка карандашом: «Просьба точно выяснить дело, так как статс-секретарь Бакке, видимо, начинает терять норму».

В этой надписи, как мне кажется, ясно отразились те споры, которые шли по вопросу об установлении норм.

Здесь не случайно сказано о том, что данные специалистов имперского министерства здравоохранения и главного военно-санитарного управления относительно необходимой калорийности сильно расходятся.

Трибунал помнит показания свидетеля Блаха, который, отвечая на мои вопросы, показал Суду, что почти все умершие от истощения военнопленные в лагере Дахау были военнослужащими Красной Армии. Я докажу, что лагерь Дахау в этом отношении не являлся исключением.

27 апреля 1942 г. Народный комиссар иностранных дел СССР вынужден был обратиться с новой нотой:

«...В распоряжении Советского правительства имеются сейчас многие сотни новых документальных подтверждений кровавых преступлений в отношении советских военнопленных, о которых говорилось в ноте Правительства СССР от 25 ноября 1941 г. Непреложно установлено, что германское командование, желая мстить за поражение

своей армии в последние месяцы, ввело повсеместную практику физического уничтожения советских военнопленных.

На всем протяжении фронта, от Арктики до Черного моря, обнаружены трупы замученных советских военнопленных. Почти во всех случаях эти трупы носят следы страшных пыток, предшествовавших убийству. Части Красной Армии обнаруживают в отбиваемых ими у немцев блиндажах, дерево-земляных точках, а также в населенных пунктах трупы убитых после зверских пыток советских военнопленных. Все чаще повторяются такого рода факты, зафиксированные в актах, подписанных очевидцами: 2 и 6 марта 1942 г. на Крымском фронте в районе высоты 66,3 и деревни Джантора были найдены 9 трупов военнопленных красноармейцев, настолько зверски истерзанных фашистами, что опознать удалось лишь два трупа. У замученных военнопленных были выдернуты ногти на пальцах, выколоты глаза, у одного трупа была вырезана вся правая часть груди, у других — обнаружены следы пыток огнем, многочисленные ножевые раны, разбитые челюсти. В Феодосии были найдены десятки трупов замученных красноармейцев-азербайджанцев. Среди них: Джафаров Исмани-Заде, которому гитлеровцы выкололи глаза и отрезали уши, Алибеков Кули-Заде, которому гитлеровцы вывернули руки, а затем закололи штыком, ефрейтор Ислам-Мамед Али оглы, которому гитлеровцы вспороли живот, Аскеров Мустафа оглы, привязанный проволокой к столбу и умерший от ран в этом положении».

И далее в этой же ноте сказано:

«В деревне Красноперово Смоленской области наступающими частями Красной Армии найдено 29 раздетых трупов пленных красноармейцев и командиров без единой огнестрельной раны. Все пленные убиты ножевыми ударами. В том же районе, в деревне Бабаево, гитлеровцы поставили у стога сена 58 пленных красноармейцев и двух девушек-санитарок и подожгли стог. Когда обреченные на сожжение люди пытались бежать из огня, немцы их перестреляли. В деревне Кулешовка немцы, захватив 16 тяжело раненных бойцов и командиров, раздели пленных, сорвали с их ран повязки, морили их голодом, кололи штыками, ломали руки, раздирали раны, подвергали иным пыткам, после чего оставшихся в живых заперли в избе и сожгли.

В деревне Стренево Калининской области немцы заперли в здании школы 50 пленных раненых красноармейцев и сожгли их. В городе Волоколамске оккупанты запретили красноармейцам, запертым на 5 этаже дома № 3/6 по Пролетарской улице, выходить из этого дома, когда в нем возник пожар. Пытавшихся выйти или выброситься из окон расстреливали. В огне погибли и расстреляны 60 пленных. В деревне Поповка Тульской области немцы, загнав в сарай 140 пленных красноармейцев, подожгли их. В огне погибло

95 человек. В шести километрах от станции Погостье Ленинградской области немцы, отступая под натиском частей Красной Армии, расстреляли разрывными пулями после страшных побоев и зверских пыток свыше 150 советских военнопленных. У большинства трупов отрезаны уши, выколоты глаза, обрублены пальцы, у некоторых отрублены одна или обе руки, вырваны языки. На спинах трех красноармейцев вырезаны звезды. Незадолго до освобождения города Кондрово Смоленской области частями Красной Армии в декабре 1941 года немцы расстреляли за городом свыше 200 пленных красноармейцев, которых они вели через город раздетыми и разутыми, тут же расстреливая как обессиленных, не могущих продолжать идти дальше красноармейцев, так и тех местных граждан, которые выносили и на ходу бросали пленным куски хлеба».

Стремясь осуществить физическое уничтожение наибольшего числа советских военнопленных, нацистские заговорщики изощрялись, изобретая все новые способы уничтожения людей. В ноте говорится:

«За последнее время установлен ряд новых случаев использования германским командованием советских военнопленных в целях очистки минных полей и других опасных для жизни работ. Так, в районе деревень Большая и Малая Влоя десятки пленных, построенных в сомкнутые ряды, в течение четырех суток гонялись гитлеровцами по заминированному полю. Ежедневно на минах взрывалось несколько пленных. Этот способ убийств военнопленных предусмотрен приказами германского командования. В приказе по 203-му пехотному полку за № 109 сказано: «Командующий группой армий генерал-фельдмаршал Рундштедт приказал, чтобы вне боевых действий, в целях сохранения германской крови, поиски мин и очистку минных полей производить русскими пленными. Это относится также и к германским минам».

Мародерство, о котором упоминалось в первой ноте, не только рассматривается как допустимое явление, но и вменяется в прямую обязанность солдатам германской армии.

В приказе штаба 88-го полка 34-й немецкой пехотной дивизии, озаглавленном «Положение с обмундированием», предлагается: «Не задумываясь, снимать с русских военнопленных обувь».

Что этот приказ не случаен, видно уже из того, что еще до вероломного нападения на СССР германское командование предусматривало использование такого порядка снабжения своих частей.

В делах 234-го пехотного полка 56-й дивизии найден циркуляр под номером 121/4 от 6 июня 1941 г. «О принципах снабжения в восточном пространстве», в котором сказано: «На снабжение одеждой не рассчитывать. Поэтому особенно важно снимать с военнопленных годную обувь и немедленно использовать всю пригодную одежду, белье, носки и т. д.»

В качестве других средств массового уничтожения советских военнопленных они, как указывается в ноте, «...лишаются пищи, обрекаются на медленную голодную смерть, а в некоторых случаях отравляются заведомо недоброкачественной пищей».

В распоряжении советских органов имеется приказ № 202 штаба упомянутого выше 88-го полка, в котором говорится: «Конские трупы будут служить пищей для русских военнопленных. Подобные пункты (свалки конских трупов) отмечаются указателями. Они имеются вдоль шоссе в Мало-Ярославце и в деревнях Романово и Белоусово».

Приказ по 60-й моторизованной дивизии под номером 166/41 прямо требует массового убийства военнопленных. В приказе говорится: «Русские солдаты и младшие командиры очень храбры в бою, даже отдельная маленькая часть всегда принимает атаку. В связи с этим нельзя допускать человеческого отношения к пленным. Уничтожение противника огнем или холодным оружием должно продолжаться вплоть до его полного обезвреживания...»

Инструкция германского командования об обращении с советскими военнопленными под номером 1/3058 содержит следующие наставления: «Против малейших признаков непослушания действовать энергично и прямо, оружием пользоваться беспощадно. Употребление палок, тростей и хлыстов не должно иметь места. Мягкотелость, даже перед послушным и трудолюбивым пленным, доказывает лишь слабость и не должна иметь места...». В наставлении также указывается на необходимость «на работе постоянно сохранять дистанцию к пленным, позволяющую немедленно применить оружие».

Всего этого оказалось недостаточно. Изданный от имени Гитлера, как главнокомандующего, приказ верховного командования германской армии от 14 января 1942 г. гласит (пункт 2):

«Всякое снисхождение, человечность по отношению к военнопленному строго порицаются. Германский солдат всегда должен давать чувствовать пленному свое превосходство. Всякая задержка в применении оружия против пленного — опасна. Главнокомандующий надеется, что данный приказ будет полностью выполняться».

Далее в упомянутой ранее советской ноте говорится:

«Советское правительство продолжает получать достоверную информацию о положении пленных красноармейцев на оккупированных немцами территориях СССР, а также в глубоком германском тылу и в оккупированных Германией европейских странах. Эта информация свидетельствует о дальнейшем ухудшении режима для военнопленных красноармейцев, поставленных в особенно плохие условия по сравнению с военнопленными других стран, о вымирании советских военнопленных от голода и болезней, о режиме подлого издевательства и кровавых жестокостей, которые применяются к красноармейцам гитлеров-

скими властями, давно поправшими самые элементарные требования международного права и человеческой морали».

В ноте особо отмечается, что бесчеловечные зверства и злодеяния, чинимые немецко-фашистскими разбойниками над советскими военнопленными, превосходят злодеяния Чингисхана, Батыя и Мамая.

«Несмотря на все это, — говорится в ноте, — Советское правительство, верное принципам гуманности и уважения к своим международным обязательствам, не намерено даже в данных обстоятельствах применять ответные репрессивные мероприятия в отношении германских военнопленных и по-прежнему придерживается обязательств, принятых на себя Советским Союзом по вопросу о режиме военнопленных по Гаагской Конвенции 1907 года, подписанной также, но столь вероломно нарушенной во всех ее пунктах, Германией».

Я несколько позднее оглашу документ, составленный группой немецких военнопленных. Авторы документа, с одной стороны, дополнили целым рядом новых фактов перечень злодеяний, совершенных заговорщиками в отношении советских военнопленных, и, с другой стороны, подтвердили, что советское командование по отношению к немецким военнопленным придерживалось принципов человечности и гуманности.

Обратимся к свидетельским показаниям.

Бывший начальник генерального штаба ОКХ Франц Гальдер, допрошенный 31 октября 1945 г., показал (я предъявляю Суду под номером СССР-341 выдержку из протокола допроса Гальдера):

«До начала наступления на Россию фюрер созвал совещание всех командующих, имеющих отношение к верховному командованию, по поводу предстоящего наступления на Россию. Дату этого совещания я точно вспомнить не могу. Я не знаю, было ли это до наступления на Югославию или после. На этом совещании фюрер сказал, что в войне против русских должны применяться средства войны не те, что против Запада.

Следователь: Что еще он сказал?

Свидетель: Он сказал, что борьба между Россией и Германией — это борьба между расами. Он сказал, что так как русские не признают Гаагской Конвенции, то и обращение с их военнопленными не должно быть в соответствии с решениями Гаагской Конвенции».

(К микрофону подходит адвокат Нельте[1]).

Нельте: Господин председатель! Генерал Гальдер находится в местной военной тюрьме. Он является для нас важным свидетелем не только на данной стадии процесса, а вообще для всего процесса, как такового. Мне кажется,

[1] Адвокат, на процессе защищал подсудимого Кейтеля.

что для Высокого суда, в соответствии со статьей 21 Устава, как мы ее толкуем, было бы очень важно вызвать свидетеля в суд и опросить его, а не оглашать его письменных показаний. Я прошу суд решить этот вопрос.

Председатель: *Полковник Покровский, хотели бы Вы ответить на вопрос доктора Нельте?*

Покровский: *Показания Гальдера для нас важны только в одном пункте, а именно в том, где он устанавливает факт созыва специального совещания у Гитлера до начала войны, совещания, на котором особо отмечался вопрос об обращении с военнослужащими Красной Армии. Этот же факт находит подтверждение и в других свидетельских показаниях, представляемых нами в качестве доказательств Трибуналу.*

Председатель: *Полковник Покровский! Если свидетель генерал Гальдер находится в Нюрнберге, Вы сможете вызвать его в то время, когда это будет удобно в течение представления Вами доказательств?*

Покровский: *Если разрешит Суд, мы установим, где находится Гальдер, и, если он действительно находится в Нюрнберге, мы примем меры к тому, чтобы он был доставлен в зал судебного заседания.*

Здесь необходимо отметить очередную фашистскую ложь. Гитлер умышленно искажает факты. Общеизвестно, что Советский Союз принял на себя обязательства, вытекающие из Гаагской Конвенции. Даже в уголовном законодательстве Советского Союза права военнопленных взяты под охрану в соответствии с нормами международного права, и за нарушение этих прав виновные отвечают в уголовном порядке. О принятых на себя Советским Союзом обязательствах, вытекающих из Гаагской Конвенции, еще раз упоминается и в ноте Народного комиссара иностранных дел СССР от 27 апреля 1942 г. Она мной только что цитировалась.

После этой справки я продолжаю излагать показания Гальдера относительно выступления Гитлера:

«Затем он сказал, что, учитывая политическое развитие русских войск (в этом месте протокола стоит многоточие), — словом, он сказал, что так называемых комиссаров не следует рассматривать как военнопленных».

Нельзя не отметить, что в связи с высокой политической сознательностью воинов Красной Армии гитлеровцы чуть ли не в каждом военнопленном видели комиссара или коммуниста. Затем в протоколе записан следующий вопрос следователя и ответ на него свидетеля:

Следователь: *Сказал ли фюрер что-нибудь по поводу приказа, который следовало бы отдать в связи с этим вопросом?*

Свидетель: *То, о чем я только что Вам сказал, и было его приказом. Он сказал, что хотел бы, чтобы эта директива выполнялась даже в том случае, если бы в дальнейшем не последовало его письменного приказа об этом».*

В книге документов на Вашем столе, вслед за протоколом допроса Гальдера, Вы найдете выписку из показаний бывшего заместителя начальника штаба оперативного руководства ОКВ генерала Варлимонта от 12 ноября 1945 г. Он дал показание под присягой подполковнику американской армии Хинкелю. Этот документ находился у наших американских коллег. С их любезного согласия наша делегация предъявляет его под номером СССР-263.

Мне кажется, что представители защиты хотят представить еще одно ходатайство, поэтому и уступаю место.

Нельте: *Господин председатель! Относительно генерала Варлимонта имеются те же предпосылки и основания, о которых я только что говорил, касаясь вопроса о генерале Гальдере. Генерал Варлимонт также находится в Нюрнберге и может быть вызван в суд для допроса.*

Председатель: *В чем заключается Ваше ходатайство сейчас?*

Нельте: *Мое ходатайство заключается в том, чтобы не было допущено оглашение показаний свидетеля, которое сейчас хотел начать представитель русского обвинения, а было бы отдано распоряжение, согласно которому свидетель генерал Варлимонт, который находится сейчас в Нюрнберге, был бы вызван для допроса в суд.*

Положение таково: если обвинитель желает вызвать свидетеля, такой свидетель может быть допрошен каждым защитником при перекрестном допросе, и тогда не следует зачитывать его показания. С другой стороны, если обвинитель желает использовать материал допроса, который имеется у него, он может это сделать. Но если свидетеля можно легко доставить сюда, если он находится в Нюрнберге, то свидетель может быть доставлен для перекрестного допроса.

Председатель: *Следовательно, можно использовать показания и вызвать свидетеля. В другом случае, если свидетель здесь, он может быть вызван для перекрестного допроса.*

Нельте: *Оба свидетеля, генерал-полковник Гальдер и генерал Варлимонт, находятся в Нюрнберге. Мы хотели бы подвергнуть их перекрестному допросу как раз в тот момент, когда представитель обвинения закончит оглашение их письменных показаний.*

Председатель: *Я думаю, что Вы можете решить вопрос с обвинителем. Хотите ли Вы провести перекрестный допрос немедленно или через некоторое время? Я считаю, что перекрестный допрос может быть проведен немедленно, может быть, защитники считают, что им нужно некоторое время для подготовки к перекрестному допросу?*

Нельте: *Я охотно поговорю об этом с полковником Покровским.*

Председатель *(обращаясь к Покровскому): Продолжайте, пожалуйста.*

Покровский: *Я позволю себе продолжить с того места, на котором я остановился. Мы предъявляем Трибуналу документ под номером СССР-263, представляющий собой протокол допроса свидетеля Варлимонта, произведенного под присягой подполковником американской армии Хинкелем. Я не собираюсь оглашать полностью все показания. Варлимонт во многом повторяет Гальдера. Важно, что он полностью подтверждает два факта:*

1. Гитлер проводил то совещание, о котором мы узнали из показаний Гальдера.

2. Гитлер еще до войны дал директиву расстреливать советских военнопленных, указав, что для этой цели будут созданы особые группы и за армией последует СД.

Варлимонт далее показал — я цитирую:

«Гитлер затем добавил, что он вовсе не ждет от своих офицеров понимания его приказов. Единственно, что от них требовалось, — это беспрекословное повиновение».

Мы имеем еще одни показания — это показания свидетеля генерал-лейтенанта гитлеровской армии Курта фон Эстеррейха, бывшего начальника отдела по делам военнопленных Данцигского военного округа. Он дал свои показания представителям Красной Армии 29 декабря 1945 г. Его показания представлены Трибуналу под номером СССР-151. Я оглашу отдельные выдержки:

«Моя деятельность на посту начальника отдела по делам военнопленных при штабе Данцигского военного округа началась с 1 февраля 1941 г.

До этого я был командиром 207-й пехотной дивизии, дислоцировавшейся во Франции.

Приблизительно в марте 1941 года я был вызван в Берлин, где в ставке верховного главнокомандующего состоялось секретное совещание. Руководил совещанием генерал-лейтенант Рейнеке, являвшийся начальником управления по делам военнопленных при ставке.

На этом совещании присутствовали свыше 20 человек начальников отделов по делам военнопленных из различных округов, а также офицеры ставки. Фамилии этих офицеров я сейчас не помню.

Генерал Рейнеке сообщил нам под большим секретом о том, что, ориентировочно, в начале лета 1941 года Германия вторгнется на территорию Советского Союза и что в соответствии с этим верховным командованием разработаны необходимые мероприятия, в том числе подготовка лагерей для русских военнопленных, которые будут поступать после открытия военных действий на Восточном фронте».

Я пропускаю три абзаца и перехожу к наиболее важным деталям:

«При этом он указал, что если на местах не удастся в срок создать лагеря с крытыми бараками, то устраивать их для содержания русских военнопленных под открытым небом, огороженные только колючей проволокой.

Далее Рейнеке дал нам инструкции об обращении с русскими военнопленными, предусматривающие расстрел без всякого предупреждения тех военнопленных, которые попытаются совершить побег...

Через некоторое время я получил из ставки верховного командования предписание, в котором подтверждалось указание Рейнеке о расстреле русских военнопленных без всякого предупреждения при попытке к бегству. Кто подписал это распоряжение, я сейчас не помню».

Далее свидетель показывает, что он был вызван не то в конце 1941 года, не то в начале 1942 года в Берлин на совещание начальников отделов по делам военнопленных при военных округах. Совещанием руководил генерал-майор фон Гревенитц. Обсуждался вопрос, как быть с теми русскими военнопленными, которые в результате ранений или истощения непригодны к работе.

Мне кажется, будет полезным процитировать несколько строчек из показаний свидетеля:

«По предложению Гревенитца по этому вопросу высказались несколько присутствующих офицеров, в том числе врачи, которые заявили, что таких военнопленных надо концентрировать в одном месте — в лагере или в лазарете и умерщвлять при помощи яда. В результате обсуждения Гревенитц отдал нам приказание нетрудоспособных военнопленных умерщвлять, используя для этого медицинский персонал лагерей».

Свидетель утверждает, что когда летом 1942 года он по делам службы прибыл на Украину, то узнал там, что «...способ умерщвления русских военнопленных ядами там уже применялся».

Свидетель называет конкретные цифры, конкретные факты, связанные с этим преступлением. Мне кажется, важно отметить такое место:

«Находясь на Украине, я получил из ставки совершенно секретный приказ, подписанный Гиммлером, о том, что с августа 1942 года должно производиться клеймение русских военнопленных определенным знаком. Русские военнопленные содержались в лагерях в тяжелых условиях, питались плохо, терпели моральное унижение и умирали от голода и заболеваний».

Эстеррейх перечисляет факты, подтверждающие это заявление. Особенно яркий характер имеет такой эпизод (привожу выдержку):

«В начале 1942 года при следовании эшелона с русскими военнопленными с Украины в город Торунь умерло приблизительно 75 человек, трупы которых не убирались и лежали в вагоне вместе с живыми людьми. Около ста человек военнопленных, не выдержавших такого положения и пытавшихся бежать, были расстреляны».

Таких и подобных случаев свидетель знает довольно много. Он их перечисляет, но, мне кажется, нет необходи-

мости все их оглашать на суде — они похожи один на другой.

Говорит Эстеррейх и о том, что директивы предусматривали поголовные расстрелы политработников Красной Армии, коммунистов и евреев. Политически такая установка открывала путь к уничтожению любого советского военнопленного под предлогом, что он подозревается в принадлежности к Коммунистической партии или похож на еврея.

В дополнение к показаниям Эстеррейха следует привести одну фразу из упоминавшейся директивы командующего генерал-фельдмаршала фон Рейхенау «О поведении войск на Востоке». Этот документ я предъявляю Суду под номером СССР-12:

«Снабжение питанием мирных жителей и военнопленных является ненужной гуманностью».

Председатель: *Могли бы Вы сказать нам, что это — приказ генерала Рейхенау?*

Покровский: *Да, это приказ за подписью генерал-фельдмаршала Рейхенау.*

Председатель: *Был ли этот документ захвачен или каким-либо иным образом попал к обвинению?*

Покровский: *Этот документ оказался в числе трофейных документов, захваченных Красной Армией.*

Председатель: *Русской армией?*

Покровский: *Советской Армией.*

Председатель: *Спасибо.*

Покровский: *Три крупных гитлеровских офицера подтвердили, что еще в начале войны на специальном совещании был предрешен вопрос об истреблении советских военнопленных. Они несколько расходятся в деталях, но самый факт устанавливают совершенно точно.*

Та фраза, которую я привел из директивы генерал-фельдмаршала Рейхенау, также удостоверяет, что даже снабжение пищей воинов Красной Армии, попавших в плен к немцам, рассматривалось как «ненужная гуманность».

Быть может, полезно предъявить Вам документ под номером ПС-884. Он имеет подпись Варлимонта и приписку подсудимого Иодля. Документ составлен в главной ставке фюрера 12 мая 1941 г. Там сказано, что «ОКХ предложило проект директивы об обращении с ответственными политическими работниками и тому подобными лицами».

Проект предусматривал «устранение» лиц этой категории. Разрешение вопроса о том, подпадает ли военнопленный под признаки, необходимые для принятия решения об «устранении», производится офицером. В документе сказано: «Офицерам, имеющим право налагать дисциплинарное взыскание». Таким образом, любой, даже младший, офицер получал право решать вопрос о жизни и смерти в отношении любого воина Красной Армии, захваченного в плен, вне зависимости от его служебного положения и ранга.

Третий пункт этого документа гласит:

«Политические руководители в войсках не считаются пленными и должны уничтожаться самое позднее в транзитных лагерях. В тыл они не эвакуируются».

Подсудимый Иодль сделал такую характерную для него приписку:

«Следует считаться с возможностью репрессий против германских летчиков. Лучше всего поэтому представить это мероприятие как расплату».

Показания генерала Эстеррейха о наличии приказа клеймить советских военнопленных полностью подтверждены.

Я предъявляю Суду как доказательство под номером СССР-15 приказ под номером 14802/42 начальника жандармерии при наместнике в провинции Штирия, объявляющий приказ начальника полиции порядка. Первый параграф этого приказа начальника полиции порядка гласит:

«1. Советские военнопленные подлежат клеймению посредством особого долговременного знака.

2. Клеймо имеет форму острого угла, примерно 45 градусов, с длиной сторон в 1 сантиметр, расположенного острием кверху, и ставится на левой ягодице на расстоянии ладони от заднего прохода. Этот знак наносится посредством ланцета, имеющегося в любой воинской части. В качестве красящего вещества употребляется китайская тушь».

В третьем параграфе этого документа специально подчеркивается:

«Клеймение не является медицинским мероприятием».

В параграфе пятом оговорено, что клеймению подвергаются как все советские военнопленные, вновь поступающие в районы командующих немецкими вооруженными силами Прибалтики, Украины и генерал-губернаторства, так и все остальные военнопленные, находящиеся в ведении ОКХ до 30 сентября 1942 г.

Такая директива пошла в адрес президентов областных управлений по труду и имперских уполномоченных по труду.

В этом документе, под номером ПС-1191, указано, что президентам областных управлений по труду и имперским уполномоченным по труду препровождается приказ ОКВ для сведения.

В документе — секретном донесении инспектора по вооружению на Украине от 2 декабря 1941 г. начальнику отдела вооружения ОКВ, представленном Вам под номером ПС-3257, сказано:

«Жилищные условия, продовольственное положение, обмундирование и состояние здоровья военнопленных неудовлетворительны. Смертность очень велика. Можно ожидать, что еще десятки и сотни тысяч людей зимой отправятся на тот свет».

Под номером Д-288 я предъявляю Вам еще один документ.

Главный лагерный и заводской врач, проверявший состояние лагеря на Ноггератштрассе, в своем строго секретном докладе от 2 сентября 1944 г. доносил санитарному отделу главного управления лагерями:

«Лагерь военнопленных на Ноггератштрассе находится в ужасном состоянии. Люди живут в хранилищах для золы, в собачьих конурах, в старых печах-духовках и самодельных хижинах. Продовольствия едва только хватает. За размещение и снабжение несет ответственность Крупп. Снабжение медикаментами и перевязочным материалом было настолько плохим, что во многих случаях нельзя было вообще производить лечение. За эти факты вина ложится на стационарный лагерь».

В архивах подсудимого Розенберга был обнаружен, в числе прочих бумаг, документ, которому присвоен номер ПС-081. Это — письмо Розенберга Кейтелю от 28 февраля 1942 г. по вопросу о военнопленных. Экземпляр, обнаруженный у Розенберга, не имеет его подписи, но не вызывает никаких сомнений тот факт, что подобное письмо либо было отправлено Кейтелю, либо было заготовлено для отправки в его адрес.

В письме говорится, что «судьба советских военнопленных в Германии — трагедия огромного масштаба».

В этом документе, который уже известен Суду, дается достаточно яркая картина того, что происходило в лагерях. Автор письма говорит, что были попытки со стороны мирного населения доставлять военнопленным продукты питания, но что эти попытки наталкивались на решительный отпор со стороны многих начальников лагерей.

Нет никаких оснований заподозрить автора письма в намерении сгустить краски или в каких-либо симпатиях по отношению к советским людям. Наоборот, есть все данные утверждать, что вопрос освещен далеко не полностью. Этот документ, адресованный одним подсудимым другому, дает возможность представить, что происходило в лагерях для советских военнопленных.

Я обращаюсь к Сообщению Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в Смоленске и Смоленской области. В этом Сообщении значительное место уделено вопросам массового истребления немцами военнопленных. Я бы хотел огласить выдержки из этого документа, предъявляемого Вам под номером СССР-56:

«Немецко-фашистские захватчики планомерно истребляли раненых военнопленных советских граждан. Врачи Смирнов А. Н., Лазунов А. Н., Демидов А. М., Погребнов А. С. и другие, бывшие в лагере военнопленных, сообщили, что по дороге от Вязьмы до Смоленска гитлеровцы расстреляли несколько тысяч человек.

Осенью 1941 года оккупанты пригнали из Вязьмы в Смоленск партию военнопленных. Многие из них от побоев и истощения не в состоянии были держаться на ногах. При

попытке населения дать кому-либо из пленных кусок хлеба немецкие солдаты отгоняли советских людей, били их палками, прикладами и расстреливали. На Большой Советской улице, Рославльском и Киевском шоссе фашистские мерзавцы открыли беспорядочную стрельбу в колонну военнопленных. Пленные пытались бежать, но солдаты настигали их и пристреливали. Так было расстреляно около 5 тысяч советских граждан. Трупы расстрелянных несколько дней валялись на улицах».

Нетрудно заметить, что эта выдержка полностью совпадает с тем, что было сказано в ранее оглашенном документе ПС-081. Мы имеем лишь дополнение его фактическими сведениями: «Немецкие военные власти истязали военнопленных. По пути в Смоленск, и особенно в лагере, военнопленные погибали десятками и сотнями. В лагере военнопленных № 126 советские люди подвергались истязаниям, больных посылали на тяжелые работы, не оказывали медицинской помощи. Пленные в лагере подвергались истязаниям, посылались на непосильную работу, расстреливались. От истощения на почве голода, от эпидемий тифа и дизентерии, замерзания, изнурительных работ и кровавого террора ежедневно погибало 150 — 200 человек. Немецко-фашистские захватчики истребили в лагере свыше 60 тысяч мирных граждан и военнопленных. Факты истребления пленных бойцов и командиров Красной Армии, а также мирных граждан подтверждены показаниями пленных врачей, содержавшихся в этом лагере: Смирнова А. Н., Хмырова В. А., Погребнова А. С., Ерпылова П. П., Демидова А. М., медицинскими сестрами Шубиной Т. С., Ленковской А. Г., а также красноармейцами и жителями города Смоленска.

Под руководством зондерфюрера Эдуарда Гисса в лагере были расстреляны тысячи военнопленных.

Унтер-офицер Гатлин зверски расправлялся с пленными. Зная об этом, они старались не попадаться ему на глаза. Гатлин же переодевался в костюм красноармейца, замешивался в толпу и, избрав себе жертву, избивал ее до полусмерти.

Рядовой Рудольф Радтке, бывший борец одного из цирков Германии, специально изготовил себе плетку из алюминиевой проволоки, которой избивал содержавшихся в лагере. По воскресным дням он приходил в лагерь пьяным, набрасывался на первого попавшегося пленного, мучил его и убивал.

На Смоленской городской электростанции фашисты заставляли работать истощенных и выбившихся из сил больных советских людей. Нередко наблюдались случаи, когда пленные, изнуренные голодом, падали от непосильной работы и тут же расстреливались зондерфюрером Сцепальским, зондерфюрером Брамом, Гофманом Маузером, зондерфюрером Вагнером.

В Смоленске существовал госпиталь для военнопленных; советские врачи, работавшие в этом госпитале, сообщили: «До июля 1942 года больные лежали на полу, без перевязок. Одежда и подстилка у них были покрыты не только грязью, но и гноем. Помещение не отапливалось, в коридорах пол покрывался ледяной коркой».

К Сообщению Чрезвычайной Комиссии, которое я только что Вам цитировал, господа судьи, приложен акт судебно-медицинской экспертизы. Эксперты в лице члена Чрезвычайной Комиссии академика Бурденко, главного судебно-медицинского эксперта Народного комиссариата здравоохранения Союза Советских Социалистических Республик доктора Прозоровского, профессора судебной медицины 2-го Московского медицинского института доктора медицинских наук Смольянинова и других специалистов с 1 по 16 октября 1943 г. произвели многочисленные эксгумации и судебно-медицинские исследования трупов в городе Смоленске и его окрестностях. Были вскрыты многочисленные ямы-могилы, в которых были зарыты умерщвленные в период немецко-фашистской оккупации. Количество трупов, обнаруженных в этих ямах-могилах, колеблется от 500 до 4500 в каждом из мест, где происходили массовые казни.

Я оглашу лишь те выдержки из заключения экспертизы, которые прямо относятся к моей теме (документ под номером СССР-56):

«Трупы в ямах большей частью были или вовсе без одежды, или в поношенном нижнем белье, в меньшей части — трупы обнаружены в одежде или воинском обмундировании...

Документы, удостоверяющие личность, были найдены лишь в 16 случаях (три паспорта, одна красноармейская книжка и 12 воинских медальонов)».

Имеется в виду медальон, которым был снабжен каждый воин Красной Армии. Это нечто вроде приспособления для хранения иголок; в такую капсулу вкладывается документ с именем, отчеством и фамилией военнослужащего и его домашний адрес.

«В некоторых случаях в качестве материала для опознавания личности покойного могли быть использованы только частично сохранившиеся предметы одежды и татуировки».

Это обстоятельство подтверждает, что немцы стремились сделать невозможным опознавание личности своих жертв, как это и требовалось специальными немецкими директивами.

«Исследование трупов, извлеченных из могил на территории большого и малого концентрационных лагерей, завода № 35, бывшего немецкого госпиталя для военнопленных, лесопильного завода, концентрационного лагеря у деревни Печорская и деревни Ракитня, показало, что в подавляющем большинстве случаев в качестве причины смерти, при учете следственных данных, могут быть при-

знаны голодание или острые инфекционные болезни. Объективным доказательством смерти от голодания является, помимо установленного при исследовании трупов полного отсутствия подкожно-жировой клетчатки, обнаружение в ряде случаев в полости желудка травянистых масс, кусков грубых листьев и стеблей растений».

Несколько ниже вы найдете следующее место в четвертом абзаце:

«Значительное количество раскрытых ям-могил (87) с массами трупов в них, при учете установления разновременности погребения, относящегося ко второй половине 1941 года, 1942 году и 1943 году, свидетельствует о систематическом уничтожении советских граждан.

Этому уничтожению подвергались в подавляющем большинстве случаев мужчины и, главным образом, в наиболее цветущем возрасте — от 20 до 40 лет».

Еще несколько ниже на той же странице сказано:

«Обращает на себя особое внимание регулярно отмечаемое обстоятельство, что на эксгумированных трупах обувь отсутствует (за крайне редкими исключениями), одежда также, как правило, отсутствует или состоит из поношенного нижнего белья или из отдельных предметов ветхого верхнего платья. Отсюда естественным является вывод, что снятие обуви и одежды, представляющей ценность, постоянно, в обязательном, узаконенном порядке предшествовало уничтожению советского населения».

Далее в заключении Комиссии говорится о способах уничтожения людей, в том числе о расстрелах, удушении газом и т. д. Все это не является новым, и нет необходимости эту часть заключения зачитывать здесь.

В нашем документе под № СССР-60 приведены протоколы судебно-медицинских экспертов и заключение экспертизы. Мы находим их на страницах 9, 10, 11 и 12 документа. Я позволю себе кратко изложить содержание протоколов и процитировать несколько слов из заключения. В протоколах сказано, что в городе Рава-Русская (это в 62 километрах на северо-восток от города Львова) гитлеровцы организовали большой лагерь для военнопленных. В лагере содержалось и погибло большое количество советских и французских военнопленных. Их расстреливали, они умирали от инфекционных болезней и голода. Судебномедицинская экспертиза вскрыла ряд могил большого размера. Часть этих могил была замаскирована с помощью зеленых насаждений и травы. В могилах обнаружено значительное количество трупов в военной или полувоенной одежде. У некоторых обнаружены в одежде медальоны военнослужащих Красной Армии. Возраст военнопленных, трупы которых извлечены из могил, от 20 до 40 лет.

В заключении сказано:

«...Данные исследования извлеченных из могил трупов дают право прийти к заключению, что в указанных могилах действительно погребены трупы советских военнопленных.

Погребение носило массовый характер. Трупы укладывались по 350 — 400 трупов в могилу (в могилах размером 74 метра) слоями один на другой. Хоронились трупы в той же одежде, в которой они были в момент смерти. Отсутствие обуви на всех трупах указывает, что советские военнопленные при жизни содержались без обуви либо что обувь после смерти снималась. Содержались военнопленные в ужасных антисанитарных условиях: одежда у всех до крайности завшивлена. Судя по одежде, смерть большинства умерших наступила в холодное время года. Несмотря на это, почти на всех трупах отсутствует какая-либо теплая одежда. Спасаясь от холода, военнопленные одевали на себя по 2 — 3 комплекта летнего обмундирования, обертывались мешковиной, полотенцами и т. п.».

Я пропускаю несколько фраз из этого сообщения и хочу огласить то место, где говорится об общем количестве трупов:

«Количество (36) и размеры могил, количество трупов, обнаруженных в раскрытых могилах, дают основания считать, что во всех могилах на этой площади похоронено 10 — 12 тысяч трупов советских военнопленных.

Степень разложения трупов указывает, что трупы пробыли в земле около трех лет, то есть срок захоронения трупов следует отнести к поздней осени или к зиме 1941 — 1942 гг.».

Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в городе Орле и Орловской области (я представляю Суду этот документ под номером СССР-46) специальным разделом отмечает массовое истребление военнопленных, которое происходило на протяжении длительного времени.

Лагерь для военнопленных был организован в Орловской городской тюрьме. Чрезвычайная Комиссия после изгнания из города Орла гитлеровских захватчиков имела возможность получить свидетельские показания случайно уцелевших военнопленных врачей, находившихся в этом лагере. В Сообщение вошли личные наблюдения члена Чрезвычайной Государственной Комиссии академика Бурденко, который сам осматривал людей, освобожденных Красной Армией из этого лагеря, помещение лагеря и так называемый лагерный лазарет. Общий вывод, который может быть сделан, сводится к тому, что в Орловском лагере, так же, впрочем, как и в других, гитлеровцы с немецкой методичностью осуществляли физическое уничтожение советских людей.

Пленные получали по 200 граммов хлеба и по литру супа из гнилой сои и прелой муки. Хлеб выпекался с примесью древесных опилок. Администрация лагеря, включая сюда и врачей, зверски обращалась с военнопленными.

Я хочу процитировать несколько выдержек из Сообщения Комиссии и начинаю с пятого абзаца второй страницы документа:

«Начальник лагеря майор Гофман избивал военнопленных и заставлял истощенных от голода выполнять тяжелые физические работы в каменных карьерах и по разгрузке снарядов. У военнопленных были отобраны сапоги и ботинки и выданы взамен этого деревянные колодки. В зимнее время колодки делались скользкими, и при ходьбе, в особенности при подъеме на второй или третий этажи, пленные падали на лестницах и получали увечья.

Врач Цветков Х. И., находившийся в лагере военнопленных, дал следующие показания:

«За время своего пребывания в Орловском лагере отношение к военнопленным со стороны немецкого командования могу охарактеризовать, как сознательное истребление живой силы в лице военнопленных. Питание, содержащее максимум 700 калорий, при тяжелой, непосильной работе приводило к полному истощению организма (кахексии) и вело к смерти... Немецкие врачи лагеря Купер и Бекель, несмотря на наши категорические протесты и борьбу с этим массовым убийством советских людей, утверждали, что питание вполне удовлетворительно. Мало того, они отрицали происхождение отеков у пленных на почве голода и с полнейшим хладнокровием относили их за счет сердечных или почечных явлений. В диагнозах запрещалось отмечать: «голодный отек». В лагере была массовая смертность. Из общего числа умерщвленных три тысячи человек погибли в результате голодания и осложнений на почве недоедания. Военнопленные жили в ужасных, не поддающихся описанию условиях: полное отсутствие топлива, воды, огромная вшивость, невероятная скученность в камерах тюрьмы — в помещении площадью в 15 — 20 квадратных метров размещалось от 50 до 80 человек. Военнопленные умирали по 5 — 6 человек в камере, и живые спали на мертвых».

Далее говорится, что особенно ужасный режим существовал для тех, кто относился к категории «непокорных». Их помещали в особый корпус, прозванный «блоком смерти». Оттуда по расписанию по вторникам и пятницам брали по 5 — 6 человек на расстрел. При расстрелах среди других лиц присутствовал и немецкий врач Купер.

Академик Бурденко установил, что в так называемом «лазарете» люди истреблялись так же, как и во всем лагере.

В предпоследнем абзаце третьей страницы мы читаем:

«Картины, которые мне пришлось видеть, превосходят всякое воображение. Радость при виде освобожденных людей омрачалась тем, что на их лицах было оцепенение. Это обстоятельство заставило меня задуматься, — в чем тут дело? Очевидно, пережитые страдания поставили знак равенства между жизнью и смертью.

Я наблюдал три дня этих людей, перевязывал их, эвакуировал — психический ступор не менялся. Нечто подобное в первые дни лежало и на лицах врачей. Гибли в лагере от болезней, от голода, от побоев. Гибли в «лазарете»-тюрьме от заражения ран, от сепсиса, от голода».

2 мая 1945 г. в Берлине был взят в плен эсэсовец Пауль-Готлиб Вальдман. Он родился 17 октября 1914 г. в Берлине в семье торговца Людвига Вальдмана.

Он дал показания об известных ему фактах массового истребления советских военнопленных. Он наблюдал эти истребления, работая шофером в разных лагерях, и участвовал сам в массовых убийствах. Его показания имеются на странице девятой документа под номером СССР-52, который озаглавлен «Лагерь Освенцим». Наиболее подробные сведения он дает об убийствах в лагере Заксенхаузен.

В конце лета 1941 года зондеркоманда полиции безопасности, находившаяся в этом лагере, ежедневно на протяжении месяца истребляла русских военнопленных, поступавших в этот лагерь.

Пауль-Людвиг-Готлиб Вальдман показал:

«От вокзала до лагеря[1] русские военнопленные шли около одного километра. В лагере они оставлялись на одну ночь без питания. На следующий вечер их увозили на экзекуцию[2].Заключенных беспрерывно возили из внутреннего лагеря на трех грузовых машинах, одну из которых водил я. Внутренний лагерь от двора экзекуции был удален приблизительно на 2 километра. Сама экзекуция происходила в бараке, который незадолго до этого был оборудован для данной цели.

Одно помещение предназначалось для раздевания, а другое — для ожидания. В помещении играло радио и довольно громко. Это делалось для того, чтобы заключенные не могли заранее догадаться, что их ожидает смерть. Из второго помещения они поодиночке шли через проход в маленькое, отгороженное помещение, на полу которого была железная решетка, под решеткой был сделан сток. Как только военнопленного убивали, труп уносили два немецких заключенных, а решетка очищалась от крови.

В этом небольшом помещении имелась прорезь приблизительно в 50 сантиметров. Военнопленный становился затылком к щели, и стрелок, находящийся за щелью, стрелял в него. Такое устройство практически не удовлетворяло, так как часто стрелок не попадал в пленного. Через восемь дней было оборудовано новое устройство. Военнопленного, так же как и раньше, ставили к стене, потом на его голову медленно спускали железную плиту. У военнопленного создавалось впечатление, будто хотят измерить его рост. В железной плите имелся ударник, который опускался и бил заключенного в затылок. Он падал замер-

[1] Речь идет о концентрационном лагере в Заксенхаузене.
[2] Т.е. казнь.

тво. Железная плита управлялась при помощи ножного рычага, который находился в углу этого помещения. Обслуживающий персонал был из упомянутой зондеркоманды.

По просьбе чиновников экзекуционной команды мне также приходилось обслуживать этот аппарат. Об этом я буду говорить ниже. Умерщвленные таким образом военнопленные сжигались в четырех передвижных крематориях, которые перевозились на прицепе автомашины. Мне приходилось беспрерывно ездить из внутреннего лагеря в экзекуционный двор. За ночь я должен был сделать десять поездок с перерывом минут на десять. В этот перерыв я и был свидетелем исполнения экзекуций...»

От убийств поодиночке гитлеровцы в дальнейшем перешли к организации фабрик смерти в Треблинке, Дахау и Освенциме.

Методы и масштабы убийства менялись. Гитлеровцы стремились найти способы для быстрого истребления больших человеческих масс. Над решением этой задачи они работали долго. К реализации ее они приступили еще до нападения на Советский Союз, изобретая разнообразные способы и инструменты для умерщвления, причем жертвами гитлеровских палачей оказались и мирные жители и военнопленные.

Я предъявляю Трибуналу Сообщение Чрезвычайной Комиссии о зверствах немцев в Литовской Советской Социалистической Республике, это документ СССР-7. И здесь, как и в других местах, массовое истребление советских военнопленных являлось частью людоедского плана фашистских захватчиков.

Я процитирую несколько фраз на странице 6 этого документа:

«В Каунасе, в форте № 6, находился лагерь № 336 для советских военнопленных. В лагере к военнопленным применялись жестокие пытки и издевательства в строгом соответствии с найденным там «Указанием для руководителей и конвоиров при рабочих командах»...

Военнопленные в форте № 6 были обречены на истощение и голодную смерть».

Свидетельница Медишевская сообщила Комиссии:

«Военнопленные ужасно голодали, я видела, как они рвали траву и ели ее».

Я пропускаю несколько фраз и читаю дальше:

«При входе в лагерь № 336 сохранилась доска со следующим объявлением на немецком, литовском и русском языках: «Кто с военнопленными будет поддерживать связь, особенно кто будет им давать съестные припасы, папиросы, штатскую одежду, сейчас же будет арестован. В случае бегства--расстрелян».

В лагере форта № 6 был «лазарет» для военнопленных, который в действительности служил как бы пересыльным,

пунктом из лагеря в могилу. Военнопленные, брошенные в этот лазарет, были обречены на смерть.

Из ежемесячных сводок о заболеваниях среди военнопленных в форте № 6 видно, что только с сентября 1941 года по июль 1942 года, то есть за 11 месяцев, в «лазарете» умерло 13 936 советских военнопленных.

Я пропускаю перечень вскрытых могил и цитирую строчку, говорящую об общем итоге:

«...Всего же, как свидетельствуют лагерные документы, здесь похоронено около 35 тысяч военнопленных».

Кроме лагеря № 336, в том же городе Каунасе на юго-западной окраине аэродрома был еще один лагерь без номера. В сообщении по этому поводу говорится:

«Так же, как и в форте № 6, здесь свирепствовали голод, плети и палки. Истощенных военнопленных, которые не были в состоянии двигаться, ежедневно выносили за лагерь, живыми складывали в заранее вырытые ямы и засыпали землей».

В последних трех строчках левого абзаца шестой страницы документа СССР-7 сказано:

«На основании раскопок, документов и показаний свидетелей Комиссия установила, что здесь, в районе аэродрома, замучено и погребено около 10 тысяч советских военнопленных».

В Сообщении упоминается еще один лагерь — № 133 близ города Алитус и некоторые другие лагери, которые были организованы в июле 1941 года и просуществовали до начала апреля 1943 года. В этих лагерях люди замерзали. При выгрузке из вагонов немцы расстреливали тех, кто не мог идти дальше. Пленных пытали до потери сознания, подвешивали на цепях за ноги, снимали, отливали водой и снова повторяли то же самое.

Подводя общий итог количеству истребленных, Комиссия пишет:

«Установлено, что во всех перечисленных лагерях на территории Литовской ССР немцы уничтожили не менее 165 тысяч советских военнопленных».

Истребление советских военнопленных происходило буквально во всех лагерях. Тысячи советских воинов погибли и в лагере уничтожения Майданек. В совместном Коммюнике Польско-Советской Чрезвычайной Комиссии, которое предъявлено вам под номером СССР-29, во втором абзаце пятой страницы отмечается, что вся «кровавая история этого лагеря начинается с массового расстрела советских военнопленных, организованного эсэсовцами в ноябре — декабре 1941 года. Из партии больше чем в 2 тысячи человек советских военнопленных осталось всего лишь 80 человек, — все остальные были расстреляны, и небольшая часть замучена пытками и истязаниями.

В период с января по апрель 1942 года в лагерь привозили новые партии советских военнопленных, которые расстреливались.

Работавший в лагере по найму грузовым возчиком свидетель поляк Недзялек Ян показал:

«Около 5 тысяч русских военнопленных немцы зимой 1942 года уничтожили таким образом: грузовыми автомобилями вывозили из бараков к ямам на бывшую каменоломню и в этих ямах их расстреливали».

Военнопленные бывшей польской армии, плененные еще в 1939 году и содержавшиеся в различных лагерях Германии, были уже в 1940 году собраны в Люблинском лагере на Липовой улице, а затем вскоре по частям перевозились в лагерь уничтожения Майданек и подвергались той же участи: систематическим истязаниям, убийствам, массовым расстрелам, повешению и т. д.

Свидетель Резник показал следующее:

«В январе 1941 года нас — около 4 тысяч евреев-военнопленных — погрузили в вагоны и отправили на Восток... Нас привезли в Люблин, здесь выгрузили из эшелонов и сдали эсэсовцам. Примерно в сентябре или октябре 1942 года в лагере на Липовой улице № 7 было решёно оставить только людей, имеющих фабрично-заводскую квалификацию и нужных в городе, а все остальные, и я в том числе,были отправлены в лагерь Майданек. О том, что направление в лагерь Майданек означает смерть, мы все уже хорошо знали».

Из этой партии в 4 тысячи человек военнопленных сохранились лишь отдельные лица, бежавшие с внелагерных работ.

Летом 1943 года в лагерь Майданек было привезено 300 советских офицеров, из них 2 полковника, 4 майора, все остальные в чине капитанов и старших лейтенантов. Все указанные офицеры были расстреляны в лагере».

Огромные лагеря уничтожения советских военнопленных были организованы немецкими фашистами на территории Латвийской Советской Социалистической Республики. В Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии, расследовавшей преступления немецких захватчиков, совершенные ими на территории этой республики (мы предъявляем Суду этот документ под номером СССР-41), содержатся следующие данные об уничтожении 327 тысяч советских военнопленных.

Я цитирую выдержки из раздела на правой стороне седьмой страницы названного мной Сообщения:

«Для советских военнопленных немецкие захватчики организовали в Риге, в помещениях бывших казарм, расположенных по улицам Пернавской и Рудольфа, Шталаг-350[1], который просуществовал с июля 1941 года до октября 1944 года. Советские военнопленные содержались в нечеловеческих условиях. Здания, где они помещались, были без окон и не отапливались. (Несмотря на тяжелую каторжную

[1] Сокращенное название стационарного лагеря для военнопленных.

работу по 12 — 14 часов в сутки, паек военнопленных состоял из 150 — 200 граммов хлеба и так называемого супа из травы, порченого картофеля, листьев деревьев и разных отбросов».

Мне кажется, следует подчеркнуть единообразие пайка, получаемого военнопленными. Показания свидетелей полностью совпадают с той официальной директивой о нормах снабжения военнопленных, которую я уже оглашал здесь сегодня в судебном заседании.

«Бывший военнопленный Яковенко П. Ф., содержавшийся в Шталаге-350, показал: «Нам давали 180 граммов хлеба, наполовину из опилок и соломы, и один литр супа без соли, сваренного из нечищенного гнилого картофеля. Спали прямо на земле; нас заедали вши. От голода, холода, избиений, сыпного тифа и расстрелов с декабря 1941 года по май 1942 года в лагере погибли 30 тысяч военнопленных.

Немцы ежедневно расстреливали военнопленных, которые не могли по слабости или болезни отправиться на работу, издевались над ними, избивали без всякого повода».

Новицкис Г. Б., работавшая старшей сестрой в госпитале для советских военнопленных по Гимнастической улице, дом 1, сообщила, что она постоянно видела, как больные, чтобы ослабить мучения голода, ели траву и листья деревьев.

В отделениях Шталага-350 на территории бывшего пивоваренного завода и в Панцерских казармах от голода, истязаний и эпидемических заболеваний только с сентября месяца 1941 года по апрель 1942 года погибло более 19 тысяч человек. Немцы расстреливали и раненых военнопленных...

Советские военнопленные погибали и в пути следования в лагерь, так как их немцы оставляли без пищи и воды. Свидетельница Таукулис А. В. показала: «Осенью 1941 года на станцию Саласпилс прибыл эшелон с советскими военнопленными в составе 50 — 60 вагонов. Когда открыли вагоны, на далекое расстояние разнесся трупный запах. Половина людей были мертвы; многие были при смерти. Люди, которые могли вылезти из вагонов, бросились к воде, но охрана открыла по ним огонь и расстреляла несколько десятков человек».

Я не буду перечислять других фактов, имевших место в Шталаге-350, и оглашу только заключительную фразу, относящуюся к этому лагерю:

В Шталаге-350 и в его отделениях немцы замучили и расстреляли более 130 тысяч советских военнопленных...

В Даугавпилсе (Двинске) существовал лагерь для советских военнопленных — Шталаг-340, который среди узников лагеря и жителей города был известен под именем «лагеря смерти» и в котором за три года погибло от голода,

истязаний и расстрелов свыше 124 тысяч советских военнопленных.

Расправу с военнопленными немецкие палачи обычно начинали по пути следования в лагерь. Летом пленных отправляли в наглухо закрытых вагонах, зимой — в полувагонах и на открытых площадках. Люди массами погибали от жажды и голода. Летом задыхались от духоты, зимой замерзали».

Свидетель Усенко Т. К. показал:

«В ноябре 1941 года я дежурил на станции Мост в качестве стрелочника и видел, как на «217 километр» (имеется в виду название участка пути) подали эшелон, в котором было более 30 вагонов. В вагонах ни одного живого человека не оказалось. Не менее 1500 мертвых были выгружены из этого эшелона. Все они были в одном нижнем белье. Трупы пролежали у железнодорожного полотна около недели».

Существовавший при лагере госпиталь также был подчинен задачам уничтожения военнопленных. Работавшая в госпитале учительница Ефимова В. А. рассказала Комиссии:

«Редко кто выходил живым из этого госпиталя. При госпитале работало пять групп могильщиков из военнопленных, которые на тележках вывозили умерших на кладбище. Бывали часто случаи, когда на тележку бросали еще живого человека, сверху накладывали еще 6 — 7 трупов умерших или расстрелянных. Живых закапывали вместе с мертвыми; больных, которые метались в бреду, убивали в госпитале палками».

Когда в лагере вспыхивала эпидемия, гитлеровцы из того барака, где обнаруживались тифозные больные, вывозили на аэродром всех помещавшихся в бараке и расстреливали. Так было уничтожено около 45 тысяч советских военнопленных.

Потрясающие факты приведены в документах Чрезвычайной Государственной Комиссии, расследовавшей злодеяния немецко-фашистских захватчиков в окрестностях городов: Севастополя, Керчи, на курорте Теберда. Я оглашаю из нашего документа СССР-63/5 отдельные данные. При севастопольской тюрьме немецкое фашистское командование организовало лазарет для больных и раненых военнопленных. В нем массами погибали советские воины.

«При организации лазарета больным и раненым в течение 5 — 6 дней немцы не давали ни воды, ни хлеба, цинично заявляя при этом: «Это наказание за то, что русские с особым упорством защищали Севастополь».

Раненым, доставленным с поля боя, не было оказано никакой медицинской помощи. Бойцов и командиров швыряли на цементный пол, где они и лежали, истекая кровью, по 7 — 8 суток.

В период обороны Севастополя в Инкермане в штольнях завода шампанских вин находился военный госпиталь и

медсанбат № 47. После отступления Красной Армии в штольнях № 10, 11, 12 и 13 осталось большое число раненых бойцов и командиров, не успевших эвакуироваться... Немецкие изверги, захватив завод, перепились, а затем подожгли штольню».

Я пропускаю целый ряд фактов, из которых, строго говоря, большинство должно было быть специально доложено суду. Я перехожу к описанию последнего преступления, указанного в Сообщении Комиссии. Выделяю его потому, что здесь описан факт зверского истребления очень большого количества раненых воинов Красной Армии.

«4 декабря 1943 г. на станцию Севастополь прибыли из города Керчи три эшелона раненых военнопленных из керченского десанта. Загрузив ими баржу, водоизмещением в 2,5 тысячи тонн, стоявшую в Южной бухте, у пристани подплава, немцы подожгли ее. Раздались душераздирающие крики военнопленных. Находившиеся недалеко от баржи женщины не могли оказать раненым никакой помощи, так как были отогнаны жандармерией от места пожара. Спаслось не более 15 человек. Тысячи человек погибли в огне.

На другой день в такую же баржу погрузили 2 тысячи человек из числа раненых, привезенных из Керчи. Баржа ушла из Севастополя в неизвестном направлении, находившиеся на ней раненые были потоплены в море».

Повторяю, что я оставляю без оглашения еще значительное количество фактов, установленных Комиссией.

Мало чем отличаются от оглашенных уже материалов по своему характеру те данные, которые мы находим о зверствах, совершенных немецко-фашистскими захватчиками по отношению к советским военнопленным в Сталинской области[1]. В документе под номером СССР-2а среди ряда актов мы находим два акта об уничтожении советских военнопленных. Первый составлен 22 сентября 1943 г. в городе Сталино[2] специальной комиссией во главе с председателем Сталинозаводского районного Совета депутатов трудящихся. Я оглашу ту часть этого акта, в которой имеются интересующие нас сведения. Акт начинается на левой колонке третьей страницы документа 2а.

«Обстоятельства дела: в Сталинградском районе города Сталино, в клубе имени Ленина, немецко-фашистские захватчики организовали лагерь для советских военнопленных; в этом лагере находилось временами до 20 тысяч человек. Начальник лагеря, немецкий офицер Гарбель, установил невыносимый режим для советских военнопленных.

Опрошенные в качестве свидетелей бывшие военнопленные, содержавшиеся в этом же лагере и бежавшие из него, — Плахов Иван Васильевич и Шацкий Константин Се-

[1] Ныне Донецкая область.
[2] Ныне г.Донецк.

менович — показали, что военнопленных морили голодом: давалась буханка хлеба весом в 1200 граммов на восемь человек, приготовленного из некачественной горелой муки, и один раз в день жидкая горячая пища, состоящая из небольшого количества горелых отрубей, иногда с добавлением древесных опилок; этой пищи в день выдавалось до одного литра. Помещения, в которых находились военнопленные, были не застеклены, и зимой, даже в сильные холода, для отопления выдавалось пять килограммов угля, что не могло обогреть большого помещения, где находилось до тысячи человек, при сквозном ветре. Были массовые случаи обмораживания. Бани не было. Люди вообще не мылись в течение полугода и страдали от огромного количества паразитов. В жаркие летние месяцы страдали от жары, в течение 3 — 5 суток они не получали питьевой воды».

Режим лагеря, созданного в Сталинозаводском районе, как видно из оглашенной выдержки, был точно таким же, как и режим в других немецких лагерях для военнопленных. Это свидетельствует, несомненно, о наличии общих директив.

В дополнение к общим установкам начальники лагерей имели возможность зверствовать каждый по-своему, оставаясь совершенно безнаказанными.

«Военнопленные по всякому незначительному поводу избивались палками и прикладами, а при подозрении в попытке к бегству назначалось наказание в 720 плетей, которые отпускались в течение 8 дней по 30 плетей утром, в обед и вечером с одновременным лишением пайка хлеба и выдачей только половины пайка жидкой пищи».

Результатом подобного режима в лагере являлась громадная смертность. Зимой умирало до 200 человек в день. В лагере вспыхивали эпидемии. Наблюдались многочисленные случаи голодной смерти и опухания от голода. Охране доставляло удовольствие унижать военнопленных, натравливая их друг на друга.

Так, Шацкий показал, что он подвергался избиению со стороны немецких полицейских, получив 120 плетей и 15 палочных ударов за то, что не выполнил приказания избить своего товарища-военнопленного. Избиениями руководили немецкие офицеры.

Продукты, которые приносили граждане для передачи военнопленным, не попадали к ним. Комиссия пришла к выводу, что на территории лагеря и центральной поликлиники похоронено не менее 25 тысяч советских военнопленных. Этот вывод построен на обмерах и подсчетах могил и на показаниях свидетелей.

Массовое умерщвление и убийства военнопленных немецко-фашистские захватчики организовали и в другом городе Донбасса — Артемовске. Специальная комиссия, состоявшая из военного прокурора города Артемовска, священника Покровской церкви Зюмина, представителей

интеллигенции, общественных организаций и воинских частей, составила акт об организованном фашистскими захватчиками массовом умерщвлении советских военнопленных. Этот акт мы находим на странице 4 документа под номером СССР-2а. В акте сказано:

«В ноябре 1941 года, вскоре после оккупации немецко-фашистскими захватчиками города Артемовска, на территории военного городка, за Северным вокзалом, был создан лагерь военнопленных, в котором находилось 1000 пленных красноармейцев».

Я пропускаю один абзац и перехожу к вопросу об условиях содержания:

«На почве голода весной 1942 года военнопленные выходили из лагеря и, как животные, на четвереньках собирали и ели траву. Для того чтобы лишить людей и этой кормежки, немцы отгородили дом лагеря двойным забором из колючей проволоки, с расстоянием между заборами в 2 метра, а между ними были набросаны проволочные ежи».

Я пропускаю еще абзац и перехожу к оглашению выводов.

«Возле лагеря обнаружено 25 могил, из них 3 — массовые. Первая могила длиной 20 метров и шириной 15 метров; в ней найдено около тысячи человеческих останков. Вторая могила длиной в 27 метров и шириной в 14 метров, где обнаружено около 900 человеческих останков; третья могила длиной 20 метров и шириной в 1 метр, в которой обнаружено до 500 останков, и в остальных могилах — от 25 до 30; всего — до 3 тысяч останков».

В районе небольшого хутора Вертячий Городищенского района Сталинградской области гитлеровцы организовали лагерь для военнопленных. Здесь с характерным для них садизмом они, так же как и в других лагерях, уничтожали пленных воинов Красной Армии.

Я представляю Вам в качестве доказательства документ под номером СССР-63/3, где имеется акт от 21 июня 1943 г. Он составлен и оформлен надлежащим образом и содержит следующие сведения:

«Вследствие зверского режима за 3,5 месяца существования лагеря на хуторе Вертячий погибло от голода, истязаний, болезней и расстреляно по меньшей мере 1500 советских военнопленных.

Немцы принуждали пленных работать по 14 — 16 часов в сутки, а кормили их один раз в день, причем суточный рацион состоял из 3 — 4 ложек запаренной ржи или половника несоленой, ржаной, постной похлебки и кусочка дохлой конины.

За несколько дней до наступления Красной Армии немцы совсем перестали кормить пленных и обрекли их на голодную смерть. Почти все пленные страдали дизенте-

рией. У многих были незажившие раны, но никакой медицинской помощи пленные не получали».

Я пропускаю один абзац и перехожу к следующему, где говорится об издевательствах над военнопленными.

«Немцы издевались над патриотическими чувствами советских военнопленных, принуждая их работать на строительстве немецких военных сооружений — рытье окопов, блиндажей, землянок, укрытий для военной техники. Гитлеровцы систематически унижали человеческое достоинство советских военнопленных, заставляли их вставать на колени перед немцами».

В акте отмечено, что Комиссия осматривала вещественные доказательства — орудия, которыми терзали советских военнопленных: кожаную плеть и кинжал, подобранный среди обезображенных трупов, с распространенным гитлеровским лозунгом «Блют унд Эре» («кровь и честь»).

В той обстановке, в которой был обнаружен кинжал, он дает полную возможность понять, что представляла собой германская «честь» и на какую «кровь» он был рассчитан.

О характерных для гитлеровских захватчиков преступлениях говорят документы Чрезвычайной Государственной Комиссии, относящиеся к городу Керчи. Я предъявляю Трибуналу документы Чрезвычайной Государственной Комиссии под номером СССР-63/6 и оглашаю несколько выдержек.

«Гр-ка Булычева П. Я., 1894 года рождения, уроженка города Керчи, показала:

«Я была свидетельницей того, как неоднократно гнали наших военнопленных красноармейцев и офицеров, а тех, которые из-за ранений и общего ослабления отставали от колонны, немцы расстреливали прямо на улице. Я несколько раз видела эту страшную картину. Однажды в морозную погоду гнали группу измученных, оборванных, босых людей. Тех, кто пытался поднять куски хлеба, брошенные проходящими по улице людьми, немцы избивали резиновыми плетками и прикладами. Тех, кто под этими ударами падал, расстреливали».

Я пропускаю несколько фраз, которые, по моему мнению, могут не оглашаться, и продолжаю читать:

«В период второй оккупации, когда немцы снова ворвались в Керчь, они с еще большим остервенением стали расправляться с ни в чем не повинными людьми».

Свидетельница показывает, что в первую очередь фашистские палачи расправлялись с военнослужащими, что раненых бойцов они добивали ударами прикладов.

«Военнопленные были загнаны в большие здания, которые потом поджигались. Так были сожжены школа им. Войкова и клуб инженерно-технических работников, в котором находилось 400 бойцов и офицеров Красной Армии.

Ни одному из них не удалось выбраться из горящего здания.

Всех, кто пытался спастись, расстреливали из автоматов.

Зверски были замучены раненые бойцы в рыбацком поселке Маяк.

Другая свидетельница, жительница этого поселка Буряченко А. П., показала:

«28 мая 1942 г. немцы расстреляли всех оставшихся в поселке и не успевших спрятаться мирных жителей. Фашистские изверги издевались над ранеными советскими военнопленными, избивали их прикладами и потом расстреливали. В моей квартире немцы обнаружили девушку в военной форме, которая, оказав фашистам сопротивление, закричала: «Стреляйте, гады, я погибаю за советский народ, за Сталина, а вам, извергам, настанет собачья смерть». Девушка-патриотка была расстреляна на месте».

В районе города Керчи имеются Аджимушкайские каменоломни. Там были истреблены и отравлены газом красноармейцы. Жительница деревни Аджимушкай Дашкова Н. Н. показала:

«Я лично видела, когда немцы, выловив около 900 красноармейцев в каменоломне, подвергли их издевательствам, а потом расстреляли. Фашисты применяли газы».

Я пропускаю несколько фраз.

«В клубе имени Энгельса во время оккупации был расположен лагерь советских военнопленных, в котором находилось свыше тысячи человек. Немцы издевались над ними, кормили их один раз в день, гнали на тяжелые, изнурительные работы, а тех, кто от истощения падал, расстреливали на месте».

Мне кажется необходимым процитировать еще несколько свидетельских показаний.

Жительница поселка имени Горького Шумилова Н. И. показала:

«Я лично видела, когда мимо моего двора вели группу военнопленных. Трое из них не могли двигаться. Они были тут же расстреляны немецким конвоем».

Гражданка Герасименко П. И., жительница поселка Самострой, показала: «В наш поселок согнали много красноармейцев и офицеров. Территория, где они находились, была огорожена колючей проволокой. Раздетые и разутые, люди умирали от холода и голода. Их держали в самых ужасных, нечеловеческих условиях. Рядом с живыми лежало множество трупов, которые не убирались по нескольку дней. Эта обстановка делала еще более невыносимой жизнь в лагере. Пленных избивали прикладами, плетками, кормили их помоями. Жителей, пытавшихся передать пленным пищу и хлеб, избивали, а военнопленных, пытавшихся взять передачи, расстреливали».

В двадцать четвертой керченской школе немцы создали лагерь для военнопленных. О порядках, существовавших в этом лагере, показала учительница школы Наумова А. Н.:

«В лагере было много раненых. Несчастные истекали кровью, но оставались без помощи. Я собирала для раненых медикаменты и бинты, а фельдшер из числа военноп-

ленных делал им перевязки. Пленные страдали кровавым поносом, потому что им не давали хлеба, а кормили помоями. Люди падали от истощения и болезней, умирали в страшных мучениях. 20 июня 1942 г. трое военнопленных были избиты плеткой за попытку совершить побег из лагеря. Пленные расстреливались».

Учительница школы имени Сталина Кожевникова лично видела, как была расстреляна группа пленных красноармейцев и офицеров в районе фабрики-кухни и завода имени Войкова.

«В 1943 году немецкие преступники гнали с Кавказа пленных красноармейцев. Вся дорога от переправы до города, расстоянием в 18 — 20 километров, была усеяна трупами красноармейцев. Среди пленных было много раненых и больных. Кто не мог идти от истощения или болезней, того по дороге пристреливали».

Среди других фактов заслуживает особо быть отмеченным еще один:

«В 1942 году фашисты бросили живьем в колодец деревни Аджимушкай 100 пленных красноармейцев, трупы которых впоследствии были извлечены жителями и похоронены в братской могиле».

29 января 1946 г. здесь, в судебном заседании, был допрошен свидетель Поль Розер. Он показал, что за четыре месяца из 10 тысяч русских, которых он видел в качестве военнопленных в немецком лагере в городе Рава-Русская, осталось в живых только 2 тысячи человек.

Мы располагаем свидетельскими показаниями еще одного очевидца многочисленных зверств и безграничных издевательств, которым подвергались военнопленные в Раве-Русской. Свидетель Кочак В. С., допрошенный с соблюдением всех правил, предусмотренных нашим законом, показал гвардии капитану юстиции Рыжову 27 сентября 1944 г. (протокол этого допроса я предъявляю Вам под номером СССР-6в):

«Я работал в лагере военнопленных Красной Армии при немцах с декабря 1941 года по апрель 1942 года как землекоп.

Этот лагерь немцы организовали в бараках на площади около железной дороги. Территория лагеря вся была обнесена колючей проволокой. По словам самих военнопленных, немцы согнали в этот лагерь 12 или 15 тысяч человек. Когда мы работали, то наблюдали, как немцы издевались над военнопленными Красной Армии. Кормили один раз в день нечищенным, мерзлым картофелем, сваренным с кожурой и грязью. Содержали военнопленных в холодных бараках в зимнюю пору.

Знаю такой факт, что когда немцы загнали военнопленных в этот лагерь, то одежду — шинели и сапоги, а также ботинки, пригодные к носке, — с военнопленных сняли, оставили людей в рубище и босых. Военнопленных выводили под конвоем ежедневно на работу с 4 — 5 часов утра,

держали на работе до 10 часов ночи. Усталых, озябших и голодных людей загоняли в бараки, в которых специально на день открывали окна и двери, чтобы мороз проник в эти бараки, и таким путем замораживались люди. Наутро сотни трупов под охраной немецких солдат сами военнопленные вывозили на тракторе в Волковысский лес, где сгружали в заранее приготовленные ямы.

Во время конвоирования военнопленных на работу немцы у проходных ворот из лагеря выставляли отряд солдат, вооруженных винтовками и кольями, и тех, кто плохо двигался от истощения и голода, убивали кольями по голове, кололи штыками».

Этим же свидетелем описаны и другие факты немецких зверств. Так, например:

«Немецкая администрация лагеря выводила совершенно голых военнопленных, привязывала веревками к стенке, обнесенной колючей проволокой, и держала в декабрьские зимние морозы до тех пор, пока человек не замерзал. Стоны и крики изувеченных прикладами людей наполняли постоянно территорию лагеря... Некоторых убивали прикладами на месте.

Голодные и истощенные военнопленные, когда их приводили на территорию лагеря, набрасывались на кучу гнилой и мерзлой картошки. За этим следовал выстрел немецкого конвоира».

Я представляю Суду за тем же номером СССР-6в заявление французского военнопленного Эмиля Леже, солдата 43-го пехотного колониального полка, матрикул номер 29.

В его заявлении лагерь в Раве-Русской (шталаг-325) назван «знаменитым лагерем медленной смерти».

Мне кажется, что эта фраза служит как бы дополнением к показаниям свидетелей Розера и Кочака. Советское обвинение располагает значительным количеством материала, изобличающего гитлеровских захватчиков и в других многочисленных преступлениях против военнопленных на территории Львовской области.

Мне кажется достаточным, если я оглашу выдержки из одного свидетельского показания Манусевича Д. Ш. и доложу Вам, что это показание подтверждается показаниями еще двух свидетелей: свидетеля Аша Ф. Г. и Хамайдеса Г. Ю. Все три документа я предъявляю Вам тоже под номером СССР-6в.

Свидетели Манусевич, Аш и Хамайдес некоторое время работали в бригаде по сжиганию трупов людей, расстрелянных немцами в районе города Львова и, в частности, в Лисеницких лагерях. Свидетель Манусевич показывает:

«После окончания сжигания трупов нас, «бригаду смерти», ночью на автомашине привезли в Лисеницкий лес, против Львовского дрожжевого завода. Здесь, в лесу, было около 45 ям с трупами ранее расстрелянных на протяжении 1941 — 42 гг. В ямах было от 500 до 3500 трупов. Были трупы солдат французской, бельгийской и русской

армий, то есть военнопленных, а также были и мирные жители. Все военнопленные были похоронены в одежде. Поэтому во время выкапывания из ям я распознавал их по форме одежды, по знакам различия, по пуговицам, медалям и орденам, по ложкам и котелкам. Все это сжигалось после того, как трупы выкапывали. Таким же путем, как и в Яновском лагере, на месте ям сеялась трава, сажали деревья, пеньки срубленных деревьев с тем, чтобы стереть следы небывалого в истории человечества злодеяния».

Я представляю документ под номером СССР-62, подписанный более чем 60 военнослужащими разных частей и родов войск германской армии. Их подписи имеются под протестом, который они направляли в адрес Международного Красного Креста в январе 1942 года. Также имеется сообщение Международного Красного Креста о том, что этот документ получен. В своем протесте они приводят известные им факты преступного отношения к советским военнопленным. Лица, подписавшие этот протест, являлись военнопленными советского лагеря № 78. Их протест есть результат сопоставления того, что авторы документа видели своими глазами в отношении советских военнопленных, с тем, что они встретили в лагере № 78.

Я процитирую несколько выдержек из этого документа. Текст начинается следующими словами:

«Мы, немецкие военнопленные лагеря № 78, прочли ноту Народного комиссара иностранных дел Советского правительства об обращении с военнопленными в Германии. Описанные в ноте жестокости мы считали бы почти невозможными, если бы сами не были свидетелями подобных зверств. Чтобы правда восторжествовала, мы должны подтвердить, что военнопленные — граждане Советского Союза — очень часто подвергались ужасным издевательствам со стороны представителей немецкой армии или даже расстреливались ими».

Далее в тексте приводятся конкретные примеры злодеяний, известных авторам протеста:

«Ганс Древс из Регенвальде, солдат 4-й роты, 6-го танкового полка, сообщил:

«Я знаком с приказом по 3-й танковой дивизии, изданным генерал-лейтенантом Моделем, в котором сказано, чтобы пленных не брать. Такой же приказ отдал командир 18-й танковой дивизии генерал-майор Неринг. На инструктивном совещании 20 июня, за два дня до выступления против Советского Союза, нам заявили, что в предстоящем походе раненым красноармейцам перевязок делать не следует, ибо немецкой армии некогда возиться с ранеными».

О наличии предварительного инструктажа показал и солдат штабной роты 18-й танковой дивизии Гарри Марек из района Бреславля:

«21 июня, за день до начала войны против России, мы от наших офицеров получили следующий приказ: комиссаров Красной Армии необходимо расстреливать на месте,

ибо с ними нечего церемониться. С ранеными русскими также нечего возиться: их надо просто приканчивать на месте».

Солдат 399-го пехотного полка 170-й дивизии Вильгельм Метцик из Гамбурга привел такой факт:

«Когда мы 23 июня вступили в Россию, мы попали в одно местечко у Бельцы. Там я своими глазами видел, как двумя немецкими солдатами из автоматов в спину были расстреляны пять русских пленных».

О наличии директивы — истреблять политических работников Красной Армии — показал солдат 2-й роты 3-го отряда истребителей танков Вольфганг Шарте из Гергардсхагена у Брауншвейга:

«За день до нашего выступления против Советского Союза офицеры нам заявили следующее:

«Если вы по пути встретите русских комиссаров, которых можно узнать по советской звезде на рукаве, и русских женщин в форме, то их немедленно нужно расстреливать. Кто этого не сделает и не выполнит приказа, тот будет привлечен к ответственности и наказан».

29 июня 1941 г. я сам видел, как представители немецкой армии расстреливали раненых красноармейцев, лежавших в хлебном поле близ города Дубно. После этого их еще прокололи штыком, чтобы наверняка убить. Рядом стояли немецкие офицеры и смеялись».

Иосиф Берндсен из Оберхаузена, солдат 6-й танковой дивизии, сообщил:

«Еще до вступления в Россию нам на одном из инструктивных совещаний сказали: комиссаров необходимо расстреливать».

Немецкий офицер, лейтенант 112-го саперного батальона 112-й пехотной дивизии, Якоб Корцилиас из Хорфорста близ Трира удостоверил:

«В одной деревне у Болвы по приказу адъютанта штаба 112-го саперного батальона лейтенанта Кирика были выброшены из избы 15 находившихся там раненых красноармейцев. Их раздели догола и закололи штыками. Это было сделано с ведома командира дивизии генерал-лейтенанта Мита».

Алоиз Гетц из Гагенбаха на Рейне, солдат 8-й роты 427-го пехотного полка, сообщил:

«27 июня в лесу у Августова были расстреляны два комиссара Красной Армии по приказу командира батальона капитана Виттмана».

На третьей странице документа СССР-62 мы находим такое сообщение Пауля Зендера из Кенигсберга, солдата 4-го взвода, 13-й роты пехотных орудий 2-го пехотного полка:

«14 июля по дороге между Порховым и Старой Руссой в уличной канаве старшим ефрейтором первой роты 2-го пехотного полка Шнейдером были расстреляны 12 пленных красноармейцев. На мой вопрос Шнейдер заявил: «К чему

мне еще возиться с ними. Они даже пули не стоят». Я знаю также другой случай.

В боях под Порховым был взят в плен один красноармеец. Вскоре после этого он был застрелен ефрейтором 1-й роты. Как только красноармеец упал, ефрейтор вытащил из его хлебной сумки все, что там было съестного».

Я хотел бы закончить выдержки из протеста немецких военнопленных, приведя еще два свидетельства: Фрица Руммлера и Рихарда Гиллига. Их показания мы находим в нижней части четвертой страницы документа. Фриц Руммлер из Штрелена в Силезии, старший ефрейтор 9-й роты 3-го батальона 518-го полка 295-й дивизии, сообщил:

«В августе я в городе Златополе видел, как два офицера из частей СС и два солдата расстреляли двух пленных красноармейцев, предварительно сняв с них шинели. Эти офицеры и солдаты принадлежали к бронетанковым войскам генерала фон Клейста. В сентябре экипаж немецкого танка на дороге в Красноград раздавил машиной двух красноармейцев, попавших в плен. Это было сделано просто из жажды крови и убийства. Командиром танка был унтер-офицер Шнейдер из танковых войск фон Клейста. Я видел, как в нашем батальоне допрашивали четырех пленных красноармейцев. Это происходило в Ворошиловске. Красноармейцы отказались отвечать на вопросы военного характера, которые им задавал командир батальона майор Варнеке. Он пришел в бешенство и собственноручно избил пленных до потери сознания».

Ефрейтор 9-го транспортного взвода 34-й дивизии Рихард Гиллиг сообщил:

«Я не раз был свидетелем бесчеловечного и жестокого обращения с русскими военнопленными. На моих глазах немецкие солдаты по приказу своих офицеров снимали сапоги с пленных красноармейцев и гнали их босиком. Много таких фактов я наблюдал в Тарутине. Я был очевидцем такого факта: один пленный красноармеец не пожелал добровольно отдать свои сапоги. Солдаты из охраны его так избили, что он не мог двигаться. Я видел, как отбирали у пленных не только сапоги, но и все обмундирование, вплоть до белья».

Я пропускаю несколько фраз и перехожу к окончанию заявления Гиллига:

«При отступлении нашей колонны я недалеко от города Медынь видел, как немецкие солдаты избивали пленных красноармейцев. Один пленный очень устал и падал с ног. К нему подскочил солдат из охраны и начал бить его сапогами, прикладом. То же самое делали остальные солдаты. У города этот пленный замертво пал».

Далее говорится:

«Это не секрет, что в немецкой армии на фронте, в штабах дивизий имеются особые специалисты, занимающиеся тем, что мучают красноармейцев и советских офице-

ров, чтобы принудить их таким образом к выдаче военных сведений и приказов».

Фотостат этого заявления я передаю Трибуналу. На нем Вы можете увидеть 60 собственноручных подписей немецких военнослужащих с указанием их полков и более мелких подразделений.

Я предъявляю Трибуналу 4 фотографии немецкого происхождения. Каждый из этих снимков сделан немцами с указанием времени и места съемки. На одном из снимков — сцена раздачи пищи, на втором — поиски пищи, на третьем и четвертом — вид Уманьского лагеря для военнопленных.

На первом снимке заметно, что раздаваемой пищи явно недостаточно. Люди почти дерутся за право получить пищу. На втором снимке Вы видите, как голодные советские военнопленные бродят около пустого сарая и употребляют в пищу обнаруженный ими в сарае жмых для корма скота. В отношении третьей и четвертой фотографии я могу представить Вам важные показания свидетеля Бингеля. Выдержки из его показаний прямо относятся к вопросу об обращении с советскими военнопленными.

Бингель был допрошен мной, и протокол его допроса от 27 декабря 1945 г. я передаю Трибуналу под номером СССР-111. Бингель, бывший командир роты германской армии, показал:

«Я уже сделал одно сообщение о внутреннем режиме в лагере военнопленных в Умани. В этом лагере охрану несла одна рота 783-го батальона, и поэтому я был в курсе всех событий, которые происходили там. Задачей нашего батальона была охрана военнопленных, контролирование шоссейных и железных дорог.

Этот лагерь был рассчитан при нормальных условиях на 6 — 7 тысяч человек, однако в нем содержалось в то время 74 тысячи человек.

Вопрос: *Это были бараки?*

Ответ: *Нет, это был бывший кирпичный завод, и на его территории, кроме низких навесов для сушки кирпича, больше ничего не было.*

Вопрос: *Там были размещены военнопленные?*

Ответ: *Пожалуй, нельзя сказать, что они были размещены, так как под каждым навесом вмещалось самое большее 200 — 300 человек, остальные же ночевали под открытым небом.*

Вопрос: *Какой режим был в этом лагере?*

Ответ: *Режим в лагере был в некотором отношении своеобразным. Условия в лагере создавали впечатление, что комендант лагеря капитан Беккер не в состоянии организовать эту большую массу людей и прокормить ее. Внутри лагеря имелись две кухни, хотя их нельзя было назвать кухнями. На цементе и на камнях были установлены железные бочки, и в них приготовлялась пища для военнопленных. Эти кухни при круглосуточной работе мог-*

ли приготовить пищи примерно на 2 тысячи человек. Обычное питание военнопленных было совершенно недостаточное. Дневная норма составляла одна булка хлеба на 6 человек, которую, однако, нельзя было назвать хлебом. При раздаче горячей пищи возникали часто беспорядки, поскольку военнопленные, а их было в лагере более 70 тысяч, стремились получить пищу. В таком случае охрана пускала в ход дубинки, которые были обычным явлением в лагере. У меня, в общем, сложилось впечатление, что в этих лагерях дубинка являлась основой.

Вопрос: *Известно ли Вам что-либо относительно смертности в лагере?*

Ответ: *Ежедневно в лагере умирало 60 — 70 человек.*

Вопрос: *От каких причин?*

Ответ: *До того как разразились эпидемии, речь шла, в большинстве случаев, об убитых людях.*

Вопрос: *Убитых при раздаче пищи?*

Ответ: *Как во время раздачи пищи, так и в рабочее время, и вообще людей убивали в течение всего дня».*

Бингель был допрошен нами вторично, и ему были предъявлены фотографии Уманьского лагеря, те же самые, которые Вы сейчас держите в своих руках. Перед Бингелем был поставлен следующий вопрос:

«Этот ли лагерь, о котором вы говорили, изображен здесь или же какой-нибудь другой?»

После этого ему были предъявлены фотографии с негатива 13 х 18 от 14 августа 1941 г. и негатив 13 х 22 от того же числа. Бингель ответил:

«Да, тот самый лагерь, о котором я говорил.

Это, собственно, не лагерь, а глиняный котлован, принадлежавший лагерю, где размещались военнопленные, прибывающие с фронта. Затем они распределялись по отдельным участкам.

Вопрос: *Что Вы можете сказать насчет второй фотографии?*

Ответ: *Вторая фотография — это тот же самый лагерь, снятый только с другой стороны — с правой. Эти строения, которые тут показаны, являлись почти единственными каменными строениями в этом лагере. Это кирпичное здание, несмотря на то, что оно было совершенно пустым и невредимым и имело прекрасные большие помещения, не использовалось для размещения военнопленных».*

Трудно сказать, является ли пределом человеческой подлости то, что совершено гитлеровцами в отношении советских военнопленных в так называемом «гросс-лазарете» города Славуты Каменец-Подольской области. Но при всех обстоятельствах истребление гитлеровцами советских военнопленных в «гросс-лазарете» — одна из самых мрачных страниц, составляющих историю фашистских преступлений.

Я представляю Трибуналу под номером СССР-5 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии и оглашу

из этого Сообщения и приложенных к нему материалов отдельные выдержки.

При изгнании фашистских орд из города Славуты на территории бывшего военного городка частями Красной Армии было обнаружено то, что немцы именовали «гросс-лазаретом» для советских военнопленных. В «лазарете» находилось свыше 500 истощенных и тяжело больных людей. Опрос этих людей и специальное расследование судебно-медицинской экспертизы и экспертизы работников Центрального института питания Народного комиссариата здравоохранения СССР позволили восстановить все подробности, относящиеся к истреблению огромного количества советских военнопленных, происходившему в этом страшном учреждении. Цитирую:

«Осенью 1941 года немецко-фашистские захватчики оккупировали город Славуту и организовали в нем для раненых и больных офицеров и бойцов Красной Армии «лазарет», наименовав его: «гросс-лазарет» Славута, цвай лагерь 301». «Лазарет» был расположен в полутора-двух километрах восточнее Славуты и занимал десять трехэтажных каменных зданий — блоков. Все здания гитлеровцы обнесли густой сетью проволочных заграждений. Вдоль заграждений через каждые 10 метров были построены вышки, на которых находились пулеметы, прожектора и охрана.

Администрация, немецкие врачи и охрана «гросс-лазарета» в лице коменданта гауптмана Планка, затем сменившего его майора Павлиска, заместителя коменданта гауптмана Кронсдорфера, гауптмана Ное, штабсарцта доктора Борбе, его заместителя доктора Штурма, обер-фельдфебеля Ильземана и фельдфебеля Беккера проводили массовые истребления советских военнопленных путем создания специального режима голода, скученности и антисанитарии, применения пыток и прямых убийств, лишения больных и раненых лечения и принуждения крайне истощенных людей к каторжному труду».

Государственная Чрезвычайная Комиссия называет немецкий «гросс-лазарет» лазаретом смерти. Я цитирую небольшой отрывок из раздела Сообщения под тем же названием. Это третья страница русского оригинала:

«В «гросс-лазарете» немецкие власти сосредоточивали 15 — 18 тысяч тяжело и легко раненных, а также страдающих различными инфекционными и неинфекционными заболеваниями советских военнопленных. На смену умершим сюда непрерывно направлялись новые партии раненых и больных советских военнопленных. В пути следования военнопленных подвергали истязаниям, морили голодом и убивали. Из каждого эшелона, прибывающего в «лазарет», гитлеровцы выбрасывали сотни трупов».

По данным следственной комиссии, из каждого эшелона, разгружавшегося на железнодорожной ветке, выбрасывалось по 800 — 900 трупов. В Сообщении Комиссии сказано далее:

«В пути пешего следования тысячи советских военнопленных погибали от голода, жажды, отсутствия медицинской помощи, дикого произвола немецкого конвоя...

Как правило, гитлеровцы ударами прикладов и резиновых дубинок встречали партии военнопленных у ворот «лазарета» и затем отбирали у вновь прибывших кожаную обувь, теплую одежду и личные вещи».

В следующем разделе на той же странице Государственная Комиссия сообщает, что инфекционные заболевания среди находившихся в «лазарете» военнопленных распространялись преднамеренно немецкими врачами. Я цитирую:

«В «гросс-лазарете» немецкие врачи искусственно создавали невероятную скученность. Военнопленные принуждены были стоять, тесно прижавшись друг к другу, изнемогали от усталости и истощения, падали и умирали. Фашисты применяли различные способы «уплотнений» «лазарета». Бывший военнопленный Хуажев И. Я. сообщил, что немцы «выстрелами из автоматов уплотняли помещения и люди невольно теснее прижимались друг к другу; тогда сюда гитлеровцы вталкивали еще больных и раненых и двери закрывали».

Преднамеренное распространение инфекционных заболеваний в этом лагере смерти, издевательски названном «лазаретом», достигалось самыми примитивными способами: «Больных сыпным тифом, туберкулезом, дизентерией, раненых с тяжелыми и легкими повреждениями они размещали в одном блоке и в одной камере».

В помещении, где нормально можно было разместить не свыше 400 человек, число больных тифом и туберкулезом составляло 1800 человек.

«Уборка камер не производилась. Больные по нескольку месяцев оставались в том белье, в котором попали в плен. Спали они без всякой подстилки. Многие были полураздеты или совершенно голые. Помещения не отапливались, а примитивные печи, сделанные самими военнопленными, разрушались... В «лазарете» не было воды для умывания и даже для питья. В результате антисанитарии вшивость в «лазарете» приняла чудовищные размеры».

Истребление с помощью умышленного распространения заболеваний сочеталось с замариванием голодом. Пищевой рацион советских военнопленных состоял из 250 граммов эрзацхлеба и двух литров так называемой «баланды». Мука, предназначенная для выпечки хлеба раненым и больным военнопленным, доставлялась из Германии. Ее обнаружили в одном из складов «лазарета» в количестве 15 тонн. На фабричной упаковке сорокакилограммовых бумажных мешков имелись этикетки «Шпельцмель»; образцы этой эрзацмуки были направлены на лабораторное исследование в Центральный институт питания Народного комиссариата здравоохранения СССР.

Я предъявляю Вам документы, относящиеся к истреблению гитлеровцами советских военнопленных в «гросс-лаза-

рете», под номером СССР-5а; на страницах 9, 10 и 11 этого документа Трибунал может видеть фотостат заключений Центрального института питания. Заключения сделаны, с одной стороны, по данным анализа, который был произведен фронтовой военной лабораторией, и, с другой — по данным анализа, произведенного непосредственно в Центральном институте питания. В заключении института сказано:

«...Очевидно, «хлеб» выпекался с добавлением небольшого количества натуральной муки для образования связной массы.

Питание таким «хлебом» при лишении питающихся других полноценных веществ и продуктов равносильно голоданию и неизбежно приводит к резкому истощению...»

Анализ показал, что «мука» является не чем иным, как равномерно, но довольно крупно измельченной соломой с длинными частицами до 2, а иногда до 3 мм. При микроскопии в каждом поле зрения, как сказано в заключении, «...наряду с растительными волокнами древесины, обнаружены в очень небольшом количестве крахмальные зерна, напоминающие по строению крахмальные зерна овса». Институт пришел к выводу, что «...потребление такого хлеба, благодаря раздражающему действию мякины, приводит к развитию заболеваний пищеварительного аппарата».

Несколько забегая вперед, я хочу доложить о результатах судебно-медицинского вскрытия 112 эксгумированных трупов из объекта № 1 и наружного осмотра около 500 трупов. В первом случае истощение как причина смерти констатировано в отношении 96 жертв. Во втором случае, как сказано в заключении, напечатанном на странице 7 документа СССР-5а, «утверждение о том, что истощение является основной причиной смертности в лагере для военнопленных, обосновывается также данными наружного осмотра около 500 трупов, при котором оказалось, что процент крайнего истощения приближается к 100 процентам».

Несколько далее, в этом же заключении, в пункте «г» § 5 эксперты отмечают, что режим в Славутском «гросс-лазарете» в числе прочих показателей может быть охарактеризован абсолютно непригодным питанием. Я цитирую:

«Хлеб с 64% примесью древесных опилок.., баланда из гнилого картофеля с примесью отбросов, крысиных экскрементов и т. п.».

Военнопленные, уцелевшие до освобождения Славуты из-под власти гитлеровских палачей, заявили (я цитирую выдержку со страницы 4 документа СССР-5а):

«...В «гросс-лазарете» периодически отмечались вспышки заболевания неизвестного характера, называвшегося немецкими врачами «парахолерой». Заболевание «парахолерой» было плодом варварских экспериментов немецких врачей. Как возникали, так и заканчивались эти эпидемии внезапно. Исход «парахолеры» в 60 — 80 процентах случа-

ев был смертельный. Трупы некоторых умерших от этих заболеваний вскрывались немецкими врачами, причем русские врачи — военнопленные к вскрытию не допускались».

В пункте восьмом заключения судебно-медицинской экспертизы (страница 7 документа СССР-5а) говорится:

«Никакая объективная обстановка не может объяснить всех тех условий, при которых содержались военнопленные в лагере. Тем более, как явствует из материалов дела, на немецких военных складах в городе Славуте были огромные запасы продовольствия, в военных аптеках — медикаментов и перевязочных материалов».

В штате «гросс-лазарета» числилось значительное количество медицинского персонала. Вместе с тем, как это отмечается в Сообщении Государственной Комиссии, больные и раненые офицеры и бойцы Красной Армии не получали самой элементарной медицинской помощи. Да и о каком лечении могла идти речь, если задача «гросс-лазарета» была диаметрально противоположной. Не только к физическому уничтожению военнопленных стремилась администрация «гросс-лазарета», но и к тому, чтобы наполнить мучениями и страданиями последние дни жизни раненых и больных.

Один из разделов Сообщения Комиссии озаглавлен: «Пытки и расстрелы советских военнопленных». Я оглашаю часть этого раздела. Он напечатан на странице 4 документа СССР-5а:

«Советских военнопленных в «гросс-лазарете» подвергали пыткам и истязаниям, били при раздаче пищи, при выводе на работу. Не щадили фашистские палачи даже умирающих. Судебно-медицинская экспертиза при эксгумировании трупов обнаружила в числе других трупов военнопленного, которому в агональном состоянии было нанесено колотое ранение ножом в паховую область. С торчащим в ране ножом он был брошен в могилу и еще живым засыпан землей.

Одним из видов массовых пыток в «лазарете» было заключение больных и раненых в карцер, который представлял собой холодное помещение с цементным полом. Заключенные в карцер на несколько дней лишались пищи, и многие там умирали. Больных и слабых людей гитлеровцы с целью еще большего истощения заставляли бегать вокруг зданий «лазарета», а тех, кто не мог бегать, запарывали до полусмерти.

Нередки были случаи убийства военнопленных немецкой охраной ради потехи. Бывший военнопленный Бухтийчук Д. Н. сообщил о том, как немцы бросали на проволочные заграждения внутренности павших лошадей, и когда обезумевшие от голода военнопленные подбегали к заграждениям, охрана открывала по ним стрельбу из автоматов. Свидетель Кирсанов Л. С. видел, как был заколот штыком один из военнопленных за то, что он поднял с земли клубень картофеля. Бывший военнопленный Шаталов А. Т.

«был очевидцем, как конвоир застрелил военнопленного, пытавшегося получить вторую порцию «баланды». В феврале 1942 года он «видел, как часовой ранил одного из пленных, который искал в мусорной яме объедки, оставшиеся у немецкой кухни обслуживающего персонала, раненый был немедленно уведен к яме, раздет и пристрелен».

Осмотр трупов, эксгумированных при расследовании фашистских злодеяний в так называемом лагере Славута, удостоверил, что «комендатура и охрана лагеря неоднократно применяли изощренные меры истязаний. Среди вскрытых и эксгумированных трупов судебно-медицинская экспертиза обнаружила четыре трупа военнопленных, умерщвленных холодным оружием, с колотыми головными ранами, проникающими в полость черепа.

Раненых и больных военнопленных, несмотря на крайнюю степень истощения и резкую слабость, гитлеровцы принуждали к непосильному физическому труду. На военнопленных перевозились тяжести, вывозились трупы умерщвленных советских людей. Изнемогающих и падающих военнопленных конвоиры убивали на месте. Путь на работу и с работы, по заявлению ксендза города Славута Милевского, намечен, как вехами, маленькими могильными холмиками».

У фашистских изуверов иногда не хватало терпения дожидаться смерти того или другого военнопленного, и они хоронили еще живых людей.

«На основании обнаружения в глубоких дыхательных путях четырех трупов военнопленных вплоть до мельчайших бронхов «большого количества песчинок, которые могли попасть так глубоко лишь при дыхательных движениях засыпанных песком», судебно-медицинская экспертиза установила, что в «гросс-лазарете» охрана комендатуры с ведома немецких врачей хоронила советских людей живыми».

Одному из бывших обитателей «гросс-лазарета» — военнопленному Панкину был известен случай, когда в феврале 1943 года в мертвецкую был вынесен больной, находившийся в забытьи. Больной очнулся уже в мертвецкой. Шефу барака доложили, что в мертвецкую отнесен живой человек. Он приказал оставить его там. Больной был похоронен.

Невыносимый режим побуждал военнопленных игнорировать огромный риск и пытаться совершать индивидуальные и групповые побеги. Мученики, вырвавшиеся из «лазаретного» ада, искали приюта у местного населения Славуты и окружающих населенных пунктов. Гитлеровские негодяи безжалостно расстреливали каждого, кто оказывал какую-либо помощь беглецу.

Город Славута входил в Шепетовский район. 15 января 1942 г. шепетовский гебитскомиссар доктор Ворбс издал специальное распоряжение, в котором было сказано, что если не обнаружатся непосредственные виновники, помо-

гавшие беглецам, то в каждом случае будет расстреляно 10 заложников.

Священник Журковский сообщил, что было арестовано и расстреляно 26 мирных граждан, оказавших помощь военнопленным. При медицинском освидетельствовании 525 освобожденных из «гросс-лазарета» у 435 была установлена крайняя степень истощения, у 59 — осложненное течение ран, у 31 — нервно-психическое расстройство.

Комиссия отмечает:

«За два года оккупации Славуты, при участии немецких врачей Борбе, Штурма и других медицинских работников, в «гросс-лазарете» гитлеровцы истребили до 150 тысяч офицеров и бойцов Красной Армии».

Отдавая себе полный отчет в безграничной подлости содеянных преступлений, немецко-фашистские палачи всеми мерами пытались скрыть следы своих преступлений. В частности, они тщательно маскировали те места, в которых были похоронены советские военнопленные. Так, например, на кресте могилы № 623 было написано 8 фамилий похороненных, а при вскрытии в могиле оказалось 32 трупа. При вскрытии могилы № 624 было обнаружено то же самое явление.

В других могилах обнаружены грунтовые прослойки между несколькими рядами трупов. Например, в могиле № 625 оказалось 10 трупов, а когда сняли слой грунта толщиной в 30 сантиметров, то в этой могиле обнаружили еще два ряда трупов. То же самое оказалось и при вскрытии могилы № 627 и могилы № 8.

Многие могилы были замаскированы путем разбивки клумб, посадки деревьев, прокладки дорожек и т. д., но никакая маскировка не сможет скрыть кровавых преступлений гитлеровских злодеев.

Частями Красной Армии в полицейских архивах города Житомира среди многих других документов была захвачена одна переписка. Это полицейское дознание. Авторы документа никогда не рассчитывали на то, что он будет оглашен на заседании Международного трибунала по делу главных военных преступников. Документы, составляющие эту переписку, были предназначены исключительно для полицейского начальства, и составлялись они с соблюдением всех требований, обычных для германского права и для полицейских дознаний фашистской Германии.

Документ предъявляется Вам под номером СССР-311 — это фотостат, заверенный надлежащим образом.

24 декабря 1942 г. должны были быть подвергнуты «особому обращению» 78 военнопленных из Бердичевского отделения «воспитательно-трудового» лагеря. Все 78 человек — советские граждане. В переписке есть донесение по начальству оберштурмфюрера СС Кунтце от 27 декабря 1942 г. В нем сказано:

«В данном случае не было никаких данных относительно коммунистической деятельности этих пленных за время существования Советской власти».

Следующая фраза Кунтце вносит абсолютную ясность в вопрос о том, почему и как попали эти военнопленные в «воспитательно-трудовой» лагерь:

«По-видимому, военные власти предоставили в свое время этих военнопленных в распоряжение здешнего отделения для того, чтобы подвергнуть их «особому обращению».

Мы убедились в том, что в лагерь они были направлены военными властями. Специалист, каким в этом вопросе, несомненно, являлся оберштурмфюрер СС, говорит, что направлены они были специально для того, чтобы стать объектом «особого обращения».

Теперь разрешите перейти к изложению существа вопроса. Мне кажется, наиболее целесообразным изложить его словами одного из документов. Я цитирую:

*«Командир полиции безопасности
и СД В Житомире
БЕРДИЧЕВ
24.XII.1942 года*

По вызову явился штурмшарфюрер СС и криминальоберсекретарь Кнопп Фриц. Родился в 1897 году в Нойклинце, округ Кесслин. Кнопп Фриц показал следующее:

«С середины августа я являюсь руководителем Бердичевского отделения полиции безопасности и СД в городе Житомире. 23 декабря 1942 г. заместитель командира гауптштурмфюрер СС Кальбах обследовал местное отделение воспитательно-трудового лагеря, находящегося в ведении вверенного мне учреждения. В этом воспитательно-трудовом лагере с конца октября находятся 78 бывших военнопленных, которые в свое время были переведены туда из стационарного лагеря в Житомире вследствие нетрудоспособности. Значительное число военнопленных в свое время было передано в распоряжение командира полиции безопасности и СД».

Я думаю, что нет никакой необходимости давать специальную справку Трибуналу о том, что передача военнопленных в распоряжение полиции безопасности была предусмотрена специальными эсэсовскими директивами и директивами СД, главным образом тех, кто подлежал физическому уничтожению.

Я цитирую дальше:

«Из их состава в Житомире было отобрано небольшое число до некоторой степени пригодных к труду. Остальные 78 человек были направлены в здешний воспитательно-трудовой лагерь».

Я пропускаю еще два абзаца.

«Находившиеся в здешнем лагере 78 военнопленных были исключительно тяжело раненные. У одних отсутствовали обе ноги, у других — обе руки, у третьих — одна какая-нибудь конечность. Только некоторые из них не имели ранения конечностей, но они были так изуродованы другими видами ранений, что не могли выполнять никакой работы. Последние должны были ухаживать за первыми.

При обследовании воспитательно-трудового лагеря 23 декабря 1942 г. гауптштурмфюрер СС Кальбах отдал распоряжение, чтобы оставшихся в живых после имевших место смертных случаев 68 или 70 военнопленных подверглись сегодня же «особому обращению». Для этой цели он выделил грузовую автомашину с шофером эсэсовцем Шефером из управления командира, который прибыл сюда сегодня в 11 ч. 30 м. Подготовку экзекуции я поручил сегодня ранним утром сотрудникам местного управления унтершарфюрерам СС Фольбрехту и Паалю и ротенфюреру Гессельбаху.

В то время, как экзекуция евреев производилась обычно в пределах рабочего лагеря, правда, в месте, укрытом от взоров содержащихся в лагере, для сегодняшней казни я приказал, считая это целесообразным, избрать подходящее место вне лагеря на пустыре, находившемся за стационарным лагерем.

От упомянутых выше трех лиц, которым я поручил произвести расстрел военнопленных, мне было известно, что они, еще будучи в Киеве, принимали участие в массовых экзекуциях многих тысяч человек. И в местном управлении им, уже в мою бытность, поручался расстрел многих сотен людей...»

Я хотел бы привлечь Ваше внимание к одному моменту, еще раз показывающему, какой смысл вкладывали гитлеровцы в слова «экзекуция» и «особое обращение». Здесь в одной только фразе поставлены четкие знаки равенства между терминами «массовая экзекуция» и «расстрел», а несколько выше расшифровано, что значит «перевозка» на грузовике куда-то поблизости и «особое обращение». Бесспорной является полная идентичность всех этих четырех терминов.

После этого отступления я цитирую дальше:

«Из оружия они имели немецкий пистолет-пулемет, русскую самозарядную винтовку, пистолет ОВ и карабин. Хочу еще подчеркнуть, что я намеревался дать в помощь этим трем лицам гауптшарфюрера СС Венцеля, но это было отклонено унтершарфюрером Фольбрехтом, заметившим при этом, что они втроем вполне справятся с этим делом.

По поводу обвинения. Мне не пришло в голову обеспечить проведение обычной экзекуции более многочисленной командой, так как место экзекуции было скрыто от посторонних взоров...»

Председатель: *Скажите, пожалуйста, эти слова «по поводу обвинения», они имеются в подлинном документе?*

Покровский: *Это текст того объяснения, тех показаний, которые своему полицейскому начальству дает лицо, подписавшее документ. Лицам, ответственным за проведение экзекуции, вменялось в вину, что по их неосмотрительности и небрежности произошло то, что они именуют «инцидентом», и вот по поводу этого «инцидента» они и дают объяснение.*

«...По поводу обвинения. Мне не пришло в голову обеспечить проведение обычной экзекуции более многочисленной командой, так как место экзекуции было скрыто от посторонних взоров, а заключенные не были способны к бегству ввиду их физических недостатков.

Приблизительно в 15 часов мне сообщили по телефону стационарного лагеря, что один из сотрудников моего отделения, выполняющий это особое поручение, ранен, а один бежал. Я сейчас же направил на подводе к месту экзекуции гауптшарфюрера СС Венцеля и обершарфюрера СС Фрича. Через некоторое время мне вторично сообщили по телефону из стационарного лагеря, что два сотрудника моего отделения убиты».

Перехожу к части показаний Кноппа, данных им своему полицейскому начальству:

«Я хотел бы еще указать на то, что изложенный мною «инцидент» произошел при второй экзекуции. Ей предшествовал расстрел примерно 20 военнопленных, прошедший без инцидентов. Сейчас же, по возвращении, я доложил об этом по телефону командиру в Житомир...

Подпись: Фриц Кнопп, штурмшарфюрер СС.
Верно: Кунтце, обершарфюрер СС»

Следующим был допрошен сам палач.

«...Затем по вызову явился ротенфюрер СС Гессельбах Фридрих, родившийся 24 января 1909 г., уроженец Фейдингена из округа Витгенштейн (Вестфалия), и дал следующие показания:

— Вчера вечером унтершарфюрер СС Пааль сообщил мне, что сегодня я должен принять участие в расстреле военнопленных. Позже я получил также соответствующее задание об этом от гауптшарфюрера СС Венцеля в присутствии штурмшарфюрера СС Кноппа. Сегодня в 8 часов утра мы, гаупшарфюрер СС Бергер, унтершарфюрер СС Пааль, унтершарфюрер СС Фольбрехт и я, приехали на взятой на кожевенном заводе машине с шофером, который был украинцем, на участок, находившийся примерно в одном-полутора километрах за лагерем, с восемью заключенными нашей тюрьмы, чтобы выкопать могилу.

У входа в лагерь по распоряжению Пааля Фальбрехт и я вышли из машины. Этим распоряжением Пааль имел в виду скрыть от содержавшихся в лагере наши намерения и

не выдать эти намерения присутствием в лагере большого количества сотрудников СС.

Поэтому погрузку пленных в машину производили только я, Пааль и еще несколько полицейских. Первая группа состояла, по распоряжению Пааля, почти исключительно из безногих.

После того, как я расстрелял первых трех заключенных, вдруг услышал наверху крик. Так как четвертый заключенный был как раз на очереди, я быстренько прихлопнул его и, взглянув затем наверх, увидел, что у машины происходит страшная суматоха. Я и до того уже слышал выстрелы, а тут увидел, как пленные разбегались в разные стороны. Я не могу дать подробных данных о происшедшем, так как находился на расстоянии 40 — 50 метров. Я только могу сказать, что я увидел моих двух товарищей, лежащих на земле, и что двое пленных стреляли в меня и шофера из добытого ими оружия. Поняв, в чем дело, я выпустил оставшийся у меня в магазине четвертый патрон по заключенным, обстреливавшим нас, вставил новую обойму и вдруг заметил, что пуля ударила совсем рядом со мной. У меня появилось такое ощущение, будто бы в меня попали, но потом я понял, что ошибся. Теперь я объясняю это нервным шоком. Во всяком случае, я расстреливал патроны второго магазина по беглецам, хотя не могу точно сказать, попал ли я в кого-нибудь из них».

Я могу доложить, что последняя часть показаний Гессельбаха относится к вопросу организации поисков разбежавшихся калек, которые оказались безрезультатными.

Наконец, я хочу процитировать несколько выдержек из документа, идущего в переписке последним. Это — донесение оберштурмфюрера СС Кунтце. Он повторяет, в связи с чем подлежали уничтожению 78 человек после инспектирования лагеря Кальбахом.

«Благодаря своей нетрудоспособности военнопленные представляли... значительный балласт для лагеря... Исходя из этого, гауптштурмфюрер СС Кальбах распорядился, чтобы 24 декабря была произведена экзекуция больных военнопленных.

Ни здесь в управлении, ни в отделении нельзя было установить, по каким именно причинам прежний командир принял этих калек-пленных и отослал их в воспитательно-трудовой лагерь. По-видимому, военные власти предоставили в свое время этих военнопленных в распоряжение здешнего отделения для того, чтобы подвергнуть их «особому обращению», ибо они, вследствие своего физического состояния, не могли быть использованы на какой-нибудь работе.

Итак, гауптштурмфюрер СС Кальбах назначал экзекуцию на 24 декабря около 17 часов. Начальник Бердичевского отделения штурмшарфюрер СС Кнопп сообщил по телефону, что при выполнении означенной операции оба работника отделения — унтершарфюрер СС Пааль и ун-

тершарфюрер СС Фольбрехт — «подверглись нападению заключенных и были убиты из их собственного оружия...»

Таким образом, из двадцати восьми заключенных четыре были застрелены в могиле, два — при побеге, остальные двадцать два бежали.

Немедленно принятые ротенфюрером СС Гессельбахом меры для поимки беглецов при помощи команды находившегося вблизи стационарного лагеря были целесообразны, но безрезультатны. Все сбежавшие были немедленно объявлены в розыск начальником Бердичевского отделения, о чем были поставлены в известность все полицейские и армейские инстанции. Розыски, однако, будут затруднены тем, что имена бежавших неизвестны. Имеются лишь имена всех подлежавших «особому обращению», так что в розыск пришлось объявить и уже казненных и сбежавших.

25 декабря на том же месте под моим руководством была произведена операция по «особому обращению» с остальными 20 бывшими военнопленными. Так как можно было опасаться, что сбежавшие заключенные уже успели в короткий срок установить связь с каким-либо партизанским отрядом, то я распорядился о том, чтобы в стационарный лагерь снова послали команду в 20 человек, вооруженную легкими пулеметами и карабинами для охраны окрестностей. Экзекуция прошла без инцидентов».

Надо себе представить, как этих несчастных 20 человек, безруких и безногих, ведут на казнь в сопровождении сильной охраны эсэсовцев и войск, вооруженных пулеметами. Я цитирую дальше:

«В качестве меры возмездия я распорядился, чтобы жандармерия сейчас же произвела в прилегающих районах проверку всех уже расконвоированных военнопленных с целью выявления их политической деятельности за время существования Советской власти и чтобы из их рядов было арестовано и подвергнуто «особому обращению» 20 активистов и членов КП».

Для того чтобы закончить с материалом, относящимся к этому чудовищному преступлению гитлеровцев, я хотел бы обратить внимание Трибунала на несколько обстоятельств.

В дальнейшем отправки военнопленных были прекращены в связи с возражениями армии. Я не хочу, чтобы мои слова были истолкованы превратно. Армия не столько возражала против такой отправки, сколько выражала желание, чтобы эти военнопленные, будучи направляемы куда-то, немедленно получали пристанище.

О каком «пристанище» шла речь, нетрудно догадаться. Это то пристанище, куда, по словам Кноппа, перевозили «на грузовиках куда-то поблизости».

Второе обстоятельство, которое мне кажется важным, — это масштабы злодеяний. Относительно палачей Пааля, Гессельбаха и Фольбрехта Кнопп пишет:

«Об упомянутых выше трех лицах, которым я поручил произвести расстрел военнопленных, мне было известно,

что они, еще будучи в Киеве, принимали участие в массовых экзекуциях многих тысяч человек. И в местном управлении им, уже в мою бытность, поручался расстрел многих сотен людей».

Было бы неправильным, если бы я не подчеркнул исключительного зверства со стороны Кунтце — этого типичного представителя СС. Двадцать ни в чем не повинных людей, захваченных где попало и как попало, должны быть убиты. За что? Только за то, что они оказались в плену калеками.

Суд, конечно, учтет, что эти 22 инвалида по всем законам, божеским и человеческим, не должны были погибнуть от рук палачей, а должны были находиться под охраной германского правительства как военнопленные.

В высшей степени ценно признание Кунтце относительно мотивов, по которым военные власти направляли инвалидов в лагерь для «особого обращения». Он прямо говорит, что причиной этого было их физическое состояние, невозможность использовать их на какой-либо работе».

Каторжный режим, сплошной конвейер издевательств и пыток толкали советских людей на такие проявления отчаяния, как нападение на вооруженную до зубов охрану лагеря. Мы знаем о подобных, действительно героических, фактах. Свидетельские показания очевидцев находятся в наших руках.

Я предъявляю Вам собственноручные показания свидетелей Лампа (документ СССР-314), которого Вы допрашивали здесь несколько дней тому назад, и Риболя Фредерика (документ СССР-315). Они поведали о том, что в начале февраля 1945 года в лагере уничтожения Маутхаузене 800 заключенных военнослужащих Красной Армии, обезоружив стражу и прорвав колючую проволоку, через которую был пропущен электрический ток, вырвались из фашистского ада. Ламп показывает, как зверски расправлялись эсэсовцы с теми, кого они смогли поймать. Я процитирую несколько строчек:

«Те, кто вернулся в лагерь, были зверски замучены. А затем видели беглецов, которых вели обратно в блок № 20».

Отвлекаясь от цитаты, я должен доложить, что блок № 20 был блоком смерти.

«Они были избиты, и один был окровавлен. За ними шли человек 10 эсэсовцев, среди которых были 3 или 4 офицера. В руках у них были хлысты, они громко смеялись и, казалось, предвкушали удовольствие увидеть пытки, которым они собирались подвергнуть этих трех несчастных. Мужество восставших и жестокость репрессий оставили у всех заключенных Маутхаузена неизгладимое воспоминание».

К советским людям фашистские заговорщики относились все с одинаковой ненавистью. Если между ними и возникали какие-либо разногласия, то они касались лишь

способов истребления своих жертв. Часть стремилась уничтожить военнопленных немедленно, в то время как другие считали полезным сначала заживо высосать из них всю кровь и силу на заводах, фабриках, военных предприятиях, строительстве военных объектов.

Любая длительная война вызывает нехватку рабочих рук в промышленности и сельском хозяйстве. Фашистская Германия разрешала эту проблему путем ввоза белых рабов и рабынь. Видное место среди этих контингентов занимали военнопленные. Военнопленных направляли на самые тяжелые работы, где они массами гибли от истощения, непосильного труда, голода и зверской расправы со стороны охраны.

Я представляю Вам документ под номером ПС-1117 и цитирую из него три абзаца:

«В целях выполнения программы железо-сталелитейной промышленности и с тем, чтобы обеспечить требования угольной промышленности, фюрер 7 июля приказал использовать для этой цели военнопленных».

Я пропускаю несколько фраз, относящихся к технике этого вопроса, и цитирую пункт второй этой директивы:

«2. Всех советских военнопленных, захваченных с 5 июля 1943 г., из лагерей ОКВ направлять в распоряжение генерального уполномоченного по рабочей силе с тем, чтобы последний мог их в первую очередь использовать в угольной промышленности».

Очень важен четвертый пункт. В нем содержится прямая директива о том, как превращать в военнопленных всех мужчин в возрасте от 16 до 55 лет.

«4. Всех лиц мужского пола в возрасте от 16 до 55 лет, захваченных в боях с партизанами в районе военных операций, расположения войск восточных комиссариатов, генерал-губернаторства и на Балканах, считать военнопленными. То же самое относится к мужчинам во вновь оккупированных областях на Востоке. Они должны будут посылаться в лагерь для военнопленных и оттуда направляться на работу в Германию».

Второй документ под номером ПС-744, исходящий от начальника ОКВ 8 июля 1943 г., дублирует эту директиву. Документ подписан Кейтелем. К тексту подписанного Кейтелем документа (§ 4) имеется примечание. Оно адресовано всем высшим инстанциям СС и подписано Гиммлером. Текст его уже был оглашен 20 декабря 1945 г. Поэтому я напомню лишь содержание. Речь шла о порядке направления детей, старух, стариков и женщин молодых возрастов. Гиммлер указывает, как и каким порядком через ведомство Заукеля они должны направляться в Германию. И в этом случае Гиммлер, Кейтель, Заукель выступают как одно целое в трех лицах.

Я считаю весьма важным документ, который мы предъявляем Вам под номером СССР-354. Это отчет о лагере

для военнопленных в Минске. Он исходит из канцелярии Розенберга и составлен 10 июля 1941 г. в Берлине.

Председатель: Скажите, пожалуйста, он уже представлялся в качестве доказательства?

Покровский: Этот документ не оглашался.

Я позволю себе процитировать несколько выдержек.

«В лагере военнопленных, в Минском отделении, на территории размером с Вильгельмплац, находится приблизительно 100 тысяч военнопленных и 40 тысяч гражданских заключенных. Заключенные ютятся на такой ограниченной территории, что едва могут шевелиться и вынуждены отправлять естественные надобности там, где стоят. Этот лагерь охраняется командой кадровых солдат в количестве, составляющем роту. Такая недостаточная охрана лагеря возможна только при условии применения самой жестокой силы.

Единственным доступным средством недостаточной охраны, день и ночь стоящей на посту, является огнестрельное оружие, которое она беспощадно применяет».

Далее авторы документа сетуют на невозможность произвести отбор пленных в физическом и расовом отношении для разного рода тяжелых работ. После того, как приступили к такому отбору, на второй день это мероприятие было запрещено. Я цитирую:

«...Со ссылкой на приказ генерал-фельдмаршала Клюге, согласно которому вопрос о предоставлении заключенных для работы фельдмаршал решает сам».

29 января 1943 г. за подписью главнокомандующего сухопутными силами были даны указания относительно «Права необходимой обороны, применительно к военнопленным». Это документ ПС-696; мы представляем его под номером СССР-355, так как он не оглашался. Он начинается так:

«Военными органами и органами национал-социалистской партии неоднократно выдвигался и ставился вопрос относительно обращения с военнопленными в связи с тем, что они считают предусмотренные в соглашении от 1929 года возможности наказания недостаточными».

В документе разъясняется, что для всех военнопленных, кроме советских, прежнее указание остается в силе. Для советских же военнопленных действует распоряжение отдела военнопленных ОКВ № 389/42с от 24 марта 1942 г.

Второй документ — это циркуляр партийной канцелярии нацистской партии, имеющий № 12/43с. Циркуляр исходит от руководителя партийной канцелярии Бормана и подписан им 12 февраля 1943 г.

Циркуляр разослан рейхслейтерам, гаулейтерам, командирам соединений. В нем сообщается о секретном указании начальника штаба ОКВ за № 3868/42с.

Таким образом, еще раз полностью доказано, что за все зверства в отношении советских военнопленных несут одинаковую ответственность и руководство нацистской партии, и военное командование.

В отношении всех военнопленных, кроме советских, сохраняют силу указания устава военно-морского флота, а в отношении советских военнопленных «...действует распоряжение ОКВ», о котором я уже говорил.

И в этом вопросе с абсолютной бесспорностью устанавливается единая преступная линия и руководства нацистской партии, и ОКВ, как я уже доложил Трибуналу.

До нас дошла служебная записка за подписью Ламмерса. Этот документ имеет номер ПС-073.

Мы предъявляем его под номером СССР-361. Он не оглашался. В документе сказано:

«Военнопленные являются иностранцами... В соответствии с этим руководство всеми невоенными делами военнопленных и сосредоточено в министерстве иностранных дел...»

Я пропускаю несколько фраз.

«...Исключением из этого правила являются советские военнопленные, которые подчинены министру по управлению оккупированными областями Востока, так как в отношении их не действует Женевская Конвенция и они занимают особое политическое положение».

В связи с этой позицией я предъявляю Вам под номером СССР-356 немецкий документ. Это заметки, составленные в управлении разведки и контрразведки 15 сентября 1941 г. для «господина начальника штаба ОКВ». Я оглашу несколько выдержек:

«Женевское соглашение о военнопленных не действует между Германией и СССР, поэтому действуют только основные положения общего международного права об обращении с военнопленными. Эти последние сложились в XVIII столетии в том направлении, что военный план не является ни местью, ни наказанием, а только мерой предосторожности, единственная цель которой заключается в том, чтобы воспрепятствовать военнопленным в дальнейшем участвовать в войне. Это основное положение развивалось в связи с господствующими во всех армиях воззрениями, что с военной точки зрения недопустимо убивать или увечить беззащитных. Кроме того, каждый военачальник заинтересован в том, чтобы быть уверенным, что его собственные солдаты в случае пленения будут защищены от плохого обращения.

Имеющиеся в приложении № 1 распоряжения об обращении с советскими военнопленными исходят, как это видно из вступительных фраз, из совершенно иных предпосылок...»

В целях экономии времени я пропускаю ряд фраз и оглашаю конец абзаца:

«...А также устраняют и многое другое, что до сих пор в соответствии с опытом считалось не только целесообразным с военной точки зрения, но и обязательным в целях поддержания воинской дисциплины и боеспособности собственных войск.

Распоряжения составлены в самых общих выражениях. Но если иметь перед глазами господствующую над ними основную тенденцию, то допускаемые «распоряжениями» меры должны привести к произвольным безнаказанным убийствам, хотя формально произвол и был бы запрещен.

Это видно, например, из правил применения оружия в случае неповиновения караульным командам и их начальникам, не знакомым с языком военнопленных; сплошь и рядом невозможно будет распознать, является ли неисполнение приказания результатом недоразумения или неповиновения. Основное положение о том, что применение оружия против советских военнопленных, как правило, считается «правомерным», освобождает караульных от всякой обязанности разбираться в этом».

Я пропускаю еще два абзаца, как не имеющие отношения к интересующим нас вопросам, и цитирую дальше:

«Организация лагерной полиции, вооруженной палками, кнутами и др. оружием, противоречит военным воззрениям, даже если эта работа и выполняется заключенными. Кроме того, органы вооруженных сил передают тем самым средства наказания в чужие руки без того, чтобы иметь в виду возможность действительно проверять их применение».

Я хочу процитировать еще одну фразу, взятую из пункта пятого этих заметок.

«В приложении № 2 приводится перевод русского закона о военнопленных, который соответствует основным положениям общего международного права и, более того, положениям Женевского соглашения о военнопленных».

Документ этот подписан начальником управления разведки и контрразведки адмиралом Канарисом. К нему приложены распоряжения об обращении с советскими военнопленными...

В свете оглашенных документов, а также протеста германских военнопленных лагеря № 78, из которого видно, как гуманно обращалось советское командование с военнопленными из состава германской армии, бесстыдным издевательством звучит фраза из приложения № 1 к оперативному приказу № 14 начальника полиции безопасности и СД относительно обращения с советскими военнопленными. Эта фраза может быть Вами прочитана в документе, который я предъявляю Трибуналу под номером СССР-3:

«Большевистский солдат потерял право на обращение с ним, как с честным солдатом и в соответствии с Женевской Конвенцией».

Прошу Трибунал запомнить, что в приложении № 2 к приказу ставки главного командования вермахта № 11, датированному 7 октября 1941 г., имеется и такая директива:

«Деятельность зондеркоманд с санкции командующих тылом армейской группы (районных комендантов по делам военнопленных) должна проходить так, чтобы фильтрация проводилась по возможности незаметно, а ликвидация без промедления и на таком расстоянии от самих пересыльных лагерей и населенных пунктов, чтобы это не было известно остальным военнопленным и населению».

Вот какие перевозки военнопленных «куда-то на грузовиках неподалеку» имел в виду квалифицированный палач Кунтце, когда отчитывался перед своим начальством по поводу «инцидента при экзекуции 28 военнопленных инвалидов».

В числе документов, предъявляемых советской делегацией Трибуналу, имеются материалы о расстреле 7 апреля 1945 г. на кладбище Зельхорст (Ганновер) 150 военнопленных и советских граждан. Мы предъявляем эти материалы под номером СССР-112. Они состоят из ряда показаний, в том числе показаний офицера Красной Армии Петра Пальникова, который спасся от расстрела. Они предоставлены в наше распоряжение американскими следственными органами. Там имеются показания и других лиц из местного населения, которые были допрошены под присягой американскими следственными органами. Свидетельские показания подкреплены медицинским отчетом по эксгумации трупов из могил на кладбище Зельхорст. Кроме того, мы предъявили фотографии, удостоверенные надлежащим образом.

Я не буду оглашать всех этих документов, а только отмечу, что 167 трупов, которые были эксгумированы, были специально отмечены в заключении комиссии в том смысле, что по ним можно было судить о «недостаточном питании в очень большой степени».

Мне важно подчеркнуть это обстоятельство, чтобы у Суда была абсолютная ясность относительно условий питания советских военнопленных в самых различных лагерях. Вне зависимости от того, на территории какого оккупированного государства находился лагерь, советских военнопленных морили голодом с одинаковой жестокостью и последовательностью.

К тому моменту, когда я докладываю Вам о гитлеровских зверствах в отношении военнопленных, мы располагаем некоторыми приговорами судов над фашистскими преступниками, которые совершили свои преступления на временно оккупированных территориях. Под номером СССР-87 я передаю Трибуналу как доказательство в соответствии со статьей 21 Устава приговор военного трибунала округа. Он вынесен 19 декабря 1945 г. в городе Смоленске. Трибунал осудил к разным мерам наказания, начиная с 12 лет каторжных работ до смертной казни через повеше-

ние, 10 гитлеровцев — непосредственных виновников многочисленных злодеяний в городе Смоленске и Смоленской области.

Я не буду оглашать документ в целом, но докладываю Суду, что на страницах 4, 5 и 6 приговора содержатся сведения о том, как в результате псевдонаучных экспериментов над военнопленными лица, имевшие, к стыду для медицины, звание немецких профессоров и врачей, мучили и умерщвляли путем заражения крови советских военнопленных.

Там говорится далее, как в результате варварских распоряжений со стороны немецких охранников в пути следования советских военнопленных из города Вязьмы в Смоленск было уничтожено до 10 тысяч полуживых, истощенных людей. Именно это место, именно эти сведения Вы найдете в пункте третьем приговора. В приговоре отражены массовые, систематические расстрелы военнопленных в лагере № 126 в городе Смоленске при переводе военнопленных в лазарет. Приговор отмечает факты расстрела военнопленных, которые в силу истощения не могли больше работать.

Теперь я хотел бы перейти к вопросу о гитлеровских зверствах, совершенных ими по отношению к военнослужащим чехословацкой, польской и югославской армий. В обвинительном акте по данному делу в числе тягчайших преступлений, за которые отвечают главные военные преступники, указан массовый расстрел немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (вблизи Смоленска) военнопленных поляков. Я предъявляю Трибуналу как доказательство этого злодеяния официальные материалы Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела. Эта Комиссия состояла из академиков Бурденко и Алексея Толстого, Митрополита Николая, председателя Всеславянского Комитета генерал-лейтенанта Гундорова, председателя Исполнительного комитета Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца Колесникова, Народного комиссара просвещения Российской Советской Федеративной Социалистической Республики академика Потемкина, начальника Главного военно-санитарного управления Красной Армии генерал-полковника Смирнова и председателя Смоленского областного исполнительного комитета Мельникова. Для участия в своей работе Комиссия привлекла судебно-медицинскую экспертизу из наиболее авторитетных специалистов.

Потребовалось бы слишком много времени, чтобы полностью огласить тот подробный и обстоятельный документ, который под номером СССР-54 я представляю Вам как результат расследования. Поэтому я позволю себе огласить лишь небольшие, сравнительно, выдержки:

«Общее количество трупов по подсчету судебно-медицинских экспертов достигает 11 тысяч.

Судебно-медицинские эксперты произвели подробное исследование извлеченных трупов, тех документов и вещественных доказательств, которые были обнаружены на трупах и в могилах.

Одновременно со вскрытием могил и исследованием трупов Специальная Комиссия произвела опрос многочисленных свидетелей из местного населения, показаниями которых точно устанавливаются время и обстоятельства преступлений, совершенных немецкими оккупантами.

...Из всех материалов, находящихся в распоряжении Специальной Комиссии, а именно — показаний свыше ста опрошенных ею свидетелей, данных судебно-медицинской экспертизы, документов и вещественных доказательств, извлеченных из могил Катынского леса, с неопровержимой ясностью вытекают следующие выводы:

1. Военнопленные поляки, находившиеся в трех лагерях западнее Смоленска и занятые на дорожно-строительных работах до начала войны, оставались там и после вторжения немецких оккупантов в Смоленск до сентября 1941 года включительно.

2. В Катынском лесу осенью 1941 года производились немецкими оккупационными властями массовые расстрелы польских военнопленных из вышеуказанных лагерей.

3. Массовые расстрелы польских военнопленных в Катынском лесу производило немецкое военное учреждение, скрывавшееся под условным наименованием «штаб 537-го строительного батальона», во главе которого стояли подполковник Арнес[1] и его сотрудники обер-лейтенант Рекс, лейтенант Хотт.

4. В связи с ухудшением для Германии общей военно-политической обстановки к началу 1943 года немецкие оккупационные власти в провокационных целях предприняли ряд мер к тому, чтобы приписать свои собственные злодеяния органам Советской власти в расчете поссорить русских с поляками.

5. В этих целях:

а) немецко-фашистские захватчики путем уговоров, попыток подкупа, угроз и варварских истязаний старались найти «свидетелей» из числа советских граждан, от которых добивались ложных показаний о том, что военнопленные поляки якобы были расстреляны органами Советской власти весной 1940 года;

б) немецкие оккупационные власти весной 1943 года свозили из других мест трупы расстрелянных ими военнопленных поляков и складывали их в разрытые могилы Катынского леса с расчетом скрыть следы своих собственных злодеяний и увеличить число «большевистских зверств» в Катынском лесу;

---

[1] Как было установлено Трибуналом, — Арнс.

в) готовясь к своей провокации, немецкие оккупационные власти для работы по разрытию могил в Катынском лесу, извлечению оттуда изобличающих их документов и вещественных доказательств использовали до 500 русских военнопленных, которые по выполнении этой работы были немцами расстреляны.

6. Данными судебно-медицинской экспертизы с несомненностью устанавливается:

а) время расстрела — осень 1941 года;

б) применение немецкими палачами при расстреле польских военнопленных того же способа пистолетного выстрела в затылок, который применялся ими при массовых убийствах советских граждан в других городах, в частности в Орле, Воронеже, Краснодаре и в том же Смоленске».

В пункте седьмом общих выводов Комиссии сказано:

«Выводы из свидетельских показаний и судебно-медицинской экспертизы о расстреле немцами военнопленных поляков осенью 1941 года полностью подтверждаются вещественными доказательствами и документами, извлеченными из катынских могил.

8. Расстреливая польских военнопленных в Катынском лесу, немецко-фашистские захватчики последовательно осуществляли свою политику физического уничтожения славянских народов».

Затем следуют подписи всего состава Комиссии.

Катынью не исчерпываются гитлеровские преступления против военнослужащих польской армии. В Польском правительственном докладе, который был предъявлен мною под номером СССР-93, мы находим ряд доказательств нарушения гитлеровскими заговорщиками элементарных норм международного права в отношении законов и обычаев войны. На странице 36 этого доклада мы находим в качестве самостоятельного пункта собранный материал об издевательствах над военнопленными и их истреблении. В докладе сказано:

«По мере возвращения польских офицеров и других чинов из германских лагерей для военнопленных поступает все больше подробностей относительно условий, господствовавших в немецких лагерях. Все эти детали доказывают, несомненно, генеральную линию политики, инструкций и приказов в отношении польских военнопленных. Плохое обращение, лишения и нечеловеческие условия были общими явлениями, убийства и причинение тяжелых телесных повреждений весьма часты. Ниже приведены примеры, которые были установлены показаниями свидетелей, подкрепленными присягой».

Я позволю себе огласить несколько примеров из числа приведенных в Польском докладе. В качестве первого примера я могу изложить описание факта, имевшего место во временном лагере для военнопленных в городе Бельске.

«10 октября 1939 г. комендант лагеря созвал всех заключенных и приказал тем, которые боролись в польской армии в качестве добровольцев, поднять руку. Трое военнопленных сделали это. Их немедленно вывели из шеренги, поставили на расстоянии 25 метров от группы немецких солдат, вооруженных пулеметом. Комендант приказал стрелять. Затем комендант обратился к оставшимся в живых и сказал, что три добровольца были казнены для примера».

Осенью 1939 года в Кунау, вблизи Сагана, у реки Бобер, притока Одера, был устроен лагерь «шталаг-VIII-C». Показания свидетелей из числа находившихся в этом лагере рисуют следующее:

«Лагерь в Кунау представлял открытое пространство, огороженное колючей проволокой, с большими палатками для 180 — 200 человек каждая. Несмотря на сильный холод (минус 25 градусов по Цельсию), в декабре 1939 года там не было вовсе отопительных приспособлений. Вследствие этого жители отмораживали себе руки, ноги и уши. Так как у пленных не было покрывал и их изношенные мундиры не защищали от холода, возникали болезни, а дурное питание вызывало полное изнурение. Вдобавок смотрители третировали беспрестанно заключенных. Их били по любому поводу, ломая ребра и руки и выбивая глаза.

Это нечеловеческое обращение было поводом нескольких случаев самоубийства и помешательства среди солдат».

Я считаю возможным перейти сразу к общим выводам и огласить с этой целью пункт «ж» документа.

«Обращаясь с польскими военнопленными описанным способом, отдельные лица, как и военные власти Германии, самым явным образом нарушили постановления статей 2, 3, 9, 10, 11, 29, 30, 50 и 54 Женевской Конвенции 1929 года. Упомянутая Конвенция была ратифицирована Германией 21 февраля 1934 г.».

Военнослужащие югославской армии, попадавшие в плен к немецким войскам, становились объектами самого разнузданного произвола со стороны фашистских захватчиков. Издевательства, пытки и мучения, а также массовые казни были введены в систему. Гитлеровские преступники и в этом случае прекрасно отдавали себе отчет о том, что они творят.

Для того чтобы в какой-то степени обелить себя в глазах мирового общественного мнения, они во всех документах, связанных с уничтожением военнопленных югославов, именуют офицеров и солдат югославских вооруженных сил «бандитами».

На странице 23 Югославского правительственного сообщения, во втором абзаце снизу, по этому поводу сказано. Я цитирую документ под номером СССР-36:

«...Повсюду, где немцы использовали в качестве предлога для уничтожения гражданского населения (женщин, детей и стариков) так называемые действия против «банд и бандитов», речь шла о военных действиях против соединений югославской национально-освободительной армии и партизанских частей...

Части национально-освободительной армии под военным командованием и с четкими военными знаками различия вели вооруженную борьбу с фашистскими оккупантами и пользовались при этом полным признанием всех союзников. Впрочем, мы позднее увидим, что само германское командование в некоторых своих документах ясно признало этот факт, но в своем отношении к югославским борцам оно продолжало безудержно нарушать положения международного военного права».

В качестве дополнительного подтверждения сообщения, оформленного в соответствии со статьей 21 Устава как доказательство по делу, я представляю Суду еще один документ под номером СССР-305 (Ю-68). Это выдержка из сообщения Югославской государственной комиссии по установлению преступлений оккупантов и их сообщников. Государственная комиссия сообщает, что в ее распоряжении имеется секретный доклад генерал-лейтенанта Геслина, командира 188-й германской запасной горно-стрелковой дивизии, за № 9070/44. Доклад имеет огромное значение в силу следующих соображений, о которых я Вам доложу словами документа СССР-305. Я цитирую:

«Хотя в докладе наши дивизии, бригады и дивизионы называются их настоящими именами и настоящими номерами — в случае боевого столкновения с ними, — однако вся наша армия в этом докладе именуется общим именем «бандиты» и притом по той простой причине, что таким образом они стремятся отнять у нас права воюющей стороны, иметь право расстреливать военнопленных, убивать раненых и иметь повод для репрессивных мер против неборющегося, мирного населения из-за предполагаемого содействия «бандитам».

Генерал-лейтенант Геслин признал, что боевая группа полковника Кристеля после «столкновения ночью со слабыми силами бандитов», — так дословно говорится в докладе, — сожгла деревни Ласковица, Лазна, Локва, Чепова и уничтожила один госпиталь...»

В докладе генерала Геслина говорится далее, что дивизия вместе с 3-м полком «Бранденбург» и другими немецкими полицейскими частями принимала участие в «свободной охоте на бандитов в окрестностях Клана (операция «Эрнст»)...»

Я представляю Вам документ за номером СССР-132 (Ю-67). Это заверенная Югославской государственной комиссией выдержка из указаний генерал-майора Кюблера о

поведении войск при наступлении. Я оглашаю эти выдержки:

«Секретно. 118-я истребительная дивизия, отдел 1-С, № 1418/43 — секретно. Дивизионная штаб-квартира. 12 июня 1943 года. Указания о поведении войск при наступлении...

п. 2. Пленные: тот, кто открыто участвовал в боях против вооруженных сил Германии и попал в плен, подлежит после допроса расстрелу».

Я передаю, далее, Трибуналу документ СССР-304 (Ю-56). Под этим номером зарегистрирована выдержка из сообщения № 6 Югославской государственной комиссии по установлению преступлений оккупантов и их сообщников.

В последнем абзаце документа СССР-304 сказано:

«3 мая 1945 г. немцы привезли из одной партизанской больницы 35 связанных больных и санитаров; 10 больных, которые не могли передвигаться, были поставлены, расстреляны, сложены в кучу, покрыты дровами и подожжены».

Под номером СССР-307 (Ю-73) я представляю Вам еще одну выдержку из сообщения номер 6 той же государственной комиссии, «Сообщения о преступлениях оккупантов и их сообщников». Я цитирую сейчас часть выдержки:

«5 июня 1944 г. ...гитлеровские преступники взяли в плен двух солдат югославской освободительной армии и словенских партизанских отрядов. Они привезли их в Разор, где отрезали им штыками носы и уши, выкололи им глаза и потом спросили их, могут ли они теперь видеть товарища Тито? Вслед за этим они созвали крестьян и отрубили обеим жертвам головы... Обе головы они поставили на стол...»

По своему обыкновению фотографировать трупы своих жертв фашисты произвели фотосъемку, и, как далее говорится в цитируемой мной выдержке, «позднее, во время боев, эти фотокарточки были взяты у убитого немца. По ним видно, что они относятся к вышеупомянутому происшествию в Разоре».

Трибуналу будут предъявлены эти снимки среди других югославских фотодокументов.

Я предъявляю Вам под номером СССР-65/А (Ю-69) объявление за подписью командира отрядов СС и полиции в 18-ом военном округе группенфюрера СС и генерал-лейтенанта полиции Резенера.

Часть этого объявления я оглашу. Вы увидите, что взятых в плен бойцов югославских вооруженных сил вешали и расстреливали.

«В связи с боевыми действиями между полицейскими отрядами... за последнее время в бою расстреляно 18 бандитов и взято много пленных.

Из числа пленных 30 июня 1942 г. в Штейне были публично повешены следующие бандиты...»

Далее в объявлении, которое я не зачитываю, следуют фамилии восьми югославских бойцов — мужчин в возрасте от 21 до 40 лет. На странице 36 нашего документа СССР-36, в первом абзаце снизу, читаем:

«Подобные сведения мы встречаем в захваченных протокольных записях совещаний штаба гаулейтера Юберрейтера...

Так, например, в протоколе от 23 марта 1942 г. говорится:

«...Сегодня в Марбурге казнено 15 бандитов...» (Я пропускаю несколько фраз.) В протоколе от 27 июля 1942 г. записано: «За последнее время расстреляно много участников банд». В протоколе от 21 декабря 1942 г. имеется место: «...С начала деятельности банд, с июля 1941 года, полиция порядка уничтожила 164 бандита, а в порядке чрезвычайных мероприятий уничтожено 1043». В протоколе от 25 января 1943 г. записано: «Количество участников банд, ликвидированных полицией безопасности и полицией порядка 8 января 1943 г., составляет 86, включая раненых и взятых в плен. Из них 77 предано смертной казни».

Такие записи встречаются в каждом протоколе совещаний Юберрейтера».

Некоторая часть военнопленных, которая избежала немедленного уничтожения, направлялась в специальные лагеря и постепенно истреблялась путем голода и самой изнурительной работы. Я оглашаю последний абзац страницы 37 Югославского правительственного доклада, уже упоминавшегося мной и предъявленного мной под номером СССР-36:

«Такой лагерь был создан в 1942 году в Ботене у Рогнана. Сюда было сослано около тысячи югославских военнопленных. Через несколько месяцев все до последнего человека погибли от болезней, голода, телесных истязаний и расстрелов. Ежедневно они были обязаны выполнять самые тяжелые работы на строительстве дорог и плотин. Рабочий день длился с рассвета до шести часов вечера в ужаснейших климатических условиях крайнего севера Норвегии. Во время работ военнопленные беспрерывно избивались. В лагерях они подвергались беспрерывным ужасным издевательствам. Так, например, в августе 1942 года германские лагерные власти приказали всем пленным уничтожить все волосяные покровы в подмышечных впадинах и на половых органах. Тем, кто этого не сделает, грозил расстрел. Хотя они знали, что у пленных не было никаких бритвенных принадлежностей, они не выдавали им их. Пленные были вынуждены вырывать себе и друг другу волосы всю ночь. Несмотря на это, немецкие

часовые утром расстреляли четырех и ранили трех пленных.

26 ноября 1942 г. немецкие солдаты ворвались в лазарет, вывели во двор 80 больных пленных, раздели их, несмотря на страшный мороз, и всех расстреляли.

26 января 1943 г. от избиений в страшных муках умерло 50 пленных. В течение всей зимы много военнопленных было уничтожено следующим образом: совершенно голые, они закапывались наполовину в снег и поливались сверху водой. Немцы делали из них «ледяные статуи». Установлено, что всего в этом лагере различными способами уничтожено 880 югославских военнопленных».

Далее, на странице 38 Югославского правительственного доклада содержатся сведения о расстреле югославских пленных в лагере Байсфьорд. После того как 10 июля 1942 г. в этом лагере вспыхнула эпидемия сыпного тифа и охватила шесть лагерей, немцы не нашли другого способа борьбы с эпидемией, как поголовный расстрел всех больных. Это было сделано 17 июля 1942 г.

На той же странице имеется ссылка на норвежское сообщение от 22 января 1942 г., составленное на основании показаний бежавших норвежских охранников лагеря Байсфьорд, где сказано, что из 900 югославских пленных было расстреляно 320 человек, а остальные с целью изоляции были переведены в другой лагерь — Бьерфель. Я оглашаю страницу 38 документа за номером СССР-36, начиная с пятого абзаца снизу.

«Когда и здесь вспыхнул сыпной тиф, то в течение пяти-шести недель немцы ежедневно расстреливали по 12 человек. В конце августа 1942 года в Байсфьорд возвратилось всего 350 заключенных. Германские части СС продолжали уничтожение. Наконец, в живых осталось 200 человек, которых перевели в Озен».

Я пропускаю два абзаца и перехожу к последнему на той же странице:

«22 июня 1943 г. в Норвегию прибыл транспорт с 900 югославскими пленными. Эшелон состоял из интеллигентов, рабочих и крестьян, которые частично были пленными бывшей югославской армии, частично пленными партизанами и так называемыми «политически подозрительными элементами». Около 400 человек были помещены в не полностью отстроенный лагерь Корген. Вторая группа, около 500 человек, — в 10 — 12 километрах от него, в Озен. Комендантом обоих лагерей был штурмбанфюрер СС Дольпс с июня 1942 года по конец марта 1943 года...

Люди постепенно умирали от голода. В бараках, предназначенных для шести человек, было помещено по 45 человек... Не было никаких лекарств... Они работали... в тяжелых условиях... на шоссейных дорогах, в сильный мо-

роз, без одежды и головных уборов, в дождь и бурю по 12 часов в сутки... В лагере Озен военнопленные спали в одних рубашках, без кальсон, без одеял, на голых досках. Дольпс лично осматривал и контролировал бараки. Военнопленных, которые спали в кальсонах, расстреливал на месте из своего автомата. Так же он поступал с теми, кто во время проверки в шеренге, которую он проводил, оказывался в грязном нижнем белье... В конце 1942 года из первой группы в четыреста пленных в Коргене в живых осталось только 90 человек... Из 500 пленных, поступивших в конце июня 1942 года в Озен, к марту 1943 года осталось в живых только 30 человек».

Я перехожу к оглашению выдержки со страницы 39 документа под номером СССР-36, начиная с третьего снизу абзаца:

«Наряду с этим жесточайшим обращением с военнопленными борцами национально-освободительной югославской армии и партизанских частей немцы, вопреки международному праву и в явном противоречии с положениями Женевского Соглашения об обращении с военнопленными от 1929 года, так же жестоко обращались с югославскими военнопленными старой югославской армии.

В апреле 1941 года, непосредственно после оккупации югославской территории, немцы угнали в Германию как военнопленных около 300 тысяч солдат и офицеров. Югославская государственная комиссия располагает многочисленными доказательствами об издевательствах и противозаконном обращении с этими военнопленными. Здесь же приведем несколько примеров:

14 июля 1943 г. в офицерском лагере СС в Оснабрюке были выделены 740 военнопленных югославских офицеров и переведены в специальный штрафной лагерь, носивший название лагерь «Д». Здесь их разместили в четырех бараках. Им было запрещено всякое соприкосновение с остальными отделениями лагеря. Обращение с ними еще больше противоречило международным соглашениям, чем обращение с прочими военнопленными. В этом штрафном лагере находились все те, которых немцы причисляли к приверженцам национально-освободительного движения. Часто в отношении их применялись меры массового наказания.

Немцы играли жизнью военнопленных и часто расстреливали их из прихоти. В лагере Оснабрюк 11 января 1942 г. немецкий часовой начал стрелять в группу военнопленных и при этом тяжело ранил капитана Пэтара Ножинича; 22 июля 1942 г. часовой выстрелил в группу офицеров; 2 сентября 1942 г. часовой выстрелил в югославского старшего лейтенанта Владислава Вайса, который вследствие этого ранения надолго стал инвалидом; 22 сентября 1942 г. часовой с наблюдательной вышки стал стрелять в группу офицеров; 18 декабря 1942 г. часовой выстрелил в группу

офицеров, наблюдавших из окна своего барака за проходившими английскими военнопленными; 20 февраля 1943 г. часовой выстрелил в военнопленного офицера только за то, что он курил; 11 марта 1943 г. часовой открыл огонь по двери барака и убил военнопленного генерала Дмитрия Павлевича; 21 июня 1943 г. часовой выстрелил в югославского подполковника Бранко Попанича; 26 апреля 1944 г. немецкий унтер-офицер Рихардс выстрелил в старшего лейтенанта Владислава Гайдера, который вскоре после этого умер от ран.

26 июня 1944 г. немецкий капитан Кунце выстрелил в двух югославских офицеров и тяжело ранил старшего лейтенанта Дьорьевича.

Вся эта стрельба велась без всякого основания и без всякой причины. Она была результатом жестоких приказов германского коменданта лагеря, согласно которым оружие применялось даже при самых незначительных проступках.

Все перечисленные случаи произошли в одном и том же лагере, но та же самая картина имела место во всех остальных лагерях для военнопленных югославских офицеров и солдат».

В Чехословацком правительственном докладе приводится факт, который я хочу доложить вам. Он характерен не тем, что вносит что-либо новое в освещение методов фашистских злодеяний, а тем, что имел место тогда, когда гитлеровцы уже совершенно отчетливо понимали, что они доживают последние дни. Этот факт описан в четвертом приложении к Чехословацкому правительственному докладу, и я изложу его вкратце своими словами.

В Гавличковом Броде имелся аэродром, где размещались военные учреждения, а в бывшем убежище для умалишенных находился лазарет СС. Когда встал вопрос об оформлении сдачи немецких военных частей, находившихся на аэродроме (в 1945 году), туда направились в качестве официальных представителей чешской армии штабс-капитан Сула с одним из своих сослуживцев. Ни один из них не вернулся. Несколько позднее аэродром и госпиталь были взяты чешскими национальными частями, и было произведено расследование. Оказалось, что парламентеры, а также ранее исчезнувшие в Гавличковом Броде шесть человек были приведены немцами в госпиталь СС, где их подвергли жестоким пыткам, в частности, штабс-капитану Суле был вырезан язык, выколот глаз и разрезана грудь. С остальными поступили подобным образом. У большинства из них были вырезаны половые органы.

В подтверждение этого факта имеются фотодокументы, которые я представляю Суду.

Мой доклад занял несколько часов. Ни этого времени, ни слов, имеющихся в запасах человеческой речи, конечно,

недостаточно, чтобы сказать о тысячной доле страданий всех воинов моей Родины и других демократических государств, которые имели несчастье оказаться во власти фашистских палачей.

Я мог лишь в самом сжатом виде показать Вам, как осуществлялись людоедские фашистские директивы об издевательствах над военнопленными, об их массовом истреблении способами, перед которыми бледнеют ужасы средневековья.

Мы попытаемся хотя бы несколько восполнить пробел. Перед Вами пройдут десятки тысяч свидетелей. Они вызваны в зал Суда по этому делу. Я не могу назвать их имен, и Вы не приведете их к присяге, но их показаниям нельзя не верить, ибо мертвые никогда не лгут. Значительная часть тех фильмов о немецких злодеяниях, которые Вам будут предъявлены советским обвинением, относятся к преступлениям против военнопленных. Немое свидетельство заживо сожженных в госпиталях, истерзанных до неузнаваемости пытками, замученных голодом — я уверен в этом — будет сильнее любых моих слов.

Враг вероломно напал на нашу страну. Люди взяли в руки оружие, чтобы защищать Родину, ее свободу, независимость, честь и жизнь своих семей. Они стали в ряды воинов. Они воевали. Некоторые из них оказались во власти врага. Посмотрите, как надругался враг над ними, когда в их руках уже не было оружия.

Так пусть за мучеников, за неописуемые зверства, которые Вы увидите сами, и за многие подобные, о которых, вероятно, не узнает уже никто, ответят по всей строгости Закона Международной Справедливости главные виновники фашистских злодеяний — главные военные преступники.

Из выступления помощника Главного обвинителя от СССР Л. Н. СМИРНОВА[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 26 февраля 1946 г.

Я прошу Суд в качестве одного из доказательств преступлений гитлеровцев в концлагерях для военнопленных принять материалы, которые я хотел бы предъявить Суду по просьбе наших уважаемых британских коллег. Советское обвинение тем более охотно выполняет эту просьбу, что считает материалы британского обвинения имеющими существенное значение для доказательства преступного

[1] ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 1, ед. хран. 28.

попрания главными гитлеровскими военными преступниками законов и обычаев войны, принятых в обращении с военнопленными всеми цивилизованными народами. Я прошу Суд приобщить к материалам процесса представляемые мною под номером СССР-413 документы британского обвинения, касающиеся жестокого убийства 50 пленных офицеров-летчиков королевских воздушных сил, захваченных после массового побега из лагеря военнопленных Люфт-3 в Сагане и расстрелянных немецкими преступниками после их задержания в ночь с 24 на 25 марта 1944 г. Эти документы состоят из официального отчета о преступлениях гитлеровцев за подписью Чаркотта, командира бригады, представителя военных британских властей, и приложенных к нему протоколов следственного суда, имевшего место в Сагане по приказу старшего британского офицера в лагере для военнопленных Люфт-3.

Кроме того, к материалам приложены показания следующих свидетелей союзных стран: подполковника военно-воздушных сил Дея, капитана авиации Тондера, капитана авиации Добзе, капитана авиации Вак-Вимерша, капитана авиации Грина, капитана авиации Маршалла, капитана авиации Нельсона, капитана авиации Черчилля, капитанов Нили и Хикса.

Материалы расследования подтверждены также показаниями, данными следующими немцами: генерал-майором Вестгофом, высшим правительственным советником и советником по вопросам уголовного права Вилем, полковником фон Линдейнером. К материалам приложен также фотостат официального списка погибших, переданного германским министерством иностранных дел швейцарской дипломатической миссии в Берлине, и отчет представителя державы, представляющей интересы воюющей стороны, о посещении им лагеря для военнопленных Люфт-3 5 июня 1944 г.

Кратко излагаю обстоятельства этого подлого преступления гитлеровцев, цитируя отчет командира бригады Чаркотта.

«В ночь с 24 на 25 марта 1944 г. 76 офицеров британских воздушных сил бежали из лагеря для военнопленных Люфт-3 в Сагане, в Силезии, где они были заключены как военнопленные. Из них 15 были вновь схвачены, 3 окончательно спаслись, а 8 человек после поимки были взяты в гестапо. О судьбе остальных пятидесяти летчиков немецкая администрация заявила следующее... »

Германские власти заявили, что 50 офицеров были якобы застрелены при попытке к бегству. На самом же деле это утверждение было очередной ложью гитлеровцев, так как тщательно произведенным британскими военными властями расследованием с бесспорностью установлено, что британские офицеры-летчики были подло убиты уже после задержания их германской полицией.

Из выступления заместителя Главного обвинителя от Франции Ш. ДЮБОСТА[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 30 января 1946 г.

...Другая сторона вопроса в этой политике террора и уничтожения выявляется при рассмотрении военных преступлений, совершенных Германией в отношении военнопленных. Эти преступления, как Вам будет доказано, преследовали, в частности, две цели. Первая из них — максимально унизить узников, чтобы подорвать в них энергию, деморализовать их, заставить сомневаться в самих себе, правоте дела, за которое они воевали, и вызвать у них разочарование в будущем, которое ожидает их родину. Вторая цель заключалась в уничтожении тех военнопленных, которые своими предшествующими действиями или тем, как они себя проявили, находясь в плену, показали, что они являются неприемлемыми для нового порядка, который нацисты хотели установить.

С этой целью Германия усугубила бесчеловечность обращения, стремясь максимально унизить людей, находившихся в ее руках, это были солдаты, верившие при сдаче в плен в чувство военной чести у армии, которой они сдавались. Военнопленных перевозили в самых бесчеловечных условиях. Солдат плохо кормили, заставляли проходить пешком очень большие расстояния, подвергали при этом всякого рода наказаниям; убивали, когда они уставали и не были в состоянии следовать в колонне. Во время этих переходов по этапу не предусматривалось никакого места для ночлега и никакого снабжения. Доказательством этого служит отчет о перегоне партии военнопленных, которая отправилась из Сагана 28 января 1945 года в 12 ч. 30 м. дня. Этот документ, РФ-46, был предъявлен моим коллегой господином Герцогом. Обращаюсь к другому документу, ВБ-170, РФ-355:

«1357 английских военнопленных всех рангов, которые двигались колоннами, вышли 28 января 1945 г. пешком из Шталага—III. Они проходили в этапном порядке до Шпремберга от 27 до 31 км в день. Из Шпремберга их направили в Лукенвальде. Во время перехода продуктов питания, воды, медикаментов, а также соответствующего ухода в большинстве случаев совершенно не было. По меньшей мере трое военнопленных должны были остаться в Мускау».

В конце страницы, третья строка снизу:

---

[1] IMT, vol. 6, p. 339—365.

«31-го числа они покрыли расстояние в 31 км, отделявшее их от Мускау. Во время этого перехода выбыли из строя три человека: лейтенанты Килли, Уайз и сержант Бэртон, которых пришлось оставить в госпитале».

Страница 2, в самом конце документа:

«Во время перехода, кроме посылок Красного Креста, о которых речь шла ранее, единственным питанием, которое выдавали военнопленным, были ячменная похлебка и полбулки на каждого. Снабжение водой было предоставлено воле случая. Пятнадцать человек во время перехода сбежали. Колонна французских и бельгийских военнопленных была поставлена в еще более тяжелые условия.

Форты в лагере находились в состоянии, нарушающем все правила гигиены; военнопленные были согнаны в очень небольшое помещение, им не хватало воды и топлива; в Шталаге-III-С они были размещены по 30—40 человек в одной комнате» (показания Будо).

Показания господина Будо фигурируют в отчете, который был также вручен Вам ранее господином Герцогом. Аналогичные выводы вытекают из отчетов Красного Креста.

Бергер, назначенный по указанию Гиммлера с 1 октября 1944 г. уполномоченным по делам военнопленных, признал на допросе, что питание военнопленных было абсолютно недостаточным.

Второй абзац:

«Я посетил лагерь к югу от Берлина, названия которого я не помню; быть может, я вспомню его позднее. Тогда я понял, что снабжение продовольствием совершенно неудовлетворительно, и это вызвало очень резкий разговор между Гиммлером и мной. Гиммлер был решительно против того, чтобы посылки Красного Креста продолжали раздавать в лагерях военнопленных в том же количестве, что и до сих пор. Со своей стороны я считал, что в таком случае возникнут серьезные трудности в связи со здоровьем лиц, о которых идет речь».

Мы представляем документ ПС-826, РФ-356. Этот документ исходит из ставки Гитлера и представляет собой отчет о посещении Норвегии и Дании. Вы найдете его на странице 7 предъявленной Вам книги документов. Читаю третий абзац:

«Все военнопленные в Норвегии получают продовольствие, позволяющее им лишь существовать, не работая. Однако лесоповал требует от военнопленных такой затраты энергии, что в случае, если снабжение продовольствием не улучшится, следует ожидать в ближайшее время значительного снижения производительности труда».

Эта заметка касается положения, в котором находились 82 тысячи военнопленных, содержавшихся в заключении в Норвегии, из которых 30 тысяч использовались на тяжелых строительных работах, проводимых организацией Тодта. Это вытекает из первого абзаца на странице 7.

Мы предъявляем теперь Трибуналу документ ПС-820 на девятой странице книги документов. В нем говорится о создании лагерей военнопленных в районах, подвергающихся бомбардировкам с воздуха. Этот документ исходит из ставки и датирован 18 августа 1943 г. Он был направлен главным командованием военно-воздушных сил верховному главнокомандующему вермахта. Мы представляем его под номером РФ-358 и огласим перед Трибуналом третий абзац:

«Главнокомандующий военно-воздушных сил предложил создать лагери для военнопленных в жилых районах городов, чтобы таким путем добиться некоторой защиты».

Я пропускаю абзац и читаю:

«Исходя из вышеизложенных рассуждений, возникает вопрос о немедленном создании таких лагерей в городах, находящихся под угрозой воздушных налетов; как это было установлено при обсуждении вопроса в городе Франкфурте, в этих городах будут приложены все усилия для ускорения строительства лагерей».

Наконец, последний абзац:

«К настоящему времени в Германии находится около 8 тысяч военнопленных английских и американских летчиков, не считая помещенных в госпиталь. Эвакуировав существующие лагеря в другие места, можно предоставить эти последние для размещения лиц, чьи жилища были разрушены. Таким образом, это дало бы нам число военнопленных, достаточное для заселения значительного числа указанных лагерей». Здесь имеются в виду лагеря, создаваемые в районах, подвергающихся бомбардировкам и в районах наибольшей их угрозы.

На странице 10 Трибунал обнаружит документ от 3 сентября 1943 г., исходящий из ставки фюрера. Он касается создания новых лагерей военнопленных для английских и американских летчиков. Это документ ПС-823, РФ-359.

«1. Главнокомандование германских военно-воздушных сил намечает создание новых лагерей для военнопленных летчиков, поскольку число их достигает более тысячи человек в месяц, а имеющихся в настоящее время мест, куда они могут быть помещены, недостаточно.

Главнокомандование германских военно-воздушных сил предлагает создать новые лагеря внутри жилых кварталов городов, что явится в то же время мерой защиты городского населения, а также предлагает перевести существующие в настоящее время лагеря, в которых находится около 8 тысяч английских и американских летчиков-военнопленных, в более крупные города, подвергающиеся угрозе нападения со стороны авиации противника.

2. Верховное командование германской армии и начальник управления по делам военнопленных в принципе одобрили этот проект».

На первой странице книги документов находится документ Ф-551, РФ-360. В этом документе, являющемся прика-

зом, говорится о наказаниях, налагаемых на военнопленных в нарушение 60-й и последующих статей Женевской Конвенции. Женевская Конвенция предусматривает, что при возбуждении судебного преследования против военнопленных следует уведомлять государство, представляющее интересы воюющих стран, и что это государство имеет право быть представленным на суде. Из документа, который мы представляем, явствует, что эти положения были нарушены. Мы оглашаем первую строку:

«На практике проведение в жизнь положений статей 60 и 66 и, в частности, — 2 статьи 66 Конвенции 1929 года относительно обращения с военнопленными сталкивается с серьезными трудностями. Для сурового уголовного преследования за особенно тяжкие преступления, как, например, за убийство охраны, неприемлемо положение, согласно которому смертный приговор может быть приведен в исполнение лишь по истечении трехмесячного срока после уведомления о приговоре государства, защищающего интересы воюющих стран. От этого должна будет страдать дисциплина среди военнопленных».

Я перехожу к странице 12:

«Предлагается следующее решение вопроса:

...б) Французы могут быть уверены, что процессы в германских военных трибуналах будут проводиться столь же тщательно, как и раньше.

в) Германией назначается защитник и устный переводчик.

г) В случае вынесения смертного приговора (это в конце двенадцатой страницы) для его приведения в исполнение будет дан соответствующий срок».

В начале страницы 13:

«Однако в отношении неотложных дел Германия сохраняет за собой право, даже если оно четко не сформулировано, привести приговор в исполнение немедленно».

В абзаце третьем говорится:

«Не может быть и речи о предоставлении разрешения Франции, которая может сослаться на третий абзац статьи 62 Женевской Конвенции, посылать своего представителя на наиболее важные процессы германских военных трибуналов».

В нашем распоряжении имеется пример нарушения шестидесятой и последующих статей Женевской Конвенции, содержащийся в отчете голландского правительства, который Трибунал обнаружит на странице 14 переданной ему книги документов.

Мы остановились на оглашении документа голландского правительства, Ф-224, РФ-324, из которого явствует, что был заявлен протест против тайного приговора к смертной казни трех офицеров: лейтенантов Ван-Боша, Браата и Тибо. Далее, документ, на который я уже ссылался, РФ-46, это отчет французского правительства по вопросу о военнопленных.

Из этого документа явствует, что нацисты, проводя систематическую политику устрашения, постарались сохранить возможно большее количество военнопленных для того, чтобы в случае необходимости оказывать эффективное давление на страны, из которых происходили эти военнопленные. Эта политика проводилась путем незаконного захвата военнопленных или систематического отказа репатриировать пленных, плохое состояние здоровья которых могло бы оправдать эту меру. В качестве примера незаконного захвата военнопленных мы можем упомянуть о том, что произошло во Франции после подписания перемирия. Отчет министерства по делам военнопленных и депортированных, на который мы ссылаемся, указывает на странице 4: «В 1940 году некоторые французские военные части сложили оружие в момент перемирия, когда германские военные власти заверили их, что войска, которые таким образом прекратят военные действия, не будут уведены в плен. Однако эти войска были захвачены в плен. Альпийская армия, перешедшая Рону для демобилизации, находилась на западе от города Вьен. Эту армию захватили в плен и увели в Германию, где она пробыла до конца июля 1940 года. Кроме того, несражающиеся части,состоящие из гражданских лиц особых категорий,были уведены в плен во исполнение приказа Гиммлера, которым предписывался захват всех без исключения французов призывного возраста. Только благодаря индивидуальным нарушениям этих приказов и личной инициативе отдельных командиров частей не все французы были уведены в Германию. Ввиду трудностей увода в Германию огромной массы военнопленных в 1940 году было решено создать концлагеря для военнопленных в германских военных частях (фронт-шталаг). Правительству, образованному во Франции после перемирия, было дано обещание, что военные, которые будут содержаться в лагерях фронт-шталаг, будут находиться во Франции. Однако заключенных этих лагерей начали пересылать в Германию с октября 1940 года.

В дополнительном отчете, приложенном к книге документов, министерство по делам военнопленных и депортированных обращает внимание на незаконный захват в плен войск укрепленного сектора Агно, 22-го пехотного полка и 81-го батальона, а также 51-го и 58-го пехотных полков и одной североафриканской дивизии. Это документ Ф-668, РФ-361.

Цитирую документ:

«Войска укрепленного сектора Агно, 22-й пехотный полк и 81-й батальон сражались по 25 июня до 1 ч. 30 м. Они прекратили огонь только после соглашения между полковником, командующим укрепленным сектором Агно, и германскими генералами. По этому соглашению французским военнослужащим обеспечивались почетные условия сдачи, в частности, они не должны были быть взяты в плен. 51-й и 58-й пехотные полки, а также североафриканская дивизия

отошли к городу Туль только после соглашения, подписанного 22 июня 1940 г. французским генералом Дюбюиссоном и немецким генералом Андреасом в местечке Тюйльо-Грозейль (департамент Мерт и Мозель). По условиям этого соглашения французским частям обеспечивались военные почести и подтверждалось, что они не будут захвачены в плен». Этот отчет, РФ-361, является выдержкой из письма Дарлана послу Скапини от 22 апреля 1941 г.

Теперь я зачитаю два письма Скапини германской комиссии по перемирию в Висбадене.

«4 апреля 1941 г.

Господин Жорж Скапини, французский посол, его превосходительству господину Абецу, германскому послу в Париже.

Тема: «Солдаты, захваченные после вступления в силу конвенции по перемирию, с которыми обращаются как с военнопленными».

Внизу страницы:

«1. Женевская Конвенция. Женевская Конвенция может применяться в отношении захвата военнопленных только во время войны. Однако перемирие прекращает военные действия. Таким образом, захват в плен всякого солдата после вступления в силу Конвенции по перемирию и обращение с ним как с военнопленным неправильно».

Третий абзац страницы 17:

«Во втором параграфе конвенции по перемирию лишь говорится о том, что французские вооруженные силы, расположенные в районах, подлежащих германской оккупации, должны быть срочно возвращены на неоккупированную территорию и демобилизованы. Однако в этой статье не говорится (что нарушило бы Женевскую Конвенцию) о том, что их захватят в плен».

Пятый абзац той же страницы:

«1. Гражданские лица. Если признается, что с гражданскими лицами нельзя обращаться как с военнопленными, взяв их в плен до заключения перемирия, о чем говорилось в моем предыдущем письме, то тем более можно ли допустить это по их захвате в плен после заключения перемирия? Я должен заметить по этому вопросу, что захват, иногда массового характера, производился еще в течение нескольких месяцев после окончания военных действий».

Страница 18, вначале страницы:

«К категориям гражданских лиц, которые я определил в моем первом письме, прибавляется еще одна категория — категория демобилизованных, которые возвращались домой в оккупированную зону после заключения перемирия и которых чаще всего в результате инициативы местных военных властей захватывали по дороге домой и посылали в плен.

2. Солдаты. Я так условно называю тех людей, которые, хотя они и были освобождены после перемирия, по неко-

торым обстоятельствам того трудного времени не смогли получить оформленных демобилизационных документов. Многие из них были захвачены и уведены в плен при таких же обстоятельствах, как и предыдущие».

Перейдем к странице 19, ко второй части страницы:

«А. Гражданские лица, не подлежащие военной службе. Само собой разумеется, их нельзя рассматривать как военных согласно французским законам; их можно разделить по возрасту на три группы:

а) мужчины, не достигшие 21 года, не призывавшиеся в армию, — например: Фланкар Александр — 18 лет, захваченный германскими войсками в Курьере, департамент Па-де-Кале, по вступлении германских войск в этот район. Фланкар был направлен в плен в Шталаг-IIВ.

б) мужчины, в возрасте от 21 года до 48 лет, немобилизованные, демобилизованные или освобожденные от военной службы». Следует довольно длинный список примеров, который Трибунал, может быть, примет как доказательство без его оглашения. В нем значатся одни фамилии.

В середине страницы:

в) мужчины, подлежащие призыву в армию. Я подразделяю их на две группы:

1. мужчины, мобилизованные в специальные корпуса, являющиеся военными частями и созданные путем мобилизации в различных министерствах, по следующей таблице».

В начале страницы 21:

«мужчины, оставленные на военных предприятиях в качестве мобилизованных на той же работе, которую они выполняли в мирное время. Например, рабочие артиллерийских парков.

Гражданские специалисты. В отличие от предыдущих, гражданские специалисты не входили в военные части и не находились в ведении военных властей. Однако их захватывали в плен. Например (я пропускаю несколько строчек), Муиссе Анри, работавший в качестве специалиста на заводе Марэ-Вонен (я пропускаю еще несколько строк), он был взят в плен и направлен в Шталаг-IIА.

Не всегда эти люди были освобождены. Некоторые оставались в плену до конца войны».

Я цитирую документ РФ-362, Ф-224. Этот текст можно изложить в нескольких словах. В нем говорится о голландских офицерах, освобожденных по капитуляции голландской армии и снова захваченных некоторое время спустя для того, чтобы отправить их в плен в Германию.

Абзац третий этого документа:

«9 мая 1942 г. в голландских газетах было опубликовано уведомление для всех кадровых офицеров бывшей голландской армии, находившихся на действительной службе 10 мая 1940 г., о явке их в пятницу 15 мая 1942 г. в казарму Шоссе в Бреда».

Абзац пятый:

«Более тысячи кадровых офицеров явились в казарму Шоссе 15 мая 1942 г. За ними заперлись двери».

Теперь я перехожу к седьмому абзацу:

«Один германский офицер из высших чинов явился в казарму и заявил, что офицеры не сдержали своего слова — ничего не предпринимать против фюрера, в связи с чем с этого момента они находятся в плену».

Следующий абзац:

«Их отправили с охраной из Бреда в Нюрнберг, в Германию».

Множество препятствий существовало для освобождения французских военнопленных, которые вследствие своего плохого здоровья должны были возвратиться домой. Я цитирую документ РФ-297, Ф-417:

«...Вопрос об освобождении французских генералов, военнопленных Германии, по возрасту или плохому здоровью несколько раз поднимался французскими властями».

Второй абзац:

«Фюрер всегда относился отрицательно к этому вопросу как с точки зрения их освобождения, так и помещения в госпиталь в нейтральных странах».

Третий абзац:

«Освобождение или помещение в госпиталь теперь тем более исключено».

От руки приписано на этом документе: «На это французское письмо ответа не последует». Это письмо было послано верховным командованием вермахта германской комиссии по перемирию, обратившейся в штаб за консультацией по вопросу, следует ли отвечать на требования об освобождении больных французских генералов, поступавшие от правительства Виши.

Гораздо более серьезные меры были приняты германскими властями в отношении наших военнопленных, когда по причинам патриотического характера некоторые из наших соотечественников-военнопленных дали понять немцам, что они не намерены сотрудничать с Германией. Германские власти считали их неспособными к ассимиляции и опасными, что вызывало беспокойство и применявшиеся к ним меры сводились к уничтожению. Нам известны многочисленные примеры умерщвления летчиков за их участие в действиях командос, совершение ими «террористических актов в воздухе» или потому только, что им вменялись в вину побег либо попытка к бегству, или активное либо моральное сопротивление нацистскому порядку. Эти убийства осуществлялись посредством заключения военнопленных в концлагеря, где к ним применялся режим, о котором Вам уже известно и который приводил их к смерти. Или же их убивали еще проще: выстрелом в затылок, по способу, описанному Вам моими американскими коллегами, на котором я не буду останавливаться.

В других случаях их линчевали местные жители согласно отданным приказам или же в силу попустительства германского правительства. В некоторых случаях их передавали в гестапо или СД.

В конце моего выступления я докажу, что в последние годы оккупации эти организации имели право производить казни.

С разрешения Трибунала мы рассмотрим два случая уничтожения состава боевых частей, захваченных в результате военных действий: случаи с командос и с летчиками.

Как Трибуналу уже известно, командос почти всегда были добровольцами. Во всяком случае, их набирали из самых отважных бойцов, физически наиболее боеспособных. Таким образом, можно рассматривать их как лучших из лучших; поэтому приказы об уничтожении их имели своей целью уничтожение лучших бойцов союзных армий и посеять ужас в их рядах. С точки зрения юридической, казни командос оправдать нельзя. Кстати, немцы сами очень широко применяли командос. Но если в отношении своих собственных командос после захвата их в плен немцы всегда требовали признания за ними статуса представителей воюющей стороны, то они отказывали в этом качестве нашим командос и командос союзных армий.

По этому вопросу приказ о смертной казни был подписан Гитлером 18 октября 1942 г., и этот приказ выполнялся очень энергично. Ему, кстати, предшествовали другие приказы ОКВ. Это является доказательством тщательного рассмотрения этого вопроса генштабом до издания окончательного приказа за подписью руководителя германского правительства.

Документ ПС-553, РФ-362 — приказ, предусматривающий уничтожение всех отдельных парашютистов или небольших групп парашютистов, имеющих определенное задание. Он датирован 4 августа 1942 г. и подписан Кейтелем. Этот приказ был представлен в качестве доказательства.

7 октября 1942 г. в сообщении ОКВ, напечатанном прессой и переданном по радио, было объявлено о решении верховного командования уничтожать диверсантов. На странице 26 своей книги документов Трибунал найдет выдержку из «Фелькишер Беобахтер» от 8 октября 1942 г.:

«В будущем все отряды террористов и диверсантов англичан и их сообщников, которые поведут себя не как солдаты, а как бандиты, будут подвергнуты германской армией соответственному обращению: их будут безжалостно убивать на месте, где бы это ни было».

Документ ПС-1263, РФ-363 — запись заседания генерального штаба сухопутных сил, которая датирована 14 октября 1942 г.

Третий абзац:

«В период тотальной войны диверсия стала одним из важнейших элементов ведения войны. В этой связи доста-

точно указать наше собственное отношение к этому вопросу. Враги могут найти доказательства тому в отчетах наших собственных отделов пропаганды».

На странице 29, в конце третьего абзаца (это все из записи заседания генштаба от 14 октября 1942 г.), сказано, что «диверсия является важным элементом, и мы сами сильно развили этот вид боя».

Затем шестой абзац:

«О намерении ликвидировать впредь все террористические и диверсионные группы, которые ведут себя как бандиты, уже передавалось по радио...

Таким образом, надо считать, что задачи штаба армии заключаются единственно в том, чтобы давать директивы практического выполнения, чтобы войска знали, как им следует поступать в отношении таких групп».

На странице 30 Трибунал увидит, какие приказы отдавались в отношении таких групп, которые германский штаб называл группами английских террористов и диверсантов. Конечно, германский штаб своих командос никогда не называл «группами террористов и диверсантов».

Параграф «А», четвертая строчка, относится к группам британской армии, одетым в гражданское платье или в немецкую военную форму. Я читаю:

«Их надо истреблять беспощадно во время боя и в то время, как они спасаются бегством».

Параграф «В»:

«Члены группы террористов и диверсантов британской армии, которые в военной форме повели себя в военном отношении недостойным образом или нарушили международное право, должны быть изолированы. Инструкции об обращении с ними будут даны штабом армии по согласованию с юридической службой армии и отделом «Заграница» управления разведки и контрразведки».

Наконец, на странице 31, второй абзац:

«Совершающие нападение лица, будь то диверсанты или агенты, осуществляющие жестокие акции, несовместимые с правилами ведения войны, поставят себя вне законов ведения войны, независимо от того, являются ли они солдатами и какая на них форма».

Третий абзац:

«В этом случае такие группы будут уничтожены до последнего человека как во время боя, так и при попытке к бегству. Таких лиц заключать даже временно в лагерь для военнопленных запрещается».

Таким образом, во исполнение этих приказов, если британские солдаты в военной форме были захвачены во время операции командос, германским войскам предоставлялось судить, вели ли себя командос в соответствии с законами ведения войны. Принимаемые в отношении них решения не подлежат обжалованию и даже нижестоящие чины могли подвергать их уничтожению до последнего

человека, включая и случаи, когда они не вели активных боевых действий.

Эти приказы применялись в отношении британских командос.

Документ ПС-498. В нем подтверждаются сведения, сообщенные нами Трибуналу путем оглашения предыдущих документов. Мне кажется, этот документ оглашать нецелесообразно.

Документ ПС-510 (страница 48), РФ-367; в нем говорится о выполнении упомянутых выше приказов в связи с высадкой английских войск в Патмосе.

Циркулярное письмо штаба, адресованное командованию различных частей (ПС-532), является приложением к книге документов Трибунала. Этот документ снова упоминает и уточняет инструкции, уже известные Трибуналу, и не содержит ничего нового. Мы представляем его под номером РФ-368 и просим Трибунал принять его без доказательства.

Сейчас мы будем говорить о казни союзных летчиков, захваченных в плен. Из изложения этого вопроса Трибуналу стало известно, что некоторые воздушные операции рассматривались немецким правительством как преступные действия, что косвенно содействовало линчеванию населением летчиков или непосредственному умерщвлению их путем применения к ним «особого обращения», на котором нет надобности останавливаться, так как о нем уже говорилось в документе США-333, который уже оглашался, так же как и документ США-334.

В соответствии с этими инструкциями письмом от 4 июня 1944 г. министру юстиции были отданы приказы о том, чтобы он запретил возбуждение уголовных дел против германских гражданских лиц в связи с убийством союзных летчиков. Об этом говорится в документе ПС-365, который Трибунал найдет в приложении к книге документов. Этот документ получит номер РФ-370 в связи с передачей его Трибуналу.

«Имперский министр юстиции, 4 июня 1944 г. Министру юстиции доктору Тираку.

Содержание: Суд Линча над англо-американскими убийцами.

Начальник партийной канцелярии сообщил мне о своем секретном меморандуме, копия которого прилагается. Я осмеливаюсь сделать это настоящим письмом и прошу вас решить, в какой степени вы ознакомите с этим вопросом трибуналы и прокуратуры».

6 июня на двух важных заседаниях присутствовали Кальтенбруннер, Риббентроп, Геринг (эти трое являются подсудимыми в настоящем процессе), Гиммлер, фон Браухич, офицеры воздушных сил и войск СС. Было решено установить точный список воздушных операций, которые являются террористическими действиями.

Оригинал отчета, составленного Варлимонтом, на котором имеются сделанные от руки замечания Иодля и Кейтеля, содержится в документе ПС-735, РФ-371. На этом заседании было решено, что суд Линча будет наилучшим наказанием за некоторые воздушные нападения на гражданское население.

Кальтенбруннер обещал, со своей стороны, активное содействие частей СД (страница 68, в конце первого абзаца, а также второй абзац)...

Из допроса свидетеля Э. ЛАХУЗЕНА[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 30 ноября 1945 г.

Эймен[2]: *В 1941 году Вы присутствовали на совещании, на котором был также генерал Рейнеке?*

Лахузен: *Да.*

Эймен: *Кем был генерал Рейнеке?*

Лахузен: *Генерал Рейнеке был тогда начальником общего управления, входившего в ОКВ.*

Эймен: *Помните ли Вы хотя бы приблизительно дату этого совещания?*

Лахузен: *Это было, примерно, летом 1941 года, вскоре после начала кампании в России, возможно, в июле.*

Эймен: *Можете ли Вы наиболее точно и определенно сообщить нам, кто присутствовал на этом совещании?*

Лахузен: *На этом совещании, на котором я присутствовал в качестве заместителя Канариса и которое запечатлено в записях, сделанных мною для Канариса, председательствовал генерал Рейнеке, затем присутствовали обергруппенфюрер Мюллер из РСХА, кроме того, полковник Брейер, который представлял отдел военнопленных, и затем я, присутствовавший в качестве представителя Канариса, то есть управления разведки и контрразведки.*

Эймен: *Объясните Трибуналу, кто такой Мюллер и почему он присутствовал на этом совещании?*

Лахузен: *Мюллер был начальником управления в главном управлении имперской безопасности[3]. Он принимал участие в этом заседании, так как он отвечал за проведение мероприятий, касавшихся русских военнопленных, а именно за проведение экзекуций.*

[1] IMT, vol. 2, p. 440—478.

[2] Полковник Эймен — представитель обвинения от США.

[3] Имеется в виду IV управление РСХА — гестапо.

Эймен: *Объясните также, кто такой полковник Брейер и почему он присутствовал на этом совещании?*

Лахузен: *Полковник Брейер ведал вопросами о военнопленных. Я точно не знаю, в каком именно отделе он в то время работал. Во всяком случае, он занимался вопросами о военнопленных в системе ОКВ.*

Эймен: *Каковы были цели этого совещания?*

Лахузен: *Это совещание имело своей задачей комментировать полученные до этого времени приказы об обращении с русскими военнопленными, разъяснить их и, сверх того, обосновать.*

Эймен: *Следовало ли из обсуждения на этом совещании, в чем суть этих инструкций и указаний?*

Лахузен: *Содержание сводилось в основном к следующему. Предусматривались две группы мероприятий, которые должны были быть осуществлены. Во-первых, умерщвление русских комиссаров и, во-вторых, умерщвление всех тех элементов среди русских военнопленных, которые должны были быть выявлены СД, то есть отравленных идеями большевизма.*

Эймен: *Узнали ли Вы также из этого обсуждения, каковы основания появления такого рода приказов?*

Лахузен: *Основа появления таких приказов была в общих чертах обрисована генералом Рейнеке. Война между Германией и Россией — не война между двумя государствами или двумя армиями. Это война двух мировоззрений — мировоззрения национал-социалистского и большевистского. Красноармеец не рассматривается как солдат в обычном смысле слова, как это понимается в отношении наших западных противников. Красноармеец должен рассматриваться как идеологический враг, то есть как смертельный враг национал-социализма, и поэтому должен подвергаться соответствующему обращению.*

Эймен: *Скажите, пожалуйста, Канарис сообщил Вам, почему он выбрал именно Вас, чтобы послать на это совещание?*

Лахаузен: *Канарис послал меня на это совещание по двум, даже по трем, причинам, хотя сам был в Берлине. Во-первых, он хотел избежать личной встречи с Рейнеке, который рассматривался им как один из самых ярых национал-социалистских генералов и который был ему исключительно антипатичен. Во-вторых, приказав мне поехать на это совещание, он дал мне следующую директиву: попробовать рядом фактических аргументов или провалить этот не только жестокий, но и совершенно бессмысленный приказ, или, во всяком случае, добиться наивозможного ограничения действия этого приказа. Он назначил меня еще и по тактическим соображениям, потому что он как начальник управления в том положении, в каком он находился, конечно, не мог так смело высказываться, как мог бы сделать это я, благодаря моему подчиненному положению. И в-третьих, он точно знал мои настроения по этому вопро-*

су, то есть мое отношение, которое я проявлял на деле, когда это было возможно, во время моих поездок на фронт, в общении с русскими военнопленными. Все это недвусмысленно изложено в моих записях.

Эймен: *Скажите, Канарис и другие члены Вашей группы имели какие-нибудь прозвища для Рейнеке?*

Лахузен: *Не только наша группа, но и другие называли его «маленьким Кейтелем».*

Эймен: *Скажите, пожалуйста, до того, как Вы пошли на это совещание, Канарис давал какие-нибудь пояснения к приказам командования?*

Лахузен: *Уже при издании этих приказов Канарис в наших кругах (когда я говорю «наши круги», я в первую очередь подразумеваю начальников отделов) резко отрицательно высказывался в отношении них и заявил протест через отдел «Заграница», то есть через Бюркнера. Я не могу точно сказать сейчас, было ли это доложено Кейтелю устно или письменно. Возможно, были использованы оба способа. Бюркнер это должен точно знать.*

Эймен: *Когда Вы говорите «протестовали через Бюркнера», что Вы имеете в виду?*

Лахузен: *Этот протест или эти контраргументы по вопросу обращения с русскими военнопленными были переданы Канарисом через отдел «Заграница», через Бюркнера. В этом отделе имелся сектор, или лицо, занимающееся вопросами международного права. Это был граф Мольтке, который так же, как и другие, принадлежал к узкому кругу Остера и был казнен после 20 июля.*

Эймен: *Объясните теперь, пожалуйста, Трибуналу, что произошло и что было сказано на этом совещании?*

Лахузен: *Совещание открыл генерал Рейнеке и в своем вступительном слове он прокомментировал приказы в таком духе, как я уже говорил. Он заявил, что необходимо принять эти меры, и особенно необходимым он считал добиться того, чтобы и армия и в особенности офицерский состав уяснили себе это, так как они поныне пребывают мысленно где-то в ледниковом периоде, а не в национал-социалистской действительности.*

Эймен: *Что Вы сказали на этом совещании, какую точку зрения Вы высказывали?*

Лахузен: *Я представлял точку зрения абвера, то есть Канариса. Я указал главным образом на крайне неблагоприятное влияние этих мероприятий на армию, а именно на действующую армию на фронте, где никогда бы не поняли смысла такого приказа. Во всяком случае простой солдат не понял бы этого приказа. Кроме того, у нас имелись сообщения о том, что эти экзекуции проводились прямо на глазах у солдат...*

Эймен: *И чтобы нам было совершенно ясно, еще раз повторите, что Вы сказали о том впечатлении, которое произведет на немецких солдат выполнение этого приказа?*

Лахузен: *Я сказал, что, как нам стало известно по различным сообщениям с фронта, выполнение подобных приказов оказывает самое неблагоприятное влияние на настроение и дух наших войск и даже на дисциплину армии.*

Эймен: *Обсуждались какие-либо вопросы международного права на этом совещании?*

Лахузен: *Нет. В этой связи о международном праве не говорилось. Говорилось лишь о том, что отбор среди военнопленных проводится совершенно произвольно, не говоря уже об этом основном приказе.*

Эймен: *Мы перейдем к этому через минуту. Ваша точка зрения была принята на этом совещании?*

Лахузен: *Моя точка зрения, которая являлась точкой зрения абвера, была в самой резкой форме подвергнута критике со стороны Мюллера, который выступил против моих аргументов с обычными своими доводами. Он уступил в том, чтобы в будущем все экзекуции проводились в стороне от воинских частей, а не на глазах у солдат. Кроме того, он пошел на некоторые уступки в вопросе отбора военнопленных, который до сих пор проводился совершенно произвольно и всецело зависел от воли тех, кто его производил.*

Эймен: *А потом, после этого совещания, был ли издан приказ о том, что экзекуции должны производиться в стороне от немецких войск?*

Лахузен: *Кроме того, что я сейчас говорил о согласии Мюллера, я ничего больше не слышал об этом. Только сейчас в приказе, который мне был представлен, я увидел отражение вопросов того совещания и подтверждение того обещания, которое мне было дано.*

Эймен: *Скажите, говорилось ли на этом совещании что-нибудь о том, каким путем должны приводиться в исполнение приказы об этих убийствах?*

Лахузен: *Да, на этом совещании обсуждался комплекс этих вопросов, а также и способы выполнения этих приказов. Насколько я помню, это должно было быть поручено эйнзатцкомандам СД, которые должны были проводить и отбор соответствующих лиц в лагерях и сборных пунктах для военнопленных; они также должны были проводить экзекуции. Далее Рейнеке обсуждал мероприятия по обращению с русскими военнопленными в лагерях. Рейнеке в очень резкой форме высказался против моих аргументов и энергично поддержал аргументацию Мюллера.*

Эймен: *Теперь объясните, пожалуйста, Трибуналу из того, что Вы узнали на этом совещании, каким образом производился отбор этих военнопленных и как устанавливалось, кого из них убивать?*

Лахузен: *Отбор военнопленных производили специально предназначенные для этого особые команды СД, причем по совершенно своеобразному и произвольному принципу. Некоторые руководители этих эйнзатцкоманд,*

придерживались расового принципа, то есть если практически какой-либо из военнопленных не имел определенных расовых признаков или безусловно был евреем или еврейским типом или если он являлся представителем какой-то низшей расы, над ним производилась экзекуция. Иные руководители этих эйнзатцкоманд производили отбор по принципу интеллекта военнопленных. Другие руководители таких эйнзатцкоманд тоже имели свои принципы отбора. Обычно это были очень своеобразные принципы. Поэтому я счел необходимым спросить Мюллера: «Скажите, по каким, собственно, принципам должен происходить этот отбор, что тут принимается во внимание: размер ботинок или рост военнопленного?» Мюллер не принял во внимание это мое возражение, как и все прочие, и весьма резко высказал свое мнение. Надо сказать, что Рейнеке вместо того, чтобы согласиться с моей точкой зрения, принял те соображения, которые были высказаны Мюллером, в то время как наша точка зрения, то есть точка зрения абвера, которая должна была построить так называемый «золотой мост», не была принята. Это и явилось содержанием совещания, на котором я присутствовал.

Эймен: *Узнавали ли Вы из официальных донесений, которые Вы получали, о том, как выполнялись эти приказы?*

Лахузен: *О том, что действительно происходило, мы в ходе событий информировались нашими специальными органами, которые работали либо на фронте, либо в этих лагерях. В лагерях обычно находились также офицеры третьего отдела*[1]*, и мы получали оттуда сведения в форме донесений обычным служебным порядком; иногда это были устные доклады. Таким образом, обычным путем мы ставились в известность о том, как проводились в жизнь эти мероприятия и какое влияние они оказывали.*

Эймен: *Сведения, которые Вы получали, были секретными, недоступными для других?*

Лахузен: *Информация, которую мы получали, считалась секретной, как и всякая информация, получаемая в наших отделах. Но практически это было известно широким военным кругам, а именно то, что происходило в лагерях во время отборов.*

Эймен: *На этом совещании Вы узнали что-нибудь от Рейнеке об обращении с русскими военнопленными в лагерях?*

Лахузен: *На этом совещании говорилось также и об обращении с русскими военнопленными в лагерях, и именно Рейнеке придерживался той точки зрения, что в лагерях с русскими военнопленными, само собой разумеется, не следует обращаться так, как с военнопленными других союзных стран; должно существовать принципиальное различие в обращении с русскими военнопленными. Поэтому охранники в лагерях должны иметь хлысты и иметь право*

---

[1] Т. е. контрразведки — абвера.

применять оружие при малейшей попытке к бегству или нежелательных действиях.

Эймен: *Помимо хлыстов, что еще получала охрана в лагерях?*

Лахузен: *Это детали, которых я в настоящий момент не помню. Я могу лишь передать общий смысл того, что говорилось на этом совещании.*

Эймен: *А что Рейнеке сказал о хлыстах, если он вообще говорил что-нибудь об этом?*

Лахузен: *Рейнеке сказал, что охранники лагерей должны применять палки и хлысты или вообще что-либо вроде этого.*

Эймен: *Знали ли Вы из официальных источников о приказе клеймить русских военнопленных?*

Председатель: *Полковник Эймен, мне кажется, Вам следует говорить «советские военнопленные» вместо «русские военнопленные».*

Эймен: *Хорошо, Ваша честь. Что же Вы знали об этих приказах?*

Лахузен: *Я узнал об этом на совещании, как я уже сказал ранее, на котором присутствовали начальники отделов или по крайней мере большинство начальников отделов.*

Эймен: *Знаете ли Вы о существовании каких-либо протестов против этого приказа?*

Лахузен: *Канарис заявил очень резкий протест сразу же после того, как был получен этот приказ или как стало известно о намерении клеймить советских военнопленных. Это было сделано Канарисом через Бюркнера.*

Эймен: *Канарис Вам что-нибудь говорил об этом приказе? Что именно он говорил?*

Лахузен: *Канарис не только мне, но и вообще нам говорил, что этот вопрос уже был поднят в одном из заключений врачей-экспертов и как вообще могли найтись врачи, считающие возможным письменно излагать свои соображения относительно этого безумия. Это и явилось основным вопросом, разбиравшимся на совещании.*

Эймен: *Получали ли Вы какую-нибудь информацию из официальных источников относительно планов угона советских военнопленных на немецкую территорию?*

Лахузен: *В той же связи и в том же кругу (я должен повториться), то есть на совещаниях между Канарисом и его начальниками отделов, я слышал и знаю это также от лиц, служивших в генеральном штабе, что готовилась переброска советских военнопленных на территорию Германии, но что эта переброска внезапно была приостановлена. Насколько я помню, это было произведено по приказу самого Гитлера. Причиной этому послужили те условия, которые сложились в лагерях, находящихся в районах военных действий. Военнопленные там жили крайне скученно, им не*

хватало одежды, еды; ввиду крайней скученности возникали эпидемические заболевания...

Эймен: *Вы говорили об изменениях в планах перевода советских военнопленных на германскую территорию. Это правильно?*

Лахузен: *Да, их именно не послали в Германию.*

Эймен: Что явилось результатом этого мероприятия, то есть отказа от перевода военнопленных в Германию по приказу Гитлера?

Лахузен: *Военнопленные, большинство военнопленных, оставались в зоне военных действий, где не было сделано ничего для обеспечения даже тем, что было предусмотрено для обеспечения военнопленных, то есть у них не было жилья, продовольственного снабжения, врачебной помощи и т. п., и ввиду такой скученности, недостатка пищи или полного отсутствия ее, оставаясь без врачебной помощи, валяясь большей частью на голом полу, большое число военнопленных погибло. Распространялись эпидемии.*

Эймен: *Вы лично были на фронте и видели эти условия?*

Лахузен: *Я совершил ряд поездок вместе с Канарисом и кое-что из описанного мною видел собственными глазами. Об этих впечатлениях, вынесенных мною лично, я делал записи.*

Эймен: *Вы получали также сведения об этих вопросах через официальные источники разведки?*

Лахузен: Да, я получал эти сообщения через подчиненный мне отдел и отдел «заграница».

Эймен: *На основании Ваших официальных сведений скажите, какова степень участия армии в зверском обращении с военнопленными?*

Лахузен: *По моим сведениям, вооруженные силы Германии были связаны со всеми мероприятиями, касавшимися военнопленных, но не с экзекуциями, которые проводились командами СД и главного управления имперской безопасности.*

Эймен: *Правильно ли, что лагеря военнопленных находились в ведении вооруженных сил?*

Лахузен: *Военнопленные находились в ведении верховного командования вооруженных сил Германии.*

Эймен: *До того, как пленные размещались в лагерях, специальные части СС занимались казнями и отбором пленных для производства казней над ними. Это правильно?*

Лахузен: *Да.*

Эймен: *Получали ли Вы официальным путем сведения относительно существования приказа об убийстве английских «командос»?*

Лахузен: *Да.*

Эймен: *Что Вы или Канарис сделали в связи с этим приказом?*

Лахузен: *Насколько я помню, приказ или, во всяком случае, намерение издать такой приказ обсуждался в на-*

шем кругу, то есть между Канарисом и начальниками отделов. Все мы, конечно, отрицательно отнеслись к этому приказу. Не говоря уже о чисто международно-правовых соображениях, надо учитывать, что при абвере существовало специальное подразделение, которое было присоединено к моему отделу. Это был полк «Бранденбург», который должен был выполнять функции, аналогичные функциям особых команд. Поэтому я как начальник отдела, которому был придан этот полк, за который я нес ответственность, самым резким образом протестовал против этого приказа, исполнение которого могло повлечь за собой всякого рода репрессии.

Эймен: *Вы лично участвовали в составлении этих протестов?*

Лахузен: *Мне известно, что дважды: первый раз, кажется, одновременно с выходом приказа в письменной или устной форме и второй раз после проведения казней, согласно этому приказу, Канарис через отдел «заграница», то есть через Бюркнера, передавал по этому поводу протесты. Я сам принимал некоторое участие в создании проекта одного из этих письменных протестов. Я не знаю, был ли первый или второй протест подан в письменном виде, так как я написал только ту часть проекта, которая затрагивала интересы моего отдела, то есть Бранденбургского полка, который действовал почти так же, как командос.*

Эймен: *Кому обычно направлялись эти протесты?*

Лахузен: *Протесты направлялись начальнику Канариса, то есть начальнику ОКВ.*

Эймен: *Кто был начальником ОКВ?*

Лахузен: *Им был тогда Кейтель.*

Эймен: *Попадали ли эти протесты обычно к Иодлю?*

Лахузен: *Я этого не могу сказать, но это возможно.*

Эймен: *Теперь скажите Трибуналу, на чем были основаны протесты?*

Лахузен: *Основой этих протестов был прежде всего тот принцип, что по этому приказу солдаты, то есть не шпионы или агенты, а именно солдаты, которые брались в плен как таковые, убивались после того, как их брали в плен. Это было самым существенным пунктом, который затрагивал и мой отдел, так как в мой отдел входили также солдаты, которые, будучи солдатами, должны были выполнять похожие задачи.*

Эймен: Были ли какие-либо другие доводы высказаны в протесте?

Лахузен: *Да, конечно, приводились еще и другие подтверждения этих доводов, в зависимости от затронутых этим приказом интересов соответствующих отделов. Так, например, отдел «заграница» рассматривал это с точки зрения международного права, отдел № 3 отстаивал ту точку зрения, что следует допрашивать пленных солдат, и этот отдел не был заинтересован в их убийстве.*

Руденко[1]: *Отвечая на вопрос полковника Эймена, Вы сказали: «Красноармеец должен рассматриваться как идеологический враг и поэтому должен подвергаться соответствующему обращению». Я прошу уточнить, что означал у Вас термин «соответствующее обращение»?*

Лахузен: *Под этим я подразумеваю все те жестокие меры, которые проводились, о чем я уже здесь говорил. Я глубоко убежден, что эти меры были еще больших масштабов, чем мне это было известно в силу моей недостаточной информированности.*

Руденко: *Вы говорили, что были созданы специальные команды по отбору и сортировке военнопленных. Правильно ли понимать сортировку так: кого — убить, а кого — заключить в лагерь?*

Лахузен: *Да. Команды особого назначения, то есть эйнзатцкоманды СД, осуществляли казни только отобранных военнопленных.*

Руденко: *Значит, руководитель команды решал вопрос: кому — жить, кому — не жить?*

Лахузен: *Да. Именно об этом говорилось на совещании у Рейнеке, так как руководителям этих команд было дано право решать, кого в соответствии с приказом следует рассматривать как человека, отравленного большевизмом, а кого — нет.*

Руденко: *И руководитель команды решал этот вопрос?*

Лахузен: *Да.*

Руденко: *Вы здесь говорили о Ваших протестах Канарису против этих зверств и убийств. Имелись ли какие-нибудь результаты от этих протестов?*

Лахузен: *Результаты были очень скромные, их вряд ли можно рассматривать как результаты. Тот факт, что казни производились в 500 метрах от расположения наших войск, а не на глазах у солдат, вряд ли можно назвать результатом.*

Руденко: *Какой разговор был у Вас с Мюллером насчет «уступок Мюллера» по поводу расстрелов, пыток и т. д.? Вы, может, вспомните, что Вы сообщали об этом при допросе Вас представителем советской делегации, полковником Розенблитом?*

Лахузен: *С Мюллером я имел подробный разговор, особенно относительно системы отбора военнопленных, и, как пример, привел события в Крыму, когда были расстреляны советские солдаты, жители Крыма, по подозрению в том, что они евреи, хотя на самом деле они были мусульмане. Не говоря уже о зверском характере этого и всех других мероприятий, можно констатировать совершенно бессмысленную точку зрения, согласно которой проводились все эти мероприятия. Нормальный человек не может себе их уяснить. Я об этом говорил...*

Руденко: *Меня интересует, что сказал Мюллер?*

---

[1] Руденко Р. А. — Главный обвинитель от СССР.

Лахузен: *Он мне довольно цинично ответил: «Тогда придется производить эти расстрелы в стороне от наших войск, если от этого страдает боевой дух армии».*

Руденко: *Это и был результат Вашего протеста?*

Лахузен: *Да, это был результат моего протеста.*

Руденко: *Условия в лагерях, где были заключены советские военнопленные, массовое уничтожение военнопленных — все это было, существовало с ведома и согласно приказам германского верховного командования?*

Лахузен: *Это находилось в какой-то связи с главным управлением имперской безопасности и его сотрудниками. В дополнение к сказанному я должен объяснить, что в то время приказы мною не читались. Я узнавал о них только на совещаниях, главным образом на совещаниях у Рейнеке, с которым я встречался как с представителем ОКВ, и у Мюллера. На всех этих совещаниях говорилось о сотрудничестве и координации.*

Руденко: *Вы это узнавали из частных разговоров или на специальных и официальных совещаниях?*

Лахузен: *Это были совершенно официальные служебные совещания, которые созывал председательствующий Рейнеке. На этих совещаниях я присутствовал официально, не как Лахузен, а как представитель абвера.*

Руденко: *Стало быть, приказы, которые были Вам известны, исходили от германского верховного командования?*

Лахузен: *Да, от ОКВ и высшей инстанции сухопутных сил. Причем Рейнеке оглашал эти приказы и разъяснял их.*

Руденко: *На этих совещаниях вопрос, как Вы изволили выразиться, вертелся вокруг убийств и поджогов?*

Лахузен: *О поджогах ничего не говорилось, на совещаниях обсуждались приказы, касающиеся военнопленных.*

Председатель: *Французский обвинитель желает задать какие-либо вопросы?*

Дюбост: *У меня будет единственный вопрос (обращается к свидетелю). Кто Вам давал приказы относительно уничтожения командос?*

Лахузен: *Имеется в виду убийство членов командос?*

Дюбост: *Кто Вам давал приказы об их казни?*

Лахузен: *Сам я этого приказа не читал. То, что обсуждалось в наших кругах, говорит о том, что приказ исходил от Гитлера.*

Дюбост: *Какие приказы исходили от Кейтеля и Иодля?*

Лахузен: *Я этого не могу сказать, потому что я просто не знаю этого...*

Дюбост: *Кто Вам давал приказы об убийстве генерала Жиро?*

Лахузен: *Приказ об убийстве Вейгана и Жиро был мне передан Канарисом как приказ Кейтеля. Я об этом узнал еще на совещании-докладе, на котором присутствовал и которое, по моим записям, происходило 23 декабря 1940 г. у Кейтеля. Я присутствовал тогда на беседе между Канарисом и Кейтелем, и тогда Кейтелем был задан вопрос, в*

какой стадии находится это дело? О том, что этот приказ был передан Канарису Кейтелем, я узнал от самого Канариса. Во второй раз мне сообщили об этом на докладе у Кейтеля, где я был вместе с Канарисом в июле 1942 года. Мне это было сообщено в такой же форме, как и об убийстве Вейгана. И наконец, об этом я узнал непосредственно, разговаривая по телефону с Кейтелем...

Председатель: *Хотите задать какие-либо вопросы, доктор Нельте?*

Нельте: *Свидетель Лахузен дал очень важные показания... Мой подзащитный — Кейтель — хочет задать ряд вопросов после того, как он поговорит со мной. Прошу Трибунал или сделать сейчас продолжительный перерыв, или отложить эти вопросы до следующего заседания...*

Председатель: *Хорошо. Вы будете иметь возможность подвергнуть свидетеля перекрестному допросу завтра. Есть ли сейчас вопросы к свидетелю у членов Трибунала?*

Биддл[1]: *Я хочу спросить свидетеля, давались ли приказы об убийстве русских и относительно обращения с военнопленными в письменном виде?*

Лахузен: *По моему мнению, да, но сам я их не видел и не читал.*

Биддл: *Это были официальные приказы?*

Лахузен: *Да, это были официальные приказы. Они содержали полное описание тех действий, которые должны были совершаться. Но Рейнеке и другие давали им соответствующее толкование. Именно от них я об этом и знаю. Сам я их тогда не читал, но я знал, что это были не только устные приказы. Я знал, что они существуют и в письменной форме, но я не могу сказать, был ли это один приказ или несколько и кем они подписаны...*

Биддл: *Знаете ли Вы, кому и в какие организации обычно такие приказы направлялись?*

Лахузен: *Основные приказы такого рода, безусловно, направлялись в ОКВ, потому что они затрагивали вопрос о военнопленных, находившихся в ведении ОКВ, то есть Рейнеке.*

Биддл: *Таким образом, офицеры генерального штаба или хотя бы некоторые из них знали об этих приказах?*

Лахузен: *Содержание приказов, о котором я говорил, было известно очень многим представителям германских вооруженных сил, и воздействие этих приказов на вооруженные силы было огромным, об этих приказах очень много говорилось...*

Биддл: *Приказы были известны руководителям СА и СД?*

Лахузен: *Они должны были быть им известны, так как все рядовые солдаты это знали, они видели это своими глазами и рассказывали об этом. Это было частично известно даже населению...*

[1] Биддл — член Трибунала от США.

Никитченко[1]: *Правильно ли, что инструкции об уничтожении военнопленных и зверском обращении с ними Вы получали на совещаниях у Рейнеке?*

Лахузен: *Да, но я должен внести поправку. Я и абвер не получали эти инструкции, так как мы непосредственно не имели к этому отношения. Я знал об этом деле и присутствовал на совещании как представитель абвера. Мы сами не имели никакого отношения к военнопленным в этом отрицательном смысле.*

Никитченко: *Помимо совещаний у Рейнеке, происходили ли также совещания в ОКВ, где давались бы указания об уничтожении военнопленных?*

Лахузен: *Конечно, по этому вопросу проходили наверное разного рода совещания, однако я присутствовал только на одном таком совещании, о котором я уже говорил...*

Никитченко: *Совещания проводились не для того, чтобы устанавливать правила хорошего обращения с военнопленными, а для того, чтобы разрабатывать методы их истребления?*

Лахузен: *Да.*

Никитченко: *Риббентроп присутствовал на этих совещаниях?*

Лахузен: *Нет...*

Никитченко: *На каком совещании было дано указание об уничтожении и сожжении деревень в Галиции?*

Лахузен: *То, что подразумевает генерал, относится к совещанию, состоявшемуся в поезде фюрера в 1939 году. Согласно записи в дневнике Канариса, это было 12 сентября. Смысл приказа или указания, которое было сделано Риббентропом Канарису через Кейтеля, был таков: необходимо было связаться с украинскими националистами, с которыми разведка имела уже соответствующий контакт в военном отношении, для того, чтобы вызвать повстанческое движение в Польше, которое имело бы своим следствием истребление поляков и евреев в Польше. Об этом же говорилось Риббентропом лично Канарису. Когда говорили «поляки», то подразумевали интеллигенцию и все те круги, которые выступали в качестве носителей национального сопротивления... Считали, что нам следует дать это политическое и террористическое задание и мы его выполним вместе с украинскими националистами.., которых было, примерно, 600 или 1000 человек... Это была подготовка чисто военных диверсионных актов.*

Никитченко: *Такие указания исходили от Риббентропа и Кейтеля?*

Лахузен: *Да, они исходили от Риббентропа. Приказы, имевшие политический смысл, не могли исходить от управления разведки и контрразведки.*

---

[1] Никитченко И. Т. — член Трибунала от СССР.

Из допроса свидетеля М. ЛАМПА[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 25 января 1946 г.

Председатель: *Как Ваше имя?*
Свидетель: *Морис Ламп.*
Председатель: *Повторяйте за мной слова присяги.*
(Ламп повторяет слова присяги)
Дюбост[2]: *Мсье Ламп Морис.*
Председатель: *Скажите по буквам.*
Дюбост: *Л-а-м-п. Вы родились в городе Рубэ 23 августа 1900 г. Вы были высланы немцами?*
Ламп: *Да.*
Дюбост: *Вы были заключены в Маутхаузене?*
Ламп: *Да.*
Дюбост: *Можете ли Вы дать свидетельские показания о том, что Вы знаете об этом лагере?*
Ламп: *Охотно.*
Дюбост: *Скажите, что Вы знаете?*
Ламп: *Я был арестован 8 ноября 1941 г. После двух с половиной лет заключения во Франции я был выслан 22 марта 1944 г. в Маутхаузен, в Австрию.*

Дорога туда продолжалась три дня и три ночи в условиях, чрезвычайно мучительных, — 104 арестованных находились в душных вагонах для скота. Я не вижу необходимости более подробно описывать это путешествие. Но можно себе представить, в каких условиях при 12 градусах мороза мы добрались утром 26 марта 1944 г. в Маутхаузен. Я указываю, однако, что, начиная с французской границы, в вагонах мы ехали совершенно раздетыми.

Когда мы прибыли в Маутхаузен, офицер СС, который принимал этот эшелон, состоявший из 1200 французов, объявил нам в следующих выражениях, которые я повторяю на память почти дословно:

«Германии нужны ваши руки. Следовательно, вы будете работать. Но я хочу вас предупредить, что никогда вы не увидите ваших семей. Когда попадают в этот лагерь, выходят только через трубу крематория».

Я оставался приблизительно три недели в карантине (изолированный блок) и затем был направлен для работы в бригаду в каменоломне.

Каменоломня Маутхаузена, расположенная в углублении, находилась приблизительно в 800 метрах от лагеря. Чтобы спуститься туда, имелось 186 ступенек; предстоял

---

[1] IMT, vol. 6, p. 183—194.
[2] Дюбост — заместитель Главного обвинителя от Франции.

тяжелый путь, поскольку эта лестница, где были неровные ступени, была построена таким образом, что, поднимаясь даже без ноши, люди приходили уже обессиленными.

В этот день, 15 апреля 1944 г., я был назначен в смену, состоявшую из 12 человек. Все мы, французы, были под командой немецкого «капо» — уголовника и одного члена СС. Мы начали работу в 7 часов утра. В 8 часов, час спустя, двое из моих товарищей уже были убиты. Это были: почти старик, мсье Грегуар из Лиона, и совсем юноша, Лефевр из города Тур. Они были убиты потому, что не поняли команды на немецком языке, когда назначали этих людей на работу. Наше незнание немецкого языка давало очень часто повод нас избивать.

Вечером этого первого дня, 15 апреля 1944 г., нам было поручено принести эти два трупа. Тот, которого я и трое из моих товарищей несли, было тело старика Грегуара, человека тяжелого. Мы были несколько раз избиты, пока поднимались с трупом по лестнице в 186 ступенек.

Жизнь в Маутхаузене, а я хочу рассказать Суду лишь только то, что я сам знал и видел, была длинной цепью страданий и пыток.

Мне хотелось тем не менее напомнить некоторые сцены, особенно тяжелые, которые у меня особенно запечатлелись. В течение сентября, мне кажется, 6 сентября 1944 г., прибыла в Маутхаузен небольшая партия: 47 английских, американских и голландских офицеров. Это были летчики, спустившиеся на парашютах. Они были задержаны во время попытки вернуться на свою сторону. Они были приговорены к смерти немецким судом. Они были взяты в плен полтора года тому назад. Их привезли в Маутхаузен, чтобы там казнить. По приезде их поместили в бункер — лагерную тюрьму. Они были совсем раздеты, на них были лишь кальсоны и рубашки, и они были босы. Утром в 7 часов они были на перекличке. Лагерные бригады отправились на работу. Эти 47 офицеров были собраны около канцелярии, где услышали от коменданта лагеря свой смертный приговор. Я должен сказать, что один американский офицер просил у коменданта СС, чтобы его казнили так, как подобает быть казненным солдату. В ответ последовали удары хлыстом. 47 человек должны были идти босиком к каменоломне. Их казнь осталась у всех в памяти в Маутхаузене. Это была картина Дантова ада. Внизу лестницы на плечи несчастных накладывали камни, которые они должны были нести наверх, от 25 до 35 килограммов. Первое путешествие заканчивалось под ударами палок. Затем следовал спуск бегом. При втором путешествии камни были более тяжелые и, по мере того, как ноша становилась все тяжелее, на несчастных сыпались удары сапогом, резиновых дубинок и даже камни, которые в них бросали. Это длилось несколько дней. Вечером, когда я шел в бригаду, в которой я состоял, дорога, которая вела в лагерь, была дорогой крови. Я едва не наступил на ни-

жнюю челюсть убитого — 21 труп лежал на дороге. 21 человек умер в первый день, а 26 остальных умерли на следующий день утром. Я попытался, по возможности кратко, изложить это ужасное зрелище. Мы не смогли, когда были в лагере, узнать имена этих офицеров, но я думаю, что их имена теперь уже известны.

В сентябре 1944 года к нам приехал Гиммлер. Ничего не изменилось в работе лагеря. Бригады, как обыкновенно, спускались, и мы имели печальный случай увидеть Гиммлера довольно близко. Но если я упоминаю о пребывании Гиммлера в лагере, что не было, в конце концов, большим событием, то лишь потому, что в этот день Гиммлеру представили зрелище казни 50 советских офицеров. Я должен сказать, что я тогда работал в бригаде Мессершмидта и в этот день я был в ночной смене. Блок, где я находился, был как раз напротив крематория и того места, где происходили казни, и я видел этих советских офицеров, которые стояли по пять человек в ряд у блока в ожидании быть вызванными один за другим. Дорога, которая вела в комнату, где совершались казни, была относительно короткая; туда вела лестница, по которой можно было спуститься: комната казни была под крематорием. Казнь, в начале которой присутствовал Гиммлер, длилась продолжительное время и была особенно тяжелым зрелищем. Я повторяю: советских офицеров вызывали одного за другим, и образовывалось нечто вроде конвейера между теми, которые ожидали своей очереди, и теми, которые слышали выстрел на лестнице. Казнь производилась выстрелом в затылок.

Дюбост: *Вы лично присутствовали при этом?*

Ламп: *Я повторяю, я находился в этот день в послеобеденное время в блоке № 11, расположенном напротив крематория, и если мы не видели самой казни, то мы слышали каждый выстрел. Мы видели осужденных, они стояли напротив нас и обнимались перед тем, как расстаться и спуститься по лестнице.*

Дюбост: *Кто были эти осужденные?*

Ламп: *Это были в большинстве случаев советские офицеры, политические комиссары или члены Коммунистической партии. Они прибыли из лагерей для офицеров-военнопленных.*

Дюбост: *Скажите, были среди них офицеры?*

Ламп: *Да.*

Дюбост: *Вам было известно, откуда они прибыли?*

Ламп: *Нам трудно было знать, из какого лагеря они прибыли, потому что, в соответствии с правилами, их изолировали по прибытии в лагерь и отправляли или прямо в тюрьму, или в блок № 20, примыкавший к лагерю...*

Дюбост: *Откуда Вы знали, что это были офицеры?*

Ламп: *Потому что мы имели возможность общаться с ними.*

Дюбост: *Все прибыли из лагеря военнопленных?*

Ламп: *Вероятно.*

Дюбост: *Вы точно не знали?*

Ламп: *Мы этого не знали, потому что главным образом интересовались национальностью, но не подробностями.*

Дюбост: *Английские, американские и голландские офицеры, о которых Вы нам только что говорили, были казнены на лестнице в каменоломне. Знаете ли Вы, откуда они все прибыли?*

Ламп: *Мне кажется, что они прибыли из Голландии, в частности, летчики, самолеты которых, вероятно, были сбиты, которые сбросились с парашютами и которые, скрываясь, пытались добраться до своей страны.*

Дюбост: *Было ли известно заключенным в Маутхаузене, что офицеров и унтер-офицеров казнили?*

Ламп: *Это было обычно.*

Дюбост: *Это было обычно?*

Ламп: *Это было очень обычно.*

Дюбост: *Знаете ли Вы о некоторых массовых казнях заключенных в Маутхаузене?*

Ламп: *Мы знаем множество примеров.*

Дюбост: *Пожалуйста, расскажите о них.*

Ламп: *Наряду с теми казнями, которые я только что описал, надлежит напомнить казнь части партии, прибывшей из Заксенхаузена. Это происходило 17 февраля 1945 г. Под натиском союзных армий некоторые лагери эвакуировались по направлению к Австрии. Транспорт в 2,5 тысячи арестованных отбыл из Заксенхаузена и прибыл утром 17 февраля в Маутхаузен приблизительно в количестве 1700 человек; 800 человек погибли или были убиты во время пути.*

Лагерь Маутхаузен был в это время, если я могу употребить такое выражение, набит до отказа. Поэтому из 1700 оставшихся в живых в этом составе комендант Дахмейр отобрал 400 человек больных, стариков и самых слабых, сказав, что они попадут в лазарет. Этих 400 человек, которые добровольно назвались, раздели догола при 18-градусном морозе, и в таком виде они оставались 18 часов. Их оставили в таком виде, и они находились между прачечной и стеной, окружавшей лагерь.

Дюбост: *Вы при этом присутствовали лично?*

Ламп: *Лично.*

Дюбост: *Вы это можете засвидетельствовать, Вы это видели сами непосредственно?*

Ламп: *Да.*

Дюбост: *Где Вы были в это время в лагере?*

Ламп: *Эта сцена длилась, я повторяю, 18 часов, и когда мы входили и выходили из лагеря, это печальное зрелище стояло перед нашими глазами.*

Дюбост: *Хорошо, продолжайте. Вы нам только что говорили о посещении Гиммлером и о казнях советских*

офицеров. Вы часто видели высокопоставленных особ немцев?

Ламп: *Да, но не могу их назвать.*

Дюбост: *Вы их не знали?*

Ламп: *Гиммлер от них отличался.*

Дюбост: *Всем было известно, что это видные личности?*

Ламп: *Да. Мы это знали потому, что, во-первых, при посещении этих людей всегда сопровождали лица из генерального штаба, которые в особенности осматривали примыкавшие к тюрьме блоки и саму тюрьму.*

Если Вы позволите, я продолжу давать объяснения по поводу убийства этих 400 несчастных. Я сказал, что после того, как допросили больных, самых слабых, стариков, комендант лагеря Дахмейер приказал, чтобы эти люди при 18-градусном морозе совершенно разделись. Очень быстро некоторые окоченели, но эсэсовцам казалось, что это недостаточно быстро. Трижды в эту ночь их заставляли спускаться в душ, их заставляли находиться по полчаса трижды под ледяной водой и вновь подниматься, не вытираясь. Утром, когда бригады вышли на работу, на земле лежали только трупы. Нужно добавить, что последних приканчивали ударом топора.

Я предъявляю здесь совершенно неоспоримое свидетельство, самое точное, факта, который легко можно проверить. Среди этих 400 людей был кавалерийский капитан французской арми Додион, в настоящее время, мне кажется, он — комендант во французском военном министерстве. Этот человек находился среди 400 и спасся только благодаря тому, что спрятался под трупами и, таким образом, избежал удара топором. Когда трупы унесли в крематорий, ему удалось спастись бегством через лагерь, но он получил выстрел в плечо, отчего у него останется шрам на всю жизнь. Пойманный эсэсовцами, он снова спасся, так как эсэсовцам показалось забавным, что живой человек вышел из-под кучи трупов. Мы его лечили, поддержали и отправили обратно во Францию.

Дюбост: *Вам известно, почему эта казнь была совершена?*

Ламп: *Потому, что в лагере было слишком много людей. В этот лагерь отовсюду пересылали заключенных из свернутых лагерей и их не успевали распределять по рабочим командам. Блоки были переполнены. Вот это единственное объяснение, которое можно дать.*

Дюбост: *Известно ли Вам, кто дал приказ об убийстве английских, американских и голландских офицеров, казнь которых Вы видели в каменоломне?*

Ламп: *Мне кажется, я сказал, что эти офицеры были приговорены к смерти немецким судом.*

Дюбост: *Да.*

Ламп: *Вероятно, некоторые из них были осуждены несколько месяцев тому назад. Они были отосланы в Маутха-*

узен, чтобы там приговор был приведен в исполнение. Вероятно, это был приказ и Берлина.

Дюбост: *Известны ли Вам условия, при которых был создан лазарет?*

Ламп: *Я со всей объективностью могу заявить, что лазарет был построен до моего прибытия в лагерь.*

Дюбост: *Значит, это не прямое показание?*

Ламп: *Показание, подтверждаемое группой заключенных, а также и самими эсэсовцами. Он был построен первыми советскими пленными, которые прибыли в Маутхаузен. 4 тысячи советских солдат были убиты, замучены во время постройки 8 блоков этого лазарета. Воспоминание об этих убийствах настолько живо осталось в памяти, что никогда в Маутхаузене лазарет не называли иначе, как «русским».*

Дюбост: *Сколько Вас было французов в Маутхаузене?*

Ламп: *Приблизительно в Маутхаузене и в бригадах нас было 10 тысяч французов.*

Дюбост: *Сколько Вас вернулось?*

Ламп: *3 тысячи.*

Дюбост: *Были ли с Вами и испанцы?*

Ламп: *8 тысяч испанцев прибыли в Маутхаузен в 1941 году. Когда мы уехали в апреле 1945 года, их осталось 1600 человек, все остальные были уничтожены.*

Дюбост: *Откуда прибыли эти испанцы?*

Ламп: *В большинстве случаев эти испанцы прибыли из рабочих рот, организованных в 1939 и 1940 годах во Франции, или были непосредственно переданы правительством Виши германским властям.*

Дюбост: *Это все, что Вы имеете сказать?*

Ламп: *С разрешения Суда, я хочу рассказать об одном случае зверств, который остался у нас в памяти. Это также происходило в течение сентября 1944 года. Извините, если я неточно запомнил дату. Но я помню, что это было в субботу, потому что в субботу все наружные команды проходили вечернюю перекличку внутри лагеря. Так было только в субботу вечером и в воскресенье утром. Перекличка в этот вечер длилась дольше, чем обычно. Кого-то не хватало. После долгого ожидания обысков, произведенных в различных блоках, нашли одного русского, советского человека, который, возможно, заснул и забыл о перекличке. Какова была причина, нам не известно, но он не присутствовал на перекличке. Немедленно эсэсовцы с собаками отправились к несчастному, и перед всем лагерем — я находился в первом ряду, не потому, что я этого хотел, но потому, что мы были так размещены, — разъяренные собаки бросились на этого несчастного советского пленного и разорвали его на глазах у всех. Я должен сказать, что, несмотря на мучения, этот пленный держался с особенным достоинством.*

Дюбост: *Какой был режим в лагере? Одинаково ли относились к заключенным всех национальностей? Или были различия по расовым признакам?*

Ламп: *Как общее правило, режим лагеря был одинаковым для заключенных всех национальностей, за исключением блоков карантина, блоков, примыкавших к тюрьме. Условия работы, выбор команды позволяли иногда некоторым изменить обычные условия. Например, те, кто работал в продовольственных магазинах и на кухне, имели гораздо большие возможности.*

Дюбост: *Разве на кухнях или в продуктовых магазинах могли работать евреи?*

Ламп: *Евреи в Маутхаузене составляли команды, где были самые тяжелые условия. Должен, впрочем, сказать, что в декабре 1943 года евреи не жили больше трех месяцев в Маутхаузене. Их было мало.*

Дюбост: *Что произошло в этом лагере после убийства Гейдриха?*

Ламп: *Произошел один очень трагический эпизод. В Маутхаузене насчитывалось 3 тысячи чехов, из которых 600 были людьми интеллигентного труда. После убийства Гейдриха чешский концлагерь был уничтожен, за исключением 300 человек из 3000 и 6 человек из 600 человек интеллигентного труда, которых мы нашли в лагере.*

Дюбост: *Не говорили ли Вам о «научных» экспериментах?*

Ламп: *Да, они были часты в Маутхаузене так же, как и в других лагерях. У нас есть свидетельства, которые, мне кажется, вполне себя оправдывают. Это два черепа, которые служили вместо пресс-папье главному врачу СС. Это черепа двух молодых голландских евреев, которые были изъяты из эшелона в 800 человек и выбраны потому, что у них были прекрасные зубы. Главный врач, отбирая их, сказал, что этих двух голландских евреев не постигнет судьба их товарищей по транспорту. Он им сказал: «Здесь евреи не живут. Мне нужно двух здоровых людей для хирургических экспериментов, вы можете выбирать: или вы будете подвергнуты экспериментам, или будете убиты вместе с другими». Этих евреев направили в лазарет, и они были подвергнуты операциям: одному удалили почки, другому — желудок, после этого им сделали укол в сердце бензином, затем их обезглавили. Как я Вам уже говорил, два черепа с прекрасными зубами находились все время, до освобождения, на столе главного врача.*

Дюбост: *Я обращаюсь по поводу Гиммлера. Вы уверены, что Вы его видели во время казни?*

Ламп: *Да.*

Дюбост: *Думаете ли Вы, что то, что происходило в лагере, могло быть не известно членам германского правительства? Посещения, которые у вас были, были ли это посещения просто членов СС или других лиц?*

Ламп: *Что касается первого вопроса, то мы все знали Гиммлера, и даже если мы его не знали, то о его посещении говорили за несколько дней вперед, и эсэсовцы нам сообщили о его приезде. Об этом его посещении знали заранее. Он присутствовал при казни советских офицеров. Эта казнь происходила в послеобеденное время, и он не оставался до конца.*

Дюбост: *Возможно ли, что только эсэсовцы знали, что происходило в лагере? Посещали ли лагерь другие лица, кроме СС? Знакома ли Вам форма СС?*

Ламп: *Те, которых мы видели в лагере, это были обычно солдаты или офицеры. Незадолго до освобождения лагерь посетил гаулейтер Верхнего Дуная. Нас часто также посещали сотрудники гестапо, одетые в штатское. Но населению немецкому, в данном случае австрийскому, было известно абсолютно все, что происходило в Маутхаузене. Команды[1] почти все были внешние.*

Я только что говорил, что я работал у Мессершмидта. Мастер был мобилизованный немец, который вечером возвращался в свою семью. Ему была известна наша жизнь, наши страдания, он часто видел, как приходили за людьми, которые должны были быть убиты. Он был свидетелем большинства избиений, о которых я говорил.

Я добавлю. Однажды в Маутхаузене произошло следующее: прибыла партия из 30 венских пожарных, арестованных за то, что они приняли участие в акте солидарности. Эти венские пожарные нам сказали, что в Вене, когда хотели напугать детей, говорили: «Если ты не будешь послушным, я тебя отправлю в Маутхаузен». Вот еще более существенная подробность. Лагерь Маутхаузен расположен на плоскогорье, и каждую ночь трубы крематория дымились и наполняли чадом всю местность. Все знали, для чего служил крематорий.

Еще одна подробность: город Маутхаузен находился в пяти километрах от лагеря. Прибывавшие эшелоны разгружались на вокзале города, и все население могло видеть, как шли прибывавшие люди, и знало, в каких условиях эти люди прибывали в лагерь.

Дюбост: *Я благодарю Вас.*

Председатель: *Какие будут вопросы у генерала Руденко?*

Руденко: *Скажите, свидетель, не известно ли Вам, по чьему приказу были казнены 50 советских офицеров? За что их казнили?*

Ламп: *По этому отдельному случаю я не могу ответить... Я не знаю причин приговора и их казни, но, как общее правило, все советские офицеры, все политические комиссары или члены Коммунистической партии были казнены в Маутхаузене. И если некоторым из них удалось*

---

[1] Речь идет о командах заключенных, которых выводили на работы вне лагеря.

спастись, то это потому, что их служебное положение не было известно эсэсовцам.

Руденко: *Вы утверждаете, что при казни 50 советских офицеров присутствовал Гиммлер?*

Ламп: *Я утверждаю, что я видел его собственными глазами.*

Руденко: *Не можете ли Вы более подробно сообщить о казни 4000 советских военнопленных, о которых Вы только что говорили?*

Ламп: *Я не смогу добавить многого, кроме разве того, что эти люди убиты во время работы, потому что, очевидно, недоедание, непосильная работа, которую они должны были выполнять, лишали их сил выполнить задание. Они были убиты на месте ударами палок. Иногда их убивали эсэсовцы или их заставляли идти к проволоке и в них стреляли. Я больше не могу ничего добавить, так как лично больше ничего не видел.*

Руденко: *Еще один вопрос. Не можете ли Вы более детально сообщить об уничтожении чешской партии узников?*

Ламп: *Я не был в лагере во время уничтожения 3 тысяч чехов, но оставшиеся в живых чехи, с которыми я встречался в 1944 году, мне все единогласно подтвердили этот факт, и, очевидно, они составили для своей страны список убитых людей.*

Руденко: *Значит, если я Вас правильно понял, в лагере, где Вы находились, происходили расправы без всякого суда и следствия. Каждый эсэсовец вправе был убить заключенного. Правильно ли я понял Ваше сообщение?*

Ламп: *Это именно так. Жизнь человека в Маутхаузене ни во что не ставилась.*

Председатель: *Может быть, кто-либо из защитников хочет задать вопрос этому свидетелю?*

(Вопросов со стороны защиты не последовало. К свидетелю обратился член Трибунала Биддл)

Биддл: *Какое количество охраны было в лагере?*

Ламп: *Количество охраны колебалось, но было, как общее правило, 1200 эсэсовцев и солдат фольксштурма. Тем не менее следует упомянуть, что только 50—60 членам СС разрешалось входить в лагерь.*

Биддл: *Эти 50 или 60 человек были эсэсовцами, которым разрешалось входить на территорию лагеря?*

Ламп: *Да, это были эсэсовцы.*

Биддл: *Все ли они были эсэсовцами?*

Ламп: *Все были эсэсовцами.*

Председатель: *Свидетель может идти.*

Из допроса свидетеля Ж. Ф. ВЕЙТА[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 28 января 1946 г.

Дюбост: *С разрешения Трибунала, мы перейдем к заслушиванию показаний свидетеля Вейта.*

(Вейт подходит к кафедре)

Председатель: *Вы вызываете этого свидетеля с тем, чтобы он дал показания об обращении с заключенными в концлагерях?*

Дюбост: *Да, господин председатель, а также потому, что этот свидетель может сообщить нам сведения о жестоком обращении с некоторыми военнопленными в лагерях. Речь идет не только о концлагерях и о гражданских лицах, подвергавшихся жестокому обращению, но и о военных, направленных в эти концентрационные лагеря, где они подвергались такому же жестокому обращению, как и гражданские лица. Трибунал намерен заслушать свидетеля?*

Председатель: *Да. (Обращаясь к свидетелю) Как Ваше имя?*

Вейт: *Жан-Фредерик Вейт. Я родился 28 апреля 1903 г.*

Председатель: *Повторите слова присяги.*

(Свидетель повторяет слова присяги)

Дюбост: *Вы француз по национальности?*

Вейт: *Я по национальности француз, мои родители французы.*

Дюбост: *В какой лагерь Вы были заключены?*

Вейт: *Я находился в Маутхаузене с 22 апреля 1943 г. по 22 апреля 1945 г. ...*

Дюбост: *Можете ли Вы сказать то, что Вы знаете относительно поездки в неизвестный замок автобуса с интернированными, которых больше никто никогда не видел?*

Вейт: *Одно время в Маутхаузене уничтожали больных посредством уколов. Этим занимался особенно доктор Кребсбах, которого заключенные называли доктором Шприцбахом, так как он ввел систему уколов. Затем больше не стали применять уколы, а в этот период очень тяжело больных и обессиленных людей стали отправлять в замок, название которого, как мы впоследствии обнаружили, было Хартхайн, но который носил официальное название «Генезунгслагерь», то есть лагерь для выздоравливающих. Все те, кто туда были отправлены, никогда не возвра-*

[1] IMT, vol. 6, p. 231—241.

щались, и мы получали непосредственно из политического отдела лагеря извещения об их смерти. Эти извещения были секретными. Все те, кого направляли в замок Хартхайн, умирали. Число умерших достигло приблизительно 5 тысяч человек.

Дюбост: *Видели ли Вы прибытие военнопленных в Маутхаузен?*

Вейт: *Разумеется, я видел военнопленных. Прибывающие в Маутхаузен в первую очередь проходили мимо здания, где помещался политический отдел. Так как я работал в «Холлерите», то я имел возможность их видеть, потому что окна конторы выходили на площадку, на которой находился политический отдел и по которой проходили эшелоны. Эти эшелоны немедленно сортировались: одну часть отправляли в лагерь для регистрации, и очень часто некоторых лиц, одетых в форму, отделяли. Этих последних подвергали особым издевательствам в политическом отделе и передавали прямо тюремной охране. Они попадали в тюрьму и пропадали без вести. Их не регистрировали в лагере. Единственную регистрацию, которую они проходили, это в политическом отделе у Мюллера, который специально занимался этими заключенными.*

Дюбост: *Это были военнопленные?*

Вейт: *Это были военнопленные, они очень часто были одеты в военную форму.*

Дюбост: *Какой национальности?*

Вейт: *Главным образом русские и поляки.*

Дюбост: *Их привозили в ваш лагерь для истребления?*

Вейт: *Их привозили в наш лагерь для того, чтобы подвергнуть их мероприятию «К».*

Дюбост: *Что Вы знаете о мероприятии «К» и каким образом Вы это узнали?*

Вейт: *Сведениями о мероприятии «К» я располагаю благодаря тому, что я руководил отделом «Холлерит» в Маутхаузене, вследствие чего я получал все пересылочные путевки из различных лагерей, и когда к нам по ошибке присылали так называемых обычных пленных, мы их заносили в списки как лиц, подлежащих пересылке, которых мы должны были отправлять в центральное управление в Берлине, нет, вернее, мы не нумеровали их, так как не могли это делать; политический отдел не давал нам никаких указаний и даже уничтожал списки фамилий, если они к нам случайно попадали.*

Из разговоров с моими сослуживцами по политотделу я узнал, что это мероприятие «К» применялось прежде всего по отношению к военнопленным, пойманным при попытке к бегству. В дальнейшем это мероприятие распространи-

лось на других. Оно продолжало применяться к пойманным при побеге военным, и в особенности к офицерам, которым удалось бежать, но которые были схвачены в странах, находящихся под властью немцев.

Кроме того, всякий, кто проявлял какую-либо активность, рассматривавшуюся как не соответствовавшую желаниям нацистских руководителей, мог также быть подвергнут мероприятию «К». Эти заключенные прибывали в Маутхаузен и исчезали, то есть их отправляли в тюрьму, где некоторых из них немедленно уничтожали, а других помещали в филиал тюрьмы, ставшей слишком тесной, в знаменитый блок № 20 Маутхаузена.

Дюбост: *Скажите, речь идет именно о военнопленных?*

Вейт: *Речь идет главным образом о военнопленных.*

Дюбост: *Знаете ли Вы о казни военнопленных офицеров, привезенных в Маутхаузен?*

Вейт: *Я не могу Вам назвать фамилий, но такие случаи были.*

Дюбост: *Видели ли Вы, как казнили союзных офицеров, которые были убиты в течение 48 часов с момента их прибытия в лагерь?*

Вейт: *6 сентября я видел прибытие эшелона. Я думаю, что Вы имеете в виду именно этот эшелон. Я видел, как прибыл этот эшелон, и в тот же день после полудня эти 47 человек, в одних рубашках и кальсонах, были отведены в каменоломню. Вскоре послышалась стрельба из ручных пулеметов. Я вышел из своей конторы и, сделав вид, что задворками несу документы в другую контору, прошел мимо того места и видел собственными глазами, что этих несчастных расстреливали. 19 были расстреляны в тот же день, а остальные были казнены на другой день утром. Об их смерти на карточках впоследствии было сказано: «убиты при попытке к бегству».*

Дюбост: *Вы имеете список фамилий?*

Вейт: *Да, у меня имеется копия списка этих заключенных.*

Дюбост: *Мы заканчиваем допрос свидетеля Вейта, которому мне осталось задать лишь один вопрос.*

Сделайте некоторые дополнительные уточнения о казни 47 союзных офицеров, которая, как Вы наблюдали, произошла в лагере Маутхаузен в течение 48 часов.

Вейт: *Эти офицеры, эти парашютисты, были умерщвлены теми методами, которыми обычно устранялись заключенные, то есть их заставляли выполнять самые тяжелые работы. Они носили камни, их били и заставляли брать самые тяжелые камни. Таким образом, это продолжалось до тех пор, пока доведенные до крайности они подходили к колючей проволоке. Если они сами не шли к этой проволоке, то их избивали до тех пор, пока они этого не делали. Когда они приближались к проволоке на расстояние одного метра, их убивали часовые эсэсовцы очередью из автомата.*

Это была обычная система, известная под названием «убийство при попытке к бегству».

Эти 47 человек были убиты после полудня 6 сентября и утром 7 сентября.

Дюбост: Откуда Вам известны их имена?

Вейт: Эти имена я узнал из официального лагерного списка, в котором они были зарегистрированы, а так как я занимался передачей всех изменений, которые происходили в списках, в Берлин в отдел «Холлерит», то я видел все списки прибывших и все списки умерших.

Дюбост: Вы передали эти списки в какое-либо официальное ведомство?

Вейт: Да. Этот список был взят американскими властями, когда я был в Маутхаузене. После моего освобождения я немедленно вернулся в Маутхаузен, потому что я был осведомлен о документах, и в это время американские власти получили все списки, которые мы смогли обнаружить...

Из допроса свидетеля П. РОЗЕРА[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 29 января 1946 г.

Дюбост: С разрешения Трибунала, мы можем сейчас заслушать свидетеля Розера, который сообщит некоторые подробности об условиях, в которых находились французские военнопленные в немецких штрафных лагерях.

(Свидетель входит)

Председатель: Как Ваше имя ?

Свидетель: Розер Поль...

Дюбост: Вы француз?

Розер: Француз.

Дюбост: Вы были военнопленным?

Розер: Да.

Дюбост: Вы были взяты в плен в бою?

Розер: Да.

Дюбост: Когда это произошло?

Розер: 14 июня 1940 года.

Дюбост: Вы пытались бежать?

Розер: Да, несколько раз.

---

[1] IMT, vol. 6, p. 288—301.

Дюбост: *Сколько?*

Розер: *Пять раз.*

Дюбост: *Вы были переведены, в конце концов, в дисциплинарный лагерь?*

Розер: *Да.*

Дюбост: *Можете ли Вы рассказать нам, какой распорядок был в этом дисциплинарном лагере. Назовите свое звание и укажите нам, какому обращению подвергались французы Вашего звания в этих дисциплинарных лагерях и по каким причинам.*

Розер: *Охотно. Я был «аспирантом». Это звание французской армии между старшиной и младшим лейтенантом. Я был в различных дисциплинарных лагерях. Сначала в небольшом лагере близ Линцбурга в провинции Ганновер, который немцы называли «Штрафкоммандо». Это произошло в 1941 году. Нас было человек 30. Летом 1941 года во время пребывания в этом «Коммандо» мы вновь пытались бежать. Охрана обнаружила нас как раз в момент выхода из лагеря. Мы, конечно, были без оружия. Немцы — наши охранники, — схватив одного из нас, хотели заставить его сказать, кто хотел совершить побег вместе с ним. Этот человек молчал. Тогда охранники на него набросились. Били его рукоятками револьверов по лицу, штыками и прикладами ружей. В этот момент, не желая подвергать нашего товарища смертельной опасности, многие из нас добровольно признались. Меня начали бить штыками по голове, и я упал без сознания. Когда я пришел в себя, один из немцев прижал мою ногу коленом и продолжал меня бить, а другой, подняв свое ружье, хотел попасть мне в голову. Я спасся на этот раз только потому, что вмешались мои товарищи, которые бросились между немцами и мною. В эту ночь нас били в течение 3 часов прикладами ружей, штыками и рукоятками револьверов по лицу. Я три раза терял сознание. Тем не менее, утром нас повели на работу. Мы копали рвы для осушения болот. Это была очень тяжелая работа, которая начиналась в 6 ч. 30 м. утра и заканчивалась в 6 часов вечера. Мы имели два перерыва, каждый по полчаса, и целый день нам ничего не давали есть. Вечером получали только суп, кусок хлеба, маленький кусок сосиски или два кубических сантиметра маргарина. Это было все.*

После нашей попытки к бегству наша охрана оставила у себя абсолютно все вещи, которые в течение месяца нам присылали наши семьи. Мы не имели права писать и получать письма. Через три с половиной месяца, в сентябре 1941 года, мы были включены в обычные «команды». Лично я в это время был очень сильно болен и вернулся в лагерь X-B в Зандбостеле.

Дюбост: *Почему Вы были подвергнуты особому обращению, несмотря на то, что Вы были «аспирантом»?*

Розер: *Конечно, потому, что я пытался бежать.*

Дюбост: *Вы согласились работать?*

Розер: *Нет. Я, как и все мои товарищи «аспиранты» и как большинство младших офицеров, отказался работать, ссылаясь на положение Женевской Конвенции, которую Германия подписала и которая предусматривает, что младшие офицеры-военнопленные не могут привлекаться к какой-либо работе без их согласия. Немецкая армия, в руках которой мы находились, можно сказать, никогда не соблюдала этого обязательства, взятого Германией.*

Дюбост: *Вы знаете о казнях, которые происходили в лагере для военнопленных 11-В?*

Розер: *Я знаю о смерти многих французских и союзных военнопленных, в частности, в офицерском лагере 11-В, в Гроссборне, Померания. Французский лейтенант Робен, который с несколькими товарищами подготовил побег и прорыл для этого тоннель, был убит следующим образом: немцы узнали о том, что подготовлен тоннель. Капитан Бухман, который служил в лагерной администрации, с несколькими немецкими охранниками подстерегал бегущих у выхода. Лейтенант Робен, который выходил первым, был убит выстрелом в то время, когда он, несомненно, не мог ни на кого напасть и не мог защищаться.*

Имели место и другие случаи такого же рода. Один из моих друзей, французский лейтенант Леду, который был послан в крепость Грауденц, где он был в заключении в ужасных условиях, видел, как в их камере старший фельдфебель Эстеррейх выстрелом из револьвера в затылок убил его лучшего друга — английского лейтенанта Антони Томпсона. Лейтенант Томпсон как раз пытался совершить побег и был схвачен немцами на аэродроме. Лейтенант Томпсон служил в английских военно-воздушных силах...

Дюбост: *Скажите, почему Вы были в Раве-Русской?*

Розер: *В течение зимы 1941/42 годов немцы хотели запугать, во-первых, младших офицеров, отказывавшихся работать, во-вторых, пытавшихся бежать и, в-третьих, заключенных из трудовых команд, которых уличали в саботаже. Немцы предупредили нас, что начиная с 1 апреля 1942 г. все пойманные беглецы будут направлены в специальный лагерь — в так называемый штрафной лагерь в Раве-Русской, в Польше. После новой попытки к бегству я, приблизительно с двумя тысячами французов, был переведен в Польшу. Я оказался в лагере для военнопленных 12-А, где мы были разбиты на группы и помещены в вагоны. У нас отобрали шинели, ботинки и все те продукты, которые некоторым из нас удалось сохранить. Нас было от 53 до 56 человек в каждом вагоне. Путешествие длилось 6 дней. Вагоны обычно открывались только на несколько*

минут во время остановки в открытом поле. За 6 дней нам только 2 раза дали суп. Один раз в Оппельне — и этот суп был совершенно несъедобным — и второй раз — в Ярославе. В течение 36 часов мы ничего не пили, так как у нас не было посуды и нам негде было набирать воду.

Когда утром 1 июня 1941 г. мы прибыли в Раву-Русскую, мы встретили других французских военнопленных, большинство из которых находилось там несколько недель, и были совершенно обескуражены. Питание было значительно хуже, чем то, которое мы получали раньше. Никто не получал посылок из дому или от Международного Красного Креста.

В это время нас было в этом лагере приблизительно 12 или 13 тысяч человек. На все это количество людей был один кран, из которого в течение нескольких часов в день текла непригодная для питья вода. Это положение вещей продолжалось до тех пор, пока, кажется, в сентябре лагерь не посетили два швейцарских врача. Мы размещались в четырех казармах до 600 человек в каждой. Нары были расположены в три ряда, на каждого приходилось от 35 до 40 сантиметров.

Во время нашего пребывания в Раве-Русской были совершены многочисленные попытки к бегству: более 500 случаев за 6 месяцев. Многие из наших товарищей были убиты. Некоторые были убиты в тот момент, когда их замечал часовой. Несмотря на нашу скорбь, никто из нас не оспаривал права охраны в таких случаях, но часто происходили прямые убийства. В частности, 12 августа 1942 г. в «Коммандо Тарнополь» нашли солдата по фамилии Ловек со следами многочисленных и больших штыковых ран.

14 августа в «Коммандо Версинек» 93 француза прорыли подземный ход и совершили побег. Утром следующего дня трое из них, Конан, Ван ден Бош и Путрель, были настигнуты искавшими их немецкими солдатами. Немцы — капрал и двое рядовых — проверили личность этих трех французов и очень спокойно, без криков, заявили им: «Теперь мы вынуждены вас убить». Трое несчастных говорили о своих семьях, просили пощады. Немецкий капрал дал им ответ, который мы слышали очень часто: «Приказ есть приказ». Они немедленно убили двух из французских военнопленных — Ван ден Боша и Конана. Путрель, как сумасшедший, ринулся прочь, и случайно его не догнали. Через несколько дней он, тем не менее, был пойман в районе Кракова и привезен обратно в Раву-Русскую, где мы видели его в состоянии, близком к умопомешательству.

14 августа в «Коммандо Стрый» группа примерно в 20 военнопленных, сопровождаемых многими охранниками, шла на работу.

Дюбост: *Прошу прощения. Речь идет о французских военнопленных?*

Розер: *В данном случае о французских военнопленных. Идя вдоль леса, немецкий унтер-офицер, в течение некоторого времени сопровождавший двух военнопленных — Пьереля и Ондивьеля, отвел их в лес. Через несколько минут остальные услышали выстрелы. Пьерель и Ондивьель были убиты.*

20 сентября 1942 г. опять в «Стрые» еще одна бригада работала под надзором немецких солдат и немецких гражданских мастеров. Одному из французов удалось бежать. Немецкий унтер-офицер немедленно выбрал двух солдат из военнопленных, если я не ошибаюсь, их звали Саладен и Дюбеф, и расстрелял их на месте.

Факты такого рода происходили и при других обстоятельствах. Их перечисление заняло бы очень много времени.

Дюбост: *Можете ли Вы рассказать об условиях, в которых пребывали отказавшиеся работать младшие офицеры, которые находились с Вами в Раве-Русской?*

Розер: *Младшие офицеры, которые отказывались работать, находились в одной части лагеря, в двух огромных конюшнях, которые служили бараками. Они подвергались очень суровому режиму: частые переклички, поверки и упражнения, во время которых приходилось ложиться и вставать и которые очень изнурительны, если их часто повторять. Однажды сержант Корбиян не подчинился немецкому капитану Фурнье. Тогда немецкий капитан сделал жест, и один из немецких солдат, которые были с ним, проткнул Корбияна штыком. Корбиян чудом избежал смерти.*

Дюбост: *Сколько человек исчезло из лагеря?*

Розер: *В Раве-Русской за 5 месяцев, которые я там пробыл, было похоронено приблизительно 60 товарищей, погибших от болезней или убитых при попытках к бегству. Но до сих пор человек 100 из тех, которые были с нами и которые пытались бежать, не обнаружены.*

Дюбост: *Это все, чему Вы были свидетелем?*

Розер: *Нет.*

Я должен сказать, что пребывание в штрафном лагере Рава-Русская было связано с явлением еще более ужасным, чем то, что мы, военнопленные, видели или пережили. Мы были подавлены тем, что, как мы узнали, происходило вокруг нас. Немцы превратили район Львов — Рава-Русская во что-то похожее на огромное гетто. В этот район, где и так было много евреев, они привезли евреев из всех стран Европы. Каждый день, в течение пяти месяцев, за исключением перерыва около шести недель, приблизительно в августе и сентябре 1942 года мы видели, как в 150 метрах от нашего лагеря проходили 1—2, а иногда и 3 поезда, состоящих из товарных вагонов, в которых были скучены мужчины, женщины и дети. Однажды из этих вагонов раздался голос. Этот голос кричал: «Я из Парижа. Нас везут на бойню». Очень часто товарищи, которые выходили из

лагеря на работу, находили трупы вдоль железной дороги. Мы туманно знали в то время, что эти поезда останавливались в Белчече — местечке, расположенном приблизительно в 17 километрах от нашего лагеря, и что там происходили казни этих несчастных. Какими именно средствами, я не знаю.

Однажды, в июле 1942 года, мы всю ночь слышали очереди из ручных пулеметов и вопли женщин и детей. Наутро группы немецких солдат прочесывали ржаные поля рядом с нашим лагерем с винтовками наперевес в поисках спрятавшихся людей. Те из наших товарищей, которые в этот день вышли на работу, рассказывали нам, что они видели мертвых повсюду: в городе, в ручьях, в амбарах, в домах. Позднее некоторые из нашей охраны, которые участвовали в этом мероприятии, охотно объяснили нам, что в эту ночь было казнено и убито 2 тысячи евреев под предлогом, что двое эсэсовцев были убиты где-то в районе.

Позднее, в 1943 году, в первую неделю июня произошел погром во Львове, во время которого было убито 30 тысяч евреев. Я лично в это время не был во Львове, но несколько французских военнопленных врачей, например военный врач Гиге, врач-лейтенант Леван, рассказали мне о случившемся.

Дюбост: *Господин Розер, Вы нам давали сегодня утром показания, касающиеся погрома в районе Рава-Русская, при котором Вы присутствовали, и хотели дать показания о другом погроме; Вы нам объяснили, что один солдат, участвовавший в нем, рассказывал Вам об этом. Не так ли?*

Розер: *Да.*

Дюбост: *Вы хотите рассказать о том, что слышали от него?*

Розер: *К концу 1942 года я был привезен в Германию и случайно вместе с одним французским врачом встретил шофера главного врача лазарета, где в то время я находился. Этот солдат, имя которого я забыл, сказал мне следующее:*

«В Польше, в одном из городов, название которого я также забыл, одного сержанта из моего полка видели гуляющим с еврейкой; несколько часов спустя его нашли мертвым. Тогда, — рассказывал германский солдат, — вывели мой батальон. Часть батальона оцепила гетто. Остальные — две роты, куда входил и я, — ворвались в дома и стали выбрасывать через окна и имущество и жителей». Германский солдат закончил свой рассказ такими словами: «О, мой бедный друг, это было бесчеловечно, чудовищно». Мы спросили у него: «Как вы могли делать подобные вещи?» Он нам ответил обычными словами: «Приказ есть приказ».

Вот пример, о котором я хотел рассказать.

Дюбост: *Вы стали рассказывать об обращении, которому подвергались русские заключенные, находившиеся до Вас в лагере Рава-Русская, насколько я помню?*

Розер: *Да. Первый эшелон французов, который прибыл 14 или 15 апреля 1942 г. в Раву-Русскую, заменил собой там 400 русских военнопленных, которые остались в живых из 6 тысяч человек, умерших от тифа. Немногие из медикаментов, которые были обнаружены французскими врачами по прибытии в Раву-Русскую, остались от лазарета русских военнопленных. Там было лишь несколько порошков аспирина и немного других медикаментов; ничего не было для лечения тифозных больных. После пребывания в лагере русских больных там не было сделано никакой дезинфекции.*

Я не могу рассказывать здесь обо всех этих несчастных русских, выживших в Раве-Русской, не испросив разрешения Трибунала воспроизвести здесь страшное зрелище, представшее перед всеми нами, французами, которые находились осенью — зимой 1942 года в концентрационном лагере в Германии, обо всем, что мы увидели, когда стали прибывать первые партии русских пленных. Что касается меня, то я присутствовал при этом зрелище однажды в воскресенье; все это казалось мне неправдоподобным. Русские шли в колонне по 5 человек, держась за руки, так как никто из них не в состоянии был передвигаться самостоятельно. Они были очень похожи на бродячие скелеты.

Мы видели много фотографий концентрационных лагерей и лагерей смерти, наши несчастные русские товарищи были точно в таком же положении с 1941 года. Их лица были даже не желтые, а зеленые, у них не было сил двигаться, они падали на ходу целыми рядами. Немцы бросались на них, били их прикладами ружей, избивали кнутом. Так как это происходило в воскресенье, в полдень, то заключенные в общем пользовались некоторой свободой, внутри лагеря, разумеется. При виде всего этого французы стали кричать, и немцы заставили нас возвратиться в бараки. В лагере русских тотчас же распространился тиф, из 10 тысяч прибывших в ноябре к началу февраля осталось 2500.

Русские военнопленные, еще не будучи мертвыми, были брошены в общую могилу. Мертвых и умирающих собирали между бараками и бросали в тележки. Первые дни мы еще видели трупы в тележках, но так как германскому коменданту было не очень приятно видеть, как французские солдаты приветствовали своих павших русских товарищей, впоследствии трупы покрыли брезентом...

Дюбост: *У меня к Вам нет больше вопросов.*

Документ ПС-884

ДИРЕКТИВА ГЛАВНОЙ СТАВКИ ГИТЛЕРА ОБ ОБРАЩЕНИИ С ЗАХВАЧЕННЫМИ В ПЛЕН СОВЕТСКИМИ ПОЛИТИЧЕСКИМИ И ВОЕННЫМИ РАБОТНИКАМИ ОТ 12 МАЯ 1941 Г.

Отдел обороны страны
(IV — Qu)

Вписано от руки:
«Должно быть возвращено фюреру. 13 мая, Иодль»

Совершенно секретно
Главная ставка фюрера
12.5.1941 г.
(Для высш. команд.) Передавать только через офицера

Содержание:
ОБРАЩЕНИЕ С ЗАХВАЧЕННЫМИ В ПЛЕН ПОЛИТИЧЕСКИМИ И ВОЕННЫМИ РУССКИМИ РУКОВОДЯЩИМИ РАБОТНИКАМИ

Заметки для доклада

I. ОКХ предложило проект (см. прилож. № 1):

«Директива относительно обращения с ответственными политическими работниками и т. п. лицами во исполнение задания, данного 31.3.1941».

Этот проект предусматривает следующие моменты:

1. Ответственные политические работники и политические руководители (комиссары) должны устраняться.

2. Поскольку они будут захватываться войсками, решение о том, должны ли они устраняться, принимается офицером, имеющим право накладывать дисциплинарные взыскания. Для решения достаточно установления того, что данное лицо является руководящим политическим работником.

3. Политические руководители в войсках не считаются пленными и должны уничтожаться самое позднее в пересыльных лагерях. В тыл не эвакуируются.

4. Технических руководителей хозяйственных учреждений и на производстве следует задерживать только в том случае, если они оказывают сопротивление германским вооруженным силам.

5. Эти мероприятия не должны мешать проведению военных операций. Планомерные операции по розыску и прочесыванию проводятся позднее.

6. В тылу войск руководящих политических работников и комиссаров (за исключением политических руководителей в воинских частях) передавать специальным командам (эйнзатцкомандам) полиции безопасности.

II. В отличие от этого, памятка № 3 рейхслейтера Розенберга предусматривает, что следует уничтожать только крупных и высших руководящих работников, так как государственные, коммунальные, хозяйственные руководители нужны для управления оккупированными областями.

III. Поэтому требуется решение фюрера, какие принципы должны быть взяты за основу.

Предложение для раздела II

1) Руководящие работники, которые будут выступать против наших войск, чего следует ожидать от радикальной части их, попадают под «Распоряжение военной подсудности в районе «Барбаросса». Их следует уничтожать, рассматривая как партизан. Подобное же обращение предусматривает «Директива о поведении войск в России» (приложение № 2).

2) Руководящие работники, не проявившие себя враждебно, могут быть пока оставлены. Трудно предполагать, чтобы войска были в состоянии различать служебные звания по отдельным секторам. Только при дальнейшем продвижении по стране можно будет принять решение о том, могут ли оставшиеся руководящие работники быть оставлены на месте или их следует передавать особым командам, поскольку войсковые части сами не в состоянии произвести расследование.

3) С политическими работниками в войсках следует обращаться в соответствии с предложением ОКХ.

Они не считаются пленными и должны уничтожаться самое позднее в пересыльных лагерях и ни в коем случае не должны отправляться в тыл.

Варлимонт

Приписка:

Следует считаться с возможностью репрессий против германских летчиков. Лучше всего поэтому представить это мероприятие как расплату.

Иодль

IMT, vol. 26, p. 406—408.
Нюрнбергский процесс.
Сборник документов (в 7-ми т.),
т. 3, с. 94—95.

Документ ПС-022, СССР-354

ДОКЛАД МИНИСТЕРИАЛЬНОГО СОВЕТНИКА ДОРША «ОТЧЕТ О ЛАГЕРЕ ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ В МИНСКЕ» ОТ 10 ИЮЛЯ 1941 Г.

Копия *Берлин, 10 июля 1941 г.*

ОТЧЕТ
Тема: лагерь заключенных в Минске

В лагере заключенных, занимающем пространство площадью, приблизительно равной Вильгельмплац, помещается 100 000 военнопленных и 40 000 заключенных гражданских лиц. Заключенные ютятся на такой ограниченной территории, что едва могут шевелиться и вынуждены отправлять

естественные потребности там, где стоят. Этот лагерь охраняется командой кадровых солдат, по количеству составляющей роту. Такая недостаточная охрана лагеря возможна только при условии применения самой жестокой силы.

Военнопленным, проблема питания которых с трудом разрешима, живущим по 6—8 дней без пищи, известно только одно стремление, вызванное зверским голодом, — достать что-либо съедобное. Гражданские заключенные в возрасте от 15 до 50 лет происходят из Минска и его окрестностей. Эти заключенные питаются, поскольку они из Минска, благодаря своим родственникам. Питанием обеспечены, конечно, только те, у которых есть родственники, тянущиеся длинными рядами с утра до вечера к лагерю пленных.

Единственно доступным средством недостаточной охраны, день и ночь стоящей на посту, является огнестрельное оружие, которое она беспощадно применяет.

Помочь этому хаотическому состоянию военные власти не могут вследствие огромной потребности в транспорте и людях, вызванной наступлением.

«ОТ»[1] попыталась принять решительные меры, сознавая, что, во-первых, огромную работу, выпавшую на долю тыловых оперативных работников, невозможно выполнить только с помощью немецкой рабочей силы; во-вторых, что из-за уничтожения всех предприятий, выпускающих продукты питания в Минске, и вследствие тесного контакта человеческих масс в лагере, изо дня в день возрастает угроза распространения эпидемии.

Из числа гражданских заключенных организация Тодта в качестве опыта отобрала полноценных в смысле расы квалифицированных рабочих и успешно использовала их. После этого удачного опыта предполагалось отобрать еще около 200 квалифицированных рабочих для использования их в целях приведения в порядок парка оборудования на автостраде Минск — Смоленск — Москва.

Отбор заключенных следовало продолжить и далее с целью использования 10 тысяч заключенных на строительстве дорог под руководством немецких рабочих из организации Тодта. На второй же день «ОТ» был запрещен отбор гражданских заключенных со ссылкой на приказ генерал-фельдмаршала Клюге, согласно которому вопрос о предоставлении заключенных для работ фельдмаршал решает сам.

Под этим понятным, с военной точки зрения, приказом скрыта опасность того, что:

1. Реализация срочной программы невозможна из-за недостатка рабочей силы.

2. Едва ли возможно предотвратить ужасную эпидемию.

Вследствие этого необходимо немедленно освободить от службы в «ОТ» нужное количество гражданских заключенных для восстановления предприятий, выпускающих продукты питания в Минске, причем при отборе следует ограничиваться только теми квалифицированными рабочими, которые полноценны с точки зрения расы.

Поскольку в недалеком будущем не может быть и речи о роспуске или сокращении лагерей, надо немедленно объявить строгий карантин в массовом лагере Минска, который, вероятно, не один в таком состоянии.

Г-ну рейхслейтеру Розенбергу в связи с беседой с г-ном министром д-ром Тодтом.

Дорш,
министериальный советник.

IMT, vol. 25, p. 81—83.

[1] «ОТ» — сокращенное от «организация Тодта».

Документ ПС-502

ИНСТРУКЦИЯ ГЕСТАПО СПЕЦИАЛЬНЫМ КОМАНДАМ ПОЛИЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ И СД ПРИ ШТАЛАГАХ, О ИХ ЗАДАЧАХ И ФУНКЦИЯХ ОТ 17 ИЮЛЯ 1941 Г.

Секретно!
Государственной важности!
Управление IV[1]

Приложение 2
Берлин,
17 июля 1941

**Инструкция
для придаваемых шталагам команд,
находящихся в ведении
начальника полиции безопасности
и службы СД**

Создание команд происходит по договоренности между начальником полиции безопасности и СД и ОКВ от 16.7.41 (см. Приложение 1)[2].

Команды действуют самостоятельно на основе особых полномочий и в соответствии с данными им инструкциями в рамках порядка, установленного в лагере. Само собой разумеется, что команды поддерживают тесный контакт с начальником лагеря и находящимся при нем офицером абвера.

Задачей команд является политическая проверка всех заключенных лагеря, выделение из них и дальнейшая обработка а) всех подозреваемых в политическом, уголовном и в прочем отношении элементов среди них, б) всех лиц, которые могут быть использованы для восстановления оккупированных территорий.

Для выполнения задач командам не могут быть предоставлены в распоряжение вспомогательные средства. «Немецкая книга разыскиваемых лиц», «Установочные листы на выдачу разрешений на въезд» и «Специальная книга разыскиваемых лиц СССР» оказываются полезными только в редчайших случаях; «Специальная книга разыскиваемых лиц СССР» является недостаточной потому, что там указана только незначительная часть обозначенных, как опасные, советских граждан.

Команды должны поэтому опираться на свои профессиональные знания, умение и приобретенный опыт. Поэтому они смогут начать выполнение задачи лишь тогда, когда накопят соответствующий материал.

Для работы командам следует сначала использовать, насколько это возможно, опыт начальников лагерей, которые накопили его в ходе наблюдения за пленными и их допросов.

В дальнейшем команды должны с самого начала стараться выискивать среди пленных кажущиеся надежными элементы, причем все равно, коммунистов или нет, чтобы их использовать в качестве осведомителей внутри лагеря и, если допустимо, то и для службы в оккупированных областях.

Должно происходить так, чтобы с помощью таких агентов и, используя все другие имеющиеся возможности, сначала шаг за шагом установить среди пленных выделяющиеся из общего ряда элементы. Путем коротких опросов установленных лиц и возможных опросов других пленных в

---

[1] IV управление РСХА, т. е. гестапо.

[2] В материалах Нюрнбергского процесса приложение отсутствует.

каждом случае команды должны получать полную ясность относительно мероприятий, которые следует провести.

Данные, полученные только от одного лица, без всякого сомнения, недостаточны для того, чтобы признать пленного подозрительным. Более того, по возможности должно получаться какое-либо их подтверждение.

Прежде всего необходимо устанавливать:

всех государственных и партийных функционеров,

профессиональных революционеров,

деятелей Коминтерна,

всех крупных функционеров ВКП(б) и примыкающих к ней организаций на уровне Центрального Комитета, республиканских и областных комитетов,

всех народных комиссаров и их заместителей,

всех бывших политкомиссаров Красной Армии,

руководящих лиц центрального и среднего звена государственного аппарата,

ведущих хозяйственных деятелей,

советских интеллигентов,

всех евреев,

всех лиц, установленных как подстрекатели и коммунистические фанатики.

Не менее важным, как уже было сказано, является выявление лиц, которые могут найти применение в новом строительстве, управлении и хозяйственной деятельности в оккупированных русских областях.

Наконец, должны сохраняться такие лица, которые могут быть использованы для выработки последующих установок, все равно, полицейского или другого характера, и для выяснения интересующих вопросов общего порядка. Это в первую очередь относится к партийным и государственным деятелям высокого ранга, которые в силу их знаний и положения в состоянии дать справки о мероприятиях и методах работы советского русского государства, коммунистической партии и Коминтерна.

Наконец, при принятии решений следует обращать внимание на национальную принадлежность.

Каждую неделю начальник экзекуционной команды дает короткий отчет по телеграфу или срочным письмом в адрес Главного управления имперской безопасности. Отчет должен содержать:

1) краткое описание проделанного за прошедшую неделю,

2) суммарное число лиц, установленных как подозрительные,

3) имена с указанием должности, установленных как

— деятелей Коминтерна,

— крупных деятелей партии,

— народных комиссаров,

— политкомиссаров,

— прочих руководящих деятелей;

4) число лиц, значащихся вне подозрений:

а) военнопленные,

б) гражданские лица.

На основе этих отчетов о деятельности главное управление имперской безопасности незамедлительно, смотря по обстоятельствам, дает указания о необходимых мероприятиях.

Для последовательного и немедленного выполнения мероприятий на основе этих указаний команды должны ставить вопрос перед руководством лагерей о выдаче соответствующих пленных.

Начальникам лагерей штабом верховного командования вермахта приказано выполнять подобные запросы (см. Приложение 1).

Экзекуции не должны проводиться в лагере или в его непосредственной близости. Если лагерь находится в генерал-губернаторстве в непосредственной близости от границы, то для особой обработки пленные по возможности должны доставляться в бывшие советские области.

Если по условиям лагерной дисциплины необходимы экзекуции, то по этому поводу начальник экзекуционной команды должен обратиться к начальнику лагеря.

О проведенных экзекуциях командами должны делаться записи в экзекуционных листах; в них должны указываться:

текущий номер,
фамилия и имя,
воинское звание,
профессия,
последнее место жительства,
причина экзекуции,
день и место проведения экзекуции.

Относительно подлежащих проведению экзекуций, возможной доставки надежных лиц и передачи гражданских лиц в эйнзатцгруппы в оккупированные области начальник экзекуционной команды должен вступить в связь с руководством ближайшего органа гестапо или командиром подразделения полиции безопасности и службы СД и через них связаться с начальником соответствующей эйнзатцгруппы в оккупированных областях.

Подобные сообщения в принципе направляются по линии связи в отдел IV A I Главного управления имперской безопасности.

Особой обязанностью начальника экзекуционной команды и его подчиненных является безупречное поведение на службе и вне ее, наилучшее взаимопонимание с начальником лагеря и тщательная работа по перепроверке пленных.

Члены экзекуционных команд должны постоянно осознавать особое значение поставленных перед ними задач.

IMT, vol. 26, p. 111—115.

Документ СССР-421

«ПАМЯТКА ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТРУДА СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ», ПОДГОТОВЛЕННАЯ НАЧАЛЬНИКОМ ОТДЕЛА ВОЕННОПЛЕННЫХ VIII ВОЕННОГО ОКРУГА (БРЕСЛАУ) 15 АВГУСТА 1941 Г.

Штаб ОКВ издал указания об использовании труда советских военнопленных, согласно которым использование русских военнопленных допускается лишь при условиях, являющихся значительно более строгими по сравнению с условиями работы военнопленных иных национальностей. Вот эти условия, соблюдение которых является совершенно обязательным:

1) Для того чтобы обеспечить необходимую постоянную охрану русских военнопленных, находящихся в жилых помещениях, требуется усиленный состав охранных команд. Такая охрана может быть обеспечена лишь в том случае, если численность самой рабочей команды будет составлять не менее 100 человек. В особенности надо обратить внимание на следующее:

а) Минимальная численность рабочих команд, формируемых из русских военнопленных, должна составлять 100 человек, если они используются на такой работе, на которой до этого были заняты военнопленные другой национальности, подлежащие теперь замене русскими военнопленными.

б) Минимальная численность рабочих команд, формируемых из русских военнопленных, должна составлять 200 человек, если на данной работе до этого вообще не использовались военнопленные.

2) Помещения для русских должны находиться вне населенных пунктов. В тех случаях, когда эти помещения находятся внутри населенных пунктов, охрана должна иметь возможность наблюдения и обстрела.

3) Помещения должны быть обязательно обнесены двумя рядами колючей проволоки высотой не менее двух метров.

4) В противоположность повышенным требованиям, предъявляемым к обеспечению охраны жилых помещений для русских военнопленных, требования к этим помещениям с точки зрения жилищных удобств являются самыми минимальными.

5) Уборные должны обязательно находиться в пределах зоны, окруженной колючей проволокой. В противном случае следует считать помещение неподготовленным для размещения русских военнопленных.

6) Ответственность за приготовление пищи для военнопленных возлагается на работодателя, причем оно должно производиться вне пределов зоны размещения военнопленных, чтобы исключить всякую возможность соприкосновения русских военнопленных с гражданскими лицами, занимающимися приготовлением пищи. Русские военнопленные не должны участвовать в приготовлении пищи; воспрещается также хранение продуктов питания в пределах зоны размещения военнопленных.

7) Размеры продовольственных пайков для находящихся на работе русских военнопленных отличаются от пайков, предоставляемых военнопленным других национальностей; о них будет сообщено дополнительно.

8) Русские военнопленные должны работать только компактными группами, в составе которых все рабочие сосредоточены в одном месте; эти группы должны всегда оставаться сосредоточенными для того, чтобы обеспечить их постоянную и тщательную охрану. На те работы, где такое сосредоточенное использование невозможно, русских военнопленных направлять не следует. Таким образом, распределение небольших групп на несколько рабочих мест в пределах одного предприятия недопустимо, так как это препятствует обеспечению предписанной системы охраны.

9) Немецкие рабочие не должны работать на одном рабочем месте с русскими военнопленными или в непосредственной близости от них. На эти рабочие места могут допускаться только надежные немецкие гражданские лица, которые сами не работают, а лишь дают указания по работе и наблюдают за их исполнением.

10) Относительно обращения с русскими военнопленными имеются следующие указания. Русские военнопленные прошли школу большевизма, их нужно рассматривать как большевиков и обращаться с ними как с большевиками. Согласно советским инструкциям они даже в плену должны активно бороться против государства, взявшего их в плен. Поэтому нужно с самого начала обращаться со всеми русскими военнопленными с беспощадной строгостью, если они дают для этого хотя бы малейший повод. Полнейшая изоляция военнопленных от гражданского населения как на работе, так и во время отдыха должна соблюдаться строжайшим образом. Все гражданские лица, пытающиеся каким-либо путем сблизиться с русскими военнопленными, находящимися на работе, беседовать с ними, передавать им деньги, продукты питания и пр., должны безусловно задерживаться, допрашиваться и передаваться полиции.

11) В пределах военного округа ответственность за использование труда советских военнопленных лежит на командующем военным округом и на начальнике отдела по делам военнопленных. Поэтому при проведении всех мероприятий по использованию советских военнопленных следует руководствоваться исключительно приказами и распоряжениями начальника отдела по делам военнопленных VIII военного округа. Всякое непосредственное участие трудовых управлений в использовании труда советских военнопленных воспрещается. В вопросах использования русской рабочей силы их функции сводятся к направлению заявок командованию округа и начальнику отдела по делам военнопленных.

Нюрнбергский процесс, (в 7-ми т.),
т. 3, с. 100—102.

Документ ЕС-338, СССР-356

РАСПОРЯЖЕНИЕ ОКВ ОБ ОБРАЩЕНИИ С СОВЕТСКИМИ ВОЕННОПЛЕННЫМИ ОТ 8 СЕНТЯБРЯ 1941 Г.

Секретно

Приложение к журналу
№ 3058/41
от 8.IX — 41

I. Общие вопросы обращения с советскими военнопленными. Большевизм является смертельным врагом национал-социалистской Германии. Впервые перед германским солдатом стоит противник, обученный не только в военном, но и в политическом смысле, в духе разрушающего большевизма. Борьба с национал-социализмом привита ему в кровь и плоть. Он ведет ее всеми имеющимися в его распоряжении средствами: диверсиями, разлагающей пропагандой, поджогами, убийствами. Поэтому большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение как с честным солдатом, в соответствии с Женевским Соглашением.

Поэтому вполне соответствует точке зрения и достоинству германских вооруженных сил, чтобы каждый немецкий солдат проводил бы резкую грань между собой и советскими военнопленными... Самым строгим образом следует избегать всякого сочувствия, а тем более поддержки. Чувство гордости и превосходства немецкого солдата, назначенного для охраны советских военнопленных, должно во всякое время быть заметным для окружающих.

Поэтому предлагается безоговорочное и энергичное вмешательство при малейших признаках неповиновения, а особенно в отношении большевистских подстрекателей. Неповиновение, активное или пассивное сопротивление должны быть немедленно и полностью устранены с помощью оружия (штык, приклад и огнестрельное оружие). Правила о применении вооруженными силами оружия применимы лишь с ограничениями, так как эти правила исходят из предпосылок общей мирной обстановки. В отношении советских военнопленных даже из дисциплинарных соображений следует весьма решительно прибегать к оружию. Подлежит наказанию всякий, кто для понуждения к выполнению данного приказа не применяет или недостаточно энергично применяет оружие.

По совершающим побег военнопленным следует стрелять немедленно, без предупредительного оклика. Не следует производить предупредительных выстрелов. Существовавшие до сих пор правила, и в особенности положения устава сухопутных войск 38/2, стр.13 и т. д., в связи с этим отменяются.

Приложение к директиве ОКВ
(общее управление
вооруженных сил,
отдел военнопленных)
№ 3058/41 от 8.IX 1941 г.
(рассматривать как несекретное)

Памятка об охране советских военнопленных

Большевизм является смертельным врагом национал-социалистской Германии. Впервые в этой войне немецкому солдату противостоит противник, подготовленный не только как солдат, но и как политический противник, который видит в коммунизме свой идеал, а в национал-социализме — своего злейшего врага. В борьбе против национал-социализма он считает законным всякое средство: партизанскую борьбу, организацию банд, диверсию, поджоги, разлагающую пропаганду, убийство. Даже в плену советский солдат, каким бы он с виду ни казался добродушным, использует

всякую возможность для того, чтобы дать выход своей ненависти ко всему немецкому. Следует считаться с тем, что военнопленные могли получить соответствующие указания, что им делать в плену. Поэтому по отношению к ним настойчиво предлагается проявлять чрезвычайную бдительность, величайшую осторожность и самое острое недоверие.

Для караульных команд действуют следующие инструкции:

1) Безоговорочное вмешательство при малейших признаках неповиновения и непослушания.

Чтобы сломить сопротивление, следует безжалостно применять оружие.

По убегающим военнопленным следует немедленно стрелять (без оклика), с твердой решимостью поразить цель.

2) Всякие разговоры с военнопленными, кроме абсолютно необходимых служебных указаний, строго запрещены, в том числе и во время передвижения к месту и с места работы.

Строго запрещается курить как во время передвижения к месту и с места работы, так и во время работы.

Следует препятствовать всяким разговорам военнопленных с гражданскими лицами, вплоть до применения в необходимых случаях оружия, в том числе и против гражданских лиц.

3) И на работе необходим постоянный строгий надзор за военнопленными со стороны караульных команд. Каждый караульный должен держаться от военнопленных на таком расстоянии, чтобы он всегда имел возможность немедленно пустить в ход свое оружие. Никогда не поворачиваться спиной к военнопленному!

4) Мягкость неуместна в отношении даже тех военнопленных, которые изъявляют готовность работать и являются послушными. Они могут расценивать это как слабость и сделать из этого свои выводы...

Нюрнбергский процесс, указ. (в 7-ми т.),
т. 3, с. 106—108.

Документ ПС-338, СССР-356

ЗАМЕТКИ ДЛЯ ДОКЛАДА АДМИРАЛА КАНАРИСА ОТНОСИТЕЛЬНО РАСПОРЯЖЕНИЯ ОБ ОБРАЩЕНИИ С СОВЕТСКИМИ ВОЕННОПЛЕННЫМИ ОТ 15 СЕНТЯБРЯ 1941 Г.[1]

Управление разведки и контрразведки ОКВ № 9731/41
Начальник отдела «Заграница»
Ф. — XVI, Е — 1
Доложить господину начальнику штаба ОКВ Доложить господину начальнику общего управления вооруженными силами

Берлин, 15б. IX — 1941 г.
Секретно

Заметки для доклада

Содержание:

РАСПОРЯЖЕНИЯ ОБ ОБРАЩЕНИИ С СОВЕТСКИМИ ВОЕННОПЛЕННЫМИ

[1] На документе имеется следующая резолюция: «Эти положения соответствуют представлениям солдата о рыцарском способе ведения войны. Здесь речь идет об уничтожении целого мировоззрения, поэтому я одобряю эти мероприятия и поддерживаю их. Кейтель». Против текста п. «аа, 3» на полях Кейтелем сделана пометка: «Вполне целесообразно».

Относится к № 2-ф от 24.11 общ. упр. вооруж. сил, отдел военнопленных (1) № 3058/41 секр. от 8. IX 1941 г.

1. Правовое положение следующее: Женевское Соглашение о военнопленных не действует между Германией и СССР, поэтому действуют только основные положения общего международного права об обращении с военнопленными. Эти последние сложились с XVIII столетия в том направлении, что военный плен не является ни местью, ни наказанием, а только мерой предосторожности, единственная цель которой заключается в том, чтобы воспрепятствовать военнопленным в дальнейшем участвовать в войне. Это основное положение развивалось в связи с господствующими во всех армиях воззрениями, что с военной точки зрения недопустимо убивать или увечить беззащитных. Кроме того, каждый военачальник заинтересован в том, чтобы быть уверенным, что его собственные солдаты, в случае пленения, будут защищены от плохого обращения.

2. Имеющиеся в приложении № 1 распоряжения об обращении с советскими военнопленными исходят, как это видно из вступительных фраз, из совершенно иных предпосылок. Согласно этим предпосылкам военная служба для советских граждан отнюдь не рассматривается как выполнение воинского долга, а в связи с совершенными русскими убийствами характеризуется в общем и целом как преступление. Тем самым отрицается применение военно-правовых норм в войне против большевизма, а также устраняется и многое другое, что до сих пор в соответствии с опытом считалось не только целесообразным с военной точки зрения, но и обязательным в целях поддержания воинской дисциплины и боеспособности собственных войск.

3. Распоряжения составлены в самых общих выражениях. Но если иметь перед глазами господствующую над ними основную тенденцию, то допускаемые распоряжениями мероприятия должны привести к произвольным беззакониям и убийствам, хотя формально произвол и был бы запрещен.

а) Это видно, например, из правил применения оружия в случаях неповиновения караульным командам и их начальникам, не знакомым с языком военнопленных; сплошь и рядом невозможно будет распознавать, является ли неисполнение приказания результатом недоразумения или неповиновения. Основное положение о том, что применение оружия против советских военнопленных, как правило, считается «правомерным», освобождает караульных от всякой обязанности разбираться в этом.

б) Вопросы обращения с военнопленными фактически изъяты из-под надзора вооруженных сил. Лишь для внешнего мира поддерживается видимость ответственности за это вооруженных сил.

аа) Выявление гражданских лиц и политически нежелательных военнопленных, а равно принятие решения об их судьбе производится оперативными командами полиции безопасности и СД согласно инструкциям, которые не знакомы органам вооруженных сил и исполнение которых они не в состоянии проверить.

бб) организация лагерной полиции, вооруженной палками, кнутами и тому подобными орудиями, противоречит военным воззрениям, даже если эта работа выполняется заключенными. Кроме того, органы вооруженных сил передают тем самым средства наказания в чужие руки без того, чтобы иметь возможность действительно проверять их применение.

4. Согласно элементарному опыту, несправедливое обращение пробуждает дух сопротивления, так что охрана этих военнопленных, по-видимому, всегда останется затруднительной. Даже распоряжения предусматривают при посылке военнопленных на работу по одному караульному на каждых 10 пленных, так что уже на сегодня, когда число способных к труду военнопленных достигает 1,5 млн. человек, понадобится по меньшей мере 150 тысяч человек для охраны.

5. В приложении № 2 приводится перевод русского закона о военнопленных, который соответствует основным положениям общего международного права и, более того, положениям Женевского Соглашения о военнопленных. Этот закон, бесспорно, не соблюдается русскими войсками на фронте, тем не менее и русский закон и немецкие распоряжения предназначены главным образом для глубокого тыла. Если даже русский

закон вряд ли соблюдается в русском глубоком тылу, то все же остается опасность, что немецкие распоряжения попадут в руки вражеской пропаганды и будут последней противопоставлены русскому закону.

6. Затрудняется восстановление оккупированных территорий, столь жизненно важное для германской военной экономики. Создается политическая невозможность использовать в наших интересах по освобождении из лагерей тех военнопленных, которых, исходя из их антибольшевистских взглядов, особой подготовки или по иным основаниям, можно было применить в органах управления этих областей, — даже в тех случаях, если эти военнопленные на основании опыта, полученного в лагерях военнопленных, охотно хотели бы сделать это. Вместо того, чтобы использовать обострение отношений между отдельными группами населения в целях обеспечения немецкого правления, облегчается мобилизация и сплочение всех внутренних сил сопротивления в России в единую враждебную массу.

7. При особенностях русского театра войны воля к сопротивлению у армии противника будет чрезвычайно усиливаться благодаря службе разведки противника и очень быстро действующей там подпольной пропаганде.

8. Закрываются возможные источники информации. Военнопленные, которые могли быть использованы контрразведкой как внутриполитические противники большевистского режима, в особенности принадлежащие к национальным меньшинствам, должны потерять всякую готовность к тому, чтобы дать себя завербовать. Это особенно относится к народностям Кавказа, имеющего решающее значение для военной экономики.

9. Отпадает возможность протестовать против плохого обращения с германскими военнослужащими, находящимися в советско-русском плену.

II. Управление разведки и контрразведки не было предупреждено об издании этих распоряжений или об их разработке. Эти распоряжения, по мнению управления разведки и контрразведки, вызывают большие сомнения как с принципиальной точки зрения, так и из-за вредных последствий в области политической и военной, которые могут наступить.

Канарис

IMT, vol. 36, p. 317

Документ ПС-429

ИЗ ДИРЕКТИВЫ УПРАВЛЕНИЯ VIII ВОЕННОГО ОКРУГА (БРЕСЛАУ) «О СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ» ОТ 28 ОКТЯБРЯ 1941 Г.

В соответствии с решениями, принятыми на совещании в штабе ОКВ, сделаны следующие распоряжения.

1. Одеяла

Советские военнопленные получают бумажные одеяла, которые они должны изготовить сами по типу стеганых одеял, но из бумажной дерюги, заполненной скомканной бумагой или чем-либо подобным. Материал будет предоставлен штабом ОКВ.

2. Погребение советских военнопленных

Советских военнопленных следует зарывать в землю раздетыми, завернутыми только в оберточную бумагу и без гробов.

Гробами разрешается пользоваться только для перевозки.

В рабочих командах погребение производится соответствующими местными властями. Расходы по погребению оплачивает соответствующий стационарный лагерь для военнопленных. Раздевание военнопленных осуществляется охраной.

Нюрнбергский процесс, (в 7-ми т.), т. 3, с. 109.

Документ ПС-1191, СССР-15

ДИРЕКТИВЫ ОКВ О КЛЕЙМЕНИИ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ОТ 16 ЯНВАРЯ И ОТ 20 ИЮЛЯ 1942 Г.

Начальник полиции порядка
Кдо. 1а (1) № 74/42

Копия с копии
Берлин, 9 февраля 1942 г.

Относительно:
клеймения советских
военнопленных

Нижеследующую копию распоряжения ОКВ от 16.1 1942 — А ц 2ф 24.73 (1а) № 539/42 я направляю в дополнение к моему приказу от 5.1 — 1942 г. — О — Кдо. 1 г (1) № 127/41 (г)

По поручению:
Шлаке заверено — подпись

Копия с копии
Верховное командование
вермахта
Ац 2ф, 24.73 (1а) № 539/42

Берлин — Шенеберг 1
16.1. 42

ОТНОСИТЕЛЬНО: КЛЕЙМЕНИЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Ввиду того, что советские военнопленные при побегах большей частью снимают с себя опознавательные знаки и не могут быть опознаны как военнопленные, в частности как советские военнопленные, приказываю: каждому советскому военнопленному нанести ляписом клеймо на внутренней стороне левого предплечья.

Начальник верховного командования
вооруженными силами
По поручению — подпись

Командующий полицией
порядка Остланда
Кдо. отдела 1 а 13.08
Рига, 8.2. 42

Копия для сведения

Приказ начальника полиции порядка от 5.1—1942 г. — 0—КДО. — 1 г 1а (1) был направлен вместе с моей директивой от 17. 1—1942 г. 1а, 13, 00 № 33/429.

За командующего полицией порядка
Начальник штаба 1 А
Мюллер
Старший лейтенант охранной полиции
заверено — подпись

Верховное командование вермахта
Ац, 2ф, 24 82 х
№ 3142/42

Копия с копии
Берлин — Шенеберг,
20.7—42
Баденшештрассе, 51

ОТНОСИТЕЛЬНО: КЛЕЙМЕНИЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ОПОЗНАВАТЕЛЬНЫМ ЗНАКОМ

1) Советские военнопленные подлежат клеймению посредством особого долговременного знака.

2) Клеймо имеет форму острого угла примерно в 45 градусов с длиной сторон в 1 сантиметр, расположенного острием кверху, и ставится на левой ягодице на расстоянии ладони от заднего прохода. Этот знак наносится посредством ланцета, имеющегося в любой воинской части. В качестве красящего вещества употребляется китайская тушь. Выполнить это надлежит следующим образом: царапины, нанесенные раскаленным ланцетом на поверхность напряженной кожи, смочить китайской тушью. При этом следует избегать глубоких кровоточащих порезов.

Так как в настоящее время еще нет достаточного опыта в отношении стойкости клеймения, то затем через определенные промежутки времени, по истечении 14 дней, четырех недель и через три месяца, следует проверить клеймо и, в случае необходимости, возобновить его (см. п. 7).

3) Клеймение не является медицинским мероприятием. Германскому санитарному персоналу не следует поэтому поручать его выполнение за недостатком санитарного персонала. Клеймение, несомненно, можно поручить соответствующему санитарному персоналу из советских военнопленных под медицинским надзором немцев. Срочно предлагается обучить необходимое количество подобного вспомогательного состава практическому выполнению этого, согласно данному предписанию.

4) В интересах быстрого исполнения необходимо затребовать на санитарных складах ланцеты и китайскую тушь.

5) Клеймению необходимо подвергать:

а) вновь поступающих советских военнопленных в районах деятельности командующих вооруженными силами и на востоке и Украине и командующего вооруженными силами в генерал-губернаторстве после мытья при первой санобработке;

б) всех остальных военнопленных в сфере действия ОКВ до 30. 9. 42. Об исполнении донести ОКВ до 15. 10. 1942 г.

6) Это мероприятие не должно препятствовать использованию на работах. Поэтому клеймение военнопленных, занятых на работах, должно, по возможности, производиться по месту нахождения рабочих команд или во время ближайшей санобработки.

7) Произведенное первое клеймение должно быть тотчас же занесено в личную карту 1, в раздел «Особые приметы» с пометкой «такого-то... 1942 г.», то же самое при каждом необходимом возобновлении клейма (см. № 2).

8) О клеймении находящихся под надзором ОКХ распорядится ген.-кв. ОКХ. Просим сообщить о данном предложении.

Нач. верховного командования
вооруженными силами
По поручению — подпись

Нюрнбергский процесс, (в 7-ми т.),
т. 3, с. 110—112.

Документ ПС-81 СССР-353

ПИСЬМО ИМПЕРСКОГО МИНИСТРА ПО ДЕЛАМ ОККУПИРОВАННЫХ ВОСТОЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОЗЕНБЕРГА НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА ОКВ КЕЙТЕЛЮ ОБ ОБРАЩЕНИИ С СОВЕТСКИМИ ВОЕННОПЛЕННЫМИ ОТ 28 ФЕВРАЛЯ 1942 Г.

Совершенно секретно
Начальнику штаба
верховного командования
вермахта
Берлин В-35
По вопросу: Военнопленные

Имперское министерство по делам оккупированных восточных территорий со дня основания придерживается той точки зрения, что большое число советских военнопленных является исключительно ценным материалом для пропаганды. Обращение с советскими военнопленными по ряду причин должно отличаться от отношения к военнопленным других национальностей:

1. Война на Востоке еще не закончена, и от обращения с военнопленными в значительной мере зависит желание сражающихся красноармейцев перейти на нашу сторону.

2. Германский рейх намеревается после окончания войны удерживать большую часть ранее занятой территории Советского Союза и развивать ее экономически в своих интересах. Это требует широкого участия населения.

3. Германия ведет борьбу против Советского Союза по идейным причинам. Большевизм должен быть повергнут и заменен чем-то лучшим. Поэтому военнопленные должны на собственном опыте убедиться, что национал-социализм хочет и в состоянии обеспечить им лучшее будущее. Они должны со временем вернуться на родину с чувством восхищения и глубокого уважения перед Германией и германскими порядками и таким образом стать пропагандистами дела Германии и национал-социализма.

Поставленная цель пока не достигнута. Напротив, судьба советских военнопленных в Германии, является трагедией огромного масштаба. Из 3,6 миллионов военнопленных в настоящее время только несколько сотен тысяч являются работоспособными. Большая часть их умерла от голода или погибла в результате суровых климатических условий, тысячи также умерли от сыпного тифа. Само собой разумеется, что снабжение такой массы военнопленных продуктами питания наталкивается на большие трудности. Однако при определенном понимании преследуемых германской политикой целей можно было бы избежать гибели людей в описанном масштабе. По имеющимся сведениям, например, на территории Советского Союза местное население вполне готово доставлять продовольствие военнопленным. Некоторые прозорливые начальники лагерей с успехом пошли по этому пути. Однако в большинстве случаев начальники лагерей запрещали гражданскому населению передавать заключенным пищу и предпочитали обрекать их на голодную смерть. И на переходах в лагеря гражданскому населению не разрешалось передавать продовольствие военнопленным. Больше того, во многих случаях, когда военнопленные не могли на марше идти вследствие истощения и голода, их расстреливали на глазах охваченного ужасом гражданского населения, и тела их оставались брошенными. Во многих лагерях пленным вообще не предоставляли никакого жилища. Они лежали под открытым небом во время дождя и снегопада. Им даже не давали инструментов, чтобы вырыть ямы и пещеры. Систематической санитарной обработки военнопленных и самих лагерей, по всей видимости, вообще не предусматривалось. Можно было

слышать такие высказывания: «Чем больше пленных умрет, тем лучше для нас». Следствием такого обращения является теперь то, что в результате побегов и освобождения[1] военнопленных широко распространился сыпной тиф, как в самом вермахте, так и среди гражданского населения, даже на исконной территории рейха имелись жертвы. Следовало бы упомянуть расстрелы, которые временами проводились по соображениям, совершенно непонятным с политической точки зрения. Так, например, в различных лагерях расстреливались «азиаты», хотя именно жители относящихся к Азии областей Кавказа и Туркестана являются наиболее активно настроенной против угнетения со стороны русских и против большевизма частью населения Советского Союза[2]. Министерство по делам оккупированных восточных территорий неоднократно указывало на такие недоразумения. Но несмотря на это, например, еще в ноябре в одном лагере военнопленных под Николаевым появилось подразделение, которое намеревалось ликвидировать «азиатов».

Отношение к военнопленным, по-видимому, в большей своей части основано на совершенно неправильном представлении о народах Советского Союза. Встречается представление, что народы становятся все менее развитыми, чем дальше двигаться на Восток. Некоторые считают, что если уж поляки подверглись жестокому обращению, то обращение с украинцами, белорусами, русскими и, наконец, с «азиатами» должно быть еще более жестоким.

Очевидно, при обращении с военнопленными полностью упущено из вида, что Германия в оккупированных восточных территориях, в отличие от Запада (Франция, Бельгия, Нидерланды, Норвегия), столкнулась с населением, которое прошло через все ужасы большевизма и теперь счастливо из-за своего освобождения и добровольно отдается в распоряжение Германии[3]. Лучший подарок в этой требующей всех до последнего человека войне Германия не могла бы иметь. Но вместо того, чтобы взять этот подарок, с народами Востока обращаются пренебрежительно и хуже, чем с народами Запада, которые из своей вражды к Германии не делают тайны.

Принципиально ошибочно, что не делается никакого различия между собственно военнопленными и перебежчиками. Немецкая пропаганда, как известно, разбросала миллионы листовок за линией фронта с призывами к красноармейцам переходить на нашу сторону. Им недвусмысленно гарантировалось хорошее отношение и достаточное питание. Эти обещания не выполнялись. Перебежчик избивался так же, как военнопленный и обрекался на голодную смерть. Вполне понятным следствием такого неумного с политической точки зрения обращения явилось не только исчезновение желания к переходу на нашу сторону, но и даже смертельный страх попасть в плен. Было бы наивно полагать, что происходящее в лагерях могло бы остаться неизвестным советскому правительству. Как видно из циркулярной ноты Молотова, Советы имеют отличную информацию относительно упомянутых выше случаев и, вполне понятно, делают все, что в их силах, чтобы повлиять на советское население и красноармейцев. Можно, пожалуй, сказать без преувеличений, что ошибки в обращении с военнопленными явились причиной возрастания силы сопротивления Красной Армии и, тем самым, причиной смерти тысяч германских солдат.

После того, как министерству по делам оккупированных восточных территорий удалось пробить брешь в предубежденном отношении к советским военнопленным и военнопленные в больших количествах должны направляться на работу в Германию, выяснилось, что из 3,6 миллионов

---

[1] Имеется, видимо, в виду освобождение военнопленных партизанами.

[2] Этот тезис Розенберга был опровергнут массовым героизмом, проявленным представителями всех народов СССР в борьбе против немецко-фашистских захватчиков. Надежды оккупантов противопоставить народы Кавказа и Средней Азии русскому народу оказались тщетными.

[3] Розенберг искажает подлинные настроения советских людей, оказавшихся на временно оккупированных территориях, которые всеми средствами боролись с захватчиками.

только еще несколько сотен тысяч оказались работоспособными. Так что и германская экономика, и военная промышленность должны страдать из-за ошибок в обращении с военнопленными.

Приведенные рассуждения не следует рассматривать как неконструктивную критику прошлого. Они не направлены против какой-либо служебной инстанции, поскольку, как установлено, при этом присутствовали многие объективные моменты, и вообще, ответственность лежит на многих. Эти соображения должны лишь дать основу для новой политики по отношению к военнопленным, которая в большей степени соответствует нашим военным и гражданским интересам. Министерство по делам оккупированных восточных территорий по возможности пытается помогать сражающимся войскам в разложении армии противника действенной пропагандой. Однако вся пропаганда окажется напрасной, если страх перед пленом больше, чем перед смертью на поле боя.

Во главу требований следует поставить то, что обращение с военнопленными должно осуществляться по законам гуманности и достоинства германского рейха. Понятно, что много раз выявленное негуманное обращение с немецкими военнопленными со стороны военнослужащих Красной Армии ожесточило немецкие войска до того, что оно вызывает равноценное возмездие. Но такие меры возмездия никоим образом не улучшают положения военнопленных, и в конечном счете ведут к тому, что обе стороны в конце концов не берут пленных и война ведется бесчеловечным образом. Во всяком случае, такие меры воздействия, как известно, до сих пор нигде не способствовали тому, чтобы побудить противника изменить свои действия. Они были бесполезными.

Далее, в рамках возможного, следует заботиться о достаточном питании и размещении военнопленных, по крайней мере, примитивным образом. Как в лагерях для направляемых на работу, так и в других лагерях необходима умелая пропаганда, которая должна проводиться через лагерные газеты, кино, доклады, простые музыкальные представления, игры и т. п. На каждого начальника лагеря следует возложить ответственность за то, чтобы охраняемые им военнопленные возвратились потом на родину как пропагандисты в пользу Германии. Разумеется, с другой стороны, следует действовать со всей решительностью против возможных агитаторов. В будущем, однако, должно делаться различие прежде всего между собственно военнопленными и перебежчиками. Перебежчикам следует выдавать удостоверение и обращаться с ними при всех условиях нужно лучше, чем с военнопленными. Именно такая мера должна обеспечить больший успех в работе по разложению Красной Армии. Был бы благодарен в скором времени узнать Ваше мнение по поводу изложенного.

IMT, vol. 25, p. 156-161.
Частично опубликовано в сборнике
Преступные цели — преступные средства,
М., 1985, с. 144—145.

Документ ПС-503

ПРИКАЗ ГИТЛЕРА ОБ УНИЧТОЖЕНИИ ДИВЕРСИОННЫХ ГРУПП И «КОМАНДОС» ОТ 18 ОКТЯБРЯ 1942 Г. И СОПРОВОДИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО ИОДЛЯ ОТ 19 ОКТЯБРЯ 1942 Г.

Фюрер
и верховный
главнокомандующий
вермахтом

Совершенно секретно
Только для командования
18.10.1942
Доставка только через офицера

Я считаю себя вынужденным издать жесткий приказ относительно уничтожения диверсионных групп противника и подвергать суровому нака-

занию за его невыполнение. Я считаю необходимым информировать главнокомандующих и командиров о причинах введения такого порядка.

Как ни в одной войне в прошлом, в этой войне получил распространение метод нарушения коммуникаций в тылу, запугивания работающих для Германии кругов населения, а также уничтожения важных в военном отношении промышленных сооружений в оккупированных нами областях.

На Востоке такой вид боевых действий, как партизанская война, прошлой зимой привел к чрезмерно тяжелым потерям в нашей боевой мощи, стоил жизни немецким солдатам, железнодорожникам, рабочим организации Тодта, имперской трудовой повинности и т. п., значительно снизил возможности транспорта по поддержанию боевой мощи войск и даже приводил к многодневному нарушению и прекращению перевозок. В случае успешного продолжения и, тем более, при интенсификации такого ведения боевых действий могут создаться условия для возникновения тяжелого кризиса на том или ином участке фронта.

Многие мероприятия против этой как жестокой, так и парализующей деятельности не удавались просто потому, что германский офицер и его солдаты противостояли опасности, не зная ее размеров, и вследствие этого в отдельных случаях действовали против групп противника не так, как это бы требовалось, чтобы помогать борьбе на передовой линии фронта и тем самым общему ведению войны.

Поэтому на Востоке было частично необходимо сформировать специальные соединения, которые могли бы справляться с этой опасностью, или передавать решение этой задачи особым формированиям СС. Только тогда, когда борьба против партизан-нелюдей началась и проводилась с безграничной жестокостью, не преминули появиться успехи, что затем облегчило положение на передовых рубежах фронта.

Поэтому во всей восточной области борьба против партизан является борьбой за окончательное уничтожение одной из сторон. Как только это положение станет общепризнанным в войсках, они быстро справятся с этим явлением, в противоположном случае их применение не приведет к результатам, решающим проблему, то есть это будет бесцельно.

Англия и Америка решили вести подобную войну, хотя и под другим названием. Если русские пытаются переправить партизан к нам в тыл по сухопутью и только в исключительных случаях для переброски людей и снаряжения используют авиацию, то Англия и Америка ведение такой войны осуществляют в первую очередь путем высадки диверсионных групп с подводных лодок или с надувных лодок или выбрасывают агентов на парашютах. Однако по существу такое ведение войны не отличается от партизанской деятельности русских.

Ведь задачи этих групп заключаются в следующем:

1. Создание всеобщей системы шпионажа с добровольной помощью населения.

2. Создание террористических групп и снабжение их необходимым оружием и взрывчатыми веществами.

3. Проведение также диверсионных действий, которые направлены на то, чтобы не только нарушать наши коммуникации путем уничтожения транспортных объектов, но и чтобы в решающий момент вообще сделать невозможным передвижение войск и исключить использование средств связи.

И наконец, такие группы должны также наносить удары по важным военным предприятиям, уничтожая в соответствии с научно разработанной программой ключевые предприятия путем взрывов, чтобы практически парализовать всю промышленность.

Последствия такой деятельности весьма тяжелы. Я не знаю, осознает ли каждый командир и офицер, что разрушение одной-единственной электростанции, например, может лишить военно-воздушные силы тысяч тонн алюминия и что не будет произведено большое количество самолетов, которые необходимы фронту для ведения борьбы, что тем самым наносится огромный вред родине и обусловливаются тяжелые потери среди сражающихся солдат.

К тому же этот вид войны является для противника совершенно безопасным. Так как при высадке его диверсионных групп в военной

форме им дается гражданская одежда, то они могут в зависимости от обстоятельств выступать и как военнослужащие и как гражданские лица. В то время как они сами имеют задание безжалостно уничтожать противодействующих им немецких солдат или даже мирных жителей, они не подвергаются опасности понести во время их деяний серьезные потери, так как надеются в наихудшем случае при захвате моментально сдаться в плен и тем самым теоретически подпасть под условия Женевской Конвенции. Нет никакого сомнения, что это, однако, представляет собой наихудший вид злоупотребления Женевскими соглашениями, что усугубляется тем, что в отношении части входящих в эти группы речь идет даже о преступниках, освобожденных из тюрем, которые могут добиваться реабилитации, участвуя в таких действиях. Англия и Америка будут иметь поэтому и в дальнейшем новых добровольцев до тех пор, пока они могут правомерно говорить, что для таких людей нет никакой опасности. В самом худшем случае им нужно только совершить нападение на людей, объекты транспорта или сооружения, а затем при захвате противником просто быстро сдаться в плен.

Чтобы в дальнейшем немецкая сторона не испытывала тяжелых последствий в результате использования таких методов противником, последний должен быть поставлен в известность о том, что каждая диверсионная группа будет уничтожаться до последнего человека без исключения. Это означает, что вероятность остаться здесь в живых равна нулю. Таким образом, ни при каких условиях не может быть допущено, чтобы какая-либо группа — диверсионная, подрывная или террористическая просто захватывалась и бралась в плен и с ней обращались бы в соответствии с Женевской Конвенцией, а не уничтожалась бы до последнего человека при любых обстоятельствах.

В сообщениях, которые должны содержаться в отчетах вермахта, лишь кратко и лаконично информировать, что диверсионная, террористическая или подрывная группа захвачена и уничтожена до последнего человека.

Я ожидаю поэтому, что как и командующие армиями, так и отдельные командиры не только поймут необходимость таких действий, но и примутся со всей энергией за выполнение этого приказа. Об офицерах или унтер-офицерах, которые в силу каких-либо слабостей не выполнят приказа, необходимо обязательно докладывать, и по прошествии опасности привлекать к строжайшей ответственности. Как родина, так и сражающийся на фронте солдат имеют право ожидать, что в тылу у них остаются гарантированными продовольственная база и обеспечивается снабжение важным для ведения войны оружием и боеприпасами.

Это является причиной издания мною данного приказа.

Если появится целесообразность оставить в живых для допроса одного или двух человек, то после допроса они должны быть немедленно расстреляны.

Адольф Гитлер

Верховное командование вермахта
Ставка фюрера, 19 октября 1942 г. № 551781/42 д

Совершенно секретно
Только для командования
22 экземпляра[1]
Экземпляр 21
Доставка только через офицера

В развитие указаний об уничтожении групп для проведения террора и саботажа (от 18.10.1942) высылается при этом дополнительный приказ фюрера.

---

[1] Экземпляры приказа направлялись ОКХ, ОКМ, ОКЛ, командующим силами вермахта в Норвегии, Нидерландах, Дании, Прибалтике и на Украине, групп армий «Юго-Восток», «Юг», «Запад», танковой армии, управлению разведки и контрразведки и подразделениям штаба оперативного руководства вермахта.

Этот приказ предназначен только для командиров и ни в коем случае не должен попасть к противнику.

Последующую рассылку адресатам ограничить в соответствии с расчетом.

Включенные в расчет рассылки органы отвечают за то, чтобы все размноженные экземпляры приказа, включая все изготовленные копии, были собраны и уничтожены вместе с данным экземпляром.

Верховный главнокомандующий вермахта
По поручению: Иодль

IMT, vol. 26, p. 115—120.

Документ ПС-402, СССР-507.

ТЕЛЕГРАММА УПРАВЛЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ АДМИНИСТРАЦИИ ВАРШАВЫ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА ПО ПОВОДУ ОРГАНИЗАЦИИ ОБСЛЕДОВАНИЯ ПОЛЬСКИМ КРАСНЫМ КРЕСТОМ ЛАГЕРЕЙ ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПОЛЬСКИХ ОФИЦЕРОВ ОТ 19 АПРЕЛЯ 1943 Г.

Срочно. Краков.

Местный отдел пропаганды и я пытались сформировать делегацию из представителей Польского Красного Креста для осмотра лагерей пленных польских офицеров в Германии. Польский Красный Крест ответил нам на это следующим образом:

«В связи с предложением о создании делегации из представителей Польского Красного Креста для осмотра лагерей пленных польских офицеров в Германии главное правление Польского Красного Креста заявляет о своей готовности принять в этом участие и просит соответствующие инстанции о предоставлении этим представителям соответствующих прав в рамках международных конвенций. Поэтому мы просим подвергнуть рассмотрению следующие моменты:

1. Справочное бюро Польского Красного Креста должно вновь проводить такую работу, которая предусмотрена в конвенциях.

Запрещения и ограничения, которые не обусловлены интересами безопасности вооруженных сил, должны быть сняты. Речь идет о следующем:

а) деятельность справочного бюро Польского Красного Креста должна вновь распространиться на все области, являющиеся местожительством военнопленных или их родных, это значит на те области, жители которых призывались в польскую армию, независимо от настоящих административных границ;

б) справочное бюро Польского Красного Креста должно вновь получить право прямой переписки с военнопленными и их родственниками и наоборот.

Эта корреспонденция будет проверяться уполномоченным Польского Красного Креста. Бюро должно также получить право пересылать посылки в соответствии с существующими в лагерях правилами. Наконец, право заботы о семьях военнопленных.

2. Отпущенным из лагерей по состоянию здоровья военнопленным должно быть разрешено возвращение на территорию генерал-губернатор-

ства. Военнопленным из Шильдберга возвращение должно быть запрещено.

3. Военнопленные из лагерей не могут быть предоставлены в распоряжение гражданских и полицейских властей в целях расследования и осуждения их за якобы совершенные перед войной проступки, они должны лишь подлежать военному суду согласно международным конвенциям, причем они должны пользоваться правовой охраной, предусмотренной в конвенциях, и охраной со стороны других государств. Осужденные уже военнопленные должны быть вновь препровождены в лагеря для военнопленных и предоставлены в распоряжение соответствующих военных властей. Вынесенные приговоры должны быть пересмотрены.

4. Дела арестованных и препровожденных в концентрационные лагеря офицеров резерва должны быть проверены как можно скорее, и, если окажется, что они лично не совершили каких-либо проступков, их следует немедленно отпустить.

В связи с вышеизложенным главное правление Польского Красного Креста обращается с просьбой о пересмотре дела госпожи Марии Бортновска, начальника справочного бюро Польского Красного Креста, которая шесть месяцев тому назад была арестована и отправлена в Берлин.

Если будет невозможно освободить ее тотчас же, то главное правление Польского Красного Креста надеется, что высшие инстанции рассмотрят ходатайство Польского Красного Креста в письме от 1 апреля 1943 г. № 1474 к президиуму Германского Красного Креста и освободят госпожу Бортновска на поруки членов президиума Польского Красного Креста».

Судя по этому заявлению, мне кажется невозможным побудить Польский Красный Крест предпринять осмотр лагерей пленных польских офицеров в Германии. Я прошу связаться по этому вопросу и обсудить его как можно более тщательно с начальником местного главного управления пропаганды Хейнрихом.

Нюрнбергский процесс, (в 7-ми т.), т. 3, с. 152—153.

ТЕЛЕГРАММА УПРАВЛЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ АДМИНИСТРАЦИИ ВАРШАВЫ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА ОТ 20 АПРЕЛЯ 1943 Г.

Правительство генерал-губернаторства, Управлению внутренней администрации, отдел обеспечения населения — Краков. Вручить старшему административному советнику Вейрауху.

В случае, если к г-ну Вейрауху нельзя будет больше дозвониться по № 15200, прошу передать по его личному № 11200.

Генеральный руководитель Гартман от президиума Германского Красного Креста передал мне только что через Министерство пропаганды следующую телеграмму:

«Весьма срочно — доложить — немедленно по телефону г-ну Хейнриху, правительство, Варшава, отдел обеспечения населения.

Телеграмму Польского Красного Креста в Женеву обязательно задержать, а это мероприятие и другие подобные мероприятия — до получения полномочий. По всем связанным с этим вопросам поддерживать связь с заграничным отделом. Установлена связь с Министерством иностранных дел относительно телеграммы Польского Красного Креста. Для дальнейшего ведения дела поддерживать связь с учреждением уполномоченного, Краков, связь с которым уже установлена. Германский Красный Крест, отдел заграницы. Генеральный руководитель Гартман».

Что делать? Телеграмма могла бы быть задержана еще в Берлине. По моему мнению, вмешательство Германского Красного Креста не оправ-

данно. Гл. Упр. пропаганды, Краков, доктор Штейнмец получил также телеграмму по телеграфу пропаганды. Прошу сейчас же установить с ним связь. Ожидаю новых указаний.

Хейнрих

Нюрнбергский процесс, (в 7-ми т.), т. 3, с. 154.

Документ ПС-057

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПРЕДПИСАНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПАРТИЙНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ БОРМАНА О ЛИНЧЕВАНИИ ЗАХВАЧЕННЫХ БРИТАНСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ЛЕТЧИКОВ ОТ 30 МАЯ 1944 Г. И СОПРОВОДИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО ОТНОСИТЕЛЬНО ОПОВЕЩЕНИЯ ОБ ЭТОМ ПРЕДПИСАНИИ

Подись: М. Борман

Ставка фюрера 30.5.44
Секретно

Национал-социалистская рабочая партия
Партийная канцелярия
Начальник партийной канцелярии
Циркулярное предписание 125/44 д (не публиковать)

По вопросу: Народная юстиция против англо-американских убийц.

Английская и североамериканская авиация в последние недели на бреющем полете обстреливала с небольшой высоты детей, играющих на площадках, женщин и детей на полевых работах, крестьян на пашне, подводы на сельских дорогах, поезда и т. д. и убивали при этом подлейшим образом беззащитных гражданских людей, особенно женщин и детей.

Неоднократно случалось, что приземлившиеся на парашютах или совершившие вынужденную посадку члены экипажей этих самолетов после захвата подвергались линчеванию на месте крайне возмущенным населением.

Принимавшие в этом участие члены партии не подвергались полицейскому и уголовному преследованию.

Копия верна
Расчет рассылки:
рейхслейтерам; фербандефюрерам;
гаулейтерам; крейслейтерам

30 мая 1944 г.

По вопросу: циркулярное письмо 125/44 д.

Начальник партийной канцелярии просил проинформировать, но лишь устно, группенлейтеров о содержании данного циркулярного письма через крейслейтеров.

Подпись: Фридрихс
Копия верна: Хармс

IMT, vol. 25, p. 112—113.

Документ ПС-551

ПРИКАЗ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ОКВ О РАСПРОСТРАНЕНИИ ПРИКАЗА ГИТЛЕРА ОТ 18 ОКТЯБРЯ 1942 Г. ОБ УНИЧТОЖЕНИИ ГРУПП КОМАНДОС НА ВСЕ СОЕДИНЕНИЯ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ВОЙСК, КРОМЕ ВЕДУЩИХ БОИ НА ПЕРЕДОВОЙ ЛИНИИ ОТ 25 ИЮНЯ 1944 Г.

Штаб оперативного
руководства
вермахта

25.6.1944
Совершенно секретно
Только для командования
5 экземпляров
Экземпляр 1

Телеграмма в связи с:
1) Приказом фюрера
№ 003830/42
от 18.10.1942 ОКВ
Штаб оперативного руководства
вермахта
2) Ставка фюрера
закрытым № 1750/44
от 23.6.1944
(только ОКВ/штабу
оперативного руководства вермахта)
По вопросу: Обращение
с входящими в группы
командос

1. И после высадки англо-американцев во Франции приказ фюрера от 18.10.1942 об уничтожении диверсионных и террористических групп остается в силе.

Исключением остаются солдаты противника в военной форме непосредственно в боевой зоне головного десанта, то есть в районах дивизий, ведущих бой на передовой линии, и районах расположения резервов, включая резервы главного командования в соответствии с пунктом 5 основополагающего приказа от 18.10.1942.

2. Все встречающиеся за пределами непосредственной боевой зоны члены террористических и диверсионных групп, к которым в принципе относятся все парашютисты, подлежат уничтожению в ходе боя. В особых случаях их следует передавать в СД.

3. Все действующие войска вне боевой зоны Нормандии информировать относительно необходимости быстрого и точного выполнения настоящих указаний об уничтожении террористических и диверсионных групп противника.

4. Командованию (группы армий) «Запад» начиная с данного момента, ежедневно докладывать о количестве диверсантов, уничтоженных таким образом. Это касается прежде всего операций военных командиров. Число уничтоженных должно ежедневно сообщаться в сводках верховного командования вермахта, дабы добиться устрашающего воздействия, что уже подобным образом достигалось в операциях против командос в прошлом.

Кейтель
ОКВ/ Штаб оперативногор руководства вермахта
№ 006688/44

IMT, vol. 26, p. 142-143.

Документ ПС-537

ПРОЕКТ ПРИКАЗА НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ОКВ ОБ УНИЧТОЖЕНИИ ЧЛЕНОВ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННЫХ МИССИЙ ПРИ ПАРТИЗАНСКИХ СОЕДИНЕНИЯХ И ВООРУЖЕННЫХ ОТРЯДАХ ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ ОТ 30 ИЮЛЯ 1944 Г.

Проект
ОКВ № 009074/44 Д К.
Штаб оперативного руководства вермахта

Совершенно секретно
Ставка фюрера
30.7.1944 г
Только для командования

По вопросу: Обращение с пленными членами иностранных военных миссий, состоящих при бандах[1].

На захваченных в плен представителей иностранных, так называемых «военных миссий» (как англо-американских, так и советских) в ходе действий против банд в зоне ответственности командований групп армий «Юго-Восток» и «Юго-запад» распространяются приказы специального характера, касающиеся обращения с захваченными членами банд. С ними, как и с членами банд, надлежит обращаться не как с военнопленными, а в соответствии с приказом фюрера от 18.10.1942 г. (ОКВ/Штаб оперативного управления вермахта № 003830/42д) об уничтожении террористических и диверсионных групп.

Этот приказ не подлежит рассылке через командующих (групп армий) и подчиненные им штабы другим соединениям вермахта. После ознакомления сжечь.

Начальник штаба
верховного командования вермахта
Кейтель

IMT, vol. 26, p. 140—141.

Документ СССР-112

МАТЕРИАЛЫ ДОЗНАНИЯ, ПРОИЗВЕДЕННОГО БРИТАНСКИМИ ВОЕННЫМИ ВЛАСТЯМИ, О РАССТРЕЛЕ 7 АПРЕЛЯ 1945 Г. 150 ВОЕННОПЛЕННЫХ И СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН НА КЛАДБИЩЕ ЗЕЛЬХОРСТ (ГАННОВЕР)

Показания Петра Пальникова, данные 1 мая 1945 г. в г. Ганновере (Германия)

Я, Петр Пальников, родился в г. Харькове (Россия) 2 мая 1920 г. Мое постоянное местожительство — Майкоп, Пролетарская ул., д. 146.

20 ноября 1944 г., выполняя обязанности офицера связи между полками, я был взят в плен 326-й немецкой дивизией или полком, точно я не знаю. После взятия в плен я вместе с другими пленными был отправлен

[1] Бандами нацисты называли отряды движения Сопротивления, героически боровшихся против оккупантов.

в район Вены. Переход длился четыре дня. В течение этих четырех дней мы не получали никакой пищи. Многие пленные падали, потому что не были в состоянии идти. Те, кто пытался достать пищу по дороге, расстреливались. От 18 до 20 русских пленных были расстреляны во время этого перехода.

Я был помещен в офицерское отделение лагеря для военнопленных, находившегося около Вены. Пробыв там девять дней, я вместе с другими 106 офицерами был отправлен поездом в Ниенбург, который расположен в 80 километрах от Ганновера и около 30 километров от Миндена.

В Ниенбурге (Германия) я был послан в русский лагерь военнопленных, где находились только русские офицеры. В этом лагере я находился до 2 февраля 1945 г. — дня моего побега из лагеря. Я шел по направлению к Вене обходными путями и 10 или 11 февраля был снова взят немцами в плен в одной маленькой деревушке, название которой не помню. Меня взяли в плен два германских полицейских. Меня снова отправили в Ниенбург и посадили на два дня в карцер. После этого меня отправили в исправительный лагерь в Либенау — 6 километров от Миндена. Я прибыл в Либенау 14 или 15 февраля. В Либенау из поезда было выгружено 70 русских, включая гражданских лиц, офицеров и солдат Красной Армии.

В Либенау, вместе с 20 другими мужчинами, я был помещен в так называемую красную камеру, которая была предназначена для лиц, подлежащих уничтожению. Это был барак, состоящий из двух комнат. Когда мы прибыли в барак, там уже находилось 40 человек, из которых большинство было русских. Среди них также находились один голландец и один немец. Я оставался в Либенау до 3 апреля 1945 г. и все в том же бараке. Первоначальное количество заключенных в 60 человек то увеличивалось, то уменьшалось, так как ежедневно уводили заключенных, которых убивали и вешали.

3 апреля 1945 г. весь лагерь в Либенау, насчитывавший около 800 человек, был собран и отправлен пешком в район Ганновера (Германия). 6 апреля 1945 г. мы прибыли в Ганновер. Шли мы под охраной, и, в частности, моя группа охранялась особой группой войск СС в форме и гражданской одежде. Во главе каждой группы охранников в 16 человек был один офицер СС.

В моей специальной группе насчитывалось около 250 человек. Среди тех охранников, которые были приставлены к моей группе, был поляк. Фамилия его была Шафа, имени я не помню. Этот человек не присутствовал при расстреле, который потом последовал.

По дороге из Миндена, на окраине Ганновера, находились штаб гестапо и тюрьма. В эту тюрьму была помещена наша группа.

7 апреля 1945 г. в 6 часов утра в штабе гестапо была собрана группа в составе 25 мужчин и одной женщины, которых я раньше не видел. Нас всех посадили в машину и повезли на кладбище в г. Ганновер. Эту группу охраняли шесть человек, четверо из них находились с нами в задней части машины и имели при себе автоматы. Шофер и один охранник сидели в кабине. Я никого из охранников не знал и никогда раньше их не видел. У нас были с собой лопаты. По прибытии на кладбище охранники приказали нам выйти из машины и начать копать могилы. Охрана показывала нам, где и сколько копать. Девушка, которая приехала с нами, не копала, а стояла около нас. Это была русская девушка 17—18 лет.

Мы копали с 6 ч. 30 м. до 10 часов утра того же дня. Пока мы копали, прибыло еще шесть охранников, из которых трое были немецкие солдаты и трое гражданских. Охранники стояли вокруг, смеялись и болтали. После окончания работы нас построили по 4 человека, в том числе и девушку. Каждый ряд стоял лицом к могилам. Один из охранников подошел к девушке и выстрелил в нее. Он выстрелил второй раз, а девушка все еще

стояла. Когда был дан третий выстрел, девушка упала. Охранник, который стрелял, находился от меня на расстоянии одного метра. Я схватил лежавшую около меня лопату и ударил охранника по голове... Он упал. Я бросился бежать, а за мной еще двое. За кладбищем был лес, и я побежал в том направлении. Между лесом и кладбищем была деревянная ограда, наверху которой была протянута проволока. Один из бежавших со мной был застрелен в тот момент, когда он пытался перелезть через ограду. Что случилось со вторым, я не знаю. Мне удалось перелезть через ограду. Когда я бежал, по мне было сделано по меньшей мере 40 выстрелов. Между кладбищем и лесом (примерно 60 метров от леса) стоял небольшой домик. Когда я был примерно в 20 метрах от домика, с заднего двора его в меня стал стрелять из пистолета мужчина лет 50. Он сделал четыре выстрела. Мне удалось добраться до леса, не будучи раненым, и пройти в глубь его на два километра. Я не знал, следовал ли кто-нибудь за мной, и провел ночь в лесу. На следующее утро я попал в лесную хижину и достал там гражданскую одежду. До этого я носил зеленую форму военнопленного, со знаком «S.U.» на спине. Эта форма была мне выдана в Ниенбурге.

После того как я переоделся в гражданскую одежду, я вышел на дорогу и направился в русский лагерь в г. Ганновер, проходя мимо кладбища, где происходил расстрел. По дороге я встретил двух русских, которые отвели меня в русский лагерь.

Когда, после моего побега, я был возвращен в Ниенбург, меня повели в комендатуру лагеря, где находился человек, который, по-моему, был немецким офицером. В этой комнате больше никого не было, но за дверью стоял караульный. Этот человек прочел мне небольшую бумагу и на хорошем русском языке сказал, что я — агитатор и что меня ждет плохая судьба. После того, как он зачитал мне все это по-русски, мне дали уже другую бумагу и сказали, чтобы я ее подписал. Эта бумага была написана по-немецки. Мне ее не зачитали, и я не знаю, что в ней говорилось. Когда я подписал ее, меня снова отправили в барак. Когда я находился в комендатуре, этот человек спросил меня, как мне удалось сбежать, куда и по какому пути я направился.

Он также спросил, почему я сбежал. Я ответил ему, что здесь так плохо, что я больше не мог оставаться. Все это происходило за день до моей отправки в Либенау.

Люди, которые были со мной в красных бараках в Либенау, попадали туда по различным причинам. Военнопленные, находившиеся там, были те, которых ловили после побега. Другие сидели за то, что воровали продукты питания. Всех нас рассматривали как политически нежелательных лиц.

Пальников

Я удостоверяю, что вышеизложенное представляет собой правильный перевод русского оригинала допроса, происходившего в моем присутствии 1 мая 1945 г. в Ганновере, Германия.

Лейт. Эфрейм Акерман О-2000203

Показания данные Карлом Фревартом в Ганновере (Германия)

Я, Карл Фреверт, родился в Ганновере 26 декабря 1892 г. Всю свою жизнь я проживал в Германии. В настоящее время я живу в Дэрене, близ Ганновера, на Пейневштрассе, № 24.

7 апреля 1945 г. в 9 ч. 30 м. утра я проезжал на велосипеде мимо кладбища, которое находится в Дэрене, недалеко от моего дома. Вдруг какой-то штатский остановил меня и заставил сойти с велосипеда. Я спросил его, почему, и он ответил: «Там стреляют, двое русских убежали».

Затем он спросил меня, куда я намереваюсь ехать, я объяснил ему, и он указал мне дорогу, по которой я должен был ехать. У этого гражданина, насколько я мог видеть, не было при себе никакого оружия.

В то время как я разговаривал с ним, я слышал выстрелы, доносящиеся с кладбища. Потом я отправился по указанной дороге, которая привела меня в мой сад. Поставив свой велосипед под навес, я взял грабли и опять отправился на кладбище. Все кладбище было обнесено деревянной оградой. Я быстро нашел дыру и проник через нее на кладбище. Затем осторожно я подполз к кусту, который находился в 30 метрах от того места, где стояли русские.

Там было около 200 русских. Я видел, как несколько из них рыли длинную могилу. После того, как могила была готова, 10 или 15 русских вошли в нее. В это время двое штатских дали по ним очередь из автоматов.

Затем я услышал, как один из штатских сказал: «Одна свинья все еще жива». И в этот момент один из солдат, который охранял кладбище, с места выстрелил из винтовки в него. Насмотревшись на эту картину, я тем же путем возвратился в сад.

В тот же день в 7 ч. 30 м. утра я видел, как около 200 русских проходили мимо моего дома в направлении к кладбищу. Они охранялись солдатами и десятью штатскими. Причем в 14 ч. 30 м. я видел, как все эти солдаты и штатские возвращались с кладбища. Русских с ними уже не было.

Я слышал стрельбу, доносившуюся с кладбища с 9 ч. 30 м. утра до 14 часов дня.

Из всех этих солдат и штатских я раньше никого не видел. Я думаю, что я смогу узнать того штатского, который остановил меня, когда я ехал на велосипеде. Рост его приблизительно 1м 70 см, вес 145—150 англ. фунтов. Лицо очень худое, и тогда он был в черных роговых очках. Ему было около 50 лет.

В то время, как я возвращался с кладбища во второй раз, я видел Груневальда, направляющегося с маленьким терьером к месту стрельбы.

Карл Фреверт

Я, Мейнхард М. Клейнерман, заявляю, что вышеизложенное является точным переводом показания, данного под присягой Карлом Фревертом в Ганновере, Германия, 1 мая 1945 г.

Мейнхард М. Клейнерман

Подписано под присягой в моем присутствии. Ганновер, Германия, 1 мая 1945 г.

Джемс В. Бост, майор кавалерии

Медицинский отчет по эксгумации трупов из могил на кладбище Зельхорст

Ганновер, 4 мая 1945 г.

Медицинская комиссия, состоящая из:
1) обермедицинальрата д-ра Мисбаха,
2) медицинальрата д-ра Вилша,
3) д-ра Беке,
4) профессора д-ра Норманна,

2 мая 1945 г. с 9 часов утра до 15 часов присутствовала, по приказанию военной администрации, при эксгумации 223 трупов на кладбище Зельхорст.

Комиссия установила:

I

Было выкопано 153 мужских трупа и один женский, причем вскрытие трупов не было произведено.

За короткий промежуток времени, между выкапыванием и отвозкой, безусловно, невозможно было раздеть все трупы. Однако причину смерти можно было установить в каждом случае. В большинстве случаев люди были убиты выстрелами в голову на близком расстоянии. В двух случаях было попадание в область груди и в одном случае — в верхнюю часть левого бедра.

Очевидно, в этих последних случаях выстрелы производились на большом расстоянии.

Трупы, в основном, были одеты в гражданскую одежду или одежду пленных (бесцветная немецкая форма), а некоторые были в русской военной форме.

Было также установлено, что похороны состоялись около трех или четырех недель назад.

Пять трупов были опознаны их русскими друзьями или родственниками.

Это следующие лица:

1) Седнев Василий, опознанный Доварским, могила № 24
2) Масускевич Михаил, опознанный Войжуковичем, могила № 25
3) Бурба Иван, опознанный Александром Стояком, могила № 26
4) Зауджук Иван, опознанный Клищуком, могила № 34
5) Белозенко Николай, опознанный Буловженко, могила № 36

II

Помимо этого было вырыто еще 69 трупов, которые были не непосредственно убиты, а умерли от недостаточного питания или болезни. 40 из них были зарегистрированы в конторе этого кладбища. Они имеют свои номера, заметки о причине смерти и дату их похорон.

18 трупов были зарыты в гробах, сколоченных из грубых досок, другие даже без одежды. 29 трупов были совершенно неизвестны. Они не были зарегистрированы и были похоронены в период с 23 марта по 6 апреля 1945 г. без всякого ведома конторы кладбища. По общей договоренности с уполномоченным английским офицером — старшим лейтенантом Холлом — комиссия воздержалась от вскрытия.

Недостаточное питание было очевидно во всех случаях, когда никаких других причин насильственной смерти не было установлено.

В целом 223 трупа были эксгумированы и подвергнуты осмотру 2 мая 1945 г.

III

3 мая 1945 г. с 9 часов утра до 3 часов дня были эксгумированы новые 303 трупа и подвергнуты осмотру. Причем состояние трупов было очень плохое, ибо похоронены они были около трех месяцев назад.

В большинстве случаев причину смерти невозможно было установить простым осмотром трупов. Также невозможно было произвести и вскрытие трупов по той причине, о которой уже говорилось при предыдущей эксгумации.

1. 112 трупов, соответственно списку в приложении № 2. Все они зарегистрированы обычным порядком; при этом 111 трупов с данными рождения или возраста, датой похорон, а также данными о причине смерти и только один труп был неизвестен.

2. 191 труп был похоронен без всякого ведома конторы кладбища. Среди них у 6 трупов оказались документы:

1) Перел Мозес, 22 года, слесарь, Литцманштадт[1], причина смерти: ослабление сердечных мышц;
2) Войдила Томас — рожд. 13 декабря 1909 г.;
3) Радомский Шмуль — 32 года;
4) Кривошей Галина, рожд. 17 февраля 1921 г. в г. Иванко;
5) Мовтшан Лина, рожд. 24 января 1924 г. в г. Кантиар;

---

[1] г. Лодзь.

6) Ведороц Александра, рожд. 25 января 1925 г. в хуторе Федорце.

Другие трупы были неизвестны. 24 трупа (15 мужчин и 9 женщин) были в довольно хорошем состоянии. 4 из них погибли насильственной смертью. Один был убит выстрелом в левую щеку; другие жертвы (1 мужчина и 2 женщины) были задушены.

Причину смерти других 20 лиц невозможно было точно установить.

Осмотр остальных 167 трупов показал недостаточное питание в очень большой степени.

Беке, Мисбах, Нордманн, Вилш
Подлинность копии удостоверяю:
Чарльз Р. Циммер, капитан пехоты.

Нюрнбергский процесс, (в 7-ми т.),
т. 3, с. 191—197.

Разграбление общественной и частной собственности

Выступление помощника Главного обвинителя от СССР Л. Р. Шейнина[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 20 февраля 1946 г.

Господа судьи! Моя задача заключается в том, чтобы представить Суду доказательства преступных, грабительских мотивов гитлеровской агрессии и чудовищного ограбления народов Чехословакии, Польши, Югославии, Греции и СССР.

Мои коллеги уже доказали, что нападение на Советский Союз, как и на другие государства Европы, заранее планировалось и подготовлялось преступным гитлеровским правительством. Я представлю Суду ряд подлинных документов заговорщиков и их собственные высказывания и выступления, которые в совокупности своей докажут, что расхищение и разграбление частной, общественной и государственной собственности на оккупированных территориях также было заранее обдумано, запланировано и широко подготовлено и что, таким образом, наряду с заблаговременной разработкой чисто военных и стратегических планов нападения гитлеровцы также заблаговременно с хладнокровием и расчетливостью профессиональных грабителей и убийц разработали и подготовили план организованного грабежа и мародерства, скрупулезно и точно подсчитав свои будущие «барыши», свою преступную наживу, свою разбойничью «добычу».

Международному военному трибуналу уже представлен официальный доклад Чехословацкого правительства о преступлениях, совершенных гитлеровцами на территории Чехословацкой Республики, явившейся первой жертвой германской агрессии. Этот документ представлен Трибуналу под номером СССР-60.

В третий раздел этого доклада включена небольшая выдержка из статьи Лея, опубликованной 30 января 1940 г. в газете «Ангрифф».

«...Наше предназначение — принадлежать к высшей расе. Раса низшего уровня требует меньше места, одежды, меньше пищи и меньше культуры, чем раса высшего уровня...»

Эта установка, эта программная линия нашла свое конкретное выражение в том, что все захваченные территории гитлеровские заговорщики подвергали безудержному ограблению, самому разнообразному в отношении форм и методов и совершенно бесстыдному по своим опустошительным результатам.

[1] ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 1, ед. хран. 26.

В докладе Чехословацкого правительства содержится большое количество примеров, подтверждающих соответствующие разделы Обвинительного акта.

Я оглашаю эту часть доклада, начиная с первого абзаца страницы 72 русского перевода. Читаю:

«...Немецкий план кампании против Чехословакии был направлен не только против Республики как политического и военного целого, но и против самого существования чехословацкого народа, у которого были отняты не только политические права и культурная жизнь, но также и его благополучие, его финансовые и промышленные ресурсы...

После Мюнхена. Непосредственный грабеж. Сразу же после Мюнхена немцы захватили все промышленные и коммерческие акционерные общества, принадлежавшие чехам и евреям, в районах, отнятых у Республики, и все это без компенсации. У чехов и евреев было отнято их имущество, предприятия обычно путем кровавого насилия».

Далее в докладе приводится следующий характерный факт. Речь идет о том, с чего именно начал сам Гитлер свое «знакомство» с только что захваченной им Чехословакией. Я оглашаю пункт «б» раздела доклада, озаглавленного «После вторжения 15 марта 1939 г.». Господа судьи найдут эту выдержку на страницах 3 и 4 тома документов. Читаю:

«Гитлер вошел в Прагу поздним вечером 15 марта 1939 г. и провел ночь в знаменитой крепости Градчаны. На другой день он уехал, захватив с собой множество драгоценных гобеленов. Мы упоминаем об этом грабеже не ради ценности украденных вещей, но ради примера, показанного главой партии и немецкого государства в самый первый день вторжения.

Немецкие отряды, наводнившие Прагу, привезли с собой целый штат немецких экономических экспертов, то есть экспертов экономического грабежа.

Все, что представляло какую-либо ценность для Германии, было захвачено, особенно запасы сырья, меди, жести, железа, бумаги, шерсти и провианта.

Средства транспорта, вагоны, паровозы и т. д. были увезены в рейх. Все рельсы в протекторате, находившиеся в приличном состоянии, были сняты и посланы в Германию, а на их место были положены старые рельсы из Германии. Новые, только что изготовленные вагоны, которые были заказаны для пражских городских трамваев, были, вопреки их назначению, посланы в рейх.

Пароходы, принадлежавшие чехословацкому обществу пароходного плавания по Дунаю (большинство акций принадлежало Чехословацкому государству), были разделены между Германией и Венгрией.

Ценные художественные произведения и мебель исчезли из общественных зданий без всякой попытки какого-ли-

бо «законного» обоснования такого грабежа; картины, статуи, гобелены были увезены в Германию, а Чешский национальный музей, галерея современного искусства, общественные и частные собрания расхищены.

Германский имперский комиссар Чехословацкого национального банка приостановил все переводные операции с заграницей и захватил золотой запас и валюту в протекторате. Так, немцы взяли 23 тысячи килограммов золота в номинальной цене на 737 миллионов крон (5 265 тысяч фунтов стерлингов) и перевели золото из банка международных операций в рейхсбанк».

Одним из способов тщательного, я бы сказал «тотального», ограбления являлась так называемая экономическая германизация. Я представляю Трибуналу в качестве доказательства этих преступлений следующую выдержку из Чехословацкого официального доклада. Эту выдержку господа судьи смогут найти на страницах 4 и 5 тома документов. Читаю:

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕРМАНИЗАЦИЯ

А. Земельная экспроприация

После Мюнхена

В областях, занятых германской армией, в октябре 1938 года, Германия начала налагать руку на все фермы, принадлежавшие чешским или еврейским собственникам, бежавшим из-за политических или расовых причин.

Чехословацкая земельная реформа 1919 года, поскольку она была на пользу чехам, была объявлена недействительной, и чехи должны были сдать немцам скот, оборудование и мебель. Формально чехи получили компенсацию; фактически же они были обложены пошлинами для того, чтобы покрыть расходы по так называемому «хладнокровному убытку», который они причинили якобы свом бегством. Эти пошлины далеко превосходили компенсацию.

Большие земледельческие государственные имения Чехословацкой Республики сделались автоматически собственностью рейха и попали под юрисдикцию соответствующих имперских министров.

После вторжения 15 марта 1939 года

После вторжения немецкие директора, надсмотрщики и мастера заменили чехов в государственных предприятиях Чехословацкой Республики.

Германизация частной собственности началась, конечно, под лозунгом «аризации».

Германизация земледельческой Чехии и Моравии была поручена особому органу с центральным управлением в

Праге. Чешским земледельцам была предложена компенсация за их продукты, но по несоответствующим ценам.

Земледельческая германизация, кроме чистой и обыкновенной германизации, стремилась к тому, чтобы как можно больше чехов обнищало.

Нацисты делали все возможное, чтобы добыть как можно больше от чешского земледелия. Здесь тоже цель была двоякая: с одной стороны, добыть как можно больше продовольствия, а с другой — как можно глубже германизировать.

Сельские хозяева были изгнаны из своих владений для того, чтобы дать место немецким колонистам. Целые земледельческие районы были таким образом очищены от чехов. Хозяйственные кооперативы, которым был поручен контроль над производством продукции, были превращены в принудительные организации и также постепенно были германизированы.

Расхищение имущества сопровождалось грабежом продуктов земледелия. Большие штрафы, а часто даже смертная казнь ожидали чешских земледельцев за то, что они не соблюдали распоряжений о сдаче продуктов и пайков.

В. Экспроприация банков и вкладов

В Чехословакии промышленные предприятия непосредственно финансируются банками, которые часто владеют большинством акций или же контролируют их. Захватив контроль над банками, нацисты также захватили контроль над промышленностью.

После Мюнхена два крупных немецких банка — Дрезднербанк и Дейчебанк — захватили филиалы пражских банков, находившихся на отнятой у Чехословакии территории. Так, Дрезднербанк захватил, между прочим, 32 отделения богемского Учетного банка, а Дейчебанк — 25 отделений богемского Унионбанка. Как только эти два банка получили контроль над судетскими отделениями банков, они начали стремиться к тому, чтобы оказывать влияние и на пражские главные отделения соответствующих банков.

Чехословацкие банки были акционерными обществами. Каждое акционерное общество, в котором хотя бы один директор был евреем, стало считаться еврейским. Таким образом, и нееврейское имущество было захвачено.

После вторжения 15 марта 1939 г. несколько чехословацких банков в Чехии стали путем аризации имуществом Дрезднербанка; так немецкий банк захватил Унионбанк Богемии. Таким образом, все финансовые интересы, которые эти банки имели в чешской промышленности, так же как и все акции, попали в германские руки.

С тех пор началось проникновение немецкого капитала в чешские банки, их экспроприация и слияние с немецкой банковской системой. Дрезднербанку (он был фактически

предприятием, заведующим фондами национал-социалистской партии) и Дейчебанку было поручено дело экспроприации фондов, принадлежащих чехословацким банковским концернам. Различными «трансакциями», путем приобретения влияния через судетские филиалы на пражские главные отделения соответствующих банков, путем сокращения акций и увеличения их при помощи немецких акций, путем приобретения промышленных акций, путем лишения банков их промышленных интересов и т. д. оба берлинских банка добились полного контроля над банками протектората. Им содействовал террор гестапо».

Я пропускаю один абзац из этого доклада и перехожу к следующему разделу, озаглавленному «Уничтожение национальной промышленности».

«После вторжения немцы ввели в Чехии немецкий способ принудительной организации чешской промышленности в протекторате. Они назначили комитеты каждого нового общества и всех промышленных «групп», назначив хотя бы одного нациста председателем или товарищем председателя или же просто рядовым членом. Фактически все чешские члены правлений были бесправными фигурами.

Оружейные заводы. Дрезднербанк приобрел самые важные заводы в Чехословакии, то есть заводы Шкода в Пльзене и чехословацкую «Сброевку» в городе Брно. Частные акционеры должны были сдать свои акции по наименьшей стоимости; банк заплатил за эти акции купонами, изъятыми из оборота, или же купонами, конфискованными немцами в районах, захваченных ранее согласно Мюнхенскому договору.

Концерн «Герман Геринг». Немецкий захват чехословацких банков, а таким образом и промышленности, посредством больших берлинских банков был осуществлен при содействии огромного концерна «Герман Геринг», который один за другим захватил самые большие чехословацкие промышленные предприятия под предлогом аризации, путем давления со стороны рейха, путем финансовых «мероприятий» и, наконец, путем угроз гестапо концентрационными лагерями.

Таким образом, все большие чехословацкие предприятия и оружейные заводы, угольная и металлургическая промышленность попали в немецкие руки. Огромная химическая промышленность была захвачена немецким концерном «И. Г. Фарбениндустри».

Я пропускаю абзац доклада, относящийся к тем же методам, применявшимся в отношении легкой промышленности, и перехожу к следующему разделу доклада, озаглавленному «Финансовый грабеж»:

«После оккупации территории, отданной под предлогом Мюнхенского соглашения, немцы отказались принять на себя обязательства по чехословацкому государственному долгу, хотя приобрели весьма ценное государственное

имущество в областях, отнятых у Чехословакии; 1600 миллионов крон государственными облигациями низкого знаменателя находились в обороте на занятой территории. Немцы оставили за собой право пользоваться ими, как законными денежными знаками».

Далее, господа судьи, в докладе подробно описывается разграбление гитлеровцами финансового хозяйства Чехословацкой Республики. В целях сокращения времени я не буду оглашать эту выдержку.

Оглашу, далее, выдержку из раздела «Налоги»:

«Когда началась война, нацисты наложили на протекторат «военную контрибуцию» в размере 2000 миллионов крон (14 200 000 фунтов стерлингов) в год. Они утверждали, что они имеют на это право на том основании, что «чехи не воюют, а немцы воюют за них».

Сразу после оккупации немцы захватили доходы с различных косвенных налогов и направили их в имперскую казну».

Таким образом, господа судьи, приведенные мною выдержки из доклада Чехословацкого правительства дают ясное и точное представление о том, как, захватив Чехословакию, гитлеровцы подвергли ее самому разнузданному ограблению решительно во всех областях ее экономики — сельского хозяйства, промышленности и финансов.

Захватив в свои руки все народное хозяйство Чехословацкой Республики, гитлеровское правительство поставило это хозяйство на службу своим преступным интересам, выкачивая из него все возможности для подготовки дальнейшей агрессии против народов Европы, для новых военных нападений, преследовавших чудовищную цель достижения мирового господства германской «высшей расы».

Я перехожу к оглашению четвертого раздела официального доклада Польского правительства о злодеяниях, совершенных гитлеровцами в оккупированной ими Польше. Этот доклад уже представлен Трибуналу под номером СССР-93 и, согласно статье 21 Устава, является бесспорным доказательством. Читаю выдержку из этого доклада, которую господа судьи могут найти на странице 14 тома документов.

«Экспроприация и грабеж общественной и частной собственности

а) 27 сентября 1939 г. немецкие военные власти издали декрет о секвестре и конфискации польской собственности в западных провинциях. «На собственность Польского государства, польских общественных учреждений, муниципалитетов и союзов, лиц и корпораций может быть наложен секвестр, и оно, то есть это имущество, может быть конфисковано», — так гласит §1 упомянутого декрета.

б) Право военных властей распоряжаться польской собственностью в присоединенных провинциях перешло к

особому «доверенному присутствию» (установленному Герингом 1 ноября 1939 г.) с главным управлением в Берлине и отделениями в Польше. Ему была доверена администрация конфискованной собственности Польского государства, а также экономическая политика в Польше, в согласии с планом, составленным правительством рейха.

в) Согласно декрету от 15 января 1940 г. вся собственность Польского государства была отдана «под охрану», что практически означало конфискацию всей государственной собственности на присоединенных территориях. Особый декрет от 12 февраля 1940 г. был посвящен земледелию и лесам с той же целью.

г) Конфискация частной собственности в западных провинциях была начата декретом от 31 января 1940 г. Приобретение собственности, а также изменение прав собственности на каждом предприятии требовало на присоединенных территориях особого разрешения.

Дальнейшим декретом от 12 июня 1940 г. Геринг уполномочил «доверенное присутствие» захватить не только государственную собственность, но также и собственность граждан «бывшего Польского государства».

д) Процесс конфискации, однако, подвигался далее. Собственность польских граждан могла быть захвачена и конфискована, если собственник не получал германского гражданства по декрету Гитлера от 8 октября 1939 г. Дальнейшие декреты регламентировали вопросы уплаты долгов ввиду того, что секвестраторы были уполномочены платить долги только привилегированным кредиторам. Таковыми были члены «Дейче фолкслейте», поскольку дело касалось довоенных долгов, а также граждане рейха или вольного города Данцига по отношению к долгам, возникшим после 1 сентября 1939 г.».

Я опускаю две страницы этого доклада, посвященные перечислению обществ, специально созданных для проведения этой грабительской деятельности, а также для ограбления польского еврейского населения, которое, как известно уже Трибуналу, было в дальнейшем истреблено. Я перехожу к заключительной части доклада Польского правительства. Господа судьи найдут эту выдержку на странице 17 тома документов. Простые цитаты из этого и других декретов могут произвести совсем неправильное впечатление относительно средств, которые обвиняемые применяли к еврейской собственности в Польше. Но следует указать, что меры, касающиеся еврейской собственности, были лишь вступлением к гораздо большим преступлениям в будущем.

В заключительной части этого раздела доклада справедливо указывается:

«Кроме преступлений, доказанных и представленных здесь, есть тысячи других, которые отошли в тень из-за

размера массовых убийств, массового грабежа и массового разрушения».

Нет возможности перечислить все преступления, которые были совершены в Польше под непосредственным руководством подсудимого Франка, возглавлявшего всю власть в так называемом генерал-губернаторстве.

Обнаруженные и приобщенные к материалам дела дневники Франка дают ясное и конкретное представление о злодеяниях, совершенных гитлеровцами в Польше под его руководством. В этих дневниках, господа судьи, содержатся также записи, непосредственно относящиеся к теме моего выступления.

Вот почему я, с Вашего разрешения, приведу выдержки из дневника, которые ранее оглашены не были.

Из тома под названием «Заседания руководителей отделов 1939/40 гг.» страницы 11—12. В Вашем томе документов, господа судьи, это находится на странице 21 — оборот. Читаю:

«...Мое отношение к полякам — это отношение между муравьем и тлей. Если я обрабатываю поляка и, так сказать, дружественно его щекочу, то я это делаю в ожидании того, что за это мне пойдет на пользу производительность его труда. Здесь речь идет не о политической, а о чисто тактической, технической проблеме. Там, где несмотря на все эти мероприятия не повышается производительность, или там, где самый незначительный акт дает мне повод принимать решительные меры, я не остановлюсь, конечно, и перед драконовскими мерами...»

Из тома с надписью «Дневник 1942 года».

«Д-р Франк: Если вспомнить, что 540 миллионов злотых Польского банка, распыленные в присоединенных восточных областях, были взяты генерал-губернаторством без всякой оплаты со стороны империи, то это составит дань в сумме более полумиллиарда, которую генерал-губернаторство уплатило Германии, не считая иных финансовых услуг».

Из того же тома, страница 1277. Речь идет о совещании губернаторов 7 декабря 1942 г. в Кракове. Там обсуждались мероприятия по повышению выпуска продукции в 1942—1943 гг. Выступал некий доктор Фишер. Читаю: «Если будет осуществлен новый продовольственный план, то это означает, что только в Варшаве и ее окрестностях не будут больше получать продовольствия 500 тысяч человек».

Из этого же тома, страница 1331. Выступает Франк. Читаю:

«Я постараюсь изъять из резервуара этой области все, что еще можно. Если вспомнить, что мне удалось отправить в Германию 600 тысяч тонн зерна и что к этому следует еще добавить 180 тысяч тонн для находящихся здесь войск, а также многие тысячи тонн посевного мате-

риала, жиров, овощей и отправку в Германию 300 миллионов яиц и т. д., то вы поймете, какое значение имеет эта область для Германии».

Тот же Франк (господа судьи найдут эту выдержку на странице 27 тома документов) говорил:

«Однако эти поставки империи имеют и свою значительную теневую сторону ввиду того, что возложенные на нас поставки превосходят продовольственные возможности области. Это ставит перед нами следующую проблему. Сможем ли мы, уже начиная со 2 февраля, лишить проживающие в этой области 2 миллиона человек негерманской национальности общего снабжения продовольствием».

В томе, озаглавленном «Рабочие заседания 1943 года», мы находим запись совещания от 14 апреля 1943 г., имевшего место в городе Кракове. На странице 28 тома документов господа судьи найдут выдержку, которую я намерен процитировать. Высказывается президент Науман. Он приводит следующие цифры на 1943—1944 гг.:

«1500 тонн сладостей для немцев, 36 миллионов литров снятого молока для немцев, 15 100 тысяч литров цельного молока для немцев».

Он же продолжает:

«В прошлом году из поголовья скота генерал-губернаторства было позаимствовано более 20 процентов наличного количества. При этом пошел на убой скот, необходимый для производства молока и масла. Это было осуществлено для того, чтобы более или менее обеспечить поставки для империи и армии. Для того чтобы изъять 120 тысяч тонн мяса, необходимо осуществить убой 40 процентов наличного поголовья скота». И далее:

«На вопрос господина генерал-губернатора президент Науман отвечает, что в 1940 году было изъято 383 тысячи тонн зерна, в 1941 году — 685 тысяч тонн зерна, в 1942 году — 1,2 миллиона тонн зерна. Из этого уже видно, что изъятие увеличивается с каждым годом и все более достигает пределов возможного. Теперь собираются увеличить изъятие на 200 тысяч тонн, и тем самым будет достигнут крайний предел. Голод польского крестьянина можно усилить лишь до такой степени, чтобы он все же был в состоянии обрабатывать свое поле и производить все те работы, которые от него требуются сверх того, как, например, поставка дров и т. д.».

Впрочем, то, о чем говорил Науман, никак не повлияло на политику беспощадного ограбления польского народа, судьба которого, по словам самого Франка, его интересовала лишь в определенном разрезе.

В томе под названием «С 1 января по 28 февраля 1944 г.» имеется следующее заявление Франка, цинично сделанное им на совещании руководителей германского сельского хозяйства 12 января 1944 г. Господа судьи найдут эту выдержку на странице 30 тома документов. Читаю:

«...Если бы мы выиграли войну, тогда, по моему мне-

нию, поляков и украинцев и все то, что околачивается вокруг, можно превратить в фарш. Пусть будет, что будет...»

Я думаю, господа судьи, что после этой цитаты мне как представителю советского обвинения нет нужды добавлять что-либо к разделу о злодеяниях, совершенных гитлеровскими преступниками на территории Польского государства.

Поистине одной приведенной фразы более чем достаточно для того, чтобы получить точное представление о режиме, созданном в Польше Франком, и о Франке, создавшем этот режим.

Переходя к разграблению и расхищению частного и общественного имущества, произведенным гитлеровцами в Югославии, я, господа судьи, должен огласить соответствующий раздел официального доклада Югославского правительства, уже представленного советским обвинением Трибуналу под номером СССР-36.

Этот доклад, в соответствии со статьей 21 Устава, также является бесспорным доказательством. Шестой раздел этого доклада, носящий наименование «Грабеж общественного и частного имущества», гласит нижеследующее. Этот раздел господа судьи найдут на странице 32 тома документов и дальше. Читаю:

6. ГРАБЕЖ ОБЩЕСТВЕННОГО И ЧАСТНОГО ИМУЩЕСТВА

Вместе с эксплуатацией рабочей силы в Югославии происходил систематический грабеж общественного и частного имущества. Он проводился в различных формах и в рамках различных мероприятий. Во всяком случае, Германии удалось и этим путем выкачать из оккупированной Югославии все экономические силы и ценности и экономически почти совершенно уничтожить страну.

Здесь мы приведем только несколько примеров этого планомерного грабежа.

А. Мероприятия в области валюты

Так же, как и во всех остальных оккупированных странах, немцы сразу же после вступления в Югославию провели целый ряд мероприятий в области валюты, которые позволили им массами и по дешевым ценам вывозить из Югославии товары и прочие ценности.

Еще 14 апреля 1941 г., то есть до оккупации Югославии, главнокомандующий немецкими сухопутными войсками издал «Объявление для оккупированной югославской территории» со ссылкой, что он действует «на основании полномочий, полученных от фюрера и верховного главнокомандующего вооруженными силами».

В пункте IX этого объявления назначается принудитель-

ный курс югославской валюты: за 1 германскую марку — 20 югославских динаров. Таким образом, искусственно и насильственно была снижена стоимость динара. Реальное соотношение динара и германской марки до войны было значительно более благоприятным для первого.

Это является неопровержимым доказательством нарушения положений Гаагской Конвенции по этому вопросу, а также доказательством заранее составленного плана обесценивания югославской валюты».

Я предъявляю Трибуналу заверенную фотокопию этого объявления в качестве документа под номером СССР-140.

Вторым грабительским мероприятием в области валюты было введение принудительного платежного средства в оккупированной Югославии: введение в оборот кредитных билетов германской государственной кредитной кассы. Об этом также говорится в пункте IX объявления, предъявленного Трибуналу в качестве документа СССР-140. Эти так называемые «оккупационные марки» в самой Германии ничем не обеспечивались и не имели никакой цены. Они печатались в Югославии в соответствии с потребностями германских оккупационных войск и властей и играли роль принудительного средства для создания возможностей закупок по самым дешевым ценам.

30 июня 1942 г., то есть более чем через год, эти имперские кредитные билеты были изъяты. Это произошло после того, как немцы уже скупили в Югославии все, что только можно было скупить, когда был ликвидирован Югославский национальный банк и все его имущество было разграблено. Вместо него немцы в принудительном порядке создали так называемый «Сербский национальный банк».

С тем чтобы и в этом случае иметь возможность наживаться, немцы вменили в обязанность Сербскому национальному банку обмен изъятых имперских кредитных билетов на новые динары. Вымененные марки немцы затем изымали из Сербского национального банка в обмен на простые квитанции. Таким путем был произведен бесцеремонный грабеж, стоивший Югославии многих тысяч миллионов динаров.

Я представляю Трибуналу закон об изъятии имперских кредитных билетов от 30 июня 1942 г. в качестве документа под номером СССР-194 и, кроме того, заверенную копию закона о «Сербском национальном банке» от 29 мая 1941 г. в качестве документа под номером СССР-135.

Из этих документов явствует, что германские оккупационные власти насильственно и противозаконно ликвидировали Югославский эмиссионный банк и под предлогом, что Югославия более не существует, использовали эту ликвидацию в целях чудовищного ограбления страны.

Немцы создали так называемый «Сербский национальный банк» исключительно как орудие своей грабительской валютной политики в Сербии. Во главе банка стояли назначаемые немцами лица.

Показателен также пример с югославскими металлическими деньгами. Они содержали известный процент серебра и латуни и поэтому были изъяты, а в обращение пущены значительно менее ценные металлические монеты.

Немцы переправили в Германию, естественно, самые дорогие югославские металлические деньги. Продолжаю цитату:

«Имперский министр Шпеер как высший начальник управления вооружения заявил, что установленные цены являются «Великой хартией программы вооружения». Приказом от 25 марта 1943 г. Геринг потребовал дальнейшего снижения цен на импортируемые из всех оккупированных стран товары.

Такое снижение цен было достигнуто как путем валютных мероприятий, так и путем проведения реквизиций, конфискаций, взимания денежных штрафов и, в особенности, проведения политики цен.

Путем реквизиций, политики твердых низких цен и принудительных закупок правительству рейха удалось полностью ограбить народы Югославии. Немцы зашли так далеко, что даже сотрудничавшие с ними квислинговские учреждения часто вынуждены были заявлять о невозможности обеспечения таких поставок для Германии.

Например, в отчете головы района Морава (квислинговская администрация Милана Недича) от 12 февраля 1942 г. говорится:

«1. Если у них отобрать такое количество скота, то они не смогут обрабатывать поле. С одной стороны, власти требуют обработки каждого клочка земли, а с другой — бесцеремонно отбирают скот.

2. Закупочная стоимость скота так низка, что крестьянин воспринимает эту закупку как простую реквизицию».

Таких примеров из других районов Югославии очень много.

С целью ограбления страны немцы часто прибегали к систематическому взиманию всякого рода денежных штрафов. Денежные штрафы, установленные в 1943 году полевой комендатурой, только в одном городе Белграде достигли гигантских размеров — 48 818 068 динаров. В Ницце за первые три с половиной месяца 1943 года было собрано денежных штрафов на 5 065 000 динаров.

...В заключение мы хотим привести некоторые данные по клирингу. Расчеты при вывозе товаров в Германию из Югославии производились посредством клиринга.

К 1 марта 1943 г. клиринг-сальдо составляло 219 милли-

онов германских марок, или 4380 миллионов динаров, в пользу Сербии.

К концу оккупации Германия оставалась в долгу у Сербии более чем на 10 миллиардов динаров».

В остальных районах Югославии положение в основном было таким же, только формы грабежа страны менялись в зависимости от местных условий.

Наиболее распространенным средством ограбления Югославии явилась система конфискаций. Еще до полной оккупации Югославии в 1941 году на фронте был издан указ о конфискации.

На основании этого указа было конфисковано огромное количество сельскохозяйственных продуктов, сырья, полуфабрикатов и иных товаров.

Я представляю Трибуналу копию этого указа как документ СССР-206. Немедленно после завершения оккупации германские оккупационные власти посредством различных законов ввели в Югославии систему конфискации частной и общественной собственности.

Я опускаю в целях сокращения часть этого раздела, в котором излагаются конкретные примеры конфискации имущества у населения Югославии, и перехожу к следующему разделу, носящему наименование «Прочие виды грабежей». Господа судьи найдут этот раздел на странице 52 тома документов.

«Наряду с вышеупомянутыми формами грабежа, осуществляемого в рамках всевозможных законов, распоряжений и приказов, во всей Югославии практиковались и более грубые методы ограбления.

Они не были случайным явлением и представляли собой неотъемлемую часть германской системы порабощения и эксплуатации.

Немцы грабили все, начиная с промышленных и хозяйственных предприятий, поголовья скота и продуктов питания и кончая предметами личного обихода.

Приведем несколько примеров:

1) Сразу же после своего вторжения в Югославию немцы разграбили все крупные торговые предприятия и товарные склады. Они производили грабежи по ночам, в особенности после так называемого «полицейского часа».

2) В приказе немецкого генерал-майора Кюблера (приказ уже представлен Трибуналу советским обвинением под номером СССР-132) имеются, между прочим, следующие слова:

«Войска обязаны беспощадно и с жестокой строгостью обращаться с враждебно настроенным населением. Они обязаны лишать неприятеля всякой возможности существования, разрушая оставленные населенные пункты и захватывая имеющиеся запасы».

На основе этого и подобных ему приказов немцы беспрерывно грабили страну под предлогом «контроля над

имеющимися запасами» в связи с «разрушением покинутых населенных пунктов».

3) Карательные экспедиции, ставшие при оккупации обычным явлением, грабили имущество намеченных жертв. Таким же путем они грабили пленных и убитых бойцов национально-освободительной армии и сотни тысяч узников концентрационных лагерей».

Я зачитываю заключительную часть раздела доклада Югославского правительства:

«В течение четырех лет все районы Югославии подвергались систематическому разграблению. Это проводилось как путем многочисленных «узаконенных мероприятий», так и путем массовых грабежей со стороны немцев. Нацистские оккупанты проявляли большую изобретательность и использовали приобретенный в других оккупированных странах опыт.

Этой преступной деятельностью они нанесли Югославскому государству и его гражданам такой большой ущерб, что его вообще можно рассматривать как экономическое уничтожение страны».

Таким образом, господа судьи, мы можем констатировать, что и разграбление общественной и частной собственности Югославии осуществлялось гитлеровцами по заранее обдуманному плану, что оно коснулось всех слоев населения и всех отраслей народного хозяйства страны и причинило огромный материальный ущерб Югославскому государству и его гражданам.

Следуя своей политике беспощадного разграбления оккупированных государств, гитлеровские заговорщики после захвата Греции начали грабить ее народное достояние. Суду уже был представлен официальный доклад Греческого правительства о преступлениях, совершенных гитлеровцами в этой стране.

В соответствующем разделе этого доклада, озаглавленном «Эксплуатация», приведены конкретные факты разграбления частной и общественной собственности Греции.

Я цитирую выдержку из этого раздела, которую господа судьи найдут на странице 59 тома документов. Читаю:

«Благодаря своему географическому положению Греция использовалась немцами как база для проведения операций в Северной Африке. Они также использовали Грецию как место отдыха для тысяч своих солдат из Северной Африки и с восточных фронтов. Таким образом, они концентрировали в Греции гораздо большие силы, чем это требовалось для целей оккупации.

Большое количество местных запасов фруктов, овощей, картофеля, сливочного масла, мяса и молочных продуктов изымалось для удовлетворения нужд этих войск. Поскольку нормальной продукции не хватало для удовлетворения этих нужд, усиленно применялись реквизиции скота, что

имело своим результатом серьезное уменьшение количества скота в стране».

Помимо реквизиций продовольствия для снабжения своих войск, гитлеровские захватчики взимали с Греции огромные суммы на покрытие так называемых «издержек по оккупации». В докладе Греческого правительства по этому поводу указывается:

«За период с августа по декабрь 1941 года немцам было выплачено 26 206 085 тысяч драхм, то есть на 60 процентов больше государственного дохода за этот же период. Действительно, по исчислению двух экспертов стран оси — доктора Барберина (немец) и доктора Бертони (итальянец) государственный доход за этот год равнялся лишь 23 миллиардам драхм. В следующем году, поскольку государственный доход уменьшился, немцы изымали средства за счет национальных сбережений».

Другим приемом разграбления Греции, широко применяемым гитлеровцами, явились конфискации и реквизиции. В целях экономии времени я, с разрешения Суда, оглашу лишь короткую выдержку из греческого доклада, относящуюся к этому вопросу. Читаю:

«Одним из первых мероприятий врага при оккупации Греции являлся захват путем реквизиции или прямой конфискации всех существовавших в стране запасов.

В числе товаров немцы реквизировали из оптовой и розничной торговли 71 тысячу тонн коринки, 10 тысяч тонн прованского масла. Они конфисковали также 1435 тонн кофе, 1143 тонны сахара, 2525 тонн риса и корабль с пшеницей стоимостью в 530 тысяч долларов».

Поскольку страна была разделена между тремя оккупантами, гитлеровцы блокировали ту зону Греции, которая была оккупирована их войсками. Запретив вывоз продовольствия из этой зоны, гитлеровские грабители начали конфисковывать все запасы продовольствия и других товаров и вызвали этим резкое обнищание и голод населения. Результаты этого грабежа оказались столь губительными для греческого народа, что в конечном счете даже немецкие власти были вынуждены признать, что они зашли слишком далеко. Конкретно это выразилось в том, что немецкие власти в конце 1942 года дали обязательство международной комиссии Красного Креста вернуть населению все местные продукты, которые были изъяты оккупационными войсками и экспортированы ими в Германию. Немцы обязались взамен этих продуктов импортировать продукты такой же калорийности.

Однако это обязательство выполнено не было.

Как и во всех захваченных ими странах, немцы выпускали в обращение неограниченное количество денежных знаков, причем в качестве денежных знаков выпускали так называемые оккупационные марки, которые решительно ничем обеспечены не были.

Цитирую короткую выдержку из доклада Греческого правительства, которую господа судьи найдут на странице 63 тома документов. Читаю:

«С самого начала они (немцы) пустили в оборот 10 миллиардов оккупационных марок, сумму, равную половине денег, находившихся в обращении в тот момент. В апреле 1944 года денежное обращение достигло 14 миллиардов драхм, то есть выросло в 700 раз с момента оккупации».

Вызвав таким путем резкую инфляцию, немцы в то же время приобретали все товары по твердым ценам, существовавшим до оккупации. Все скупаемые ими товары, а также драгоценности, золотые изделия, домашнюю обстановку и т. п. немцы отправляли в Германию.

Наконец, как и во всех оккупированных ими странах, гитлеровцы применили и в Греции систему «клиринга». При этом товары, предназначенные для экспорта, сначала конфисковывались или подвергались эмбарго со стороны военных властей, а уже затем «скупались» немецкими фирмами по совершенно произвольно установленным ценам. После этого стоимость товаров, установленная таким односторонним образом, заносилась в счет кредита Греции. Товары же, которые импортировались из Германии, оценивались на 200—500 процентов выше их нормальной стоимости. И, наконец, на дебет Греции заносилась и стоимость товаров, поступавших из Германии для нужд оккупационных войск.

Этот циничный грабеж назывался у немцев «клирингом».

Цитирую короткую выдержку из доклада Греческого правительства, которую господа судьи смогут найти на странице 64 тома документов. Читаю:

«Вследствие этого, несмотря на тот факт, что Греция экспортировала в Германию все имеющиеся у нее запасы, после ухода германских войск из Греции в клиринге кредит оставался в пользу Германии и исчислялся в сумме 264 миллиардов марок, тогда как кредитный баланс в пользу Греции в период вступления немецких войск исчислялся суммой в 4 миллиарда 353 миллиона 428 марок».

Таким образом, господа судьи, гитлеровские грабители разграбили достояние греческого народа.

Господин председатель, господа судьи!

Я перехожу к изложению фактов чудовищного расхищения и разграбления, которым подверглась со стороны гитлеровских захватчиков частная, общественная и государственная собственность на временно оккупированных территориях Советского Союза. Неоспоримыми и подлинными документами, которые я буду иметь честь представить на Ваше рассмотрение, господа, будет доказано, что фашистские заговорщики еще задолго до нападения на СССР пре-

ступно замыслили и подготовили план ограбления и расхищения его богатств, его народного достояния.

Как и все военные преступления, совершенные гитлеровцами на оккупированных ими территориях, так и расхищение и разграбление этих территорий были заранее намечены и организованы главными военными преступниками, которых воля и доблесть Объединенных Наций посадили на эту скамью подсудимых.

То, что было непосредственно совершено многочисленными исполнителями преступных планов заговорщиков на обширных территориях советской земли, в плодородных степях Украины, на полях и в лесах Белоруссии, на пышных нивах Кубани и Дона, в цветущих садах Крыма, на подступах к Ленинграду и в Советской Прибалтике — все эти чудовищные злодеяния, повальный грабеж, массовое и огульное расхищение священной собственности, созданной мирным и благородным трудом советских народов: русского, украинского, белорусского и других — все эти преступления были непосредственно намечены и обдуманы, подготовлены и организованы преступным гитлеровским правительством и верховным командованием германской армии — главными военными преступниками, сидящими на скамье подсудимых.

Я начну с доказательств преднамеренности этих преступлений, осуществленных на территории СССР. Я докажу, что массовое и огульное расхищение и ограбление частной, общественной и государственной собственности немецко-фашистскими захватчиками носило не случайный характер, что оно не было локальным явлением или результатом разложения и мародерства отдельных воинских соединений и групп, а, напротив, являлось существенной и неразрывной частью общего плана нападения на СССР и, более того, основным мотивом, центральной движущей силой этого преступного плана, этой преступной агрессии.

Я прошу извинить меня, господин председатель, за то, что при изложении фактов, относящихся к подготовке этой категории преступлений, буду вынужден в 2—3 случаях очень кратко ссылаться и на документы, которые уже были предъявлены Трибуналу моими американскими коллегами. Я постараюсь, однако, избегать повторений и буду оглашать лишь те выдержки из этих документов, которые ранее не оглашались.

Одновременно с разработкой плана «Барбаросса», предусматривавшего всю сумму стратегических мер, связанных с нападением на СССР, были разработаны, как известно, и чисто экономические проблемы, вытекающие из этого плана.

В документе, известном под названием «Совещание с отделами вооруженных сил от 29 апреля 1941 г.», предъявленном Трибуналу американским обвинением 10 декабря за номером США-141, значится:

«Цель совещания: Обсуждение организационной структуры хозяйственного сектора мероприятия Барбаросса—Ольденбург».

Далее в этом документе указано, что «фюрер, в отмену прежней тактики подготовки данного мероприятия, распорядился о единой разработке всех экономических дел» и что таким центром должен явиться «экономический штаб особого назначения «Ольденбург» во главе с генерал-лейтенантом Шобертом» и что штаб этот будет подчиняться рейхсмаршалу, то есть Герингу.

Таким образом, подсудимый Геринг уже в апреле 1941 года возглавил всю деятельность по подготовке ограбления СССР.

Чтобы закончить с этим документом, я хочу только напомнить, что в нем предусматривалась организация специальных хозяйственных инспекций и команд в Ленинграде, Мурманске, Риге, Минске, Москве, Туле, Горьком, Киеве, Баку, Ярославле и многих других советских промышленных городах. В задачи этих инспекций и команд, как указано в документе, входило «экономическое использование данной территории», то есть, как расшифровано ниже, «все вопросы продовольственного снабжения и сельского хозяйства, промышленная экономика, включая сырье и продовольственное снабжение, а также вопросы лесного хозяйства, финансовые и банковские, трофейные, торговли, товарооборота и рабочей силы».

Как видите, господа судьи, задачи весьма обширные и чрезвычайно конкретные.

План «Барбаросса—Ольденбург» получил свое дальнейшее развитие в так называемых «Директивах по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях» («Зеленая папка»), которые также были разработаны и секретно изданы перед нападением на СССР. Но прежде чем перейти к «Зеленой папке», я хочу сослаться и частично огласить другой документ, а именно так называемую «Папку окружного сельскохозяйственного фюрера», представленную Трибуналу моим коллегой полковником Смирновым за номером СССР-89.

Эта также заблаговременно разработанная и изданная, очень подробная инструкция для будущих «окружных сельскохозяйственных фюреров» носила такое же наименование и датирована 1 июня 1941 г. Разумеется, и эта папка имеет гриф «совершенно секретно — секретное дело командования».

Инструкция начинается с «12 заповедей поведения немцев на Востоке и их обращения с русскими». Мой коллега полковник Смирнов огласил одну лишь из этих заповедей, вследствие чего я, с разрешения Трибунала, буду вынужден огласить остальные.

Первая «заповедь» гласит (господа судьи найдут это место на странице 69 тома документов):

«Для вас, работников, посланных на Восток, главное заключается в том, что работа является решающим фактором. Поэтому я требую от вас упорной и неустанной работы».

О какой именно «работе» идет речь, дают ясное представление последующие «заповеди». Цитирую выдержки из них:

«Чем упорнее вы будете, тем изобретательнее могут быть ваши методы достижения этой цели. Выбор методов представляется на усмотрение каждого из вас...» (пятая заповедь).

«Ввиду того, что вновь присоединенные территории должны быть надолго закреплены за Германией и Европой, многое будет зависеть от того, как вы поставите себя там. Отсутствие характера у отдельных лиц, безусловно, явится поводом к снятию их с работы. Тот, кто на этом основании будет отозван обратно, не сможет занимать ответственных постов и в пределах самой империи» (шестая заповедь).

Таким образом, будущие «сельскохозяйственные фюреры» не только инструктировались о необходимости быть жестокими и беспощадными в предстоящей им грабительской деятельности, но и прямо предупреждались о последствиях, которые они понесут, если окажутся недостаточно жестокими или обнаружат «отсутствие характера».

Эту же мысль развивают и дальнейшие «заповеди». Читаю:

«...Не спрашивайте, какую пользу извлечет из этого крестьянство, а спрашивайте только: насколько полезно это для Германии» (седьмая заповедь).

«Не разговаривайте, а действуйте. Русского вам никогда не переговорить и не убедить словами. Говорить он умеет лучше, чем вы, ибо он прирожденный диалектик...

Только ваша воля должна быть решающей, однако эта воля может быть направлена на выполнение больших задач. Только в таком случае она будет нравственна и в своей жестокости. Держитесь подальше от русских, они не немцы, а славяне» (восьмая заповедь).

«...Мы не хотим обращать русских на путь национал-социализма, мы хотим только сделать их орудием в наших руках. Вы должны покорить молодежь, указывая ей ее задачи, энергично взяться за нее и беспощадно наказывать, если она саботирует...

Разбор ходатайств отнимет у вас время, необходимое для выполнения ваших немецких задач. Вы не судебные следователи и не стена плача» (девятая заповедь).

«...Его (русского) желудок растяжим, поэтому никакого ложного сочувствия к нему...» (одиннадцатая заповедь).

Таковы те заповеди для «сельскохозяйственных фюреров», которые точнее следовало бы назвать «заповедями для людоедов». Этими «заповедями» открывается «папка», после чего следует уже совершенно конкретная, детально

разработанная программа ограбления сельского хозяйства СССР.

В начале этой программы мы читаем:

«Основные хозяйственно-политические директивы для организации хозяйства Востока (группа сельского хозяйства).

Продовольственно-политической целью этого похода является:

1. Обеспечение продовольствием на многие годы вперед немецких вооруженных сил и немецкого гражданского населения».

Как видите, господа судьи, дана совершенно ясная и откровенная формулировка целей нападения на СССР. Разумеется, она далеко не исчерпывает этих целей. Не в одном лишь грабеже продовольствия заключалась эта цель и далеко не одним продовольствием ограничивался этот грабеж. Но ведь это выдержка из «папки сельскохозяйственных фюреров», а грабительские задания получали и выполняли не только они одни.

В целом «папка» содержит следующие разделы тщательно продуманной и весьма конкретной программы ограбления сельского хозяйства Советского Союза. Читаю оглавление. Господа судьи найдут этот документ на странице 67 тома документов.

«1. 12 заповедей.

2. Основные сельскохозяйственные директивы.

3. Схема организации.

4. Инструкция для окружных сельскохозяйственных фюреров.

5. Инструкция по обеспечению кадрами.

6. Совхоз: директивы о приемке совхозов и ведении хозяйства в них.

7. Колхоз: директивы о приемке колхозов и ведении хозяйства в них.

8. МТС (машинно-тракторные станции): директивы о приеме и ведении хозяйства.

9. Директивы об учете.

10. Продовольственное снабжение города.

11. Сроки сельскохозяйственных работ.

12. Таблица цен».

Я не стану, господа судьи, отнимать у вас время оглашением всего этого документа, занимающего 98 страниц машинописного текста. Я представляю его полностью Трибуналу для приобщения к материалам процесса.

Из документа, уже представленного Трибуналу моими американскими коллегами 10 декабря 1945 г. под номером США-147, я оглашу только несколько строк. Этот документ представляет собой запись выступления Розенберга на закрытом совещании 20 июня 1941 г., посвященном «вопросам Востока». Розенберг тогда, в частности, заявил:

«...Немецкое народное питание в эти годы стоит, несо-

мненно, во главе германских требований на Востоке, и в этом отношении южные области и Северный Кавказ должны будут послужить для выравнивания немецкого продовольственного положения. Мы отнюдь не признаем себя обязанными за счет этих плодородных районов кормить также и русский народ. Мы знаем, что это жестокая необходимость, выходящая за пределы всяких чувств. Несомненно, будет необходима весьма широкая эвакуация, и русским, определенно, предстоит пережить очень тяжелые годы...»

Так руководители гитлеровской Германии формулировали задачи, которые они ставили перед собой, готовя нападение на Советский Союз.

Уже позднее, в августе 1942 года, а именно 26—28 августа, на совещании в Ровно выступил только что прибывший из ставки Гитлера гаулейтер Кох. В архиве Розенберга обнаружена запись этого совещания. Этот документ был передан нам американским обвинением, по регистрации которого он проходит под номером ПС-264, но Суду представлен не был. Оглашаю выдержку из этой записи. Господа судьи могут ее найти на странице 74 тома документов. Читаю:

«Он (Кох) следующим образом изложил политическую точку зрения и свои задачи как рейхскомиссара: «Нет никакой свободной Украины. Цель нашей работы должна заключаться в том, что украинцы должны работать на Германию, а не в том, чтобы мы делали этот народ счастливым. Украина должна дать то, чего не хватает Германии. Эта задача должна быть выполнена, невзирая на потери... Фюрер потребовал с Украины три миллиона тонн зерна для Германии, и они должны быть поставлены...»

Позже я докажу, насколько эта первоначально намеченная цифра — три миллиона тонн зерна — была перевыполнена гитлеровскими грабителями, алчные аппетиты которых возрастали из месяца в месяц.

Все эти грабительские установки были заранее запланированы и продуманы преступным гитлеровским правительством, причем была разработана организационная схема специального аппарата для проведения организованного грабежа и намечены конкретные методы ограбления оккупированных территорий.

Сейчас я, с разрешения Суда, оглашу выдержки из секретного документа рейхсмаршала Геринга. Документ этот был захвачен частями Красной Армии и носит наименование: «Директивы по руководству экономикой» («Зеленая папка») и частично уже упоминался здесь. Советским обвинением этот документ представлен Трибуналу под номером СССР-10.

На титульном листе этого документа значится (господа судьи найдут этот документ на странице 76 тома документов):

«Восточный штаб экономического руководства. Секретный документ командования. Примечание: Настоящие директивы до икс-дня следует рассматривать как секретный документ командования (документы государственной важности), а после икс-дня — как несекретный, предназначенный только для служебного пользования.

Директивы по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях («Зеленая папка»).

Часть 1. Задачи и организация экономики. Берлин, июнь 1941 г. Напечатано верховным командованием вооруженными силами».

Как явствует из текста документа, эти «директивы» изданы непосредственно перед нападением гитлеровской Германии на Советский Союз и предназначены «...для ориентации военного командования и военно-хозяйственных инстанций в области экономических задач в подлежащих оккупации восточных областях».

Излагаю «Главные экономические задачи» директивы:

«1. Согласно приказам фюрера необходимо принять все меры к немедленному и полному использованию оккупированных областей в интересах Германии. Все мероприятия, которые могли бы воспрепятствовать достижению этой цели, должны быть отложены или вовсе отменены.

2. Использование подлежащих оккупации районов должно проводиться в первую очередь в области продовольственного и нефтяного хозяйства. Получить для Германии как можно больше продовольствия и нефти — такова главная экономическая цель кампании. Наряду с этим германской военной промышленности должны быть даны и прочие сырьевые продукты из оккупированных областей, насколько это технически возможно и с учетом сохранения промышленности в этих областях».

Я опускаю дальнейшую часть этой выдержки и перехожу, в целях сокращения времени, к оглашению следующей выдержки, которую господа судьи найдут в томе документов на стр. 78. Читаю:

«Совершенно неуместно мнение о том, что оккупированные области должны быть возможно скорее приведены в порядок, а экономика их восстановлена. Напротив, отношение к отдельным частям страны должно быть чрезвычайно разнообразным. Восстановление порядка должно производиться только в тех областях, в которых мы можем добыть значительные резервы сельскохозяйственных продуктов и нефти».

Этот выработанный заранее план организованного ограбления Советского Союза далее подробно предусматривает вывоз в Германию из СССР всего сырья, всех обнаруженных товарных фондов и запасов, а также поголовное ограбление гражданского населения. В доказательство я цитирую выдержки из этого документа, чтобы не оглашать его целиком. Читаю:

«Все нужные нам сырьевые товары, полуфабрикаты и готовую продукцию следует изымать из торговли путем приказов, реквизиций и конфискаций...

Немедленный сбор и вывоз в Германию платины, магния и каучука...

Выявленные в прифронтовой полосе и тыловых областях продукты питания, а также средства бытового и личного потребления и одежды поступают в первую очередь в распоряжение военно-хозяйственных отделов...»

В разделе «директив» под наименованием «Организация экономики» приведена схема специально создаваемого и широко разветвленного аппарата, который должен был осуществлять это запланированное и организованное ограбление Советского Союза.

Оглашаю ряд выдержек из этого раздела, которые господа судьи найдут на странице 79 тома документов. Читаю:

«Общие вопросы. Для обеспечения единого руководства экономикой на театре военных действий, а также в административных областях, которые были созданы, рейхсмаршал организовал «Восточный штаб экономического руководства», подчиненный непосредственно ему и возглавляемый представителем рейхсмаршала статс-секретарем Кернером...

Указания рейхсмаршала распространяются на все области экономики, включая продовольствие и сельское хозяйство».

Обращая Ваше внимание, господа судьи, на эти выдержки, я считаю установленным, что подсудимый Геринг не только лично возглавил подготовку ограбления частной, общественной и государственной собственности, но и в дальнейшем непосредственно руководил огромным, специально для этих преступных целей созданным аппаратом.

О схеме построения этого аппарата Вы можете судить хотя бы по следующим выдержкам из «Зеленой папки». Читаю:

«Организация экономики на театре военных действий.

1. Военно-хозяйственные учреждения восточного экономического штаба, поскольку их деятельность протекает на театре военных действий, входят в состав армейских штабов...

а) В тылу армейской группы:

По одной хозяйственной инспекции при командующих тылом армейской группы.

По одной или нескольку хозяйственных команд при охранных дивизиях.

По одной хозяйственной группе при полевых комендатурах.

б) В армейском тылу:

По одному хозяйственному отделу (или офицеру связи

от управления военного хозяйства и вооружения) при главном командовании армией.

По одной хозяйственной группе при находящейся в районе армии полевой комендатуре, которая подчиняется командованию армией; кроме того, по мере надобности в район армии посылаются хозяйственные команды, подчиненные в военном отношении главному командованию армией».

Далее, в параграфе 4 этого же раздела под названием «Структура отдельных хозяйственных учреждений» приведена вся схема построения восточного экономического штаба. Я изложу ее своими словами в целях сокращения времени. Господа судьи найдут документ, на который я ссылаюсь, на обороте страницы 79 тома документов.

Начальник экономического штаба с группой по руководству;

группа «Ла», ведающая продовольственным снабжением и сельским хозяйством, распоряжающаяся «всей сельскохозяйственной продукцией, а также заготовками припасов для войск»;

группа «В», ведающая промышленностью, сырьем, лесным, финансовым и банковским хозяйством, имуществом и торговлей;

группа «М», ведающая экономикой промышленности вооружений и транспортным хозяйством;

хозяйственные инспекции при армейских группах, руководящие «экономической эксплуатацией тылового района»;

хозяйственные команды, организуемые в районе расположения каждой охранной дивизии, состоящие из специальных офицеров и нескольких специалистов по отдельным отраслям работы, а также имеющие особые подразделения «по сохранению орудий производства» и «по сохранению сырья»;

хозяйственные группы при полевых комендатурах, в обязанности которых входит (цитирую): «удовлетворение текущих потребностей войск, расположенных в районе деятельности полевой комендатуры, а также подготовка экономической эксплуатации страны для нужд военного хозяйства». Этим хозяйственным группам придаются специалисты по использованию рабочей силы, продовольственному снабжению и сельскому хозяйству, промышленной экономике и общим экономическим вопросам;

хозяйственные отделы при главном командовании армией со специальными техническими батальонами, взводами, а также с особыми «разведывательными подразделениями по промышленной экономике» (в особенности по сырью и нефти) и «подразделениями для выявления и охраны сельскохозяйственных продуктов и машин, включая и тракторы».

Эта же схема и структура предусматривает специаль-

ные технические подразделения по нефти (батальоны или роты), а также так называемые роты по горному делу и т. п.

Таким образом, под непосредственным руководством подсудимого Геринга была заранее предусмотрена, подготовлена, обучена и вымуштрована целая армия грабителей всех рангов и специальностей для организованного расхищения и разграбления народного достояния СССР.

Чтобы не отнимать у вас время, господа судьи, на оглашение всего текста «Зеленой папки», я ограничусь лишь перечислением ее остальных разделов, носящих следующие наименования:

«Проведение в жизнь отдельных экономических задач».

«Хозяйственные перевозки».

«Задачи военной охраны хозяйства».

«Снабжение войск из ресурсов страны».

«Использование рабочей силы, привлечение местного населения».

«Военные трофеи, платные услуги, военная добыча, призовые суды».

«Экономические задачи в области военной промышленности».

«Сырье и использование товарных ресурсов».

«Финансы и кредитное хозяйство».

«Внешняя торговля и взаимные платежи».

«Регулирование цен».

Таким образом, было предусмотрено ограбление решительно всех областей народного хозяйства СССР.

В заключение я оглашаю приказ Кейтеля, датированный 16 июня 1941 г., в котором он за шесть дней до нападения на СССР предписывал всем войсковым частям германской армии принять к исполнению все директивы «Зеленой папки». В Вашем томе документов, господа судьи, он находится на обороте страницы 89. Цитирую:

«По поручению фюрера рейхсмаршал издал «Директивы по руководству экономикой» в подлежащих оккупации областях.

Эти директивы предназначены для ориентации военного руководства и хозяйственных инстанций в области экономических задач в подлежащих занятию восточных областях. Они содержат указания о снабжении войск из ресурсов страны и дают указание войсковым частям об оказании помощи хозяйственным органам. Эти указания и распоряжения должны выполняться войсковыми частями.

Немедленная и полная эксплуатация оккупированных областей в интересах военной экономики Германии, в особенности в области продовольственного и нефтяного хозяйства, имеет исключительное значение для дальнейшего ведения войны».

Я опускаю вторую часть этого приказа, в котором конкретно излагается, как должны выполняться директивы «Зе-

леной папки», и зачитываю последний абзац приказа Кейтеля.

«При помощи полевых и местных комендатур, организованных в наиболее важных сельскохозяйственных и нефтяных районах, эксплуатация страны должна быть проведена в широких масштабах. Кейтель».

Заключительная фраза этого документа о том, что «эксплуатация страны должна быть проведена в широких масштабах», была принята к исполнению частями германской армии, и оккупированные области Советского Союза с первых же дней войны подверглись самому беспощадному ограблению.

В подтверждение этого я позже представлю Суду ряд подлинных немецких документов: приказов, инструкций, распоряжений и т. п., исходящих от различных немецких военных инстанций.

А пока, чтобы закончить с «Зеленой папкой», я могу в заключение констатировать, что этот разительный документ — убедительное свидетельство недюжинной грабительской квалификации и огромного разбойничьего опыта гитлеровских заговорщиков.

Широко задуманная и детально разработанная заговорщиками программа ограбления оккупированных территорий Советского Союза начала осуществляться гитлеровскими захватчиками буквально с первых же дней нападения на СССР.

Помимо организованного грабежа, осуществляемого специально для этой цели созданным огромным аппаратом всевозможных «сельскохозяйственных фюреров», «инспекторов», «специалистов» по экономике, «технических» и «разведывательных» батальонов и рот, хозяйственных групп и отрядов, «военных агрономов» и т. п., широко поощрялась гитлеровским правительством и верховным командованием германской армии так называемая «материальная заинтересованность» немецких солдат и офицеров, получивших неограниченные возможности грабить советское гражданское население и отправлять свою «добычу» в Германию.

Всеобщее и поголовное ограбление городского и сельского населения оккупированных территорий и массовый вывоз в Германию личного имущества советских граждан, а также колхозного, кооперативного и государственного имущества проводились повсеместно, где только появлялись немецко-фашистские захватчики, по заранее обдуманному плану, заранее подготовленными методами.

Я перехожу, господа судьи, к оглашению отдельных документов Советского правительства по этому вопросу.

Уже через несколько месяцев после вероломного нападения гитлеровской Германии на СССР Советское правительство получило ряд бесспорных данных о военных преступлениях, чинимых гитлеровскими войсками на

захваченных ими советских территориях. Трибуналу уже представлена моими коллегами под номером СССР-51 нота Народного комиссара иностранных дел СССР от 6 января 1942 г. Чтобы избежать повторения, а также в целях сокращения времени я оглашу лишь некоторые выдержки из этой ноты, непосредственно относящиеся к теме моего выступления. Вы найдете цитируемые мною места на обороте страницы 99 тома документов.

«Каждый шаг германо-фашистской армии и ее союзников на захваченной советской территории Украины и Молдавии, Белоруссии и Литвы, Латвии и Эстонии, карело-финской территории, русских районов и областей несет разрушение и уничтожение бесчисленных материальных и культурных ценностей».

Последний абзац этой цитаты:

«В занимаемых германскими властями деревнях мирное крестьянское население подвергается безудержному грабежу и разбою. Крестьяне лишаются своего имущества, нажитого упорным трудом целых десятилетий, лишаются избы, скота, хлеба, одежды — всего, вплоть до последней детской рубашонки, до последней горсти зерна. Во многих случаях сельское население, включая стариков, женщин и детей, сразу же после занятия села изгоняется немецкими оккупантами из своих жилищ и вынуждено ютиться в землянках, в земляных щелях, в лесу или просто под открытым небом. Оккупанты среди белого дня на дорогах раздевают и разувают первых встречных, в том числе и детей, жестоко расправляясь со всеми, кто пытается протестовать или оказывать грабежу какое-либо сопротивление.

В освобожденных Красной Армией селах Ростовской области и Ворошиловградской области, на Украине, крестьяне подвергались со стороны оккупантов неоднократному ограблению, когда через данную местность проходили разные немецкие воинские части и каждая из них возобновляла обыски, разбои, поджоги, расстрелы за несдачу продовольствия. То же самое имело место в Московской, Калининской, Тульской, Орловской, Ленинградской и других областях, откуда сейчас войсками Красной Армии изгоняются остатки войск немецких захватчиков».

В целях экономии времени я не буду оглашать дальнейшие абзацы этой ноты и лишь своими словами доложу Суду, что в них приводится целый ряд совершенно конкретных фактов ограбления мирного населения различных районов, деревень и областей Советского Союза с упоминанием фамилий ограбленных и тех вещей и имущества, которое у этих мирных жителей было разграблено.

Далее в ноте указывается:

«Грабительская оргия германских офицеров и солдат распространилась по всем захваченным ими советским районам. Германские власти узаконили мародерство в своей армии и поощряют эти грабежи и насилия. Германское правительство видит в этом осуществление провозгла-

шенного им бандитского «принципа», согласно которому у каждого германского вояки должна быть «личная материальная заинтересованность в войне». Так, еще в секретной инструкции от 17 июля 1941 г., обращенной ко всем командирам рот пропаганды германской армии и обнаруженной частями Красной Армии при разгроме 68-й пехотной германской дивизии, прямо указывается на необходимость «воспитывать у каждого офицера и солдата германской армии чувство личной материальной заинтересованности в войне...» Такого же рода приказы, толкающие армию на массовые грабежи и убийства в отношении мирного населения, издаются и в других армиях, воюющих в союзе с Германией...

На германо-советском фронте, и в частности на подступах к Москве, все больше встречается офицеров и солдат, одетых в награбленную одежду, с ворованными вещами в карманах, везущих в танках содранную со своих жертв женскую и детскую одежду, обувь и белье. Германская армия все больше превращается в армию хищных грабителей и мародеров, которые разоряют и грабят цветущие города и села Советского Союза, расхищают и уничтожают имущество и всякое добро, нажитое трудовым населением наших сел и городов. Факты свидетельствуют о крайней моральной деградации и разложении гитлеровской армии, заслужившей за свои грабежи, воровство и мародерство гневное проклятие и презрение всего советского народа».

Через несколько месяцев, 27 апреля 1942 г., в связи с продолжающими поступать данными о преступлениях, чинимых немецко-фашистскими войсками, Народный комиссар иностранных дел СССР вторично опубликовал ноту «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления».

И эта вторая нота представлена Трибуналу...

Председатель: *Что Вы имеете в виду, когда говорите «опубликовал»?*

Шейнин: *Это значит, что эта нота была, во-первых, послана всем правительствам, с которыми СССР находился в дипломатических отношениях, и, кроме того, текст этой ноты был напечатан в советской официальной прессе.*

Суду этот документ уже представлен советским обвинением под номером СССР-51. Я также в сокращенном виде зачитаю несколько выдержек, относящихся к теме моего выступления.

Я оглашаю выдержки из ноты Народного комиссара иностранных дел от 27 апреля 1942 г., причем в целях сокращения я, с разрешения господина председателя, постараюсь огласить лишь наиболее существенные и очень короткие извлечения из этой ноты. В этой ноте обращалось внимание на то, что новые данные, поступившие в распоряжение Народного комиссариата иностранных дел, и доку-

менты, попавшие в руки советских властей, свидетельствуют о преднамеренном характере грабежей, учиненных гитлеровцами. Цитирую: «В приложении к специальному приказу оперативного отдела генерального штаба германской армии за № 4761/41 указывается:

«Необходимо путем принудительного обложения населения занятых областей любыми способами добывать одежду. Прежде всего необходимо забирать шерстяные и кожаные перчатки, пальто, жилеты и шарфы, ватные жилеты и брюки, кожаные и валяные сапоги, портянки»....

В ряде освобожденных пунктов Курской и Орловской областей обнаружен приказ, которым предписывается:

«Имущество, как-то: весы, мешки, зерно, соль, керосин, бензин, лампы, кастрюли, клеенки, шторы, занавески, ковры, патефоны с пластинками — должно быть доставлено в комендатуру. Виновные в нарушении данного приказа будут расстреливаться»...

В городе Истре Московской области оккупанты «конфисковали» детские елочные украшения и игрушки. На станции Шаховская они организовали «сдачу» жителями детского белья, стенных часов, самоваров. В районах, еще находящихся во власти оккупантов, продолжаются обыски и ограбление населения, уже доведенного до нищеты разбоем, который не прекращается с первого же часа появления германских войск».

Я опускаю несколько абзацев и заканчиваю последним извлечением из этой ноты.

«Повсеместный характер запланированного гитлеровским правительством разбоя, на котором германское командование стремится построить снабжение своей армии и тыла, характеризуется следующими фактами. Только по 25 районам Тульской области оккупанты отобрали у советских граждан 14 048 коров, 11 860 свиней, 28 459 овец, 213 678 кур, гусей и уток и уничтожили 25 465 пчело-семей».

Я опускаю дальнейшее перечисление имущества, скота и птицы, отобранных оккупантами в 25 районах Тульской области.

Господа судьи! В оглашенных мною нотах изложены лишь немногие факты бесчисленных злодеяний и грабежа, совершенных гитлеровцами на советской земле. С разрешения Суда я представляю теперь несколько немецких документов, из которых Вы увидите, как характеризовали поведение своих солдат сами немецкие командиры и чиновники.

Я оглашу позже откровенные высказывания немецко-фашистских главарей о том, что не следует мешать немецким солдатам и офицерам в их мародерской деятельности. Естественно, что при этих условиях моральное разложение немецко-фашистских войск достигло своего апогея. Дело доходило до того, что гитлеровцы стали уже грабить друг друга по известной русской поговорке «вор у вора дубинку украл».

Позвольте мне сейчас огласить несколько выдержек из документа, который я представляю Трибуналу под номером СССР-285.

Вот выдержка из донесения немецкого областного комиссара города Житомира генеральному комиссару Житомира от 30 ноября 1943 г. Вы найдете этот документ, на который я ссылаюсь, на странице 93 тома документов. Читаю:

«...Еще до того, как германская администрация оставила Житомир, можно было наблюдать, как расквартированные здесь части взламывали квартиры имперских немцев и присваивали себе все сколько-нибудь ценное. При этом похищался даже личный багаж тех немцев, которые еще работали в своих учреждениях. Когда город был снова захвачен, было установлено, что квартиры немцев почти не подвергались ограблению со стороны местного населения, но что войска, только что начавшие вступать в город, уже приступили к расхищению квартир и заводов...»

Оглашаю вторую выдержку из этого же документа:

«Солдаты не довольствуются тем, что забирают себе все годное оборудование, но частично разрушают тот инвентарь, который остается, жгут ценную мебель несмотря на то, что имеется достаточно дров...»

Теперь я оглашу выдержку из донесения немецкого областного комиссара города Коростышева генеральному комиссару Житомира. Эту выдержку господа судьи найдут на странице 94 тома документов. Читаю:

«...Поведение немецких солдат, к сожалению, было плохим. В отличие от русских они взламывали склады еще тогда, когда фронт был далеко. Зерно, в том числе семенной фонд, расхищалось в огромном количестве. Это еще можно допустить в отношении сражающихся частей... После возвращения наших войск в Попельню склады были немедленно взломаны. Гебитс и крейсландвирт затем снова забили двери, которые, однако, снова были взломаны солдатами...»

Оглашаю другие выдержки из этого документа:

«...Крейсландвирт доложил мне, что молочная ферма разграблена отступающими частями: масло, сыр и т. д. солдаты унесли с собой...

На глазах украинцев был разграблен кооператив, и солдаты прихватили с собой еще, между прочим, и кассу магазина...

У кооператива 9-го и 10-го числа был выставлен пост полевой жандармерии. Пост не смог устоять против натиска солдат...»

Последняя выдержка.

«...Свиньи и птица самым безответственным образом закалывались и забирались солдатами... Войсковые части представляли собой катастрофическую картину».

Так, господа судьи, характеризует поведение немецких

солдат немецкий же комиссар в своем официальном донесении.

В объективности этой характеристики можно не сомневаться, тем более, что она весьма красочно дополняется официальным донесением немецкого «Общества по хозяйственному освоению Украины», адресованным генеральному комиссару Житомира; вот как описывается в этом письме «результат» налета немецких солдат на служебное помещение общества. Читаю:

«...Учреждение находилось в опустошенном и невообразимом состоянии...

...Жилой дом по Хауптштрассе № 57 (20 комнат) имел устрашающий вид. Не хватало ковров, половиков, отсутствовали все мягкие кресла и кушетки, кровати с пружинными матрацами, стулья и деревянные кресла... Состояние, в котором находились эти жилые помещения, трудно описать».

Таков, господа судьи, этот «крик души» немецких грабителей из «Общества по хозяйственному освоению Украины», жалующихся на грабителей из германской армии.

Чтобы показать, что такие факты имели место не только в городах Житомире и Коростышеве, я приведу Вам еще одно донесение, на этот раз комиссара Казатинской области, в котором написано буквально следующее. Читаю:

«...Немецкие солдаты воровали продукты, скот, повозки».

После этого лаконичного, но выразительного вступления следуют не менее выразительные подробности. Читаю:

«Старший ефрейтор потребовал от комиссара области, угрожая пистолетом, отдать ключи от амбара... В ответ на мое заявление, что ключ в моем кармане, он заревел: «Отдай ключ!», — вытащил пистолет, приставил к моей груди и закричал: «Я пристрелю вас, вы — саботажник», — и при этом употребил еще другие ругательства. Он насильно залез ко мне в карман и выхватил ключ со словами: «Лишь я один могу распоряжаться. Вы — зондерфюрер, или как вас там... Можете только яйца и вещи отсылать на родину». Это произошло в присутствии большого числа немцев и украинцев».

Об этом же факте сообщается и в отчете доктора Мойзиха от 4 декабря 1943 г.

Все эти документы представляются Трибуналу.

Сейчас, господа судьи, я перехожу к оглашению выдержек из Актов и Сообщений Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Я прошу Суд разрешить мне, в целях экономии времени, оглашать лишь незначительные выдержки из этих актов, передавая остальное в свободном изложении.

Трибуналу уже представлено под номером СССР-45 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о

разрушениях, грабежах и злодеяниях, учиненных гитлеровцами в городе Ровно и Ровенской области. В соответствующем разделе этого документа указывается:

«В течение всего периода своего пребывания в Ровно и Ровенской области гитлеровские офицеры, солдаты и чиновники безудержно грабили мирных советских граждан и растаскивали имущество культурно-просветительных учреждений...»

В Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях, совершенных гитлеровцами в Киеве, уже представленном Трибуналу под номером СССР-9, указывается, что гитлеровцы в Киеве грабили мирное население. Цитирую краткую выдержку из этого Сообщения:

«Немецкие оккупанты в городе Киеве разграбили и вывезли в Германию оборудование промышленных предприятий».

Следуя указаниям преступного германского правительства и верховного командования германской армии, сателлиты гитлеровской Германии также принимали участие в грабеже и других злодеяниях.

Румынские войска, временно оккупировавшие Одессу, в соответствии с установками своих немецких хозяев и совместно с немецкими военными подвергли ограблению этот цветущий город. В Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях, совершенных немецко-румынскими захватчиками в Одессе, наряду с прочим, указывается:

«За время своего хозяйничания румыны причинили народному хозяйству Одессы большой ущерб...

Немецко-румынские захватчики отобрали у колхозов и колхозников и вывезли в Румынию 1 042 013 центнеров зерна, 45 227 лошадей, 87 646 голов крупного рогатого скота, 31 821 свинью» и т. д.

В Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии «О разрушениях, причиненных немецко-фашистскими захватчиками промышленности, городскому хозяйству, культурно-просветительным учреждениям Сталинской области», уже представленном Трибуналу под номером СССР-2, также приведены многочисленные факты разграбления и вывоза в Германию различного заводского оборудования этого крупнейшего промышленного района.

Я привел всего несколько Сообщений Чрезвычайной Государственной Комиссии по некоторым областям Украины. Эта цветущая советская республика была подвергнута гитлеровцами самому безудержному разграблению. Гитлеровские заговорщики рассматривали Украину как один из самых лакомых кусков и обирали ее богатства с исключительной алчностью.

Я хочу огласить несколько немецких документов в подтверждение вышесказанного.

В письме Розенберга на имя рейхслейтера Бормана от

17 октября 1944 г. (этот документ, господа судьи, 17 декабря представлен американским обвинением за номером США-338) сообщается, что «Восточное центральное торговое общество сельскохозяйственного спроса и предложения» лишь за период с 1943 г. по 31 марта 1944 г. направило в Германию (читаю)

«Злаковые	9 200 000	тонн
мясо и мясопродукты	622 000	"
масличные культуры	950 000	"
масло	208 000	"
сахар	400 000	"
объемный фураж	2 500 000	"
картофель	3 200 000	"
семена	141 000	"
прочие сельскохозяйственные продукты	1 200 000	"
яйца	1 075	миллионов штук».

Так рапортовал подсудимый Розенберг ближайшему помощнику Гитлера о своих «хозяйственных достижениях».

Следует заметить, что еще на первом году войны аппетиты гитлеровцев в части ограбления Украины были настолько велики, что вызывали сомнение даже в их собственной среде.

Я оглашу отрывок из письма инспектора по вооружению на Украине, адресованного начальнику управления военной экономики и вооружения ОКВ генералу Томасу. Письмо датировано 2 декабря 1941 г. Этот документ представлен моими американскими коллегами 14 декабря за номером США-290. Цитирую:

«Изъятие из Украины сельскохозяйственных излишков в целях снабжения рейха поэтому мыслимо при условии, если внутреннее потребление на Украине будет доведено до минимума. Это будет достигнуто следующими мерами: 1) уничтожением лишних едоков (евреев, населения крупных украинских городов, которые, как Киев, вообще не получают никакого продовольствия); 2) путем предельного сокращения продовольственной нормы украинцев — жителей других городов; 3) уменьшением продовольственного потребления крестьянского населения».

Изложив эту программу, автор далее впадает в размышления и пишет:

«Если украинец обязан работать, то мы должны обеспечить его физическое существование отнюдь не из сентиментальных чувств, а из трезвого хозяйственного расчета».

Имперский комиссар Украины Кох неуклонно проводил политику беспощадного разграбления Украины. Позже я приведу Вам ряд новых документов, также подлинных, в подтверждение вышесказанного. Политика Коха была полностью одобрена гитлеровским правительством.

Следует отметить, что в начале войны организация ограбления оккупированных территорий СССР проводи-

лась в соответствии с указаниями, которые содержались в уже упомянутой «Зеленой папке».

Я предъявляю Трибуналу за номером СССР-13 письмо Геринга от 6 сентября 1941 г. по вопросу «Инспекция по охвату и использованию сырья». В этом письме Геринг, между прочим, писал. Читаю:

«Военное положение требует, чтобы найденные во вновь занятых восточных областях запасы сырья были переданы чрезвычайно срочно для использования немецкой военной промышленности. Определяющим для этого служит «руководство для ведения хозяйства в оккупированных восточных областях» («Зеленая папка»).

Однако в дальнейшем, когда в ряде оккупированных областей, и в частности на Украине, гитлеровцы создали свою, так называемую гражданскую администрацию и организовали ряд специальных хозяйственных обществ, началась грызня между многочисленными немецкими военными и гражданскими органами и учреждениями, каждое из которых занималось ограблением оккупированных областей.

Розенберг, как рейхсминистр оккупированных восточных областей, стал добиваться, чтобы на Украине были ликвидированы военно-хозяйственные организации с передачей их функций немецкой гражданской администрации.

Я предъявляю Суду под номером СССР-180 конспект доклада для статс-секретаря Кернера по этому вопросу, датированный 3 декабря 1943 г. Читаю:

«Содержание: 1) Хозяйственная администрация в оккупированных восточных областях.

2) Общий хозяйственный штаб по делам оккупированных областей.

1. Министр Розенберг в письме от 20 ноября 1943 г., направленном рейхсмаршалу и доставленном в копии начальнику штаба ОКВ и начальнику партийной канцелярии, поставил следующие требования:

1) Для Украины

а) Ликвидация еще существующих военно-хозяйственных организаций.

б) Отмена института начальников хозяйственных управлений групп армий, военные задачи которых должен снова принять на себя в дальнейшем оберквартирмейстер.

в) На случай оставления начальников хозяйственных управлений групп армий: упразднить работу по совместительству экспертов при рейхскомиссаре и одновременно при начальнике управления хозяйством группы армий».

Я опускаю дальнейшие выдержки из конспекта доклада для Кернера. Далее в этом же конспекте приведены подробные возражения генерала Штапфа, представленные им

Кейтелю, в которых Штапф критикует предложения Розенберга и высказывается за сохранение хозяйственного штаба «Ост».

Теперь, с разрешения Суда, я предъявляю под номером СССР-174 другой подлинный документ, представляющий собою сопроводительное письмо «Постоянного представителя имперского министра оккупированных восточных областей» в адрес статс-секретаря Кернера по тому же вопросу. К этому письму приобщены письменные предложения Розенберга, в которых он снова настаивает, чтобы вся хозяйственная деятельность была передана его министерству. Поскольку это довольно большой документ и я его представил в подлиннике, прошу разрешения Суда его не зачитывать, ибо существо его состоит именно в том, о чем я уже доложил Суду, а именно в предложении Розенберга.

По-видимому, на предложения Розенберга желаемого ответа не было, и поэтому 24 января 1944 г. он вновь обратился к Герингу с письмом по этому же вопросу. Это письмо я представляю Трибуналу за номером СССР-179. В этом письме Розенберг предлагает (оглашаю короткую цитату, она находится на странице 151 тома документов) «...в целях проведения бесперебойной работы с меньшим количеством штатов упразднить экономический штаб «Ост» со всеми подчиненными ему учреждениями, а также передать подведомственной мне администрации хозяйственное управление оккупированными восточными областями».

Геринг ответил на это письмом от 14 февраля, которое я представляю Трибуналу под тем же номером СССР-179. Читаю:

«Дорогой товарищ по партии Розенберг. Мною на днях получено Ваше письмо от 24 января 1944 г., касающееся хозяйственной администрации в оккупированных восточных областях. Ввиду того, что за это время рейхскомиссариат Украины почти полностью стал районом боевых действий, считаю целесообразным перенести совещание о проектируемой форме хозяйственного управления до окончательного выяснения оперативного положения».

Таким образом, господа судьи, притязания Розенберга встречали сопротивление других германских инстанций, упорно не желавших выпускать из своих рук столь лакомую «хозяйственную деятельность». Но, в свою очередь, и Розенберг не сдавался и продолжал упорно настаивать на своем. Я предъявляю в подтверждение этого документ за номером СССР-173, представляющий собой письмо Розенберга Герингу от 6 марта 1944 г. В этом письме Розенберг, ссылаясь на опыт Белоруссии, лишний раз настаивает на своих предложениях. Я не стану оглашать длинного текста этого письма, поскольку оно целиком представляется Трибуналу. Но Геринг продолжал сомневаться и так и не решил вопрос в пользу Розенберга. Тогда последний ровно через месяц после отправки только что упомянутого пись-

ма, уже 6 апреля 1944 г., снова обратился к Герингу с очередным посланием. Этот документ я предъявляю Трибуналу под номером СССР-176. Позвольте его также не оглашать, ибо содержание его сводится только к этому, но там дана довольно пространная мотивировка, которая нас в данном случае вряд ли интересует.

Таким образом, господа судьи, когда Красная Армия начала уже наносить последние сокрушительные удары по немецко-фашистским полчищам, гитлеровцы в азарте дележа продолжали еще этот затянувшийся спор.

Я полагаю, мне нет нужды доказывать, что пока шел этот торг, оккупированные области лихорадочно разграблялись как военными, так и гражданскими немецкими органами.

Теперь, господа судьи, я вкратце приведу выдержки из Сообщений Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях гитлеровских захватчиков в Литовской, Латвийской и Эстонской советских республиках, также подвергшихся беспощадному ограблению со стороны немецко-фашистских захватчиков. Все эти Сообщения уже представлены Трибуналу советским обвинением.

В Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях гитлеровцев в Литовской ССР, наряду с прочим, указывается (цитирую):

«В результате хозяйничания гитлеровских захватчиков по неполным данным лишь по 14 уездам Литовской ССР поголовье скота и птицы по сравнению с 1940—1941 гг. сократилось: по лошадям на 136 140 голов, по крупному рогатому скоту — на 565 995 голов, по свиньям — на 463 340 голов...»

В Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях, совершенных немецкими захватчиками в Латвийской ССР, наряду с прочим, указывается:

«Немцы разграбили в Латвии все машинно-тракторные станции и, по далеко не полным данным, вывезли в Германию 700 тракторов, 180 автомашин, 4057 плугов, 2815 культиваторов, 3532 бороны...»

Вторая цитата:

«В результате разорения немецкими захватчиками сельского хозяйства в Латвии уменьшилось поголовье скота: на 127 300 лошадей, на 443 700 голов крупного рогатого скота, на 318 200 свиней, на 593 800 овец».

Далее я зачитаю краткие выдержки из Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии по Эстонской ССР. Читаю:

«Немецкие захватчики безудержно грабили сельское население Эстонии. Ограбление проводилось в форме взиманий с крестьян различного вида принудительных поставок сельскохозяйственных продуктов.

Нормы сдачи сельскохозяйственной продукции, установленные немцами, были огромны...

Немцы отобрали у крестьян и угнали в Германию лоша-

дей 107 тысяч голов, коров — 31 тысячу голов, свиней — 214 тысяч голов, домашней птицы — 790 тысяч голов. Они разграбили около 50 тысяч пчелосемей...

Гитлеровцы отобрали лично принадлежавшие крестьянству 1000 молотилок, 600 молотильных моторов, 700 локомобилей, 350 тракторов и 24 781 других сельскохозяйственных машин».

Господа судьи, такую же политику разграбления частной, общественной и государственной собственности немецко-фашистские захватчики проводили и в оккупированных областях Белоруссии, Молдавской и Карело-Финской союзных республик и Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

Различные воинские соединения и организации в разных районах Советского Союза и в разные периоды войны действовали, однако, одними и теми же грабительскими методами, по одному и тому же преступному плану, в одних и тех же преступных целях. Этот план разработали, эти цели определили, эти преступления организовали главные военные преступники, сидящие на скамье подсудимых.

В распоряжении советского обвинения имеются десятки тысяч документов по этому поводу. Предъявление все этой огромной документации Трибуналу потребовало бы столь большого количества времени, таких сроков, что крайне осложнило бы данный процесс. Поэтому, с разрешения Трибунала, я не буду дальше оглашать отдельных Актов и Сообщений Чрезвычайной Комиссии по отдельным республикам и областям, а перейду к оглашению итогового сводного Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии «О материальном ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками государственным предприятиям и учреждениям, колхозам, общественным организациям и гражданам СССР».

Этот документ я представляю Трибуналу под номером СССР-35.

Я оглашу лишь те разделы этого Сообщения, которые непосредственно относятся к теме моего выступления. В них говорится:

«Немецко-фашистские захватчики ...разорили и разграбили 98 тысяч колхозов, 1876 совхозов и 2890 машинно-тракторных станций; зарезали, отобрали или угнали в Германию 7 миллионов лошадей, 17 миллионов голов крупного рогатого скота, 20 миллионов голов свиней, 27 миллионов овец и коз, 110 миллионов голов домашней птицы».

Чрезвычайная Государственная Комиссия определила ущерб, причиненный народному хозяйству СССР и отдельным сельским и городским жителям, в сумме 679 миллиардов рублей в государственных ценах 1941 года, из них:

государственным предприятиям и учреждениям — 287 миллиардов рублей;

колхозам — 181 миллиард рублей;

сельским и городским жителям — 192 миллиарда рублей;

кооперативным, профсоюзным и другим общественным организациям — 19 миллиардов рублей.

Я опускаю последующие разделы этого Сообщения. В них говорится о том, как этот ущерб распределяется по отдельным союзным республикам. Перехожу к параграфу, в котором говорится о разрушениях колхозов, совхозов и машинно-тракторных станций. Для сокращения я приведу из этого раздела лишь отдельные выдержки:

«Сжигая села и деревни, немецкие фашисты производили всеобщее ограбление граждан этих деревень. Крестьян, сопротивлявшихся ограблению, они зверски убивали».

Дальше приводятся конкретные данные об ограблениях населения в Каменец-Подольской области, в Курской области, в колхозе «За мир и труд» Краснодарского края, в колхозе «За темпы» Сталинской области, а также в Могилевской, Житомирской и других областях.

Немецко-фашистские захватчики причинили огромный ущерб совхозам СССР. Они вывезли из них запасы сельскохозяйственной продукции, разрушали хозяйственные и другие совхозные постройки.

Другая выдержка:

«Конный завод № 62 Полтавской области в результате немецкой оккупации лишился племенного маточного поголовья русско-американских рысаков. До войны в этом конном заводе было 670 племенных лошадей. Так немцы поступили и с другими племенными совхозами».

Я опускаю остальные выдержки из этого раздела и перехожу к параграфу Сообщения, который посвящен массовому ограблению немцами советских граждан. Читаю:

«Во всех республиках, краях и областях Советского Союза, подвергавшихся оккупации, немецко-фашистские захватчики грабили сельское и городское население, отбирали имущество, ценные вещи, одежду, предметы домашнего обихода, облагали мирных жителей штрафами, налогами, контрибуциями».

Далее в этом разделе приводится целый ряд конкретных фактов ограбления советских граждан в Смоленской, Орловской и Ленинградской областях, в Днепропетровской области, в Сумской области и т. д.

С разрешения Трибунала я опускаю две страницы цитируемого текста и читаю последний абзац:

«Ограбление советского населения немецкие захватчики производили на всей территории Советского Союза, подвергавшейся оккупации.

Чрезвычайная Государственная Комиссия произвела учет ущерба, причиненного оккупационными властями советским гражданам, и установила, что немецко-фашистские захватчики сожгли и разрушили около 4 миллионов жилых

домов, составлявших личную собственность колхозников, рабочих и служащих, конфисковали у них 1,5 миллиона лошадей, 9 миллионов голов крупного рогатого скота, 12 миллионов свиней, 13 миллионов овец и коз, а также отобрали громадное количество всякого домашнего имущества».

В приведенных нотах, а также в Сообщениях Чрезвычайной Государственной Комиссии дана картина преступлений, совершенных гитлеровцами в оккупированных ими областях. Эти преступления были организованы подсудимыми.

То обстоятельство, что Геринг как рейхсмаршал и уполномоченный гитлеровского правительства по четырехлетнему плану непосредственно возглавлял всю деятельность немецких военных и гражданских оккупационных властей по подготовке и осуществлению ограбления оккупированных территорий, явствует из уже представленных мною документов.

Тем не менее я прошу мне разрешить огласить еще один последний документ по этому вопросу, а именно указ Гитлера от 29 июня 1941 г. Ранее он не представлялся, и поэтому я представляю его Трибуналу под номером СССР-287. В этом указе значится дословно следующее:

«1. Во вновь оккупированных восточных областях рейхсмаршал Герман Геринг как уполномоченный по четырехлетнему плану распоряжается в рамках присущих ему в качестве такового полномочий любыми мерами, необходимыми для максимального использования обнаруженных запасов и экономических мощностей и для развития хозяйственных сил на пользу германской военной экономики.

2. Для этого он также может отдавать непосредственно распоряжения органам вооруженных сил во вновь оккупированных восточных областях».

И, наконец, третий параграф о том, что «указ вступает в силу с сегодняшнего дня. Он должен быть опубликован по особому распоряжению».

Однако, господа судьи, исключительные полномочия, которые были предоставлены Герингу, отнюдь не означают, что другие подсудимые пассивно участвовали в организации грабежа оккупированных территорий. Все они вместе и каждый из них в отдельности развивали лихорадочную деятельность в этом направлении. Франк обирал польский народ, Розенберг орудовал на Украине и в других оккупированных районах СССР, Заукель и Зейсс-Инкварт — и тут и там, Шпеер и Функ продумывали и проводили грабительские мероприятия по линии министерств хозяйства и вооружения и т. д. Кейтель действовал по линии вооруженных сил.

В связи с этим я хочу предъявить еще два документа, относящиеся к «хозяйственной деятельности» Кейтеля, которые представляю под номером СССР-175.

29 августа 1942 г. Кейтель как начальник штаба верховного командования вооруженных сил издал следующий секретный приказ за номером 002865/42 «Об обеспечении вооруженных сил продовольствием». Я оглашаю лишь две короткие выдержки из этого приказа. Господа судьи найдут этот документ на странице 181 тома документов. Читаю:

«...Продовольственное положение германского народа требует, чтобы вооруженные силы, насколько это только возможно, делали все для облегчения его. Предпосылки для этого имеются также теперь в полном объеме в операционных и оккупированных областях Востока и Запада.

Прежде всего в оккупированных восточных областях должно обеспечиваться в будущем гораздо большее количество продовольствия и фуража, чем до сих пор...»

Читаю вторую выдержку:

«Достижение во что бы то ни стало этой цели, чтобы и в этой области вооруженными силами были созданы решающие предпосылки для завоевания победы, должно быть гордостью и почетной обязанностью всех ведомств».

В справке референтов Кларе и доктора Бергмана, датированной 19 ноября 1942 г., с заголовком «Совершенно секретно. Содержание: Снабжение вооруженных сил продовольствием» (эту справку в подлиннике я представляю Трибуналу под тем же номером СССР-175), мы находим следующую оценку результата, который дал упомянутый выше приказ Кейтеля. Оглашу только первый абзац этой справки:

«По распоряжению фюрера начальник штаба верховного командования вооруженных сил разъяснил в прилагаемом приказе от 29 августа 1942 г., что вооруженные силы должны, насколько это возможно, внести вклад для обеспечения продовольственного положения германского народа, и поэтому также со своей стороны должны заботиться в оккупированных областях, чтобы не только обеспечивать войска продовольствием из этих областей, но также и заготовить массу его для империи. Согласно этому приказу, взаимодействие между армейскими и хозяйственными организациями, к счастью, стало теснее...»

Теперь, с Вашего разрешения, я позволю себе огласить еще один документ, а именно — телеграмму Кейтеля от 8 сентября 1944 г. Этот документ я представляю Трибуналу под номером СССР-286. Читаю:

«...1) Генеральному штабу сухопутных сил (генерал-квартирмейстеру) Бюро начальника.

2) Генеральному штабу сухопутных сил (генерал-квартирмейстеру) Адм. отдел.

3) Командующему группой армий «Север».

4) Командующему группой армий «Центр».

5) Экономическому штабу «Ост».

6) Командующему 1-м военным округом.

1. Фюрер уполномочил гаулейтера Коха заняться использованием местных ресурсов в занятых войсками группы армий «Центр» частях имперского комиссариата Остланд. Фюрер далее дал указание, чтобы все германские и местные административные власти подчинялись распоряжениям гаулейтера Коха. При конфискации экономических ценностей гаулейтер Кох должен поддерживать контакт с соответствующими высшими имперскими органами.

2. Все органы вооруженных сил должны самым широким образом поддерживать гаулейтера Коха в выполнении этого задания».

Таким образом, господа судьи, даже в конце 1944 года, когда под ударами Красной Армии и ее союзников гитлеровская Германия стремительно катилась к своему окончательному поражению и оставалось всего несколько месяцев до ее полного военного и политического краха, Гитлер, Кейтель, Кох и многие другие все еще тянулись уже костенеющими пальцами к чужой собственности, к чужому добру...

Таковы данные о грабеже и мародерстве, которые совершали гитлеровские полчища на оккупированных территориях Советского Союза.

Но они грабили не только живых, они грабили и мертвецов.

Мой коллега полковник Смирнов уже привел исчерпывающие данные по этому вопросу. Я не стану их повторять и напомню об этом только с целью показать, насколько замкнут и всеобъемлющ был круг этих преступлений.

По свидетельству Раушнинга, приведенному в его книге, которая уже представлена советским обвинением Трибуналу, Гитлер как-то сказал:

«Мне нужны люди с крепким кулаком, которых не останавливают принципы, когда надо укокошить кого-нибудь. И если они сопрут при случае часы или драгоценности, — плевать мне на это».

И Гитлер нашел таких людей в лице подсудимых и их многочисленных сообщников.

Из них, как это установлено предъявленными мною документами, подсудимый Геринг в силу положения, которое он как рейхсмаршал и уполномоченный по четырехлетнему плану занимал в гитлеровском правительстве, являлся лицом, возглавлявшим всю систему преступлений, направленных на ограбление оккупированных территорий.

Вот почему представляет особый интерес стенограмма секретного совещания рейхскомиссаров оккупированных стран и областей. Это совещание было проведено 6 августа 1942 г. под председательством Геринга.

Этот документ, как и другие подлинные документы, которые я имел сегодня честь предъявить Трибуналу, были обнаружены советскими военными властями в сентябре 1945 года в Тюрингии, в городе Иене, запрятанными в одном из городских зданий.

Содержание этого разительного документа — подробное выступление Геринга и реплики гитлеровских властей оккупированных стран (в этом совещании, господа судьи, принимали участие многие из лиц, сидящих на скамье подсудимых) — таково, что мне нет нужды снабжать его какими бы то ни было комментариями. Позвольте поэтому приступить к оглашению ряда выдержек из этой стенограммы. Читаю:

«Совещание состоялось в четверг, 6 августа 1942 г., в 4 часа дня в зале Германа Геринга в министерстве авиации.

Рейхсмаршал Геринг: Вчера здесь выступали гаулейтеры. Если даже их тон и манеры были различны, то все же из выступлений всех гаулейтеров ясно следовало, что немецкому народу не хватает еды.

Господа, фюрер предоставил мне генеральные полномочия в таком размере, в каком он еще не предоставлял до сего времени в четырехлетнем плане...»

Вторая выдержка:

«...В настоящий момент Германия владеет от Атлантики до Волги и Кавказа самыми плодородными землями, какие только вообще имелись в Европе; страна за страной, одна богаче и плодородней другой, завоеваны нашими войсками. Если при этом имеются отдельные страны, которые не могут быть рассматриваемы в качестве житниц, то я вспоминаю только непревзойденную плодородность Нидерландов и Франции; Бельгия является также чрезвычайно плодородной; плодородна также Познаньская провинция, потом основной житницей Европы является генерал-губернаторство, к которому принадлежат такие неслыханно плодородные области, как Лемберг[1] и Галиция, урожай в которых достигает неслыханных размеров. Потом идет Россия, чернозем Украины по ту и по эту стороны Днепра, излучина Дона с ее неслыханно плодородными и лишь незначительно разрушенными областями. Теперь наши войска уже оккупировали частично или полностью все плодородные области между Доном и Кавказом...»

Перечислив это, Геринг, обращаясь к участникам совещания, воскликнул (читаю):

«Боже мой! Вы посланы туда не для того, чтобы работать на благосостояние вверенных вам народов, а для того, чобы выкачать все возможное с тем, чтобы мог жить немецкий народ. Этого я ожидаю от вас. Должна, наконец, прекратиться эта вечная забота об иностранцах.

Я должен здесь иметь отчеты о том, что вы предполагаете поставить. Передо мной ваши отчеты о намеченных вами поставках. Когда я рассматриваю ваши страны, то мне эти цифры представляются совершенно недостаточными. При этом совершенно безразлично, скажете ли вы или нет, что ваши люди умирают с голоду...»

Следующая цитата:

[1] Современное название города Львова.

«...Я сделаю одно: я заставлю выполнить поставки, которые я на вас возлагаю, и если вы этого не сможете сделать, тогда я поставлю на ноги органы, которые при всех обстоятельствах вытрясут это у вас, независимо от того, нравится вам это или нет».

Следующая цитата:

«...У ворот Рурской области лежит богатая Голландия. Она могла бы послать в этот момент значительно больше овощей в эту измученную область, чем это делалось раньше. Что об этом думают господа голландцы, мне совершенно безразлично... Вообще же в оккупированных областях меня интересуют только те люди, которые работают на вооружение и на обеспечение продовольствием. Они должны получать столько, чтобы они только смогли выполнять свою работу. Являются ли господа голландцы германцами или нет, мне это полностью безразлично; если они ими являются, то тем они большие глупцы, а как следует поступать с глупыми германцами, уже показали в прошлом великие личности. Если во всех странах будет слышаться ругань, то все же вы действовали правильно, так как дело идет единственно о Германии».

Следующая выдержка:

«Я остановлюсь на западных областях. Бельгия чрезвычайно позаботилась о себе. Это было очень благоразумно со стороны Бельгии. Но также и здесь, господа, я мог бы разгневаться. Если в Бельгии вокруг каждого дома растут овощи, то для этого они должны были иметь семена овощей. Германия, когда мы в прошлом году хотели провести крупное мероприятие по обработке земли, не имела и приблизительно того количества овощных семян, в котором нуждалась. Они не были поставлены ни Голландией, ни Бельгией, ни Францией, хотя я сам только на одной улице Парижа смог насчитать более чем 170 мешков с овощными семенами. Очень хорошо, что французы возделывают овощи для себя. Это для них привычно. Но, господа, эти народы являются враждебными нам, и вы своими гуманными мероприятиями друзей среди них не завоюете. Люди очень милы в отношении нас, потому что они должны быть милыми, но стоит там только появиться англичанам, и вы увидите настоящее лицо французов. Тот самый француз, с которым вы попеременно друг у друга бываете в гостях, быстро втолкует вам, что француз ненавидит немцев. Таково положение повсеместно.

Мне также безразлично, сколько блюд подается на королевский бельгийский стол. Король является военнопленным, и если с ним не обращаются как с военнопленным, то об этом я позабочусь. Он будет переведен в такое место, где ему это будет понятно. Мое терпение лопается...

Я забыл одну страну, потому что оттуда ничего не возьмешь, кроме рыбы. Это — Норвегия. Что касается

Франции, то я утверждаю, что земля там обрабатывается недостаточно. Франция может обрабатывать землю совсем иначе, если крестьяне там будут несколько иначе принуждаться к работе. Во-вторых, в этой Франции население обжирается так, что просто стыд и срам...

Кроме того, господа, если перед французским ресторанчиком в Париже стоит немецкая телега, она записывается. Но если там стоит целая очередь французских автокаров, то это никому не мешает...

Я ничего не скажу, напротив, я обиделся бы на Вас, если бы мы не имели в Париже чудесного ресторанчика, где мы могли как следует поесть. Но мне не доставляет удовольствия, чтобы французы шлялись туда. Для нас «Максим» должен иметь лучшую кухню...»

(К микрофону подходит защитник Розенберга адвокат Тома)

Тома: *Я хотел бы только задать небольшой вопрос. Обвинитель не сообщил, где можно найти этот документ, в какой книге документов и какой номер этот документ имеет. Он только сказал, на какой странице Суд может найти этот документ.*

Шейнин: *Этот документ представлен Трибуналу под номером СССР-170. Защите переданы фотостаты этого документа. Позволите продолжать, господин председатель?*

Председатель: *Да, продолжайте. Этот документ был в личном архиве подсудимого Геринга? Вы так сказали?*

Шейнин: *Да.*

(Продолжает)

«Для немецких офицеров и немцев, а отнюдь не для французов должны иметься три, четыре первоклассных ресторана. Французам такой еды не нужно...

Я часто говорил, что рассматриваю Францию.., как завоеванную область. Раньше мне все же казалось дело сравнительно проще. Тогда это называли разбоем. Это соответствовало формуле — отнимать то, что завоевывали. Теперь формы стали гуманнее. Несмотря на это, я намереваюсь грабить и именно эффективно».

Далее: «Вы должны быть, как легавые собаки, там, где имеется еще кое-что, в чем может нуждаться немецкий народ. Это должно быть молниеносно извлечено из складов и доставлено сюда. Когда я отдавал распоряжение, я не раз говорил: солдаты могут закупать, сколько они хотят, что они хотят и что они смогут утащить».

Следующая цитата:

«Теперь вы скажете мне: внешняя политика Лаваля. Господин Лаваль успокаивает господина Абеца, и господин Лаваль, уходя от меня, может пойти в закрытый ресторан «Максим». Но французы это очень скоро поймут. Как они наглы, об этом вы не имеете понятия. Когда эти друзья слышат, что дело касается немца, они начинают лихоимствовать, они взвинчивают цены втрое, а если хочет что-либо»

купить рейхсмаршал, то и в пять раз. Я хотел купить гобелен; за него было запрошено два миллиона франков. Женщине сказали, что покупатель хочет видеть гобелен. Она ответила, что не может доверить его другому лицу. Тогда она должна была поехать сама. Ей объяснили, что она поедет к рейхсмаршалу. Когда она приехала, гобелен стоил уже три миллиона франков... Я обратился во французский суд, и тот втолковал донне, что такое лихоимство в отношении меня неуместно...

Меня особенно интересует, что можно выжать из находящихся в настоящее время в наших руках земель при крайнем прилежании и с использованием всех сил и что из этого может быть отправлено в Германию. На прежнюю статистику ввоза и вывоза мне наплевать.

Теперь о поставках в Германию. За последний год Франция поставила 550 тысяч тонн хлеба, а теперь я требую 1,5 миллиона. В 14 дней представить предложение, как это будет производиться. Никаких дискуссий! Что произойдет с французами, — безразлично: 1,5 миллиона тонн хлеба должно быть поставлено.

Фураж — в прошлом году 550 тысяч тонн, теперь — 1 миллион тонн; мясо — в прошлом году 135 тысяч, теперь — 350 тысяч; жиры — в прошлом году 23 тысячи, теперь 60 тысяч».

Следующая выдержка из этого выступления касается разверстки поставок продовольствия по Нидерландам, Бельгии, Норвегии и генерал-губернаторству. Причем присутствовавшие на совещании в соответствии с вопросами Геринга и его установками называли определенные цифры. Я пропускаю одну страницу и читаю дальше:

«Рейхсмаршал Геринг: Это все, что касалось Запада. В результате работы скупщиков, которые скупают одежду, обувь и вообще все, что имеется, создастся особый фонд. Теперь идет Восток. Тут у нас с армией полная договоренность. Армия отказывается от претензий, которые она предъявляла к родине. Как было в отношении сена?

Бакке: 1,5 миллиона тонн, соломы свыше 1 миллиона, овса 1,5 миллиона тонн...»

Геринг, продолжая, говорит: «Итак, господа, к этому обеспечению армии нечего добавить, разве только одно: в дальнейшем я ничего не хочу слышать от вас, никаких претензий. Итак, эта страна со сметаной, яблоками и белым хлебом сможет прокормить нас. Излучина Дона сделает остальное...»

Следующая цитата: «Бергер: Армия во Франции, само собой понятно, будет снабжаться продовольствием Франции. Это само собой разумеется, и об этом я совсем не распространялся. Но теперь о России. В плодородности не возникает никаких сомнений. Как там хорошо, действительно трудно представить».

Геринг, продолжая выступление, говорит:

«С радостью я услышал, что у рейхскомиссара в При-

балтике также хорошо и богато и что люди от полноты страдают легкой одышкой, когда выполняют свою работу. Во всяком случае, при всем моем заботливом обращении, известные группы должны узнать об этом, я все же позабочусь, чтобы из бесконечного плодородия этой области кое-что могло быть отдано».

После этого слово взял Лозе, который являлся рейхскомиссаром Белоруссии. Читаю:

«Лозе: Могу я коротко высказать свое мнение? Я хочу вам дать больше, но для этого должны быть созданы предпосылки. Действительно, урожай у меня хорош. С другой стороны, на большей части территории Белоруссии, где хорошо проведены посевные работы, вряд ли может быть убран урожай, если теперь, наконец, не будет покончено с бандитскими и партизанскими бесчинствами. Я четыре месяца кричу о помощи».

Дальше Лозе говорит о действиях советских партизан, в связи с чем его перебивает Геринг и говорит ему следующее: «Дорогой Лозе, мы знакомы уже давно, вы являетесь большим сочинителем».

Лозе отвечает: «Я отказываюсь от этого эпитета, я никогда не сочинял».

В заключение я оглашу последние три цитаты из выступления Геринга. Он говорит:

«...Мы должны на Украине и кое-где в других областях иметь скупщиков из министерства хозяйства Функа. Мы их должны послать в Венецию с тем, чтобы они закупили безделушки, гнусные вещи из алебастра, низкопробные украшения и т. д. Я думаю, едва ли где в другом месте, кроме Италии, можно получить так много дряни...

Теперь посмотрим, что может поставить Россия. Я думаю, Рикке, что со всей русской территории можно взять два миллиона тонн хлеба и фуражного зерна.

Рикке: Они будут получены.

Геринг: Тогда мы должны получить три миллиона, кроме армии.

Рикке: Нет, что находится в прифронтовой полосе, то идет только армии.

Геринг: Тогда доставьте два миллиона.

Рикке: Нет.

Геринг: Тогда полтора миллиона.

Рикке: Хорошо».

В том же духе идет обсуждение этого вопроса и дальше на этом совещании.

Свое выступление Геринг закончил следующей фразой:

«Господа, я должен заявить следующее: я имею чрезвычайно много работы и несу большую ответственность. Я не имею времени читать письма и записки, в которых вы мне сообщаете, что вы не можете выполнить то, что я потребовал. У меня только есть время, чтобы при помощи краткого отчета Бакке устанавливать время от времени,

выполняются ли требования. Если нет, тогда мы будем вынуждены встретиться с вами в другом месте».

Как Вы слышали, господа судьи, на этом совещании, кроме Геринга, присутствовали подсудимые Розенберг, Заукель, Зейсс-Инкварт, Франк, Функ и другие...

Таким образом, совокупностью всех приведенных доказательств устанавливается, что:

1. Преступное гитлеровское правительство и верховное командование германской армии, наряду с заблаговременной подготовкой военной агрессии против Чехословакии, Польши, Югославии, Греции и СССР, также заблаговременно разработали план массового расхищения и разграбления частной, общественной и государственной собственности на территориях этих государств.

2. Разработав этот преступный план, заговорщики заранее провели все подготовительные мероприятия для его осуществления, а именно, подготовили специальные кадры офицеров и чиновников для ограбления намеченных к захвату территорий, разработали и издали специальные инструкции, справочники и указания, а также создали особый широко разветвленный аппарат в виде всевозможных «хозяйственных инспекций, отрядов, групп, акционерных обществ, уполномоченных» и т. д. с привлечением огромного количества всякого рода «специалистов», «военных агрономов», «сельскохозяйственных фюреров», «экономических разведчиков» и т. п.

3. В соответствии с этим заранее разработанным планом они в дальнейшем осуществили чудовищное расхищение и разграбление частной общественной и государственной собственности на оккупированных территориях и поголовное ограбление мирного населения этих территорий, применяя при этом исключительные зверства, насилия и произвол.

4. В целях так называемой «материальной заинтересованности» солдат и офицеров германской армии в войне заговорщики не только оставляли безнаказанными факты мародерства и грабежей со стороны немецких солдат и офицеров, но, напротив, широко поощряли эти преступления и подстрекали к их массовому совершению.

5. Совокупностью этих преступлений заговорщики причинили огромный материальный ущерб народам оккупированных территорий, обрекая на голод и страдания эти народы и используя результат своей преступной деятельности для личной наживы и обогащения как себя, так и своих приверженцев.

6. Таким образом, планируя, подготовляя и развязывая агрессивные войны против миролюбивых народов, заговорщики преследовали цели разбойничьего ограбления этих народов и в дальнейшем осуществляли эти преступные цели столь же преступными и разбойничьими методами.

В силу этого подсудимые преднамеренно и сознательно нарушали статью 50 Гаагских Правил 1907 года, законы и обычаи войны, общие принципы уголовного права, приня-

тые уголовными законами всех цивилизованных наций, а также национальное право тех стран, в которых эти преступления были совершены.

Эти преступные деяния, господа судьи, каждое в отдельности и все в совокупности своей предусмотрены статьей 6 «в» Устава Международного военного трибунала, в чем все подсудимые должны быть признаны виновными и за что все без исключения должны индивидуально и как участники заговора понести ответственность.

Господа судьи!

Документы, предъявленные мною Трибуналу и оглашенные на суде, — это «немые свидетели» преступлений, организованных и совершенных подсудимыми.

Но совесть судей услышит этих «немых свидетелей», правдиво повествующих о произволе и злодеяниях гитлеровских грабителей и о безмерных страданиях их бесчисленных жертв.

Из выступления представителя обвинения от США С. Гарриса[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 17 декабря 1945 г.

Вторжение в Советский Союз было кульминационным пунктом заранее намеченного гитлеровцами плана.

Мы хотим теперь представить документы, раскрывающие план заговорщиков по эксплуатации и онемечиванию Советского Союза после предполагаемого захвата. Главный обвинитель от СССР представит доказательства того, к каким человеческим страданиям и несчастьям привело выполнение этих планов.

1. Заговорщики планировали вывезти в Германию с юга и юго-востока Советского Союза все продукты питания и сырьевые материалы, намного превышавшие потребности нацистов, вторгшихся на территорию СССР. Для местного населения, производившего продукты и сырье, оставлялось меньше того минимума, который требовался для существования этого населения. Эти районы ранее снабжали северные области Советского Союза, включавшие ряд промышленных районов, в том числе Москву и Ленинград, и заговорщиками именовались «Зоной лесов».

2. Нацисты намеренно и систематически планировали голодную смерть для миллионов русских. Это умерщвление должно было проводиться следующим образом:

[1] IMT, vol. 4, p. 3—17.

а) Как уже показано в пункте 1, продукты с юга и юго-востока Советского Союза, которые обычно посылались в промышленные районы севера, должны были отправляться в Германию. Более того, весь скот, который имелся в промышленных районах, должен был передаваться в пользование вермахта и гражданского населения Германии. В результате этого население северных районов неизбежно обрекалось на голодную смерть.

б) Нацисты установили следующую очередность в распределении продуктов питания, производимых русскими: 1) для действующей армии, 2) для остальных войск на вражеской территории, 3) для войск, находящихся в Германии, 4) для немецкого гражданского населения и в последнюю очередь для населения оккупированных стран.

Таким образом, даже те русские, которые жили в богатейших районах Украины, не могли удовлетворять своих потребностей в сельскохозяйственных продуктах и также были обречены на голодную смерть.

3. Заговорщики планировали непрерывное уничтожение всей промышленности в северных районах Советского Союза для того, чтобы остатки русского населения полностью зависели от Германии в области потребления.

4. Они планировали включить часть Галиции и все прибалтийские страны в состав Германии; превратить Крым и области, расположенные севернее Крыма, Поволжье, а также районы вокруг Баку в германские колонии.

Перехожу к представлению конкретных документов.

Документ ЕС-472, США-315, показывает задачи и функции группы «Ла» экономического штаба на Востоке. Это директива, изданная подсудимым Герингом для «управления экономикой на только что оккупированных восточных территориях». Это второе издание директивы датировано июлем 1941 года, Берлин. Первое издание было выпущено ранее. Документ был обнаружен среди бумаг захваченного архива верховного командования вооруженных сил гитлеровской Германии.

Согласно этой директиве подсудимый Геринг образовал экономический исполнительный штаб Востока, непосредственно подчинявшийся ему; в него входил «Экономический штаб Востока». А «экономический штаб Востока», в свою очередь, подразделялся на четыре группы: группа начальника экономического штаба, группа «Ла», группа «В» и группа «М». Группа «Ла» занималась вопросами, связанными с распределением сельхозпродукции, снабжением армии продовольствием в сотрудничестве с соответствующими группами армий.

Документ ЕС-126, США-316, датированный 23 мая 1941 г. (то есть изданный до вторжения в Советский Союз), был обнаружен среди захваченных архивов верховного командования. Он назван «Директивы по экономической политике для организации экономики на Востоке, сельскохозяйственная группа» и подготовлен экономическим шта-

бом Востока, группой «Ла», то есть сельскохозяйственной группой, являвшейся очень важной частью организации, которую подсудимый Геринг создал для того, чтобы сформулировать все планы для управления экономикой СССР.

Документ начинается приведением данных о производстве сельскохозяйственных продуктов в Советском Союзе. Далее он устанавливает, что излишки зерна в СССР определяются уровнем внутреннего потребления и этот факт является базой, на которой должны строиться планы мероприятий экономической политики.

«Территории, дающие излишки, расположены в черноземных районах, то есть на юге, юго-востоке и на Кавказе. Территории, дающие недостаточное количество продовольствия для обеспечения потребностей населения, расположены главным образом в лесистой зоне Севера. Поэтому изолирование черноземных районов при всех условиях должно предоставить более или менее значительное количество излишков зерна в наше распоряжение... Но в результате этого наступит полное прекращение снабжения всей Северной зоны, включая такие важные промышленные центры, как Москва и Ленинград. Прекращение снабжения означает, что:

1. Необходимо отказаться от промышленности в районах, не обеспечивающих себя продовольствием, в особенности от обрабатывающей промышленности районов Москвы и Ленинграда, а также в индустриальных районах Урала. Следует иметь в виду, что эти районы ежегодно потребляют в настоящее время примерно 5—10 миллионов тонн продуктов из районов, производящих продукты питания.

2. Закавказский нефтяной район должен быть исключен отсюда, хотя он и не производит излишков продуктов питания, ибо это источник хлопка, нефти, марганца, меди, шелка, чая и т. д. Поэтому его при всех обстоятельствах нужно снабжать продуктами питания, исходя из очень важных политических и экономических причин.

3. Не нужно делать никаких других исключений с целью сохранения того или иного промышленного района или промышленного предприятия.

4. Промышленность может быть сохранена только в той степени и постольку, поскольку она расположена в районах, производящих излишки продуктов питания. Это относится к тяжелой промышленности в Донецком бассейне (Украина). Только будущее покажет, в какой степени будет возможно сохранить эту промышленность, и в особенности украинскую обрабатывающую промышленность, после того, как в Германию будут вывезены все требуемые нам излишки продуктов питания.

Последствия изложенного вытекают из ситуации, которая получила одобрение высшего руководства и находятся в соответствии с политической тенденцией (сохранение

Малороссии, Кавказа, Балтийских провинций, Белоруссии в ущерб великороссам).

Зона лесов

а) В лесных районах, которые обычно являются неплодородными, производство должно быть натурализовано, т. е. сельское хозяйство станет «внутренним производством». В результате приостановится производство товаров, предназначенных для рынка, в особенности льна и конопли, и все пахотные земли будут использоваться с целью производства продуктов для производителя (зерно, картофель). Более того, прекращение поставок фуража приведет к распаду молочного хозяйства и свиноводства на данных территориях.

б) Германия не заинтересована в поддержании производительных сил на этих территориях и ей нужно лишь обеспечить продуктами питания только расположенные там войска. Таким образом, население, как и в прежнее время, вынуждено будет использовать пахотные земли для своего пропитания; конечно, при таком хозяйстве нечего ожидать излишка зерна или других продуктов питания. И только через несколько лет эти районы смогут быть интенсифицированы в такой степени, что будут действительно производить излишки. Население в этих районах, и в особенности городское население, обречено на серьезные страдания от голода. Необходимо будет вывозить население в Сибирь. А поскольку о железнодорожном транспорте не может быть и речи, то это также представляет собой труднейшую проблему.

с) При данном положении Германия может добиться значительного преимущества только путем незамедлительных и неограниченных захватов. С этой целью непосредственную необходимость представляет использование всего урожая льна для обеспечения нужд Германии, используя как волокнистые, так и масличные культуры.

Домашний скот, который не имеет своей кормовой базы, также необходимо использовать для Германии, то есть надо немедленно захватить весь скот и передать его армии не только для того, чтобы она могла питаться сейчас, но чтобы она имела возможность питаться им в течение долгого времени, а также вывозить его в Германию. Поскольку все запасы кормов будут отрезаны, то численность скота в этих районах в ближайшем будущем уменьшится. Если немцы в ближайшем будущем не захватят скот для себя, местное население использует его для своих продовольственных нужд.

Фюрер потребовал, чтобы к осени снижение норм на мясо прекратилось. А это возможно осуществить только путем самого быстрого и решительного захвата скота в России, главным образом в районах, удобных для транспортировки скота в Германию.

В будущем Южная Россия должна повернуться лицом к Европе.

Однако все излишки продовольствия, которые Россия будет поставлять, могут быть оплачены лишь в том случае, если необходимые промышленные изделия будут покупаться Россией у Германии или в Европе. Конкуренция в этом смысле с лесной зоной России должна быть уничтожена.

Из сказанного выше следует, что немецкие власти на этих территориях должны попытаться смягчить последствия голода, который, без сомнения, скоро наступит, и ускорить возвращение к примитивному сельскому хозяйству. Попытки улучшить сельское хозяйство могут быть сделаны путем интенсификации разведения культур в этих районах при увеличении картофельных участков и участков под другими культурами, дающими высокие урожаи. Однако эти меры не смогут предотвратить голода... Многие десятки миллионов людей в этом районе окажутся лишними и вынуждены будут или умереть, или выехать в Сибирь. Всякие попытки спасти население от голодной смерти путем импорта излишних продуктов из черноземных районов происходили бы за счет вывоза продуктов питания в Европу. Такой вывоз продуктов снизил бы военную мощь Германии и подорвал бы в Европе и Германии силу сопротивления блокаде. Это должно быть ясно и четко понято.

Снабжение армии

Положение Германии в области продуктов питания на третьем году войны настоятельно требует, чтобы вооруженные силы снабжались всевозможными продуктами не с германской территории, с территории дружественных народов или с территорий, воссоединенных с Германией и импортирующих в Германию свои продукты, а продуктами с оккупированных территорий. Минимальная цель, заключающаяся в том, что снабжение вооруженных сил должно производиться на третьем году войны, а если необходимо, и в последующие годы с оккупированных территорий, должна быть достигнута любой ценой.

Это означает, что одна треть вооруженных сил должна полностью снабжаться от французских поставок для оккупационной армии, а остальные две трети (а может быть, и немного больше, имея в виду сегодняшнюю численность вооруженных сил) должны без исключения получать продукты питания из восточных районов...

Таким образом, при любых обстоятельствах, сохранение того, что существовало, не имеет значения. Наша задача заключается в преднамеренном повороте от существующего положения и включения русских пищевых ресурсов в европейский план потребления. Это вызовет уничтожение промышленности, а также большого количества населения

в тех районах, которые до этого не производили для своего потребления достаточного количества продуктов питания.

Невозможно высказать эту альтернативу достаточно убедительными и сильными словами...

Наша задача состоит не в том, чтобы заменить интенсивное производство продуктов питания в Европе путем включения новых пространств на Востоке, а в том, чтобы заменить импорт из заморских стран импортом с Востока. Эта задача преследует две цели:

Во-первых, мы должны употребить восточные пространства, чтобы предупредить недостаток продуктов питания и во время и после войны. Это значит, что мы не должны бояться сейчас расходовать «основной капитал» Востока. Такое вмешательство на Востоке гораздо более допустимо с европейской точки зрения, чем расходование «основного капитала» сельского хозяйства Европы.

Во-вторых. Для будущего нового порядка плодородные районы на Востоке должны быть превращены в постоянный и существенный источник снабжения Европы дополнительными продуктами питания путем интенсификации сельского хозяйства и получения в результате этого высоких урожаев.

Первая задача должна быть выполнена любыми средствами, даже путем самого безжалостного снижения внутреннего потребления России, для чего потребуется дискриминация между потребляющими и производящими регионами».

На страницах этого документа раскрывается заранее разработанный план убийства миллионов невинных советских граждан путем голодной смерти. В документе ясно указано, что убийство миллионов невинных путем голодной смерти было преднамеренным. Документ показывает, что этот план убийства должен был проводиться в таком огромном масштабе, что превосходил все границы человеческого представления.

Документ Л-221, США-317. Это — совершенно секретный меморандум, датированный 16 июля 1941 г. Он дает резюме совещания в штаб-квартире фюрера по вопросу о войне на Востоке. Он, вероятно, был подготовлен подсудимым Борманом, потому что в начале первой страницы стоят его инициалы.

Текст этого меморандума показывает, что на этом совещании присутствовали: Гитлер, Ламмерс и подсудимые Геринг, Кейтель, Розенберг и Борман.

Этот документ знакомит нас с планами заговорщиков об онемечивании захваченных районов Советского Союза.

«А. Теперь очень важно не распространяться о наших целях перед всем миром. В этом нет никакой необходимости. Самое главное, чтобы мы сами знали, чего мы хотим. Ни в коем случае мы не должны делать свою задачу более трудной из-за излишних заявлений. Такие

декларации тем более не нужны, что мы все равно сделаем все, что в наших силах, а то, что не в наших силах, мы все равно сделать не можем.

Поэтому все, что мы говорим миру о своих мотивировках мероприятий, должно быть обусловлено тактическими причинами. Нам следовало бы здесь действовать точно таким же образом, как мы действовали в случаях с Норвегией, Данией, Голландией и Бельгией. В этих случаях мы не оповещали о своих целях, и поэтому нам представляется целесообразным продолжать действовать таким же образом.

Мы снова подчеркиваем, что мы вынуждены были оккупировать некоторые районы и установить там свою администрацию. В интересах самих жителей было, чтобы мы установили порядок, снабжали их продовольствием, предоставляли транспорт и т. д. Этим и обусловливаются наши мероприятия. Все это не должно мешать нам принимать необходимые меры, а именно — расстрелы, переселение и т. д.; мы и будем принимать эти меры»

Мы не хотим заранее без всякой необходимости наживать себе врагов среди населения. Поэтому мы будем поступать таким образом, как будто мы хотим только получить мандат. В то же время мы сами должны совершенно ясно отдавать себе отчет, что мы никогда не уйдем из этих стран. Поэтому наше поведение должно быть следующим:

1. Мы не должны ничего делать, что может помешать достижению окончательных целей, но готовиться к установлению нового порядка секретно.

2. Кроме того, мы должны подчеркивать, что мы освободители.

В частности:

все иностранцы должны быть эвакуированы из Крыма, который будет заселен только немцами.

Подобным образом бывшая австрийская часть Галиции должна стать имперской территорией. В настоящее время наши отношения с Румынией являются достаточно хорошими, но мы не знаем, что будет в будущем. Мы должны иметь это в виду и соответствующим образом провести наши границы. Не следует считаться с волей другого народа. И мы должны планировать наши отношения с Румынией в соответствии с этим принципом.

Принципиально мы должны теперь поставить перед собой задачу поделить этот большой пирог в соответствии с нашими потребностями, для того, чтобы:

во-первых, господствовать там,

во-вторых, управлять там,

в-третьих, использовать эти территории.

Русские приказали теперь вести в наших тылах партизанскую борьбу. Эта партизанская борьба дает нам неко-

торые преимущества — она дает нам возможность уничтожать всех тех, кто настроен против нас.

Принципы:

Никогда никакой военной силы не должно быть создано к западу от Урала, если даже нам придется вести войну с этой целью еще 100 лет. Всякий преемник фюрера должен знать, что безопасность рейха существует в том случае, если к западу от Урала не будет никаких иностранных армий. Германия сама будет защищать эти районы от всех возможных опасностей. Наш железный принцип сводится и будет сводиться к следующим целям: мы не дожны никому, кроме немцев, разрешать носить оружие...

Фюрер подчеркивает, что все прибалтийские страны должны быть включены в состав германской империи...

В то же самое время Крым, включая значительные районы близ него (расположенные к северу от него), должен стать имперской территорией. Эта прилегающая к Крыму территория должна быть возможно более обширной...

Фюрер далее подчеркнул, что имперской территорией должна стать как волжская колония, так и район вокруг Баку. Последний должен стать немецкой концессией (военной колонией)».

Документ ПС-1029, США-145, озаглавлен: «Инструкции для имперского комиссара по делам восточных территорий»:

«Целью имперского комиссара Эстонии, Латвии, Литвы и Белоруссии (последние два слова добавлены карандашом) должно являться создание в последующем германского протектората с тем, чтобы превратить эти области в составную часть германской империи путем германизации подходящих в расовом отношении элементов, колонизации представителей германской расы и уничтожения нежелательных элементов. Балтийское море должно стать внутренним германским морем под охраной Германии».

Документ ЕС-3, США-318, представляется в порядке доказательства того, что, как мы уже говорили, даже в тех районах оккупированных территорий Украины, которые производили излишки продовольствия, заговорщики планировали распределять продукты питания таким образом, что буквально ничего не оставалось для тех людей, кто не принимал участия в принудительном производстве продуктов для германской военной машины. Данный документ, равно как и документ ЕС-126, представленный нами несколько минут тому назад, также как и другие представляемые нами документы, должны читаться в свете четкого положения статьи 52 Гаагских соглашений от 1907 года, предусматривающей, что реквизиции в товарах и обслуживании не должны взиматься от муниципальных органов и населения иначе как для нужд оккупационной армии.

Представляемый документ — совершенно секретный меморандум, датированный 16 сентября 1941 г. — касается

совещания германских военных чиновников под председательством подсудимого Геринга.

Этот меморандум был подписан генералом Нагелем — офицером связи между управлением четырехлетнего плана, возглавляемым подсудимым Герингом, и верховным командованием.

На этой конференции, которая касалась вопросов усиления эксплуатации оккупированных территорий для германской пищевой промышленности, рейхсмаршал Геринг привлек внимание к следующим фактам:

«...Совершенно ясно, что необходимо составить дифференцированную схему распределения продуктов питания.

В первую очередь должна соответственно снабжаться действующая армия, затем армия, оставленная на вражеской территории, затем армия, находящаяся на родине. Нормы питания устанавливаются соответственно. После этого снабжается гражданское население в Германии и в последнюю очередь — население оккупированных территорий».

Другая часть этого документа — это меморандум, датированный 25 ноября 1941 г., относительно общих принципов экономической политики в только что оккупированных восточных районах, составленный согласно указаниям и решениям, принятым на совещании в Берлине 8 ноября 1941 г. Этот меморандум тоже подписан генералом Нагелем на бланке штаба связи главнокомандования и управления по снабжению вооружением рейхсмаршала Геринга.

17 июля 1941 года Гитлер и подсудимый Геринг издали декрет, которым подсудимый Розенберг назначался имперским министром по делам оккупированных восточных территорий. Это произошло на следующий день после совещания в ставке фюрера, о котором говорится в документе Л-221, который здесь уже подробно цитировался.

Декрет, которым Розенберг назначался имперским министром по делам оккупированных восточных территорий, — это документ ПС-1997, США-319, и я представляю его в качестве доказательства. Цитирую:

«Гражданская администрация на недавно оккупированных восточных территориях, там, где эти территории не включены в администрацию территорий, граничащих с рейхом, или с генерал-губернаторством, переходит в ведение имперского министра по делам оккупированных восточных территорий.

Я назначаю рейхслейтера Альфреда Розенберга имперским министром по делам оккупированных восточных территорий. Его штаб-квартира будет находиться в Берлине».

Взгляды Розенберга делали его вполне подходящей фигурой для выполнения этой задачи — одного из главных исполнителей планов заговорщиков в отношении Советского Союза. Его позиции четко изложены в речи, произне-

сенной 20 июня 1941 года, она содержится в документе ПС-1058, США-147. Розенберг сказал следующее:

«Задача обеспечения продовольствием германского народа стоит в этом году, вне всякого сомнения, на первом месте в списке притязаний Германии на Востоке. Южные территории и Северный Кавказ должны будут создать запасы продовольствия для германского народа. Мы не видим абсолютно никакой причины для каких-либо обязательств с нашей стороны снабжать также и русский народ продовольственными продуктами с этой территории, производящей излишки продовольствия. Мы знаем, конечно, что это жестокая необходимость, но о чувствах здесь не может быть и речи».

Документ ЕС-347, США-320, содержит целую серию директив, изданных подсудимым Розенбергом в должности имперского министра по делам оккупированных восточных территорий.

В этих директивах подсудимый Розенберг устанавливает, что «...основной задачей гражданской администрации на оккупированных восточных территориях является представление интересов рейха. Эта основная задача должна всегда стоять на первом месте при принятии любых мер и при любых соображениях. Поэтому оккупированные территории в будущем могут получить, до некоторой степени, самостоятельное существование, формы которого, однако, до сих пор еще не определены; при этом они остаются частями жизненного пространства Германии в ее расширенных границах и находятся под управлением, согласно этому ведущему принципу...

Положения Гаагской Конвенции, регулирующие ведение сухопутной войны, которые касаются управления страны, оккупированной иностранными войсками, не применимы, поскольку СССР должен рассматриваться как несуществующая страна, и поэтому империя должна взять на себя все правительственные и прочие государственные функции в интересах граждан этой страны. Поэтому допускаются любые мероприятия, которые германская администрация считает необходимыми и подходящими для выполнения этой большой задачи».

В заявлении подсудимого Розенберга о том, что Гаагская Конвенция не применима к Советскому Союзу, выражено признание того, что действия заговорщиков в Советском Союзе вопиющим образом нарушали Гаагскую Конвенцию.

Документ ПС-294, США-185 — совершенно секретный меморандум, датированный 25 октября 1942 г., — был обнаружен в архивах подсудимого Розенберга. Он написан господином Бройтигамом, который был высокопоставленным чиновником в министерстве подсудимого Розенберга по делам оккупированных восточных территорий.

«На Востоке Германия ведет войну за осуществление трех целей: войну за уничтожение большевизма, войну за

уничтожение великорусской империи и, наконец, войну за приобретение колониальных территорий для целей колонизации и экономической эксплуатации...»

Из выступления заместителя Главного обвинителя от Франции Э. Фора[1]

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 17 и 18 января 1946 г.

Господин председатель, господа судьи! Я намереваюсь изложить Трибуналу общее вступление как к первой, так и ко второй части обвинения, представляемого Францией. В первой части речь идет о принудительном труде; вторая часть относится к экономическому разграблению. Оба эти комплекса вопросов дополняют друг друга и тесно связаны между собой. Человеческий труд, с одной стороны, и имущественные ценности — с другой, образуют две составные части государственных богатств и условий существования этого государства. Меры, принимаемые в отношении одного из этих факторов, окажут неизбежное влияние на другой из них. Понятно поэтому, что в оккупированных странах немецкая политика в отношении рабочей силы и в отношении экономических богатств с самого начала обусловливалась общими руководящими принципами.

По этой причине французское обвинение считает, что будет логичным последовательно представить Трибуналу материал, относящийся к параграфам «Е» и «Н» третьего раздела обвинительного заключения. Моей задачей в настоящее время является определить, каковы были эти первоначальные руководящие немецкие директивы в отношении использования людских и материальных ресурсов оккупированных территорий.

Оккупировав территории Дании, Норвегии, Голландии, Бельгии, Люксембурга и частично континентальной Франции, немцы фактически получили возможность осуществлять принуждение в отношении населения и распоряжаться богатствами этих стран. Они получили возможность использовать оба эти потенциала для своих военных целей.

С другой стороны, в правовом отношении они столкнулись с точными нормами международного права, относящимися к оккупации территорий вооруженными силами воюющего государства. Эти правила строго ограничивают права оккупанта, который может реквизировать имущество и требовать предоставления рабочей силы лишь в пред-

---

[1] IMT, vol. 5, p. 427—438.

елах, необходимых для удовлетворения нужд оккупационных армий. Я ссылаюсь здесь на правила, приложенные к соглашению о законах и обычаях ведения войны, подписанному в Гааге 18 октября 1907 г., раздел третий и, в частности, на статьи 46, 47, 49, 52 и 53. С разрешения Трибунала я процитирую только один абзац статьи 52, который совершенно точно устанавливает законные условия конфискации имущества или мобилизации рабочей силы:

«Реквизиция натурой и повинности могут быть осуществлены в отношении общин и жителей лишь для нужд занявшей область армии. Они должны соответствовать средствам страны и быть такого рода, чтобы они не налагали на население обязанностей принимать участие в военных действиях против своего отечества».

Эти различные статьи всегда должны рассматриваться в свете основного принципа, изложенного в преамбуле Конвенции, последний абзац которой я позволю себе огласить Трибуналу:

«Впредь до принятия более полного свода законов войны Высокие Договаривающиеся Стороны считают уместным засвидетельствовать, что в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие остаются под охраной начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания».

Поэтому совершенно очевидно, что полное использование всех ресурсов оккупированных стран в интересах военной экономики противника абсолютно противоречит международному праву и требованиям общественного сознания.

Германия подписала Гаагскую Конвенцию, и нужно заметить, что она сделала в то время оговорку только относительно статьи 44, которая касается представления сведений воюющим сторонам. Она не сделала никакой оговорки относительно статей, которые я сейчас процитировал, а также относительно преамбулы. Эти статьи воспроизводят соответствующие тексты предыдущей Гаагской Конвенции от 28 июля 1898 г. Германия официально ратифицировала эти Конвенции соответственно 4 сентября 1900 г. и 27 ноября 1909 г. Я напоминаю эти известные факты для того, чтобы подчеркнуть, что немцы не могли не знать этих основных принципов международного права, к которым они дважды присоединялись задолго до их поражения в 1918 году, следовательно, вне зависимости от оказывавшегося на них якобы давления при подписании Версальского договора.

В связи с этим теоретическим правовым вопросом следует еще упомянуть, что в соглашении, подписанном в Версале 28 июня 1919 г. и касающемся военной оккупации прирейнских территорий, в статье 6 делается ссылка на Гаагскую Конвенцию:

«Право реквизиции в натуре или набора рабочей силы в том виде, как это установлено Гаагской Конвенцией 1907 года, будет соблюдаться союзными армиями и союзниками по оккупации».

Таким образом, регламентация права оккупанта производить реквизиции была подтверждена третьим международным актом, подписанным Германией, которая была сторонницей этого ограничения, когда речь шла о ее собственной территории.

Каковы же были действия немцев при наличии этих ограничивающих правовых норм, когда они получили возможность и соблазн применять силу?

Трибунал уже знает из материалов, ранее представленных обвинением, что немцы всегда использовали благоприятную для них обстановку и игнорировали право.

Немцы систематически нарушали нормы международного права в той степени, в какой это нас интересует, путем применения принудительного труда и разграбления материальных ценностей. Эти действия немцев, совершавшиеся ими в западных странах, будут детально освещены в последующих выступлениях.

Я, со своей стороны, хочу только остановиться на самой концепции, проводившейся немцами с самого начала. В связи с этим я выдвигаю перед Трибуналом три дополнительных положения.

Первое положение

Немцы с самого начала оккупации решили захватить для достижения своих военных целей все ресурсы оккупированных стран — материальные ценности и людские резервы. Их план заключался в том, чтобы не считаться с ограничениями, установленными правом. Они совершали незаконные действия не случайно или под давлением необходимости, а систематически и преднамеренно.

Второе положение

Немцы, однако, тщательно скрывали свои действительные намерения. Они не объявляли о том, что не признают международные юридические нормы. Наоборот, они заверяли, что будут их соблюдать.

Причины такого обмана легко понять: немцы вначале дорожили общественным мнением в оккупированных странах. Открытое насилие, применяемое с самого начала, вызвало бы немедленное сопротивление, что помешало бы им в проведении их деятельности. Они также хотели обмануть мировое общественное мнение, и в особенности общественное мнение Америки, потому, что Соединенные Штаты в это время еще не вступили в войну.

Третье положение, которое я выдвигаю перед Трибуналом, вытекает из двух предыдущих. Ввиду того, что немцы хотели достичь своей цели, одновременно скрывая свои намерения, они не преминули создать систему окольных средств, сохранявших внешне законную форму. Сложность и техническая разработанность примененных средств поз-

волили без труда скрывать действительность от людей, не искушенных или недостаточно информированных. Эта маскировка давала также ее действенные и, возможно, даже лучшие результаты, чем неприкрытый захват. Прежде всего это позволило осуществить насильственный захват в тот день, когда немцы решили, что это будет для них впредь более выгодным.

Нам кажется, что этот анализ намерений немцев должен быть интересным для Трибунала потому, что он вскрывает преднамеренность этих незаконных действий, а также показывает, что лица, совершавшие их, сознавали их незаконность. В то же время этот анализ позволит лучше понять размах и глубину этих действий, несмотря на все меры предосторожности, принятые для их сокрытия.

Обвинение представит Трибуналу документальные доказательства, относящиеся к трем положениям, которые сформулированы мной. Доказательства относятся главным образом ко второму и третьему положениям, так как первое положение, то есть преступный умысел и преднамеренность совершаемых незаконных действий, подтверждается несоответствием между их сущностью и внешней формой.

В первую очередь я должен сказать, что немцы в момент оккупации делали вид, что соблюдают нормы международного права. Вот, например, обращение к населению Франции, подписанное главнокомандующим немецкой армией. Это официальный документ РФ-1, опубликованный в № 1 «Журналь офисиель» от 4 июля 1940 г., где печатались распоряжения военного губернатора французской оккупированной территории.

Я зачитаю из него только одну следующую фразу:

«Войска получили приказ обращаться с населением с уважением и не затрагивать частной собственности, пока население не оказывает им сопротивления».

Немцы действовали таким же образом во всех оккупированных странах. Я представляю Трибуналу текст аналогичного обращения, датированного 10 мая 1940 г., которое было опубликовано в «Журналь офисиель» главного военного командования в Бельгии и в Северной Франции, № 1 страница 1, под заголовком: «Обращение к народу Бельгии». Немецкий текст, как и текст фламандский, содержит более подробный заголовок: «Воззвание к населению Голландии и Бельгии».

Учитывая идентичность текстов, этот экземпляр представляется под № 1-бис французской документации.

Сейчас я представляю другое обращение, озаглавленное «К жителям оккупированных стран», датированное 20 июня 1940 г. и подписанное военным губернатором Франции, которое также опубликовано в «Журналь офисиель», содержащем распоряжения германских властей. Это документ РФ-2 французской документации. Я процитирую два первых параграфа:

«Главнокомандующий немецкой армией уполномочил меня сообщить следующее:

1. Немецкая армия гарантирует жителям полную личную неприкосновенность и сохранность их имущества. Тем, которые будут вести себя спокойно и не окажут сопротивления, не угрожает никакая опасность».

Я цитирую отрывки из §5, 6 и 7:

«5. Государственный аппарат, власти общин, полиция и школы должны продолжать свою деятельность. Они, таким образом, остаются на службе у своего населения...

6. Все предприятия, коммерческие фирмы, банки будут продолжать свою работу в интересах населения...

7. Фабрики предметов первой необходимости, так же как и торговля, должны продолжать свою деятельность и предоставлять свои товары в распоряжение населения».

Хотя выражения, которые я только что процитировал, не буквально воспроизводят международные правила, но они отражают их существо. Повторение выражений: «на службе у населения», «в интересах населения», «в распоряжение населения» должно быть истолковано как совершенно определенное заверение в том, что все богатства и рабочая сила страны будут сохранены для этой страны, а не обращены на удовлетворение военных нужд Германии.

Я сейчас представляю документ РФ-2-бис, текст того же воззвания, подписанного главнокомандующим армией в Бельгии и опубликованного в «Журналь офисиель».

Наконец 22 июня 1940 г. условия перемирия были подписаны представителями германского правительства и представителями действующих властей, осуществлявших в то время функции правительства Франции. Эти условия перемирия также являются общеизвестным актом, документ будет представлен Трибуналу позднее. Я сейчас намереваюсь процитировать лишь первую фразу из третьего параграфа, которая гласит:

«В оккупированных районах Франции германская империя осуществляет все права оккупационной державы».

Таким образом, делается весьма определенная ссылка на международное право. Кроме того, немецкие полномочные представители власти неоднократно давали дополнительные устные подтверждения по этому вопросу. В связи с этим я представляю Трибуналу документ РФ-3, который является выдержкой из свидетельского показания посла Леона Ноэля, данного им на процессе в Верховном суде Франции. Это выдержка из труда, озаглавленного «Подробный отчет о процессе маршала Петэна», опубликованного в Париже в 1945 году типографией официальных изданий «Журналь офисиель». Согласно статье 21 Устава Трибунала, этот документ может быть представлен без доказательств.

Вот объяснения господина Леона Ноэля, которые я хотел бы процитировать Трибуналу. Господин Леон Ноэль являлся членом делегации по заключению перемирия.

«Я получил некоторое количество ответов, которые, я думаю, можно будет впоследствии использовать. Они были даны немецкими генералами: генералом Иодлем, который подписал в Реймсе в мае текущего года безоговорочную капитуляцию Германии, и генералом, впоследствии, фельдмаршалом, Кейтелем, который несколько недель спустя подтвердил в Берлине эту капитуляцию[1]. Они заявляли в свое время в самой категорической форме, что ни в коем случае не будут вмешиваться в дела администрации, что права, которые предоставляются им на основании соглашения о перемирии, являются теми правами, которые, в соответствии с международным правом и обычаями, признаются за оккупационными армиями, то есть правами, необходимыми для обеспечения безопасности, транспортировки и снабжения этих армий».

Таким образом, Германия дала совершенно официальное обещание и обязательство, но с самого начала они не были искренними.

Немцы не только вскоре их нарушили, но уже с самого начала они организовали такой порядок, который позволял совершать эти нарушения самым действенным и одновременно замаскированным способом.

Этот немецкий порядок в области экономики и труда основан на очень простом принципе. Он состоит в том, чтобы контролировать производство в начальной и в конечной его стадии.

Немцы приступили немедленно к проведению общей реквизиции всех видов сырья и всех товаров в оккупированных странах.

Отныне от них будет зависеть предоставление или непредоставление этого сырья национальной промышленности. Они смогут, таким образом, развивать отдельные отрасли производства за счет других, поощрять определенные предприятия и вынуждать другие предприятия закрываться. В зависимости от событий и различных условий они видоизменяли формы присвоения сырья главным образом для того, чтобы облегчить его распределение, но принцип оставался всегда один и тот же. Этим путем они получили возможность контролировать первоначальную стадию производства.

Одновременно они установили контроль над готовой продукцией при помощи финансирования. Обеспечив себе платежные средства в валюте оккупированной страны, немцы получили возможность покупать продукты и присваивать результаты хозяйственной деятельности страны, сохраняя видимость законности. Они с самого начала захватили такие значительные финансовые средства, что

---

[1] Процедура подписания условий капитуляции в Реймсе состоялась в 2 ч. 41 мин. 7 мая и носила предварительный характер. В ночь с 8 на 9 мая состоялась официальная церемония безоговорочной капитуляции Германии.

потом без труда смогли закупать почти всю продукцию производства этих стран.

На вчерашнем заседании я изложил Трибуналу принцип распоряжений, принятых немцами для того, чтобы обеспечить себе контроль над сырьем и над финансированием в оккупированных странах.

Наличие распоряжений будет доказано многочисленными документами, которые будут представлены Трибуналу во время выступлений на тему о принудительном труде и об ограблении экономики. Я не буду сейчас представлять эти документы потому, что, как я уже вчера говорил, мое выступление ограничится освещением первоначальных концепций немцев по этому вопросу. Я только процитирую один документ, РФ-3(бис), который показывает настоящие намерения немцев в самый первый период. Я представляю его Трибуналу.

Он касается Норвегии и является заверенной фотокопией протокола совещания, состоявшегося в Осло 21 ноября 1940 г. под председательством имперского комиссара[1]*. Мы представляем этот документ, имеющий особое значение, так как именно Норвегия является страной, которая была оккупирована немцами одной из первых. Число 21 ноября 1940 г., которое Вы видите в этом документе, относится к самым первым дням немецкой оккупации, и, кстати, в тексте записи совещания имеется ссылка на положение за семь последних месяцев.*

Таким образом, в нем точно раскрывается психология оккупантов за период от апреля 1940 года по ноябрь 1940 года, то есть в то самое время, или даже до того, как немцы, вторгшись в другие страны, делали заверения, которые я вчера зачитал Трибуналу.

На совещании присутствовали 40 человек; на нем был также статс-секретарь доктор Ландфрид, который представлял министерство экономики рейха. Вот что сказал рейхскомиссар:

«Сегодняшнее совещание является продолжением совещания, которое состоялось в Берлине. По этому случаю я хотел бы прежде всего отметить, что сотрудничество между армией и рейхскомиссаром является образцовым. Я должен протестовать против того представления, согласно которому армия осуществляла здесь свои финансовые задачи беспорядочным и безответственным образом. Надо также принять во внимание особые условия, которые существовали в Норвегии и которые еще частично существуют там до сих пор. Некоторые задачи были указаны фюрером; их нужно было выполнить в определенный срок. На берлинском совещании были намечены следующие положения, которые мы можем принять за основу для сегодняшнего совещания. Нет сомнения в том, что для выполнения задач вооруженных сил Норвегия была использована

---
[1] Т. е. Тербовена.

за последние семь месяцев в такой степени, что новое изъятие товаров без некоторой компенсации больше невозможно, если имеется намерение выполнить задачи вооруженных сил.

Я с самого начала считал, что моя главная задача в качестве рейхскомиссара состоит в следующем: мобилизовать все экономические и материальные силы страны в интересах армии и не пользоваться ресурсами рейха, если я смогу организовать это за счет ресурсов данной страны».

На этом я заканчиваю цитату из выступления рейхскомиссара. Я цитирую сейчас ответ доктора Ландфрида, ответ находится несколько ниже в документе.

«Я очень рад, что могу констатировать, чего мы смогли добиться здесь, в Норвегии, мобилизовав экономические силы Норвегии для германских нужд в такой степени, в какой это невозможно было достигнуть во всех оккупированных странах. Я должен вас особенно благодарить от имени министерства экономики. Вам удалось заставить норвежцев выполнить все, что можно».

Я полагаю, что Трибунал отметил ряд характерных выражений, которые используются в этом документе. Рейхскомиссар сказал: с самого начала моя задача состояла в мобилизации всех экономических и материальных сил страны в интересах вооруженных сил. А доктор Ландфрид сказал: нам удалось мобилизовать экономические силы в такой степени, в какой этого нельзя было достигнуть во всех оккупированных странах.

Таким образом, мы видим, что доктор Ландфрид не говорит, что в Норвегии у немцев было особое понятие об оккупации и что в других странах они действовали по-другому. Он сказал, что в других странах было невозможно действовать так же хорошо. Единственное ограничение, которое он признает, это ограничение материальных возможностей, но не ограничение в правах. Мысль об ограничении в правах ему даже не приходит в голову, так же как она не приходит в голову сорока присутствующим на этом совещании.

Здесь речь идет не о мнении или инициативе какой-либо районной администрации, а об официальной доктрине имперского кабинета и верховного командования, так как на совещании присутствуют сорок чиновников и представитель министра экономики.

Я хочу теперь подчеркнуть, что эта доктрина и эти способы распространялись на мобилизацию материальных ресурсов оккупированных стран и рабочей силы местных жителей.

Я говорил вчера, что немцы овладели с самого начала двумя ключевыми позициями производства: капиталом и рабочей силой. Действительно, в зависимости от их решения рабочая сила имела работу или не имела ее, существо-

вала безработица или не существовала. Этим объясняется то, что немцы лишь через некоторое время приняли особо жестокие меры по угону и мобилизации рабочих.

В первое время, то есть пока в оккупированных странах имелись запасы и сырье, немцам было выгоднее использовать рабочую силу на месте. Эта рабочая сила позволяла производить в их интересах, используя богатства страны, изделия, которые они присваивали. Таким образом, кроме морального преимущества сохранения видимости, они избегали переброски сырья с места добычи. Трудности с транспортом всегда играли большую роль в военной экономике немцев.

Но когда после более или менее длительного периода в оккупированных странах почти не осталось сырья и оккупированные страны были фактически разорены, немцам становилось невыгодно оставлять рабочую силу на месте. Им пришлось бы самим доставлять сырье и таким образом производить двойные перевозки: перевозку сырья в одном направлении и перевозку фабрикатов в другом направлении. Таким образом, стало выгоднее вывозить рабочих. Это соображение, кстати, совпало с нуждами, вытекающими из экономического положения Германии того времени, а также с политическими намерениями.

В связи с вопросом об использовании рабочей силы я зачитаю Трибуналу несколько фраз из одного документа, который я представляю, РФ-4 и который находится в книге документов после зачитанного мною документа. Этот документ воспроизводит фразы из статьи, опубликованной в газете «Паризер цейтунг» от 17 июля 1942 г.

Я одновременно представляю Трибуналу заверенную фотокопию газеты, которая находится в сборнике Национальной библиотеки. Эта статья подписана доктором Мишелем, бывшим начальником Экономического управления во Франции. Она называется «Два года подконтрольной экономики во Франции». Эта статья написана в духе германской пропаганды, поскольку она была опубликована в Париже в немецкой газете, одна страница которой печаталась на французском языке. Я, конечно, предупреждаю Трибунал, что мы вовсе не принимаем все высказываемое в настоящей статье, а хотели бы включить в протокол несколько фраз доктора Мишеля, из которых становится очевидным способ, о котором я говорил выше и к которому прибегали немцы для того, чтобы использовать рабочую силу сначала на месте, пока имелось сырье, а затем путем вывоза ее на работу в Германию.

«Для того чтобы использовать производительные силы французской промышленности, немцы начали с передачи во Францию своих заказов на военную продукцию. Для того чтобы отдать себе отчет в успехе заказов, переданных немцами, достаточно назвать одну цифру: сумму сделок,

которые были заключены в то время; эта сумма превысила сотни миллионов франков.

Новая кровь циркулирует в венах французской экономики, которая работает до предела своих возможностей».

Несколько фраз, которые находятся в оригинале, здесь пропущены, так как они не представляют интереса. Я читаю следующую фразу:

«По мере того, как запасы сырья уменьшались из-за затяжной войны, начали вывозить освобождающуюся французскую рабочую силу».

Доктор Мишель красивыми фразами старается скрыть истину, которая заключается в том, что переброска рабочих началась в тот момент, когда запасы сырья, которые немцы присвоили с самого начала, стали истощаться.

Заключение, которым я хочу закончить свое выступление, сводится к тому, что немцы всегда рассматривали рабочую силу и человеческий труд как находящиеся у них в услужении. Этот взгляд уже существовал до официального введения трудовой повинности, о которой я буду говорить позже.

С точки зрения немцев, использование рабочей силы всегда должно было непременно служить их интересам. Подобное положение должно было остаться и после войны.

Это последний пункт, который я хотел бы подчеркнуть, так как он указывает на большие масштабы и серьезность германской концепции и планов немцев. В этой связи я процитирую документ РФ-5 в нашей книге документов. Я представляю Трибуналу брошюру, которая вышла на французском языке в Берлине в 1943 году. Ее автором является доктор Ф. Дидьер; она озаглавлена: «Работать на Европу». Вышла эта брошюра в центральном издательстве национал-социалистской партии. Она начинается с предисловия подсудимого Заукеля, факсимиле подписи которого было воспроизведено в печати.

Я процитирую Трибуналу один абзац из этого произведения:

«Большой процент иностранных рабочих останется даже после победы на нашей территории. После обучения строительному делу они должны будут закончить то, что помешала закончить война, а также осуществить то, что оставалось до сих пор в состоянии проектов».

В этом пропагандистском издании, которое написано с очень большой осмотрительностью и с намерением привлечь симпатии, немцы все же признаются в том, что они рассчитывали сохранить рабочую силу из других стран даже после войны для того, чтобы обеспечить в дальнейшем величие Германии, не ограничивая пребывание этой рабочей силы в Германии ни определенными задачами, ни временем. Речь идет, таким образом, об их политике безграничной эксплуатации.

Из выступления представителя обвинения от Франции Ш. Жертоффера[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 19 и 21 января 1946 г.

Господин председатель, господа судьи!

Французскому обвинению поручено представление доказательств вины подсудимых в совершении преступлений, предусмотренных статьей 6 Устава Трибунала, включающей нарушения законов и обычаев войны, имеющих отношение как к лицам, так и к общественной и частной собственности.

Материалы о жестоком обращении с военнопленными и гражданскими лицами, о пытках, убийствах, угоне в рабство, а также разрушениях, не оправдываемых военной необходимостью, были или будут еще представлены моими коллегами. Г-н Дельпеш и я имеем честь представить доказательства о расхищении общественной и частной собственности. Трибуналу предстоит ознакомиться с самой сухой частью материалов обвинения. Мы постараемся представить ее в наиболее кратком виде, сократить чтение многочисленных документов, представляемых Трибуналу, и по возможности избежать представления статистического материала, чтобы отметить только главные факты.

Однако иногда мы будем знакомить Трибунал с некоторыми подробностями для того, чтобы он мог ясно представить некоторые характерные факты по разграблению экономики, вменяемые в вину подсудимым...

В своих речах и в своих произведениях Гитлер никогда не скрывал экономических целей агрессии, которую намеревалась предпринять Германия.

Расовая теория и теория жизненного пространства усилили захватнические устремления нацистов и одновременно стимулировали их воинственные инстинкты.

Захватив без боя Австрию и Чехословакию, они напали на Польшу и подготовились к нападению на страны Западной Европы, в которых они рассчитывали найти то, чего им не хватало, чтобы обеспечить себе господство. Этот факт, в частности, явствует из документа ЕС-606, РФ-92. В этом документе приводится протокол совещания, состоявшегося 30 января 1940 г. у подсудимого Геринга в присутствии подполковника Конрада и директора Ланге из группы машиностроения.

Вот главная часть этого протокола:

«Фельдмаршал Геринг начал с того, что он должен ознакомить меня с целями фюрера, а также необходимы-

[1] IMT, vol. 5, p. 513—563.

ми экономическими мероприятиями, которые вытекают из них».

Вот что он сказал:

«Фюрер убежден, что решительного завершения войны в 1940 году можно достигнуть только благодаря энергичному наступлению на Западе. Он рассчитывает, что Бельгия, Голландия и Северная Франция будут завоеваны нами и что он, фюрер, основывается на том расчете, что промышленные районы городов Дуэ, Ланса, Люксембурга, Лонгви и Брюэ могли бы заменить поставки сырья из Швеции. Ввиду этого фюрер решился, не считаясь с будущим, использовать полностью наши резервы сырья, даже если это приведет к возможному затягиванию войны. Правильность этого решения подкреплялась мыслью, что самыми лучшими запасами были не запасы сырья, а готовой военной техники. Надо предвидеть также, что если начнется воздушная война, то наши собственные сборочные заводы могут быть разрушены. Фюрер считает также, что главные усилия должны быть предприняты в 1940 году для того, чтобы добиться максимальных результатов, следовательно, надо свернуть долгосрочные программы производства для того, чтобы ускорить выполнение той программы, которая должна закончиться в 1940 году».

В момент гитлеровского вторжения страны Западной Европы изобиловали всякого рода продуктами и изделиями. Однако после четырехлетнего систематического разграбления и порабощения эти страны были разорены, и в результате введения строгих ограничений их население было физически ослаблено.

Чтобы добиться таких результатов, немцы использовали все средства, в особенности насилие, хитрость и шантаж.

Темой настоящего выступления явится уточнение главных видов расхищения, произведенного по приказу руководителей нацистской Германии в странах Западной Европы, а также представление доказательств того, что вышеупомянутые расхищения являются военными преступлениями, подсудными Международному военному трибуналу.

Невозможно подвести точный итог германским грабежам и выгоде, которую они извлекли в результате захвата производства в оккупированных странах. С одной стороны, для этого недостаточно времени, с другой стороны, это невозможно, так как существовали некоторые тайные операции; к тому же архивы были истреблены как в результате войны, так и умышленно в период разгрома немцев.

Однако документы, которыми мы располагаем в настоящее время, и собранные сведения позволяют установить минимальные размеры расхищений.

Здесь я попрошу разрешения Трибунала сделать три предварительных замечания.

Во-первых, многочисленные акты индивидуального расхищения, совершенные немцами, в этом выступлении при-

водиться не будут, так как они входят в компетенцию другой юрисдикции.

Во-вторых, здесь мы только напомним о неисчислимых материальных последствиях преступлений гитлеровцев, например, о материальном ущербе, нанесенном семье, глава которой убит, или об ущербе, причиненном некоторым жертвам плохого обращения, в результате чего они стали полными или частичными, временными или пожизненными инвалидами, а также об ущербе, нанесенном разрушением населенных пунктов либо домов с целью мести или устрашения.

В-третьих, мы не будем упоминать об ущербе, нанесенном непосредственно военными действиями, так как он не является материальным следствием военных преступлений. В этом случае необходима отдельная оценка каждой операции.

С разрешения Трибунала я начну сейчас с общих замечаний об экономическом грабеже Западной Европы.

Под словами «экономический грабеж» следует подразумевать изъятие богатств всякого рода, а также захват производства различных оккупированных стран.

Чтобы достигнуть такого результата в странах высокого промышленного развития, где имелись многочисленные запасы фабрикатов и большие резервы сельскохозяйственных продуктов, выполнение немцами своих целей было сопряжено с большими трудностями.

Несмотря на то, что немцы использовали реквизиции максимальным образом, этого способа им оказалось недостаточно. Они должны были найти способ обнаружения и изъятия самых различных предметов, иногда скрываемых жителями; с другой стороны, они должны были поддерживать на каком-то уровне экономическую деятельность этих стран для своей же собственной пользы.

Простейшим способом захвата и сосредоточения в своих руках производства и распределения изделий и продукции явился захват почти всех платежных средств, а затем, при необходимости, распределение их в принудительном порядке в обмен на товары или услуги, что одновременно обеспечивало условия для избежания роста цен.

Для того чтобы не умереть с голоду, население должно было, естественно, работать непосредственно или косвенно в интересах Германии...

I. Захват немцами платежных средств

Для того чтобы получить в свое распоряжение платежные средства, немцы действовали в различных оккупированных странах почти одинаковыми способами. Сначала они провели два основных мероприятия: во-первых, выпус-

тили бумажные деньги согласно приказу от 9 мая 1940 г., который я представляю Трибуналу под номером РФ-93. Этот приказ относится к Дании и Норвегии; на оккупированных территориях Бельгии, Голландии, Люксембурга и Франции он вступил в силу 19 мая 1940 г. Немцы начали выпускать бумажные деньги, которые имели хождение только в соответствующей из оккупированных стран. Во-вторых, ими была предпринята другая мера: блокирование существующих платежных средств внутри оккупированных стран согласно приказу от 10 мая 1940 г., который я представляю под номером РФ-94.

В Голландии это было проведено приказами от 24 июня, 14 августа, 16 августа и 18 сентября 1940 г., которые я представляю под номерами РФ-95, 96, 97 и 98.

В Бельгии — приказами от 17 июня и 22 июля 1940 г., которые представляются Трибуналу под номерами РФ-99 и 100.

Эта мера, а именно произвольный выпуск немцами бумажных денег без всякого контроля со стороны финансовых органов оккупированных стран, должна была явиться, как мы это увидим вскоре, мощным средством давления для того, чтобы добиться взносов громадной контрибуции под предлогом содержания оккупационных войск и для того, чтобы навязать так называемые «соглашения» об оплате по системе клиринга, действовавшей исключительно в интересах оккупантов.

Оккупанты мошеннически добились таким образом платежных средств, использованных ими для того, чтобы осуществить операции на очень большие суммы исключительно в своих интересах.

Германия умышленно создавала видимость регулярного расчета за все сельскохозяйственные продукты, промышленные изделия, сырье, предметы всякого рода и за труд с помощью бумажных денег рейхскредиткассы и так называемого «соглашения» о клиринге или же посредством военной контрибуции, называвшейся возмещением за содержание оккупационных войск.

Таким образом, можно утверждать, что все эти расчеты были фиктивными; они явились наиболее широко распространенными способами мошенничества, к которым нацисты прибегали для осуществления экономического ограбления оккупированных стран Западной Европы...

II. Захват производства оккупированных стран

После вторжения немцев в страны Западной Европы в последних начался большой беспорядок, явившийся последствием этого вторжения. Население эвакуировалось. Промышленность остановилась. Германские войска охраняли заводы и не позволяли никому туда проникать. Невоз-

можно перечислить предприятия, которые находились в таком положении, поскольку эта участь постигла большинство из них.

В качестве примера мы представляем Трибуналу оригинал одной из многочисленных афиш, наклеенных на воротах промышленных предприятий Франции. Я представляю эту афишу под номером РФ-102. Она датирована: Париж, 28 июня 1940 г. Цитирую:

«По приказу генерал-фельдмаршала Геринга от 28 июня 1940 г., генеральлюфтцейгмейстер занял этот переданный в его ведение завод. Вход разрешается только тем, кто обладает специальным разрешением, выданным генеральлюфтцейгмейстером в Париже».

Как только заводы и фабрики были заняты, германские техники, прибывшие вскоре после войск, стали заниматься методическим изъятием лучших машин этих предприятий. В частности, из датированного декабрем 1940 года секретного отчета полковника экономического отдела ОКВ Эдлера явствует, что изъятие лучших машин в оккупированных странах должно было быть организовано вопреки статье 53 Гаагской Конвенции. Этот документ — РФ-103, ЕС-84.

С другой стороны, тотчас же после вторжения рабочие, не имея других средств существования, являлись к заводам в надежде найти какой-то заработок.

Во всех оккупированных странах вставали одни и те же проблемы: остановить производившийся в угрожающем темпе вывоз машин и предоставить рабочим работу.

Со своей стороны, немцы требовали возобновления работы промышленных предприятий под предлогом гарантирования снабжения населения. Приказ об этом от 20 мая 1940 г. мы представляем под номером РФ-104. Он касается Голландии, Бельгии, Люксембурга и Франции. В нем предписывается возобновить работу на всех предприятиях пищевой промышленности и сельского хозяйства. Тот же приказ предусматривал назначение временных администраторов на эти предприятия, когда руководители их по какой-либо причине отсутствовали...

В общем, чтобы избежать безработицы и сохранить средства производства, промышленники мало-помалу возобновили работу, стараясь специализироваться на производстве для нужд гражданского населения. Однако, используя различные средства давления, немцы добились производства оборонительного вооружения, а затем и наступательного. Они реквизировали некоторые предприятия, закрыли те из них, которые они не считали необходимыми, сами распределяли сырье и назначали своих представителей на заводы.

Захват немцами предприятий распространялся все шире и шире в согласии с секретными директивами, которые издавались подсудимым Герингом, начиная со 2 августа

1940 г. Это явствует из документа ЕС-137, РФ-105. Вот наиболее значительный абзац этого документа:

«Расширение немецкого влияния на иностранные предприятия является целью немецкой экономической политики. Сейчас еще нельзя определить, будет ли мирный договор предусматривать передачу долей участия в деловых операциях и в каких размерах, но уже сейчас необходимо использовать всякую возможность, чтобы позволить немецкой экономике уже в военное время утвердиться на наиболее важных экономических объектах оккупированных стран и чтобы помешать маневрам, которые могли бы воспрепятствовать достижению вышеуказанной цели...»

После того, как вы ознакомились с таким документом, не может остаться никаких сомнений относительно намерений немецких руководителей. Доказательства проведения в жизнь этого плана содержатся в документе, который будет оглашен, когда будет рассматриваться вопрос о Франции. Трибунал ознакомится с обзором некоего Михеля, начальника штаба по экономическим вопросам и помощника немецкого военного коменданта во Франции. Этот обзор дает представление о широких масштабах диктатуры Германии над экономикой оккупированных стран.

Контроль над предприятиями оккупированных стран обеспечивался гражданскими или военными чиновниками, которые назначались на месте, а позднее также и однородными германскими предприятиями.

Для того, чтобы дать вам пример этого экономического господства, я сошлюсь на приказ, полученный одной значительной французской фирмой. Речь идет о фирме «Томсон-Устон». Я представляю Трибуналу документ РФ-106 — письмо, адресованное этой фирме. Оно написано в Париже 8 октября 1943 г.:

«Фирма Томсон-Устон, Париж, бульвар Османи, 173. Как перед заказчиком, так и перед моим управлением, ведающим в целом всеми заказами, размещенными во Франции, вы несете полную ответственность за своевременное, тщательное и рациональное выполнение германских заказов, которые были вам переданы.

Для того чтобы облегчить вам исполнение ваших обязанностей, фирма «Альгемейне Электроцитетсгезельшафт» (Берлин, Г. В. Фридрих-Карл-Уфер, 2—4) назначается в качестве вашей «патен-фирмы»[1]. Я придаю очень большое значение тому, чтобы по техническим вопросам вы работали в тесном сотрудничестве с вышеуказанной фирмой.

На «патен-фирму» возлагается следующее:

1) участвовать в составлении вашего производственного плана для того, чтобы использовать ваши производственные возможности;

2) находиться в вашем распоряжении для того, чтобы

[1] Фирма, осуществляющая фактический контроль за деятельностью той или иной фирмы на захваченной территории.

давать вам любые технические советы, какие вам могут понадобиться, и взаимно обмениваться опытом;

3) в необходимых случаях служить посредником при переговорах с немецкими учреждениями;

4) держать меня в курсе всего, что может случиться и что могло бы помешать вам в выполнении ваших обязательств.

Для того чтобы обеспечить выполнение этих задач, «патен-фирма» имеет право направить в вашу фирму уполномоченного и, в случае надобности, инженеров по производству из тех немецких фирм, которые дали вам значительные заказы.

Для того чтобы дать «патен-фирме» возможность выполнять свои задачи, следует представлять ей непосредственно или ее уполномоченному сведения, касающиеся немецких заказов и их выполнения, например:

1) вы должны держать ее в курсе вашей корреспонденции с поставщиками и заказчиками;

2) сообщать ей, каким именно образом используются производственные мощности ваших заводов, и представлять возможность ознакомления с производством;

3) привлекать представителя этой фирмы к участию в ваших заседаниях и знакомить его с вашей корреспонденцией с немецкими учреждениями.

Вы должны немедленно сообщать «патен-фирме» или ее уполномоченным о всех получаемых вами заказах».

Почти все крупные фирмы в оккупированных странах были поставлены, таким образом, под контроль немецких фирм с двойной целью: во-первых, для того, чтобы содействовать военным усилиям Германии, и, во-вторых, чтобы добиться, путем постепенного захвата, экономического господства в Европе даже в случае компромиссного урегулирования.

В области сельского хозяйства немцы использовали аналогичные методы давления. Они осуществляли массовые реквизиции продуктов и оставляли населению продукты в количестве, явно недостаточном для существования.

Теперь я перехожу к третьему разделу, посвященному вопросам индивидуальных закупок немецких военных и гражданских лиц в оккупированных странах.

Если в настоящем моем выступлении я не могу говорить об индивидуальных актах ограбления или многочисленных кражах, совершавшихся в оккупированных странах, то все же необходимо сказать об индивидуальных закупках, которые в интересах немцев методически организовывали немецкие власти.

В начале оккупации солдаты и гражданские лица производили закупки по выдававшимся им начальством ордерам, законность которых является спорной. Но вскоре немцы получили в свое распоряжение достаточное количество денег, которое позволило им покупать без карточек или по специальным ордерам большое количество сельс-

кохозяйственных продуктов или всевозможных предметов, к которым, в частности, относятся текстиль, обувь, меха, изделия из кожи и т. д.

Таким образом, многие обувные фирмы вынуждены были каждую неделю отпускать по специальным немецким ордерам 300 пар городской обуви — мужской, дамской или детской...

Индивидуальные покупки, являвшиеся одним из видов экономического грабежа, не только поощрялись, но и организовывались немецкими властями.

Немцы возвращались к себе на родину, обременные многочисленным багажом. Была создана специальная служба по отправке посылок немцев из оккупированных стран. Отсылаемые предметы упаковывались в особую бумагу и снабжались печатями, благодаря которым посылки освобождались от таможенных пошлин.

Чтобы представить себе, каковы были масштабы этих индивидуальных закупок, следует обратиться к показанию некоего Мюрделя, бывшего директора имперской кредитной кассы, в настоящее время арестованного в Париже и допрошенного судебным следователем департамента Сены. Вот что Мюрдель показал по поводу индивидуальных закупок, это документ РФ-108.

Следователь задал ему следующий вопрос:

«Каковы были нужды оккупационной армии? Какие закупки вы должны были оплачивать за армию?»

Мюрдель ответил:

«Я не могу ответить на первую часть вопроса. Во время оккупации я старался уяснить себе этот вопрос, но мне возражали, заявляя, что это военная тайна, которую я не должен знать. Все, что я могу вам сказать, это то, что мы выплачивали жалованье войскам и что простой солдат получал от 50 до 60 марок, унтер-офицер на 50 процентов больше, а офицер, разумеется, значительно больше. Я не знаю, каков был численный состав оккупационной армии, так как количество войск часто изменялось».

Я пропускаю несколько строчек. Дальше Мюрдель добавляет:

«Кроме того, каждый отпускник, возвращающийся из Германии, имел право привезти с собой известное количество марок (50). Это же относилось ко всем немецким солдатам, впервые назначенным во Францию. Мы обменивали эти марки на французские франки. Я определяю, что примерно 5 миллиардов франков мы каждый месяц выплачивали по этой статье».

Таким образом, сумма всех индивидуальных расходов немцев во Франции за время оккупации составляет примерно 250 миллиардов франков, из которых большая часть была израсходована на покупку продуктов и разных предметов, отсылавшихся в Германию в ущерб французскому населению.

Для того чтобы представить себе значение этих расходов, я скажу, что 5 миллиардов франков в месяц, или 60 миллиардов в год, составляют сумму, превышающую доходную часть годового бюджета французского государства за 1938 год, которая равнялась 54 миллиардам франков.

После того, как мы рассмотрели вопрос об индивидуальных покупках, я перехожу к четвертому разделу, посвященному организации немцами «черного рынка» в оккупированных странах. Потребление населением оккупированных стран продуктов и товаров было подвергнуто строгому нормированию. Населению оставлялись продукты в количестве, явно недостаточном для удовлетворения жизненных потребностей...

Такой порядок вызвал резкое сокращение предложения товаров и продуктов и сокрытие их от немцев. Это, в свою очередь, породило в оккупированных странах то, что называется «черным рынком», то есть торговлю из-под полы, происходившую в нарушение правил, регулировавших нормированное снабжение.

Немцы не замедлили воспользоваться этим и начали производить закупки на «черном рынке» во все возрастающих размерах, большей частью при посредстве агентов и третьих лиц, вербовавшихся из самых сомнительных элементов населения, которые были уполномочены «отыскивать» продукты.

Эти агенты, скомпрометированные перед законом за нарушение правил, нормирующих снабжение, пользовались полной безнаказанностью, но зато находились все время под угрозой доноса и выдачи их немецкими нанимателями в том случае, если они замедлят или прекратят свою деятельность. Часть этих агентов одновременно выполняли поручения гестапо, а вознаграждением за это являлась прибыль от их операций на «черном рынке».

Различные немецкие учреждения в оккупированных странах усвоили себе привычку производить на «черном рынке» все более значительные закупки. Дело дошло до того, что они начали рвать товары друг у друга, что привело к большому повышению цен и могло вызвать инфляцию. Продолжая совершать тайные закупки, немцы одновременно стремились к тому, чтобы деньги, которыми они расплачивались, сохраняли наивысшую стоимость.

Для того чтобы предотвратить ажиотаж на «черном рынке», руководители Германии в июне 1941 года решили производить покупки на «черном рынке» организованно.

С этой целью подсудимый Геринг, уполномоченный по четырехлетнему плану, поручил 13 июня 1942 г. полковнику Вельтжену централизовать структуру «черного рынка» в оккупированных странах. Это явствует из документа РФ-109, который я представляю Трибуналу. Под этим номером представляется 3 документа, в том числе и документ о назначении полковника Вельтжена, подписанный самим Герингом... Читаю:

«Закупки товаров, осуществляемые одновременно различными соединениями вооруженных сил и другими организациями, создали в некоторых оккупированных странах на так называемом «черном рынке» такое положение, которое мешает планомерному использованию этих стран для нужд военной экономики, подрывает престиж Германии, а также дисциплину, необходимую для всякой военной или гражданской администрации.

Такое плачевное положение вещей не может быть далее терпимо. Поэтому я уполномочиваю Вас урегулировать эти коммерческие операции по согласованию с соответствующими учреждениями и, в особенности, с начальниками администрации оккупированных территорий. В принципе коммерческие операции на оккупированных территориях, выходящие за рамки нормального снабжения или нарушающие установленные цены, должны ограничиваться особыми случаями, и притом лишь с Вашего предварительного на то согласия. Я согласен с Вашим предложением о том, чтобы использовать для закупки товаров специальные организации, находящиеся под контролем империи, и прежде всего «Рогес».

Я прошу Вас представить мне как можно скорее план Вашей работы в Голландии, Бельгии, Франции и Сербии. В Сербии это должно быть поручено генеральному консулу Нейхаузену. Этот план должен, кроме того, включать захват оборудования портовых сооружений и тех предприятий на оккупированных территориях, которые в дальнейшем могут быть закрыты. Отчет о результатах вашей деятельности прошу представлять мне ежемесячно через моего представителя. Первый из этих отчетов должен быть представлен 1 июля 1942 г.

В случае необходимости центральное управление по четырехлетнему плану примет решение относительно распределения закупленных товаров».

Подписано «Геринг».

Впоследствии, 4 сентября 1942 г., подсудимый Геринг распорядился о том, чтобы все виды полезных товаров были закуплены, даже если это вызовет признаки инфляции в оккупированных странах. Это явствует из отчета, подписанного Вилем и касающегося использования фондов, создаваемых за счет расходов по оккупации. Я представляю этот отчет Трибуналу под номером РФ-110, ПС-1766.

Немного позднее, 4 октября 1942 г., подсудимый Геринг произнес речь по случаю «Праздника жатвы», опубликованную в «Дас архив» за октябрь 1942 года. В этой речи подсудимый Геринг в завуалированной форме дает понять, что он желает, чтобы закупки на «черном рынке» в оккупированных странах продолжались в интересах немецкого населения. Я представляю экземпляр газеты с этой речью под номером РФ-111 и оглашаю следующую выдержку:

«Я исследовал с исключительной тщательностью положение дел в оккупированных странах. Я узнал, как живут люди в Голландии, Бельгии, Франции, Норвегии, Польше и повсюду, где мы уже расположились. Я заметил, что хотя их пропаганда очень часто официально говорит о трудностях их продовольственного положения, в действительности дело обстоит далеко не так. Несомненно, повсюду, даже во Франции, была введена система продуктовых карточек. Но то, что можно получить по карточкам, — это только добавочное снабжение, а люди живут нормально за счет нелегальной торговли.

Такое положение вещей привело меня к твердому решению, от которого я не отклонюсь ни в коем случае. Первая задача, которую надо осуществить прежде всего, — это обеспечить немецкому народу первое место в борьбе с голодом и в разрешении проблемы снабжения. Вот почему я решил, что на территориях, которые нами завоеваны и находятся под нашей защитой, население не должно голодать, но если враг будет мешать проведению нашей политики снабжения, надо, чтобы все знали, что если голод наступит, то это, во всяком случае, будет не в Германии»...

Войсками США был обнаружен секретный доклад, составленный 15 января 1943 г. полковником Вельтженом, в котором он отчитывается перед подсудимым Герингом в своей деятельности за шесть месяцев. Это документ ПС-1765, РФ-112, который я представляю сейчас Трибуналу.

В первой части этого доклада полковник Вельтжен таким образом объясняет причины возникновения «черного рынка»:

«1) уменьшение количества товаров, вызванное нормированием и распределением;

2) невозможность остановить рост цен;

3) невозможность осуществлять контроль за ценами по немецкому образцу из-за отсутствия персонала у контрольных органов;

4) небрежность, проявляемая местными властями при проведении контрмер, в особенности во Франции;

5) неудовлетворительная работа местных уголовных судов;

6) отсутствие дисциплины у гражданского населения».

Дальше в этом же параграфе Вельтжен говорит:

«Деятельность немецких организаций на «черном рынке» постепенно приняла такие размеры, что положение становилось невозможным. Стало обычным, что продавцы на «черном рынке» одновременно предлагали свои товары нескольким учреждениям, и товар получало то из них, которое предлагало наиболее высокую цену. Таким образом, различные немецкие учреждения не только выхватывали друг у друга товары, но и способствовали росту цен».

Далее в своем докладе Вельтжен указывает, что он возглавил управление, созданное уполномоченным по четырехлетнему плану.

«Наконец в июне 1942 года по согласованию со всеми центральными учреждениями специальному уполномоченному было поручено взять в свои руки управление «черным рынком». Таким образом, впервые стало возможным выполнить первое условие, необходимое для успешного разрешения проблемы «черного рынка».

Во второй части своего доклада Вельтжен указывает на преимущества организации, во главе которой он был поставлен. Он пишет, в частности:

«Утверждали, что закупки на «черном рынке» в их нынешних размерах и по существующим ценам станут, в конце концов, слишком обременительными для бюджета империи. На это можно ответить, что большая часть осуществленных закупок была сделана во Франции и была профинансирована за счет расходов по оккупации. Таким образом, из общей суммы закупок в 1 107 792 819 марок 929 100 000 марок были отнесены за счет расходов по оккупации и никоим образом не явились бременем для бюджета империи».

Указав на различные неудобства «черного рынка», Вельтжен заключает: «...надо признать, что положение со снабжением империи не позволяет теперь как и раньше отказываться от закупок на «черном рынке» до тех пор, пока будут существовать тайные склады товаров, полезных для ведения войны. Перед этим высшим соображением все другие соображения должны отпасть».

В третьей части этого же доклада Вельтжен говорит о технической организации своей службы.

Вот несколько интересных страниц:

«Главное управление по контролю, специально созданное для этой цели, а именно:

а) служба наблюдения во Франции с центром, находящимся в Париже;

б) служба наблюдения в Бельгии и Северной Франции — центр в Брюсселе;

в) служба наблюдения в Бельгии и Северной Франции, дополнительная служба в Лилле — центр в Лилле;

г) служба наблюдения в Голландии — центр в Гааге;

д) служба наблюдения в Сербии — центр в Белграде».

Далее Вельтжен указывает, что сами закупки осуществлялись ограниченным количеством уполномоченных на это организаций покупщиков: во Франции в количестве — 11, в Бельгии — 6, в Голландии — 6, в Сербии — 3.

«Таким образом, — пишет Вельтжен, — все закупки в целом находятся под контролем упономоченного по специальным заданиям».

Затем Вельтжен добавляет:

«Финансирование закупок и перевозка этих товаров осуществляются имперской организацией «Рогес». Она же

распределяет товары внутри империи в соответствии с инструкциями, получаемыми от центрального управления по проведению плана или от различных ведомств, указанных этим центральным управлением, всегда с учетом важности требований, подлежащих удовлетворению».

В четвертой части своего доклада Вельтжен дает отчет о размерах операций, проведенных по 30 ноября 1942 г., то есть менее чем за 5 месяцев, поскольку его организация начала свою деятельность только с 1 июля 1942 г. Вот цифры, приводимые Вельтженом:

«Объем произведенных закупок (по 30 ноября 1942 г.).

После начала закупок, осуществляющихся военными комендантами или имперским уполномоченным, было закуплено товаров подконтрольного распределения в империи на общую сумму 1 107 792 818 марок, из них: во Франции — на 929 100 000 марок; в Бельгии — на 103 881 929 марок; в Голландии — на 73 685 162 марки; в Сербии — на 1 125 727 марок».

Вельтжен добавляет:

«Во Франции оплата этих закупок была осуществлена за счет расходов по оккупации, а в других странах путем клиринга».

Далее Вельтжен приводит таблицу товаров, закупленных в течение пяти месяцев. Я ограничусь тем, что суммирую это Трибуналу:

1. Металлы — 66 202 тонны на сумму в 273 078 287 марок.

2. Текстиль — на общую сумму в 439 040 тысяч марок.

3. Кожа, выделанная и невыделанная, и меха — на общую сумму в 120 754 тысячи марок.

Вельтжен прибавляет: «В числе прочих товаров были закуплены смазочные и питательные масла и жиры, шерсть, различные хозяйственные предметы, продукты для буфета, вина, спиртные напитки, саперные инструменты, разные санитарные предметы, сумки и т. д. ...»

В этом докладе Вельтжен приводит статистику роста цен за пять месяцев и выдвигает принцип использования «черного рынка» исключительно для Германии, со строгим преследованием всякого использования его населением оккупированных стран. По этому поводу он пишет буквально следующее:

«1. Расширять контроль за ценами. Учитывая, что увеличить немецкий персонал службы наблюдения либо невозможно, либо возможно только в ограниченной мере, надо добиться от местных органов власти, чтобы они действовали в этом направлении более энергично.

2. Подвергать суровому наказанию согласно немецким методам всех нарушающих установленный порядок. Это фактически единственное средство для борьбы с недисциплинированностью населения, недисциплинированностью, происходящей от индивидуалистических и либе-

ральных нравов населения. Необходимо контролировать приговоры, которые будут выноситься местными судами.

3. Обещать вознаграждение за доносы на лиц, нарушающих правила. Размеры этого вознаграждения должны быть достаточно высоки, соразмерны ценности тех предметов, которые будут изъяты благодаря этим доносам.

4. Наем информаторов и провокаторов.

В целях дальнейшей борьбы с нелегальным производством:

5. Остановка всех предприятий, не работающих на войну.

6. Остановка или слияние с другими тех предприятий, производственная мощность которых используется неудовлетворительно.

7. Усиление контроля над производительностью труда на предприятиях.

8. Тщательное исследование вопроса о количестве сырья, выдаваемого предприятиям при передаче им немецких заказов.

9. Политика цен, которая обеспечит предприятиям достаточную прибыль и будет гарантировать им средства к существованию».

Рассматривая жалобы руководителей оккупированных стран на немецкие закупки на «черном рынке», Вельтжен пишет:

«Между прочим, за последнее время руководящие хозяйственные круги Франции и Бельгии и глава французского правительства жалуются на систематические покупки, которые производятся немцами. В ответ на подобные заявления надо указать, не говоря уже о других доводах, что с немецкой стороны также имеется большая заинтересованность в том, чтобы «черный рынок» исчез, но что главная ответственность за его существование падает на правительственные органы, вследствие неспособности осуществлять контроль за ценами и свою слабость в судебном преследовании виновных, что, в свою очередь, поощряет недисциплинированность со стороны населения».

С разрешения Трибунала я подчеркну мимоходом, чего стоит аргументация Вельтжена, напомнив Трибуналу, что основными покупателями на «черном рынке» были немцы и что их агенты пользовались полной безнаказанностью.

Наконец, по вопросу о заводском оборудовании Вельтжен пишет в своем докладе:

«Специальные уполномоченные, в числе других функций, должны изымать машины с заводов, которые не работают.

Количество машин (а также станков), которые не используются и в которых Германия остро нуждается для своей военной промышленности, очень велико. По договоренности между специальными уполномоченными, военными комендантами и уполномоченными по машиностроению во Франции при инспекции по вооружению была

создана специальная служба по распределению машин. Создание аналогичной службы по распределению машин предусмотрено также для Бельгии и Нидерландов. Нужно быть готовыми к тому, что в этой области будет оказано серьезное сопротивление как со стороны собственников заводов, так и со стороны местных правительственных властей.

Оккупационные власти должны будут пустить в ход все средства, чтобы сломить это сопротивление»...

Размеры немецких операций на «черном рынке» установлены немецкими документами, которые противная сторона не может оспаривать. Я позволю себе напомнить Вам, что эти документы устанавливают, что за пять месяцев в трех странах эти операции составили сумму в 1 107 792 818 марок...

С юридической точки зрения, является бесспорным тот факт, что систематическое ограбление захваченных Германией стран противоречило Гаагской Конвенции, подписанной Германией и умышленно нарушенной ею, хотя ее руководители пользовались каждым случаем, чтобы, сославшись на эту Конвенцию, добиться получения выгод, опираясь на содержащиеся в ней положения.

Третий раздел Гаагской Конвенции озаглавлен: «Военные власти на территории неприятельского государства»; он определяет урегулирование экономических вопросов. Эти положения достаточно ясны и не дают повода для различных толкований.

Трибунал разрешит мне напомнить ему эти положения.

«Статья 42: Территория признается занятой, если она действительно находится во власти неприятельской армии. Занятие распространяется лишь на те области, где эта власть установлена и в состоянии проявлять свою деятельность.

Статья 43: С фактическим переходом власти из рук законного правительства к занявшему территорию неприятелю последний...

Председатель: Я думаю, мы примем положения Конвенции без доказательств.

Жертоффер: Тогда я не буду читать статьи, а позволю себе сделать выводы.

Немцы не имели права захватывать в оккупированных странах ничего, кроме того, что требуется для содержания необходимого для оккупированной территории количества войск. Все изъятия, имевшие место вне этих пределов, являлись нарушениями известных Вам положений, а следовательно, были захватническими действиями...

Действия, связанные с ограблением экономики, полностью противоречат принципам международного права; эти действия официально предусмотрены пунктом «b» статьи 6 Устава Международного военного трибунала...

На этом заканчивается общая часть моего изложения по вопросу об экономическом ограблении. Если Трибунал мне

разрешит, мы можем перейти к рассмотрению тех особенностей в ограблении экономики, которые имели место в Дании.

После того, как немцы, в нарушение всех положений международного права и в нарушение взятых ими обязательств, захватили Данию, они еще не были уверены в том, что смогут быстро обеспечить господство в Западной Европе.

Сначала они избрали линию поведения, в соответствии с которой они решили, что не будут ничего вывозить из этой страны, но после успехов в мае 1940 года изменили по отношению к Дании свою позицию...

Для обеспечения своего господства в экономической сфере они стремились получить в свое распоряжение большую часть датских платежных средств...

По полученным от датского правительства сведениям, немцы после своего вступления заявили, что они не потребуют от страны никаких поставок и что германская армия будет снабжаться привозимым из империи.

Тем не менее вместо приобретения датских крон для того, чтобы позволить германским войскам производить расходы в Дании, немцы, начиная с 9 мая 1940 г., заставили пустить в обращение бумажные денежные знаки имперской кредитной кассы. Это подтверждается представленным уже мною документом РФ-93.

Поскольку Датский национальный банк в связи с выпуском в обращение иностранных бумажных денежных знаков заявил протест, немцы изъяли их из обращения, но потребовали у национального банка открытия счета, обязавшись не изымать сумм, которые превосходили бы расходы на содержание в Дании германской армии.

Но немцы не замедлили нарушить взятое обязательство и, несмотря на протесты Дании, изымали суммы, значительно превосходившие расходы, необходимые на содержание оккупационной армии.

По сведениям, полученным от Датского правительства, немцы в среднем изымали ежемесячно:

в	1940 году	43 млн.	крон
"	1941 "	37 "	"
"	1942 "	39 "	"
"	1943 "	83 "	"
"	1944 "	157 "	"
"	1945 "	187 "	"

Общие размеры изъятых сумм, по подсчетам Датского правительства, достигают 4830 миллионов крон.

В связи с рассматриваемым вопросом я предъявляю документ РФ-115, доклад датского правительства по финансовым вопросам. Я обращусь к этому отчету и в дальнейшем, в ходе предъявления доказательств.

Сведения, сообщенные датским правительством, подтверждаются лишний раз германским документом ЕС-86,

который я предъявляю Трибуналу под номером РФ-116. Это секретный отчет от 10 октября 1944 г., составленный управлением по вопросам труда за границей; в нем говорится об изъятии денежных средств на оккупированных территориях.

На странице 11 этого отчета сказано буквально следующее:

«Дания не рассматривается как оккупированная территория и поэтому не оплачивает расходов на оккупацию. Необходимые для германских войск платежные средства были переданы Центральным банком Дании в распоряжение главного управления имперской кредитной кассы в форме обычных кредитов. В любом случае все денежные средства для продолжения войны будут обеспечиваться Данией».

Далее составитель этого отчета указывает, каковы были изъятия (в миллионах крон) к 31 марта 1944 г. на расходы по оккупации:

1940—1941	гг	531	млн. крон
1941—1942	гг.	437	" "
1942—1943	гг.	612	" "
1943—1944	гг.	1391	" "

что составляет за период, заканчивающийся 31 марта 1944 г., сумму изъятия, достигающую 2971 миллиона крон; это соответствует сумме, указанной Датским правительством за такой же приблизительно период времени (2723 миллиона крон).

Из того же германского отчета явствует, что курс марки в соотношении с курсом кроны был установлен оккупационными властями первоначально в 47,7, а позднее в 53,1 марки за 100 крон.

Хотя немцы вопреки всему и считали Данию якобы неоккупированной страной, они изъяли оттуда 4830 миллионов крон, что является колоссальной суммой, если учесть число жителей в стране и ее благосостояние. В действительности в данном случае имела место военная дань, которая была наложена Германией под предлогом платежей на содержание германской армии, расквартированной в Дании.

Содержание армии, необходимой для оккупации Дании, не требовало столь значительных расходов. И поэтому совершенно очевидно, что, как и в других странах, немцы использовали подавляющую часть изъятых в Дании таким путем денежных фондов на финансирование своих военных усилий...

Расчеты по клирингу

Под давлением оккупантов Дания не могла препятствовать тому, чтобы ее кредитный счет по клирингу непрестанно возрастал в связи с германскими закупками, производившимися без предоставления соответствующей компенсации.

По сведениям Датского правительства, выплаты в кредит возрастали в следующей последовательности:

к	31	декабря	1940	г.	388,8	млн.
"	31	декабря	1941	г.	784,4	"
"	31	декабря	1943	г.	1915,8	"
"	31	декабря	1942	г.	1062,2	"
"	31	декабря	1944	г.	2694,6	"
"	30	апреля	1945	г.	2900	"

Эти данные подтверждаются ранее упомянутым германским отчетом, который я только что предъявил, РФ-116. В соответствии с ним платежные средства, которые немцы получили с помощью клиринга, достигли к 31 марта 1944 г. общей суммы в 2243 миллиона крон.

До настоящего времени еще отсутствует возможность установить, на какой предмет немцы израсходовали 7730 миллионов крон, полученных ими обманным путем в ущерб Дании с помощью клиринга и в форме возмещения расходов по оккупации...

Кроме того, гитлеровцы присвоили имущество датской армии и флота: грузовики, лошадей, транспортные средства, движимое имущество, обмундирование на сумму, которая не может до настоящего времени быть точно определена, но, видимо, достигает 850 миллионов крон.

Были произведены многочисленные реквизиции, тайные и открытые закупки, стоимость которых также еще не может быть точно определена.

В том же докладе Датского правительства ущерб, причиненный Дании в результате германского грабежа, определен весьма приблизительно и неокончательно цифрой в 11 600 миллионов крон.

ОГРАБЛЕНИЕ ЭКОНОМИКИ НОРВЕГИИ

Как только германские войска заняли Норвегию, Гитлер заявил, что с 18 апреля 1940 г. он приступит к использованию экономических возможностей этой страны, которая в связи с этим должна рассматриваться как «вражеское государство».

Сведения, собранные по вопросу об ограблении экономики Норвегии, носят довольно общий характер, но тем не менее они дают возможность судить о германских действиях в этой стране за все время оккупации.

Норвегия была подвергнута режиму строжайшего нормирования. Сразу же после своего вступления в эту страну немцы в нарушение элементарных принципов международного права стремились максимально использовать ее ресурсы. В одном из документов, который обозначен ЕС-34 и предъявляется теперь Трибуналу под номером РФ-118, содержатся выдержки из директив об осуществлении административных функций в области экономики на окку-

пированных территориях. Выдержки из этого документа оглашаю:

« Директивы, касающиеся военной промышленности.

Норвежская промышленность в сфере, где она не осуществляет непосредственного удовлетворения потребностей населения, имеет в ряде своих основных отраслей исключительно важное значение для германской военной промышленности. Поэтому производимая ею продукция должна быть как можно скорее передана в распоряжение германской военной промышленности в том случае, если это еще не осуществлено до настоящего времени. К этой продукции относятся как полуфабрикаты, требующие дальнейшей обработки для превращения их в законченную продукцию, которая может быть использована, так и сырье, которое может быть использовано в тот период, пока не будут пущены строящиеся сейчас наши заводы.

В связи с настоящим указанием следует иметь в виду следующие промышленные отрасли:

Предприятия добывающей промышленности: по добыче медной руды, цинка, никеля, железной руды, содержащей титан, вольфрама, молибдена, серебра, пирита.

Металлургические заводы, производящие алюминий, алюмин, медь, цинк, никель.

Предприятия химической промышленности по производству взрывчатых веществ, синтетического азота, кальция, суперфосфатов, карбида кальция, веществ, получаемых с применением соды.

Военные предприятия: судостроительные заводы.

Энергетические предприятия, производящие электроэнергию, которая используется всеми предприятиями перечисленных отраслей.

Производительность предприятий указанных отраслей должна оставаться в течение всего периода оккупации на максимально высоком уровне. В случае необходимости империей может быть оказана некоторая помощь для преодоления трудностей, которые будут возникать перед указанными предприятиями в связи с прекращением английских или заморских поставок.

Исключительно важно оказать помощь предприятиям, вырабатывающим сырье, так как их производственные возможности в значительной мере зависят от заграничных поставок. Вопрос об импорте германских бокситов, которые могут быть использованы металлургическими предприятиями по производству алюмина и алюминия, в настоящее время может не подвергаться рассмотрению».

Сразу же после захвата Норвегии Германия пустила в обращение бумажные деньги имперской кредитной кассы, которые имели хождение только в Норвегии, но не в Германии. Это мероприятие явилось, как и в других оккупированных странах, средством, используемым для получения финансовых выгод, которые были достигнуты якобы

на основе добровольного соглашения со странами, подвергавшимися жесточайшему порабощению.

Немцы сделали все возможное для того, чтобы стать хозяевами норвежских платежных средств и норвежского кредита, используя при этом ставшие уже классическими два метода: обложение фактически военной контрибуцией под предлогом необходимости содержать оккупационные войска и введение в действие системы клиринга, функционировавшую в германских интересах.

Захват платежных средств

Возмещение убытков, связанных с содержанием оккупационных войск.

В начале оккупации немцы, производя закупки, использовали бумажные деньги имперской кредитной кассы. Норвежцы, держатели этих бумажных денег, пытались обменять их в Норвежском банке, но это финансовое учреждение не могло, в свою очередь, получить взамен этих денег соответствующую реальную компенсацию у имперской кассы.

В июле 1940 года Норвежский банк должен был принять 135 миллионов рейхсмарок в банкнотах имперской кредитной кассы.

Для того чтобы сохранить за собой контроль в сфере денежного обращения, Норвежский банк вынужден был предоставить в распоряжение немцев норвежские денежные знаки. Немцы предъявили имперской кредитной кассе чеки, которые должен был оплатить Норвежский банк.

Суммы, заключавшиеся в расходных счетах Норвежского банка, возрастали в результате изъятий, произведенных немцами, следующим образом:

к концу	*1940 года*	*1450 млн. крон*	
"	*1941 года*	*3000 "*	*"*
"	*1942 года*	*6300 "*	*"*
"	*1943 года*	*8700 "*	*"*
к моменту освобождения страны		*11 676 "*	*"*

Все протесты со стороны Норвегии оставались тщетными. Постоянная угроза нового выпуска в обращение в качестве платежного средства банкнот имперской кредитной кассы, наряду с норвежскими деньгами, вынудила местные норвежские финансовые учреждения принять систему, в соответствии с которой денежные суммы изымались на основе безналичного расчета, без предоставления соответствующей реальной компенсации. Эта система представляла меньшую угрозу, чем пуск в обращение бумажных денег, поскольку норвежская администрация не могла контролировать их циркуляцию.

Это вытекает, в частности, из секретного письма, адресованного 17 июня 1941 г. главнокомандующим вооруженными силами в Норвегии генералом фон Фалькенхорстом имперскому комиссару рейхслейтеру Тербовену. Копия

этого письма была недавно обнаружена в Норвегии, документ РФ-119.

После указания о том, что не следует уменьшать расходы, производимые германскими вооруженными силами в Норвегии, фон Фалькенхорст пишет буквально следующее. Я цитирую первую страницу документа:

«Тем не менее, я придерживаюсь мнения, что эта проблема ни в коем случае не может быть решена подобным образом. Единственное средство заключается в полном отказе от настоящей денежной системы, то есть необходимо ввести имперские деньги. Но это не относится к моей компетенции. Я сожалею также, что не могу предложить вам каких-либо иных средств, хотя полностью сознаю всю серьезность положения, в котором вы находитесь».

К суммам, которые брались якобы на содержание оккупационной армии, следует прибавить 360 миллионов крон, выплаченных из норвежских денежных фондов на оплату расходов по расквартированию германских войск. Эти данные приводятся в докладе Норвежского правительства, документ РФ-120.

Из суммы около 12 000 миллионов крон, изъятой под видом расходов на содержание оккупационных войск, большая часть была использована в других целях. В частности, на полицию и на субсидирование пропаганды оккупантами было израсходовано 900 миллионов крон. Это явствует из второго доклада Норвежского правительства, который я предъявляю, документ РФ-121.

Расчеты по клирингу

Клиринговое соглашение от 1937 года по обмену товарами между Норвегией и Германией в принципе оставалось в силе и в период оккупации, но теперь Норвежский банк сам должен был давать необходимые авансы при норвежском экспорте.

Помимо этого Германия заключила клиринговые соглашения от имени Норвегии с другими оккупированными странами, нейтральными государствами и Италией.

К моменту освобождения кредитовое сальдо Норвегии по клирингу достигло 90 миллионов крон. Но эта сумма еще не дает представления о действительном положении вещей. В действительности:

1. Импорт, предназначенный для удовлетворения германских военных нужд в Норвегии, был противозаконно включен в клиринговую систему.

2. Некоторые товары, например кожа, меха, рыба, экспортировались в рейх по приказу немцев. Затем эти товары перепродавались в другие страны; рыбу, например, перепродавали в Италию.

3. Немцы являлись хозяевами в области установления цен и систематически повышали цены на все предметы, ввозимые в Норвегию; в то же время они систематически снижали цены на предметы, вывозимые из Норвегии.

Несмотря на усилия и жертвы, норвежские власти не смогли воспрепятствовать принимавшей угрожающие размеры инфляции, возникшей в результате мошеннических операций оккупационных властей.

Из доклада Норвежского правительства, который я только что предъявил, явствует, что в апреле 1940 года в обращении находилось 712 миллионов крон в банкнотах, а к 7 мая 1945 г. их было на 3039 миллионов крон. Такая инфляция, возникшая в результате действий оккупационных властей, позволяет судить о степени обнищания страны.

В том же отчете указывается, что оккупационные власти не успели захватить золотой запас Норвежского банка, вовремя скрытый последним в надежном месте.

Господа судьи, обратимся теперь к изъятиям, которые производились натурой.

В Норвегии немцы прибегали к многочисленным реквизициям, производившимся на фиктивно законных основаниях либо без всяких оснований. Оглашаемый перечень реквизированных товаров составлен по докладу, представленному Норвежским правительством:

Мяса и мясопродуктов — 30 тысяч тонн, молочных продуктов и яиц — 61 тысяча тонн, рыбы — 26 тысяч тонн, фруктов и овощей — 68 тысяч тонн, картофеля — 500 тысяч тонн, спиртных напитков и уксуса — 112 тысяч тонн, жиров — 10 тысяч тонн, зерна, муки и т. п. — 3 тысячи тонн, прочих продуктов — 5 тысяч тонн, соломы и сена — 300 тысяч тонн, другого фуража — 13 тысяч тонн, мыла — 8 тысяч тонн...

Большая часть норвежского торгового флота не попала в руки немцев. Тем не менее они продолжали реквизировать суда, которые находились в сфере их досягаемости. Так, например, ими была реквизирована большая часть рыболовных судов.

Если мы обратимся к отчету германского экономического управления от 2 октября 1944 г., который я имел честь только что предъявить, документ ЕС-86, РФ-116, то из него явствует, что даже сам составитель отчета считал, что требуемые от Норвегии усилия превосходили возможности этой страны. Он пишет:

«...Норвежская экономика сильно поколеблена в результате требований, предъявленных оккупационными властями, поэтому пришлось сократить расходы на содержание оккупационных войск...»

После того как суммы, изъятые в форме расходов на оккупацию, достигли к январю 1943 года 7535 миллионов (что подтверждается данными Норвежского правительства), этот немецкий составитель отчета пишет:

«Это сумма в более чем 5 миллиардов рейхсмарок исключительно велика для Норвегии. Страны с гораздо более развитой экономикой, например Бельгия, платили не намного больше, а Дания даже менее половины этой

суммы. Эти колоссальные поставки оказались возможными лишь благодаря решительным шагам, предпринятым Германией...»

Как и на других занятых территориях, немцы захватывали частное имущество под всякими предлогами: либо как принадлежавшее евреям и масонам или скаутским обществам...

Немцы налагали большие штрафы на норвежские общины под самыми различными предлогами (бомбардировка союзников или акты диверсии).

В докладе Норвежского правительства, документ РФ-121, приводятся примеры такого коллективного штрафа.

4 марта 1941 г. после налета на Лофотен население маленькой общины д'Оствагуа должно было заплатить 100 тысяч крон. Эти общины должны были также содержать семьи немцев и «квислингов».

25 сентября 1942 г. после налета англичан на Осло 100 граждан должны были заплатить три с половиной миллиона крон. В январе 1941 года после налета на Трондхейм, Ставангер и Вест-Оплану — должны были заплатить соответственно 60, 50 и 100 тысяч крон.

В сентябре 1941 года городское управление Ставангера должно было уплатить два миллиона крон за акты диверсии на телеграфных линиях. В августе 1941 года Рогаланд должен был уплатить 500 тысяч крон, Алезунд — 100 тысяч крон.

Норвегия оценивает причиненный ей ущерб в 21 086 миллионов крон, что составляет 4700 миллионов долларов.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОГРАБЛЕНИЕ НИДЕРЛАНДОВ

Захватив Голландию, немцы обосновались в стране, обладавшей самыми разнообразными богатствами. Золотое наличие Голландии превышало сумму банкнот, которые были в обращении. Четыре года спустя, когда союзные войска освободили эту страну, они нашли изнуренное голодом население и, помимо разрушений, являвшихся следствием военных операций, они нашли страну почти совершенно разоренной и разграбленной оккупантами.

Бесчестные намерения Германии явствуют из секретного доклада Зейсс-Инкварта об его управлении за время с 29 мая по 19 июня 1940 г. Этот документ, ПС-997, РФ-122, я представляю Трибуналу. Вот главные выдержки из него:

«При оккупации Нидерландов необходимо было провести большое количество экономических и даже полицейских мероприятий, из которых первые имели целью уменьшить потребление населения, чтобы предоставлять продовольственные продукты в распоряжение рейха, с другой стороны, — чтобы обеспечить правильное распределение остатков. В задачу входило следить за тем, чтобы все мероприятия были подписаны нидерландцами. Именно

поэтому статс-секретарям дана была возможность с согласия уполномоченного рейха проводить все необходимые меры через легальные каналы.

И действительно, до этого дня все инструкции, относящиеся к захвату и распределению продуктов для населения, все распоряжения, касающиеся формирования общественного мнения, были опубликованы и осуществлены с согласия статс-секретарей Нидерландов или начальников, ведающих экономикой, для того, чтобы все эти меры выглядели добровольными действиями. По этому поводу следует указать, что во время первой встречи внимание статс-секретарей было обращено на то, что от них ожидали лояльного сотрудничества, но что они сохраняли право уйти в отставку в случае, если они не сочтут возможным взять на себя ответственность за какое-нибудь дело. До сих пор ни один статс-секретарь не воспользовался этим правом, и можно спокойно сделать вывод, что они добровольно удовлетворяли требования в областях, им подведомственных.

Планы поступления и распределения всех продовольственных товаров и текстильных изделий были осуществлены почти полностью. Как бы там ни было, все инструкции по этому поводу были опубликованы и выполняются. Ряд инструкций, относящихся к новому направлению сельского хозяйства, был опубликован и также находится в процессе выполнения. Дело касается главным образом использования имеющегося в распоряжении фуража, чтобы возможно большее количество скота (приблизительно 80 процентов) могло быть сохранено до следующего сезона за счет большого количества цыплят и свиней.

Нормирование и сокращение были введены и в области транспорта в том смысле, что были применены основные принципы управления экономикой и топлива рейха.

Ограничения в отношении права увольнения рабочей силы, а также ограничения в отношении местожительства были отменены с целью обуздать нидерландских предпринимателей, а также во избежание волнений.

В этом же духе был издан закон о пролонгации сроков уплаты долгов в определенных случаях.

Приказы, относящиеся к объявлениям и к контролю над имуществом и к конфискации имущества лиц, враждебных рейху и Германии, были опубликованы за подписью рейхскомиссара. На основании этих приказов был назначен управляющий королевским имуществом.

Запасы сырья были изъяты и распределены с санкции генерал-фельдмаршала, по плану которого голландцам оставлялось сырье на шесть месяцев только для того, чтобы они могли поддержать свое хозяйство. Стало быть, они получили такое же количество, как и Германия. Такой же прием был применен в отношении снабжения продовольствием.

Значительные запасы сырья могли быть предоставлены

рейху: так, например, 70 тысяч тонн технических масел, что составляло приблизительно половину недостающего рейху количества. Система распределения продовольствия была установлена в соответствии с действующей в рейхе. Наконец, от Нидерландов потребовали предоставления таких средств рейху или германской администрации в Голландии, в которых последние могли бы нуждаться с тем, чтобы расходы на это ни в коем случае не стесняли бюджет рейха. Суммы в флоринах были деблокированы на 36 миллионов с тем, чтобы изъять из обращения банкноты рейхскредиткассы. Кроме того, 100 миллионов были использованы для нужд оккупационной армии и главным образом для увеличения площади аэродромов. Помимо того, 50 миллионов были использованы для покупки сырья, для перевозки в рейх, поскольку это не носило характера военной добычи. Кроме того, был обеспечен свободный перевод сбережений, которые голландские рабочие, работающие в рейхе, посылали своим семьям.

Наконец, курс банкнот рейхскредиткассы, который был установлен главным командованием сухопутными силами из расчета один флорин за полторы марки, был доведен до нормального состояния, то есть 1 флорин за 1,33 марки.

Но особенно важной оказалась возможность заставить председателя Голландского банка Трипа принять мероприятия, предложенные с согласия генерального уполномоченного Фишбока и одобренные генерал-фельдмаршалом. Речь шла о взаимном обязательном принятии к платежу всех ценностей, германских и голландских, а именно: Голландский банк обязан принимать в марках все суммы, передаваемые ему рейхсбанком, давая взамен этого флорины по курсу 1,33.

В этом отношении только рейхсбанк имел право контроля, но не банк Голландии, который лишь будут ставить в известность о некоторых определенных операциях.

Эти мероприятия превосходили все те, которые были осуществлены до сих пор в отношении соседних стран, даже в отношении протектората, и представляют собой шаг к финансовому союзу. Принимая во внимание значение этого соглашения, затрагивающего независимость Голландии, особое значение имеет то, что председатель банка Трип, очень известный в финансовом и банковском мире Запада, добровольно подписал это соглашение».

Как Вы увидите, господа судьи, из моего последующего выступления, именно в Голландии немцы применили всю свою изобретательность, чтобы овладеть платежными средствами...

Захват платежных средств

Я изложил уже, в каких условиях и пределах, в силу Гаагской Конвенции, оккупационные власти могли взимать

денежную контрибуцию для содержания своей оккупационной армии.

Я ограничусь напоминанием Трибуналу, что эти издержки, наложенные на оккупированные страны, могут включать только издержки постоя, питания и, возможно, жалованья войскам в сроки, необходимые для оккупации территории. Немцы заведомо не признавали этого положения и навязывали Голландии расходы на содержание оккупационных войск, не находившиеся ни в каком соответствии с нуждами этих войск.

По сведениям, полученным от Нидерландского правительства и имеющимся в трех докладах Трипа, Гиршфельда и министра финансов, которые я представляю, документ РФ-123, эти суммы требовались под предлогом оплаты содержания оккупационных войск.

Суммы эти таковы:

1940 г. (7 месяцев)	477 млн.	флоринов
1941 г.	1124 "	"
1942 г.	1181 "	"
1943 г.	1328 "	"
1944 г.	1757 "	"
1945 г. (всего лишь 4 месяца)	489 "	"
И т о г о...	6356 млн.	флоринов

Такая значительная сумма составляет настоящую военную контрибуцию, изъятую под предлогом содержания оккупационной армии.

Таким образом, мошеннически извращая положения Гаагской Конвенции, Германия смогла завладеть такой значительной суммой средств платежа.

Расчеты по клирингу

Перед войной в Голландии существовал излишек импорта из Германии. Но с первых месяцев оккупации вывоз в Германию значительно увеличился, в то время как поступления из этой страны значительно уменьшились.

С июня 1940 года немцы потребовали от голландцев предъявления иностранной валюты, золота, драгоценных металлов, ценных бумаг и иностранных кредитов. Это видно из распоряжения от 24 июня 1940 г., уже представленного под номером РФ-95.

Кроме того, голландцы должны были по тому же распоряжению продать свои ценности Нидерландскому банку.

Генеральный уполномоченный рейха Зейсс-Инкварт предложил, чтобы Нидерландский банк внес аванс в флоринах для обеспечения равновесия клиринга, поскольку Германия не могла предоставить никакой компенсации в виде товаров. С другой стороны, было решено, что клиринг будет использован как для поставок, так и для погашения различных долгов...

Голландское правительство вынуждено было оплатить большие счета немцев. Из доклада, документ РФ-123, в частности, явствует следующее:

1. Немцы требовали, чтобы сумма в 300 миллионов флоринов, которая была записана на кредит Нидерландского банка, была использована на нужды оккупационной армии за пределами Голландии и чтобы сумма в 76 миллионов флоринов была внесена золотом для той же цели. В целом Голландия должна была внести под этим предлогом для содержания оккупационной армии в других странах 376 миллионов флоринов.

2. Начиная с июня 1941 года, Голландия вынуждена была уплатить долю участия в издержках на ведение войны против России в сумме 37 миллионов флоринов, часть которых должна была быть внесена золотом; в общем по этой статье доходов Германия получила 1696 миллионов флоринов.

3. Нидерландский банк вынужден был взять на себя обязательство оплатить банкноты рейхскредиткассы на сумму 133 600 тысяч флоринов.

4. Издержки гражданского управления Голландии были отнесены также за счет Голландии, и они достигают 173 800 тысяч флоринов.

5. Нидерландская казна, кроме этого, была вынуждена оплатить 414 миллионов флоринов расхода рейха, включая различные расходы, такие, например, как оплата жалованья нидерландским рабочим, высланным в Германию, издержки по эвакуации различных районов, издержки по разрушению укреплений и мнимые издержки на охрану железных дорог; фонд, предоставленный в распоряжение уполномоченного рейха и для различных отраслей промышленности, использованных немцами.

6. Немцы в июле 1940 года завладели 816 слитками золота, принадлежавшего Нидерландскому банку и находившегося на пароходе, потерпевшем аварию в Роттердаме. Это вместе с издержками, связанными с извлечением слитков из воды, составило сумму 21 млн. флоринов.

7. Нидерландское государство должно было оплачивать годовые расходы в 1713 миллионов флоринов, чтобы обеспечить финансирование новых административных служб, навязанных Голландии оккупантами. Из-за этого Голландия потеряла 8565 миллионов флоринов. Сумма фактических выплат, произведенных для Германии, включая золото парохода, потерпевшего аварию, достигает 11 380 800 тысяч флоринов. Если прибавить эти издержки к издержкам по оккупации и по клирингу, сумма денежных поборов, навязанных Голландии за время оккупации, составит 22 224 800 тысяч флоринов.

Эти операции имели серьезные последствия для нидерландской экономики. Золотое наличие, которое равнялось 1 апреля 1940 г. 1236 миллионам флоринов, к 1 апреля 1945 г. упало до 932 миллионов флоринов. Сумма бумажных денег в обращении, наоборот, на 1 апреля 1940 г. достигла 1127 миллионов флоринов, а на 1 апреля 1945 г. составила 5468 миллионов флоринов.

Немцы не только завладели золотом Голландского банка, но и заставили население вносить имевшееся у него золото в нидерландский банк. Затем они реквизировали это золото на сумму приблизительно в 71,3 миллиона флоринов и передали его в рейхсбанк...

Немцы создали во всех оккупированных странах известное количество организаций, которым было специально поручено расхищение машин. Они назвали их «Бюро по компенсации за машины». Эти организации, находившиеся в ведении инспекции по вооружению, получали от германской промышленности запросы на средства производства и должны были их удовлетворять путем изъятия этих средств в оккупированных странах.

Бригадам техников было поручено обнаруживать, разбирать и перевозить машины в Германию. Факт организации этих официальных бригад грабителей явствует из немецких документов, с которыми Вас ознакомят при представлении документов по вопросу о расхищениях в Бельгии.

Прежде чем уйти из Голландии, немцы произвели крупные разрушения, что, как они уверяли, было сделано в стратегических целях. Но сделали они это из желания нанести ущерб. Когда они разрушали заводы, то прежде всего увозили в Германию машины, которые они могли разобрать, и сырье. Именно так, в частности, они действовали на заводах «Филиппс» в Эйндховене, Хильверсуне и Боссуме, на складах нефти в Амстердаме и Порнесе, на военных заводах в Бреде, Тильбурге, Берг-оп-Зуме и Дордрехте.

Отчет уполномоченного по экономическим вопросам при военном коменданте в Голландии от 9 октября 1944 г., представляемый мной в качестве доказательства под номером РФ-132, свидетельствует об этих фактах.

Этот же отчет дает нам некоторые сведения об организации германских грабителей, специализировавшихся на вывозе машин. Вот несколько выдержек из этого отчета:

«Завод «Филиппс» в Эйндховене явился первым и важнейшим военным объектом, на который было обращено внимание».

Далее в отчете сказано:

«Еще до прихода врага нам удалось разрушить этот завод, один из самых крупных на континенте по производству радиоприемников, труб, электрических лампочек и телеграфного оборудования. Это разрушение было осуществлено после того, как члены седьмой бригады ФВИ вывезли самые драгоценные металлы и специальные машины».

Далее отчет гласит:

«Начиная с 7 сентября бригада вывозила в империю грузовиками цветные металлы (вольфрам, марганец, медь) и очень ценную аппаратуру, которая находилась на заводах «Филиппс». Кроме того, седьмая бригада ФВИ участвовала

в вывозе с заводов «Филиппс» фабрикатов и полуфабрикатов, а также машин. В результате оккупации Эйндховена врагом вывоз был прерван. Тогда была произведена эвакуация филиалов заводов «Филиппс» из Хильверсуна и из Боссума. С этих заводов оказалось возможным вывезти полностью все резервы цветных металлов, фабрикатов и полуфабрикатов, машин и отдельных деталей, чертежи и проекты, необходимые для производства.

Одновременно были организованы бригады по перевозке, находившиеся в ведении каждого начальника вспомогательных отделов при генеральном уполномоченном имперского министра вооружения и военного производства в Голландии.

Эти бригады произвели перевозку сырья и изделий, имеющих очень большое значение, а также машин, согласуя свои действия с вышеупомянутыми отделами и соответствующими гражданскими управлениями. Благодаря полной мобилизации офицеров, чиновников, зондерфюреров и бригад оказалось возможным перевезти в империю очень большое количество цветных металлов, ценного сырья и фабрикатов...»

Сельское хозяйство

Немцы провели массовые реквизиции и закупки сельскохозяйственных продуктов и скота. Эти изъятия составляют сумму минимум в 300 миллионов флоринов. Окончательной оценки не было еще возможности произвести.

Укажем, что в конце 1943 года немцы захватили 600 тысяч свиней, 275 тысяч коров, 30 тысяч тонн консервированного мяса.

Это явствует из сообщения представителя Голландского правительства, которое я представляю в качестве доказательства, документ РФ-133.

Транспорт и коммуникации

Немцы произвели изъятие очень большого количества материалов транспорта и коммуникаций. Еще невозможно составить точную опись изъятых материалов. Однако сведения, представленные Голландским правительством, позволяют представить себе масштабы этого расхищения.

Я представляю в качестве доказательства документ РФ-134, сведения по вопросам транспорта и коммуникаций, переданные нам представителем Голландского правительства. Вот они. По железным дорогам были изъяты:

490 паровозов из общего количества 890

28 950 вагонов из общего количества 30 000

1 466 пассажирских вагонов из общего количества 1 750

215 электрических поездов из общего количества 300

36 электрических поездов с дизель-моторами из общего количества 37

Немногочисленное, в общем, железнодорожное иму-

щество, оставленное немцами, находилось в сильно поврежденном состоянии в результате износа, случайностей войны или диверсий.

Кроме подвижного состава, немцы отправили в Германию большое количество рельсов, светофоров, лебедок, установок для поворотных кругов, вагонов-мастерских и т. д.

Трамвайные транспортные средства городов Гааги и Роттердама были изъяты и перевезены в немецкие города. Так, около 50 моторных вагонов и 42 прицепных вагона были посланы в Бремен и Гамбург.

Большое количество рельсов, проводов и других материалов также было изъято и послано в Германию.

Автомашины трамвайных компаний тоже были увезены оккупантами.

Немцы захватили большую часть автомобилей, мотоциклов и приблизительно один миллион велосипедов. Они оставили населению только машины, которые не могли быть использованы для езды.

Немцы захватили очень большое количество барж, речных пароходов, а также значительную часть торгового флота водоизмещением приблизительно в полтора миллиона тонн.

В королевских дворцах немцами были расхищены мебель, частные архивы, конюшни, автомобили, вина из погребов королевских дворцов. Так, в частности, дворец в Нордайнде был полностью разграблен, похищены мебель, белье, серебро, картины, ковры, произведения искусства и предметы домашнего обихода.

Архивы королевского дома были также похищены. Это явствует из сообщения представителя Голландского правительства, которое я представляю в качестве доказательства, документ РФ-136.

Разграбление города Арнема

Наряду с многочисленными случаями индивидуальных расхищений, о которых не говорится в настоящем изложении, были случаи систематически организованных расхищений целых городов. Например, город Арнем подвергся разграблению в октябре и в ноябре 1944 года.

Немцы привезли шахтеров из Эссена, которые под руководством военных, разбившись на специализированные бригады, изымали всю мебель, которую только можно было перевезти, а также самые различные предметы. Все это они отправляли в Германию. Эти факты явствуют из сообщения представителя Голландского правительства, которое я представляю в качестве доказательства, документ РФ-137.

Последствия экономического ограбления Голландии огромны. Напомним, что огромное уменьшение национального капитала вызовет такое уменьшение производства,

что оно не сможет обеспечить удовлетворение нужд страны в течение еще многих лет. Но самые серьезные последствия те, которые затрагивают здравоохранение, так как они непоправимы.

Чрезмерное нормирование продуктов питания, одежды и горючего, проводившееся в продолжение многих лет по приказу оккупантов, увеличивавших тем самым размеры своих расхищений, повлекло за собой ослабление здоровья населения...

Начиная с лета 1944 года положение с питанием становилось все более и более серьезным. Рейхскомиссар Зейсс-Инкварт запретил перевозку продуктов из северо-восточных в западные районы страны и наоборот.

Эта мера, которая не оправдывалась никакими военными операциями, была, по-видимому, продиктована только ненавистью к населению, чтобы лишить его продуктов, устрашить, ослабить и терроризировать.

Смертность в Амстердаме, Роттердаме, Гааге, Лейдене и других городах увеличилась от 198 до 260 процентов. Заболевания, которые почти исчезли в этих районах, снова появились.

Такое положение будет иметь непоправимые последствия для населения в будущем.

Из выступления представителя обвинения от Франции Ш. Жертоффера[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 22 января 1946 г.

Я начинаю представление доказательств о разграблении экономики Франции.

Когда немцы захватили Францию, они нашли там громадные богатства. Они тотчас же приступили к изъятию этих богатств и подчинению национального производства.

Так как средства простой реквизиции были недостаточны для того, чтобы добиться своих целей, они использовали скрытые средства, действуя одновременно хитростью и силой, стараясь замаскировать свои преступные действия видимостью законности. Для этого они мошеннически извратили соглашение о перемирии. Это соглашение не содержало никаких экономических или секретных статей. Оно состояло только из опубликованного текста. Однако для обеспечения своих мероприятий немцы использовали

[1] IMT, vol.6, p. 20—52.

две статьи. Я представляю Трибуналу под номером РФ-203 экземпляр соглашения о перемирии и цитирую статью 18:

«Издержки по содержанию германских оккупационных войск на французской территории будут возложены на Французское правительство».

Эта статья не противоречила Гаагской Конвенции. Но Германия навязала уплату громадных сумм, намного превышающих те суммы, которые были необходимы на нужды армии, оккупирующей территорию. Это позволяло им распоряжаться без какой-либо компенсации почти всеми деньгами, что они фактически ловко использовали в качестве средства грабежа.

В статье 17 соглашения о перемирии говорится:

«Французское правительство обязуется помешать какой-либо передаче на неоккупированную территорию или за границу ценных бумаг экономического характера или запасов из районов, которые подлежат оккупации германскими войсками. Ценными бумагами и запасами, которые находятся на оккупированной территории, можно распоряжаться лишь по согласованию с правительством рейха, принимая во внимание, что германское правительство учтет, что является жизненно необходимым для населения неоккупированной территории».

По-видимому, целью этой статьи было помешать отправке в Англию или в колонии всего, что можно было использовать против Германии. Но оккупанты воспользовались этой статьей для того, чтобы захватить контроль над производством и распределением сырья во всей Франции, так как население неоккупированной зоны не могло жить без продуктов и изделий оккупированной зоны, и взаимно эта последняя нуждалась в продуктах так называемой «свободной зоны».

Это намерение немцев подтверждается документом ПС-1741-1, который я представляю под номером РФ-204.

Я не хочу обременять Трибунал выслушиванием этого документа.

Статья 17 соглашения о перемирии, говорится в документе, предоставляет Германии право изымать экономические ценности и запасы на оккупированных территориях и устанавливает, что распоряжения Французского правительства должны быть предоставлены Германии на одобрение.

Исходя из пожелания Франции Германия согласна принимать во внимание также жизненные нужды населения неоккупированной зоны каждый раз, когда она будет решать вопросы об использовании Французским правительством ценностей и запасов, находящихся на оккупированной территории.

Я сейчас перехожу к другому документу, который содержит в некотором роде ответ на приведенный выше документ. Я представляю его за номером РФ-205. Читаю выдержку:

«Вопрос о демаркационной линии, в частности, не может рассматриваться снова; нам должно быть совершенно безразлично, что восстановление экономической жизни во Франции сорвано. Французы проиграли войну, и, таким образом, они должны оплачивать убытки. На возражение, что в результате этого Франция в скором времени превратится в очаг беспорядков, мне ответили, что в таком случае будет просто-напросто применено оружие или что будет оккупирована еще не оккупированная зона.

Все уступки, которые мы делаем французам, они должны очень дорого оплатить поставками с неоккупированной территории или из колоний. Мы должны покончить с отсутствием координации в экономике Франции».

Наконец, господа судьи, вот еще один документ, который я передаю под номером РФ-206, ЕС-325. Он подписан доктором Грамшем и содержит следующие сведения:

«В связи с переговорами о более гибкой демаркационной линии Французскому правительству было предложено овладеть во всей Франции ценностями, выраженными в золоте и иностранной валюте».

Дальше составитель этого документа пишет:

«Запасы иностранной валюты оккупированной Франции должны были бы увеличить наш военный потенциал. Эта мера могла бы также быть использована как средство давления на Французское правительство, чтобы заставить его занять более сговорчивую позицию в других областях».

Ознакомление с этими документами показывает, что немцы намеревались в нарушение всяких правовых принципов захватить все экономические богатства Франции и распоряжаться ими.

Путем принуждения немцам удалось после года оккупации захватить контроль почти над всей французской экономикой. Это явствует, в частности, из статьи, опубликованной доктором Мишелем, директором экономического управления при военной администрации во Франции. Эта статья была опубликована в «Берлинер берзен цейтунг» от 10 апреля 1942 г. Я ее представляю в качестве документа за номером РФ-207, из которого я оглашу следующую выдержку:

«Следовало, таким образом, считать, что задача компетентных управлений германской военной администрации состояла в руководстве подконтрольной экономикой. Другими словами, они должны были давать инструкции и следить за тем, чтобы эти инструкции действительно выполнялись».

Далее этот доктор Мишель пишет:

«Теперь, когда распределение сырья и размещение заказов организованы и функционируют эффективно, первостепенной задачей во Франции является жесткое ограничение потребления, не связанного с потребностями воен-

ной экономики. Ограничения, наложенные на французское население в области питания, одежды, обуви и отопления, уже давно по своей строгости превысили ограничения, существующие в Германии».

Показав Вам, господин председатель и господа судьи, в этом кратком введении к выступлению об экономическом разграблении Франции, во что превратилась эта страна при господстве немцев, я хочу дать Вам некоторые разъяснения по поводу способов, применявшихся немцами для достижения вышеупомянутых целей. Это явится темой последующих разделов моего выступления:

I. Захват немцами платежных средств.

II. Тайные закупки на «черном рынке».

III. Приобретения с сохранением видимости соблюдения законности.

IV. Принудительный труд.

Захват немцами платежных средств путем: во-первых, взносов для возмещения расходов на содержание оккупационных войск; во-вторых, установления одностороннего клиринга в определенном направлении; в-третьих, просто-напросто захвата золота и изъятия бумажных денег и иностранной валюты, а также использования системы коллективных штрафов.

Возмещение расходов на содержание оккупационных войск.

Я не буду говорить, господа судьи, о правовой стороне этого вопроса, ограничусь тем, что дам Вам некоторые разъяснения, чтобы Вы смогли представить себе силу давления, которое было оказано на руководителей того времени, чтобы добиться взноса огромных денежных сумм.

Как я уже имел честь сказать Вам, в соглашении о перемирии принцип содержания оккупационных войск просто упомянут без определения суммы и формы взносов. Немцы использовали это положение для того, чтобы извратить и расширить это обязательство Франции и использовать его в качестве предлога для обложения громадной контрибуцией.

На первых заседаниях комиссии по перемирию французы настаивали по этому вопросу на том, что на Францию можно возлагать только обязанность возмещения расходов на содержание армии, необходимой для оккупации территории; немецкий генерал Миит вынужден был признать справедливость этого положения; в связи с этим он заявил, что расходы на содержание войск, предназначавшихся для борьбы против Англии, не будут оплачиваться Францией.

Этот факт подтверждается выдержкой из протокола совещания комиссии по перемирию. Выдержку я представляю за номером РФ-208.

В дальнейшем эта точка зрения генерала Миита была, вероятно, раскритикована его начальством, так как на следующем заседании, 16 июля 1940 г., не отказываясь от

своих слов, он, однако, заявил, что не может ответить на этот вопрос и что этот вопрос больше не будет обсуждаться, что, наконец, будет сделано все необходимое, чтобы облегчить Французскому правительству установление его бюджета. Это явствует из протокола заседания комиссии по перемирию, который я представляю под номером РФ-209.

8 августа 1940 г. Хеммен, возглавлявший германскую делегацию по экономическим вопросам в Висбадене, передал письмо генералу Унцигеру, возглавляющему французскую делегацию. В письме говорилось, что «ввиду невозможности определить точную сумму издержек по оккупации Французское правительство должно будет вносить до следующего распоряжения в счет этих издержек по крайней мере 20 миллионов марок в день, основываясь на курсе: одна марка равняется 20 французским франкам, то есть по 400 миллионов франков». В этот расчет не входили издержки по расквартированию войск, которые должны были уплачиваться сверх этой суммы. Этот факт явствует из документа РФ-210, который я представляю Трибуналу и на котором имеется подпись Хеммена.

Эти требования вызвали ответ, датированный 12 августа 1940 г., в котором было подчеркнуто, что огромная сумма этих ежедневных взносов позволяет сомневаться в том, что эти взносы были установлены из расчета нормальной численности оккупационной армии и из расчета нормальной стоимости содержания этой армии; что, кроме того, численность армии, соответствующая указанной цифре, несоразмерна со всем тем, что можно было предвидеть, учитывая военную практику прошлого и нужды настоящего времени. Это явствует из письма от 12 августа, которое представляется за номером РФ-211.

15 августа 1940 г. германская делегация приняла к сведению готовность Французского правительства уплатить по некоторым счетам, но категорически отказалась обсуждать как сумму взноса, так и различие между оккупационными войсками и действующими войсками, что и явствует из документа РФ-212, который я прошу приобщить к делу.

«18 августа французская делегация ознакомилась с германской нотой от 15 августа, на которую она ответила — я буквально цитирую текст, — «что желание заставить Францию оплатить издержки по содержанию действующих войск является требованием, явно противоречащим положениям соглашения по перемирию, ...что требуемые издержки выражены во франках по курсу, который намного превышает соответствующую покупательную способность марки и франка, в то время как закупки германской армии во Франции есть средство контроля над уровнем жизни в этой стране, и что они будут с согласия германского правительства частично заменены поставками в натуре».

Письмо заканчивается следующим:

«В этих условиях непосильная контрибуция, требуемая

от французского правительства, по-видимому, является произвольной и намного превышает те контрибуции, которые можно было бы справедливо ожидать.

Французскому правительству, которое всегда стремится честно соблюдать условия конвенции по перемирию, остается только обратиться к германскому правительству в надежде, что последнее примет во внимание вышеупомянутые аргументы»...

Сегодня утром я имел честь представить Трибуналу факты того, что немцы требовали от Франции возмещения расходов в размере 400 миллионов франков в день для содержания их оккупационной армии.

Я также указал, что тогдашнее французское правительство, не отказываясь в принципе от своих обязательств, пыталось возражать против требуемой суммы. Как только немцы вошли во Францию, они выпустили там, как, впрочем, и в других оккупированных странах, банкноты рейхскредиткассы и оккупационные боны, над которыми эмиссионные органы не имели никакого контроля, и эти банкноты имели хождение только во Франции. Этот выпуск представлял опасность, так как количество денежных знаков в обращении увеличивалось произвольно по одному лишь желанию оккупационных властей.

В то же время по приказу от 17 мая 1940 г. за номером 7 (документ РФ-214) был зафиксирован принудительный курс рейхсмарки из расчета 20 французских франков за одну марку, в то время как реальный паритет составлял приблизительно 10 франков за одну марку.

Французская делегация забеспокоилась по поводу все возрастающего значения обращения банкнот рейхскредиткассы и роста объема немецких закупок и курса марки. Но германская делегация ответила 14 августа 1940 г., что она не изменит положения с банкнотами и не изменит курса марки во Франции. Это видно из письма от 14 августа, которое я представляю под номером РФ-215.

Оккупанты, таким образом, создали возможность нажима на тогдашнее Французское правительство, чтобы привести его к уступкам их требованиям как с точки зрения сумм по возмещению оккупационных издержек, так и с точки зрения принудительного курса марки, а также соглашения о клиринге, о чем мы скажем ниже.

Генерал Унцигер, глава французской делегации, несколько раз драматически взывал к немецкой делегации, которую он просил не толкать Францию в пропасть, как это явствует из телеграфного доклада, посланного Хемменом 18 августа 1940 г. своему министру иностранных дел. Этот доклад (документ ПС-1741) я представляю Трибуналу за номером РФ-216. Вот одна интересная выдержка из этого доклада:

«Эти большие платежи дали бы Германии возможность купить Францию целиком, включая ее промышленность и вклады за границей, это означало бы гибель Франции».

Письмом и нотой от 20 августа Германия предъявила требование Франции произвести частичные платежи с учетом, что не будет делаться никакого различия между немецкими войсками во Франции, что численность германских оккупационных войск будет определяться необходимостью продолжения войны и что, кроме того, курс марки не будет фиксироваться при этих платежах, поскольку они являются только уплатами в счет причитающейся суммы.

Я представляю ноту германского правительства от 20 августа за номером РФ-217.

На следующий день, 21 августа 1940 г., генерал Унцигер во время своего разговора с Хемменом напрасно старался в последний раз добиться снижения немецких требований. Как видно из протокола этого собеседования, документ РФ-218, Германия уже предусмотрела тесное экономическое сотрудничество с Францией: создание института уполномоченных комиссаров по контролю за обменом товаров и внешней торговлей. В противовес Хеммен давал понять о возможности отмены правительством демаркационной линии между двумя зонами. Хеммен отказался вести дальнейшие переговоры о сумме возмещения оккупационных расходов.

В ноте от 26 августа 1940 г. Французское правительство указывало, что оно вынуждено уступить давлению, хотя и протестует против требований немцев. Нота заканчивается следующими словами:

«Французская нация не боится ни труда, ни страданий, нужно только, чтобы ей была предоставлена возможность жить. Вот почему Французское правительство не сможет в будущем продолжать идти по пути, на который ее толкают, если опыт покажет, что размах требований правительства рейха станет невозможным для ее прав на существование» (документ РФ-219).

Немцы, несомненно, имели намерение использовать требуемые суммы не только для возмещения оккупационных расходов, расходов на содержание, экипировку и вооружение их оккупационной армии, но и для других целей, что явствует, в частности, из телеграммы ОКВ от 2 сентября 1940 г., представляемой мною за номером РФ-220, ЕС-204. Вот выдержки из этой телеграммы:

«В той мере, в которой поступающие во франках суммы не будут требоваться для войск во Франции, верховный главнокомандующий армии оставляет за собой право располагать в дальнейшем этими суммами, в частности, отчислять деньги любым учреждениям, не относящимися к армии, чтобы наверняка гарантировать, что все нужды армии будут покрыты французскими деньгами и затем чтобы возможный излишек оставался в распоряжении верховного главнокомандующего армии для важных целей четырехлетнего плана».

Представляю под номером РФ-221, ЕС-201, другую телеграмму:

«Ясно, что не было никакого согласия во взглядах с французами о том, что нужно понимать под «расходами на содержание оккупационной армии во Франции». Если внутренне мы согласны с фактом, что в настоящее время мы должны по практическим причинам избегать всяких дискуссий с французами, то, с другой стороны, нужно, чтобы не было никакого сомнения в том, что мы вправе определять понятие «содержание» в смысле как только можно более широком».

И дальше:

«Во всяком случае отсюда следует, что требуемые французами уступки относительно уточнения суммы оккупационных издержек и использования франков, полученных таким образом, должны быть отклонены.

Возникает вопрос об использовании поступивших во франках платежей, которые фактически не требуются в возмещение издержек по содержанию оккупационных войск во Франции. Это тот вопрос, который не надо рассматривать с французскими представителями».

Впоследствии французы безуспешно пытались добиться сокращения возмещения оккупационных издержек и изменения курса марки, но немцы не шли ни на какие разговоры.

В начале 1941 года снова возобновились переговоры. В силу непреклонности немцев Французское правительство вынуждено было прекратить в мае 1941 года выплату издержек, однако по приказу оккупантов снова возобновило ее, но выплачивало только 300 миллионов франков в день. Это явствует из документа РФ-222.

15 декабря 1942 г., после того как оккупанты заняли всю Францию, Германия потребовала, чтобы сумма взносов была повышена с 300 до 500 миллионов франков в день.

Сумма выплаты дошла до 631 866 миллионов франков, что составляло по курсу того дня 31 593,3 миллионов марок.

Эта сумма фигурирует не только в данных французской администрации, но и в немецких документах, в частности в докладе Хеммена.

Хеммен, работник министерства иностранных дел в Берлине, был назначен главой германской экономической делегации в комиссии по перемирию, и он фактически действовал под непосредственным руководством Риббентропа как настоящий диктатор в экономических вопросах и имел своим непосредственным помощником в Париже доктора Мишеля, о котором речь шла выше.

Сохраняя свои функции главы экономической делегации комиссии по перемирию в Висбадене, этот самый Хеммен должен был быть назначен, по решению Гитлера, 19 декабря 1942 г. уполномоченным правительства рейха по экономическим вопросам при Французском правительстве. Это видно из документа РФ-223, ПС-1763.

Хеммен периодически посылал секретные донесения по вопросам экономики своему министру. Эти документы оказались у нас. Они имеют первостепенное значение для этой части процесса, как Вы это увидите, так как в них есть признание Германией того, что касается экономического разграбления.

Эти довольно объемистые доклады представлены за номером РФ-224—229, ПС-1986—1991. Но не имея возможности зачитать их Трибуналу полностью, я ограничусь чтением только нескольких коротких выдержек. Чтобы показать Вам их значение, возьмем перевод последнего доклада Хеммена. В этом докладе, написанном в Зальцбурге 15 декабря 1944 г., на странице 26 Хеммен признает, что Франция под видом возмещения расходов на содержание войск оккупации выплатила 31 593 300 тысяч марок...

Эта колоссальная сумма, уплаченная по требованию оккупантов, была гораздо больше той, которая нужна была Германии на содержание оккупационных войск. Несмотря на большие закупки, которые немцы делали во Франции в течение двух первых лет, и нужды, на которые выплаты кредитовались, они могли использовать лишь сумму, почти наполовину меньшую той, которую они получили.

Это видно из доклада Хеммена, в котором он дает таблицу французских взносов, произведенных под видом возмещения оккупационных расходов. Эта таблица очень короткая, и я ее зачитаю. Она послужит доказательством к моему изложению:

Год	Французская оплата в млн. марок	Немецкие расходы в млн. марок
1940	4000	1569
1941	6075	5205
1942	5475	8271
1943	9698,3	9524
1944	6345	6748

Это составляет с 1940 года по 1944 год сумму в 31 593 миллионов марок французских платежей и в 31 317 миллионов марок немецких расходов.

Эти цифры, несомненно, выражают преувеличенную сумму издержек на содержание войск. Это признавали и сами немцы. Большая часть этих взносов служила для финансирования расходов, относящихся к вооружению, снабжению и обмундированию германской армии и снабжению Германии. Это мы видим из документа ЕС-232, который я представляю под номером РФ-230.

По исчислениям института конъюнктуры максимальная сумма возмещения издержек, которая могла потребоваться за это время, составляет 74 миллиарда 531 миллион 800 тысяч франков...

В своем последнем докладе Хеммен пишет: «В течение четырех последних лет после заключения перемирия было

выплачено (оккупационные расходы и издержки на расквартирование войск) 34 миллиарда в рейхсмарках, что составляет 680 миллиардов франков. Франция, таким образом, принимает участие во всех издержках по оккупации и в уплате военной контрибуции в размере 40 процентов изъятий во всех оккупированных союзных странах. На каждого жителя это составляет налог в размере 830 рейхсмарок, или 16 600 франков».

Дальше я остановлюсь на вопросе о клиринге. Трибунал уже знает механизм действия клиринга, и я не буду к этому возвращаться. Я просто укажу Трибуналу, в каких условиях тогдашнему правительству пришлось подписать договор, который был навязан.

Одновременно с обсуждением вопроса об оплате издержек на содержание оккупационных войск происходили переговоры относительно соглашения о клиринге.

Начиная с 24 июля 1940 г. немецкая делегация заявляла, что она вскоре разработает план краткосрочных расчетов. 8 августа 1940 г. Хеммен действительно передал французской делегации план взаимных безналичных расчетов и выдачи платежных обязательств. Я представляю его под номером РФ-230. План содержал драконовские условия, которые нельзя было принять добровольно.

План предусматривал перекачивание из Франции в Германию средств без взаимной компенсации. Он устанавливал курс франка из расчета 20 франков за одну марку, в то время как курс даже на берлинской бирже был 17,65, а реальный паритет этих двух валют, если исходить из расчета их покупательной способности на обоих рынках, был приблизительно 10 франков за одну марку...

В письме от 31 августа генерал Унцигер напрасно пытался аргументировать свою просьбу об изменении курса франка и рейхсмарки. Я представляю это письмо под номером РФ-234. 6 октября 1940 г. французская делегация вновь пыталась добиться изменения условий, самых неблагоприятных для проекта соглашения о клиринге, но натолкнулась на полный отказ; немецкая делегация предлагала принять под видом двухстороннего соглашения подготовленный ею проект.

Я цитирую абзац из протокола комиссии по перемирию, документ РФ-235:

«Господин Шон, немецкий делегат, уточняет:

Я не могу вновь обсуждать этот вопрос. Я не могу сделать никакой уступки; что касается паритета франка — рейхсмарки, то 4 октября 1940 г. Хеммен сообщил французской делегации, что курс 20 франков должен рассматриваться как окончательный и что об этом нечего больше говорить. Он добавил, что, если со стороны Франции будет отказано в оплате, то есть в выполнении условия, навязанного Германией, он об этом доложит фюреру и все возможности изменения демаркационной линии отпадут».

10 октября 1940 г. французская делегация пыталась пос-

леднии раз добиться смягчения предложенных ей драконовских условий. Но немцы оказались неумолимыми... Хеммен на этом заседании сказал:

«Вы стараетесь сделать иллюзорным курс марки. Я прошу предупредить ваше правительство, что мы прервем переговоры. Я предвидел, что вы не сможете воспрепятствовать тому, чтобы цены не поднимались. Но вот теперь вы сами систематически заставляете их подниматься. Мы найдем другое средство, чтобы прийти к нашей цели. Бокситы мы возьмем».

Это была угроза захватить военным путем бокситы, находившиеся на неоккупированной территории, т. е. оккупировать «свободную зону».

Так называемое соглашение о клиринге действовало только в пользу Германии и привело к таким результатам: ко времени освобождения обязательства Франции в пользу Германии достигли 221 114 миллионов франков, в то время как обязательства Германии в пользу Франции составляли 50 500 миллионов франков. Таким образом, 170 614 миллионов франков Германия захватила противозаконно путем навязанного ею клиринга.

Перехожу к вопросу об арестах имущества и коллективных штрафах.

Помимо операций, которым придавалась видимость законности, немцы производили явно незаконные аресты имущества и налагали коллективные штрафы, что противоречит принципам международного права.

Во-первых, 17 декабря 1941 г. без всякого предлога на французских евреев была наложена контрибуция в размере одного миллиарда франков. Это видно из документа РФ-239, который является бесспорным доказательством.

Во-вторых, коллективные штрафы налагались в суммах, которые, по данным министерства финансов, достигают 412 636 550 франков.

В-третьих, немцы захватили большое количество золота. Хеммен в своем последнем секретном докладе говорит, что 24 сентября 1940 г. они захватили в порту Байоны 257 килограммов золота, что представляет по курсу 1939 года 12 336 тысяч франков.

В июле 1942 года они завладели большим количеством серебряных монет, сумма которых достигает 55 миллионов франков.

В том же секретном докладе Хеммена указывается, что с 1 января до 30 июня 1942 г. Германия завладела во Франции 221 730 килограммами золота, принадлежавшего национальному банку Бельгии и представлявшего по курсу 1939 года сумму в 9500 миллионов франков. Хеммен потребовал, чтобы это золото было доставлено. В мае 1940 года бельгийский национальный банк передал его французскому национальному банку. Эти факты составляют часть тех обвинений, которые правительство Виши предъявило к бывшим министрам перед трибуналом в Париже.

Долгие и частые обсуждения имели место в комиссии по перемирию. Соглашение было подписано 29 октября 1940 г., но оно не имело последствий ввиду возникших возражений со стороны Бельгии и Франции...

Чтобы закончить изложение по вопросу о золоте, я укажу Трибуналу, что Германия не могла завладеть золотым запасом Французского банка, так как оно было вовремя переведено в безопасное место. Согласно секретному докладу Хеммена немцы во время отступления завладели без всякого права в отделениях французского банка в Нанси, Белльфе и Эпинале суммой в 6899 миллионов франков. Кроме того, во время оккупации немцы завладели большим количеством золота, которое скупали у частных лиц через посредников.

Если говорить о платежных средствах, незаконным образом изъятых во Франции, можно сказать, что они составляют сумму около 750 миллиардов франков.

Перейду к тому, как немцы использовали эти крупные суммы, и прежде всего к вопросу о «черном рынке». Я, господа, не хочу злоупотреблять Вашим благосклонным вниманием и не отниму у Вас много времени, я имел честь представить Вам действие механизма «черный рынок», как немцы его использовали, как по приказам подсудимого Геринга он был организован и использован, и больше к этому я не буду возвращаться. Я пропускаю всю часть, где говорится о «черном рынке» во Франции.

Перехожу к вопросу о «приобретениях», обставленных видимостью соблюдения законности. Под давлением немцев правительство Виши должно было принять условия о предоставлении большого количества продуктов и товаров всякого рода в обмен на то, что немцы должны были снабжать предприятия сырьем в количестве, которое ими же определялось. Однако сырье, если оно доставлялось, хотя это тоже было не всегда, в большинстве случаев шло на промышленные предприятия, которые должны были сдавать немцам готовую продукцию. В действительности никакой компенсации не было, поскольку оккупационные власти получали это сырье обратно, но уже в готовых изделиях, и фактически ничего не давали взамен.

Из доклада представителя экономического контроля, представленного под номером РФ-107, заслуживает внимания такой пример.

В соответствии с соглашением в неоккупированной зоне разрешилось закупить пять тысяч грузовиков, которые предназначались для германских вооруженных сил, взамен доставки рейхом пяти тонн стали за каждую машину, что составляло 25 тысяч тонн стали, предназначенной для французской промышленности. Это была явно односторонняя сделка.

По сведениям экономической комиссии, обязательства компенсировать закупку автомашин поставкой стали не

были выполнены, так как она была частично использована на оборону побережья Средиземного моря.

Здесь уместно заметить, что большая часть изъятий натурой производилась без какого-либо регулирования, либо по той причине, что в этих сделках немцы оставались должниками, либо потому, что они необоснованно считали эти изъятия военной добычей. У нас имеется секретный доклад представителя «Рогес» — организации, которой поручено было группировать приобретения «черного рынка» и военную добычу. Из этого доклада явствует, что в сентябре 1944 года через «Рогес» было продано в Германии вещей на 10 858 499 марок, что составляет 217 169 980 франков, приобретенных в южной зоне под видом военной добычи. Я представляю этот документ под номером РФ-244.

В результате платежей, взысканных Германией, а также как регулировавшихся, так и не регулировавшихся реквизиций Франция была буквально ограблена. Оккупационные власти изъяли большое количество вещей всякого рода. По сведениям статистических управлений Франции, были произведены предварительные расчеты минимума этих изъятий. Эти расчеты не включали ущерб, причиненный военными действиями...

1. Изъятие сельскохозяйственных продуктов. Я представляю под номером РФ-245 доклад министра земледелия и статистическую таблицу, установленную институтом конъюнктуры, которая показывает размер официальных изъятий немцев, не охватывающих ни частных закупок, ни закупок на «черном рынке», которые, как те, так и другие, были значительными. Я не имею возможности прочитать Трибуналу эту столь обширную таблицу. Я ограничусь только кратким резюме.

Вот список основных сельскохозяйственных продуктов и количества скота, официально изъятых, и их оценка (я округляю цифры): злаков — 8900 тысяч тонн стоимостью в 22 миллиона франков; мяса — 900 тысяч тонн стоимостью в 30 миллионов франков; рыбы — 51 тысяча тонн стоимостью в 1 миллион франков; вина и других напитков — 13 413 тысяч гекталитров стоимостью в 18 500 тысяч франков; колониальных товаров — 47 тысяч тонн стоимостью в 805 900 тысяч франков; сахара — 11 600 тысяч тонн; лошадей и мулов — 690 тысяч голов; леса — 36 миллионов кубометров.

Я пропускаю подробности.

При помощи клиринга и изъятия средств на возмещение оккупационных расходов, которые были отрегулированы, немцы получили 113 620 376 000 франков; баланс в сумме 13 млрд. не был никак отрегулирован. Разумеется, сюда не входит сумма значительного ущерба, нанесенного лесам ввиду неправильного их выруба, а также ущерба ввиду уменьшения площади обрабатываемой земли. Не учитывается и гибель скота...

Изъятыми продуктами, такими, как мясо, птица, масло, яйца, вина, ликеры, шампанское, могли пользоваться исключительно немцы, а французское население, за исключением некоторых привилегированных лиц, было лишено всего этого.

2. Далее я коснусь вопроса об изъятии сырья.

Статистические данные об изъятии немцами сырья содержатся в таблицах, которые я не буду оглашать полностью. Я представлю их за номером РФ-246 и ограничусь указанием, что сумма изъятого сырья достигает 83 804 145 000 франков. По сведениям французской администрации, немцы из этой суммы погасили за счет расходов по оккупации и путем клиринга 59 254 639 000 франков, а разницу отнесли за счет французской казны...

Приблизительно три четверти сырьевых ресурсов было захвачено оккупантами. К этому следует сделать два замечания.

Значительная часть сырья, которая теоретически должна была оставаться в распоряжении французской экономики, в действительности бронировалась за той частью промышленности, продукция которой целиком поступала в распоряжение оккупантов.

Приведенные данные содержат только сведения об официальных поставках, между тем немцы приобрели большое количество сырья на «черном рынке», в частности драгоценные металлы: золото, платину, серебро, а также цветные и редкие металлы: ртуть, никель, олово, медь и т. д.

Можно сказать, что количество сырья, оставляемого для нужд населения, было совершенно незначительным.

3. Перехожу к представлению доказательств об изъятии предметов фабричного производства и продукции горнорудной промышленности...

Как я уже отмечал, немцы, используя различные методы давления, достигли того, что прямо или косвенно использовали большую часть французского промышленного производства. Я не буду более возвращаться к этим фактам и перейду сейчас к обзору данных о поставках промышленной продукции. Я представляю под номером РФ-248 таблицу, содержащую статистические данные по отраслям промышленности, относительно предметов промышленного производства, изъятых немцами во время оккупации.

Не желая затруднять Трибунал оглашением всей таблицы, я приведу лишь ее итоги. Поставки готовой продукции, начиная с 25 июня 1940 г. до момента освобождения, в денежном выражении оцениваются в миллионах франков: по машиностроительной промышленности и электропромышленности — 59 455; по химической — 11 744; по текстильной и кожевенной — 15 802; поставки различных сооружений и строительных материалов — 56 256; угля, алюминия, фосфатов — 4160; железа — 4474, горючего —

568; морских сооружений — 6104; авиационных сооружений — 23 620; поставки продукции различных отраслей промышленности — 2457.

К этому нужно добавить, что:

1. Те цифры, которые приводились, не включают продукцию сильно развитых в промышленном отношении районов Севера и Па-де-Кале, находившихся в ведении немецкой администрации в Брюсселе. Цифры не включают также промышленной продукции департаментов Верхнего Рейна, Нижнего Рейна и Мозеля, которые были включены в империю.

2. При общем итоге поставок на сумму в 184 640 миллионов франков сведения, которые мы сейчас имеем, не позволяют еще установить, какую часть этой суммы оккупанты учли в счет расходов по оккупации и путем клиринга, а также размеров сальдо, размер которого не был предметом какого-либо урегулирования.

3. Если считать, что стоимость изъятой немцами по департаментам Севера и Па-де-Кале промышленной продукции может выражаться в сумме 18 500 миллионов франков, то общий итог превысит 200 миллиардов франков.

Количество изъятой немцами промышленной продукции в процентном отношении ко всему промышленному производству приводится в таблице, которую я представляю Трибуналу.

Некоторые виды продукции изымались полностью или почти полностью.

Наконец, своими закупками на «черном рынке» немцы обеспечили себя огромным количеством текстиля, станков, кожи, парфюмерии и т. д. В частности, текстиль французскому населению во время оккупации совершенно не доставался, то же самое можно сказать и о коже.

4. Перехожу к разделу об изъятии промышленного оборудования. Я не стану злоупотреблять Вашим вниманием, поскольку этот вопрос уже рассматривался применительно к другим оккупированным странам. Имеются статистические данные по вывозу из Франции промышленного оборудования, которые я представляю под номером РФ-251. Эти расчетные данные показывают, что стоимость материалов, вывезенных с различных французских заводов, принадлежащих частным лицам или государству, превышает сумму в 9 миллиардов франков.

Надо отметить, что во многих случаях статистические данные содержат указание стоимости амортизированных машин, тогда как в действительности вывозилось новое оборудование.

5. Я перехожу к финансовым операциям и захвату прибылей иностранных предприятий.

Представляя в начале моего выступления документ ЕС-57 под номером РФ-105, я указал, что подсудимый Геринг сам изложил цели экономической политики нацистской

Германии. Он считал, что расширение немецкого влияния на иностранные предприятия является одной из целей немецкой политики. Эти директивы привели к изданию более подробных инструкций, содержавшихся в ноте от 12 августа 1940 г., которую я представляю под номером РФ-252, ЕС-40; оглашу выдержки из нее:

«Поскольку основные экономические предприятия, — сказано в документе, — являются акционерными обществами, необходимо прежде всего обеспечить завладение акциями, находящимися во Франции».

Далее читаем:

«Осуществление влияния должно начаться с издания приказов...»

Затем в этом документе перечисляются средства, которые следует применять для достижения этих целей, и далее идет раздел, затрагивающий вопросы международного права:

«Согласно статье 46 Гаагской Конвенции, касающейся войны на суше, частная собственность не может быть конфискована. Отсюда следует, что конфискация ценностей не должна производиться в тех случаях, когда речь идет не о ценностях, являющихся собственностью государства. Согласно статье 42 и следующим статьям Гаагской Конвенции, относящимся к войне на суше, власти, осуществляющие управление оккупированной территорией, должны в принципе ограничиваться принятием мер, необходимых для установления или поддержания порядка в общественной жизни. Международное право запрещает, как правило, упразднять руководящий аппарат различных компаний и обществ, оставшихся в оккупированной стране, и заменять его «уполномоченными» комиссарами. Подобные меры не могут считаться действенными с точки зрения международного права.

В связи с этим надо стремиться к тому, чтобы обязать существующий руководящий состав компании работать на немецкую экономику, но не смещать лиц, составляющих его».

Далее говорится: «Если эти функционеры не будут подчиняться нашему руководству, следует заменять их другими, более для нас подходящими».

Мы покажем вкратце три способа захвата вкладов, которые были использованы немцами во время оккупации для финансового разграбления. Прежде всего захват вкладов тех компаний, которые осуществляют свою деятельность за границей.

14 августа 1940 г. был опубликован приказ, который запрещал всякие кредитные и финансовые операции за границей. Документ РФ-253.

Однако простое замораживание ценных бумаг не удовлетворяло оккупантов. Они желали стать собственниками всех акций для того, чтобы иметь возможность реализовать их в нейтральных странах. У них имелись посредники,

которые скупали за границей ценные бумаги у лиц, нуждавшихся в деньгах. Но в особенности они оказывали давление на правительство Виши, чтобы добиться передачи права на капиталовложения Франции за границей. Вот почему после долгих дискуссий в результате серьезного нажима немцы добились уступки ценных бумаг на значительные суммы.

Я не могу представить Трибуналу многочисленные документы, относящиеся к этой передаче прав на капиталовложения, как-то: протоколы, корреспонденцию, данные экспертизы и т. д., так как объем их без преувеличения составляет целые кубические метры. Я ограничусь только тем, что процитирую в качестве примера несколько отрывков.

Основная часть акций общества «Мин де Бор», владевших медными рудниками в Югославии, находилась у французских владельцев. Немцы с 26 июля 1940 г. учредили должность уполномоченного администратора в отделениях этого общества в Югославии. Это видно из представляемого мною документа РФ-254. Таковым был немецкий генеральный консул в Югославии и Болгарии господин Нейхаузен.

В ходе обсуждения условий перемирия Хеммен заявил (это занесено в протокол заседания от 27 сентября 1940 г., который я представляю Трибуналу под номером РФ-255):

«Германия стремится получить акции компании, не ограничивая себя никакими юридическими соображениями, которые были представлены с французской стороны. Германия руководствуется при этом важными экономическими соображениями. Она подозревает, что эти рудники продолжают поставлять медь Англии, и она твердо решила стать хозяином рудников».

Столкнувшись с отказом французских делегатов, Хеммен заявил на заседании 4 октября 1940 г. (я представлю Трибуналу выдержку из протокола этого заседания под номером РФ-256):

«Хеммен: Я очень сожалею, если вынужден буду передать такой ответ моему правительству. Не сможет ли французское правительство пересмотреть свою точку зрения, иначе наши взаимоотношения будут очень затруднены. Мое правительство настаивает на скорейшем решении этого вопроса. Если вы ответите отказом, последствия будут чрезвычайно серьезными».

Французский делегат господин Буазанже ответил ему: «Я еще раз поставлю этот вопрос».

Ответ Хеммена: «Я ожидаю вашего ответа не позже чем завтра. Если этот ответ не поступит, я передам отрицательный ответ, который вы мне только что сообщили».

Затем на заседании 9 января 1941 г. Хеммен заявил (представляю выдержку из этого протокола под номером РФ-257):

«В самом начале в Висбадене это дело было поручено

мне. Потом этот вопрос был поднят генеральным консулом Нейхаузеном от имени одного очень высокопоставленного лица (маршала Геринга) и обсуждался непосредственно в Париже с господином Лавалем и господином Абецем».

Так немцы добились захвата акций указанного общества.

Что касается французских акций в нефтяных компаниях в Румынии, то по этому поводу оказывалось не менее сильное давление. На заседании комиссии по перемирию 10 октября 1940 г. тот же Хеммен заявил следующее (представляю выдержку из протокола под номером РФ-258):

«Мы довольствуемся получением большей части акций. Мы оставим в ваших руках все, что нам окажется ненужным. Можете ли вы дать мне ваше принципиальное согласие по этому пункту? Дело так же, как и о копях Бора, очень срочное. Мы хотим получить все».

22 ноября 1940 г. Хеммен снова заявил следующее (выдержку из протокола заседания комиссии по перемирию я представляю под номером РФ-259):

«Мы еще ведем войну, и нам необходимо немедленно обеспечить себе влияние на производство нефти в Румынии. Таким образом, мы не можем ожидать заключения мирного договора».

В ответ на просьбу французских делегатов о том, чтобы взамен этой уступки была предоставлена хотя бы материальная компенсация, Хеммен заявил на этом же заседании:

«Невозможно. Суммы, которые вы должны получить от нас, будут взяты из расходов по оккупации. Это избавит вас от необходимости выпускать большое количество денег. Этот вид участия в прибылях будет окончательно принят немецкой стороной после того, как будет точно определена политика сотрудничества».

Можно было бы до бесконечности продолжать цитаты такого рода и даже еще более показательные по вопросу нарушения положений Гаагской Конвенции. Передача прав, на которую французы якобы соглашались, была вызвана давлением с немецкой стороны. Изучение заключавшихся при этих условиях договоров показывает, что уступающая сторона терпела большой ущерб и ничего не получала взамен, другая же сторона извлекла огромные прибыли, не предоставляя компенсации.

Таким образом немцы добились участия в прибылях румынских нефтяных компаний, предприятий Центральной Европы, Норвегии и на Балканах и, в частности, медных рудников Бора, о которых я говорил. За это немцы расплатились франками в счет расходов по оккупации, причем эта сумма достигает 2 миллиардов. В других случаях они расплачивались облигациями французских займов, выпущенных за границей, в частности в Голландии, а также путем клиринга.

Показав вкратце, каким путем немцы добились участия

в прибылях французских предприятий за границей, я перейду к краткому изложению того, как нацисты захватили капиталы коммерческих предприятий внутри страны.

Вскоре после заключения перемирия в соответствии с директивами подсудимого Геринга большое количество французских промышленных предприятий стало получать предложения со стороны различных немецких групп, которые хотели приобрести полностью или хотя бы частично средства французских предприятий. Это облегчалось тем фактом, что немцы, как я уже показал, практически контролировали промышленность и управляли производством при помощи системы «Патенфирма». Происходили длинные дискуссии между оккупантами и французским министерством финансов, безуспешно пытавшимся ограничить максимальный размер немецкого участия в прибылях 30 процентами.

Я не имею возможности входить в детали того, как это было осуществлено. Я укажу только, что министр финансов составил список основных фирм, в прибылях которых участвовали немцы, список, воспроизведенный в таблице, приложенной к книге документов под номером РФ-260.

Из этой таблицы видно, что участие в прибылях, осуществленное фиктивно за счет клиринга, доходит до 307 436 тысяч франков, в счет расходов по оккупации — 160 миллионов франков. Сумма, относимая за счет участия в прибылях заграничных обществ, не может быть точно определена; и наконец, за счет различных неустановленных источников — 28 718 тысяч франков.

Рассмотрение этих данных можно закончить оглашением выдержки из доклада Хеммена, сделанного в январе 1944 года, в котором он пишет:

«В продолжение четырех лет оккупации Франции делегация в комиссии по перемирию перевела в целом в распоряжение немцев ценности приблизительно на 121 миллион марок. В эту сумму входят акции в важнейших предприятиях, работающих на войну в других государствах, во Франции и в Германии. Подробности по этому вопросу содержатся в предыдущих отчетах о деятельности делегации. Примерно половина суммы компенсации была погашена Германией за счет передачи принадлежащих Франции иностранных акций, изъятых в Голландии и Бельгии, а остаток суммы был оплачен посредством клиринга или за счет расходов по оккупации. В результате использования французских инвестиций за границей в качестве средства платежа образовалась разница между германской закупочной ценой и французским курсом на сумму в семь миллионов марок, которая была передана империи».

Надо подчеркнуть, что прибыль, извлеченная Германией, с чисто финансовой точки зрения, составляет не 7 миллионов марок, или 140 миллионов франков, как об этом говорит Хеммен, а несравненно больше. В действительности Германия оплачивала эти приобретения исклю-

чительно за счет возмещения расходов по оккупации, с помощью клиринга и за счет захвата французских займов, выпущенных в Голландии и Бельгии, что для этих стран являлось настоящим ограблением, а для Франции не могло явиться реальной компенсацией.

Эти уступки, совершенные в свое время Францией, имевшие видимость законных, побудили Объединенные Нации объявить в Лондонской декларации от 5 января 1943 г., что такие уступки должны быть объявлены недействительными, даже если они были заключены формально с согласия стороны, потерпевшей ущерб от этих уступок...

Я прибавлю, что все эти уступки являются сейчас предметом рассмотрения французских судов по вопросу о преследовании лиц, обвиняемых в государственной измене, независимо от того, что они, вне сомнения, действовали под нажимом немцев.

Я заканчиваю этот раздел последним замечанием о захвате немцами недвижимого имущества во Франции. Пока по этому вопросу трудно еще привести точные данные, потому что большей частью эти операции производились при помощи подставных лиц. Наиболее разительным примером является некий Скольников, который вложил во время оккупации около двух миллиардов франков в покупку недвижимого имущества. Этот тип неопределенного подданства жил до войны бедно, скандально разбогател вследствие своих связей с гестапо и своих операций с оккупантами на «черном рынке». Но каковы бы ни были барыши, которые он получил от своих бесчестных махинаций, он лично не смог бы купить почти на два миллиарда недвижимости во Франции.

Я представляю за номером РФ-262 копию полицейского рапорта, касающегося этой личности. Я не смогу полностью огласить его Трибуналу, но он содержит перечень того недвижимого имущества и целых фирм по продаже недвижимости, которые были приобретены на имя этого человека. Несомненно, что эта недвижимость представляет большую ценность. Совершенно очевидно, что Скольников, являвшийся агентом гестапо, служил подставным лицом для немцев, имена которых не удалось раскрыть и до настоящего времени.

6. Перехожу к вопросу об изъятии средств транспорта и сообщения. Французская администрация представляет нам статистические данные, систематизированные в очень подробных таблицах, которые я не буду оглашать. Я лишь отмечу, что большая часть паровозов и исправного подвижного состава была изъята и что общая стоимость изъятых транспортных средств достигает 188 450 миллионов франков.

Я перехожу к изъятиям, совершенным по департаментам Верхнего Рейна, Нижнего Рейна и Мозеля. Сейчас же после начала вторжения немцы присоединили эти департаменты к империи. Этот вопрос будет изложен более под-

робно французским обвинителем, который будет рассматривать вопрос о германизации. Что касается экономического разграбления, нужно указать, что немцы стремились извлечь максимальную пользу из этих трех департаментов. Если они и оплачивали некоторое количество продукции в марках, то они не расплатились за такие основные виды продукции, как уголь, железо, нефть, калийные соли, промышленные материалы, мебель, сельскохозяйственные машины.

Сведения по этому вопросу даны нам французской администрацией в таблице, которую я представляю под номером РФ-264; резюмирую очень кратко.

По трем восточным департаментам стоимость изъятых товаров, не оплаченных немцами, достигает 27 315 миллионов франков.

Заканчивая вопрос об этих трех департаментах, я должен сказать Трибуналу, что мой коллега, который осветит вопрос о германизации, укажет, каким путем фирма «Герман Геринг Верке», в которой подсудимый Геринг имел значительные капиталовложения, завладела оборудованием больших рудников французской компании «Внуки Ф. Венделя и К°»...

Я также пропускаю вопрос о принудительном труде. Скажу лишь, что французская экономика потерпела огромный ущерб от угона рабочих, о чем уже говорил Вам мой коллега. Был произведен подсчет потерянного рабочего времени и установлено, что французская экономика потеряла 12 550 миллионов рабочих часов из-за принудительного угона рабочей силы. Сюда не включено то количество рабочих, которые были вынуждены тем или иным способом работать на немцев на промышленных предприятиях внутри Франции.

Если Вы позволите, господа судьи, я закончу свое изложение в отношении Франции тем, что дам общий обзор положения и в последний раз обращусь к свидетельству Хеммена — этого экономического диктатора, который по приказу своих хозяев, сидящих теперь на скамье подсудимых, разорил мою страну.

Если в своих первых пяти отчетах, несмотря на их технический характер, автор выказывает уверенность победителя, который может все себе позволить, то в последнем отчете, составленном 15 декабря 1944 г. в Зальцбурге, Хеммен, сохраняя этот стиль своего отчета, в то же время явно пытается оправдать Германию, своих нацистских хозяев, самого себя. Но вместо этого, сам того не желая, произносит обвинительную речь против того рокового дела, в котором он участвовал.

Вот, господа судьи, очень краткие выдержки из последнего отчета Хеммена:

«Согласно руководящим указаниям, данным 5 июля 1940 г. рейхсмаршалом, уполномоченным по четырехлетнему плану, относительно действующего права, соглаше-

ние о перемирии не дает нам экономических прав в неоккупированной части Франции, даже если толковать его более широко».

Но дальше он признает шантаж, касающийся демаркационной линии, и говорит об этом в следующих выражениях:

«Правительство Петэна с самого начала выразило... желание с помощью Германии быстро восстановить разрушенную экономику и предоставить работу для населения Франции с тем, чтобы избежать безработицы, но в первую очередь видеть снова объединенными две зоны Франции, которые были разделены демаркационной линией, чтобы достигнуть, таким образом, экономического и административного единства; в то же время правительство заявило, что оно готово руководить страной в соответствии с немецкой экономической системой и полностью реорганизовать ее по немецкому образцу».

Затем Хеммен прибавляет: «В обмен на важные уступки в отношении демаркационной линии делегация в комиссии по перемирию пришла к соглашению с Французским правительством относительно введения немецких правил валютного обмена во французское законодательство...

Рост цен, которые автоматически повышались вместе с развитием «черного рынка», давал себя знать сильнее, потому что заработная плата искусственно удерживалась на одном и том же уровне».

Я пропускаю, не желая задерживать Трибунал, параграф, где Хеммен говорит о французском движении Сопротивления, однако я должен отметить, что Хеммен пытается доказать с помощью различных финансовых расчетов и весьма сомнительных рассуждений, что бремя войны для немцев было тяжелее, чем для французов. Но он сам одним высказыванием опровергает всю созданную им систему защиты, когда в конце своих наглых расчетов он пишет, что «с осени 1940 года до февраля 1944 года стоимость жизни во Франции повысилась на 166 процентов, в то время как в Германии она повысилась только на 7 процентов».

Я думаю, что повышение цен на предметы первой необходимости является показателем обнищания страны.

Наконец, Хеммен в следующих выражениях признает совершенные немцами преступления:

«Из-за того, что в течение ряда лет большое количество материальных ценностей всякого рода выкачивалось без всякой компенсации, произошло колоссальное сокращение количества продуктов в стране, чему соответствовала, в свою очередь, циркуляция большого количества бумажных денег, что вызвало все более заметные признаки инфляции, выражающиеся прежде всего в обесценивании денег и в понижении покупательной способности».

Эти материальные потери, скажут мне, можно восполнить. С помощью трудолюбия и экономии можно будет в

более или менее отдаленном будущем восстановить экономику страны. Это верно, но есть одна вещь, которую никогда нельзя будет исправить. Это — последствия лишений, которые сказались на физическом состоянии населения.

Если другие немецкие преступления, такие, как угон населения, убийства, зверства, заставляли нас содрогаться от ужаса, то преступление, которое заключалось в том, что население целых стран умышленно заставляли систематически голодать, представляется не менее ужасным.

В оккупированных странах, особенно во Франции, много людей умерли исключительно потому, что они недостаточно питались и были лишены топлива. Считается, что в среднем человеку нужно от 3 до 3,5 тысяч калорий в день и примерно 4 тысячи — для лиц, занимающихся тяжелым физическим трудом. С самого начала нормирования продуктов, с сентября 1940 года, выдавалось только по 1800 калорий в день на человека. Этот паек непрерывно уменьшался: в 1942 году — до 1700 калорий, затем до 1500 и, наконец, упал до 1220 и 900 калорий в день для взрослых и до 1380 и 1300 — для рабочих. Старики получали только 850 калорий в день. Но реально получаемый паек был еще меньше, чем тот, что значился на продуктовых карточках; зачастую по многим талонам совсем ничего не выдавалось.

Немцы не могли не знать об этом катастрофическом состоянии здоровья населения, потому что они сами признавали во время войны 1914—1917 гг., что 1700 калорий являются «режимом непрерывного голода, который приводит к смерти».

Что еще усугубляло положение, — это качество выдаваемого пайка. Хлеб был самого плохого качества. Молоко, если оно выдавалось, было обезжирено до того, что содержало только три процента жира. То малое количество мяса, которое выдавалось населению, было очень плохого качества. Рыба совершенно исчезла с рынка.

Если к этому прибавить почти полное отсутствие топлива, одежды и обуви, причем большей частью ни школы, ни госпитали не отапливались, то легко будет представить себе, каково было физическое состояние населения.

Развивались неизлечимые болезни, например туберкулез, и они еще долго будут оказывать свое опустошительное действие. Рост детей и подростков был значительно замедлен. Будущее нации внушает самое серьезное беспокойство. Результаты экономического разграбления будут ощущаться в течение долгого времени.

Истощение настолько велико, что, несмотря на щедрую помощь, оказываемую Объединенными Нациями, положение в ранее оккупированных странах еще до сих пор внушает тревогу. Почти полное отсутствие продукции на складах, недостаточное количество средств производства и транспорта и экономическая дезорганизация еще и сейчас не дают возможности обеспечить население достаточным

пайком. Эта нищета, постигшая все страны, которые были оккупированы, сможет исчезнуть только постепенно и через длительное время, продолжительность которого сейчас еще никто не может определить...

Профессор Ги Ларош, уполномоченный деканом медицинского факультета в Париже изучить последствия недоедания во Франции, явившегося результатом немецких реквизиций, составил доклад по этому вопросу.

Я не хотел бы затягивать мои объяснения, оглашая весь доклад. Я только прошу Трибунал разрешить мне процитировать выводы. Они представлены под номером РФ-264-б.

«Вот насколько велики результаты преступно недостаточного снабжения, которое немцы во время оккупации с 1940 года по 1944 год навязали французам. Трудно дать точную цифру погибших вследствие этого жесткого нормирования. Надо было бы иметь общую статистику, которую мы еще не сумели составить.

Однако без преувеличения можно считать, что количество умерших с 1940 года по 1944 год достигло по меньшей мере 160 тысяч человек, включая лиц, находившихся в богадельнях и приютах. К этому надо прибавить большое число болезней, физического истощения и душевных заболеваний, часто неизлечимых, детских болезней, тормозящих развитие, и т. д...»

Пусть мои противники не говорят мне, что немецкое население находилось в таком же положении. Я отвечу им, что это неверно. В течение четырех лет немцы не страдали от холода и голода, напротив, каждый немец питался очень хорошо, был тепло одет, жилище его хорошо отапливалось — и все это за счет продуктов и предметов, награбленных в оккупированных странах у населения, которое было лишено самого необходимого.

Прошу вас, господа судьи, помнить слова Геринга, который восклицал: «Если голод где-нибудь и наступит, то это ни в коем случае не будет в Германии».

Немцы и их нацистские руководители сами хотели войны, которую они развязали. Они не имели права обрекать на голод другие народы для того, чтобы осуществить свою попытку добиться мирового господства. Если сегодня они находятся в затруднительном положении, то это только следствие их собственного поведения.

После прихода Гитлера к власти политика нацистской Германии получила определенное направление. Внутренняя экономика и все ресурсы были использованы для подготовки к войне, которая, как надеялись, позволила бы Германии захватить силой богатства своих западных соседей, а потом обрушиться на Союз Советских Социалистических Республик в надежде использовать колоссальные богатства этой великой страны.

Таково применение теорий, изложенных в книге «Майн кампф», которому сопутствовало порабощение, а затем и уничтожение населения завоеванных стран...

Такие действия, сознательно совершенные немецкими руководителями в нарушение международного права и в частности Гаагской Конвенции, так же как и в нарушение общих принципов уголовного права всех цивилизованных наций, составляют военные преступления, за которые они должны ответить перед Судом.

Из выступления заместителя Главного обвинителя от Франции Г. Дельпеша[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 21 января 1946 г.

Господин председатель, господа судьи! Я буду иметь честь представлять Трибуналу материалы о разграблении экономики Бельгии.

В начале 1940 года нацистские руководители решили вторгнуться в Бельгию, Голландию и Северную Францию в расчете на то, что они найдут в этих странах сырье, оборудование и предприятия, которые позволят им усилить свой военный потенциал.

Как только Бельгия была оккупирована, германская военная администрация постаралась извлечь из оккупации максимальную выгоду. С этой целью германские руководители предприняли ряд мероприятий, чтобы блокировать в этой стране все имеющиеся богатства и захватить платежные средства.

Созданные в предшествующие годы запасы материальных ценностей подверглись реквизиции в огромных масштабах. Машины и оборудование многочисленных предприятий были демонтированы и отправлены в Германию. Учитывая высокий уровень промышленного развития Бельгии и используя угрозы, оккупационные власти наложили тяжелую контрибуцию на бельгийскую промышленность.

Сельское хозяйство также не избежало этой участи.

Чтобы поработить страну в экономическом отношении, использовано было самое простое средство — захват большей части платежных средств и запрещение вывоза денег и всяких других ценностей. Это было сделано указом от 17 июня 1940 г., который был опубликован в «Ферорднунгсблатт» специально для Бельгии, Северной Франции и Люксембурга. Документ под номером РФ-99. Тогда же было опубликовано уведомление от 9 мая 1940 г. о выпуске бумажных денег рейхскредиткассы для снабжения оккупационных войск платежными средствами.

[1] IMT, vol. 5, p. 564—573; vol. 6, p. 1—17.

Таким образом, немцы имели возможность покупать в стране, изобиловавшей всякого рода продуктами и изделиями, без компенсации все, что они хотели, а жители не имели возможности уберечь свою собственность от оккупантов.

Как только немцы заняли Бельгию, они создали контору по контролю и наблюдению за банками, в том числе и Бельгийским национальным банком. Приказ об этом был издан 14 июля 1940 года, документ РФ-141.

Указом от 27 июня 1940 г. был создан новый эмиссионный банк, обладавший капиталом в 150 миллионов бельгийских франков, из которых 20 процентов составляли наличные деньги. Этот банк получил монополию на выпуск бумажных денег в бельгийских франках. Таким образом, фактически у Бельгийского национального банка было отнято право на выпуск бумажных денег.

Эмиссионный банк тотчас же выпустил бумажные деньги на крупную сумму. Это подтверждается тем, что на 8 мая 1941 г. сумма бумажных денег в обращении составляла 29 800 миллионов в то время, как 29 декабря 1943 г. она составила 83 200 миллионов, а 31 августа 1944 г. — 100 200 миллионов бельгийских франков, то есть увеличилась на 236 процентов.

Несмотря на создание эмиссионного банка, бумажные деньги рейхскредиткассы продолжали находиться в обращении в Бельгии до августа 1942 года, и именно Бельгийский национальный банк был вынужден принять эти бумажные деньги в сентябре 1944 г. В результате этого бельгийской экономике был нанесен ущерб на сумму в 3567 миллионов бельгийских франков.

Кроме того, согласно сведениям, представленным Бельгийским правительством, эмиссионный банк ко времени освобождения территории обладал бумажными деньгами рейхскредиткассы и рейхсмарками на сумму в 644 миллиона бельгийских франков. Эти данные приведены в документе РФ-145.

Перейдем к издержкам по оккупации. Согласно статье 49 Гаагской Конвенции оккупанты могли взимать денежные сборы только для нужд оккупационной армии или на содержание администрации занятой территории. Но численность этой армии не может превышать строго необходимых для этой цели контингентов. С другой стороны, под «нуждами оккупационной армии» надо понимать не издержки по вооружению и экипировке, а только издержки по постою, питанию, выплате нормального жалованья.

Кроме того, статья 52 разрешает оккупирующей державе проводить для нужд своей армии реквизиции в натуре и привлекать жителей к повинностям при условии, однако, что реквизиции будут соответствовать ресурсам страны, а повинности будут такого рода, что они не повлекут за собой понуждение населения участвовать в военных действиях против своей родины.

Между тем немцы сначала потребовали по август 1941 года ежемесячного возмещения расходов по оккупации в 1 миллиард, а затем эта сумма достигла 1,5 миллиарда франков в месяц. На 20 августа 1944 г. произведенные согласно этому расчету взносы достигли всего 67 миллиардов бельгийских франков, документ РФ-147.

Указанная сумма была непропорциональна нуждам оккупационной армии. Это явствует из отчета Веттера, представленного Трибуналу под номером РФ-148. На странице 245 этого отчета упоминается, что 17 января 1941 г. главнокомандующий войсками в Бельгии запросил у верховного командования армии, должно ли покрывать возмещение только издержки по собственно оккупации. Эта точка зрения была отклонена верховным командованием, которое 29 октября 1941 г. указало, что возмещение расходов по оккупации должно быть использовано не только для нужд оккупационной, но и действующей армии. Кроме того, я зачитаю выдержку из документа РФ-149, в котором на странице 11 оригинала немецкого текста этого отчета указано следующее:

«Так как увеличивающиеся расходы армии позволяют предположить, что ограничиться этими суммами будет невозможно, то военная администрация потребовала пересмотра счета издержек по оккупации в целях изъятия из этого счета всех издержек, не относящихся к собственно оккупации».

Речь шла о крупных затратах, которые военные управления предназначали в Бельгии для всякого рода закупок, например лошадей, автомобилей, экипировки и других предметов, предназначавшихся для других территорий и зачисленных на счет оккупационных издержек. Прежде чем завершить рассмотрение вопроса об издержках по оккупации, необходимо отметить, что декретом от 14 декабря 1940 года, документ РФ-150, немцы уже потребовали от Бельгии оплаты расходов по размещению германских войск.

В результате этого страна должна была оплатить издержки в сумме 5 миллиардов 900 миллионов бельгийских франков под видом оплаты за постой германских войск, издержек по оборудованию помещений и меблировке их.

Мы перейдем сейчас к вопросу о третьем виде разграбления — о клиринге.

Выпуска бумажных денег рейхскредиткассой и военной контрибуции, называемой «возмещением за оккупацию», было недостаточно Германии. Ее руководители установили систему клиринга, которая позволила им незаконно приобрести платежные средства на сумму 62 миллиарда 200 миллионов бельгийских франков.

Как только немцы вступили в Бельгию, приказами от 10 июля, 2 августа и 5 декабря 1940 г., которые находятся в книге документов под номером РФ-151, 152 и 153, они навязали:

1. Производство всех платежей дебиторов, проживающих в Бельгии, кредиторам, проживающим в Германии, должно вноситься на счет «Дейче Феррехнунгскассе, Берлин». Это был открытый счет в Бельгийском национальном банке в Брюсселе, который велся в бельгийских франках несмотря на запрещение денежного обращения от 17 июля 1940 г., о котором было упомянуто в связи с блокированием платежных средств в стране.

Решением от 4 августа 1940 г., кроме того, было предписано выполнение и ведение счета клиринга на будущее не Бельгийским национальным банком, а эмиссионным банком в Брюсселе, который, как я уже имел честь указать, был только что основан оккупантами и действовал под их полным контролем.

2. Производство платежей дебиторами, проживающими в Германии, своим бельгийским кредиторам по счету, открытому эмиссионным банком в Брюсселе по постоянному курсу: 100 бельгийских франков равнялись 40 маркам, то есть 1 марка равнялась 2,5 бельгийским франкам.

Это решение, кстати, было распространено на другие страны, оккупированные Германией, и все это для того, чтобы способствовать ее операциям в этих странах. Оно было распространено также на некоторые нейтральные государства...

Задача эмиссионного банка в Брюсселе состояла, таким образом, с одной стороны, в приеме платежей от всех лиц или организаций, находящихся в Бельгии, у которых были обязательства по отношению к другим странам. С другой стороны, его задача заключалась в уплате сумм лицам или организациям, находящимся в Бельгии, в отношении которых у иностранных подданных имелись обязательства.

Другими словами, каждый раз, когда экспортер предоставлял товары импортеру, гражданину страны, являющейся членом системы клиринга, эмиссионный банк оплачивал счета и в виде компенсации предоставлял соответствующий кредит на «Дейче Феррехнунгскассе, Берлин», то есть германскую расчетную кассу в Берлине. В случае импорта производилась обратная операция.

Фактически под германским руководством эта система действовала в ущерб бельгийскому обществу, которое в момент освобождения являлось кредитором, согласно клиринговой системе, на сумму в 62 665 миллионов бельгийских франков...

До того как закончить главу о захвате немцами платежных средств, следует указать Трибуналу, что согласно указу от 22 июня 1940 г. немцы установили курс бельгийского франка в 8 пфеннигов, то есть в 12,5 франка за марку. В упомянутом выше отчете, на страницах 37 и 38, Веттер пишет по этому вопросу следующее (я прошу Трибунал

разрешить мне зачитать выдержку, находящуюся в книге документов под номером РФ-158):

«Фактическое сохранение довоенного паритета имело также важное политическое значение, так как иначе у большей части населения создалось бы впечатление, что крупная девальвация и новые изменения паритета представляют собой приемы грабежа.

Касаясь этого понятия, нужно заметить, что для экономического расхищения оккупанты в Бельгии не нуждались в уменьшении стоимости бельгийского франка. Дело в том, что когда они вошли в Бельгию, то, в отличие от происшедшего во Франции, они выпустили новые знаки и осуществили контроль за их обращением.

Наконец, напомним, что Германия потребовала от правительства Виши 221 730 килограммов золота на сумму 9500 миллионов франков из расчета цен 1939 года. Но так как Франция возместила это золото Бельгийскому банку, то об этом будет сказано, когда речь пойдет об экономическом разграблении Франции.

Для того чтобы обобщить вопрос о платежных средствах, захваченных оккупационной армией, я укажу несколько цифр:

бумажных денег рейхскредиткассы — 3567 миллионов;

различных счетов в рейхскредиткассе — 656 миллионов;

военной контрибуции под предлогом возмещения за оккупацию — 67 000 миллионов;

к этому надо прибавить кредитовое сальдо клиринга — 62 665 миллионов;

то есть всего 133 888 миллионов бельгийских франков.

Немцы захватили таким образом больше чем 130 миллиардов бельгийских франков, которые они использовали для закупок внешне законных, а также незаконных закупок на «черном рынке» и для расчетов по реквизиции...

Возвращаясь в общей части изложения по вопросу об ограблении экономики к германским действиям в Норвегии, Дании и Голландии, я показал, что повсюду нацисты стремились установить свое господство в экономической сфере. Методы, которые они всюду или, по крайней мере, в основных местах использовали, были в общих чертах сходными. Вот почему, а также для того, чтобы удовлетворить пожелание, высказанное Трибуналом, я ограничусь в общих чертах показом той эволюции, которую претерпели германские действия. В отношении же подробностей, касающихся захвата немцами бельгийской продукции, я позволю себе предложить Трибуналу обратиться к тексту, предъявленному Трибуналу, и к многочисленным документам, приведенным в нашей книге документов...

Проводя в жизнь свою программу установления господства в оккупированных странах Западной Европы в той

форме, в какой оно имело место начиная с 1939 года, гитлеровцы с момента своего вступления в Бельгию в мае 1940 года приняли все меры к тому, чтобы полностью подчинить себе бельгийское производство. Германское военное командование в Бельгии прежде всего обратилось к бельгийской промышленности. Оно создало целую программу, цель которой заключалась в получении почти всей бельгийской продукции для военных нужд рейха.

Уже 13 сентября 1940 г. оно смогло довести до сведения высших властей ряд планов получения железа, угля, текстиля и меди. Я предъявляю документ РФ-162, который подтверждает достоверность этого утверждения.

Помимо того, в отчете подполковника Хедлера, озаглавленном «Изменения ориентации в области экономики», содержится уточнение, согласно которому с 14 сентября 1940 г. управление по вооружению армии отправляло в подчиненные ему организации инструкции, которые находятся в книге документов под номером РФ-163. Я оглашу последний абзац:

«Я придаю наибольшее значение тому, чтобы заводы на оккупированных территориях Голландии, Бельгии и Франции широко использовались для облегчения задач производства германского вооружения и для увеличения военного потенциала. Предприятия Дании также должны быть отнесены сюда и, подобно вышеперечисленным, должны увеличивать свою производительность. В связи с этим немедленно следует начать осуществление директив, прилагаемых к приказу рейхсмаршала, а также к приказу относительно сырьевого производства на оккупированных территориях».

Совокупность этих положений позволила немцам в минимальные сроки установить контроль над всем производством и руководить им, а также осуществлять в Бельгии контроль над распределением, что способствовало военным усилиям Германии...

В отчете военной администрации в Бельгии, который был представлен под номером РФ-169, начальник штаба Ридер сообщает, что только за период с января по март 1943 года из 2 тысяч металлургических предприятий 400 было закрыто ввиду их непригодности с точки зрения военного производства. На самом дела закрытие предприятий было вызвано не столько их «непригодностью», сколько возможностью завладеть ценным оборудованием и механизмами...

При этом Ридер так обосновывает ограбление предприятий:

«Юридической основой реквизиции машин является Гаагская Конвенция от 1907 года, а именно статьи 52 и 53. На

основании Гаагской Конвенции реквизиции должны были производиться лишь в интересах и для удовлетворения потребностей оккупирующей страны, что соответствовало обстановке 1907 года, то есть тому времени, когда военные действия носили ограниченный характер и фактически происходили только на фронте. Ввиду ограниченности сферы военных действий вполне нормальным является тот факт, что Гаагская Конвенция предусматривала реквизицию исключительно для удовлетворения потребностей оккупирующей армии, что в прошлом вполне удовлетворяло нужды, связанные с ведением военных операций.

Но современная война требует, чтобы выполнение Гаагской Конвенции согласовывалось с новыми принципами войны при учете того, что новая война, превращаясь в войну тотальную, перестает носить ограниченный характер и, кроме того, она стала войной экономической в такой же мере, как и войной народов».

Я пропускаю несколько строк и оглашаю заключительную часть цитаты:

«В связи с тем, что реквизиции были произведены в масштабах, предусмотренных приказом военного командования от 6 августа 1942 г., можно считать, что это делалось для того, чтобы дать возможность бельгийскому населению ознакомиться с рациональным толкованием Гаагской Конвенции»...

Я не буду останавливаться на подробностях и перейду к странице 58 доклада: в ранее цитировавшемся отчете германской военной администрации дается обобщенная цифра произведенной продукции. Общая продукция шерстяной промышленности превысила в период с мая 1940 года и до конца июня 1944 года 72 тысячи тонн и оценивалась в 397 миллионов рейхсмарок. Распределение поставок между германским и бельгийским рынками было следующим: на германском рынке — 64 700 тонн на сумму 314 миллионов рейхсмарок; на бельгийском рынке — 7700 тонн на сумму в 83 миллиона рейхсмарок. По этим цифрам видны масштабы ограбления текстильной промышленности...

Теперь я перейду к вопросу о цветной металлургии.

В 1939 году Бельгия занимала первое место в Европе по производству цветных металлов: меди, свинца, цинка и олова. В отчете военного командования, фигурирующем как документ РФ-173, имеются статистические данные, являющиеся для Трибунала доказательством.

18 февраля 1941 г. имперское металлургическое управление и верховное командование вермахта, совместно с управлением по четырехлетнему плану, разработали план, которым намечалось: потребление металлов из Бельгии;

обеспечение исполнения германских приказов;

вывоз металлов в империю.

Эти различные мероприятия не удовлетворяли оккупа-

ционное командование, и они провели ряд так называемых «специальных» акций («зондеракцион») в соответствии с методами, применявшимися ими во всех странах Западной Европы: кампания по изъятию колоколов, кампания по сбору свинца для типографий, кампания по сбору меди...

Помимо этого, экономическое ограбление других отраслей промышленности, и в частности металлообрабатывающей, определялось не только величиной обязательных поставок; оно находилось также в непосредственной связи с общей политикой, проводившейся оккупационными властями. Такие отрасли бельгийской промышленности, как угольная и особенно черная металлургия, понесли весьма значительный ущерб в результате осуществления директив, предусматривавших максимальное финансирование военных нужд...

По сведениям бельгийского правительства, немцы полностью захватили и вывезли в Германию ценнейшее промышленное оборудование. Стоимость изъятого определена бельгийским правительством суммой в 2 миллиарда бельгийских франков (по курсу 1940 года).

Эти изъятия лишили бельгийскую промышленность, в подлинном смысле слов, возможности существования...

Организация этого изъятия была детально разработана еще до вступления германских войск на территорию государств Западной Европы. Изъятие проводилось специальными военными частями, созданными по указаниям управления военной экономики при штабе верховного командования вермахта, исходившим от подсудимого Кейтеля как начальника ОКВ.

Существование военных частей, которые, по существу говоря, были подлинными грабительскими шайками, подтверждается различными германскими документами. Фигурируя под названием: «части, действующие в экономической сфере», или «специальные команды», эти грабительские шайки осуществляли свою незаконную и губительную деятельность во всех странах Западной Европы.

Секретные инструкции для «частей, действовавших в экономической сфере», находившихся в Анвере, представлены в книге документов под номером РФ-183. Эти инструкции являются документом исключительной важности и бесспорным свидетельством грабительских стремлений немцев, а также служат новым доказательством того, что нацистские руководители пренебрегали положениями международного права.

Я позволю себе огласить несколько выдержек из них:

«Части, действующие в экономической сфере, организованы управлением военной экономики и вооружения при верховном командовании германских вооруженных сил. Эти части передаются в распоряжение армии для того, чтобы действовать в оккупированных странах».

Я перехожу к концу первой страницы германского документа:

«Их задача заключается в быстром получении в сфере их деятельности всех наиболее необходимых для военных нужд предметов, которые у нас отсутствуют или имеются в ограниченном количестве: сырья, полуфабрикатов, минеральных масел, а также предметов, наиболее необходимых для военного производства, служащего удовлетворению различных нужд национальной обороны. Их задача заключается также в том, чтобы принять на учет все имеющиеся запасы указанных предметов. Реквизиция машин сможет быть успешно проведена в том случае, если произведут их инвентаризацию. Получение другого рода имущества может быть обеспечено путем его инвентаризации и установлением сторожевой охраны.

Задачи частей, действующих в экономической сфере, заключаются также в подготовке и проведении, согласно приказам командования групп армий, вывоза имеющихся у нас в ограниченном количестве или отсутствующих предметов, как-то: минеральных масел и наиболее ценных машин. Выполнение этой задачи полностью ложится на части, действующие в экономической сфере.

Части, занимающиеся экономическими вопросами, должны начать действовать в оккупированных странах, как только это позволит военная обстановка».

После учета имеющихся в наличии машин и сырья специально созданные органы отправляли их в Германию.

Такие действия, нарушающие принципы международного права и положения уголовного права цивилизованных наций, признаются статьей 6 Устава Международного военного трибунала преступлением.

Несколько очень кратких замечаний об экономическом разграблении Люксембурга.

Правительство Великого Герцогства Люксембургского вручило краткое изложение своих обвинений, которые были представлены Трибуналу под номером ВБ-77. Выдержки, в которых говорится о преступлениях против собственности (в экономической части), фигурируют в книге документов под номером РФ-194.

Вскоре после прихода в Великое Герцогство Люксембургское немцы провели фактическое присоединение его. Такая тактика, похожая на ту, которую они приняли по отношению к жителям департаментов Мозеля, Нижнего и Верхнего Рейна, вызывает несколько замечаний.

Как обычно, одной из первых мер, которые были приняты, явилось изменение курса люксембургских денег, установленного в 10 люксембургских франков за 1 марку. Эта мера была принята в соответствии с приказом от 26 августа 1940 года, документ РФ-195. Этот паритет не соответствовал покупательным возможностям обоих видов валют. Он позволил немцам присвоить большую часть имущества населения и в особенности обеспечивал немцам

полный контроль над денежными знаками. Таким образом, они получили возможность захватить большое количество запасов сырья и полуфабрикатов страны.

Эти приобретения были оплачены обесцененными марками на основании блокированных цен, навязанных немцами.

Наконец, указом от 29 января 1941 г. рейхсмарки были введены в качестве единственных законных денег, документ РФ-96. Люксембургские франки и денежные знаки рейхскредиткассы были изъяты из обращения так же, как и бельгийские франки, которые до сих пор рассматривались как денежная единица франко-люксембургского денежного союза. С 5 февраля 1941 г. эти деньги стали рассматриваться как иностранная валюта.

Следует обратить внимание Трибунала на тот факт, что из всех стран, оккупированных Германией, Люксембург, так же как Эльзас и Лотарингия, являлся единственной страной, полностью лишенной национальных денег.

Кроме того, чтобы предоставить рейху финансовую поддержку, необходимую для ведения войны, приказом от 27 августа 1940 г., документ РФ-197, была предписана принудительная сдача золота и иностранной валюты. Им же предписывалась, кроме того, принудительная продажа иностранных акций и облигаций рейхсбанку по курсу и на условиях, установленных оккупантами.

Как уже было сказано, немцы захватили промышленные запасы. По этому поводу отчет от 21 мая 1940 г. об экономическом положении в Голландии, Бельгии и Люксембурге дает сведения о запасах, найденных в стране: 1600 тысяч тонн железной руды, 125 тысяч тонн марганцевой руды, 10 тысяч тонн необработанного железа, 10 тысяч тонн железного марганца, 36 тысяч тонн проката и фабрикатов.

Я мог бы назвать еще некоторые данные.

Согласно меморандуму, представленному люксембургским правительством в комиссию по репарациям, документ РФ-198, сумма ущерба составляет 5800 миллионов люксембургских франков в ценах 1933 года...

Нацисты ввели в Люксембурге свою расовую политику и конфисковали всю собственность, принадлежавшую евреям...

Управление конфискованной собственностью было поручено одному германскому обществу, находящемуся при бюро по германизации и колонизации. Фактически же это общество производило ликвидацию этой собственности. Таким образом было конфисковано и переведено в Германию большое количество ценностей.

Как было указано, тирольским немцам были переданы промышленные, торговые и ремесленные предприятия, принадлежавшие высланным. Это доказывает, что Великое Герцогство явилось жертвой организованного, систематического экономического ограбления, которое не уступает ограблению Бельгии.

Документ ПС-2718

ИЗ ПРОТОКОЛА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ШТАБА «ОЛЬДЕНБУРГ» ОБ ИТОГАХ ОБСУЖДЕНИЯ НА СОВЕЩАНИИ СТАТС-СЕКРЕТАРЕЙ ПЛАНА «БАРБАРОССА» 2 МАЯ 1941 Г.

В совещании участвовали:
Герман Геринг, Георг Томас,
Вильгельм Шуберт,
Пауль Кернер, Губерт Бакке,
Герман фон Ганнекен,
Фридрих Спрун и
Фридрих Альперс

1. Продолжать войну можно будет лишь в том случае, если все вооруженные силы Германии на третьем году войны будут снабжаться продовольствием за счет России.

2. При этом несомненно: если мы сумеем выкачать из страны все,что нам необходимо, то десятки миллионов людей будут обречены на голод.

3. Наиболее важен сбор и вывоз урожая масличных культур и приготовленных из них продуктов питания; лишь на втором месте злаковые. Жиры и мясо, видимо, пойдут на продовольственное обеспечение войск.

4. Из промышленных предприятий можно будет восстановить только такие, которые производят дефицитную продукцию, например:

— заводы по строительству средств транспорта,

— заводы по строительству сооружений, используемых в различных областях снабжения (имеются в виду стальные конструкции),

— текстильные предприятия,

— из числа военных предприятий — только такие, каких недостает в Германии.

Разумеется, для нужд войск будет организовано много ремонтных мастерских.

5. Для освоения больших территорий между железными дорогами необходимы специальные войска. Возможно, сюда будут брошены отряды имперской трудовой повинности или дополнительные формирования сухопутных войск.

Необходимо выяснить наиболее важные в экономическом отношении районы, чтобы организовать их охрану.

IMT, vol. 31, p. 84.

Документ СССР-89

ИНСТРУКЦИЯ СТАТС-СЕКРЕТАРЯ МИНИСТЕРСТВА ПРОДОВОЛЬСТВИЯ И СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА БАККЕ ОТ 1 ИЮНЯ 1941 Г.

Совершенно секретно
Только для командования

Берлин, 1 июня 1941 г.

«12 ЗАПОВЕДЕЙ ПОВЕДЕНИЯ НЕМЦЕВ НА ВОСТОКЕ И ИХ ОБРАЩЕНИЯ С РУССКИМИ»[1]

1.

Для вас, работников, которые направляются на Восток, главное состоит в том, что работа является решающим фактором. Поэтому я требую от вас упорной и неустанной деятельности.

2.

Не бойтесь решений, которые могут оказаться ошибочными. Не ошибается только тот, кто ничего не делает. Важны не отдельные ошибки, а работа. Тот, кто из-за боязни ответственности ничего не делает, не нужен нам.

3.

Вам предоставляется единственная в своем роде возможность овладеть делом и проявить свою волю к труду, свои знания, свои способности. Так, Англия на протяжении столетий ставила на ответственные посты в своей империи молодых людей и давала им возможность развивать способности к руководству. Недостаток территории у Германии до сих пор не позволял этого. Для разрешения поставленных на Востоке задач требуется, однако, чтобы вы не подходили к вещам с узкой, западноевропейской меркой. Вы облечены высочайшим доверием ваших начальников. Вы должны оправдать это доверие. Назначенные мною инспектора будут только в случае необходимости проверять отдельные мероприятия, в основном же следить за тем, доказываете ли вы умение работать.

4.

Я требую от вас подлинного руководства. Оно проявляется не в администрировании, не в профессорских рассуждениях.

А поэтому:

продолжительная деятельность на фронте;

величайшая готовность принимать решение;

быстрота в принятии того или иного решения (лучше ошибочное решение, чем никакого);

немногочисленные, но хорошие сотрудники;

никакой бумажной канцелярщины.

---

[1] Так называемые «12 заповедей поведения немцев на Востоке и их обращения с русскими» представляют собой одну из инструкций уполномоченного специального штаба «Ольденбург» по продовольствию и сельскому хозяйству статс-секретаря Герберта Бакке, включенную в «Папку сельскохозяйственного фюрера» — объемистый документ, состоящий из 15 разделов, разработанный задолго до вероломного нападения на СССР. Бакке — один из ближайших помощников Геринга по «четырехлетнему плану».

Умение действовать согласно директивам и материалам, исходящим из центра, но вместе с тем проявлять и собственную инициативу.

Короткие, ясные указания подчиненным — в форме приказа.

Никаких объяснений и обоснований, пусть русские видят в наших работниках руководителей.

Товарищество между немцами, ответственность перед вышестоящими, авторитет для подчиненных. Если у вас имеются основания быть недовольными поведением какого-либо немца, не обнаруживайте этого перед русскими.

Сознание своей ответственности, никакого угнетения подчиненных, наоборот, предоставить им полную свободу, чтобы они могли проявить себя.

Всегда держаться замкнуто по отношению к русским.

По отношению к русским следует настаивать даже на ошибке, допущенной немцем.

Не копировать слепо немецкие порядки и организации.

5.

Важно всегда иметь перед собой конечную цель. Вы должны быть особенно упорными в достижении своей цели. Тем более гибкими могут быть ваши методы достижения этой цели. Выбор методов предоставляется на усмотрение каждого из вас, если нет общих подходящих указаний в форме директив. Упорство в достижении цели, максимальная гибкость в выборе методов. Поэтому вы не должны быть особенно строгими к ошибкам ваших подчиненных, а должны постоянно направлять их на путь достижения цели.

6.

Ввиду того, что вновь присоединенные территории дожны быть надолго закреплены за Германией и Европой, многое будет зависеть от того, как вы поставите себя там. Вы должны уяснить себе, что вы на целые столетия являетесь представителями великой Германии и знаменосцами национал-социалистской революции и новой Европы. Поэтому вы должны с сознанием своего достоинства проводить самые жестокие и самые беспощадные мероприятия, которых потребует от вас государство. Отсутствие характера у отдельных лиц, безусловно, явится поводом к снятию их с работы. Тот, кто на этом основании будет отозван обратно, не сможет больше занимать ответственных постов и в пределах самой империи.

7.

Ставьте себе высокие, кажущиеся даже недостижимыми, цели с тем, чтобы фактически достигнутое всегда казалось частичным. Никогда не «пресыщайтесь» достигнутым... Не будьте односторонними, сосредоточивая свои мысли исключительно на сельском хозяйстве, в противном случае вам не придется удивляться тому, что и другие будут также мыслить односторонне: либо только о промышленности, либо о городских делах. Сосредоточивайте свои мысли на целом. Не спрашивайте, какую пользу извлечет из этого крестьянство, а спрашивайте только, насколько полезно это для Германии. Только то, что полезно Германии, полезно также и крестьянству. Будьте принципиальны, но не догматичны, будьте идеалистами и реалистами. Будьте решительными и, если нужно, суровыми по отношению к подчиненным, однако будьте справедливы и корректны, являйтесь всегда образцом для них.

8.

Не разговаривайте, а действуйте. Русского вам никогда не «переговорить» и не убедить словами. Говорить он умеет лучше, чем вы, ибо он прирожденный диалектик и унаследовал «склонность к философствованию». Меньше слов и дебатов. Главное — действовать. Русскому импонирует только действие, ибо он по своей натуре женствен и сентиментален...

Поэтому у русских не должно создаваться такое впечатление, будто вы колеблетесь. Вы должны быть людьми дела, которые без всяких дебатов, без долгих бесплодных разговоров и без философствования устанавливают и проводят необходимые мероприятия. Тогда русский охотно подчинится вам. Не применяйте здесь никаких немецких масштабов и не вводите немецких обычаев, забудьте все немецкое, кроме самой Германии.

Особенно не будьте мягки и сентиментальны. Если вы вместе с русским поплачете, он будет счастлив, ибо после этого он сможет презирать вас. Будучи по натуре женственными, русские хотят также и в мужественном отыскать порок, чтобы иметь возможность презирать мужественное. Поэтому будьте всегда мужественны, сохраняйте вашу нордическую стойкость.

Только ваша воля должна быть решающей, однако эта воля должна быть направлена на выполнение больших задач. Только в таком случае она будет нравственна и в своей жестокости. Держитесь подальше от русских, они не немцы, а славяне. Не устраивайте никаких попоек с русскими. Не вступайте ни в какие связи с женщинами и девушками подчиненных вам предприятий. Если вы опуститесь до их уровня, то потеряете свой авторитет в глазах русских... Заботьтесь о том, чтобы сохранить этот авторитет немца. Поднимайте его своими спокойными, деловыми приказами, твердыми решениями, высмеиванием дебатирующих и невежд.

Остерегайтесь русской интеллигенции, как эмигрантской, так и новой, советской. Эта интеллигенция... обладает особым обаянием и искусством влиять на характер немца. Этим свойством обладает и русский мужчина, и еще в большей степени русская женщина.

9.

Не заражайтесь коммунистическим духом. Русская молодежь на протяжении двух десятилетий воспитывалась в коммунистическом духе. Ей незнакомо иное воспитание. Поэтому было бы бессмысленно наказывать за прошлое. Мы не хотим обращать русских на путь национал-социализма, мы хотим только сделать их орудием в наших руках. Вы должны покорить молодежь, указывая ей ее задачи, энергично взяться за нее и беспощадно наказывать, если она саботирует или не выполняет этих задач.

Проверка и расследование прошлого и разбор ходатайств отнимут у вас время, необходимое для выполнения ваших, немецких задач. Вы не судебные следователи и не стена плача...

10.

Мы не несем русским никакой новой религии. По своей натуре русский религиозен и суеверен, с этим вы должны считаться. Однако разрешение религиозных вопросов не входит в круг ваших задач.

11.

Не пытайтесь вносить изменения в образ жизни русских, приспосабливая его к немецкому жизненному стандарту.

12.

Вы полностью предоставлены самим себе, поэтому не должно быть никаких жалоб и взываний о помощи в высшие инстанции. Помогай себе сам, тогда и бог поможет тебе.

Бакке

Нюрнбергский процесс (в 3-х т.), т. 2, с. 158—162.

Документ СССР-10

ДИРЕКТИВА ГЕРИНГА ПО ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РАЗГРАБЛЕНИЮ ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ СССР

Восточный штаб
экономического руководства
Секретный документ
командования

Берлин, июнь 1941 г.

Примечание

Настоящие директивы до икс-дня следует рассматривать как секретный документ командования (документ государственной важности), а после икс-дня — как несекретный, предназначенный «только для служебного пользования»

Директивы по руководству экономикой во вновь оккупируемых восточных областях

«Зеленая папка»

Часть 1

ЗАДАЧИ И ОРГАНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ

ОГЛАВЛЕНИЕ

[1] Здесь и далее — «управление военной экономики и вооружения».

Продовольственное снабжение, обмундирование, жилье и предметы потребления

Горючее и покрышки

Потребность госпиталей, материалы для строительства мостов и дорог

Использование рабочей силы, привлечение местного населения

(Сохранение в порядке сельскохозяйственных и важных промышленных предприятий, безработные, заработная плата, общественное питание, военнопленные, использование войсковых частей)

Привлечение местного населения, отношение к руководящему составу хозяйственников

Трофеи, платные услуги, военная добыча, призовые суда.

Собственность вооруженных сил противника

Собственность государства

Оплата

Квитанции в приеме

Уплата по квитанциям

Военная добыча

Служебные инстанции по учету

Призовые инстанции

Экономические задачи в области военной промышленности

Сырье и использование товарных ресурсов

Регулирование производства

Регулирование потребления

Финансы и кредитное хозяйство

Общие вопросы

Обеспечение золотого запаса и валюты

Надзор за государственными банками и прочими финансовыми учреждениями

Имперские кредитные кассы и имперские кредитные кассовые билеты

Временные денежные знаки

Внешняя торговля, взаимные платежи

Регулирование цен

Запрещение повышения цен и заработной платы

Цены на сельскохозяйственные продукты

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Зеленая папка», часть 1, предназначена для ориентации военного командования и военно-хозяйственных инстанций в области экономических задач в подлежащих оккупации восточных областях. Она содержит директивы о снабжении войск из ресурсов страны и дает указания войсковым частям о помощи хозяйственным органам.

Директивы и распоряжения, изложенные в «Зеленой папке», соответствуют военным приказам, изданным ОКВ и отдельными видами вооруженных сил.

ГЛАВНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ

Изложенные ниже указания рассчитаны прежде всего для ориентации на время операции. Но вместе с тем они содержат основные директивы на все время оккупации. Все указания в области экономики, которые окажутся необходимыми в дальнейшем ходе оккупации, будут даны после того, как будут объявлены основные политические цели, связанные с необходимостью улучшения германской военной экономики.

I. Согласно приказу фюрера необходимо принять все меры к немедленному и полному использованию оккупированных областей в интересах Германии. Все мероприятия, которые могли бы воспрепятствовать достижению этой цели, должны быть отложены или вовсе отменены.

II. Использование подлежащих оккупации районов должно проводиться в первую очередь в области продовольственного и нефтяного хозяйства. Получить для Германии как можно больше продовольствия и нефти — такова главная экономическая цель кампании. Наряду с этим германской военной промышленности должны быть даны и прочие сырьевые продукты из оккупированных областей, насколько это технически возможно и с учетом сохранения промышленности в этих областях. Что касается рода и объема промышленного производства оккупированных областей, которые надлежит сохранить, восстановить или организовать вновь, то они должны быть согласованы в первую очередь с требованиями, которые предъявляет эксплуатация сельского хозяйства и нефтяной промышленности для нужд германской военной экономики.

Этим ясно определяются главнейшие установки по руководству экономикой в оккупированных областях. Это относится как к основным задачам, так и к второстепенным и вспомогательным задачам, служащим достижению главной цели. Кроме того, из этого следует, что задачи, не согласующиеся с основной целевой установкой или мешающие ее проведению в жизнь, не должны быть приняты во внимание даже, если в определенных случаях проведение их в жизнь и кажется желательным. Совершенно неуместно мнение о том, что оккупированные области должны быть возможно скорее приведены в порядок, а экономика их восстановлена. Напротив, отношение к отдельным частям страны должно быть чрезвычайно разнообразным. Восстановление порядка должно производиться только в тех областях, в которых мы можем добыть значительные резервы сельскохозяйственных продуктов и нефти, а в остальных частях страны, которые не могут прокормить самих себя, т. е. в средней и северной России, экономическая деятельность должна ограничиваться использованием обнаруженных запасов.

Какие из военных предприятий должны быть сохранены или вновь восстановлены, будет решено позднее.

III. Для отдельных областей работы предусмотрено следующее:

а) Продовольствие и сельское хозяйство.

1. Первой задачей является наиболее быстрое осуществление полного продовольственного снабжения германских войск за счет оккупированных областей, чтобы таким образом облегчить продовольственное положение в Европе и разгрузить транспорт. Всю потребность германской армии в овсе покрывать за счет областей средней России, которые являются главным поставщиком овса, если только нельзя его доставить из других оккупированных областей. В южной России вместо овса следует употреблять кукурузу и ячмень.

2. При учете продовольствия для местных нужд главное внимание следует уделять масличным и зерновым культурам. Имеющиеся в южных областях излишки и запасы урожая должны быть сохранены всеми средствами; необходимо следить за правильным ходом работ по уборке урожая; решительно препятствовать вывозу урожая в потребляющие области средней и северной России, за исключением случаев, когда это вызывается особыми указаниями или нуждами снабжения армии.

б) Что касается промышленного сырья, то главным продуктом является нефть. Среди мероприятий, не относящихся к продовольственному снабжению, все вопросы, связанные с добычей и вывозом нефти, должны при всех случаях стоять на первом месте. Для проведения мероприятий, касающихся нефтяных районов, особенно на Кавказе, будет использовано Континентальное нефтяное акционерное общество.

Особое место займет вопрос о снабжении сельского хозяйства горючим для тракторов. От этого зависит сбор урожая и осенние сельскохозяйственные работы. До окончания этих работ перевозки горючего внутри

оккупированной области имеют преимущество даже по сравнению с вывозом продукции в Германию.

в) Тем видам промышленности, которые обеспечивают в интересах Германии развитие сельского хозяйства и добычу нефти и сырья, должно быть оказано преимущество, и они должны быть быстро восстановлены.

О пуске в ход предприятий, вырабатывающих товары широкого потребления, главным образом для снабжения южных областей, вопрос будет решен позднее.

г) в интересах Германии особое внимание следует уделить работам по восстановлению транспорта:

1. Дорожному строительству в южных областях и на узловых пунктах.

2. Строительству железнодорожных путей, в особенности созданию двухколейных путей на важнейших магистралях.

3. Исправлению каналов и перевалочных сооружений на внутренних водных путях, в особенности на путях, соединяющих север с югом.

4. Восстановлению портовых сооружений.

Все необходимые для этой цели указания будут сделаны военно-транспортными органами. Все строительные работы должны проводиться в рамках настоящих указаний, если по этому поводу не последует приказов по линии военного ведомства. Заявки на рабочую силу не должны нарушать сельскохозяйственных работ. Рабочих следует забирать из городов или из числа промышленных рабочих.

д) О прочей промышленной продукции.

1. Использование других отраслей промышленности, включая также и военную, возможно лишь постольку, поскольку это не будет препятствовать выполнению главных экономических задач.

2. При использовании этих отраслей промышленности преимущество имеет эксплуатация военной промышленности.

3. В потребляющих областях северной и средней России следует считаться с возможностью сокращения промышленного производства вследствие переселения рабочих в сельские местности.

4. Бездействующие предприятия, расположенные в производящих сельскохозяйственных областях, должны быть сохранены в пригодном к эксплуатации. состоянии.

е) Безработные промышленных городов, не переселяющиеся в деревни, должны быть возможно быстрее, через специально для этой цели созданную организацию, использованы для восстановления и улучшения транспорта на важных для немецкой военной экономики путях сообщения или заняты другой подобной, служащей немецким интересам, деятельностью.

IV. Для обеспечения экономического успеха, служащего немецким интересам, необходимо привлекать к сотрудничеству в возможно более широком масштабе руководящих работников хозяйственных комиссариатов, главных управлений и других хозяйственных организаций, а также руководителей сельскохозяйственных и промышленных предприятий (конечно, не работников с чисто политическими задачами). Их дальнейшая судьба будет определена позже. Решающим моментом прежде всего является деятельность хозяйственного аппарата, служащего немецким интересам, при наименьшей затрате немецких сил.

V. При таких больших размерах подлежащей использованию территории, неуверенности в имеющихся возможностях и при отсутствии данных о состоянии экономики в подлежащих оккупации областях невозможно уже сейчас дать точные директивы по всем отдельным вопросам. Как поступать в каждом отдельном случае, покажет дальнейшее развитие событий и в особенности ход военных операций. Хозяйственные органы должны в случае необходимости принимать самостоятельные решения с последующим донесением.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ

А. Общие вопросы

Для обеспечения единого руководства экономикой на театре военных действий, а также в административных областях, которые будут созданы позже, рейхсмаршал организовал «Восточный штаб экономического руководства», подчиненный непосредственно ему и возглавляемый представителем рейхсмаршала статс-секретарем Кернером. На время подготовки и проведения военных операций, для обеспечения военных интересов, начальнику управления военного хозяйства и вооружения генералу пехоты Томасу предоставляется высшее руководство, которое он осуществляет в качестве члена Восточного штаба экономического руководства.

Указания рейхсмаршала распространяются на все области экономики, включая продовольствие и сельское хозяйство. Они должны проводиться в жизнь уполномоченными на то хозяйственными учреждениями (см. Б).

Распоряжения Восточного штаба экономического руководства передаются начальником управления военного хозяйства и вооружения для исполнения находящемуся в районе оккупации «Восточному экономическому штабу», который во время военных операций будет находиться в непосредственной близости от генерал-квартирмейстера главного командования сухопутными силами (ОКХ).

Организация экономики на театре военных действий

I. Военно-хозяйственные учреждения Восточного экономического штаба, поскольку их деятельность протекает на театре военных действий, входят в состав армейских штабов и находятся в их подчинении, а именно:

а) В тылу армейской группы[1]

По одной хозяйственной инспекции при командующих тылом армейской группы[2].

По одной или несколько хозяйственных команд при охранных дивизиях.

По одной хозяйственной группе при полевых комендатурах.

б) В армейском тылу[3].

По одному хозяйственному отделу (или офицеру связи от управления военного хозяйства и вооружения) при главном командовании армией[4].

По одной хозяйственной группе при находящейся в районе армии полевой комендатуре, которая подчиняется командованию армией; кроме того, по мере надобности в район армии посылаются хозяйственные команды, подчиненные в военном отношении главному командованию армией.

II. Хозяйственные учреждения состоят в распоряжении командных инстанций вооруженных сил, которым они приданы. Командные инстанции вправе рассчитывать на них в вопросах военного снабжения с целью удовлетворения текущих потребностей войск. Во время военных операций эти задачи должны выполняться в первую очередь по сравнению со всеми другими хозяйственными задачами.

III. Путь движения приказов в районе военных действий.

1. Указания экономического порядка, проведение которых в жизнь предполагает необходимость включения органов исполнительной власти или требует дачи указаний воинским частям. Восточный экономический

---

[1] Здесь и далее — «группа армий».

[2] Т. е. — «...при начальниках тыла групп армий».

[3] Т. е. — В тылу армии.

[4] Так в оригинале перевода, сделанного в Нюрнберге и хранящегося в ЦГАОР СССР. Правильнее — «при командовании армией».

штаб направляет генерал-квартирмейстеру главного командования сухопутными силами.

Генерал-квартирмейстер главного командования сухопутными силами отдает приказы об исполнении по военной линии (для тыла армейской группы: генерал-квартирмейстер главного командования сухопутными силами — начальник тыла армейской группы и командование армейской группой для сведения — охранная дивизия — полевая комендатура; для армейского района: генерал-квартирмейстер главного командования сухопутными силами — командование армией и начальник армейского тылового района для сведения — полевая комендатура или хозяйственная команда).

Следует особо знакомить с хозяйственными распоряжениями находящиеся в районе военных действий сухопутных сил учреждения и части военно-морского флота и военно-воздушных сил, если они не приняты в расчет при рассылке приказов командных инстанций сухопутных сил. Об этом должны позаботиться хозяйственные учреждения.

2. Другие хозяйственные директивы сугубо специального характера Восточный экономический штаб спускает для исполнения непосредственно в порядке специальной подчиненности (для тыла армейской группы: Восточный экономический штаб — хозяйственная инспекция — хозяйственная команда — хозяйственная группа при полевой комендатуре; для армейского района: Восточный экономический штаб — хозяйственный отдел при главном командовании армией — хозяйственная группа при полевой комендатуре или хозяйственная команда). При этом Восточный экономический штаб обязан держать в курсе текущих дел и ставить в известность о полученных и изданных им указаниях генерал-квартирмейстера главного командования сухопутными силами, а другие хозяйственные учреждения — те командные инстанции сухопутных сил, при которых они состоят. Между хозяйственным отделом при главном командовании армией и хозяйственной инспекцией должна существовать самая тесная связь.

IV. Структура отдельных хозяйственных учреждений

1. Восточный экономический штаб

Восточный экономический штаб в качестве полевого управления Восточного штаба по руководству экономикой находится в непосредственной близости от генерал-квартирмейстера главного командования сухопутными силами. Он должен представительствовать и добиваться через генерал-квартирмейстера главного командования сухопутными силами проведения в жизнь директив рейхсмаршала, получаемых им через Восточный штаб экономического руководства от начальника управления военного хозяйства и вооружения и обеспечивать их выполнение путем, указанным в разделе Б III.

Структура Восточного экономического штаба:

Начальник экономического штаба с группой по руководству (области работы: вопросы руководства и, кроме того, вопросы использования рабочей силы).

Группа Л а (область работы: продовольственное снабжение и сельское хозяйство, распоряжение всей сельскохозяйственной продукцией, заготовка припасов для снабжения войсковых частей по договоренности с соответствующими учреждениями сухопутных сил).

Группа В (область работы: промышленная экономика, включая сырье и обеспечивающие предприятия, лесное хозяйство, финансовое и банковское хозяйство, имущество противника, торговля и товарооборот). В группе В находится штаб особого назначения генерального уполномоченного по автомобильному депу.

Группа М (область работы: потребности войсковых частей, экономика промышленности вооружения, транспортное хозяйство).

2. Хозяйственные инспекции

В расположении каждой армейской группы при командующем тылом армейской группы создается хозяйственная инспекция, которая руководит экономической эксплуатацией тылового района. Указания по специальности хозяйственный инспектор получает от Восточного экономического штаба.

Структура хозяйственной инспекции:

Хозяйственный инспектор с группой по руководству, сюда же входят вопросы использования рабочей силы.

Области работы соответствуют областям работы Ла, В и Группа Ла М экономического штаба, см. выше раздел IV, 1. Группа В Сюда же придается уполномоченный по техническим Группа М средствам связи.

3. Хозяйственные команды

В районе расположения каждой охранной дивизии организуются хозяйственные команды. В целях единого руководства одна из хозяйственных команд назначается по совместительству хозяйственной группой при охранной дивизии. Начальник хозяйственной команды получает для этого директивы по специальности от хозяйственной инспекции и добивается проведения их в жизнь через другие хозяйственные команды, находящиеся в районе расположения охранной дивизии, которые в свою очередь добиваются их исполнения через дальнейшие служебные инстанции, находящиеся в сфере их влияния.

Хозяйственные команды являются стационарными. При продвижении охранных дивизий им придаются другие хозяйственные команды.

Состав хозяйственной команды:

Офицер в качестве начальника команды и несколько специалистов по отдельным отраслям работы (по крайней мере по одному специалисту по использованию рабочей силы, по сельскому хозяйству, по промышленной экономике и общим экономическим вопросам, по вопросам вооружения и по транспортному хозяйству).

Для охраны обнаруженных запасов и машин хозяйственной команде по мере надобности придаются:

подразделения по сохранению орудий производства,

подразделения по сохранению сырья.

Уже действующие подразделения, организованные раньше, входят в подчинение соответствующего начальника местной хозяйственной команды.

Кроме того, хозяйственной команде по мере надобности придаются:

руководители хозяйств группы Ла (руководители сельского хозяйства) для руководства сельскохозяйственными предприятиями;

инженеры и старшие мастера для руководства машинно-тракторными станциями (МТС).

Примечание. Хозяйственные команды, находящиеся в армейском районе, подчиняются главному командованию армией и указания по специальности получают от хозяйственного отдела при главном командовании армией (см. ниже пункт 5).

4. Хозяйственные группы при полевых комендатурах

В каждой полевой комендатуре назначается офицер в качестве начальника хозяйственной группы. В военном отношении он подчинен полевому коменданту. Его задачей является удовлетворение текущих потребностей войск, расположенных в районе деятельности полевой комендатуры, а также подготовка экономической эксплуатации страны для нужд военного хозяйства. Если полевая комендатура находится в тылу армейс-

кой группы, начальник хозяйственной группы получает директивы по специальности от хозяйственной команды, а в тех случаях, когда полевая комендатура находится в армейском районе, он получает их от хозяйственного отдела при Главном командовании армией (см. ниже пункт 5), продолжая проводить начатые последним мероприятия.

Хозяйственной группе при полевых комендатурах по мере надобности придаются:

один специалист по использованию рабочей силы,

один специалист по продовольственному снабжению и сельскому хозяйству,

один или несколько специалистов по промышленной экономике и общим экономическим вопросам.

Хозяйственные группы в основном остаются при полевых комендатурах до конца военных операций. В особых случаях может встать вопрос о необходимости их оставления в пунктах их организации. Тогда следует ввести в состав полевой комендатуры новую хозяйственную группу.

5. Хозяйственный отдел (офицер связи управления военного хозяйства и вооружения) при главном командовании армией

При каждом штабе армии состоит офицер, являющийся начальником хозяйственного отдела (офицер связи управления военного хозяйства и вооружения). Он подчиняется начальнику генерального штаба армии[1] и состоит в качестве специалиста при главном квартирмейстере. Его задачей является оказание помощи специалистам, состоящим при главном командовании армией, в их работе по снабжению войсковых частей из ресурсов страны, согласно указаниям главного квартирмейстера, и подготовка дальнейшей общей экономической эксплуатации страны для нужд военного хозяйства в соответствии со специальными директивами Восточного экономического штаба.

Доклады по вопросам экономики он представляет Восточному экономическому штабу и одновременно посылает копии хозяйственной инспекции своей армейской группы, с которой он должен поддерживать теснейшую связь.

Хозяйственному отделу при главном командовании армией придаются:

один или несколько специалистов по вопросам снабжения и сельского хозяйства,

один или несколько специалистов по вопросам промышленной экономики и общим экономическим вопросам.

Вопросами экономики промышленности вооружения занимается непосредственно хозяйственный отдел.

Хозяйственному отделу при главном командовании армией подчиняются:

один технический батальон (для восстановления коммунальных предприятий и в первую очередь газа, воды, электричества, а также для устранения аварий),

один технический взвод для восстановления предприятий пищевой промышленности.

Кроме того, в зависимости от предстоящих задач:

разведывательные подразделения по промышленной экономике (в особенности по сырью и нефти), состоящие из отрядов руководителей и разведывательных отрядов,

подразделения для выявления и охраны сельскохозяйственных продуктов и машин, включая и тракторы.

Технические батальоны, отряды руководителей разведывательных

---

[1] Следует читать — «начальнику штаба».

подразделений по промышленной экономике, так же как и подразделения для разведки и охраны сельскохозяйственных продуктов и машин, включая и тракторы, не имеют постоянного места пребывания, а следуют за главным командованием армией. Напротив, разведывательные отряды разведывательных подразделений по промышленной экономике при дальнейшем продвижении главного командования армией остаются на месте в том районе, в который они были посланы, и вступают в подчинение соответствующих местных хозяйственных команд.

Хозяйственные команды и полевые комендатуры (хозяйственные группы), организованные в армейском тылу, выполняют директивы хозяйственного отдела при главном командовании армией до тех пор, пока их работа протекает в армейском тылу.

Прикомандирование технических подразделений по нефти (батальонов или рот) и рот по горному делу будет производиться от случая к случаю по приказам командования.

В. Хозяйственная структура для политически управляемых областей

Будет урегулирована позднее через рейхсмаршала.

ПРОВЕДЕНИЕ В ЖИЗНЬ ОТДЕЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАДАЧ

1. В области продовольственного снабжения на первом месте стоит добыча зерна и масличных культур. Все мероприятия для этого следует рассчитать на долгий срок (уборка урожая, обеспечение хранения, подготовка и проведение полевых работ, подготовка рабочей силы и сельскохозяйственных машин, семян, удобрений, понижение потребления местного населения). В дальнейшем следует организовать простейшие общественные столовые.

Возможно скорее восстановить заводы и фабрики по ремонту сельскохозяйственных машин и других орудий производства, в особенности тракторов, и в первую очередь вспомогательные предприятия по изготовлению запасных частей. Предприятия пищевой промышленности, кормовых средств и маслобойные заводы должны по мере надобности пускаться в ход хозяйственными инстанциями.

Для снабжения войсковых частей интендантство может самостоятельно использовать мельницы, хлебозаводы и скотобойни. Перерабатывающие предприятия такие, как консервные фабрики, сахарные и рафинадные заводы, заводы пищевой промышленности и т. д., могут, как правило, быть пущены в ход только хозяйственными инстанциями.

Значение восстановления механических мастерских и необходимость их использования для ремонта сельскохозяйственных машин вытекает из следующего. Правительство в течение ряда лет полностью механизировало сельское хозяйство. В 1913 году в России было 29 миллионов лошадей, а в январе 1938 года — 16,2 миллиона лошадей. Для обработки земли имеются машинно-тракторные станции (МТС), которые большей частью имеют свою машинно-тракторную мастерскую (МТМ). В 1937 году было 6358 МТС. Одна МТС в среднем обслуживает 33 колхоза с 561 га посевной площади в каждом. В каждой МТС в среднем имеются следующие машины: 64 трактора с прицепами, 18 комбайнов, 10 грузовых машин.

В 1941 году всего имеется 520 000 тракторов и 180 000 комбайнов. Исправных тракторов перед уборкой урожая — 80%, после уборки — 60%, после осенних полевых работ — 50%. Исправных комбайнов после уборки урожая — 30%.

Перевозка зерна с поля к железной дороге или силосной башне обычно производится на грузовых машинах. Из этого вытекает, что очень велика потребность в горючем. Годовая потребность в горючем на каж-

дый трактор исчисляется приблизительно в 10 тонн. Нужно еще сказать, что марки тракторов являются точными копиями американских марок «Интернационал» и «Катерпиллер»». Эти тракторы расходуют большое количество горючего. Поэтому в последние годы тракторные заводы перешли на производство дизельных и газогенераторных моторов. Но до настоящего времени для машинно-тракторных станций дизельные и газогенераторные моторы еще никакого значения не имеют.

Общая ежегодная потребность в горючем для сельского хозяйства в Европейской России исчисляется в 7,5 миллиона тонн. От своевременной доставки этого огромного количества горючего зависит успешное проведение полевых работ и уборка урожая. Срыв в организации доставки горючего ставит под удар сбор урожая. Любое нарушение работы МТС делает невозможным плановое ведение сельского хозяйства. Работа всей этой сильно механизированной системы, таким образом, зависит от своевременной заготовки горючего и запасных частей, а также от выпуска заводами новых тракторов и прицепных машин.

В области, особенно важные для продовольственного снабжения армии и для вывоза продовольствия в Германию, назначаются, в ограниченном количестве, немецкие сельскохозяйственные руководители в качестве главных администраторов.

Ввиду отсутствия инструментов и машин для восстановления мелких крестьянских хозяйств должны быть сохранены крупные сельскохозяйственные предприятия, за исключением окраинных областей. Через хозяйственные команды будут срочно назначены по мере необходимости новые руководители предприятия.

2. В вопросе о снабжении нефтью речь идет не только о сохранении и целесообразном использовании обнаруженных запасов, но и о скорейшем восстановлении всех сооружений по добыче и обработке нефти (буровые вышки, нефтяные источники, нефтеочистительные заводы, нефтепроводы, насосные станции, сооружения по хранению, смешению и разливу, специальные портовые и перегрузочные сооружения, резервуары, оборудование различных резервуаров, бензохранилищ, цистерн и т. д.). Все предприятия, изготовляющие соответствующую аппаратуру для сооружения трубопроводов, баков, резервуаров и т. д., должны быть восстановлены.

3. Независимо от работ по непосредственному обеспечению зерном, масличными семенами и нефтью должны быть восстановлены и пущены в ход в первую очередь и возможно скорее все те отрасли промышленности, которые создают предпосылки для успешного производства зерновой продукции и добычи нефти:

а) предприятия по эксплуатации недр, в особенности нефтяные, включая очистительные установки, так же как и горнопромышленные предприятия; особенно срочными являются работы по устранению и предотвращению аварий, вызывающих простои, как, например, затопление рудников;

б) поскольку это необходимо для поддержания и развития сельского хозяйства, добывающей и подсобной промышленности:

1. предприятия энергетического хозяйства и другие обеспечивающие предприятия (газопроводы, водопроводы, нефтепроводы);

2. тракторные заводы и заводы сельскохозяйственных машин;

3. предприятия железодобывающей промышленности и доменные печи;

4. транспортное хозяйство: строительство дорог, восстановление портовых сооружений, содержание в исправности железных дорог и водных путей, строительство транспортных средств — паровозов, вагонов, грузовых машин, речных и морских судов, танкеров;

5. железодобывающая и металлообрабатывающая промышленность, которая необходима в качестве снабжающей для указанных в пунктах «а» и «б», как, например, оборудование для нефтяной промышленности, включая очистительные установки, горно-рудные и строительные машины, моторы, компрессоры и сельскохозяйственные машины, проволока для кабеля, канаты и т. д.;

6. химия: производство каучука, включая предприятия по предвари-

тельной обработке кокса, газа, фосфатов, азота, серной кислоты, едкого натрия, карбида;

7. прочая промышленность: производство строительных материалов — цемента, материалов для постройки мостов, лесопилки; кроме того, кожевенные заводы и тому подобные предприятия, которые крайне необходимы (см. пункты «а» и «б»).

Другие важные для нас промышленные предприятия пока, по мере возможности, должны продолжать работу.

При этом следует обеспечить, чтобы сырье, особенно важное для германского производства и указанное в специальном списке, использовалось только для тех производств, которые в соответствии с вышеуказанным перечнем (пункты «а» и «б») представляют собой особый интерес.

В сомнительных случаях, в особенности в отношении промышленности, производящей предметы потребления, производство следует с самого начала сократить до минимума, позволяющего сохранить оборудование в состоянии готовности и удержать минимальные кадры рабочей силы.

Текстильное и кожевенное сырье должно служить для изготовления предметов, которые позже могут быть использованы для удовлетворения потребностей германских фронтовых частей.

Таким образом, особенно важное сырье следует пока сохранить. Будет ли оно использовано на месте или вывезено в Германию, определится позднее.

Платина, магнезий и каучук должны быть на основании особого указания по возможности немедленно вывезены в Германию.

4. Хозяйственные мероприятия по восстановлению транспорта также должны быть рассчитаны на длительный срок. К этому относится, помимо пуска ремонтных мастерских, быстрое развертывание всех работ на заводах грузовых машин, тягачей, паровозов, железнодорожных вагонов, в особенности цистерн, кроме того, на предприятиях по ремонту и оборудованию судов, так же как и на заводах, вырабатывающих средства связи (кабель, усилители, батареи, телефонные аппараты, различную радиоаппаратуру, изолирующие звонки и т. п.).

Восстановление, ремонт и строительство дорог и железнодорожных путей, каналов и шлюзовых устройств требует кроме создания рабочих колонн из местного населения также и пуска известковых и цементных заводов, лесопильных заводов и всех предприятий, вырабатывающих строительный материал для мостов и производящих строительные машины.

5. При восстановлении силовых и энергетических установок прежде всего необходимо пустить в ход те, которые обслуживают предприятия, указанные в пунктах 1—3.

По вопросу об отключении, контроле и возобновлении использования тока высокого напряжения для телефонной связи между предприятиями следует обращаться в контрразведку и к начальнику связи армии.

6. Добыча сырья (см. также раздел «Сырье») пока ограничивается главными задачами, указанными в пунктах 1—3.

7. Производство вооружения, поскольку оно не является необходимым для текущего снабжения войсковых частей, расположенных в оккупированных областях, уступает место главным задачам, особенно во время полевых работ и уборки урожая. Вообще восстановление предприятий военной промышленности пока еще невозможно планировать в широких масштабах, и в разных областях потребуются различные мероприятия. Ремонт тракторов и сельскохозяйственных машин является срочным. Вместе с тем уже и в первое время оккупации безусловно окажется необходимым восстановление отдельных военно-промышленных предприятий, например авиационных и судостроительных заводов, равно как и специальных танкостроительных и автомобильных заводов (подробности см. в разделе «Военная промышленность»).

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПЕРЕВОЗКИ

1. Общие вопросы. В СССР 90% перевозок производится по железной дороге (в Германии только 77%). Поэтому значительная часть всех военных и хозяйственных перевозок также должна будет производиться железнодорожным путем (2/3 — однокопейка, ширина колеи — 1,524 метра, в Европе ширина колеи — 1,435 метра). Для разгрузки железных дорог нужно использовать морские пути (Балтийское, Черное и Азовское моря). Дороги (2% перевозок производятся на грузовиках) и в особенности внутренние водные пути в очень запущенном состоянии и, по нашим понятиям, могут играть только подсобную роль.

2. Исполнители по вопросам хозяйственных перевозок при хозяйственных инспекциях должны заботиться о том, чтобы при выборе участков для перегрузки на новую колею (с русской на европейскую) было достаточно приспособлений для перегрузки и перелива хозяйственных товаров или чтобы таковые были вновь оборудованы.

3. При весьма вероятном большом недостатке в паровозах и вагонах специалист по вопросам хозяйственных перевозок при хозяйственной инспекции должен постоянно справляться в соответствующем отделе военно-железнодорожных перевозок или в других военно-транспортных инстанциях, каким образом могут быть включены необходимые перевозки для выполнения главных экономических задач. Устанавливать разницу между хозяйственными перевозками, имеющими военное значение или не имеющими военного значения, нецелесообразно. Речь должна идти скорее всего об установлении степени срочности. При известных обстоятельствах, с точки зрения выполнения главных задач, военные перевозки меньшей срочности должны выполняться позже, чем срочные перевозки хозяйственного значения. При срочных перевозках сезонного характера, например во время уборки урожая, может быть оправдано ходатайство отложить терпящую отлагательство переброску войсковых частей, чтобы, таким образом, произвести неотложные хозяйственные перевозки раньше, чем менее срочные военные перевозки.

4. Из отдельных хозяйственных перевозок, которые в начале оккупации будут производиться от случая к случаю, со временем должен постепенно выработаться план хозяйственных перевозок. О составлении такого плана должен заботиться специалист при хозяйственной инспекции. Этот план перевозок должен быть представлен в виде предложения отделу военно-железнодорожных перевозок и все время исправляться дополнительными предложениями, вытекающими из общего положения транспорта и хозяйства.

5. Принимая во внимание ограниченное количество погрузочных площадок, все служебные инстанции должны заботиться о том, чтобы предоставленные для хозяйственных перевозок железнодорожные вагоны, суда и грузовые машины по возможности быстро загружались и разгружались. Для этого нужно по мере надобности создавать особые колонны грузчиков. Загрузка железнодорожных вагонов без особого приказа запрещается.

6. При каждой перевозке необходимо проверять, не имеется ли возможности использовать другие виды транспорта (грузовые машины, внутренние водные пути и морской путь) в целях разгрузки железнодорожных путей. При перевозках на грузовых машинах необходимо экономить моторесурсы и горючее.

7. Несмотря на плохое состояние дорог, нужно все-таки стремиться к использованию дорожного транспорта, причем ни в коем случае не допускается использование принадлежащих сельскому хозяйству лошадей, телег и тракторов во время полевых работ и уборки урожая. Рекомендуется создавать при местных полевых комендатурах из имеющихся в наличии телег с ездовыми постоянный транспортный резерв (подчиненный хозяйственной группе или хозяйственной команде), который мог бы быть использован как для военных, так и для хозяйственных целей. Транспорт-

ные средства этого резерва должны постоянно возвращаться к месту своей постоянной стоянки (полевая комендатура).

8. Особое внимание следует уделять регулированию подвоза и вывоза у вокзалов и в местах перегрузки на водных путях.

9. Необходимо принять срочные меры к использованию, хранению или отправке хозяйственных товаров из застрявших на вокзалах и путях вагонов и железнодорожных составов (русские составы с эвакуированными хозяйственными грузами). Для этого хозяйственным отделам при Главном командовании армией использовать разведывательные и караульные части. Чтобы в дальнейшем можно было установить владельцев, в отчетах войсковых частей следует указывать номера вагонов. Дальнейшие подробности приводятся в специальных указаниях войсковым частям.

10. Массовые скопления важных хозяйственных грузов, которые находятся под угрозой воздушных бомбардировок, должны быть срочно децентрализованы. Об этом должен позаботиться специалист по хозяйственным перевозкам.

11. Во избежание ошибок в направлении и для полной безопасности во время перевозок железнодорожные составы с хозяйственными грузами должны сопровождаться военной охраной.

12. В районах, богатых лесом, но не имеющих нефти, следует при мероприятиях, рассчитанных на длительный срок, перейти на газогенераторы.

13. Следует заблаговременно специальным постановлением запретить гражданский автомобильный транспорт и ввести выдачу простейших пропусков.

Хозяйственные группы, в особенности при полевых комендатурах, должны для этого принять соответствующие меры.

ЗАДАЧИ ВОЕННОЙ ОХРАНЫ ХОЗЯЙСТВА

1. Чтобы предотвратить разрушение предприятий и сооружений и уничтожение запасов со стороны врага, может появиться надобность в том, чтобы особо важные объекты заблаговременно взять в свои руки и провести соответствующие тактические мероприятия. Хозяйственный отдел при Главном командовании армией должен внести предложения своему командованию, в особенности для отдельных мероприятий во время боевых действий.

2. Уже во время наступления и при всех прочих военных мероприятиях командиры войсковых частей должны обращать внимание на то, чтобы было сохранено от повреждений оборудование транспортных и коммунальных предприятий (газ, вода, электричество), разного рода запасы и хранилища (нефтехранилища, бензохранилища, силосные башни, холодильники), а также рудники, оборудование по добыче руды, фабрики, верфи и судостроительное оборудование, грузовые машины и тягачи. Машинно-тракторные станции являются основой для сельскохозяйственных работ и уборки урожая.

3. Обнаруженные войсковыми частями или специальными разведывательными частями важные сооружения, предприятия, машины, запасы товаров, водка и т. д. должны охраняться военной силой, чтобы предотвратить насильственное повреждение и недозволенное расхищение.

Войсковым частям следует указать, что они по собственной инициативе должны принимать соответствующие меры для этой цели и, поскольку это позволяет боевая обстановка и условия марша, удовлетворять заявки разведывательных подразделений. Следует позаботиться, чтобы при смене воинских частей была обеспечена военная охрана.

В тыловых районах военная охрана осуществляется резервными частями и охранными дивизиями, а также полицией и частями СС. Главная задача офицеров хозяйственной службы состоит в том, чтобы своевременно вносить соответствующие предложения в различные служебные инстан-

ции. Особенное внимание следует уделять тому, чтобы при дислокации войск и размещении тыловых частей важные в хозяйственном отношении области, расположенные между главными направлениями наступления армий, не оставались незанятыми. Вообще восстановление предприятий будет возможно только в том случае, если они быстро будут заниматься охранными частями опорных пунктов (команды нападения).

4. Для несения охраны могут быть привлечены, под военным наблюдением, подходящие местные жители.

5. Особенное внимание следует уделять тракторам (машинно-тракторным станциям). Отдельные машины нужно свозить в одно место (лучше всего к тракторным станциям) и охранять.

6. Вменить в обязанность войскам особенно следить за тем, чтобы население не увозило и не уничтожало важные с хозяйственной точки зрения товары, запасы, машины и т. д., а также лошадей и скот, и за тем, чтобы войсковые части не забирали с собой тракторов, отдельных агрегатов, сельскохозяйственных телег, лошадей, племенного скота, а также ремесленного инструмента и оборудования из промысловых предприятий, что могло бы затруднить восстановление хозяйства. Никому не принадлежащий скот, поскольку он не может быть зарезан для снабжения войсковых частей, должен сгоняться и по мере возможности доставляться на ближайшие скотные дворы.

Воинским частям и учреждениям необходимо также сохранять служебные помещения, производственные документы, чертежи, лаборатории, исследовательские учреждения, снимки горных разработок, чертежи оружия и деталей и инструкции к ним.

Входить на территорию важных в военном отношении предприятий без служебной надобности отдельным военнослужащим воспрещается.

СНАБЖЕНИЕ ВОЙСК ИЗ РЕСУРСОВ СТРАНЫ

Поскольку войсковые части должны снабжаться из ресурсов страны, указывается следующее:

I. Продовольственное снабжение, обмундирование, жилье и предметы потребления

1. Посланные по распоряжению Главного командования армией в район боевых действий и тыловые районы разведывательные и караульные подразделения хозяйственного отдела (IV-Wi) (для подготовки систематической эксплуатации) должны по указанию главного квартирмейстера работать в теснейшем контакте со штабами учета отделов снабжения (IV-а) (для текущих надобностей военных частей). Отдел снабжения (IV-а) и хозяйственный отдел (IV-Wi) должны систематически взаимно информировать друг друга о результатах разведки, для того чтобы избежать двойной работы по учету и обеспечить единую охрану (см. раздел «Задачи военной охраны хозяйства»).

2. Выявленные в районе боевых действий и в тыловом районе продукты питания, предметы бытового и личного потребления, а также одежда поступают в первую очередь в распоряжение отделов снабжения (IV-а) для удовлетворения текущих потребностей войск (см. также пункт 3).

3. Чтобы облегчить в дальнейшем вывоз продовольственных запасов в Германию, по возможности не следует забирать продукты питания, необходимые для удовлетворения текущих потребностей войск, со складов, из которых удобно вывозить в Германию, т. е. из расположенных на главных магистралях и водных путях, в портах, особенно на Балтийском море, в прибалтийских странах или вблизи германских границ.

4. Все продукты питания, предметы бытового и личного потребления и

одежда, не принятые отделом снабжения (IV-а) и его органами в районе боевых действий или в тыловом районе для удовлетворения текущих потребностей войск, поступают в распоряжение хозяйственного отдела (IV-Wi), который отвечает за сохранность и передачу всех запасов следующим хозяйственным инстанциям.

5. Разведка, охрана и хранение продуктов питания, предметов бытового и личного потребления, а также одежды в тылу армейской группы являются обязанностью исключительно хозяйственных органов, которые принимают от хозяйственных отделов (IV-Wi) предварительно проведенные работы. Распределение запасов среди войск производится хозяйственными органами через местные стационарные органы снабжения, которые устанавливают потребность войск всех родов вооруженных сил и делают заявки соответствующим местным хозяйственным органам. Последние регулируют отпуск в соответствии с потребностью.

6. Запасы посевных материалов неприкосновенны. Племенной скот и молодняк (телята, поросята, ягнята) резать запрещается.

7. Хозяйственные инспекции должны принять меры к тому, чтобы были восстановлены и обеспечены сырьем и средствами производства предприятия, производящие продукты питания, одежду, в особенности обувь, нижнее белье, а также предметы бытового и личного потребления (бараки, осветительные приборы, печи, шерстяные одеяла, мыло).

Заявки войсковых частей на требуемое имущество направляются хозяйственным учреждениям. Выдача нарядов производится только последними, в соответствии с указаниями хозяйственной инспекции.

II. Горючее и покрышки

А. Войска пользуются только обнаруженными ими запасами.

Лишь в случае крайней необходимости они вправе претендовать на:

а) запасы, находящиеся в распоряжении газовых, водоснабжающих, электрических и горно-рудных установок;

б) горючие и смазочные материалы сельскохозяйственных и особо важных промышленных предприятий;

в) запасы машинно-тракторных станций.

Авиационный бензин предназначается исключительно для авиации.

Крупные запасы нефти, выявленные войсками или разведывательными частями, берутся на хранение хозяйственными отделами при главном командовании армией и следующими за ними хозяйственными органами. При первой возможности они принимают меры к тому, чтобы снабжать войска в плановом порядке. Неотложные потребности гражданского населения удовлетворяются за наличный расчет (подробно см. раздел «Хозяйственные перевозки»);

г) покрышки; в случае крайней необходимости войска пользуются обнаруженным и конфискованным запасом покрышек; об имеющихся в обозах войск запасах трофейных или конфискованных покрышек необходимо сообщать; подробные указания будут даны главным командованием армией.

III. Потребности госпиталей, материалы для строительства мостов и дорог

При отсутствии крайней срочности хозяйственные органы сами регулируют удовлетворение потребностей, в особенности для стационарных заведений. Все заявки на материалы для оборудования госпиталей, на печи, одеяла и т. д.; для устройства аэродромов, строительства мостов и дорог, а также машин для дорожного строительства направляются в хозяйственные органы (хозяйственные группы при полевых комендатурах или хозяйственные команды), как только они будут учреждены.

IV. Общие вопросы

Положения, изложенные в пунктах I—III, являются обязательными для частей всех видов вооруженных сил, для вспомогательных частей вооруженных сил (организация Тодта, отделы национал-социалистского автомобильного корпуса, дежурные части чрезвычайной технической помощи, разного рода охранные отделения и т. д.), а также для всех организованных служебных инстанций с их формированиями и вспомогательными органами.

V. Полевое управление генерал-квартирмейстера Главного командования сухопутными силами

По всем вопросам срочного снабжения войск из ресурсов страны и в особенности при производстве реквизиции следует поддерживать связь через хозяйственные инспекции с представительствами генерал-квартирмейстера, имеющимися при армейских группах), поскольку этими вопросами занимаются представительства генерал-квартирмейстера главного командования сухопутными силами.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ, ПРИВЛЕЧЕНИЕ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ

I. Общие вопросы

1. Нужно сделать все возможное, чтобы действовали важные для нас сельскохозяйственные и промышленные предприятия. Если важные промышленные предприятия еще до сих пор полностью не загружены, нужно не задумываясь устраивать в них безработных.

2. Поскольку вследствие развала промышленных предприятий появляются безработные, их необходимо по возможности использовать в кратчайший срок на работах по восстановлению и ремонту путей сообщения. Трудно будет избежать переселения безработных в деревню потому, что повсюду будет царить мнение о перераспределении земли. Этим любителям переселений нужно недвусмысленно объяснить, что общего распределения земли не предвидится. Но поскольку вследствие недостатка машин в сельском хозяйстве, как можно предвидеть, будет большая нужда в рабочей силе, мы весьма заинтересованы в планомерном создании колонн сельскохозяйственных рабочих и в руководстве ими.

3. Действующие предприятия должны продолжать выплату заработной платы. При отсутствии средств у предприятий они должны быть затребованы через банковские учреждения или имперские кредитные кассы в местной валюте или в имперских кредитных кассовых билетах. Рекомендуется в удобных для этого областях (прибалтийские государства) и где существует муниципальная власть, предписать общинам брать под свою ответственность кредиты через имперские кредитные кассы и через общины финансировать предприятия суммами, необходимыми для выплаты заработной платы.

4. Для выплаты заработной платы рабочим, занятым на аварийных работах, на транспорте, на постройке сооружений для военно-воздушных сил и т. д., средства также должны представляться банковскими учреждениями или имперскими кредитными кассами.

5. Во всех случаях заработная плата может быть заменена общественным питанием или выдачей натурой, но только для своего непосредственного потребления. Остальные вопросы использования рабочей силы регулируются хозяйственным инспектором.

6. Для работы следует использовать военнопленных, связавшись по этому вопросу с местными военными властями.

7. Войска также могут быть использованы на работе, в особенности для уборки урожая.

II. Привлечение местного населения

А. Поскольку нет особых условий как в прибалтийских странах, так и в других отдельных областях (см. раздел В), следует руководствоваться следующими инструкциями:

1. Уже во время наступления необходимо привлекать к работе пригодных для этого местных жителей, в особенности для следующих работ: предварительное восстановление путей сообщения, уборка трупов, очистка пострадавших от военных действий населенных пунктов, устройство временных помещений для войск и т. д. Привлечение к работе местных жителей не должно идти в ущерб уборке урожая и полевым работам. Привлечение населения к работе осуществляется войсковыми частями или полевыми комендантами.

2. Привлечение рабочих к строительству путей сообщения, аэродромов и других наземных сооружений военно-воздушных сил, строительству ангаров и бараков производится за плату или за питание. При спешных работах об этом должны заботиться заинтересованные организации вместе с хозяйственными отделами или хозяйственными учреждениями (по группе «Использование рабочей силы и вопросы заработной платы»). Вербовка рабочих производится простейшими, обычными для данной местности методами; в случае необходимости рабочие сводятся в рабочие колонны.

Этих рабочих нельзя снимать с других важных предприятий и в особенности с сельскохозяйственных работ, если это не вызывается военной необходимостью.

3. Рабочие коммунальных предприятий (газ, вода, электричество), нефтедобывающих, перерабатывающих установок и хранилищ, а также занятые аварийными работами на важнейших предприятиях, как, например, работающие в холодильниках или на откачке воды на рудниках, принуждаются к продолжению их работы, в нужных случаях под угрозой наказания. Они должны быть поставлены под особую защиту от нападений со стороны населения, их работа должна находиться под наблюдением (технические батальоны, в дальнейшем — хозяйственные команды). Равным образом следует поступать и с сельскохозяйственными рабочими, в особенности с надсмотрщиками за скотом, доярками, а также с рабочими заводов молочных продуктов и других скоропортящихся товаров. Оплата производится через предприятия наличными деньгами или питанием, о чем при надобности должны заботиться хозяйственные инстанции. В случае необходимости, при отсутствии руководителей предприятий, выплатой заработной платы должны распорядиться общины (см. раздел «Деньги и финансовое хозяйство»).

4. В ремонтных мастерских, обслуживающих войска, могут быть использованы местные квалифицированные рабочие, с обычной для этих мест оплатой деньгами или питанием, в том случае, если возможен достаточный надзор для предупреждения диверсий.

5. Для руководства значительными промышленными и сельскохозяйственными предприятиями (общественные и государственные предприятия) предусмотрены специальные меры (назначение немецких руководителей при слиянии однородных предприятий, использование подходящих местных руководителей, замена старых руководителей подходящими лицами из местного населения).

6. Там, где смещение руководителя предприятия не предусмотрено, бывшего до сих пор руководителя следует обязать продолжать надлежащим образом руководить предприятием.

7. В хозяйственных комиссариатах и организациях, которые в основном руководились партийными работниками, последние должны безусловно быть заменены другими (см. также раздел Б).

8. Все вопросы по использованию рабочей силы регулируются хозяйственным инспектором или хозяйственным отделом с таким расчетом, чтобы прежде всего обеспечить уборку урожая и сельскохозяйственные работы, а также необходимую рабочую силу для нефтедобычи, изготовления и вывоза продукции. Дальнейшее распределение рабочей силы регулируется в зависимости от предстоящих задач и развития хозяйства. В особенности необходимо уравновесить распределение рабочей силы между предъявляющими спрос организациями.

9. Местных жителей, которые используются как руководители предприятий или на других работах, имеющих важное значение, нельзя брать в качестве заложников или подвергать политическому преследованию без своевременного оповещения хозяйственных учреждений.

Б. Обращение с руководящим хозяйственным составом[1].

К руководящему хозяйственному составу в целом относятся:

1. Ответственные работники хозяйственных комиссариатов Советского Союза и отдельных республик, хозяйственных главных управлений, хозяйственных учреждений городов и т. д.

2. Ответственные профсоюзные и кооперативные работники.

3. Служащие, занимавшие руководящие должности в промышленных и торговых предприятиях, на транспорте, в банках, хозяйственные руководители колхозов, совхозов, машинно-тракторных станций и т. д.

Мы заинтересованы в том, чтобы хозяйственная жизнь, поскольку это совпадает с нашими интересами, не пришла в упадок. Нужная с точки зрения германских интересов реконструкция будет произведена позднее, после того, как положение определится точнее. Ввиду того что в Советском Союзе не хватает специалистов, а немецкие специалисты по отдельным отраслям работы не могут быть сразу же привлечены, мы должны ориентироваться на сотрудничество местных руководящих хозяйственников. Это относится также и к перечисленным в пункте 1 хозяйственным учреждениям. Советское хозяйство полностью организовано государством. Если эта организация распадется или, вследствие устранения руководящего состава, будет нарушена, может возникнуть опасность хозяйственной анархии.

Поэтому в основном можно привлекать к сотрудничеству лиц, указанных в пунктах 1—3. Посредством воззваний, плакатов и отдельных распоряжений им следует приказать оставаться на своих местах и продолжать прежнюю деятельность. Путем строжайших угроз наказанием за бездействие нужно установить их ответственность за поддержание порядка и за проведение всех нужных и возможных мероприятий в интересах дальнейшей работы предприятия.

Такое обращение не распространяется на политически скомпрометированные личности (примерно — народный комиссар Союза или союзной республики и его заместители, а также в исключительных случаях отдельные особо скомпрометированные лица).

Всему населению, в особенности рабочим и другим лицам, имеющим отношение к хозяйственным предприятиям, нужно неустанно разъяснять, что сохранение предприятия — в их собственных интересах. Ответственность за сохранность предприятия, за предотвращение диверсий и расхищение имущества возлагается на фабриках и предприятиях на весь коллектив рабочих и служащих в целом. Наказание должен нести не только непосредственный участник диверсии или хищения, но и все те, кто не воспрепятствовал этому.

В. Обращение с населением по отдельным областям

1. Прибалтийские страны, Ленинградская и Северная области

В прибалтийских странах германским органам наиболее целесообраз-

---

[1] Для сельского хозяйства имеются особые правила.

но опираться на оставшихся там немцев, а также на литовцев, латышей и эстонцев. Напряженные отношения между этими национальными группами и оставшимися русскими следует использовать в интересах Германии. Особые условия в великорусском Ленинграде, городе, который весьма трудно прокормить, с его ценными верфями и близлежащей алюминиевой промышленностью, требуют особых мероприятий, которые будут предприняты своевременно.

2. Средняя полоса

В Белоруссии будет, вероятно, нелегко в ближайшее время найти руководящий состав, который бы лояльно работал на нас, потому что белоруссы в интеллектуальном отношении далеко отстают от живущих там великоруссов, евреев и поляков. С другой стороны, необходимо найти путь для использования в наших интересах запасов скота, ячменя, лошадей, древесины и т. д.

Московская область и области, находящиеся к востоку от нее, населенные великоруссами, представляющие большой интерес в связи с ценными возможностями в отношении текстильного производства, составляют в смысле подхода к населению такую же трудную проблему, как Ленинградская область, особенно вследствие того, что многомиллионный город потребует больших продовольственных дотаций. На основе опыта первых недель войны будут даны указания в отношении подлежащих проведению мероприятий.

3. Юг

В южных областях будут отличные предпосылки для продолжения нормальной хозяйственной жизни, если не произойдет больших разрушений. Продовольствие для населения имеется, уголь и железо тоже имеются на месте. Трудно сказать заранее, в какой мере можно будет использовать кавказскую нефть. Необходимо приложить все усилия к тому, чтобы сохранить важнейшую промышленность и прочие хозяйственные предприятия и избежать разрушений. Необходимо установить возможно лучшие отношения между местными жителями, т. е., в данном случае, между рабочими и служащими. Возможное наличие противоречий между украинцами и великоруссами необходимо использовать в наших интересах.

Особое внимание и здесь следует уделить промышленности, которая служит интересам сельского хозяйства, восстановлению транспорта и горного дела (сельскохозяйственные машины, тракторы, паровозы, вагоны, добыча железа и стали, трубы для нефтепровода и т. д.).

Юг является важнейшей областью по снабжению Германии продуктами питания.

4. Кавказ

Продовольственное положение в важнейших нефтяных районах (Южный Кавказ) зависит от доставки зерна из плодородных районов Северного Кавказа.

С населением следует поддерживать хорошие отношения, в особенности с рабочими нефтяной промышленности. Противоречия между туземцами (грузины, армяне, татары и т. д.) и русскими следует использовать в наших интересах. При этом следует считаться с тем, что грузины и татары, в противоположность армянам, дружественно настроены к немцам.

Дальнейшие указания, в случае надобности, последуют позднее.

ВОЕННЫЕ ТРОФЕИ, ПЛАТНЫЕ УСЛУГИ, ВОЕННАЯ ДОБЫЧА, ПРИЗОВЫЕ СУДА

I. Общие вопросы

1. Несмотря на то что, по гаагским правилам ведения сухопутной войны, все движимое имущество вражеского государства можно безвозмездно забирать как военную добычу, считать военными трофеями следует в первую очередь только движимое имущество вражеской армии. Прочее государственное движимое имущество может быть, по мере

надобности, использовано войсками, но все же его следует рассматривать как частную собственность и при использовании оплачивать.

2. Суммы до 1000 марок оплачиваются имперскими кредитными кассовыми билетами, на суммы свыше 1000 марок выдаются приемные квитанции.

Выдавать приемные квитанции вправе все военные инстанции, начиная от батальона и выше, поскольку не понадобится исключений в связи с боевой обстановкой или если не последует дополнительных указаний от главного командования сухопутными силами.

3. Если забираются товары, которые никому не принадлежат, квитанция выдается старосте общины или об этом извещается полевая комендатура.

4. После создания полевых комендатур и стационарных хозяйственных учреждений последние вместе с военными инстанциями занимаются заготовкой и доставкой припасов для войск. Неотложные текущие потребности войсковые части и в этом случае могут удовлетворять самостоятельно. По мере возможности об этом должна быть поставлена в известность полевая комендатура.

II. Уплата по приемным квитанциям

Об уплате по приемным квитанциям последуют особые распоряжения.

Приемные квитанции, выданные предприятиям за движимое имущество (как, например, за сырье, полуфабрикаты и готовую продукцию), подлежат немедленной оплате в имперских кредитных кассовых билетах или местной валюте, если это необходимо для сохранения предприятия.

Предприятия, с которыми следует считаться, устанавливаются хозяйственными командами.

Уплата по квитанциям производится через Главное командование армией или через полевые комендатуры.

III. Движимое имущество промышленных предприятий (например, сырье, полуфабрикаты и готовая продукция) может забираться только по приемным квитанциям. Поскольку это нужно для сохранения предприятия, соответствующая хозяйственная команда дает распоряжения об уплате по приемным квитанциям, с тем чтобы предприятию был обеспечен приток денежных средств, необходимых для выплаты заработной платы.

В основном это относится к уплате по приемным квитанциям, выданным за сельскохозяйственные продукты колхозам, совхозам и МТС.

IV. Обеспечение при помощи соответствующих военных мероприятий дальнейшей работы предприятий и их сохранности производится независимо от их имущественного положения.

V. Судебное разбирательство по делам о призовых судах не должно помешать их немедленному использованию, если в этом окажется срочная необходимость.

VI. Военная добыча

Приемка и использование военной добычи, т. е. той части государственного движимого имущества, которая находилась в распоряжении и пользовании армии противника, производится по отдельным указаниям Главного командования сухопутными силами, Главного командования военно-морскими силами и Главного командования военно-воздушными силами.

Сообразно с этим, как правило, организуются:

а) От сухопутной армии: команды по учету трофеев, главные штабы по учету артиллерийского имущества, для учета оружия, технического имущества, транспортных средств, боеприпасов и т. п., принадлежавших армии противника в качестве трофейных штабов

б) Штабы по учету имущества ВВС для учета самолетов, авиационного вооружения и т. д., включая зенитную артиллерию, боеприпасы и запасные части.

в) Военно-морские штабы (морские и портовые комендатуры, береговые и портовые контрольные пункты) для учета судов и судового вооружения, морской артиллерии, технического имущества и боеприпасов для

судов, вооружения зенитной и береговой обороны, торпедного вооружения, средств заграждения и т. п.

Демонтаж кранов и машин для судостроения и т. д., а также увоз рыболовных и рыбно-транспортных судов возможны только с согласия хозяйственного инспектора.

г) Приемочные пункты управления снабжения вооруженных сил для общих потребностей всех видов вооруженных сил — готовое форменное обмундирование, обувь военного образца, всякого рода кожаные изделия и предметы снаряжения; далее, из числа имущества, ранее принадлежавшего армии противника, — материя всякого рода и любой расцветки, пряжа (шерсть, бумага), запасы кожи (крой, выработанные кожи, невыработанные кожи), материал для ремонта обмундирования, обмундирование для военнопленных, одеяла, кухонная утварь, белье, казарменное оборудование, спортивный инвентарь.

Примечание. В том случае, если вышеуказанные предметы и товары не являются собственностью армии противника, учет их должен производиться разведывательными и охранными подразделениями, назначенными хозяйственными учреждениями. Хозяйственные отделы и другие хозяйственные учреждения путем установления взаимного контакта должны своевременно позаботиться о том, чтобы не было дублирования и параллелизма в работе.

д) Штабы инженерных войск для учета поддающихся демонтажу частей долговременных укреплений, включая противотанковые и заградительные сооружения.

е) Ведомственная группа К «Внешний восточный отдел центросила» для учета военных транспортных средств, готовых запасных частей и принадлежностей.

ж) Офицер связи военного отдела по автомобильным шинам при хозяйственной инспекции. Учет трофейных шин и их охрана производятся на основании служебных инструкций офицеру связи военного отдела по автомобильным шинам при хозяйственной инспекции.

з) Областные военно-воздушные штабы принимают наземное оборудование военно-воздушных сил, включая ремонтные мастерские при авиабазах и на аэродромах.

и) Уполномоченный по техническим средствам связи при хозяйственной инспекции регулирует использование средств связи.

к) Управление военных путей сообщения или Управление полевых железных дорог принимает железнодорожный подвижной состав, за исключением орудий на ж.-д. установках, специальных вагонов для заключенных, цистерн и подвижного состава особого назначения, принадлежащего предприятиям.

л) Призовые суды для определения морских призов учреждаются Главным командованием военно-морскими силами. За своевременную их организацию несет ответственность имперский комиссар при высшем призовом суде, который информирует Восточный штаб экономического руководства о том, когда и в каком порту организуются эти суды военно-морского ведомства. Эти суды следуют непосредственно за продвигающимися воинскими частями. Их руководители должны немедленно связаться с хозяйственными отделами. Область работы призовых судов, разведывательных и охранных подразделений разграничивается хозяйственным инспектором. В случае надобности хозяйственный инспектор или уполномоченная им хозяйственная команда предоставляют военно-морскому призовому суду необходимые вспомогательные силы.

Хозяйственный инспектор регулирует также службу информации, чтобы избежать параллелизма в работе. Морскими призами распоряжается хозяйственный инспектор согласно указаниям, данным рейхсмаршалом. Судебное разбирательство по делам о морских призах не должно тормозить исполнения мероприятий и намерений хозяйственного инспектора.

VII. Все перечисленные в пунктах а — к раздела VI служебные инстанции должны сообщать об обнаруженном ими сырье и полуфабрикатах в хозяйственные группы полевых комендатур, а после учреждения хозяй-

ственных команд — той из них, в сфере деятельности которой они обнаружены.

VIII. Демонтаж и вывоз машин и другого оборудования из предприятий, а также запасов запрещается. Предложения следует направлять в хозяйственную инспекцию, которая принимает решения или входит с представлением в высшую инстанцию.

IX. Хозяйственный инспектор в соответствии с полученными им указаниями регулирует восстановление и обеспечение предприятий, составляющих собственность вооруженных сил (исключение составляют: наземные сооружения военно-воздушных сил, портовые сооружения, судостроительные верфи, военно-морские арсеналы, склады материальной части вооружения).

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ В ОБЛАСТИ ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

1. Экономическое использование промышленности вооружения в оккупированных областях является делом только военно-хозяйственных инстанций, если не последует в виде исключения иных указаний.

2. Хозяйственный отдел при Главном командовании армией (а в дальнейшем и все остальные хозяйственные инстанции) должен усиленно помогать войскам в ремонте оружия, автомашин и технического снаряжения и в случае надобности ставить вопрос перед Главным командованием армией о предоставлении соответствующих ремонтных мастерских.

Хозяйственный отдел должен обеспечить военную охрану более крупных предприятий, которые не сразу принимаются соответствующей хозяйственной инстанцией для удовлетворения текущих надобностей армии, военно-морского флота и военно-воздушных сил. Поэтому хозяйственные отделы должны своевременно и постоянно быть в курсе дела, на какие предприятия войска претендуют для удовлетворения своих текущих надобностей. Хозяйственные отделы должны также помогать и улаживать вопросы, связанные с обеспечением необходимой энергией и с вербовкой рабочей силы среди местного населения.

3. Последующее использование предприятий, запасов и выпускаемой продукции производится по соответствующим указаниям хозяйственного инспектора (всех отраслей хозяйства, включая и предприятия пищевой промышленности). Все служебные инстанции обязаны подчиняться этим указаниям, которые хозяйственный инспектор должен своевременно доводить до сведения войск и прочих учреждений.

Поэтому уполномоченные учреждений, находящихся в Германии, или прибывающие на фронт специальные команды (представители управления вооружения, уполномоченные судостроительных верфей, уполномоченные авиационной промышленности) должны ставить в известность хозяйственного инспектора о своих заданиях и выполнять эти задания с ведома хозяйственного инспектора, постоянно информируя его о дальнейшем ходе своих дел.

Вывоз машин и запасов, использование запасов и рабочей силы могут быть выполнены только по указанию хозяйственного инспектора, который ведает всей организацией вывоза и который использует для этой цели подчиненные ему органы и части (см. также раздел «Хозяйственные перевозки»).

4. Вопрос о восстановлении предприятия или о вывозе машин и запасов хозяйственный инспектор решает в зависимости от фактического положения вещей и от предстоящих возможностей (состояние предприятия, доставка сырья, обеспеченность двигательной энергией, возможность управления предприятием, состав рабочей силы, положение транспорта). Преждевременный и неорганизованный вывоз и преждевременная загрузка железнодорожных вагонов трофейным имуществом категорически запрещается.

5. Последующее использование предприятий (согласно пункту 3) и

принятие хозяйственным инспектором решения (согласно пункту 4) должны иметь место с соблюдением следующих основных положений:

а) никоим образом нельзя пренебрегать текущими потребностями войск и военного хозяйства (в основном это предприятия пищевой промышленности, добыча нефти, добыча железа и угля);

б) вслед за тем идут задачи в области промышленности вооружения, проведение которых, по-видимому, последует несколько позднее и, насколько можно предвидеть, по следующим отраслям.

Армия испытывает большую потребность:

а) в бронепоездах и тягачах, зенитных орудиях и во всем, что с этим связано, в дальнобойной артиллерии настильного действия примерно от 15 сантиметров и выше[1] (береговая оборона), понтонно-мостовом имуществе, в оптических и точных приборах, взрывчатых веществах;

б) в изготовлении боевого имущества, в котором ощущается нехватка: зенитные орудия, зенитные прожектора, части для танков (кованые части и т. д.), боеприпасы для зенитных орудий всех калибров.

Военно-морской флот намерен в первую очередь использовать верфи и вспомогательную промышленность кораблестроения, а именно:

а) для содержания в исправности, ремонта и вооружения;

б) для окончания уже начатого строительства военных вспомогательных кораблей, транспортных и торговых судов, поскольку они пригодны для использования;

в) в данном случае для постройки вспомогательных, транспортных, а также торговых судов.

Военно-морской флот, далее, заинтересован в производстве оптических и точных приборов и технических приборов связи. В данном случае он должен принимать участие в изготовлении морского вооружения и боеприпасов для кораблей береговой и противовоздушной обороны.

Военно-воздушные силы используют промышленность прежде всего для ремонта и переустановок, а позднее также и для строительства авиамоторов.

Эта промышленность должна во всяком случае содержаться в полном порядке. Это относится к заводам авиамоторов, самолетов, технических средств связи и фюзеляжей. Кроме того, большой интерес представляет легкий металл и горючее.

Управление снабжения вооруженных сил придает большое значение обмундированию. Речь идет о следующем: лен, конопля, хлопок, шерсть, шкуры, кожи, а также дубильные вещества. При решении вопроса о пошивочных предприятиях надо учитывать потребность оккупационной армии, а также изготовление одежды для военнопленных.

6. Необходимо сохранить и использовать производственные чертежи военных и гражданских предприятий, лабораторий, исследовательских институтов и т. д.

7. Восстановление хотя бы ограниченного производства обязывает принимать меры для продовольственного снабжения рабочих, их размещения в лагерных условиях и охраны.

СЫРЬЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТОВАРНЫХ РЕСУРСОВ

В новых, предстоящих занятию областях, за исключением, быть может, прибалтийских стран, нет нужды в создании специальных торговых учреждений для точного регулирования товарного производства и товарооборота. Организованным нами хозяйственным учреждениям будут даны служебные указания о соответствующем регулировании производства и потребления, которые будут проводиться в жизнь по-разному, в зависимости от местных организационных возможностей.

[1] Имеется в виду артиллерия калибром 150 миллиметров и выше.

А. Регулирование производства

а) Основные принципы восстановления и дальнейшей работы предприятий, производящих сырье, изложены в разделе «Главные экономические задачи». Дальнейшие указания в виде общих инструкций уже подготовлены. Они должны быть вручены восточным экономическим штабом всем причастным учреждениям через хозяйственные инспекции, хозяйственные команды, полевые комендатуры и ниже, вплоть до руководителей предприятий.

б) Должно быть дано указание об обеспечении сохранности и хранения определенного сырья, а именно:

1. Платина, магнезий, каучук должны быть немедленно собраны и как можно скорее вывезены в Германию. Хозяйственные учреждения должны дать соответствующие указания об исполнении.

2. Другие важные виды сырья согласно списку дожны быть сохранены до того, пока идущие вслед за войсками хозяйственные команды не решат вопроса о том, будет ли это сырье переработано в оккупированных областях или вывезено в Германию.

Б. Регулирование потребления

Предпосылкой для точного регулирования потребления является хорошо организованное и работоспособное хозяйственное правление. Такого, конечно, не окажется, и его не так легко создать. Прежде всего не будет возможности удовлетворить потребности, которые не удовлетворялись годами. Директивы для регулирования потребления в области промышленности, производящей средства потребления, будут поэтому даваться по мере надобности.

Все нужные нам сырьевые товары, полуфабрикаты и готовую продукцию следует изымать из торговли. Распоряжения об этом должны будут давать хозяйственные отделы и группы, применяя для этого обычные приемы. Например, обыкновенные воззвания и приказы, или реквизиции, или взятие под военную охрану, или то и другое вместе.

ФИНАНСЫ И КРЕДИТНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Деньги не должны быть лишены своего прямого назначения — служить платежным средством, поэтому нецелесообразно их «конфисковывать». Рекомендуется во избежание крупных хищений взять под охрану банковские учреждения, государственные сберегательные кассы и т. п. Следует предотвратить вывоз денежных знаков. Деньги, находящиеся на руках не внушающих доверие начальников, следует изъять, выдав взамен расписку в получении, а деньги передать одной из немецких служебных инстанций (хозяйственной группе при полевой комендатуре или хозяйственной команде).

2. Золотой запас и валюта должны быть сохранены. Дальнейшие мероприятия будут проводить хозяйственные команды по получению указаний.

3. Общины, не имеющие денег, но которым, по хозяйственным соображениям, они должны быть немедленно предоставлены, могут получить кредит в имперских кредитных кассовых билетах (см. пункт 5) под обычную долговую расписку или под заклад по письменному указанию хозяйственной группы при полевой комендатуре или хозяйственной команде. Из денежных кредитов, полученных общинами (имперские кредитные кассовые билеты), следует предоставлять тем предприятиям, в которых мы заинтересованы, под соответствующую обычную гарантию, необходимые им суммы для выдачи зарплаты. Первые мероприятия в этом деле проводят хозяйственные отделы при главном командовании армией. Если имперские кредитные кассы еще не организованы, то интендантством

должен быть выдан соответствующий денежный аванс с условием быстрого погашения через надлежащую имперскую кредитную кассу, которая должна стать заимодавцем.

4. Государственные банки и другие финансовые учреждения, которые располагают большими денежными средствами, должны быть немедленно взяты под контроль. Для этого назначается «временный управляющий на правах комиссара, по возможности из числа старых руководителей учреждения. Он получает соответствующее письменное назначение, которое может быть отменено. Законным основанием, в случае надобности, может явиться постановление исполнительной власти.

В общем рекомендуется в ближайшее время закрыть для общего пользования все финансовые учреждения и возложить на них кредитование для выплаты заработной платы, жалованья и пенсий.

5. При первой возможности создаются имперские кредитные кассы, которые персонально и оперативно подчиняются главному управлению имперскими кредитными кассами в Берлине. Эти кассы ведают всеми вопросами финансов и кредитования. Для выполнения денежных операций выпускаются имперские кредитные кассовые билеты стоимостью в 50, 20, 5, 2, 1 и 0,50 имперских марок. Имперские кредитные кассовые билеты являются законным платежным средством наряду с местной валютой. Курс имперской марки по отношению к местной валюте определяется постановлением исполнительной власти.

Имперские кредитные кассовые билеты служат для того, чтобы вести хозяйство на оккупированных областях, поддерживать спокойствие и порядок, поскольку это в наших интересах, и удовлетворять денежную потребность немецких войск. Первое достигается путем кредитования промышленных и других предприятий, финансовых учреждений, органов государственного и окружного управления, в тех случаях, когда предоставление таких кредитов — в немецких интересах (см. пункт 3).

Финансовым учреждениям в оккупированных областях следует предлагать открывать текущие счета в имперских кредитных кассах.

Войсковым частям отдан приказ по переходе границы выплачивать содержание солдатам только имперскими кредитными кассовыми билетами или местными денежными знаками.

Немецкие государственные деньги использовать только как разменную монету в 10, 5, 2 и 1 пфенниг, если не имеется местных разменных денег.

Немецкие деньги достоинством свыше 0,50 имперской марки, которые солдаты имеют при себе при переходе границы, войсковые кассы должны обменять на имперские кредитные кассовые билеты в ближайшей имперской кредитной кассе.

6. Войсковым частям приказано следить за тем, чтобы солдаты в оккупированных областях расплачивались только имперскими кредитными кассовыми билетами или местными деньгами по установленному курсу. Указания о том, что в оккупированных областях наряду с местными деньгами имеет хождение и германская марка в виде имперских кредитных кассовых билетов, а также указание о курсе этих денег будут даны своевременно.

7. Особенно важно поддерживать установленный курс имперских кредитных кассовых билетов и тщательно следить за стоимостью их у населения. В том случае, если население совсем отказалось бы принимать имперские кредитные билеты или принимало бы их не по установленному курсу, этому следует противодействовать путем штрафов. О таких случаях хозяйственные органы обязаны доносить. Для поддержания курса следует принимать при взыскании контрибуции, а также при продаже товаров населению не только местные деньги, но и имперские кредитные кассовые билеты по установленному нами курсу.

8. Во всяком случае следует препятствовать выпуску временных денежных знаков. При недостатке денег см. пункт 3.

9. Имперские кредитные кассы должны работать в тесном контакте с хозяйственными учреждениями. Несмотря на то, что они оперативно

подчиняются Главному управлению имперскими кредитными кассами, они обязаны согласовывать все свои мероприятия с планами хозяйственных инспекторов в области денежного и кредитного хозяйства.

Хозяйственные отделы (IV-Wi) и хозяйственные команды должны привлекать руководителя ближайшей имперской кредитной кассы к сотрудничеству при выполнении постановлений по кредитованию, в особенности изложенных в пункте 3.

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ И ВЗАИМНЫЕ ПЛАТЕЖИ

1. Общие вопросы

В вопросе о внешней торговле и взаимных платежах между оккупированными областями и третьими странами нужно исходить из того, что все товарные излишки, как правило, предназначаются для Германии. Если вывоз товаров сразу невозможен, их следует пока сохранять на складах, чтобы вывезти позднее. Поэтому торговые отношения между оккупированными областями и третьими странами принципиально пока невозможны.

Инструкции по вопросу о торговле с третьими странами, которая могла бы служить интересам Германии, будут даны позднее, после того как положение определится точнее.

2. Исключения в определенных рамках могут иметь место при следующих обстоятельствах.

При условии, если не будет нанесен ущерб снабжению войск, находящихся на оккупированной территории, и населения, а также потребностям нашего государства, пограничная торговля в определенных размерах может быть допущена. На Кавказе имеются в виду Иран и Турция, на Севере — Финляндия. В первую очередь здесь может идти речь о поддержании уже существующей мелкой пограничной торговли или ее расширении соразмерно с предстоящими возможностями. Во всех случаях непременным условием является, чтобы взамен товаров, экспортируемых из оккупированных областей, импортировалось равноценное количество товаров.

3. В тех случаях, когда предполагается возобновление заграничной торговли, необходимо своевременно связаться с контрразведкой, содействие которой имеет решающее значение.

4. Торговля оружием и военным имуществом из производства или из запаса в каждом отдельном случае может производиться только с согласия ОКВ (управление военного хозяйства и вооружения; исполнитель — отдел военного хозяйства; группа по ввозу и вывозу оружия и военного имущества). Это относится к выполнению текущих договоров.

5. Для передачи военной добычи союзным государствам также требуется в каждом отдельном случае согласие ОКВ. Передача может быть произведена только за плату. Непосредственная передача запрещается.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦЕН

Должно быть издано обязательное постановление или простое извещение, запрещающее повышение цен и разного вида вознаграждения (также и заработной платы) под угрозой наказания. Это будет временным решением вопроса. Изменением цен, обусловленным политическим положением, придется заняться в дальнейшем.

Ниже указаны установленные цены на сельскохозяйственные продукты, которые не должны быть повышены. Хозяйственные отделы и группы и хозяйственные учреждения должны оповестить об этом. Эти установленные цены являются также обязательными при всех закупках для снабжения войск.

1. Злаки и корнеплоды

(цена за двойной центнер)

Пшеница	140	рублей
Рожь	120	"
Ржаная мука 100% грубого помола	145	"
Ячмень	110	"
Овес	120	"
Кукуруза	100	"
Горох	160	"
Просо	100	"
Гречиха	130	"
Картофель	50	"
Сено	30	"
Солома	15	"

2. Обработанные продукты

(цена за двойной центнер)

Пшеничная мука 80% помола	200	рублей
Ржаная мука 85% помола	155	"
Сахар	400	"

3. Скот

(живым весом)

Рогатый скот за каждый двойной центнер	500	рублей
Свиньи за каждый двойной центнер	600	"
Телята за штуку	250	"
Овцы за штуку	200	"

4. Животные продукты

Молоко за литр 1 рубль
Масло за килограмм 44 рубля

ВВЕДЕНИЕ КО 2-МУ ИЗДАНИЮ «ЗЕЛЕНОЙ ПАПКИ»

Начальник штаба верховного командования вооруженными силами.
Штаб оперативного руководства и Управление хозяйства и вооружения.

Берлин, 16 июня 1941 г.
119/41. Только для служебного пользования.

Касается «Директив по руководству экономикой» (план «Барбаросса»).

По поручению фюрера рейхсмаршал издал «Директиву по руководству экономикой» в подлежащих оккупации областях.

Эти директивы («Зеленая папка») предназначены для ориентации военного руководства и хозяйственных инстанций в области экономических задач в подлежащих занятию восточных областях. Они содержат указания о снабжении войск из ресурсов страны и дают указание войсковым частям об оказании помощи хозяйственным органам. Эти указания и распоряжения должны выполняться всеми войсковыми частями.

Немедленная и полная эксплуатация оккупированных областей в интересах военной экономики Германии, в особенности в области продовольственного и нефтяного хозяйства, имеет исключительное значение для дальнейшего ведения войны.

Для этого требуется:

1. Чтобы обнаруженные запасы продовольствия, сырья и горючего использовались войсками только в том случае, если этого требует военное положение и выполнение боевой задачи. Чтобы не увозились тягачи с тракторных станций и не расходовались обнаруженные там запасы горючего.

2. Чтобы запасы, поскольку они не используются войсками, охранялись от хищений и бессмысленного разбазаривания до момента их вывоза.

3. Чтобы хозяйственные органы, созданные Управлением хозяйства и вооружения в районе военных действий, получали от всех воинских частей и всех военных учреждений должную и действенную поддержку.

По мере возможности, если это допускается военным положением, выполнять требования хозяйственных органов в отношении:

а) предоставления охраны для больших складов и промыслов (нефти и других);

б) предоставления рабочей силы, упряжек и грузовых машин, если нужно то, и горючего для вывоза урожая на большие склады-элеваторы;

в) предоставления имеющегося в распоряжении транспорта для вывоза в Германию недостающих там товаров.

Всем войсковым частям следует настойчиво указывать на огромное значение разумной эксплуатации восточных областей для дальнейшего ведения войны.

При помощи полевых и местных комендатур, организованных в наиболее важных сельскохозяйственных и нефтяных районах, эксплуатация страны должна быть проведена в широких масштабах.

Начальник штаба верховного
командования вооруженными силами
Кейтель.

Напечатано Верховным командованием
вооруженными силами. 513 7. 41.

ДОПОЛНЕНИЕ 1 К ДИРЕКТИВАМ ПО РУКОВОДСТВУ ЭКОНОМИКОЙ ВО ВНОВЬ ОККУПИРОВАННЫХ ОБЛАСТЯХ («ЗЕЛЕНАЯ ПАПКА»), ЧАСТЬ 1.

1. Задачи и организация лесного хозяйства и деревообделочной промышленности.

а) Общие вопросы

Ввиду большой потребности в лесе для армии, организации Тодта, промышленности и сельского хозяйства лесное хозяйство и деревообделочная промышленность в оккупированных областях имеют особое значение.

В прифронтовой полосе войска могут забирать нужный для армии лес в ближайшем, подходящем для этого месте, но в тыловом районе использование леса, пиломатериалов и потребление дров требуют строгой организации.

б) Организация

Поэтому лесное хозяйство включается как специальная группа в группу В Восточного экономического штаба.

То же самое относится и к другим хозяйственным инстанциям.

По мере надобности специальная группа лесного хозяйства Восточного экономического штаба посылает в хозяйственные команды своих руководителей и нужных специалистов по лесному хозяйству и деревообделочной промышленности.

К хозяйственной группе при полевых комендатурах в случае надобности также прикрепляется один специалист по вопросам лесного хозяйства и деревообделочной промышленности.

в) Проведение отдельных хозяйственных задач

Специальные группы по лесному хозяйству и деревообделочной промышленности должны выполнять все задачи, возникающие по этим вопросам.

1. В области лесного хозяйства

Сохранение имеющихся запасов кругляка, подвоз соответствующим образом сваленного леса в удобные для транспорта пункты.

Сохранение ценных для германской военной экономики сортов древесины как на складах, так и в лесу с целью дальнейшей отправки в германскую военную промышленность.

2. В области деревообделочной промышленности

Охрана и сохранение имеющихся запасов пиломатериалов, восстановление деревообделочных предприятий, обеспечение работы этих предприятий (лесопильных заводов, столярных мастерских, предприятий по изготовлению необработанных и пропитанных шпал и мачт, фабрик по изготовлению тары, предприятий по обработке древесного волокна, строительство бараков, предприятий по изготовлению планок и реек, фанерных заводов и других деревообделочных предприятий, а также предприятий, торгующих лесом — сырьем, древесиной, строительным лесом, пиломатериалами и т. д.).

Главной задачей является снабжение лесом войсковых частей, а также использование всех возможностей для предоставления нужного количества лесоматериалов промысловым и другим предприятиям. В первую очередь следует предоставлять соответствующие лесоматериалы для ремонта и строительства дорог. По вопросам рубки и пилки леса следует держать тесную связь с остальными группами хозяйственного органа (IV-Wi) и полевыми транспортными органами.

г) Использование рабочей силы

Привлечение местного населения.

По вопросу об использовании рабочей силы в общем следует придерживаться тех директив, которые изложены в соответствующем разделе первой части «Зеленой папки» (статья 16), в особенности если речь идет о привлечении местного населения.

Что касается руководящих работников, то тех из них, которые после перехода Прибалтики к Советскому Союзу остались на своих местах в бывшей Эстонии, Латвии и Литве, следует привлечь для работы в лесном хозяйстве. В остальных случаях нужно действовать в соответствии со сложившейся обстановкой.

д) Особые указания

Надобность в особых указаниях будет зависеть от местных условий в различных областях и имеющихся в них возможностей для лесного хозяйства. Эти указания будут даваться от случая к случаю.

2. Обязанности специального штаба генерального уполномоченного по автоделу заключаются в следующем:

а) В техническом надзоре и направлении автомобильной промышленности, включая изготовление прицепов, отдельных частей и принадлежностей, в распределении заказов и наблюдении за их выполнением, приемке готовой продукции и распределении ее по указанию главного уполномоченного по автоделу.

б) В техническом надзоре и направлении тракторной промышленности, и распределении заказов и наблюдении за их выполнением, приемке готовой продукции и распределении продукции по указанию главного уполномоченного по автоделу или по согласованию с группой Ла экономического штаба «Ольденбург».

в) В закупке грузовых машин и прицепов в оккупированных областях, проводимой штабом, имеющим исключительное право на закупку, в контакте с «Центросилой восток», в данном случае с группой В экономического штаба «Ольденбург».

ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 1, ед. хран. 2819.

ПРИКАЗ ГИТЛЕРА О ПЕРЕДАЧЕ ВСЕЙ ПОЛНОТЫ ВЛАСТИ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ КОМАНДУЮЩИМ СОЕДИНЕНИЯМИ ВЕРМАХТА ОТ 25 ИЮНЯ 1941 Г.

Ставка верховного главнокомандующего — 25 июня 1941 г.

1. В качестве высших представителей вермахта командующие соединениями вермахта на вновь оккупированных восточных территориях имеют всю полноту военной и административной власти.

Командующие соединениями вермахта назначаются мной.

Они подчиняются начальнику штаба верховного командования вооруженными силами Германии и получают от него распоряжения в соответствии с моими директивами.

2. В обязанности командующих соединениями вермахта входит как обеспечение безопасности с военной точки зрения оккупированной территории, так и защита ее от внезапного нападения извне.

Они обязаны оказывать помощь рейхскомиссарам в решении ими административных и политических задач и являются единственными представителями интересов вермахта, особенно в осуществлении таких мероприятий, как использование ресурсов страны для снабжения действующей армии.

3. В области гражданского управления осуществление требований вермахта возлагается на рейхскомиссаров.

При обстоятельствах, не допускающих промедления, командующие соединениями вермахта имеют право вмешиваться в область гражданского управления, если это необходимо для выполнения военных задач.

Командующие соединениями вермахта могут временно предоставлять это право командирам соединений вермахта, расположенных на оккупированной территории.

Указания учреждений вермахта, основывающиеся на этих полномочиях, осуществлять в первую очередь.

4. Начальнику штаба верховного командования вооруженными силами Германии в целях проведения и в дополнение настоящего указа составить служебную инструкцию для командующих войсками вермахта.

ЦГАОР СССР, ф. 780, оп. 148, ед.хран. 183.
Нюрнбергский процесс (в 3-х т.), т. 2, с. 168.

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ОБЕРЛЕНДЕРА[1] О КОНФИСКАЦИИ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ НА УКРАИНЕ ОТ 28 ОКТЯБРЯ 1941 Г.

Отдел «Абвер-2» при штабе группы армий «Юг» 28 октября 1941 г.

...Настроение населения в большинстве случаев уже через несколько недель после оккупации территории нашими войсками значительно ухудшилось. В чем причина этого? Мы проявляем... внутреннюю неприязнь, даже ненависть к этой стране и высокомерие по отношению к этому народу... То обстоятельство, что мы ведем войну третий год и должны зимовать в неприветливой стране, вызывает ряд трудностей. Но их необходимо преодолевать со стойкостью и самодисциплиной. Мы не должны срывать на населении свое недовольство этой страной... Однако гораздо чаще имели место случаи, когда мы поступали без учета психологии населения и вследствие ошибок, которых легко можно было избежать, теряли с его стороны всякую симпатию. Расстрелы в деревнях и крупных населенных пунктах выбившихся из сил пленных и оставление их трупов на дороге — этих фактов население понять не может... Так как армейские продовольственные склады в значительной мере предоставили войскам самим снабжаться продуктами питания, вблизи крупных военных магистралей и городов колхозы в большинстве случаев уже не имеют племенного скота, семян и посевного картофеля (Полтава). Безусловно, снабжение собственных войск стоит на первом месте, однако нам не безразлично, как оно осуществляется. Реквизиция последней курицы в психологическом отношении столь же неразумна, как в хозяйственном отношении — убой опоросной свиньи и последних телят. Этим мы саботируем мероприятия собственной сельскохозяйственной администрации. Никто не думает о том, что сильно разрушенное хозяйство этой страны является нашим хозяйством, которое обязательно должно быть восстановлено, к запасам и поголовью скота которого необходимо относиться экономно, поскольку в будущем году за счет их будет снабжаться наша армия, а все излишки должны быть вывезены на родину.

Снабжение больших городов возможно лишь в очень ограниченных размерах. Как раз здесь наша пропаганда была недостаточной. Вместо того чтобы разъяснять населению причину затруднений и призывать его к самообеспечению, мы оказались не в состоянии издавать в таком городе, как Полтава, украинскую газету ввиду того, что ни один офицер цензуры не захотел взять на себя ответственность за ее издание. Население... оказалось без руководства. Оно стоит в стороне. Оно чувствует, что мы смотрим на него сверху вниз, что мы усматриваем в его темпах и методах работы саботаж, что мы совершенно не делаем никаких попыток, чтобы найти путь к нему. При таких обстоятельствах уже сам недостаток продовольствия в городах служит обвинением против нас...

Даже самая лучшая полиция не в состоянии гарантировать безопасность путей подвоза.

Наряду с охраной путей подвоза существует неотложная необходимость выжать из страны все возможное для обеспечения снабжения Германии. Гораздо большей опасностью, чем активное сопротивление

---

[1] Оберлендер Теодор — политический руководитель батальона «Нахтигаль», совершившего кровавый погром в гор. Львове 29—30 июня 1941 г. В 1941—1942 гг. — начальник диверсионной службы вермахта на южном участке советско-германского фронта.

партизан, здесь является пассивное сопротивление — трудовой саботаж, в преодолении которого мы имеем еще меньшие шансы на успех.

Обер-лейтенант Оберлендер

ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 2, ед. хран. 104.
Преступные цели — преступные средства,
с. 301—303.

Документ СССР-170

ЗАПИСИ О СОВЕЩАНИИ ГЕРИНГА С РУКОВОДИТЕЛЯМИ НЕМЕЦКИХ УПРАВЛЕНИЙ В ОККУПИРОВАННЫХ СТРАНАХ И ОБЛАСТЯХ, .СОСТОЯВШЕМСЯ 6 АВГУСТА 1942 Г., И СОПРОВОДИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО НАЧАЛЬНИКА ШТАБА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ЧЕТЫРЕХЛЕТНЕМУ ПЛАНУ КЕРНЕРА ОТ 8 АВГУСТА 1942 Г.

Рейхсмаршал,
уполномоченный
по четырехлетнему плану
Ф. П. 13891/3 сов. секр.

.СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Берлин, 8 августа 1942 г.

В приложении посылаю записи об итогах совещания с руководителями немецких управлений в оккупированных странах и областях, состоявшегося 6 августа 1942 г.

Подписал: Кернер
Заверил: делопроизводитель Шютце

Господину рейхсминистру и начальнику имперской канцелярии

Господину начальнику партийной канцелярии
Господину рейхсминистру по снабжению продовольствием и сельскому хозяйству
Господину рейхсминистру экономики
Верховному командованию вооруженных сил — отдел снабжения
Верховному командованию вооруженных сил — хозяйственный отдел
Главному командованию сухопутных сил — генерал-квартирмейстеру
Главному командованию сухопутных сил — общий отдел сухопутных сил
Господину рейхсминистру иностранных дел
Господину рейхсминистру транспорта
Господину рейхсминистру финансов
Господину рейхсминистру труда
Господину рейхсминистру внутренних дел
Господину рейхсминистру вооружения и боеприпасов
Господину рейхсминистру оккупированных восточных областей
Экономическому штабу Ост
Господину рейхскомиссару по контролю за ценами
Полковнику Вельтжену
Главному командованию сухопутных сил — административно-хозяйственный отдел — Остеркампу

Верно: (подпись).

Итоги совещания с руководителями немецких управлений в оккупированных странах и областях, состоявшегося 6 августа 1942 г. в 16 часов под председательством рейхсмаршала

На основе докладов гаулейтеров рейхсмаршал констатировал непреложную необходимость улучшения снабжения продовольствием германского народа, чему должны способствовать в еще большей степени, чем до сих пор, оккупированные страны и области, особенно те, в которых были проявлены нездоровые настроения.

А. В области продовольственного снабжения рейхсмаршал требует в будущем году следующих поставок:

I. Поставки для Германии (включая вооруженные силы)

1. Франция —
1 200 000 тонн продовольственного зерна
1 000 000 тонн фуражного зерна
350 000 тонн мяса
60 000 тонн жиров
300 000 тонн картофеля
25 000 тонн сыра
150 000 тонн овощей
300 000 тонн фруктов
6 000 000 гектолитров вина

2. Бельгия —
50 000 тонн фуражного зерна
20 000 тонн сахару
50 000 тонн картофеля
15 000 тонн фруктов
Какие только возможно поставки семенных овощей. По хлебу, мясу и жирам Бельгия должна обеспечить себя сама.

3. Нидерланды —
40 000 тонн фуражного зерна
35 000 тонн мяса
20 000 тонн жиров
85 000 тонн картофеля
45 000 тонн бобовых
30 000 тонн сахару
16 000 тонн сыра
10 000 тонн семенных овощей
По возможности 1 000 000 тонн овощей

II. Поставки в Германию (наряду со снабжением находящихся там армий)

1. Норвегия —
500 000 тонн рыбы,
кроме договорных поставок рыбной муки

2. Протекторат —
250 000 тонн продовольственного зерна
30 000 тонн фуражного зерна
155 000 тонн сахару
Исполняющий обязанности рейхспротектора обещает поставку этих количеств. Имевший место до сего времени ввоз скота и мяса в будущем отпадет.

3. Генерал-губернаторство — 500 000 тонн продовольственного зерна.
100 000 тонн фуражного зерна
30 000 тонн мяса
280 000 тонн картофеля
5 000 тонн сахару

4. Банат и Старая Сербия (к поставкам странам оси)

200—300 000 тонн зерна
15 000 тонн жиров
40 000 тонн масличных культур
Генеральный консул Нейхаузен подтверждает возможность поставок.
5. Россия —
3 000 000 тонн зерна
120 000 тонн растительного масла в форме масличных культур
Мясо, жиры, картофель, сахар, спирт и пр. — в зависимости от сбора
Начальник военного управления Рике считает, что названные количества могут быть поставлены.

По отдельным вопросам рейхсмаршал занимает следующую позицию:

1. Снабжение вооруженных сил

Поставки для армии сена и соломы из Германии следует прекратить; следует в этом отношении использовать оккупированные территории. Также следует до минимума ограничить поставки овса. Хлебом, мясом и жирами армия должна снабжать себя за счет оккупированных территорий. Из Германии следует поставлять, в основном, только особые дополнительные продукты (кофе, шоколад и т. д.) и только в минимальных количествах внутригерманскую продукцию.

2. Сбор металлов

Результаты сбора металлов во Франции, Бельгии и Голландии по сравнению с результатами сбора металлов в Германии являются неудовлетворительными.

Теперь же всеми мерами должно быть достигнуто улучшение результатов, имевшихся до сего времени.

Рейхскомиссар Зейсс-Инкварт заявил, что в Голландии в настоящее время нарастает новая акция.

3. Закупка предметов первой необходимости в оккупированных западных областях

Для того чтобы немецкое население смогло иметь в большом количестве предметы первой необходимости, в особенности в новогодние праздники, необходимо сейчас уже со всей энергией проводить подготовительные широкие мероприятия по закупке предметов первой необходимости. Наряду с этим следует содействовать отдельным военнослужащим в оккупированных областях вывозить из оккупированных областей в Германию такое количество продовольствия и предметов первой необходимости, какое каждый в отдельности может оплатить и взять с собой. При этом не следует обращать внимания на инфляцию, могущую возникнуть вследствие этого в оккупированных областях.

4.

Следует устранить все еще имеющие место и мешающие вывозу таможенные ограничения на пограничных пунктах между оккупированными областями и Германией. Министр финансов должен представить предложения по этому вопросу.

5. Поддержка сельского хозяйства в оккупированных восточных областях

Значительное облегчение продовольственного положения в Европе может идти только за счет оккупированных восточных областей. Работы, проведенные там до сего времени по обработке земли и по изъятию, заслуживают признания. Но теперь требуется использовать относительно хорошие результаты посевных работ путем оказания всевозможной помощи при уборке урожая и позаботиться об обширной обработке земли осенью. Для этого все заинтересованные учреждения в Германии и в оккупированных областях должны в еще большей степени, чем до сего

времени, поддержать работу сельского хозяйства. Сюда относится также обеспечение примитивными товарами для обмена из третьих государств (Италия).

6. Борьба с партизанами

Обергруппенфюрер СС Далюге констатировал, что предназначенные для Белоруссии 6 полицейских и 12 охранных батальонов находятся в пути. Полицейские соединения, используемые на фронте, не могут быть освобождены в настоящее время для борьбы с партизанами. Поэтому следует попытаться мобилизовать против партизан местное население, особенно бургомистров, и использовать для борьбы против партизан скомплектованные в других оккупированных областях (Голландия и т. д.) полицейские формирования. Требующиеся для этого фюреры и унтер-фюреры имеются.

7. Использование рабочей силы

Обусловленное военным временем положение с рабочей силой создало в Германии необходимость максимально использовать людские резервы оккупированных областей, особенно восточных.

Мероприятие, проведенное генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы с помощью местных управлений, привело, прежде всего на Востоке, к результатам, достойным внимания. Однако потребность в рабочей силе в Германии вынуждает продолжить мероприятие. Но это не должно привести к приостановлению важных военных работ в оккупированных областях или к переводу в Германию производств, обеспечивающих срочную потребность армии, и к дополнительной загрузке транспорта.

Рейхсмаршал особо подчеркнул, что он ни в коем случае не ожидает записок и прочего, а желает по возможности быстрее иметь предложения о проведении предписанных сегодня мероприятий, поскольку возникает необходимость в административных мерах.

Статс-секретарь Бакке в кратких сводках должен информировать о выполнении поставок продовольствия. Через три месяца рейхсмаршал будет докладывать фюреру результат мероприятий.

Подписал д-р Кларэ.
Верно: подпись.

Нюрнбергский процесс (в 7-ми т.),
т. 3, с. 499—504

Документ ПС-327

ПИСЬМО РОЗЕНБЕРГА БОРМАНУ ОТ 17 ОКТЯБРЯ 1944 Г.

Берлин, 17 октября 1944 г.
Начальнику
партийной канцелярии
рейхслейтеру
Мартину Борману

Копия. Секретно
Берлин, Запад-8
Вильгельмштрассе, 63/64

Содержание: Мероприятия против гражданского тыла
Ваш циркуляр № 309/44 от 9 октября 1944 г.

Дорогой товарищ по партии Борман!

Чтобы предотвратить безусловно нежелательные также и для вас помехи и медлительность в развертывании деятельности контролируемых мною обществ, я, ввиду особой неотложности дела, направил сегодня гаулейтерам следующую телефонограмму:

«Чтобы развертывание деятельности контролируемых мною обществ

не затягивалось, я указываю на то, что здесь речь идет не о частных фирмах, а о предприятиях рейха; таким образом, делами этих предприятий так же, как и служебных органов, ведают высшие имперские инстанции. Мною будут контролироваться следующие общества:

а) центральное торговое общество Востока по сбыту и потреблению товаров сельского хозяйства (с ограниченной ответственностью) (ЦО);

б) общество ведения сельского хозяйства Остланда и Украины;

в) заготовительное общество Востока (с ограниченной ответственностью);

г) фармацевтическое общество.

Следующие контролируемые мною банки также не являются частными фирмами:

д) центральный эмиссионный банк Украины;

е) эмиссионный банк Остланда;

ж) центральный экономический банк Украины;

з) союз экономических банков на Украине;

и) объединенный банк Остланда и Белоруссии.

Вопрос о развертывании деятельности этих банков и обществ обсужден с имперским уполномоченным по тотальной мобилизации военных ресурсов, он будет закончен самое позднее в конце этого года. Вопрос о возвращении материальных ценностей обществ уже разрешен в пользу вооруженных сил и военной экономики. Любое посягательство на материальные ценности и кадры не только мешает крайне необходимому развертыванию деятельности, но и затягивает или тормозит доставку необходимых вещей для вооруженных сил и военной экономики. Я прошу также и по этой причине воздерживаться от вмешательства.

Начальник партийной канцелярии имеет копию».

При этом направляю вам копию моего сегодняшнего письма имперскому уполномоченному по тотальной мобилизации военных ресурсов, из которого явствует, что развертывание деятельности находящихся под моим контролем обществ согласовано с имперским уполномоченным и ввиду крайней необходимости проведения в интересах упорядочения военного хозяйства обширных работ будет закончено в сравнительно короткое время. В отношении возвращенных и еще не переданных материальных ценностей уже принято решение в пользу вооруженных сил и военной экономики, так что любое затягивание начала деятельности или даже самостоятельная конфискация гаулейтерами нанесут вред или нарушат установленный порядок, чего в интересах военной экономики без веских на то причин делать нельзя. Чтобы дать вам обзор прежних и теперешних задач этих обществ, я прилагаю при сем соответствующее обозрение.

Прошу утвердить мою телефонограмму гаулейтерам.

Наконец, я хотел бы указать еще на то, что, на мой взгляд, неправильно под лозунгом «мероприятия против гражданского тыла» просто поручать гаулейтерам оказывать необходимое содействие в ускорении развертывания работ на предприятиях и в учреждениях вывезенных с оккупированных территорий. Несомненно, имели место случаи, когда такое давление было необходимо. Однако, с другой стороны, установлено, что, например, из восточных областей вывезены тысячи порядочных мужчин и женщин, а также фирм, выполнявших там свой долг в тяжелейших условиях, которые сразу же поняли требования времени, но просто не в состоянии выполнить их за один день работы по развертыванию деятельности. Что касается восточных областей, то это относится к большинству лиц, используемых на работах. Я буду сожалеть, если и они будут поставлены вами в один ряд с теми, кого вы относите к весьма сомнительному понятию тыл.

Хайль Гитлер!
Ваш А. Розенберг

I. ЦЕНТРАЛЬНОЕ ТОРГОВОЕ ОБЩЕСТВО ВОСТОКА ПО СБЫТУ И ПОТРЕБЛЕНИЮ ТОВАРОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ (ЦО)

Центральное общество Восток (ЦО) как монопольное общество на восточной территории осуществляло в восточных областях следующие задачи:

а) учет всех сельскохозяйственных продуктов, торговые операции и транспортные перевозки (поставки вооруженным силам империи);

б) управление предприятиями пищевой промышленности при помощи доверенных лиц;

в) снабжение предприятий пищевой промышленности специальным сырьем, сельского хозяйства — средствами производства и сельского населения — предметами потребления (товарами).

В настоящее время центральное общество Восток (ЦО) выполняет следующие задачи:

аа) выполнение операций в торговом и финансовом отношении, в частности использование вывезенных из восточных областей захваченных товаров и товаров, не введенных там больше в дело;

бб) учет товаров сельского хозяйства и пищевой промышленности, вывезенных из других оккупированных областей (генерал-губернаторства, Запада);

вв) в качестве еще действующих функций:

а) выполнение первоначальных задач в остальной части Остланда,

б) межобластное перераспределение машин сельского хозяйства, а также молочного и жирового хозяйства и межобластное уравнивание посевных площадей согласно указаниям уполномоченного по четырехлетнему плану (продовольственная группа).

Фактическое значение центрального общества Восток и объем его работы видны из следующего:

1. При каждом главном коммерческом отделе Остланда, центральной области и Украины существовало 30 коммерческих отделов с 200 отделениями.

2. На Украине было создано 11 параллельных обществ с 130 филиалами.

3. В центральной организации, включая параллельные общества, в период наибольшего наплыва работы — лето 1943 года — было занято 7 тысяч имперских военных служащих, и, кроме того, в дело были включены 250 имперских немецких фирм.

4. Общий оборот центрального общества Восток со дня основания до 31 марта 1944 г. составлял 5—6 миллиардов имперских марок.

5. За это время центральная организация вместе с ее подразделениями учла:

«Злаковые	9 200 000 тонн
мясо и мясопродукты	622 000 "
масличные культуры	950 000 "
масло	208 000 "
сахар	400 000 "
объемный фураж	2 500 000 "
картофель	3 200 000 "
семена	141 000 "
прочие сельскохозяйственные продукты	1 200 000 "
яйца	1 075 миллионов штук».

Для транспортировки понадобилось 1418 тысяч железнодорожных

вагонов, и общий тоннаж использованных судов составляет 472 тысячи тонн.

6. Из захваченных товаров центральное общество Восток отправило обратно в общей сложности 32 900 вагонов, в том числе:

зерно, масличные культуры, прочие продукты 22 400
сельскохозяйственные машины, прочие машины 9 000
товары снабжения
и предметы первой необходимости 1 500

В то время как вывезенные сельскохозяйственные продукты, несмотря на все трудности, были большей частью использованы путем передачи имперским учреждениям, реализация остальных захваченных товаров (машины, предметы оборудования, товары снабжения и т. д.), которая проводится при участии уполномоченного имперского министерства экономики и имперского министра вооружения и боеприпасов д-ра Кемпа, не могла быть осуществлена в то же самое время и так же гладко, тем более, что эти товары, представляющие собой тысячи различных видов, частично должны быть сперва переоборудованы и отремонтированы.

Личный состав центральной организации и ее параллельных обществ уже уменьшен с 7 тысяч до 681 человека, не считая 50 работников, еще занятых в Остланде.

Нюрнбергский процесс (в 7-ми т.), т. 3, с. 506—509.

Документ СССР-295

ПОКАЗАНИЯ БЫВШЕГО ГУБЕРНАТОРА «ТРАНСНИСТРИИ» АЛЕКСИАНУ ОТ 10 ЯНВАРЯ 1946 Г.

19 августа 1941 г., после того как Румыния совместно с Германией совершила нападение на Советский Союз и оккупировала советскую территорию, лежащую между реками Буг и Днестр, маршал Антонеску вызвал меня в свою ставку, находившуюся тогда в городе Бендеры, и назначил меня губернатором этих оккупированных областей Советского Союза, которые были названы «Транснистрией».

При назначении меня на этот пост маршал Антонеску в беседе со мной сообщил, что германская армия при помощи румынских войск успешно продвигается в глубь советской территории, оккупируя с каждым днем все новые и новые советские районы. Немецкие войска, говорил он, уже заняли город Николаев и сейчас ведут бои далеко за Полтавой.

Таким образом, заключил Антонеску, Советский Союз лишился ряда промышленных и сельскохозяйственных районов, которые теперь мы должны использовать в интересах Румынии и Германии.

Далее Антонеску сказал, что румынские войска тоже показали себя достойными своего великого союзника. Они оккупировали всю советскую территорию, лежащую между Днестром и Бугом, вышли к городу Одессе и окружили его.

Это обстоятельство, говорил Антонеску, дает румынам полную возможность в самое ближайшее время оккупировать Одессу и, таким образом, оправдать оказанное нам немцами доверие.

В дальнейшей беседе Антонеску рассказал, что в связи с успешным продвижением германских войск Гитлер обратился к нему с личным письмом, в котором предложил присоединить к Румынии занятые немцами советские территории, простирающиеся от Днестра до Днепра, и создать там свои оккупационные власти. Не имея возможности обеспечить управление всей этой территории войсками и аппаратом чиновников, маршал Антонеску, по договоренности с Гитлером, присоединил к Румы-

нии советскую Бессарабию и Буковину, а также территорию СССР, лежащую между реками Буг и Днестр, назвав ее «Транснистрией».

Исходя из этого, Антонеску объявил мне, что принял решение назначить меня губернатором «Транснистрии» и поручил мне осуществление всех мероприятий по освоению и использованию этой советской территории.

Антонеску также указал мне, что до оккупации Одессы я должен буду организовать свою резиденцию в городе Тирасполе и по прибытии на место в первую очередь приняться за создание органов гражданской администрации, используя для этого румынских чиновников, выделенных мне из каждого министерства Румынии.

Прибыв в город Тирасполь, я сразу же приступил к выполнению полученных мною указаний маршала Антонеску.

Летом 1942 года я был приглашен на заседание совета министров Румынии, на котором присутствовали маршал Антонеску, заместитель премьер-министра Михай Антонеску, заместитель военного министра корпусной генерал Пантази, министр национальной экономики Маринеску, министр вооружения генерал Добре, губернатор Бессарабии генерал Вайкулеску, губернатор Буковины генерал Калатеску и другие.

Маршал Антонеску, рассказывая об успехах германских и румынских войск на Восточном фронте, заявил: «Теперь всем видно, как разумно я поступил, когда еще в ноябре 1940 года договорился с Гитлером о совместном нападении на Советский Союз».

В сентябре 1942 года, когда германские и румынские войска захватили город Севастополь и воевали на подступах к Сталинграду, маршал Антонеску в частной беседе сообщил мне, что он еще при первой встрече с Гитлером, в ноябре 1940 года, договорился с ним относительно территориальных приобретений, и поэтому, как заявил Антонеску, он начал вести войну с СССР.

Касаясь вопроса о том, как Румынское правительство управляло оккупированной территорией Советского Союза, могу рассказать следующее:

В конце августа 1941 года по приезде в Тирасполь я вместе с группой находившихся со мной чиновников сразу же разделил всю территорию «Транснистрии» на уезды и районы, назначил туда ответственных чиновников для создания уездной и районной администрации и приступил к проведению учета всех сельскохозяйственных машин, скота, сельскохозяйственных продуктов, а также промышленных предприятий и их оборудования.

Необходимо указать, что в октябре 1942 года, еще не успев полностью провести этот учет, я получил письменное распоряжение от заместителя премьер-министра Румынии Михая Антонеску о немедленной отправке в Румынию 1500 тракторов со всеми необходимыми к ним принадлежностями и прицепными машинами. Выполняя это распоряжение, я отправил в Румынию 500 тракторов.

Позже мною было вывезено в Румынию и другое советское имущество, причем следует заявить, что вывозом оборудования советских предприятий, культурных и исторических ценностей, помимо меня, занимались также генерал Мосиу, генерал Василиу и генерал Потопяну, приезжавшие в Транснистрию в качестве специальных уполномоченных Румынского правительства.

За период моего пребывания в дожности губернатора Транснистрии, то есть с августа 1941 года по февраль 1944 года, мною было реквизировано у местного населения и отправлено в Румынию свыше 75 тысяч голов крупного рогатого скота, 12 тысяч лошадей, 100 тысяч овец, 25—30 тысяч свиней, свыше 300 тысяч штук домашней птицы, из которых около 150 тысяч я направил в Германию.

Наряду с этим с санкции маршала Антонеску мною было вывезено в Румынию 19 машинно-тракторных станций со всем оборудованием, 4 машинно-тракторные мастерские, 26 мастерских по ремонту сельскохозяйственных машин и весь сельскохозяйственный инвентарь колхозов.

В ноябре 1941 года решением совета министров Румынии все обору-

дование советских фабрик и заводов, культурные и исторические ценности, а также оборудование учебных заведений были причислены к военным трофеям.

На основании этого решения мною было вывезено в Румынию оборудование Одесской фабрики по изготовлению запасных частей для сельскохозяйственных машин, фабрика по производству киноаппаратуры, судоремонтный завод, оборудование ЭПРОНа, джутового завода, трех мебельных фабрик, десяти типографий, завода по изготовлению медицинских приборов и инструментов, а также оборудование и ценности других предприятий.

Не ограничиваясь этим, Румынское правительство все время требовало увеличения вывоза советского имущества, и так как я со своим аппаратом уже не справлялся с поставленной задачей, то маршал Антонеску в 1942 году прислал в Одессу генерала Потопяну, который, возглавив одну из так называемых «трофейных комиссий», руководил вывозом советского имущества в Румынию.

В 1943 году маршал Антонеску прислал ко мне в качестве уполномоченного по вывозу советского имущества и ценностей генерала Мосиу, а также создал еще одну «трофейную комиссию», возглавлявшуюся тогда генералом Василиу, бывшим начальником инженерного управления военного министерства Румынии.

Мосиу и Василиу при помощи находившихся с ними чиновников не только занимались отправкой в Румынию оборудования фабрик и заводов, но и вывозили также исторические и культурные ценности и оборудование учебных и детских учреждений. Какое количество советского имущества было вывезено ими, я сказать затрудняюсь, но могу заявить, что после января 1944 года, когда Красная Армия начала наступление, генералом Потопяну из Одессы было отправлено в Румынию все, что представляло какую-либо ценность.

В 1941 году, после того как румынские войска оккупировали советскую территорию между Бугом и Днестром, маршал Антонеску отдал приказ о создании на этой территории системы концентрационных лагерей.

На основании этого распоряжения такие лагеря были созданы в населенных пунктах Березовка, Вапнярка, Грослово, Слободка близ Одессы и других местах.

В эти лагеря на протяжении всего периода оккупации румынские карательные органы заключали советских граждан, недоброжелательно относившихся к румынским оккупационным властям, а также подозревавшихся в нелегальной антирумынской деятельности.

Должен признать, что румынские карательные органы заключали в лагеря всех тех, кто по каким-либо причинам был неугоден румынским оккупационным властям.

Режим, созданный в этих лагерях, был очень тяжелым. По данным, которые имелись у меня, в концентрационных лагерях на территории Транснистрии содержались около 1600 тысяч мирных советских граждан.

Среди заключенных из-за недостатка пищи и эпидемических заболеваний была большая смертность.

В конце октября 1941 года в помещении штаба румынской военной комендатуры в Одессе по неизвестным причинам произошел взрыв, в результате которого погибли несколько военнослужащих румынской армии.

Командир 10-й румынской дивизии генерал Трестиоряну по указанию маршала Антонеску для устрашения местного населения расстрелял свыше 20 тысяч советских граждан.

Показания написаны мною собственноручно.

Алексиану

Нюрнбергский процесс (в 7-ми т.), т. 3, с. 510—513.

Разрушение и разграбление культурных ценностей

Выступление помощника Главного обвинителя от СССР М. Ю. РАГИНСКОГО[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 21 февраля 1946 г.

Господа судьи!

Среди многочисленных и тягчайших военных преступлений, совершенных гитлеровскими заговорщиками, преступлений, подробно перечисленных в третьем разделе обвинительного акта, особое место занимают преступления против культуры. В этих преступлениях сказались вся мерзость и вандализм германского фашизма.

Имея в виду единственную свою цель — подготовку, развязывание и ведение агрессивных войн, гитлеровские заговорщики и науку приспособили к своим преступным целям.

Культуру разума и человечности гитлеровские заговорщики рассматривали как препятствие к выполнению своих чудовищных замыслов против человечества. И они устраняли это препятствие со свойственной им жестокостью.

Разрабатывая свои безумные планы мирового господства, гитлеровские заговорщики наряду с развязыванием и осуществлением грабительских войн готовили поход против мировой культуры. Они мечтали вернуть Европу ко временам господства гуннов и тевтонов. Они пытались повернуть человечество вспять.

Нет надобности приводить многочисленные по этому поводу высказывания фашистских главарей. Я позволю себе лишь сослаться на одно высказывание Гитлера, приведенное на странице 80 книги Раушнинга, которую советское обвинение уже представило Трибуналу.

«Мы, — говорил Гитлер, — варвары, и мы хотим быть варварами. Это почетное звание».

От имени советского обвинения я представлю Суду доказательства того, как подсудимые претворяли в жизнь эти указания Гитлера, конкретно выразившиеся в разгроме культурных учреждений, разграблении и уничтожении культурных ценностей, удушении национальной культурной жизни народов оккупированных немецко-фашистскими захватчиками территории СССР, Польши, Чехословакии и Югославии.

Я представлю Суду доказательства, как гитлеровцами заранее подготавливалось и планировалось разграбление культурных ценностей, как задолго до вероломного нападения на СССР готовился к грабежу так называемый «Эйнзатцштаб Розенберга», как грабительская деятельность подсудимого Розенберга координировалась с Герингом,

[1] ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 1, ед. хран. 27.

Гейдрихом и верховным военным командованием и как маскировался этот грабеж.

Теперь уже стало общеизвестным, к какой чудовищной лжи и провокации прибегали гитлеровцы, чтобы замаскировать свои преступления.

Уничтожая миллионы людей в созданных ими лагерях истребления, они в своих приказах говорили о «фильтрации» и «чистке».

Уничтожая и расхищая культурные ценности, фашистские вандалы прикрывались «сбором материалов» и «изучением проблем», бесстыдно называли себя «носителями культуры».

Гитлеровские заговорщики пытались превратить в бесправных рабов народы захваченных ими территорий и с этой целью уничтожали национальную культуру этих народов.

Уничтожение национальных культур славянских народов, в особенности русской, украинской и белорусской, уничтожение национальных памятников, школ, литературы и принудительное онемечивание населения повсеместно следовали за немецкой оккупацией с той же преступной закономерностью, как и грабежи, насилия, поджоги и массовые убийства.

Господа судьи! Прежде чем перейти к изложению доказательств, я позволю себе дать краткую характеристику документов, которые мы предъявляем по настоящему разделу. Они состоят в основном из четырех групп:

а) Сообщение и Акты Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, которая была учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г.

Указ представлен Суду под номером СССР-34.

В дальнейшем изложении названная выше Комиссия будет сокращенно именоваться «Чрезвычайная Государственная Комиссия».

б) Опубликованные ноты Народного комиссара иностранных дел СССР.

в) Официальные доклады и сообщения правительств Польши, Чехословакии и Югославии.

г) Небольшое количество немецких документов (приказы, инструкции, распоряжения, служебная переписка), обнаруженных частями Красной Армии и армиями наших союзников при освобождении оккупированных территорий.

Документы, перечисленные в пп. «а», «б», «в», полностью отвечают требованиям статьи 21 Устава Международного военного трибунала и поэтому должны быть приняты без доказательств. Документы эти будут мною цитироваться не полностью, а только в соответствующих частях.

Что касается последней группы документов, то некоторые из них уже представлены суду моими американскими коллегами, но я должен просить Трибунал разрешить мне-

по мере необходимости приводить отдельные небольшие выдержки из этих документов. Само собой разумеется, что я буду прибегать к этому в исключительных случаях.

Как мною уже указывалось, уничтожение национальной культуры народов оккупированных территорий являлось органической частью общего плана гитлеровских заговорщиков по установлению мирового господства.

Трудно определить, что превалировало в этих планах — разрушение или разграбление. Но бесспорным является тот факт, что и разграбление и разрушение преследовали одну цель — уничтожение, и это уничтожение проводилось повсеместно на всех оккупированных немцами территориях и в огромных масштабах.

Статья 56 Гаагской Конвенции 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны установила:

«Собственность общин, учреждений церковных, благотворительных и образовательных, художественных и научных, хотя бы принадлежащих государству, приравнивается к частной собственности. Всякий преднамеренный захват, истребление или повреждение подобных учреждений, исторических памятников, произведений художественных и научных воспрещаются и должны подлежать преследованию».

Гитлеровцы систематически и сознательно глумились над принципами и требованиями, изложенными в статье 56.

В этом повинны все заговорщики и, в первую очередь, подсудимый Розенберг.

Розенберг имел широко разветвленный аппарат по разграблению культурных ценностей, многочисленные штабы и уполномоченных.

Эйнзатцштаб Розенберга и начальник штаба Розенберга Утикаль были центром, куда стекались все нити, центром, который координировал преступную деятельность многих грабительских организаций, вдохновляемых и направляемых гитлеровским правительством и германским верховным военным командованием.

Формально Розенберг был назначен главным руководителем по разграблению культурных ценностей на оккупированных территориях указом Гитлера от 1 марта 1942 г.

Я имею в виду документ ПС-149, представленный Суду 8 декабря 1945 г. американской делегацией и принятый за номером США- 369. С Вашего разрешения, господин председатель, я приведу из этого документа лишь два абзаца. Цитирую:

«Его[1] эйнзатцштаб по оккупированным областям имеет право проверять библиотеки, архивы и иные культурные организации всех видов и конфисковать их для выполнения заданий национал-социалистской партии...

Положение о проведении совместной работы с вооруженными силами издает начальник верховного командова-

[1] Т.е. Розенберга.

ния вооруженными силами по договоренности с рейхслейтером Розенбергом. Необходимые меры в пределах восточных областей, управляемых Германией, принимает рейхслейтер Розенберг в качестве рейхсминистра по делам оккупированных восточных областей».

Этот указ Гитлера, как явствует из приведенного документа, был разослан всем учреждениям вооруженных сил, партии и государства.

Однако не 1 марта 1942 г. следует считать началом грабительской деятельности Розенберга.

В подтверждение этого я приведу несколько выдержек из письма Розенберга на имя рейхслейтера Бормана от 23 апреля 1941 г. за номером 4609 (Р)ма. Это письмо было представлено 18 декабря 1945 г. американской делегацией и принято Судом за номером США-37. Этот документ интересен и тем, что грабеж, именуемый в письме «конфискацией», проводился подсудимым Розенбергом в тесном сотрудничестве и контакте с СД на основе письменного соглашения ведомства Розенберга с ведомством Гиммлера.

Цитирую выдержки из страницы 1 русского перевода этого письма:

«Я, — писал Розенберг, — передал вам фотокопию моего соглашения с СД, которое было заключено с согласия группенфюрера Гейдриха».

И далее: «...Речь о произведениях искусства шла во вторую очередь. В первую же очередь речь шла о распоряжении фюрера, о дважды издававшемся начальником верховного командования вооруженными силами приказе для оккупированных областей запада, чтобы все научное и архивное имущество идеологических противников предоставлялось в мое распоряжение. Это также проводилось в широком объеме и в тесной совместной работе с СД и военными начальниками».

О том значении, которое гитлеровские заговорщики придавали грабительским штабам Розенберга, свидетельствует специальный циркуляр Геринга от 1 мая 1941 г. всем партийным, государственным и военным учреждениям, которым предписывалось оказывать содействие эйнзатцштабам Розенберга.

Этот документ, имеющий номер ПС-44, представлен обвинением 18 декабря прошлого года и принят Судом под номером США-384.

Масштабы грабежа уже в этот период были громадны. Как указывает в своем письме от 23 апреля 1941 г. Розенберг (документ США-27), к тому времени, то есть к апрелю 1941 года, в Германию уже было послано 7 тысяч ящиков с награбленными произведениями искусства.

Чтобы закончить с этим документом, я, с Вашего разрешения, оглашу еще один абзац. Это место Вы найдете на странице 6 тома документов:

«Итак, — писал Розенберг, — дела разрешались практически сами собой, и работа пошла своим чередом. О чем я просил бы: чтобы было подтверждение, что эти уже приня-

тые для Запада решения при данных обстоятельствах имеют значение также и для других оккупированных областей».

Этот документ, в котором грабеж называется «работой», бесспорно устанавливает, что преступная деятельность Розенберга проводилась в тесном контакте с СД и верховным командованием вооруженными силами, наконец, что уже в апреле 1941 года разрабатывались планы разграбления вновь оккупируемых областей.

После выступления Главного обвинителя от СССР генерала Руденко, после выступления представителя обвинения от Соединенных Штатов Америки господина Олдермана известно, о каких «вновь оккупируемых областях» шла речь в тот период в письме Розенберга. Это был период практической реализации злодейских замыслов гитлеровцев, запланированных в так называемом «варианте Барбаросса», это был период переброски немецко-фашистских орд к границам Советского Союза, это был период нападения на СССР.

Необходимо, наконец, отметить, что в апреле 1941 года подсудимый Розенберг поставил Утикаля во главе всех оперативных штабов, «создание которых может стать необходимым в ходе этой войны». При этом Розенберг сослался на «успешную работу» своего оперативного штаба в оккупированных западных областях и Нидерландах и на «накопленный там опыт».

Это обстоятельство подтверждается удостоверением от 1 апреля 1941 г. на имя Утикаля, подписанным Розенбергом.

Подлинность этого документа, имеющего номер ПС-143, подтверждена Розенбергом при допросе его на следствии 26 сентября 1945 г. Я представляю этот документ Трибуналу под номером СССР-371.

Касаясь организации разграбления и уничтожения культурных ценностей, необходимо остановиться еще на одном ведомстве, которое совмещало дипломатию с грабежом.

Я имею в виду германское министерство иностранных дел.

Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко в своей вступительной речи указал, что повсеместными грабежами в оккупированных районах СССР, производившимися по прямому приказу германского правительства, руководили не только подсудимые Геринг, Розенберг и бывшие в их подчинении различные «штабы» и «команды». Этим же занималось и министерство иностранных дел, возглавлявшееся подсудимым Риббентропом, через «специальное формирование».

О создании такого формирования, так называемого «батальона Риббентропа», и его практической деятельности по разграблению культурных ценностей на территории СССР свидетельствует в своем письменном заявлении от 10 ноября 1942 г. оберштурмфюрер СС доктор Фэрстер, взятый в плен частями Красной Армии в районе Моздока.

В этом заявлении Фэрстер указывает также и на задачи

штаба Розенберга по разграблению или, как он выразился, по изъятию музейных и антикварных ценностей.

Заверенный фотостат этого заявления я представляю Трибуналу как документ СССР-157.

В заявлении Фэрстера указано. Читаю:

«...В августе 1941 года, будучи в Берлине, я с помощью моего старого знакомого по Берлинскому университету доктора Фокке, работавшего в отделе печати министерства иностранных дел, был откомандирован из 87-го противотанкового дивизиона в батальон особого назначения при министерстве иностранных дел. Этот батальон был создан по инициативе министра иностранных дел Риббентропа и действовал под его руководством.

Командиром батальона является майор эсэсовских войск фон Кюнсберг. Задача батальона особого назначения состоит в том, чтобы немедленно после падения крупных городов захватывать культурные и исторические ценности, библиотеки научных учреждений, отбирать ценные издания книг, фильмы, а затем отправлять все это в Германию.

Батальон особого назначения состоит из четырех рот: 1-я рота придана германскому экспедиционному корпусу в Африке, 2-я — группе армий «Север», 3-я — группе армий «Центр» и 4-я — группе армий « Юг». Первая рота находится в настоящее время в Италии, в Неаполе, где она ожидает возможности переброски в Африку.

Штаб батальона находится в Берлине, улица Германа Геринга, дом 6. Конфискованный материал помещается в залах магазина фирмы Адлер на Гарденбергштрассе.

Перед отъездом в Россию майор фон Кюнсберг передал нам приказ Риббентропа — основательно «прочесывать» все научные учреждения, институты, библиотеки, дворцы, перетрясти архивы и накладывать свою руку на все, что имеет определенную ценность.

Из рассказов моих товарищей мне известно, что вторая рота нашего батальона изъяла ценности из дворцов в пригородах Ленинграда. Я лично не присутствовал при этом. В Царском Селе рота захватила и вывезла имущество Большого дворца-музея императрицы Екатерины. Со стен были сняты китайские шелковые обои и золоченые резные украшения. Наборный пол сложного рисунка увезли в разобранном виде. Из дворца императора Александра вывезена старинная мебель и богатая библиотека в 6—7 тысяч книг на французском языке и свыше 5 тысяч книг и рукописей на русском языке...

Четвертая рота, в которой я находился, захватила в Киеве лабораторию медицинского научно-исследовательского института. Все оборудование, а также научные материалы, документация и книги вывезены в Германию.

Богатые трофеи нам достались в библиотеке Украинской Академии наук, где хранились редчайшие рукописи персидской, абиссинской, китайской письменности, русские и украинские летописи, первые экземпляры книг, напечатанных русским первопечатником Иваном Федоровым, и

редкие издания произведений Шевченко, Мицкевича, Ивана Франко.

Из киевских музеев украинского искусства, русского искусства, западного и восточного искусства, центрального музея Шевченко отправлены в Берлин многие оставшиеся там экспонаты. Среди них были картины, этюды и портреты, написанные Репиным, полотна Верещагина, Федотова, Ге, скульптора Антокольского и другие произведения русских и украинских художников и скульпторов.

В Харькове, в библиотеке имени Короленко, отобрано и отправлено в Берлин несколько тысяч ценных книг в роскошных изданиях. Остальные книги уничтожены. Из Харьковской картинной галереи вывезено несколько сот картин, в том числе 14 картин Айвазовского, произведения Репина, многие работы Поленова, Шишкина и других. Вывезены также все скульптуры и весь научный архив музея. Вышивками, коврами, гобеленами и другими экспонатами воспользовались немецкие солдаты.

Мне также известно, что при штабе Альфреда Розенберга существуют специальные команды по изъятию музейных и антикварных ценностей в оккупированных странах Европы и восточных областях. Во главе этих команд стоят штатские компетентные лица.

Как только войска занимают какой-нибудь крупный город, немедленно туда приезжают начальники этих команд со специалистами разного рода. Они осматривают музеи, картинные галереи, выставки, культурные и художественные учреждения, устанавливают, в каком они находятся состоянии, и конфискуют все, что представляет ценность».

Я опускаю последний абзац этого заявления.

С Вашего разрешения, господа судьи, я оглашу еще две выдержки из письма «имперского министра по делам оккупированных областей» от 7 апреля 1942 г., подписанного по поручению министра Лейбрантом, ближайшим помощником подсудимого Розенберга.

Это письмо находится в томе документов номер 6 на страницах 12—13.

Документ этот очень показателен с точки зрения масштаба запланированного грабежа и с точки зрения маскировки этого грабежа, который в документе бесстыдно именуется «сохранением предметов культуры, исследовательских материалов и научных учреждений в оккупированных восточных областях».

Этот документ характерен и тем, что Розенберг, боясь упустить добычу, устанавливает свое монопольное право на грабеж и делает уступки только генерал-квартирмейстеру сухопутных сил, с которым, как указано в письме, оперативный штаб Розенберга совместно проводит «работу».

Я оглашаю первую выдержку этого письма. Цитирую:

«...Учет и детальную обработку культурных ценностей, исследовательских материалов и научных произведений из библиотек, архивов, научно-исследовательских институтов, музеев и т. д., найденных в общественных, церковных или частных помещениях, я поручил оперативному штабу...

Оперативный штаб, как вновь указывается в указе фюрера от 1 марта 1942 г., начинает свою работу совместно с господином генерал-квартирмейстером сухопутных сил непосредственно после занятия области действующими войсками и проводит ее после организации гражданского управления совместно с соответствующим рейхскомиссаром до ее окончания. Все инстанции моего ведомства прошу широко поддерживать уполномоченных оперативного штаба при проведении всех мероприятий и представить им все необходимые сведения, в частности, о том, в какой степени учтены предметы из оккупированных областей, увезены ли они с места их нахождения и где они находятся в данное время».

Как видите, господа судьи, планировалось разграбление библиотек, архивов, научно-исследовательских институтов, музеев, как частных, так и общественных, и даже церковных ценностей.

О том, что речь идет не о «сохранении культурных ценностей», а о разграблении, видно из следующей выдержки из указанного письма. Эта выдержка имеется на странице 12 Вашего тома документов.

«...Если в нарушение этого постановления уже произведена конфискация и увоз, то об этом следует немедленно сообщить в оперативный штаб рейхслейтера Розенберга, Берлин, Шарлоттенбург, 2, ул. Бисмарка, 1...»

Я не буду утруждать Ваше внимание перечислением многочисленных адресатов, которым это письмо было разослано. Назову лишь некоторые из них: ОКХ, министр хозяйства, уполномоченный по четырехлетнему плану, рейхскомиссары Прибалтики и Украины.

Таким образом, этот документ еще раз подтверждает, что в грабеже принимали деятельное участие также и Геринг, и Функ, и представители верховного военного командования.

Награбленные в оккупированных странах ценнейшие произведения искусства свозились в Германию, превращенную гитлеровцами в разбойничий притон.

Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что в январе 1943 года командующий 1-й танковой армией генерал кавалерии Макензен в присутствии начальника отдела пропаганды 1-й танковой армии Миллера взял из Ростовского музея изобразительных искусств, эвакуированного в город Пятигорск и находившегося в помещении Лермонтовского музея, наиболее ценные полотна: Рибейра, Рубенса, Мурильо, Иорданса, Верещагина, Коровина, Крамского, Поленова, Репина, Лагорио, Айвазовского, Шишкина; скульптуры Донателло и другие экспонаты.

Эти материалы, господа судьи, уже представлены Трибуналу как доказательство за номером СССР-37. Я с Вашего разрешения хочу зачитать только один абзац на странице 5. Цитируемое место находится на странице 18 тома документов. Цитирую:

«Ростовский музей изобразительных искусств ограблен и вывезен в Германию командующим 1-й танковой армией

генералом от кавалерии Макензеном и начальником отдела пропаганды 1-й танковой армии Миллером».

Из удостоверения уполномоченного Польского правительства господина Стефана Куровского устанавливается, что подсудимый Франк, расхищая культурные ценности Польского государства, преследовал также и цели личной наживы.

Картины, фарфор и другие произведения искусства из разграбленных музеев Варшавы и Кракова, в частности из Вавельского замка, были привезены в имение подсудимого Франка.

Удостоверение, которое я упомянул, является приложением к докладу Польского правительства и представляется Трибуналу как доказательство СССР-302 (оно имеется в томе документов номер 6, страницы 19—20).

В документе ПС-055, представляющем письмо «начальника 4-й политической руководящей группы имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий» от 14 сентября 1944 г., имеются указания, куда увозились и где размещались награбленные ценности.

Это письмо, адресованное «господину имперскому министру, в копии начальнику штаба политического руководства», озаглавлено: «О вывезенных с Украины произведениях искусства» (оно имеется в томе документов № 6, страница 21).

Я представляю это письмо как документальное доказательство СССР-372 и оглашаю текст:

1) в родовом имении Рихау около Белау,

2) в усадьбе Вильденгоф (владелец граф Шверин).

Речь идет о 65 ящиках, точная опись содержимого которых прилагается. Что касается следующих 20 ящиков, 57 папок и одного ролика гравюр, то инвентаризация их до сих пор еще не произведена. Среди картин имеется большое количество старинных икон, произведений знаменитых мастеров немецкой, голландской и итальянской школ XVI, XVII и XVIII веков и работы лучших русских художников XVIII и XIX веков. В общем, все это имущество состоит из ценнейших произведений искусства, вывезенных из общественных украинских хранилищ, которые даже при поверхностной оценке составляют ценность в несколько миллионов. Кроме того, это является единственной коллекцией такого рода международного значения на немецкой территории...»

Я опускаю последний абзац этого письма, как не имеющий существенного значения, и дальше по этому вопросу привожу уже выдержку со страницы 2 письма Розенберга на имя Бормана. Это место, господа судьи, Вы найдете на странице 5 тома документов.

Розенберг писал:

«В процессе этих конфискаций мы, конечно, также нашли другие произведения искусств. Среди них есть ценные произведения, и чтобы их не разбить, начальник верховного командования вооруженными силами по моей просьбе и согласно приказу фюрера распорядился, чтобы на эти про-

изведения искусства был мною составлен каталог и чтобы они были сохранены для фюрера».

Вы слышали, господа судьи, об отношении к чужой собственности, к произведениям искусства захваченных немцами стран со стороны Гитлера. Этот эпизод имеется в докладе Чехословацкого правительства, представленном Трибуналу под номером СССР-60, и выдержка из этого доклада вчера оглашалась. Поэтому полагаю, что нет надобности еще раз оглашать этот документ.

Необходимо отметить, что не только Гитлер, но и Геринг был ярым сторонником таких «приобретений».

Вы слышали вчера, господа судьи, как Геринг приобретал ценные гобелены во Франции, но Геринг «приобретал» не только гобелены. Как он описал в одном из своих писем Розенбергу, — я имею в виду документ ПС-1985, который представляю Трибуналу под номером СССР-373 (этот документ имеется в Вашем томе документов на страницах 156—158), — он, Геринг, владеет «в результате покупки, подарков, завещаний и обмена крупнейшей коллекцией если не в Европе, то, по крайней мере, в Германии».

Документ ПС-1985 является копией письма, напечатанного на машинке, и имеет ряд поправок и пометок, сделанных чернилами, очевидно, рукой Геринга. Эта копия, в числе другой переписки Геринга, была захвачена частями американской армии, о чем в свое время американское обвинение представило Трибуналу соответствующее подтверждение.

Этот документ, господа судьи, в значительной мере раскрывает природу «приобретений», произведенных Герингом, а также подтверждает причастность Риббентропа к «сохранению» культурных ценностей в оккупированных областях.

Поэтому с Вашего разрешения я оглашу несколько выдержек из этого документа. Читаю:

«...После долгих поисков, — писал Геринг Розенбергу, — я особенно приветствовал, когда, наконец, было избрано место для коллекции, хотя я должен указать, что также и другие инстанции ссылаются на полномочия фюрера. Так, в первую очередь, это относится к имперскому министру иностранных дел, направившему уже несколько месяцев тому назад циркуляр во все инстанции, в котором он, между прочим, говорит, что ему переданы полномочия на сохранение культурных ценностей в оккупированных областях».

И далее:

...Для того чтобы не создавалось ложное представление о вещах, на которые я хотел претендовать и которые я частично купил, а частично желал бы приобрести, я хочу сообщить следующее:

1. Я владею уже теперь в результате покупки, подарков, завещаний и обмена крупнейшей коллекцией если не в Европе, то, по крайней мере, в Германии...

Я опускаю один абзац и цитирую пункты 2 и 3 письма. В

пункте 2 перечисляется то, что Геринг желал бы приобрести. Речь идет об «обширной и ценной коллекции голландцев XVII столетия» и о «сравнительно небольшой, но очень хорошей коллекции французов XVIII столетия и, наконец, о коллекции итальянских мастеров».

Вы слышали, господа судьи, в чем практически выражалась «личная материальная заинтересованность солдат в войне». Все это с непреложностью устанавливает, что гитлеровцы занимались грабежом и разбоем, грабили все, начиная от рядового солдата и кончая преступными руководителями гитлеровской Германии.

То же самое нужно сказать и в отношении разрушения культурных ценностей.

Указания и директивы о разрушении культурных ценностей исходили от руководителей гитлеровской Германии, от высших чинов военного командования.

Я сошлюсь в доказательство на одобренный Гитлером приказ командующего 6-й германской армией за подписью генерал-фельдмаршала фон Рейхенау, озаглавленный «О поведении войск на Востоке».

Этот приказ представлен Трибуналу как доказательство СССР-12. Он содержит прямые и ничем не замаскированные, как это обычно принято у гитлеровцев, указания об истреблении и уничтожении культуры на оккупированных территориях.

С Вашего разрешения я процитирую всего лишь один абзац этого приказа. Это место имеется на странице 16 тома документов. Цитирую:

«Войска заинтересованы в ликвидации пожаров только тех зданий, которые должны быть использованы для стоянок воинских частей. Все остальное... должно быть уничтожено. Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения».

Приведу еще один документ, с бесспорностью устанавливающий, что разрушения и разграбления культурных ценностей, повсеместно проводившиеся гитлеровцами на оккупированных ими территориях, вдохновлялись и руководились гитлеровским правительством.

Я имею в виду свидетельство подсудимого Франка, изложенное в его дневниках, выдержки из которых уже представлены Трибуналу под номером СССР-223.

В томе I дневника Франка на странице 38 (это соответствует странице 169 тома документов № 6) имеется запись, датированная 4 октября 1939 г., следующего содержания:

«Берлин. Совещание с фюрером. Фюрер обсуждал с господином генерал-губернатором общее положение, одобрил деятельность генерал-губернатора в Польше, особенно разрушение дворца в Варшаве и... вывоз художественных ценностей».

Я считаю, что документы, которые сейчас были представлены и оглашены, вполне достаточны для того, чтобы сделать следующие выводы:

а) разграбление и разрушение культурных ценностей народов оккупированных немцами территорий производи-

лось по заранее разработанному, тщательно подготовленному плану;

б) разграблением и разрушением культурных ценностей руководили фашистское правительство и германское верховное командование;

в) наиболее активную роль в организации ограбления и разрушения культурных ценностей играли участники заговора, подсудимые Розенберг, Риббентроп, Франк и Геринг.

Я доложил Трибуналу об общих планах гитлеровских заговорщиков по удушению национальной культурной жизни оккупированных ими стран.

Однородность преступлений, единство способов и методов их совершения еще и еще раз свидетельствуют о том, что эти преступления направлялись и совершались по указаниям одного центра. И этим центром было преступное гитлеровское правительство, представители которого занимают скамью подсудимых.

Сейчас я перехожу к изложению конкретного осуществления гитлеровскими заговорщиками своих преступных планов в Чехословакии, Польше и Югославии.

Я буду оперировать только бесспорными доказательствами, состоящими из официальных докладов правительств Чехословакии, Польши и Югославии, уже представленных Трибуналу советским обвинением.

Мною будут оглашаться некоторые части соответствующих разделов этих докладов, которые непосредственно относятся к излагаемой мною теме и которые не цитировались моими коллегами.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Приступаю к оглашению выдержек из доклада Чехословацкого правительства. Эти выдержки, господа судьи, находятся на страницах 81—88 тома документов. Цитирую:

«Разрушение чешской культурной жизни.

Искоренение чешской интеллигенции

Карл Герман Франк, назначенный Гитлером статс-секретарем при рейхспротекторе Нейрате в марте 1939 года и ставший в августе 1943 года государственным министром и главой немецкой исполнительной власти в протекторате, сказал: «Чехи способны только на то, чтобы быть использованными как рабочие или земледельцы».

Тот же Франк ответил чешской делегации, которая просила в 1942 году восстановить чешские университеты и другие высшие учебные заведения, следующее: «Если Англия выиграет войну, вы снова откроете ваши школы, если выиграет Германия, с вас будет достаточно элементарных школ с пятью классами».

Немцы захватили все институты и общежития. Во многих институтах они немедленно забрали всю ценную аппаратуру, инструменты и научное оборудование. Научные библиотеки портились систематически и методически. Научные книги и фильмы были разобраны и увезены, архивы академического сената (высшего университетского органа) были изорваны или сожжены, картотеки уничтожены и выброшены.

К. Г. Франк в ноябре 1939 года лично распорядился о закрытии всех чешских высших учебных заведений.

Тем студентам, которые были еще на свободе, было запрещено заниматься интеллектуальным трудом. Им было предложено найти себе заработок физическим трудом в течение 48 часов. В том случае, если бы они этого не сделали, они должны были быть посланы в рабочие лагеря в Германию.

Закрытие университетов дополнялось еще тем, что были закрыты большие научные библиотеки и все институты, которые давали материал для работ студентам, выгнанным из университетов. Университетская библиотека в Праге стала доступной только для немцев.

Закрытие чешских университетов и институтов было только первым шагом на пути к полному уничтожению всей чешской научной жизни.

Здания научных институтов были переданы либо немецким университетам и институтам, либо немецким военным и гражданским органам. Немцы увезли всю научную аппаратуру, книги и даже целые лаборатории в Германию, ссылаясь на то, что чехи в них более не нуждаются. Целый ряд произведений искусства, картин, статуй и редких рукописей был украден из Пражской университетской библиотеки и из частных собраний. Количество их невозможно учесть, так же как невозможно определить их стоимость. Научные коллекции, поскольку они не были раскрадены поодиночно, были отданы немецким школам.

Сотни чешских начальных и средних школ были закрыты в 1939 году, и систематическое закрытие школ в течение первого года войны было столь стремительно, что к концу 1940 года 6 тысяч из 20 тысяч чешских учителей оказались без работы.

К сентябрю 1942 года около 60 процентов чешских начальных школ было закрыто немцами.

Все чешские книги, изданные во время республиканского режима, были конфискованы, и прославление Германии и фюрера сделалось основой всего обучения в чешских начальных школах.

В 1939 году число учеников, которым было позволено вступить в чешские средние школы, уменьшилось на 50 процентов по сравнению с 1936 годом. Около 70 процентов чешских средних школ было закрыто к концу 1942 года. Девочкам было запрещено ходить в средние школы.

Детские сады для детей от 3 до 6 лет были полностью германизированы, и в них работали только немецкие педагоги.

Во многих городах «дома имени Массарика», которые в большинстве случаев имели библиотеки, залы для демонстрации общеобразовательных фильмов, для театральных представлений и концертов, были конфискованы и превращены в бараки или канцелярии гестапо. Статуи, находящиеся в них, в некоторых случаях имеющие большую художественную ценность, были попорчены и разбиты. Целый ряд памятников в Праге, среди них также «Моисей» —

скульптура Билека и «Памятник павшим легионерам» — скульптура Маржатка, были расплавлены.

Осенью 1942 года было отдано распоряжение о том, чтобы все университетские библиотеки передали немцам старинные чешские издания. Собрания Национального музея были разграблены. Галерея современного искусства, хранящая единственную в своем роде коллекцию чешского искусства XIX и XX столетий, вместе с ценными произведениями иностранного, преимущественно французского, искусства была закрыта.

Коронационные драгоценности древних чешских королей должны были быть переданы Гейдриху.

Переводы английских, французских и русских авторов, классических и современных, были изъяты из употребления. Произведения современных чешских авторов подверглись самой строгой цензуре. Немцы ликвидировали многие передовые издательства.

Вся политическая литература свободной республики, так же как и труды деятелей чешского возрождения XVIII и XIX столетий, были изъяты. Книги авторов еврейского происхождения и писателей, политически «неблагонадежных», были запрещены. Немцы изъяли произведения чешских классиков, труды Яна Гуса — реформатора XV столетия, Алоиса Ирасека — автора исторических романов, поэта Виктора Дика и других».

Так гитлеровцы разрушали национальную культуру народов Чехословакии, грабили и расхищали произведения искусства, литературы и науки.

ПОЛЬША

В Польше, как в Чехословакии и Югославии, немецко-фашистские захватчики проводили ликвидацию национальной культуры в широких масштабах и с исключительной жестокостью. Гитлеровские заговорщики уничтожали польскую интеллигенцию, закрывали учебные заведения, запрещали издание польских книг, расхищали произведения искусства, взрывали и сжигали национальные памятники.

Я оглашаю соответствующие выдержки из доклада Польского правительства, который был представлен Трибуналу под номером СССР-93. Эти выдержки господа судьи найдут в своем томе документов на страницах 197—200. Цитирую:

«Уничтожение польской интеллигенции

...В присоединенных областях у них были отняты все средства к жизни. Многие из них: профессора, учителя, адвокаты и судьи были заключены в концентрационные лагеря или убиты.

В генерал-губернаторстве около 80 процентов интеллигенции лишились всех средств к существованию. Журналисты и писатели не могли заработать на жизнь вследствие ликвидации прессы. Было запрещено издавать новые книги.

Четыре университета и 12 школ университетского типа прекратили существование. Их средняя посещаемость до сентября 1939 года достигала 45 тысяч слушателей.

На занятой немцами территории было около 550 средних учебных заведений. Было приказано закрыть их. На присоединенных территориях они были закрыты совершенно. В генерал-губернаторстве им было разрешено продолжать деятельность, но в ноябре 1939 года был издан приказ прекратить обучение. Единственными школами, которым было разрешено продолжать работу, были коммерческие и ремесленные училища. Образованные поляки не были нужны. Поляки должны были стать ремесленниками и рабочими — вот какова была официальная линия германской политики.

На присоединенных территориях польские школы были совершенно упразднены. Они были заменены немецкими школами. Польские дети воспитывались на немецком языке и в немецком духе.

Накануне возникновения войны в Польше было около 2 тысяч периодических изданий, в том числе 170 журналов. По немецкому приказу печать была совершенно уничтожена.

Издание, печатание и распространение польских книг было запрещено уже с октября 1939 года.

5 ноября 1940 г. немецкий «Феррорднунгсблатт» опубликовал следующий декрет:

«Запрещена, впредь до отмены, публикация всех без исключения книг, брошюр, периодических изданий, журналов, календарей и нот, за исключением тех, которые издаются властями генерал-губернаторства».

Основная линия немецкой политики в Польше была изложена в циркуляре особой секции народного воспитания и пропаганды в генерал-губернаторстве. В нем говорится:

«Само собой разумеется, что ни один немецкий чиновник не будет содействовать развитию польской культурной жизни каким бы то ни было образом.

Единственная цель, к которой следовало стремиться, — это удовлетворить примитивную потребность развлечения и увеселения, тем более, что это было вопросом отвлечения внимания интеллектуальных кругов по возможности дальше от политических дискуссий, которые способствовали развитию антинемецких чувств».

Я пропускаю последний абзац и перехожу к следующей странице доклада.

«Расхищение и уничтожение произведений искусства, библиотек и коллекций

3 декабря 1939 г. гаулейтер Вартеланд издал приказ о регистрации всех публичных и частных библиотек и коллекций на присоединенных территориях. Когда регистрация была закончена, библиотеки и коллекции книг были конфискованы и перевезены в «Бухзаммельштелле». Там особые «эксперты» производили отбор. Конечным предназначением был либо Берлин, либо вновь основанная «Штаатсбиблиотек» в Познани. Книги, признанные непод-

ходящими, продавались, уничтожались или выбрасывались в качестве макулатуры.

В генерал-губернаторстве лучшие и крупнейшие библиотеки страны стали жертвой организованного расхищения. В их числе были университетские библиотеки в Кракове и в Варшаве. Одной из лучших, хотя и не из крупнейших, была библиотека польского парламента. Она состояла из 38 тысяч томов и 3500 периодических изданий. 15 и 16 ноября 1939 г. главная часть этой библиотеки была вывезена в Берлин и Бреслау. Захвачены были также старинные документы, как, например, собрание пергаментов, принадлежавших центральным архивам.

Диоцезиальный архив в Пельплине с документами VII столетия был сожжен в печах сахарного завода.

Первым сокровищем искусства, которое было вывезено из Польши, был известный алтарь Вита Ствоша из Краковского собора. Он был увезен в Германию.

16 декабря 1939 г. обвиняемый Франк издал декрет о конфискации произведений искусства.

Три ценные картины были взяты из галереи Чарторыйских в Сеняве. Франк захватил их и продержал до 17 января 1945 г., а затем перевез их в Силезию, откуда, уже как личную собственность, — в Баварию.

В процессе уничтожения всего, что связано с польской историей и культурой, многие памятники, произведения искусства были разрушены и уничтожены: памятник почитаемому польскому королю Болеславу Храброму в Гнезно (сначала он был обмотан канатами и цепями с целью сбросить его с пьедестала. После безуспешной попытки был применен ацетилен: голова была отрезана, а пьедестал разбит на куски), монумент Священного Сердца в городе Познани, памятники Шопену, поэту Словацкому, композитору Монюшко, польскому национальному герою Костюшко, президенту Вильсону, величайшему польскому поэту Мицкевичу и другие».

К докладу Польского правительства приложены списки библиотек, музеев, книжных и иных коллекций, которые стали жертвой расхищения и разграбления.

Эти списки Вы, господа судьи, найдете в томе документов на страницах 254—255.

В первом списке поименованы 30 библиотек, а во втором — 21 музей и коллекции произведений искусств, которые были разграблены и уничтожены.

Я не буду оглашать полностью эти списки, а лишь назову некоторые музеи и коллекции, составлявшие национальную гордость и богатство Польского государства.

Жертвами фашистских вандалов стали: сокровищница Вавельского собора в Кракове, коллекции Потоцких в Яблонне, музей Чарторыйских в Кракове, национальный музей в Кракове, музей церковного искусства в Варшаве, коллекции Замойского в Варшаве, государственные нумизматические коллекции в Варшаве, дворец короля Станислава Августа в Лазенковском парке, дворец короля Яна

Собеского в Вилянуве, коллекции графа Тарновского в Сухой, религиозный музей в Познани и другие.

Гитлеровские захватчики грабили также монастыри, костелы, соборы.

На странице 43 доклада Польского правительства (русский перевод соответствует странице 223 Вашего тома документов) приводятся заключительные примечания польского примаса кардинала Глонда.

Речь идет о письменном сообщении кардинала Глонда папе Пию XII. Я оглашу только два абзаца этих заключительных примечаний:

«Монастыри методически закрываются, точно так же как и цветущие учреждения в области воспитания, печати, социальной опеки, благотворительности и ухода за больными. Их дома и учреждения захвачены армией гитлеровской партии.

Захватчики затем конфисковали или секвестровали имущество костела, признавая себя самих его владельцами. Соборы, дворцы епископов, семинарии, резиденции каноников, доходы и достояние епископов и капитул, фонды семинариев... — все было ограблено захватчиками»

ЮГОСЛАВИЯ

Уничтожение национальной культуры народов Югославии проводилось гитлеровцами различными способами и методами.

Я не буду, господа судьи, подробно их приводить и перечислять. Эти методы и способы известны.

В Югославии происходило то, что происходило в Польше и Чехословакии. Необходимо подчеркнуть, что в уничтожении культуры народов Югославии немецко-фашистские оккупанты проявляли большую изобретательность и использовали свой богатый опыт, приобретенный в других оккупированных ими странах.

Система уничтожения национальной культуры народов Югославии начинается с нападения и грабежей, а кончается массовыми убийствами, лагерями и печами крематориев.

В докладе Югославского правительства, представленном Трибуналу под номером СССР-36, приводится большое количество фактов и документов, с бесспорностью устанавливающих преступные деяния подсудимых.

Но и эти многочисленные факты, приводимые в докладе, далеко не исчерпывают, конечно, всех преступлений, совершенных гитлеровцами. В докладе Югославского правительства приводятся лишь типичные случаи в качестве примера.

Я приведу несколько выдержек из доклада Югославского правительства, эти выдержки Вы найдете, господа судьи, на странице 303 тома документов. Цитирую:

«Немедленно по вступлении в Югославию германских войск немцы приступили к осуществлению своего давно задуманного плана германизации «аннексированных» районов Словении».

И далее (страница 52 доклада — страница 307 тома документов):

«...Оккупанты закрыли все словенские школы, изгнали всех словенских учителей, уничтожили все словенские библиотеки и книги и запретили употребление словенского языка, которое рассматривалось как саботаж».

Немецкие варвары уничтожали и грабили не только библиотеки.

Они уничтожали университеты и радиостанции, дома культуры и санатории.

На странице 23 доклада (страница 278 тома документов) приводятся в качестве примера такие факты по Белграду.

Я цитирую:

«...Без всякой надобности для военных целей немцы преднамеренно разрушили и сожгли множество общественных зданий и культурных учреждений, например: новый университет, народный университет «Коларац», первую мужскую гимназию, вторую женскую гимназию, общественную биржу труда, студенческую столовую, старинный королевский дворец, здание министерства строительства, радиостанцию, русский дом культуры, санаторий доктора Живковича и т. д. В здании университета погибли ценнейшие и важнейшие коллекции научных трудов и материалов».

Как устанавливается из сообщения Югославской государственной комиссии, — этот документ я представляю под номером СССР-364 (он имеется в Вашем томе документов на странице 313а), — гитлеровцы до основания разрушили народную библиотеку в Белграде, сожгли сотни тысяч книг и рукописей — основной фонд сербской культуры; полностью уничтожили 71 и частично уничтожили 41 научный институт и лаборатории Белградского университета; до основания уничтожили Государственную академию художеств, сожгли и разграбили тысячи школ.

Гитлеровские разбойники грабили и церкви. В качестве примера приведу факт, описанный на странице 48 доклада (страница 303 тома документов).

«Немцы не щадили даже церкви. Так, германское соединение «Конрал-Айнхейт», оперировавшее в районе Шебеник, разграбило церковь святого Иоганна в Заблаце».

За четыре года хозяйничания гитлеровцев много страданий и горя испытали народы Югославии. Гитлеровцы экономически разграбили эту страну, причинив большой материальный ущерб.

Но ущерб, который они своими злодеяниями причинили культуре народов Югославии, еще значительнее.

Заканчивая этот раздел своего выступления, считаю необходимым, господа судьи, привести еще одну выдержку из дневника подсудимого Франка. Я имею в виду том дневника в коленкоровом переплете, под названием «Заседания руководителей отделов 1939/40 гг.», в котором имеется запись о заседании руководителей отделов от 19 января 1940 г. в Кракове.

Эту выдержку Вы найдете на обороте страницы 169 тома документов. Цитирую:

«5 сентября 1939 г. я получил задание принять на себя управление завоеванными восточными областями и чрезвычайный приказ беспощадно разорять эту область, как территорию войны и как трофейную страну, сделать ее грудой развалин с точки зрения ее экономической, социальной, культурной и политической структуры...»

К этому выступлению Франка следует только добавить: подсудимый Франк со всем рвением выполнил это задание по Польше, а другие рейхс, гау и прочие лейтеры действовали аналогично на оккупированных территориях СССР, Чехословакии и Югославии.

Я приступаю, господа судьи, к представлению доказательств, совершенных подсудимыми преступлений против культуры народов Советского Союза.

Мы слышали здесь, на Суде, с каким ожесточением и в каких масштабах производилось гитлеровцами разрушение и разграбление культурных ценностей народов Чехословакии, Польши и Югославии.

Злодеяния, которые гитлеровскими заговорщиками совершались на оккупированных территориях СССР, еще более значительны.

Преступное сообщество, именуемое гитлеровским правительством, стремилось не только ограбить народы Советского Союза, разрушить созданные ими города и села и искоренить культуру народов СССР, но и поработить советские народы, превратить нашу Родину в порабощенную фашистами колонию.

А. Разрушение памятников национальной культуры народов СССР

Мною уже приводились доказательства, как организовывалось и планировалось разрушение культурных ценностей народов СССР.

В опубликованной ноте Народного комиссара иностранных дел СССР от 27 апреля 1942 г., представленной Трибуналу под номером СССР-51/3, приводятся документы и факты, с бесспорностью устанавливающие, что осквернение и уничтожение исторических и культурных памятников, гнусное издевательство над национальными чувствами, верованиями и убеждениями являлось частью задуманного и проводившегося гитлеровским правительством чудовищного плана, имеющего целью ликвидацию национальной культуры народов СССР.

Впоследствии я еще вернусь к этому документу. Сейчас, с Вашего разрешения, оглашу следующую выдержку. Она имеется на странице 321 тома документов.

Я опускаю первый абзац и начинаю со второго. Цитирую:

«Осквернение и уничтожение исторических и культурных памятников на захваченных советских территориях, а также разрушение созданных Советской властью много-

численных культурных учреждений является частью чудовищно нелепого плана, задуманного и проводимого гитлеровским правительством и имеющего целью ликвидацию русских, украинцев, белорусов, литовцев, латвийцев, эстонцев и других народов СССР. Только фашистские выродки могли задаться нелепой целью искоренения великой русской культуры и культуры других советских народов, ставших при Советской власти на путь невиданного национального подъема и расцвета. И тем не менее, многочисленные приказы и распоряжения германского командования и оккупационных властей свидетельствуют о том, что гитлеровцы в своей слепой ненависти к народам Советского Союза не останавливались ни перед чем, чтобы унизить национальное достоинство советских народов и обнажить перед всем миром омерзительную человеконенавистническую сущность германского фашизма...

В приказе номер 0973/41 командующий германской 17-й армией генерал Хот[1] требует от своих подчиненных полного усвоения типичной для тупоголовых фашистов человеконенавистнической идейки о том, что «здравое чувство мести и отвращения ко всему русскому должно не подавляться у солдата, а, напротив, всячески поощряться».

...Верные своему обычаю уничтожения общепризнанных ценностей культуры, гитлеровцы на оккупированной ими советской территории повсеместно разгромили и в значительной части сожгли книгохранилища, от небольших клубных и школьных библиотек до ценнейших собраний рукописей книг, содержавших уникальные библиографические ценности... Гитлеровцы разграбили, а потом сожгли знаменитый музей Бородино, исторические реликвии которого, относящиеся к борьбе с наполеоновской армией в 1812 году, особенно дороги русскому народу. Оккупанты разграбили и сожгли дом-музей А. С. Пушкина в поселке Полотняный Завод. В Калуге гитлеровцы старательно уничтожили экспонаты дома-музея, в котором жил и творил знаменитый русский ученый К. Э. Циолковский, чьи заслуги в области аэронавтики пользуются всемирной известностью. По портретам Циолковского фашистские вандалы стреляли из револьверов. Ценнейшие модели дирижаблей, чертежи, приборы были растоптаны. В одной из комнат музея был устроен курятник, мебель сожжена. Одно из старейших сельскохозяйственных учреждений СССР — Шатиловская селекционная станция в Орловской области — уничтожено оккупантами, взорвавшими и предавшими огню 55 зданий этой станции, включая агрохимическую и другие лаборатории, музей, библиотеку в 40 тысяч томов, школу и другие здания.

На Украине и в Белоруссии гитлеровцы с еще большим остервенением громили культурные учреждения и исторические памятники... Нет предела издевательствам гитле-

[1] Имеется в виду Г. Гот.

ровских вандалов над памятниками и очагами украинской истории, культуры и искусства. Достаточно упомянуть как пример постоянных попыток унизить национальное достоинство украинского народа, что оккупанты, разгромив библиотеку имени Короленко в Харькове, замостили грязную улицу книгами из этой библиотеки для удобства проезда немецких автомобилей».

С особой ненавистью немецкие вандалы отнеслись к наиболее дорогим советскому народу памятникам культуры.

Приведу несколько фактов.

Гитлеровцы разгромили Ясную Поляну, где родился, жил и творил один из величайших писателей — Лев Толстой.

Они разгромили и ограбили дом, в котором жил и творил великий русский композитор Чайковский. В этом доме Чайковский создал всемирно известные оперы «Евгений Онегин», «Пиковая дама».

В городе Таганроге они уничтожили дом, где жил гениальный русский писатель Чехов, в городе Тихвине — дом, где жил прославленный русский композитор Римский-Корсаков.

В качестве доказательства, господа судьи, я оглашаю выдержку из ноты Народного комиссара иностранных дел СССР от 6 января 1942 г., представленную Трибуналу под номером СССР-51/2 (эта выдержка имеется на странице 317 тома документов):

«В течение полутора месяцев немцы оккупировали всемирно известную Ясную Поляну, где родился, жил и творил один из величайших гениев человечества — Лев Толстой. Этот прославленный памятник русской культуры... нацистские вандалы разгромили, изгадили и, наконец, подожгли. Могила великого писателя была осквернена оккупантами. Неповторимые реликвии, связанные с жизнью и творчеством Льва Толстого, — редчайшие рукописи, книги, картины — были либо разворованы немецкой военщиной, либо выброшены и уничтожены. Германский офицер Шварц в ответ на просьбу сотрудника музея перестать отапливать дом личной мебелью и книгами великого писателя, а взять для этого имеющиеся дрова, ответил словами: «Дрова нам не нужны, мы сожжем все, что связано с именем вашего Толстого».

При освобождении советскими войсками 15 декабря города Клина было установлено, что дом, в котором жил и творил великий русский композитор П. И. Чайковский, превращенный Советским государством в музей, был разгромлен и разграблен нацистскими офицерами и солдатами. В самом здании дома-музея оголтелые оккупанты устроили гараж для мотоциклов и отапливали этот гараж рукописями, книгами, мебелью и другими музейными экспонатами, часть которых была на всякий случай уворована германскими пришельцами. При этом нацистские офицеры знали, что они глумяться над замечательнейшими памятниками русской культуры.

Во время оккупации города Истры немецкие войска устроили склад боеприпасов в знаменитом старинном русском монастыре, известном под именем Нового Иерусалима, основанном еще в 1654 году... Ново-Иерусалимский монастырь является выдающимся историческим и религиозным памятником русского народа и известен как одно из крупнейших и красивейших сооружений. Это не помешало тому, что при отступлении от Истры немецко-фашистские погромщики взорвали свой склад боеприпасов в Новом-Иерусалиме и превратили неповторимый памятник русской церковной истории в груду развалин».

По указанию германского военного командования гитлеровцы разрушили и уничтожили культурно-исторические памятники русского народа, связанные с жизнью и творчеством великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина.

В сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии от 29 августа 1944 г. «О разрушениях и злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими варварами в Пушкинском заповеднике Академии наук СССР», которое я представляю как доказательство под номером СССР-40, указывается:

«В целях сохранения культурно-исторических памятников русского народа, связанных с жизнью и творчеством гениального русского поэта Александра Сергеевича Пушкина, Советское правительство 17 марта 1922 г. объявило усадьбу поэта в Михайловском, его могилу в Святогорском монастыре и близлежащие места — Тригорское, Городище и деревню Воронич Государственным заповедником.

Пушкинский заповедник и особенно усадьба поэта в Михайловском драгоценны для русского народа; здесь Пушкин закончил третью и создал четвертую, пятую и шестую главы «Евгения Онегина» закончил поэму «Цыганы», написал трагедию «Борис Годунов», большое число поэм и лирических стихотворений.

В июле 1941 года в Пушкинский Заповедник ворвались гитлеровцы. Три года они хозяйничали здесь, разрушая и уничтожая Пушкинские памятники...

Расхищение музейных ценностей началось еще в августе 1941 года....

Осенью 1943 года комендант пушкинской военной комендатуры Трайбхольц предложил К. В. Афанасьеву[1] подготовить к эвакуации все ценности музея. При этом Трайбхольц заявил, что речь идет о мерах по охране этих ценностей ввиду приближения фронта. Все ценности музея были упакованы, немецкие власти погрузили их на машины и вывезли в Германию...

В конце февраля 1944 года Михайловское было превращено немцами в военный объект и один из опорных пунк-

[1] К. В. Афанасьев, лесовод по профессии, был поставлен гитлеровцами в качестве заведующего музеем.

тов немецкой обороны. Территория парка была изрыта траншеями, ходами сообщения, земляными убежищами. «Домик няни» был немцами разобран, а рядом с ним и даже частично на его месте построен большой пятинакатный блиндаж. Другой такой же блиндаж был построен немцами около бывшего здания музея.

Перед отходом из Михайловского немцы завершили разорение и осквернение Пушкинской усадьбы. Дом-музей, выстроенный на фундаменте дома, в котором жил Пушкин, немцы сожгли, и от него осталась только груда развалин. Мраморная плита для памятника Пушкину разбита и брошена возле пепелища. Из двух других домов Пушкинского заповедника у въезда в Михайловскую усадьбу один сожжен немцами, а другой сильно разрушен. Немецкие вандалы прострелили в трех местах большой портрет Пушкина, который висел на арке у входа в Михайловский парк; сама арка уничтожена.

После ухода из Михайловского гитлеровцы обстреляли его минометами и артиллерийским огнем. Лестничные спуски к реке Сороть разрушены немецкими минами; старые липы на круговой аллее, которая вела к дому, поломаны; центральный вяз перед домом поврежден снарядами и осколками...

С Тригорским — усадьбой друзей Пушкина Осиповых-Вульф, связано много лет жизни и творчества поэта.

Немецко-фашистские захватчики опустошили и загадили парк в Тригорском...

Прилегающее селение Воронич, связанное с написанием «Бориса Годунова», в значительной части разрушено. Сожжены «Дом туриста» и ряд других зданий; разрушена школа. Сожжена деревянная церковь, сохранившаяся со времени Пушкина, в которой он отслужил 7 апреля 1825 г. панихиду по великому английскому поэту Байрону. Кладбище около церкви, на котором погребены один из родственников Пушкина В. П. Ганнибал и близкий знакомый поэта, священник И. Е. Раевский, заминировано, изрыто траншеями и разорено....

Исторический облик заповедника, в котором русский народ видел пушкинские образы, немцами искажен до неузнаваемости...

Кощунственное отношение немцев к национальным святыням русского народа ярче всего обнаруживается в надругательстве и осквернении могилы Пушкина. Стремясь охранить Пушкинский заповедник от опасности разрушения, части Красной Армии оставили этот район без боев и отошли к Новоржеву. Несмотря на это, 2 июля 1941 г. немцы подвергли бомбардировке Святогорский монастырь, у стен которого находится могила Пушкина.

В марте 1943 года, задолго до подхода линии фронта к Пушкинским Горам, немцы приступили к систематическому разрушению... Святогорского монастыря...

Могила поэта была найдена сильно захламленной. Обе лестницы, ведущие к могиле, разрушены; площадка вокруг

могилы Пушкина завалена мусором, щебнем, обломками иконных досок, кусками листового железа... Мраморная балюстрада вокруг площадки также повреждена в нескольких местах осколками снарядов и пулями.

Сам памятник отклонился в восточную сторону на 10—12 градусов вследствие оползания холма после бомбардировок и взрывов фугасных бомб, заложенных немцами...

Оккупанты хорошо знали, что, войдя в Пушкинские Горы, бойцы и офицеры Красной Армии прежде всего посетят могилу поэта, и потому немцы превратили ее в западню для патриотов. На территории монастыря и в близлежащей местности обнаружено и извлечено советскими саперами... до трех тысяч мин».

К числу тягчайших преступлений гитлеровцев против культуры относится разрушение памятников искусства и архитектуры в городах Павловск, Царское Село и Петергоф.

Величественные памятники искусства и архитектуры этих городов, превращенных в города-музеи, известны всему цивилизованному миру.

В течение двух столетий создавались эти художественные архитектурные памятники, связанные с целым рядом крупнейших событий в истории России.

Знаменитые русские и иностранные зодчие, художники и скульпторы создавали свои гениальные произведения, которые в этих городах-музеях находились.

И все это, вместе с бесценными сокровищами русского и мирового искусства, уничтожено и разграблено, сожжено и взорвано фашистскими громилами, действовавшими по прямым указаниям преступных гитлеровского правительства и верховного командования.

Я оглашаю и представляю в качестве доказательства под номером СССР-49 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии от 3 сентября 1944 г. Выдержки из этого Сообщения Вы найдете, господа судьи, на страницах 330—332 тома документов. Цитирую:

«...К моменту вторжения немецких захватчиков в Петродворце (в Петергофе) после эвакуации оставалось еще 34 214 различных музейных экспонатов (картин, художественных изделий, скульптуры) и 700 ценнейших книг дворцовых библиотек. В нижних помещениях Екатерининского и Александровского дворцов города Пушкина (Царское Село) были сосредоточены гарнитуры мебели русской и французской работы середины XVIII века, 600 предметов художественного фарфора конца XIX и начала XX веков, большое количество мраморных бюстов, мелкой скульптуры, до 35 тысяч томов книг дворцовых библиотек.

На основании документальных материалов, заявлений и свидетельских показаний очевидцев, показаний немецких военнопленных и тщательного расследования... установлено:

Ворвавшись в Петродворец 23 сентября 1941 г., немецкие захватчики сразу же приступили к грабежу ценностей

дворцов-музеев и вывозили имущество дворцов в течение нескольких месяцев.

Из дворцов — Большого, Марли, Монплезир и Коттеджа — они разграбили и вывезли в Германию около 34 тысяч предметов музейных экспонатов и среди них 4950 предметов уникальной мебели — английской, итальянской, французской и русской работы Екатерининского, Александровского и Николаевского времени; много редких сервизов фарфора иностранных и русских заводов XVIII и XIX веков. Немецкие варвары содрали шелк, гобелены и другие декоративные материалы, украшавшие стены дворцовых зал.

В ноябре 1941 года немцы сняли бронзовую скульптуру Самсона работы скульптора Козловского и увезли ее...

Разграбив музейные ценности, немецкие бандиты подожгли Большой дворец — гениальное творение зодчего Варфоломея Растрелли...

При своем отступлении из Петродворца немцы с помощью мин замедленного действия разрушили дворец Марли. Дворец имел тончайшую лепную отделку и резьбу.

Немцы разрушили Петровский Монплезир. Они уничтожили все деревянные части павильонов и галерей, внутреннюю отделку кабинета, спальни и китайских комнат; во время оккупации среднюю, наиболее ценную в историко-художественном отношении, часть дворца превратили в дот, в западном павильоне дворца устроили конюшню и уборную. В помещениях Ассамблейного корпуса немцы разобрали полы, выпилили балки, уничтожили двери и оконные рамы, ободрали обшивку потолка...

В северной части парка, так называемой Александрии, они взорвали дачу Николая II, полностью уничтожили деревянный офицерский домик, Александрийские ворота, павильоны фонтана Адама, пилон главных ворот Верхнего парка и розовый павильон...

Немцы разрушили знаменитую фонтанную систему петродворцовых парков. Они подорвали питающую фонтаны линию на всем протяжении от плотины у «Розового павильона» до Верхнего парка...

После занятия Нового Петродворца части 29-й немецкой пехотной дивизии огнем тяжелых орудий полностью уничтожили знаменитый Английский дворец в Старом Петродворце, построенный по указу Екатерины II архитектором Кваренги. Немцы выпустили по дворцу 9 тысяч тяжелых артиллерийских снарядов. Вместе с дворцом уничтожен живописный Английский парк и все парковые павильоны».

Председатель: *Трибунал принимает во внимание успешные усилия, которые советское обвинение сделало для того, чтобы сократить представление доказательств. Мы бы очень хотели, чтобы Вы, по мере возможности, суммировали данные о разрушениях памятников культуры и искусства.*

(Объявляется перерыв до 14 часов)

Рагинский: *(продолжает оглашение документа) «Разграбление и разрушение исторических и художественных дворцов города Пушкин (Царское Село) производилось преднамеренно, по указанию высших германских властей...*

Значительную часть Екатерининского дворца немцы сожгли. В огне погибла знаменитая Растреллиевская трехсотметровая анфилада парадных зал...

Страшную картину разрушения представляет собой Большой зал — гениальное творение Растрелли. Уничтожены уникальные плафоны работы Торелли, Джордано, Брюллова и других крупнейших итальянских и русских мастеров...»

Я опускаю абзац и продолжу цитату.

«Разгромлена и разграблена изумительная по своей внутренней отделке дворцовая церковь — одно из лучших произведений Растрелли...»

Опускаю еще один абзац.

«При отступлении в январе 1944 года немецкие захватчики подготовили полное уничтожение того, что еще оставалось от Екатерининского дворца и примыкающих к нему зданий. С этой целью в нижнем этаже сохранившейся части дворца, а также под камероновой галереей было заложено 11 больших авиабомб замедленного действия весом от одной до трех тонн».

Гитлеровцы разгромили в Пушкине Александровский дворец, построенный в конце XVIII века знаменитым зодчим Джакомо Кваренги.

«...Вся музейная мебель, сосредоточенная в подвалах Екатерининского и Александровского дворцов, предметы художественного фарфора, книги из дворцовых библиотек вывезены в Германию.

Знаменитый плафон «Пир богов на Олимпе» в Главном зале павильона Эрмитажа снят и увезен в Германию...

Большие разрушения произвели гитлеровцы в великолепных Пушкинских парках, тысячи вековых деревьев вырублены.

Разрушение Павловского дворца в городе Павловске

Батальоном особого назначения Риббентропа и командами штаба Розенберга из Павловского дворца вывезена в Германию ценнейшая дворцовая мебель, созданная по эскизам Воронихина и крупнейших мастеров XVIII века. Во дворце снят паркет из дорогого дерева художественной ценности. Со стен сорваны барельефы, гобелены, стенные и потолочные плафоны. Сняты даже все ручки и дверные украшения из бронзы и дерева. Варварски изуродованы фрески Гонзаго, представляющие громадную художественную ценность, скульптуры Прокофьева, мраморные вазы Жилле.

...Отступая, фашистские захватчики подожгли Павловский дворец. Большая часть здания дворца совершенно выгорела...»

Опускаю последующие два абзаца и цитирую заключительный абзац этого документа.

«Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что разрушение памятников искусства в Петродворце, Пушкине и Павловске произведено по прямому указанию германского правительства и верховного командования офицерами и солдатами немецкой армии...»

Б. Разрушение исторических памятников древних русских городов

Много крупных городов разрушили немецко-фашистские оккупанты на занятых ими территориях СССР. Но с особым ожесточением они разрушали древние русские города, сохранившие памятники древнерусского искусства.

В качестве примера я приведу разрушение городов Новгорода, Пскова и Смоленска.

Новгород и Псков — один из тех исторических центров, в которых русский народ создавал свою государственность. В течение столетий здесь процветала высокая и своеобразная культура. Она оставила богатое наследие, которое представляет собою драгоценное достояние нашего народа. Благодаря многочисленным сохранившимся памятникам древнего церковного и гражданского зодчества, стенным росписям, произведениям живописи, скульптуры и прикладного искусства, Новгород и Псков справедливо назывались кафедрами русской истории...

Гитлеровские варвары разрушили в Новгороде много ценнейших памятников русского и мирового искусства XI—XII веков...

Они разрушили не только памятники, но весь город превратили в груду развалин.

В качестве доказательства я оглашу некоторые выдержки из документа, представленного Трибуналу под номером СССР-50. Эти выдержки господа судьи найдут на страницах 333—334 тома документов. Цитирую:

«Древний русский город Новгород немецко-фашистские захватчики превратили в груду развалин. Они разрушили исторические памятники, а часть из них разобрали на постройку оборонительных сооружений...

Немецко-фашистские вандалы разрушили и уничтожили в Новгороде величайшие памятники древнего русского искусства. В Георгиевском соборе Юрьева монастыря, построенном в начале XII века, фашисты разрушили своды и стены башни собора с фресками XII века.

Софийский собор, построенный в XI веке, являлся одним из древнейших памятников русского зодчества, выдающимся памятником мирового искусства. Благодаря фрескам XII века, иконам XII—XVII веков, древним иконостасам и другому внутреннему убранству собор представлял собой сокровищницу древнерусского искусства. Здание собора немцы разрушили... Гитлеровцы полностью разграбили внутреннее убранство собора, увезли

все иконы с иконостасов, древние паникадила, в том числе паникадило, принадлежавшее Борису Годунову...

Церковь Благовещения на Аркаже XII века с фресками, выполненными в том же веке, была обращена фашистами в дот и казарменное помещение...

Церковь Успения на Волотовом поле, памятник новгородской архитектуры XIV—XV веков, немцами превращена в груду камней и кирпича...

Церковь Спаса Преображения на Ильине улице — один из лучших образцов новгородской архитектуры XIV века, особенно известная своей росписью, выполненной в это же время великим византийским мастером Феофаном Греком. В барабане главы церкви и в верхней части восточной стены оккупанты пробили широкие амбразуры, западную часть здания разрушили, уничтожили средний западный свод, пробили верхние угловые своды...

Фашисты варварски разрушили знаменитый памятник древнерусского и мирового искусства XII века — церковь Спаса-Нередицы, расписанную внутри всемирно известными фресками. Церковь представляла собой уникальный памятник византийской и русской живописи XII века. Здание церкви немцами превращено в развалины. Гибель памятника является огромной утратой для русской и мировой культуры.

Более чем двухгодичное хозяйничание гитлеровцев в Новгороде привело к разрушению целого ряда и других замечательных памятников древнерусского зодчества...

По приказу командующего 18-й германской армии генерал-полковника Линдемана немецкие варвары разобрали и подготовили для отправки в Германию памятник 1000-летия России. Этот памятник был воздвигнут на Кремлевской площади в 1862 году по проекту известного русского скульптора академика Микешина и запечатлевал в художественных образах основные этапы развития нашей Родины до 60-х годов XIX столетия... Гитлеровские варвары разобрали памятник на части, разбили скульптурные изображения. Но отправить памятник как металлический лом на сплав фашистам не удалось. Советские воины выбили их из Новгорода...»

О варварском разрушении немцами памятников древнерусского искусства в Новгороде и Пскове весьма обстоятельно говорит в своих показаниях гражданин Дмитриев Юрий Николаевич.

Дмитриев с 1937 года является заведующим отделом древнерусского искусства Государственного Русского музея в городе Ленинграде.

Изучением исторических памятников Новгорода и Пскова он занимается с 1926 года. Как крупный специалист в этой отрасли искусства, он по полномочию Чрезвычайной Государственной Комиссии принимал участие в расследовании злодеяний немецко-фашистских захватчиков.

Подлинный протокол показаний гражданина Дмитриева, надлежаще оформленный в соответствии с процессуаль-

ным законодательством СССР, представляю Суду как доказательство СССР-312.

При цитировании его показаний я опущу описание тех фактов, которые уже известны из оглашенного на Суде Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии.

Гражданин Дмитриев показал (читаю выдержку со страницы 2 протокола):

«Новгород в большей своей части сравнен с землей, только немногие кварталы оставлены немцами в виде руин. В руины немцы обратили также и Псков, здания и памятники которого они взрывали при отступлении. Из 88 историко-художественных сооружений Новгорода остались без значительных повреждений только два... Только единичные памятники Пскова остались неповрежденными.

Историко-художественные памятники Новгорода и Пскова преднамеренно уничтожались немцами». И далее (страница 5 протокола):

«Наряду с разрушением и порчей историко-художественных памятников, немецкие войска занимались хищением, грабежом художественных и материальных ценностей, находившихся в этих памятниках или составляющих часть их.

Немецкие войска при этом произвели надругательства и осквернение ряда историко-художественных церковных памятников в Новгороде и Пскове».

Изо дня в день на протяжении 26 месяцев разрушали гитлеровцы древнейший русский город Смоленск.

Советским обвинением представлен Трибуналу документ под номером СССР-56, содержащий Сообщение чрезвычайной Государственной Комиссии о разрушениях города Смоленска и злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками над советскими гражданами. Я не буду цитировать этот документ, только сошлюсь на него и постараюсь изложить своими словами основные моменты.

В Смоленске немецко-фашистские захватчики уничтожили и разграбили ценнейшие коллекции музеев, осквернили и сожгли памятники старины, уничтожили школы и институты, бибилотеки и учреждения здравоохранения. Учебники и литературу, наглядные пособия и приборы, экспонаты и музейные коллекции, представлявшие огромную ценность, фашисты вывезли в Германию.

В апреле 1943 года гитлеровцам понадобился щебень для мощения дорог. Они взорвали для этой цели среднюю школу номер 23.

Захватчики сожгли все библиотеки города, 22 школы. В сожженных библиотеках погибло 646 тысяч книг.

Древний город Смоленск сохранил ценнейшие памятники истории и культурного прошлого. В нем имелись храмы начального периода каменного строительства XII века.

В Смоленске до немецкой оккупации было 4 музея, располагавших ценнейшими коллекциями.

Художественный музей имел богатейшие собрания пре-

имущественно русских историко-художественных, историко-бытовых, этнографических и других ценностей: картин, икон, бронзы, фарфора, литья, тканей. Эти собрания представляли мировую ценность — экспонировались на выставке во Франции. Оккупанты разрушили музеи, ценнейшие экспонаты вывезли в Германию.

Немецкие захватчики полностью сожгли церкви: Спасскую — постройки XVIII века, Духовскую — XVII века, Покровскую — XIX века. Взорвали Верхне-Никольскую церковь и Введенскую церковь Авраамиева монастыря; увезли в Германию бронзовый памятник Кутузову и пушки с памятника 1812 года.

Главный штаб Розенберга по изъятию и вывозу ценностей из оккупированных районов Востока имел в Смоленске специальное отделение, возглавляемое доктором Нерлингом, организатором разграбления музеев и исторических памятников...

Таковы некоторые из многочисленных фактов злодеяний фашистских варваров, которые наглядно показывают реализацию злодейских замыслов гитлеровских заговорщиков.

В. Разрушение и разграбление культурных и исторических ценностей и культурно-просветительных учреждений на Украине

Известно, с какой беспощадностью немецко-фашистские захватчики совершали экономическое ограбление украинского народа. Не меньшее место в планах гитлеровских заговорщиков занимало и с неменьшей жестокостью ими проводилось разрушение и разграбление культурных и исторических ценностей украинского народа.

Преступно замыслив поработить свободолюбивый украинский народ, гитлеровские заговорщики стремились уничтожить его культуру.

Осуществляя свои злодейские замыслы, гитлеровцы с первых же дней вторжения на Украину приступили к планомерному уничтожению школ, высших учебных заведений, научных учреждений, музеев, библиотек, клубов, театров.

Разрушению и разграблению подверглись исторические и культурные ценности городов Киева, Харькова, Одессы, Сталинской и Ровенской областей и многих других больших и малых городов.

Из представленного советским обвинением документа под номером СССР-32, содержащего приговор военного трибунала 4-го Украинского фронта от 15—18 декабря 1943 г., видно, что немецко-фашистские войска в городе Харькове и Харьковской области по прямому указанию гитлеровского правительства грабили, сжигали и разрушали материальные и культурные ценности советского народа. Эту выдержку Вы найдете, господа судьи, на странице 359 тома документов.

Сейчас я перехожу к оглашению доказательств о гитле-

ровских злодеяниях в столице Украинской республики — Киеве.

Я процитирую один абзац из документа, представленного советским обвинением под номером СССР-248. Он имеется на странице 363 тома документов и представляет собой выписку из материалов Чрезвычайной Государственной Комиссии «О разрушении и ограблении фашистскими захватчиками Киевской психиатрической больницы».

В числе других разрушений захватчики — цитирую — «...сожгли ценнейший в научном отношении архив больницы, уничтожили прекрасную больничную библиотеку в 20 тысяч томов, ограбили культурный заповедник, ценнейший памятник XI столетия знаменитый Кирилловский собор, расположенный на территории больницы».

Приступаю к оглашению выдержек из сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии «О разрушениях и зверствах, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в городе Киеве». Это сообщение представлено Трибуналу под номером СССР-9, а цитируемые выдержки соответствуют страницам 365—366 тома документов.

«В Киеве, до вторжения немцев, было 150 средних и начальных школ. Из них 77 школ оккупанты заняли под казармы, 9 — приспособили под склады и мастерские, в двух разместили воинские штабы и 8 школ использовали под конюшни. При отступлении из Киева немецкие варвары разрушили 140 школ».

Опускаю следующий абзац и продолжаю цитату:

«Немецкие оккупанты расхитили из книжных фондов киевских библиотек свыше четырех миллионов книг. Из одной только библиотеки Академии наук УССР гитлеровцы вывезли в Германию более 320 тысяч различных ценных и уникальных книг, журналов и рукописей».

Я прошу, господа судьи, обратить внимание, что о разграблении библиотеки Академии наук УССР свидетельствует в оглашенном уже мною заявлении от 10 ноября 1942 г. доктор Фэрстер — оберштурмфюрер СС, служивший в батальоне особого назначения, созданном по инициативе подсудимого Риббентропа и действовавшем под его руководством.

Таким образом, факты, указанные в заявлении Фэрстера, подтверждаются другими доказательствами, в том числе и таким бесспорным доказательством, как сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии.

Я продолжаю оглашение выдержек из сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии:

«5 сентября 1943 г. немцы сожгли и взорвали один из старейших центров украинской культуры — Киевский государственный университет имени Т. Г. Шевченко, основанный в 1834 году... В огне погибли величайшие культурные ценности, служившие на протяжении столетий основой научно-учебной работы университета; погибли материалы исторического архива древних актов, представлявших исключительную ценность; погибла библиотека с фондом свыше

1300 тысяч книг; зоологический музей университета, имевший свыше 2 миллионов экземпляров экспонатов, и целый ряд других музеев...

Немецкие оккупанты разрушили также и другие высшие учебные заведения Киева, сожгли и разграбили большинство медицинских учреждений...

Фашистские варвары сожгли в Киеве здание драматического театра Красной Армии, театральный институт, консерваторию, в которой сгорели инструменты, богатейшая библиотека и все оборудование; взорвали здание цирка на 2500 мест; сожгли со всем оборудованием Театр юного зрителя имени М. Горького; уничтожили Еврейский театр...

В музее западноевропейского и восточного искусств осталось лишь несколько больших полотен, которые грабители не успели снять с высоких стен лестничной клетки. Из музея русского искусства гитлеровцы вместе со всеми экспонатами вывезли ценнейшую коллекцию русских икон. Они разграбили музей украинского искусства: из 41 тысячи экспонатов отдела народного искусства этого музея осталось только 1900...

Гитлеровцы разграбили музей имени Т. Г. Шевченко и исторический музей. Они разграбили величайший памятник славянских народов — Софийский собор, из которого вывезли 14 фресок XII века, драгоценную утварь и предметы культа.

По приказу немецкого командования воинские части ограбили, взорвали и разрушили древнейший памятник культуры — Киево-Печерскую лавру...

Успенский собор, построенный в 1075—1089 годах великим князем Святославом и расписанный внутри в 1897 году известным художником В. В. Верещагиным, 3 ноября 1941 г. взорван немцами...»

Я опускаю дальнейшее изложение и перехожу к заключительной части документа.

«Нельзя без скорби смотреть, — сообщает член Чрезвычайной Государственной Комиссии Николай Митрополит Киевский и Галицкий, — на груды развалин Успенского собора, созданного в XI веке гением бессмертных строителей. От взрыва образовалось несколько огромных провалов в земле на окружающей собор территории, и, глядя на них, кажется, что даже земля содрогнулась при виде злодеяний тех, кто не имеет права на человеческое имя. Точно страшный ураган пронесся по лавре, все опрокинул вверх дном, рассыпал и разбросал могучие лаврские здания. Два с лишним года Киев был закован в немецкие кандалы. Гитлеровские палачи принесли с собою в Киев смерть, руины, голод и казни. Все это со временем отойдет от близкого прошлого в отдаленное, но никогда не забудут этого злодеяния не только украинский и русский народы, но и все честное человечество во всем мире».

Господа судьи! Вряд ли есть необходимость в предъявлении других доказательств разграбления гитлеровцами

культурных ценностей Киева и Харькова. Тем не менее, позвольте мне остановиться еще на двух документах. Это немецкие документы, и они являются ценным признанием самих гитлеровцев.

Первый документ, имеющий номер ПС-035, датирован 26 октября 1943 г. и озаглавлен: «Краткий доклад о мерах безопасности главной рабочей группы Украины при отступлении вооруженных сил». Характерная особенность этого документа: документ неприкрыто свидетельствует о грабеже. Всем ясно, что речь идет о разбойничьей группе, но гитлеровцы все продолжают именовать грабеж работой; ценнейшие экспонаты Украинского музея они отправляют в Германию как «текстиль всех сортов».

Доклад начинается описанием создания безопасного уголка для учреждений эйнзатцштаба, для чего были выброшены из своих квартир жители целого района, а затем идет перечень отправленной добычи из разграбленных музеев Харькова, Киева, архивов и даже домашних библиотек.

Я оглашу только краткую выдержку из этого документа, относящуюся к материалам Украинского и доисторического музеев в Киеве. Эта выдержка имеется на странице 368 тома документов. Цитирую:

«1 октября 1943 г. Материалы украинского музея в Киеве.

На основании общего приказа городского комиссара по эвакуации нами было найдено и погружено для отправки в Краков:

текстиль всех сортов,

набор ценных образцов шитья,

коллекция парчи,

многочисленные предметы обихода из дерева и т. д. Кроме того, была отправлена большая часть доисторического музея».

Второй документ — ПС-1109 от 17 июня 1944 г. озаглавлен: «Заметки для руководящей группы П-4» и адресован фон Мильде-Шредену.

Этот документ находится в Вашем томе документов на странице 369 и представляет краткое извлечение, поэтому я позволю себе процитировать его полностью:

«2. Вывоз культурных ценностей.

Осенью 1943 года из Киева организованным путем вывезено очень много материалов как из музеев, так и из архивов, институтов и других культурных учреждений.

Эти мероприятия по сохранению проводились как штабом внедрения РР (я должен, господа судьи, сказать, что эйнзатцштаб Розенберга в некоторых документах именуется «штабом внедрения», а инициалы «РР» означают «рейхслейтер Розенберг»), так и отдельными руководителями институтов по распоряжению рейхскомиссара.

Сначала много изъятого имущества было доставлено лишь в тыловые области, затем это переправили в рейх. Когда нижеподписавшийся получил в конце сентября от от-

дела культуры рейхскомиссара задание вывезти из Киева остатки культурных ценностей, наиболее ценные в культурном отношении материалы были уже отправлены. В течение октября было отправлено в рейх еще около сорока вагонов с культурными ценностями.

Здесь речь идет главным образом о ценностях, которые принадлежали научно-исследовательским институтам центральных органов по изучению Украины. Эти институты продолжают и в настоящее время свою работу в рейхе и ведут ее так, что в нужное время смогут быть возвращены на Украину. Те из культурных ценностей, которые подобным образом не могли быть обеспечены, были разграблены. Но здесь речь идет лишь о менее значительных материалах, так как основная масса ценностей была вывезена организованно.

Городская комендатура вывезла из Киева в октябре 1943 года оборудование фабрик, заводов и так далее, но куда — мне неизвестно».

Документ содержит заключительную фразу следующего содержания:

«При вступлении советов в городе уже не было ничего ценного в этом отношении».

Господа судьи! Из представленных советским обвинением документов Вам известно о злодейском сговоре между Гитлером и Антонеску. В награду за поставленные Германии пушечное мясо, нефть, хлеб, скот и т. п. гитлеровское правительство разрешило преступной клике Антонеску грабить население между Бугом и Днестром.

Немецкие и румынские захватчики разграбили и разрушили культурные ценности, курорты и учреждения здравоохранения Одессы. Гитлеровцы грабили совместно с кликой Антонеску, грабили и отдельно от них.

В качестве доказательства оглашаю соответствующие выдержки из Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии, представленного Трибуналу под номером СССР-47. Эти выдержки содержатся на странице 372 тома документов. Цитирую:

«Германское военное командование ограбило одесские музеи, вывезя из музеев сотни уникальных предметов...

По заранее составленному плану немецко-фашистские захватчики разрушили значительную часть городского хозяйства Одессы. Они взорвали и сожгли 2290 наиболее крупных, представляющих архитектурно-художественную и историческую ценность зданий, в том числе: Дом Красной Армии, здания Одесского почтамта, Коммунального банка, домик А. С. Пушкина, Главный пассажирский вокзал, здание городской больницы, Сабанские казармы, построенные в 1827 году, и другие, представляющие собой ценные памятники материальной культуры начала XIX столетия...

Немецко-румынские захватчики разрушили в Одессе: первую инфекционную, вторую окружную, соматическую, психиатрическую и 2 детские больницы, детскую поликлинику, 7 детских консультаций, 55 детских яслей, 2 родиль-

ных дома, диспансер, люпозорий, 6 поликлиник и научно-исследовательские институты: Туберкулезный, Институт курортологии и другие. Они разрушили 29 санаториев, расположенных вблизи Одессы».

Исключительные по своим масштабам злодеяния были учинены в Сталинской области, являющейся важнейшим угольно-металлургическим центром СССР.

В Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии «О разрушениях, причиненных немецко-фашистскими захватчиками промышленности, городскому хозяйству, культурно-просветительным учреждениям Сталинской области», представленном советским обвинением под номером СССР-2, приводится огромное количество фактов. Я не буду приводить их все, господа судьи, а ограничусь лишь отдельными выдержками из указанного документа, которые не оглашались моими коллегами.

Цитирую:

«При отступлении из Сталино[1] гитлеровцы полностью разрушили... 113 школ, 62 детских сада, 390 магазинов, зимний и летний театры на 1100 мест, Дворец пионеров, Радиотеатр, Музей Революции, Картинную галерею, клуб имени Дзержинского...

Специальные отряды саперов объезжали школы, обливали их горючей жидкостью и поджигали. Советских людей, пытавшихся тушить пожары, фашистские мерзавцы расстреливали на месте...

Исключительно большой ущерб причинили оккупанты медицинским учреждениям города.

Они сожгли и полностью разрушили детскую больницу на 2 тысячи коек, Клиническую больницу имени Ворошилова на тысячу коек, 12 лечебных учреждений на 2 тысячи коек и 5 поликлиник. Ценную аппаратуру, оборудование и инвентарь больниц немецкие оккупанты разграбили. Разрушение больниц совершено по указанию и при участии главного врача военного лазарета Троммера и заместителя коменданта города военного советника Нарушата. По приказу оберфельдарцта Ролля, главного врача госпиталя Белиндорфа, главного врача Кухендорфа был разгромлен Медицинский институт, представлявший собой образцовое научное учреждение, в котором обучалось 2 тысячи студентов....

Из 600 тысяч томов книжного фонда научной и художественной литературы гитлеровцы сожгли 530 тысяч томов книг...

Немецко-фашистские захватчики... в городе Макеевке взорвали и сожгли ...городской театр на тысячу мест, цирк на 1500 мест, 49 школ, 20 детских яслей, 44 детских сада. По распоряжению коменданта города Фоглера были сожжены на костре 35 тысяч книг центральной библиотеки имени Горького».

---

[1] Ныне г. Донецк.

Я не буду приводить факты по другим городам Сталинской области. Они содержатся в документе, который в силу статьи 21 Устава является бесспорным доказательством, и, в соответствии с решением Трибунала, этот документ может и не оглашаться полностью. Я только должен отметить, что во всех промышленных городах Сталинской области гитлеровцы жгли школы и театры, детские ясли и больницы; даже церкви ими уничтожались. Так, в городе Горловке они уничтожили 32 школы, в которых обучалось 21 649 детей, сожгли городскую больницу, пять поликлиник, церковь и Дворец культуры.

В городе Константиновке оккупанты взорвали и сожгли все 25 городских школ, два кинотеатра, центральную городскую библиотеку с 35 тысячами томов книг, пионерский клуб, детскую техническую станцию, городскую больницу, детские ясли.

Перед отступлением из Мариуполя немецкие оккупационные власти сожгли все 68 школ, 17 детских садов, Дворец пионеров.

Я перехожу к оглашению некоторых выдержек из Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии от 7 мая 1944 г. «О разрушениях, грабежах и злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в городе Ровно и Ровенской области».

Этот документ представлен Трибуналу под номером СССР-45, а выдержки из Сообщения имеются в томе документов на странице 378.

Город Ровно имел особое значение. Это была резиденция рейхскомиссара Эриха Коха, ближайшего соучастника подсудимого Розенберга; в этом городе гитлеровские главари проводили совещания, на которых детализировались планы порабощения украинского народа.

Из цитируемого Сообщения Чрезвычайной Государственной комиссии устанавливается следующее:

Гитлеровцы «...стремились создать на захваченной ими территории Украины рабско-крепостнический режим и искоренить украинскую государственность и культуру...

Имеющиеся в распоряжении Чрезвычайной Комиссии многочисленные материалы, основанные на документах, показаниях свидетелей и личном осмотре членами Комиссии и ознакомлении их с состоянием различных культурно-просветительных учреждений на территории Украины, освобожденной Красной Армией, не оставляют никакого сомнения в том, что немецко-фашистские варвары имели своей задачей уничтожить украинскую культуру, истребить лучших представителей украинского искусства и науки, попавших в их руки. Школы, высшие учебные заведения, клубы, библиотеки, музеи, театры, созданные украинским народом на протяжении почти четверти века Советской власти, гитлеровцы безжалостно уничтожали... Немецко-фашистские захватчики закрыли в Ровно почти все культурно-просветительные учреждения. 30 ноября 1941 г. в газе-

те «Волынь» было официально объявлено о закрытии школ в генеральном комиссариате Волыни и Подолии...»

Я опускаю окончание страницы 70 и цитирую последний абзац документа:

«То обстоятельство, что все эти преступления совершались в резиденции бывшего рейхскомиссара Украины Эриха Коха, служит еще одним доказательством того, что все преступления гитлеровских бандитов совершались в осуществление плана истребления советских людей и опустошения временно занятой гитлеровцами советской территории, задуманного и проводившегося в жизнь гитлеровским правительством».

Г. Разрушение и разграбление культурных ценностей столицы Белорусской республики — города Минска

Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко в разделе 5 своей вступительной речи привел выдержку из письма генерального комиссара Белоруссии Кубе на имя подсудимого Розенберга.

Этот документ, имеющий номер ПС-1099, я представляю Трибуналу под номером СССР-374 в доказательство того, что разрушение и разграбление исторических ценностей, повсеместно проводившееся гитлеровцами, приняло огромные размеры.

Представленный документ является письмом, напечатанным на машинке и подписанным «Кубе», имеет штамп министериаль-бюро от 3 октября 1941 г., на нем сделаны различные пометки карандашом, очевидно, рукой Розенберга.

Я позволю себе, с Вашего разрешения, процитировать дополнительно и некоторые другие места этого документа, которые также свидетельствуют о том, что награбленные ценности вывозились не только в Германию, но и расхищались отдельными генералами гитлеровской армии.

Письмо Кубе свидетельствует еще и о наличии заранее разработанного плана разграбления культурных ценностей Ленинграда, Москвы и культурных центров Украины.

Вандализм гитлеровцев принял такие размеры, что даже палач белорусского народа Кубе испугался. Он боялся упустить выгоду и договаривался с Розенбергом о компенсации.

Я цитирую второй абзац начала письма:

«В Минске находилась большая, частично очень ценная, коллекция художественных изделий и полотен, которая сейчас почти без остатка вывезена из города: по приказу имперского руководителя СС рейхсминистра Генриха Гиммлера большинство картин частично еще в то время, когда я возглавлял ведомство, было упаковано людьми СС и отослано в Германию. Речь идет о миллионных ценностях, изъятых из генерального округа Белоруссии. Картины должны быть посланы в Линц и Кенингсберг в Восточной Пруссии. Я прошу эти ценные коллекции, поскольку в них

не окажется нужды в Германии, снова предоставить в распоряжение генерального округа Белоруссии или, во всяком случае, оставить материальную стоимость этих коллекций за министерством по оккупированным восточным областям».

Кубе, как и подсудимый Розенберг, тоже считал за собой монопольное право на награбленные ценности и сетовал на то, что (цитирую вторую часть второго абзаца) «...генерал Штубенраух захватил с собой из Минска ценную часть этих коллекций и повез их в область военных действий. Зондерфюреры, фамилии которых мне еще не сообщили, увезли три грузовика с мебелью, картинами и предметами искусства».

Ограбив вместе с другими фашистскими главарями народ Белоруссии, приняв непосредственное участие в массовом истязании и уничтожении советских людей, Кубе лицемерно заявлял (цитирую последний абзац письма):

«И без того уже бедная Белоруссия потерпела от этого тяжелый убыток».

И Кубе рекомендовал Розенбергу (цитирую):

«Возможно, в Ленинград и в Москву, а также в старинные культурные города Украины заранее будут назначены эксперты для руководства такими мероприятиями».

Вот куда были направлены их помыслы! Сейчас уже всем известно, что означают «мероприятия» гитлеровцев на оккупированных территориях. Это режим кровавого террора и насилия, безудержного грабежа и произвола.

Ворвавшись в Минск, столицу Белорусской Республики, немецко-фашистские захватчики пытались уничтожить культуру белорусского народа и превратить белорусов в послушных немецких рабов.

Как установлено специально произведенным расследованием, гитлеровские военные власти, по прямым директивам германского правительства, беспощадно уничтожали научно-исследовательские институты и школы, театры и клубы, больницы и поликлиники, детские сады и детские ясли.

Я оглашаю выдержку из документа, представленного советским обвинением под номером СССР-38 (эта выдержка имеется на странице 384 тома документов):

«В течение трех лет немецко-фашистские захватчики планомерно разрушали в Минске научно-исследовательские институты, высшие учебные заведения, библиотеки, музеи, учреждения Академии наук, театры и клубы.

Более двадцати лет создавалась в Минске библиотека имени В. И. Ленина. В 1932 году была закончена постройка специального здания с большим оборудованным книгохранилищем. Немцы вывезли из библиотеки в Берлин и Кенингсберг 1,5 миллиона ценнейших книг по истории Белоруссии...

Немецко-фашистские захватчики, пытаясь искоренить культуру белорусского народа, разрушили в Минске все культурно-просветительные учреждения... вывезли в Гер-

манию библиотеки Академии наук с фондом в 300 тысяч томов, Государственного университета, Политехнического института, научную медицинскую библиотеку, Государственную публичную библиотеку имени А. С. Пушкина.

Гитлеровцы разрушили Белорусский государственный университет вместе с зоологическим, геолого-минералогическим и историко-археологическим музеями, разрушили медицинский институт со всеми его клиниками; разгромили Академию наук с 9 институтами; уничтожили Минский политехнический институт, в котором обучалось до 9 тысяч студентов; разрушили Государственные филармонию и консерваторию.

Они уничтожили Государственную картинную галерею, а картины и скульптуру русских и белорусских мастеров... вывезли в Германию; разграбили Государственный белорусский театр оперы и балета, 1-й белорусский драматический театр, Дом народного творчества, дома союзов писателей, художников и композиторов...

Фашисты уничтожили в Минске 47 школ, 24 детских сада, Дворец пионеров, 2 родильных дома, 3 детские больницы, 5 городских поликлиник, 27 детских яслей, 4 детские консультации, превратили в руины Институт охраны материнства и младенчества».

В распоряжении обвинения имеется документ ПС-076, являющийся докладом немецкого ефрейтора Абеля «О библиотеках в Минске» (доклад находится в томе документов на страницах 385—388).

Этот ефрейтор обследовал все библиотеки города Минска и отмечает в докладе, что почти все они уничтожены.

Я представляю этот доклад в качестве доказательства под номером СССР-375.

Мне представляется, что вполне достаточно зачитать отдельные выдержки из доклада.

Так на странице 1 доклада сказано:

«...Ленинская библиотека является центральной библиотекой Белоруссии. Трудно подсчитать число томов, но количество книг составляет приблизительно 1,5 миллиона... Книгохранилища представляют безотрадную картину...»

На странице 2:

«Горьковская библиотека... Здесь было собрано самое ценное из всех сфер науки.

После того как библиотеку уже сильно расхитили еще до моего приезда, над входной дверью была прибита дощечка, извещавшая: «Реквизирована в пользу вооруженных сил...»

На странице 3:

«Библиотеку Политехнического института в подвальном этаже левого флигеля точно так же сильно разгромили и привели в беспорядок, как и большое число лабораторий».

Доклад заканчивается следующей фразой:

«Цель этого доклада будет достигнута лишь в том случае, если он будет предложен на рассмотрение высшему начальству и когда оно издаст необходимые приказы, кото-

рые недвусмысленно запретят немецкому солдату вести себя подобно варвару».

Но такой приказ не последовал и не мог последовать, ибо варварство и фашизм неразлучны, фашизм и есть варварство.

Председатель: *Генерал Рагинский, какие доказательства Вы собираетесь представить после перерыва?*

Рагинский: *После перерыва, господин председатель, я представлю несколько письменных документов, относящихся к разрушению культурных ценностей Литовской, Эстонской и Латвийской Республик, а затем, с разрешения Трибунала, я хотел бы предъявить документальный фильм с тем, чтобы к концу заседания закончить представление документальных доказательств.*

Председатель: *Сколько времени займет демонстрация фильма?*

Рагинский: *Демонстрация фильма займет 30—35 минут.*

Председатель: *Не думаете ли Вы, что после обширного и детального материала о разрушениях и грабежах, на который Вы обратили наше внимание, достаточно было бы суммировать материал и назвать нам страны, в которых производилось аналогичное разграбление?*

Рагинский: *Я имею в виду, господин председатель, представить Трибуналу документ, в котором будут указаны общие итоги и цифры.*

Председатель: *Тогда мы сейчас сделаем перерыв на десять минут.*

(После перерыва)

Рагинский: *Я прошу несколько минут внимания Трибунала для того, чтобы я, до представления итогового документа, мог огласить один немецкий документ, относящийся к разделу обвинения, по которому я представляю доказательства.*

Оккупировав Литовскую, Эстонскую и Латвийскую Советские Республики, немецко-фашистские захватчики пытались превратить Советскую Прибалтику в германскую колонию и поработить народы этих республик. Эта преступная цель гитлеровского правительства нашла свое полное выражение в повсеместном грабеже, всеобщем разорении, насилиях и издевательствах, в массовых убийствах стариков, женщин и детей.

Чтобы онемечить народы Литовской, Эстонской и Латвийской Советских Социалистических Республик, гитлеровцы всячески уничтожали культуру этих республик. Они разрушали и грабили школы и университеты, библиотеки и музеи, театры и исторические памятники.

Столицу Советской Латвии — Ригу они объявили главным городом «Остланда» («Восточная территория») и резиденцией штаба Розенберга.

В документах, представленных Трибуналу советским обвинением под номерами СССР-7, СССР-39, СССР-41, приводится множество фактов, которые далеко не исчерпывают и не могут исчерпать всех преступлений немецко-фашистс-

ких захватчиков против культуры народов Советской Прибалтики.

В этих чудовищных преступлениях против народов Советской Прибалтики «выдающуюся» роль играл подсудимый Розенберг, бывший рейхсминистр.

Даже тогда, когда уже стал очевиден неотвратимо надвигающийся крах фашистской Германии, когда уже был близок час справедливого и грозного суда над гитлеровскими преступниками, подсудимый Розенберг продолжал грабежи.

Еще в конце августа 1944 года Розенберг организовал и проводил ограбление культурных богатств Риги, а также Ревеля, Дерптаи ряда других городов Эстонской Республики.

Я прошу Трибунал обратить внимание на документ ПС-161 от 23 августа 1944 г., озаглавленный «Поручение» и подписанный начальником штаба Розенберга — Утикалем.

Этот документ представляется нами Трибуналу под номером СССР-376, в Вашем томе документов, господа судьи, он имеется на странице 400. Я цитирую этот документ.

«2 августа 1944 г. рейхслейтер Альфред Розенберг вызвал из штаба главного начальника Фридриха Шиллера для доклада об имеющихся в настоящее время возможностях эвакуации культурных ценностей из восточных областей. На основании этого доклада рейхслейтер решил, что наиболее ценные культурные богатства Остланда могут быть еще отосланы его штабом, поскольку это возможно без ущерба для нужд действующих частей.

Особенно ценными рейхслейтер считает следующие:

Из Риги: городской архив, государственный архив (главная часть в Эдвалене).

Из Ревеля: Городской архив, Эстонское литературное общество, мелкие предметы из дома Черноголовых, ратуши, евангелическо-лютеранской консистории и Николаевской церкви.

Из Дерпта: университетскую библиотеку.

Из эстонских имений — предметы, находящиеся в Ерлепе, Водья, Вейсенштейне, Лахмесе.

Проведение вывоза поручается главному начальнику по мобилизации Шиллеру, как будущему начальнику главной рабочей группы «Ост» штаба Розенберга.

Ему рекомендуется поддерживать особую связь с группой армий «Север», чтобы согласовать проведение поручения рейхслейтера с потребностями действующих частей в области транспорта».

Еще на одну особенность, господа судьи, необходимо обратить ваше внимание.

И в данном случае разграбление проводилось Розенбергом совместно с военным командованием. И даже осенью 1944 года подбирались «будущие начальники» штаба Розенберга.

Анализ всех этих обстоятельств позволяет еще раз со

всей категоричностью утверждать, что уничтожение и разграбление культурных ценностей вдохновлялось, руководилось и осуществлялось единым центром и этим центром являлись преступные гитлеровское правительство и верховное командование, представители которых в лице всех подсудимых по настоящему процессу и должны понести наказание в соответствии со статьей 6 Устава Международного военного трибунала.

Господа судьи! Когда речь идет о системе всеобъемлющего разрушения и разграбления, невозможно, да и вряд ли это нужно, перечислить все факты, даже если эти факты сами по себе и очень важны.

На оккупированных территориях Советского Союза гитлеровцами проводилась именно такая, всеобъемлющая по своему размаху и разносторонняя по своим методам, система разрушения и разграбления культурных ценностей народов СССР.

Сейчас еще невозможно представить исчерпывающий итог злодеяний подсудимых.

Но я, с Вашего разрешения, приведу документ, который содержит, хотя и предварительные, но совершенно точные данные, свидетельствующие о том огромном ущербе, который был причинен гитлеровцами.

Я имею в виду Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии, представленное Трибуналу под номером СССР-35. Это сообщение имеется в томе документов на страницах 404—405.

Из этого документа я приведу только отдельные выдержки, имеющие непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу, которые ранее не оглашались. Цитирую:

«1. Разрушение культурно-бытовых учреждений общественных организаций и кооперации.

В потребительской и промысловой кооперации, в профессиональных союзах и в других общественных организациях немецкие захватчики разрушали на территории СССР, подвергавшейся оккупации, предприятия, клубы, стадионы, дома отдыха, санатории.

У кооперативных, профсоюзных и других общественных организаций они уничтожили свыше 87 тысяч зданий хозяйственного назначения, 10 тысяч жилых зданий и 1839 культурно-бытовых учреждений. Они ...утащили в Германию ...около 8 миллионов томов книг... Из владений профессиональных союзов немецкие захватчики полностью уничтожили 120 санаториев и 50 домов отдыха, которыми ежегодно обслуживалось более 3 миллионов рабочих, инженерно-технических работников и служащих. Из этого общего числа в Крыму они разрушили 59 санаториев и домов отдыха.., на Кавказских Минеральных Водах — 32 санатория и дома отдыха.., в Ленинградской области — 33 санатория и дома отдыха.., на Украине — 88 санаториев и домов отдыха...

Немецко-фашистские захватчики разрушили здания 46

пионерских лагерей и детских оздоровительных учреждений, принадлежащих профсоюзам.

Они уничтожили 189 клубов и дворцов культуры...

На территории Советского Союза, подвергавшейся немецкой оккупации, к началу 1941 года было 82 тысячи начальных и средних школ с 5 миллионами учащихся. Все средние школы имели библиотеки, насчитывавшие от 2 до 25 тысяч томов каждая, те или другие оборудованные физические, химические, биологические и другие кабинеты...

Немецко-фашистские захватчики сожгли, разрушили и разграбили эти школы со всем имуществом и оборудованием...

Немецко-фашистские захватчики полностью или частично разрушили 334 высших учебных заведения, в которых обучалось 233 тысячи студентов, а оборудование лабораторий и кабинетов, уникальные экспонаты университетских и институтских коллекций и библиотеки вывезли в Германию...

Большой ущерб причинен медицинским высшим учебным заведениям...

Оккупанты разрушили и ограбили 137 педагогических и учительских институтов...

Они вывезли из специальных библиотек историко-архивные материалы и старинные рукописи; расхитили и уничтожили в массовых библиотеках свыше 100 миллионов томов книг.

Немецко-фашистские захватчики преднамеренно разрушали учреждения науки... Всего ими было уничтожено 605 научно-исследовательских институтов...

Огромный ущерб немцы причинили лечебным учреждениям СССР. Они разрушили и разграбили 6 тысяч больниц, 33 тысячи поликлиник, диспансеров и амбулаторий, 976 санаториев, 656 домов отдыха...

Я опускаю следующие 3 абзаца и оглашаю данные, относящиеся к разрушению музеев и исторических памятников.

«Немецко-фашистские захватчики разрушили на оккупированной территории 427 музеев из общего числа 992 музеев, имевшихся в Советском Союзе...

Немецко-фашистские захватчики разрушили 44 тысячи зданий театров, клубов, красных уголков».

Сейчас, с разрешения Трибунала, я хотел бы представить документальный фильм и документы, удостоверяющие документальность этого фильма. Фильм называется «Разрушения произведений искусства и памятников национальной культуры, произведенные гитлеровцами на территории СССР». Фильм и документы я представляю под номером СССР-98.

Из этого фильма Вы, в частности, увидите, какой была «Ясная Поляна» до нашествия гитлеровцев и во что оккупанты превратили эту реликвию советского народа.

Могу ли я, господин председатель, приступить к демонстрации фильма?

Председатель: *Да, конечно.*

(Демонстрируется фильм.)

Рагинский: *Я должен, господа судьи, остановиться еще на одной категории преступлений, совершенных гитлеровцами, — ограблении и разрушении церквей, монастырей и других учреждений религиозных культов.*

Разрушая монастыри, храмы, мечети и синагоги, расхищая их утварь, немецкие захватчики садистски глумились над религиозным чувством людей. Солдаты и офицеры устраивали в храмах кровавые оргии, держали в церквах лошадей и собак, надевали на себя церковное облачение, из икон устраивали нары.

Я не буду занимать время предъявлением многочисленных документов, имеющихся в распоряжении советского обвинения. Ограничусь только некоторыми из них, в частности, документальными фотоснимками, альбом которых я представляю Трибуналу под номером СССР-99.

С Вашего разрешения, я хочу привести еще несколько письменных документов, в частности небольшую выдержку из документа, представленного уже Трибуналу. Эта выдержка имеется в томе документов на обороте страницы 321. Цитирую:

«Гитлеровские оккупанты не щадят и религиозных чувств верующей части советского населения. Они сожгли, разграбили, взорвали и осквернили на советской территории сотни церквей, в том числе некоторые неповторимые памятники старинной церковной архитектуры...

Священник Амвросий Иванов пишет из села Иклинского Московской области:

«До прихода немцев церковь была в полном порядке. Немецкий офицер велел мне все убрать из церкви... Ночью приехали войска, заняли церковь, завели туда лошадей... В церкви стали все бить и ломать, делать нары. Выбросили все: престол, царские врата, хоругви, плащаницу. Одним словом, из храма сделали вертеп разбойников».

...В селе Гостешево немцы разграбили церковь, хоругви поломали, книги разбросали, священника Михаила Страхова ограбили и увезли с собой в другой район. В селе Холм, близ Можайска, немцы ограбили и избили местного восьмидесятидвухлетнего священника; отступая из Можайска, немцы взорвали церкви Вознесения, Троицы и собор Николая Чудотворца. Как правило, именно в церковные здания немцы загоняли перед своим уходом часть населения сожженных деревень, предавая огню церкви и запертых в них людей».

Оглашаю также краткую выдержку из страницы 12 протокола допроса Ю. Н. Дмитриева (протокол представлен Трибуналу под номером СССР-312).

«...В Знаменском соборе (в Новгороде) в алтаре северного придела немцами была устроена уборная для солдат, которые жили в подцерковье собора.

В церкви Ильи-пророка на Славне была устроена конюшня.

В Пскове конюшни были устроены в церквах: Богоявление на Запсковье, Косьмы и Дамиана на Гремячей горе, Константина и Елены и церкви Иоанна Богослова».

В документе, представленном Трибуналу под номером СССР-279, приводятся факты кощунственного надругательства, имевшего место в городе Гжатске, где церкви были превращены немцами в конюшни и склады. В Благовещенской церкви немцы устроили бойню для рогатого скота.

В документе Чрезвычайной Государственной Комиссии «О разрушении зданий религиозных культов», который я представляю под номером СССР-246, приводятся и общие данные. В этом документе указано:

«Немецко-фашистские захватчики разрушили полностью и частично повредили 1670 церквей, 69 часовен, 237 римско-католических костелов, 4 мечети, 532 синагоги и 254 других зданий религиозных культов».

Эти общие данные, господа судьи, Вы найдете также и в документе, представленном Трибуналу под номером СССР-35. Я не буду занимать Вашего внимания оглашением всего документа, но хотел бы огласить из него некоторые очень краткие выдержки. Цитирую:

«Материальная ответственность немцев не возместит полностью тех разрушений, которые коснулись зданий религиозных культов, древнейших исторических памятников, так как большинство из них уже не могут быть восстановлены...

В окрестностях Новгорода от прицельного артиллерийского огня совершенно погибли такие древности, как собор Кириллова монастыря XII века, церковь «Николы на Липке» XIII века, церковь «Благовещения на Городище» XIII века.

Огромные разрушения причинили немцы пяти церквам, входящим в комплекс Псково-Печорского монастыря, являющимся одним из наиболее ценных памятников древнерусских монастырей, отражавших в себе эпоху развития Псковского крепостного зодчества XVI века.

Много церквей — памятников старины уничтожили немецкие захватчики в Белоруссии. Так, в городе Витебске разрушена Рождественская церковь, интересный памятник белорусской архитектуры XVII века. Полностью разрушены деревянные церкви XVIII столетия — Богословская и Никольская.

Трудно восстановимые разрушения причинены Воскресенско-Заручьевской церкви, постройки XVIII столетия, которая по своей архитектуре являлась интересным сооружением белорусского классицизма. Там же, в городе Витебске, немцы разрушили костел, строительство которого относится к XVIII столетию.

В городе Дисне Полоцкой области немцы сожгли римско-католический костел, основанный в XVII веке, а имущество его разграбили.

В городе Рожнятове Станиславской области немецкий военный комендант Тимошель Рудольф использовал три

синагоги под казармы, а после разграбил все имущество синагог, разрушил их здания...

Разрушая здания религиозных культов, немцы грабили и уничтожали все их оборудование. Множество икон и утвари было отправлено из зданий религиозных культов в Германию.

Ограблен Иосифо-Волоколамский монастырь, из которого исчезли древние монастырские плащаницы и личные вещи основателя монастыря — Иосифа Полоцкого.

Со всех икон, находящихся в Тихвинском монастыре, немцы содрали позолоту, сняли серебро, бархатные обложки и басму, похитили лучшие ризы. Из Успенской церкви того же монастыря украли шесть овальных икон и две серебряные позолоченные иконы с иконостаса.

В 1941 году из Старицкой церкви немецкие солдаты и офицеры украли все сосуды, запрестольные кресты, венцы, митры, дарохранительницы.

В городе Докшицах Полоцкой области немцы разграбили и увезли все имущество местной мечети. Такую же участь разделили почти все храмы, оказавшиеся в зоне немецкой оккупации.

Ограбление церквей, костелов, синагог, мечетей и других зданий религиозных культов производилось немцами повсеместно».

Гитлеровские заговорщики не только физически грабили, истязали, убивали, но они стремились и морально унизить, духовно ограбить верующих.

Таковы, господа судьи, письменные доказательства преступлений против культуры, совершенных Розенбергом, Франком, Герингом, Риббентропом, Кейтелем и другими участниками заговора.

Преступления подсудимых против культуры действительно ужасающи по своим последствиям.

Хотя и с огромными усилиями, но можно отстроить новые города и села, разрушенные гитлеровцами.

Можно восстановить фабрики и заводы, взорванные и сожженные ими. Но навсегда потеряны для человечества неповторимые произведения искусства, которые гитлеровцы варварски уничтожили, как и невозвратимы миллионы человеческих жизней, погубленных ими в Освенциме и Треблинке, в Бабьем Яру и Керчи.

Заимствовав из тьмы веков свои человеконенавистнические теории, современные гунны превзошли самые мрачные страницы истории своей жестокостью и вандализмом.

Дерзновенно посягая на будущее человечества, они топтали лучшее наследие его прошлого.

Не имея ни идеалов, ни веры, они кощунственно разрушали храмы и реликвии.

В невиданном единоборстве культуры и мракобесия,

цивилизации и варварства победителями вышли культура и цивилизация.

Гитлеровские заговорщики, мечтавшие о мировом господстве, об уничтожении культуры славянских и других народов, посажены на скамью подсудимых.

Пусть же им воздастся должное!

Из выступления представителя обвинения от Франции Ш. Жертоффера[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 6 февраля 1946 г.

Экономическая секция французской делегации подготовила материалы по фактам разграбления нацистами произведений искусства в оккупированных странах Западной Европы. В целях экономии времени мы сочли возможным в судебном заседании 22 января отказаться от представления этих материалов Трибуналу. Однако нам стало известно, что подсудимый Розенберг намеревается поддерживать версию о том, что произведения искусства собирались им якобы с целью «охраны» их. Мы считаем, и это явствует из представляемых Трибуналу документов, что об охране не может быть и речи, это настоящее разграбление.

Господин председатель, господа судьи, разграбление произведений искусства, с точки зрения причинения ущерба культуре народа, представляет такую проблему, которой я не буду сейчас касаться, так как это было темой выступления полковника Стори 18 декабря 1945 г. Я буду говорить только об экономической стороне вопроса, чтобы завершить представление материалов по ограблению стран Западной Европы.

Как сможет убедиться Трибунал, руководители империи систематически захватывали произведения искусства, принадлежавшие главным образом частным лицам, под предлогом того, что это были евреи. Таким образом, эти руководители империи становились собственниками крупных ценностей. В Бельгии, Голландии, Люксембурге, Франции были расхищены картинные галереи, общественные и частные коллекции, старинная мебель, фарфор и драгоценности.

Здесь идет речь не об отдельных кражах, которые совершаются солдатами, как это всегда было и до сих пор бывает на войне. Эта кампания грабежа проводилась систематически и по определенному плану. При этом применя-

[1] IMT, vol. 7, p. 51 — 71.

лись различные методы. Акты произвола со стороны отдельных лиц могли осуществляться только в той степени, в какой они содействовали выполнению планов, разработанных нацистскими руководителями еще до июня 1940 года.

Официальным органом, который ведал этим грабежом, был, в основном, специальный штаб министра Розенберга по оккупированным территориям Западной Европы и Нидерландов. Если этот орган не был единственным, то он был наиболее важным из всех.

Стремление присвоить произведения искусства, так же как и материальные богатства, являлось одной из основ национал-социалистской захватнической политики. Деятельность подсудимого Франка в Польше служит веским доказательством этого.

С начала вторжения в Западную Европу появляется идея обеспечить за собой эту ценную добычу. Стремясь захватить как можно больше, различные организации, осуществлявшие эту конфискацию, действовали параллельно.

Прежде всего — это военные власти, которые действовали либо косвенно, как в Голландии через спецслужбы, либо прямо, как во Франции через отдел охраны призведений искусства.

Эта задача возлагалась на гражданские организации, как, например, немецкое посольство в Париже или управление по вопросам вражеского имущества, которое находилось в Голландии в ведении имперского комиссара.

Такое совпадение функций продолжало оставаться и после создания штаба Розенберга. Такова была первая фаза разграбления предметов искусства. Из официальной корреспонденции, так же как из заявлений Отто Абеца, видно, что инициатива, бесспорно, принадлежала министру иностранных дел подсудимому Риббентропу. Эта первая фаза продолжалась с момента вторжения немцев в страны Западной Европы и до октября 1940 года.

Вторая фаза начинается с появлением специального штаба Розенберга. Он появляется на сцену под покровительством подсудимого Геринга, и за грабеж, происходивший в тот период, основную ответственность несет это ведомство.

В июле 1942 года начинается третья фаза в истории существования этого специального штаба. Основным ответственным лицом снова становится подсудимый Альфред Розенберг.

Деятельность специального штаба прекратилась в Западной Европе только с ее освобождением.

Одна часть архива штаба Розенберга попала в руки французской армии; другая — была захвачена американской армией, завладевшей также и личным архивом подсудимого Розенберга. Таково происхождение документов с индексом ПС, которые представляются Трибуналу.

Захват произведений искусства начался с момента вторжения немецких войск в Голландию, Бельгию и Францию. В Париже, начиная с июня, специализированная служба при

посольстве, руководимая фон Кюнсбергом и доктором Дирксеном, одновременно со специальной службой военной администрации под руководством графа Вольфа Меттерниха осуществляли эти действия.

В нарушение Гаагской Конвенции порядок грабежа распространялся как на общественную, так и на частную собственность. Подсудимый Кейтель 30 июня 1940 г. направил следующий приказ генералу фон Боккельбергу, военному губернатору Парижа. Копию этого приказа я представляю, документ РФ-1301:

«Фюрер, после получения доклада министра иностранных дел, издал приказ о взятии на сохранность помимо предметов, имеющих историческую ценность, находящихся во владении Французского государства, также предметов искусства, исторических ценностей, которые принадлежат частным лицам, и в особенности евреям. Это не является экспроприацией, но передачей их под нашу охрану в качестве гарантии во время мирных переговоров».

Аналогичные меры не замедлили последовать в Голландии и в Бельгии, а также в Люксембурге.

Документ РФ-302, ПС-137, захвачен американской армией; я представляю копию с него. Он подписан подсудимым Кейтелем 5 июля 1940 г.:

«Рейхслейтер Розенберг предложил фюреру следующее:

Во-первых, государственные библиотеки и архивы должны быть подвергнуты тщательному осмотру для изъятия документов, представляющих ценность для Германии.

Во-вторых, различные канцелярии и церковные учреждения, а также ложи должны быть подвергнуты обыску с целью обнаружения доказательств их политических маневров, направленных против нас, и соответствующие материалы должны быть изъяты.

Фюрер приказал, чтобы это предложение было выполнено и чтобы гестапо, заручившись помощью работников архивов рейхслейтера Розенберга, было уполномочено возглавить эти розыски. Начальник полиции безопасности группенфюрер СС Гейдрих информирован об этом и свяжется с соответствующим военным командованием для выполнения этого приказа.

Эти мероприятия будут проводиться во всех районах Нидерландов, Бельгии, Люксембурга и оккупированной нами зоны Франции.

Требуется, чтобы подчиненные службы были об этом информированы.

Начальник штаба верховного командования
вооруженных сил
Кейтель».

Я представляю теперь документ РФ-1303, копию документа ПС-139, который примерно в таких же выражениях

был издан для Голланднии, и документ РФ-1304 — копию аналогичного документа ПС-140, касающегося Бельгии.

В то же время распоряжением от 15 июля 1940 г. во исполнение приказов Кейтеля была издана инструкция об охране предметов искусства на оккупированных территориях.

Эта инструкция появилась в официальном немецком бюллетене. Я представляю ее копию, РФ-305, и прошу Трибунал разрешить мне процитировать следующие два абзаца.

Первый параграф. Абзац 1:

«Движимые предметы искусства не должны изыматься из тех мест, где они сейчас находятся, и видоизменяться каким-либо образом без письменной санкции начальника военной администрации».

Абзац 3:

«О движимых предметах искусства, стоимость которых превышает 100 тысяч франков, их собственники или владельцы должны сообщить письменно до 15 августа 1940 г. в соответствующую полевую комендатуру или другим органам власти, которые будут указаны этой комендатурой».

Если Трибунал помнит объяснения, которые я имел честь представить здесь 15 дней тому назад, то можно отметить, что относительно бумажной валюты и других ценностей немцы издали аналогичные распоряжения.

В этой инструкции, которую необходимо было довести до сведения населения оккупированных территорий, не говорилось еще о конфискации, а только об иммобилизации и подаче соответствующих заявлений собственниками таких произведений, что должно было послужить подготовкой к будущему разграблению предметов искусства. С этого времени начался захват наиболее известных коллекций, принадлежавших французским евреям. Это происходило в таких условиях, что вызывало многочисленные протесты, адресованные в комиссию по перемирию в Висбадене.

Я представляю документ РФ-1306, письмо французского государственного министра финансов от 18 декабря 1941 г., содержащее такой протест.

Я не буду цитировать этого письма, а ограничусь только его представлением.

Не было проведено разграничения функций и полномочий между гражданскими и военными немецкими учреждениями. Поэтому между ними происходили соперничество и конфликты. Но уже начиная с марта 1941 года первое место в этой деятельности занял специальный штаб Розенберга, и можно утверждать, что с 1940 года по 1944 год этот штаб пользовался настоящей монополией во всем, что касается конфискации предметов искусства как в Люксембурге, так и в Бельгии, Голландии и во Франции.

Специальный штаб Розенберга был создан внешнеполитическим отделом нацистской партии, и его главной функцией являлось собирание политических материалов, которые могли быть использованы «высшей школой» для борьбы с евреями и франкмасонами. Цели этой «высшей

школы» Гитлер определил в своем приказе от 29 января 1940 г., который фигурирует в американской документации, ПС-136. Я представляю его как документ РФ-1308.

«Высшая школа» («Хоэ шуле») должна стать в будущем истинным центром национал-социалистского воспитания. Она будет создана после войны. Для того, чтобы ускорить начатую работу по подготовке создания этой школы, я приказываю, чтобы рейхслейтер А. Розенберг продолжал руководить этими подготовительными работами, в первую очередь, в области исследовательской работы и создания библиотеки.

Партийные и государственные организации обязаны оказывать ему помощь в осуществлении этой задачи.

Берлин, 29 января 1940 г.
Гитлер».

Будучи уполномоченным по отыскиванию и захвату еврейских коллекций, оставшихся в оккупированных странах «без хозяина», специальный штаб Розенберга не удовольствовался тем, что грабил частные жилища, но занимался также изъятием ценностей, которые были сданы на хранение в банки.

Это видно из документа РФ-1307 и который Трибунал, возможно, позволит мне частично огласить:

«26 сентября 1941 г. господин Браумюлер, действуя по полномочию господина Розенберга, изъял два ящика, наполненных произведениями искусства, находившихся на хранении в агентстве «Сосьете Женераль» в Аркашоне и записанных на имя господина Филиппа Ротшильда...»

Однако поле деятельности штаба Розенберга не ограничивалось разграблением имущества, принадлежавшего евреям или масонам. Очень скоро он начал захватывать все произведения искусства в оккупированных странах, действуя всегда незаконными средствами и не проводя никакого различия между собственностью частной и государственной.

Эта деятельность специального штаба Розенберга проводилась на основании приказов самого Геринга. Я представляю документ РФ-1309, найденный американской армией, ПС-141, который является приказом подсудимого Геринга от 5 ноября 1940 г., изданным в Париже и расширяющим сферу деятельности специального штаба Розенберга. Вот этот приказ: «Для обеспечения вопросов сохранности произведения искусств, изъятые у евреев военной администрацией и штабом Розенберга и хранящиеся в Лувре, должны подразделяться следующим образом:

1. Предметы искусства, в отношении которых фюрер оставил за собой право указать их дальнейшее назначение.

2. Предметы искусства, которые могут служить для пополнения коллекции рейхсмаршала.

3. Произведения искусства или коллекции, которые

можно будет использовать для высшей школы, согласно общему плану рейхслейтера Розенберга»...

Деятельность специального штаба Розенберга была многогранной. Так, например, 18 декабря 1941 г. Розенберг предложил Гитлеру изъять ценную мебель евреев в оккупированных западных странах и использовать ее в помещениях партийных учреждений в восточных областях.

Вот копия документа ПС-001, захваченного американскими войсками; я представляю ее в книге документов под номером РФ-1311:

«Повсюду на Востоке администрация застала ужасные условия жизни, возможности снабжения так ограничены, что фактически нельзя ничего купить. Поэтому я запросил разрешение фюрера на изъятие всей движимости, принадлежащей евреям, которые бежали, или тем, которые приготовились бежать из Парижа, как и на всех оккупированных западных территориях для того, чтобы, по возможности, обеспечить администрацию восточных областей движимым имуществом».

Немцы скрывали свои истинные намерения, что видно из письма от 28 февраля 1942 г., адресованного в немецкую комиссию по перемирию немецким военным командующим во Франции. Фотокопию письма я представляю под номером РФ-1312. Вот выдержки из него:

«Учитывая характер задач, порученных специальному штабу Розенберга, состоящих в изъятии художественных ценностей, принадлежащих евреям, французское правительство неоднократно заявляло протесты против деятельности специального штаба главному командованию сухопутных сил; в ответ Французское правительство получало лишь сообщения о том, что запрос направлен в соответствующее учреждение в Берлине для того, чтобы там было принято окончательное решение».

Дальше в том же письме мы читаем:

«Задачи специального штаба Розенберга должны сохраняться в тайне от французских властей».

Письмо, адресованное начальнику отдела военной администрации в Париже от 7 апреля 1942 г., которое я предсталяю, РФ-1313, указывает на те же самые директивы. Привожу выдержку из этого письма:

«Движимость, принадлежащая евреям, подданным Англии и Америки, в настоящий момент не должна реквизироваться, в отличие от собственности евреев, состоящих в немецком подданстве, а также тех, кто состоит в подданстве стран, оккупированных частично или полностью, или тех, кто не имеет гражданства. Реквизированные предметы становятся собственностью империи. Не должно выдаваться никаких расписок в получении. Права третьих лиц, в особенности съемщиков или владельцев мебельных складов, считаются погашенными».

Далее, в той же инструкции:

«6) Проведение этих мероприятий должно осуществляться в строжайшей тайне. На запросы французских орга-

нов и местных властей, касающиеся этих действий, надо отвечать устно, что речь идет о карательной мере, осуществляемой на основании приказов свыше. Всякие дополнительные объяснения излишни. Частные жалобы пересылать в специальный штаб. Какие-либо материалы, помещаемые в печати относительно использования пустующих еврейских помещений, сейчас несвоевременны».

Привожу далее короткий абзац из письма, датированного 18 июня 1942 г. подписанного, Розенбергом и адресованного Герингу. Я представляю копию этого письма, РФ-1314. Вот абзац, который я хотел бы огласить перед Трибуналом:

«Некоторое время тому назад я подтвердил инструкции, данные начальником моего оперативного штаба штабсфюрером Утикалем доктору Лозе из управления по вопросам живописи, о том, чтобы этот последний находился в Вашем распоряжении для выполнения Ваших личных желаний».

Господа судьи, я сейчас перехожу к некоторым объяснениям, касающимся методов проведения захвата имущества.

Первые конфискации были произведены военными властями и немецким посольством. Специальный штаб появился на сцену только в тот момент, когда основные массовые конфискации были уже закончены. Главная часть коллекции Ротшильда, Канна, Вейль-Пикара, Вильденштейна была уже конфискована.

Относительно методов, применявшихся при захвате произведений искусства, я представляю Трибуналу документ РФ-1315, который является письмом от 25 октября 1941 г. из секретариата министерства финансов Франции. В целях экономии времени я не буду его оглашать...

Я хочу также сослаться на доклад доктора Шольца о деятельности специального штаба Розенберга. В этом докладе приводятся подробности о количестве произведений искусства, которые были изъяты.

После мероприятий по захвату произведений искусства немцы перешли к инвентаризации, составлению каталогов, размещению этих награбленных произведений в определенные места для сохранения. Это была очень большая работа, которая заняла очень много времени, оказавшись очень сложной ввиду отсутствия порядка и методичности.

Произведения искусства свозились в музеи Же-де-Пам и Лувр, большей частью в одной общей партии, хотя предметы поступали из разных источников, поэтому оказывалось невозможным их инвентаризировать. Очень большое количество произведений искусства было классифицировано как «неизвестного происхождения». В то же самое время в отчете специального штаба Розенберга от 15 апреля 1943 г., найденном американской армией, это документ ПС-172, РФ-1316, копию которого я представляю, говорится следующее:

«Благодаря тщательному изучению полученных ценнос-

тей можно составить точный отчет о финансовой стороне проведенных мероприятий. Подготовительные работы были проведены таким образом, что составленный общий отчет можно рассматривать как беспрецедентный в истории документ, относящийся к операциям по учету и захвату произведений искусства, единственным и уникальным в своем роде».

Некоторые произведения искусства рассматривались немцами как произведения вырождающегося искусства, и допуск их на национал-социалистскую территорию был запрещен. В принципе они были обречены на уничтожение, но в рамках тотальной военной экономики эти произведения, хотя и обреченные, тем не менее представляли реальную и притом значительную ценность.

Поэтому ценные полотна тщательно выискивались как в общественных коллекциях, так и у частных лиц, затем отбирались и, как это было предусмотрено параграфом 5 приказа от 5 ноября 1940 г., передавались для продажи на французских и немецких рынках торговли предметами искусства.

Кроме этих «забракованных» произведений искусства, некоторые другие также не включались в официальные коллекции, как представляющие меньшую ценность. Они становились объектом многочисленных злоупотреблений. Таким образом, мы переходим к вопросу о торговле произведениями искусства. Причем здесь речь идет не о мошеннических и тайных комбинациях, производившихся отдельными членами штаба Розенберга, а об официальных мероприятиях.

Специальный штаб проводил обычно два вида операций, а именно: обмен и продажу.

По вопросу об обмене мы располагаем документом РФ-1317, это — показания Густава Рошлица, данные им 6 января 1946 г. в Париже следователю господину Фрапие. Из этого документа я прошу позволить мне огласить один абзац:

На протяжении 1941 и 1942 гг. я произвел обмен ряда старинных картин на 80 современных картин, переданных мне Лозе, который мне всегда говорил, что этот обмен происходил по приказу Геринга и что полученные путем этого обмена картины предназначались для Геринга. После этого я узнал, что все картины, полученные путем обмена, находятся в коллекции Геринга. Я отдал взамен примерно 35 картин, а может быть, и больше».

Эти факты подтверждены самим подсудимым Розенбергом в последних строках его доклада от 15 апреля 1943 г., который представлен как документ ПС-172 и уже оглашался. Я представляю копию, документ РФ-1316. Вот интересная выдержка из этого доклада:

«По приказу рейхсмаршала некоторое количество произведений современного французского вырождающегося искусства при помощи одной парижской фирмы было обменено на картины, которые имеют общепризнанную ху-

дожественную ценность. Таким образом, при очень интересных обстоятельствах было получено 87 произведений старых итальянских, фламандских и немецких художников, которые имеют общепризнанную высокую художественную ценность».

Многочисленные предметы искусства, книги и в особенности картины были распроданы представителями специального штаба; некоторые — во Франции, другие — в Германии или в Швейцарии. Расчет становится вполне ясным, если учесть, что картины, захваченные под мнимым предлогом их охраны, в действительности распродавались в нейтральных странах и оплачивались валютой.

Мне кажется, что теперь надо вкратце остановиться на тех объяснениях, которые немцы представляли в оправдание своих захватнических действий. Эти оправдания являются не чем иным, как словесными уловками в отношении самого характера принятых мер: мероприятия, носящие временный характер, с целью «охраны».

Граф Меттерних, бывший начальником службы по охране произведений искусства во Франции с июля 1940 года по 1942 года ясно говорит об этом в своем отчете, копия которого была найдена во Франции и представляется мною, документ РФ-1318. Вот краткие выдержки из этого отчета:

«С момента моего прибытия во Францию я понял, что различные учреждения, не принадлежащие к военной администрации, проявляли особый интерес к предметам искусства.

Дальше, в этом же параграфе:

«В данном случае не предусматривалась их экспроприация, но эти предметы рассматривались как залог для будущего мирного договора. Более подробных инструкций относительно выполнения этого приказа не последовало и понятию «под охраной» не было дано толкования».

Туманное выражение «под охраной» позволяло всякое толкование. По мнению некоторых, этот захват был только временной мерой, однако вопрос об окончательной судьбе этих предметов оставался открытым. Что касается подсудимого Розенберга, то его решение было несложным: он высказал его в приводившемся здесь письме от 18 июля 1942 г., адресованном Герингу, которое я представлял.

Вот один интересный отрывок из этого письма.

«Я думаю, Вы будете со мной согласны в том, что художественные ценности, изъятые у евреев, должны рассматриваться как принадлежащие национал-социалистской партии. Что касается различных материалов для исследования, то фюрер уже решил, чтобы эти материалы, добытые специальным штабом, были переданы «Хоэ-шуле». В дальнейшем следовало бы передать изъятые произведения искусства в распоряжение партии. Разумеется, окончательное решение должно быть предоставлено фюреру, но такое мероприятие кажется разумным, принимая во внимание

тот факт, что партия расплачивается за борьбу с евреями на протяжении более 20 лет...»

В отчетном докладе, затребованном командующим армией и составленном по приказу Розенберга начальником специального штаба Утикалем в ноябре 1941 года, этот последний доходит до следующего утверждения (я представляю копию этого отчета под номерами РФ-1319, РФ-1320, РФ-1321 и оглашаю выдержку из приложения РФ-1321, страница 31):

«Репрессивные меры, которые немцы предпринимают против евреев, основаны на международном праве. Имеется известный правовой принцип, согласно которому на войне допустимо применение тех мер и репрессий, которые противник применил первый...»

Итак, господа судьи, конфискацию, осуществлявшуюся специальным штабом, пытались оправдать этим странным толкованием закона. Я считаю излишним оценивать такой аргумент. Бельгийские, голландские и французские власти неоднократно протестовали, ссылаясь на элементарные установления международного права, но они всегда получали отказ.

Следовало бы уточнить общую стоимость захваченных ценностей, но это трудно сделать, хотя сам Розенберг неоднократно возвращался к оценке своей добычи. Так, например, в письме к казначею партии Шварцу от 14 ноября 1940 г. — документ ПС-1736, РФ-1322, — он считает, что стоимость добычи, захваченной к этому времени, доходит до 1/2 миллиарда марок.

Документы специального штаба достаточно многочисленны и ясны, они позволяют сделать некоторые подсчеты.

Основным документом является доклад доктора Шольца от 14 июля 1944 г., на который я уже ссылался. Этот документ, ПС-1015, частично оглашал полковник Стори. Я представляю копию его под номером РФ-1323. Из этого доклада я оглашу очень короткую выдержку, касающуюся количества изъятых произведений искусства. Согласно этому докладу из 203 частных коллекций, в частности из коллекций Ротшильда, Альфреда Канна, Давида Вейльда, Леви де Бенциона и братьев Зелигман, было изъято 21 903 произведения искусства.

В том же докладе указывается, что всего было отправлено «29 больших партий, 137 грузовиков и 4174 ящика»...

Специальный штаб Розенберга интересовался не только картинами и произведениями искусства, но также и книгами. Таким образом, из документа ПС-171, копию которого мы передаем под номером РФ-1324, явствует, что 550 тысяч томов были вывезены из Франции.

Голландии также пришлось уплатить очень большую дань книгам. Были расхищены богатые библиотеки первопечатных экземпляров и рукописей. Из документа ПС-176, копию которого я передаю под номером РФ-1325, явствует, что стоимость книг составила приблизительно сумму от 30 до 40 миллионов рейхсмарок.

Надо также отметить, что согласно документам ПС-178 и ПС-171, РФ-1326, в феврале 1941 года были изъяты архивы банка Ротшильда.

Штаб Розенберга занимался также расхищением мебели. Из письма от 3 октября 1942 г., посланного подсудимым Розенбергом Гитлеру, документ РФ-127, явствует следующее, я оглашу выдержку из этого письма:

«Для проведения мероприятий «М» в Париже было создано управление, имеющее свои отделы в Бельгии, Голландии и во Франции. Это управление до настоящего времени вывезло до 40 тысяч тонн мебели, используя все средства транспорта: пароходы, железнодорожный транспорт...Имперское министерство предоставило очень большую часть этой мебели — более чем 19500 тонн — в распоряжении лишившихся крова граждан рейха». В отчете Розенберга от 4 ноября 1943 г. — документ ПС-1737, РФ-1328, — указано:

«В пользу лишившихся крова в результате бомбежки городов Германии было захвачено и опечатано 52 828 квартир евреев. В помощь особо пострадавшим городам было послано 47 569 комплектов полной обстановки квартир».

Документ Л-188 представляет собой отчет, исходящий из управления подсудимого Розенберга. Этот документ, РФ-1329, указывает, что более чем 69 619 квартир евреев были разграблены, что меблировка этих квартир занимала 1 079 373 кубических метров и что для того, чтобы перевезти всю эту мебель, были использованы 26 984 вагона, то есть 674 поезда.

В той же папке находится документ РФ-1330, в котором указывается, что только в Париже было разграблено 38 тысяч квартир евреев.

Документ ПС-1772, РФ-1325 был уже представлен. В нем указывается, что в Голландии с марта 1942 года по июль 1943 года были разграблены 22 623 квартиры и что понадобилось 586 барж и 178 вагонов, чтобы вывезти мебель из этих квартир.

Этих нескольких цифр достаточно, чтобы поддержать от имени стран Западной Европы обвинение против штаба Розенберга в расхищении ценностей... Хищения, которые производились на протяжении веков теми или иными завоевателями, ни в какое сравнение не идут с разграблением, которое осуществляли подсудимые...

Каковы бы ни были предлоги, выдвигаемые нацистскими руководителями для оправдания своих посягательств на художественные ценности Западной Европы путем ли краж, или пресловутых арестов на имущество с целью обеспечения «сохранности» его, или путем покупок у владельцев или у коммерсантов, — преступный характер этих операций налицо...

Защита, возможно, будет утверждать, что обмен или покупка произведений искусства на свободном рынке не могут быть вменены в вину подсудимым ввиду того, что

они велись на договорных началах, на основании добровольности и с соответствующей компенсацией. Но факты, представленные Трибуналу, позволяют утверждать, что эти операции лишь внешне носили законный характер. При рассмотрении же условий заключения договоров, на которые пытаются сослаться, выясняется, что они заключались под угрозой или по принуждению; в отношении прав на компенсацию надо отметить, что компенсация при обмене производилась за счет украденных произведений искусства. Компенсация при покупках производилась за счет национальной валюты, добытой в качестве контрибуции или по клирингу.

Большинство этих покупок, с точки зрения общих принципов уголовного права, недействительны, так как за приобретаемые произведения искусства уплачивались суммы, добытые путем хищения у продавцов, а в другом случае при «покупке» применялись принуждение, мошенничество и обман. Это явствует из протокола допроса некоего Густава Рошлица от 8 января 1946 г., который я уже оглашал. Я сейчас прочту еще несколько выдержек из этого протокола допроса.

«Рошлиц, торговец картинами в Париже, показал:

Лозе приехал ко мне в феврале 1941 года. Он сказал мне, что ищет картины для некоторых лиц, главным образом для Геринеа. Я показал ему картину Вееникса, которая мне принадлежала, и картину «Портрет мужчины» Тициана, которая принадлежала на 2/3 Виршеницкому и на 1/3 мне.

Лозе купил их. Затем, восемь-десять дней спустя, он предложил мне вместо денег картины в обмен. Он, кстати, считал, что я слишком много запросил за эти картины. Цена приблизительно составляла 2 миллиона. Он добавил, что Геринг видел эти картины, но не стал платить условленную цену и приказал обменять их на современные картины из Германии.

Он показал мне несколько картин и предложил их в обмен на упомянутые две картины, но помешал мне посмотреть, что было написано на обратной стороне картин».

Дальше этот же свидетель говорит: «Я думал в то время, что картины из Германии. Затем вскоре я узнал, что показаные мне картины и те, которые были в дальнейшем переданы мне Лозе путем обмена, были конфискованы у евреев. Когда я узнал, что эти картины были конфискованы, я стал протестовать. Тогда Лозе мне ответил: «Я действую по приказу Геринга, не бойтесь ничего. Эти конфискации предусмотрены в соглашении о перемирии, и обмены совершенно законны». Так как я продолжал возражать, он назвал меня врагом народа...»

Никогда история еще не знала примера такого организованного расхищения, как то, которое проводилось подсудимыми.

Расхищение произведений искусства было организовано самыми крупными руководителями империи. Мой коллега по обвинению, которому поручено представление доказа-

тельств индивидуальной ответственности, еще коснется этого вопроса. Я ограничусь тем, что представлю еще несколько документов и оглашу несколько выдержек.

Альфред Розенберг был ответственным начальником специального штаба. Приказы исходили от него. Во время следствия он был допрошен полковником Хикелем, и я передаю копию этого допроса от 28 сентября 1945 г., документ РФ-1332.

Подсудимый Геринг явился официальным создателем специального штаба Розенберга. Он даже написал Розенбергу 21 января 1941 г. письмо, копию которого я передаю, документ РФ-1335, ПС-1651. В нем указывалось:

«Делайте все возможное для того, чтобы оказать энергичную поддержку работе вашего штаба и предоставить в его распоряжение то, чего он не может пока получить, а именно: средства транспорта и личную охрану. Военно-воздушные силы получили приказ оказать вам всяческую поддержку»...

Во Франции был обнаружен листок из блокнота с золотым обрезом. На этом листке были записаны инструкции, данные Герингом в Париже. Неизвестным почерком написана дата 11 февраля 1941 г. Оригинал документа передаю Трибуналу.

Вот перевод этих инструкций (документ РФ-1333):

«Все картины, отмеченные буквой «Г», предназначены для фюрера...»

В скобках написано: «Один ящик, который отмечен буквами «АН», предназначен для меня...»

Я хотел бы указать Трибуналу, что во всех оккупированных странах подсудимый Геринг использовал целый ряд скупщиков, из которых самыми известными были доктор Лозе, входивший в состав специального штаба, и некий Хофер...

Хофер и Лозе действовали в интересах подсудимого чаще всего от своего собственного имени. Личная коллекция подсудимого Геринга очень увеличилась в результате этих закупок. Среди главных руководителей империи, которые имели отношение к специальному штабу Розенберга, основным начальником, следующим по иерархии, был подсудимый Риббентроп — министр иностранных дел. Риббентропом был инспирирован приказ фюрера от 30 июня 1940 г., который я передал Трибуналу как документ РФ-1301 и огласил его...

Документ РФ-1336, состоящий из ряда приказов, рапортов по армии и по специальному штабу Розенберга, был представлен американским обвинением под номером ПС-05 (США-385).В одном из них говорилось:

«Распоряжения по осуществлению сотрудничества с армией будут даваться начальником верховного командования вермахта после согласования с рейхслейтером Розенбергом...»

Я не буду останавливаться на ответственности подсудимого Кейтеля. Мой коллега, который представит доказательства индивидуальной ответственности подсудимых, особо осветит этот вопрос. В целях экономии времени я лишь скажу следующее: подсудимый Зейсс-Инкварт несет очень большую ответственность за расхищение произведений искусства и книг в Голландии.

Таким образом, я подхожу к концу своего изложения. Каковы бы ни были рынки, каковы бы ни были покупатели при торговле произведениями искусства, используемые мотивы и методы «покупки» оставались одними и теми же.

Трудно допустить, чтобы все эти факты расхищения, совершенные одновременно во всех оккупированных странах Западной Европы, не являлись результатом единой воли.

Это была безжалостная воля к господству во всех областях; она выразилась в стремлении придать внешне законную форму самым незаконным приобретениям. Доказательством этому служат многочисленные заявления подсудимых, которые были представлены Трибуналу.

Воля к разграблению оккупированных стран проявлялась до самых последних часов оккупации.

Наконец, я зачитаю Трибуналу последнюю выдержку; это документ ПС-160, РФ-1346:

«4 августа 1944 г. Начальникам отделов доктору Лозе и доктору Борхерсу из моего специального штаба по оккупированным территориям поручено перевезти всякими еще имеющимися средствами из музея Же-де-Пом и Луврского музея произведения искусства, сданные на хранение во исполнение приказа фюрера. Они еще находятся в Париже.

Господин рейхсмаршал великогерманской империи на днях предоставил в распоряжение специального штаба для выполнения этого задания двух вышеупомянутых лиц, направив им личное уведомление от 13 августа 1944 г. Я прошу вас оказать обоим начальникам отделов всякую необходимую поддержку».

Захват этого имущества нельзя рассматривать как меру по сохранению его, вызванную сложившимися обстоятельствами.

Что касается участи, которую национал-социалистские руководители готовили захваченным предметам, то из представленных документов их намерения и планы совершенно ясны.

Защита, возможно, сошлется на то, что значительная часть национальных культурных ценностей оккупированных стран не была вывезена в Германию.

Если бы мне представили такой аргумент, я бы ответил следующее:

1. По различным причинам оккупанты не имели возможности вывезти в Германию эти произведения, так как у

них едва хватило времени, чтобы собрать все произведения в одно место, инвентаризировать их и вывезти многочисленные предметы, изъятые в других оккупированных странах.

2. Оккупанты, очевидно, занялись главным образом произведениями искусства, принадлежавшими частным лицам, которые, в общем, можно легко перепродать даже в нейтральные страны, в то время как произведения искусства, принадлежавшие нации, трудно сбыть в других странах.

Может быть, скажут, что большая часть произведений искусства была обнаружена, ввиду чего нельзя обвинять в захвате их.

Однако, господа судьи, вы, конечно, понимаете, что даже если многочисленные произведения искусства и были обнаружены союзными армиями, то большей частью они были обнаружены спрятанными.

Обнаружены они были вопреки воле подсудимых и благодаря победе союзных войск. Таким образом, к моменту обнаружения этих произведений искусства преступление было полностью совершено...

Это расхищение часто сопровождалось отягчающими обстоятельствами, среди которых постоянные угрозы насилия в отношении граждан оккупированных стран играли немаловажную роль. Расхищение произведений искусства, таким образом, является формой экономического разграбления, и подсудимые должны отвечать за это перед вашим Высоким Судом.

Допрос свидетеля И. А. Орбели[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 22 февраля 1946 г.

Рагинский: *Господин председатель! Чтобы исчерпать представление доказательств по моему разделу, прошу Вашего разрешения допросить свидетеля Орбели, который уже находится в здании Трибунала. Орбели будет свидетельствовать о разрушении памятников культуры и искусства в Ленинграде.*

(К микрофону подходит адвокат Серватиус[2])

Председатель: *У Вас есть какие-нибудь возражения?*

Серватиус: *Я прошу Суд не заслушивать свидетеля, потому что Ленинград никогда не был оккупирован немецки-*

[1] ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 1, ед. хран. 28.

[2] Адвокат Серватиус защищал подсудимого Заукеля.

ми войсками, и поэтому нельзя установить, что покажет этот свидетель.

Председатель: *Трибунал считает, что возражение адвоката не является существенным, и свидетель будет заслушан.*

(В зал вводят свидетеля Орбели)

Председатель: *Как Ваше имя?*

Свидетель: *Орбели Иосиф.*

Председатель: *Повторите за мной слова присяги:*

Я — Орбели Иосиф, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вызванный в качестве свидетеля по настоящему делу, перед лицом Суда обещаю и клянусь говорить Суду только правду обо всем, что мне известно по настоящему делу.

(Свидетель повторяет слова присяги)

Рагинский: *Скажите, пожалуйста, свидетель, какую должность Вы занимаете?*

Орбели: *Директор Государственного Эрмитажа.*

Рагинский: *Ваше ученое звание?*

Орбели: *Действительный член Академии наук Советского Союза, действительный член Академии архитектуры Союза ССР, действительный член и президент Армянской Академии наук, почетный член Иранской Академии наук, член Общества антикваров в Лондоне, член-консультант Американского института археологии и искусств.*

Рагинский: *Находились ли Вы в Ленинграде в период немецкой блокады?*

Орбели: *Находился.*

Рагинский: *Известно ли Вам о разрушениях памятников культуры и искусства в Ленинграде?*

Орбели: *Известно.*

Рагинский: *Не можете ли Вы изложить Суду известные Вам факты?*

Орбели: *Помимо общих наблюдений, которые я мог сделать после прекращения военных действий вокруг Ленинграда, я ближайшим образом наблюдал меры, предпринимаемые врагом по отношению к музею Эрмитаж, к зданиям Эрмитажа и Зимнего дворца, в залах которого расположены выставки Эрмитажа.*

На протяжении долгих месяцев шла систематическая их бомбежка и артиллерийский обстрел. В Эрмитаж попали две авиабомбы и около 30 артиллерийских снарядов, причем снаряды эти причинили значительные повреждения зданию, а авиабомбы привели к разрушению системы канализации и водопроводной сети Эрмитажа.

Наблюдая разрушения Эрмитажа, я в то же время видел перед собой здания Академии наук, расположенные на другом берегу реки, а именно: Музей антропологии и этнографии, Зоологический музей и расположенный рядом с Зоологическим музеем Морской музей в здании бывшей фондовой биржи. Все эти здания подвергались усиленному

обстрелу зажигательными снарядами, последствия этих попаданий я видел из окон Зимнего дворца.

В самом Эрмитаже артиллерийскими снарядами причинен был ряд повреждений, из которых я сейчас назову наиболее существенные. Одним из снарядов был разбит портик основного здания Эрмитажа, выходящего на Миллионную улицу, и повреждена скульптура «Атланты».

Другой снаряд пробил потолок одной из самых парадных зал Зимнего дворца и причинил в этом зале большие повреждения. Два снаряда попали в бывший гараж Зимнего дворца, где расположены придворные парадные кареты XVII и XVIII веков, причем одним из этих снарядов были разбиты в щепки четыре кареты XVIII века художественной работы и одна парадная золоченая карета XIX века. Еще одним из снарядов был пробит потолок нумизматического зала, колонного зала основного здания Эрмитажа и разрушен балкон этого зала.

В то же время в филиал Государственного Эрмитажа на Соляном переулке, бывший музей Штиглица, попала авиабомба, которая причинила очень большие разрушения зданию, приведя его в полную негодность. При этом пострадала и значительная часть экспонатов, имевшихся в этом помещении.

Рагинский: *Скажите, пожалуйста, свидетель, правильно ли я Вас понял. Вы упомянули о разрушении Эрмитажа и говорили о Зимнем дворце. Одно ли это здание и где находился Эрмитаж, упоминаемый в Ваших показаниях?*

Орбели: *До Октябрьской революции Эрмитаж занимал специальное здание, выходящее на Миллионную улицу и другим фасадом — на Дворцовую набережную Невы. После революции к Эрмитажу присоединены Малый Эрмитаж и здание Эрмитажного театра — здание, отделяющее Эрмитаж от Зимнего дворца, а затем и весь Зимний дворец.*

Таким образом, в настоящее время комплекс зданий, составляющих Эрмитаж, образуют: Зимний дворец, Малый Эрмитаж, Большой Эрмитаж, в котором музей находился до революции, и здание Эрмитажного театра. Вот как раз во двор здания Эрмитажного театра, построенного при Екатерине II архитектором Кваренги, и попала фугасная бомба, о которой я упоминал.

Рагинский: *Кроме разрушений Зимнего дворца, Эрмитажа, известны ли Вам факты разрушения других памятников культуры?*

Орбели: *Я наблюдал ряд памятников Ленинграда, которые пострадали от артиллерийского обстрела и от авиабомб, в том числе повреждения, причиненные Казанскому собору, построенному в 1814 году Воронихиным, Исаакиевскому собору, где колонны и до сих пор носят следы от повреждений — выбоины в граните.*

Затем, в пределах города, значительные повреждения причинены растреллиевскому флигелю близ Смольнинского собора, построенного Растрелли, где вырвана средняя

часть. Артиллерией, кроме того, значительные повреждения причинены поверхности стен Петропавловской крепости, в настоящее время не являющейся военным объектом.

Рагинский: *А помимо Ленинграда, известны ли Вам факты разрушений в пригородах Ленинграда?*

Орбели: *Я ознакомился подробно с состоянием памятников Петергофа, Царского Села и Павловска, причем во всех этих трех городах я видел следы чудовищного покушения на целостность этих памятников. При этом повреждения, которые я видел и перечислить которые очень трудно, потому что их очень много, — все эти повреждения носят следы предумышленности.*

Относительно предумышленности обстрела здания Зимнего дворца я мог бы упомянуть о том, что 30 снарядов, о которых я говорил, попали в Эрмитаж не в один налет, а в течение длительного периода времени, не более одного снаряда в каждый обстрел.

В Петергофе, помимо тех разрушений, которые причинены в Большом дворце пожаром, уничтожившим совершенно этот памятник, я видел содранные с крыши петергофского дворца золоченые листы и от купола Петергофского собора и от здания на противоположном конце этого громадного дворца, причем слететь эти листы от огня и пожара не могли, они были содраны умышленно. В Монплезире, в старинном здании Петергофа, построенном Петром, все повреждения носили характер производившихся длительно и постепенно, не в результате какой-нибудь катастрофы. Покрытые ценной резьбой под дуб стены были ободраны. Старинные, времени Петра, голландские кафельные печи бесследно ичезли, и вместо них были поставлены временные, грубой кладки печи. В Царском Селе, в Большом дворце, построенном Растрелли, повреждения носили, несомненно, умышленный характер, потому, что в ряде зал паркет был выломан и вывезен, в то время как здание погибло от пожара. В Екатерининском дворце была устроена вспомогательная оружейная мастерская, и при этом горн был помещен в резном, ценном камине XVIII века, приведенном в полную негодность.

В Павловском дворце, который был уничтожен пожаром, целый ряд признаков свидетельствует о том, что ценное имущество, находившееся в этих залах, было вынесено до поджога.

Рагинский: *Скажите, пожалуйста, Вы заявили, что Зимний дворец, как и другие памятники культуры, перечисленные Вами, также преднамеренно разрушался. На основании каких данных Вы это заявляете?*

Орбели: *Преднамеренность обстрела и повреждений, причиненных артиллерийскими снарядами Эрмитажу во время блокады, для меня, так же как и для всех моих сотрудников, была ясна потому, что повреждения эти были причинены не случайно артиллерийским налетом в 1—2*

приема, а последовательно, при тех методических обстрелах города, которые мы наблюдали на протяжении месяца. Причем первые попадания были направлены не в Эрмитаж, не в Зимний дворец, снаряды ложились мимо, производилась пристрелка, а после этого — в одном и том же направлении, с ничтожным отклонением по прямой линии, снаряды ложились не более одного, самое большее двух, в каждый данный обстрел, и это не могло носить случайный характер.

Рагинский: *У меня нет больше вопросов к свидетелю.*

Председатель: *Желает ли кто-либо из обвинителей или из защитников допросить свидетеля?*

(К микрофону подходит Латернзер[1])

Латернзер: *Господин свидетель, Вы только что заявили, что артиллерийским обстрелом, а также налетами авиации Эрмитаж и Зимний дворец были разрушены. Меня очень интересовало бы узнать, где эти здания находятся, в частности, если смотреть со стороны Ленинграда?*

Орбели: *Зимний дворец и Эрмитаж, стоящий рядом с ним, находятся в центре Ленинграда, на берегу Невы, на Дворцовой набережной, недалеко от Дворцового моста, в который за время обстрела попал только один снаряд. С другой стороны, против Невы, рядом с Зимним дворцом и Эрмитажем, находится Дворцовая площадь и улица Халтурина. Ответил я на Ваш вопрос?*

Латернзер: *Я немного по-другому ставлю вопрос. В какой части Ленинграда находятся эти здания: на юге, на юго-востоке, на востоке города? Вы можете ответить на этот вопрос?*

Орбели: *Зимний дворец и Эрмитаж, как я уже сказал, находятся в самом центре Ленинграда, на берегу Невы.*

Латернзер: *А где расположен Петергоф?*

Орбели: *На берегу Финского залива, к юго-западу от Эрмитажа, если считать Эрмитаж отправным пунктом.*

Латернзер: *Могли бы Вы сказать, находятся ли поблизости от Эрмитажа и Зимнего дворца военные предприятия?*

Орбели: *Насколько мне известно, в районе Эрмитажа военных предприятий не было...*

Латернзер: *Может быть, вблизи этих зданий стояли артиллерийские батареи?*

Орбели: *На всей площади около Эрмитажа и Зимнего дворца не было ни одной артиллерийской батареи, потому что с самого начала были приняты меры к тому, чтобы не было излишнего сотрясения вблизи от зданий, где находятся музейные ценности.*

Латернзер: *Те фабрики (заводы), которые находились в Ленинграде, продолжали ли работать для военной промышленности или прекратили свою работу?*

---

[1] Адвокат Латернзер защищал генштаб и ОКВ.

Орбели: *На территории Эрмитажа, Зимнего дворца и в ближайшем окружении не работало никакое военное предприятие, потому что там их не было, и во время блокады они там не были построены. Но я знаю, что в Ленинграде военное снаряжение производилось и с успехом применялось.*

Латернзер: *У меня нет больше вопросов.*

(К микрофону подходит Серватиус)

Серватиус: *Господин свидетель, как далеко расположен ближайший мост на Неве от Зимнего дворца?*

Орбели: *Ближайший мост — Дворцовый — расположен в полсотне метров, но, как я уже сказал, за время обстрела в Дворцовый мост попал только один снаряд. Именно это убеждает меня и создает уверенность в том, что Зимний дворец обстреливался умышленно. Я не могу допустить, чтобы при обстреле моста в него попал только один снаряд, а 30 — в рядом стоящее здание...*

Серватиус: *Имеете ли Вы какие-нибудь артиллерийские познания, дающие возможность сделать вывод, что целью был дворец, а не мост?*

Орбели: *Я никогда не был артиллеристом, но я считаю, что если немецкая артиллерия обстреливает мост, она не может всадить в мост один снаряд, а в дворец, находящийся в стороне, 30 снарядов. В этих пределах — я артиллерист.*

(В зале оживление)

Серватиус: *У вас неартиллерийское мнение. У меня другой вопрос: Нева была использована флотом? Как далеко были расположены суда военно-морского флота от Зимнего дворца?*

Орбели: *В этой части Невы боевых судов, которые бы вели огонь или выполняли такого рода службу, не было. Суда на Неве стояли в другой части реки, далеко от Зимнего.*

Серватиус: *Вы все время осады Ленинграда находились там?*

Орбели: *Я находился в Ленинграде с первого дня войны до 31 марта 1942 г. Затем я вернулся в Ленинград, когда уже немецкие войска из окрестностей Ленинграда были изгнаны, и тогда именно я осмотрел Петергоф, Царское Село и Павловск.*

Серватиус: *Спасибо большое, у меня больше нет вопросов.*

Председатель: *Генерал Рагинский, хотите ли Вы задать свидетелю какие-нибудь дополнительные вопросы?*

Рагинский: *Господин председатель, у нас к свидетелю нет больше вопросов.*

Председатель: *Тогда свидетель может быть свободным.*

(Свидетель уходит)

Допрос свидетеля Н. И. Ломакина[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 27 февраля 1946 г.

Смирнов: *Скажите, свидетель, Вы являетесь благочинным церквей города Ленинграда, это значит, что Вам подчинены все храмы, находящиеся в этом городе?*

Ломакин: *Да, все храмы находятся в моем непосредственном ведении. Я обязан периодически их посещать, о состоянии храмов и о состоянии приходской жизни я обязан докладывать владыке митрополиту.*

Смирнов: *Храмы Ленинградской области также находились в Вашем подчинении?*

Ломакин: *Сейчас они не находятся в моем подчинении, но в блокаду Ленинграда и оккупацию Ленинградской области они были в моем ведении.*

Смирнов: *После освобождения Ленинградской области от оккупации немцев Вам приходилось по поручению патриарха Алексия выезжать на территорию области и осматривать храмы?*

Ломакин: *Не по поручению патриарха Алексия, тогда был патриархом Сергий, а по поручению управляющего епархией митрополита Алексия, ныне патриарха Московского и всея Руси.*

Смирнов: *Скажите, пожалуйста, свидетель, где Вы пробыли период блокады Ленинграда?*

Ломакин: *Безвыездно в Ленинграде.*

Смирнов: *Если не ошибаюсь, Вы награждены медалью «За оборону Ленинграда»?*

Ломакин: *Да, за участие в героической обороне Ленинграда как раз в день моего рождения я удостоен этой высокой правительственной награды.*

Смирнов: *Скажите, свидетель, в начале блокады Ленинграда в каком храме Вы служили?*

Ломакин: *В начале блокады я был настоятелем Георгиевского кладбища, настоятелем Никольской церкви этого кладбища.*

Смирнов: *Следовательно, это была кладбищенская церковь?*

Ломакин: *Да.*

Смирнов: *Может быть, Вы расскажете Трибуналу о своих наблюдениях, сделанных в период службы в этой церкви?*

Ломакин: *Пожалуйста.*

Смирнов: *Прошу Вас сделать это.*

Ломакин: *В 1941 году и в начале 1942 года я был насто-*

[1] ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 1, ед. хран. 28.

ятелем кладбищенской церкви. Здесь я наблюдал следующие трагические картины, о которых хотел бы сейчас подробно рассказать Трибуналу.

Спустя несколько дней после вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз я был свидетелем огромного увеличения числа отпеваний умерших. Это были дети, женщины и престарелые люди, погибшие в результате вероломных налетов немецкой авиации на город, — мирные жители нашего города.

Если до войны количество умерших колебалось от 30 до 50 человек в день, то во время войны цифра эта быстро увеличилась до нескольких сот в день. Не было физической возможности внести умерших в храм. Вокруг храма образовалась громадная очередь ящиков и гробов, наполненных кусками человеческого мяса, изуродованными трупами мирных жителей — граждан города Ленинграда, погибших в результате варварских налетов немецкой авиации.

Наряду с отпеваниями принесенных к храму покойников необычайно возросла практика так называемых заочных отпеваний. Верующие люди не могли доставить в храм своих умерших родственников и знакомых. Их родственники и знакомые погребены были под обломками, под развалинами уничтоженных немцами жилых домов. Вокруг храма можно было в течение целого дня видеть груды гробов — 100, 200 гробов, над которыми совершал отпевание священник.

Вы меня простите, мне трудно рассказывать, потому что, как уже известно Трибуналу, я пережил всю блокаду города, сам умирал с голоду и сам пережил все ужасы непрерывных налетов немецкой авиации. Несколько раз я был контужен.

В зиму 1941—1942 годов положение Ленинграда в блокаде было особенно тяжелым. Непрекращающиеся налеты немецкой авиации, артиллерийский обстрел города, отсутствие света, воды, транспорта, канализации в городе и, наконец, ужасающий голод — вследствие всего этого мирные жители города испытывали неслыханные в истории человечества страдания. Это были воистину герои, страдавшие за Родину, неповинные мирные жители.

Наряду с тем, что я сейчас Вам сказал, мне приходилось видеть и другие ужасные картины, когда я служил настоятелем этой кладбищенской церкви. Кладбище многократно подвергалось жесточайшим налетам немецкой авиации. И вот представьте себе картину, когда люди, нашедшие вечный покой, — гробы, их тела, кости, черепа — все это выброшено на землю, в беспорядке разбросаны памятники, кресты, и люди, только что пережившие потерю близких, должны снова страдать, видя громадные воронки, где, может быть, только что похоронили они своих близких, родных и знакомых, снова страдать, что им нет покоя.

Смирнов: *В период голода в какой степени увеличилось количество отпеваний в этой кладбищенской церкви?*

Ломакин: *Как я уже сказал, вследствие невероятных условий блокады, вследствие непрерывных налетов немецкой авиации на город, вследствие артиллерийских обстрелов города количество отпеваний усопших дошло до невероятной цифры — до нескольких тысяч в день. Мне особенно сейчас хочется рассказать Трибуналу о том, что я наблюдал 7 февраля 1942 г. За месяц до этого случая, истощенный голодом и необходимостью проходить ежедневно большие расстояния от дома до храма и обратно, я заболел. За меня исполняли обязанности священника мои два помощника. 7 февраля, в день родительской субботы, перед началом великого поста, я впервые после болезни пришел в храм, и открывшаяся моим глазам картина ошеломила меня — храм был окружен грудами тел, частично даже заслонившими вход в храм. Эти груды достигали от 30 до 100 человек. Они были не только у входа в храм, но и вокруг храма. Я был свидетелем, как люди, обессиленные голодом, желая доставить умерших к кладбищу для погребения, не могли этого сделать и сами обессиленные падали у праха почивших и тут же умирали. Эти картины мне приходилось наблюдать очень часто.*

Смирнов: *Я прошу Вас ответить на вопрос — какие разрушения были причинены храмам города Ленинграда?*

Ломакин: *Как мною уже доложено Вам, господа судьи, по должности благочинного я должен был периодически наблюдать за состоянием храмов города и докладывать моему владыке митрополиту подробно в данной связи. И вот тут мои впечатления и личные наблюдения таковы: церковь Воскресенья на канале Грибоедова — этот замечательный высокохудожественный храм — от артиллерийских обстрелов врага-немца получила очень серьезные повреждения: пробиты купола, изуродована снарядами крыша, в разных местах по стенам мозаичные священные изображения также приведены частично в негодность или вообще уничтожены. Измаильская крепость, Троицкий собор, памятник борьбы, украшенный замечательными фризами, художественно отображающими эпопею взятия Измаильской крепости — ему причинены огромные разрушения систематическими обстрелами и артиллерийскими снарядами. Была совершенно разбита в разных местах крыша. Художественная лепка вся отбита. Остались лишь маленькие кусочки ее.*

Смирнов: *Скольким храмам в Ленинграде причинены сильные повреждения и сколько храмов разрушено?*

Ломакин: *Артиллерийскими обстрелами сильно повреждена, почти даже совсем разрушена, церковь на Серафимовском кладбище, артиллерийские снаряды попадали в церковь кладбища, кроме того, ей были причинены большие повреждения воздушными налетами.*

Немецкая авиация причинила очень много повреждений храмам. Я должен прежде всего сказать о двух храмах, наиболее пострадавших от блокады Ленинграда, это прежде

всего храм Князь-Владимирского собора, в котором, кстати сказать, я имею честь сейчас быть священником. В 1942 году в феврале и по 1 июля я был настоятелем этого храма, и вот, должен Вас познакомить, господа судьи, со следующим, чрезвычайно интересным и потрясающим случаем, который имел место накануне Святой Пасхи в 1942 году.

Великая суббота. В 5 часов вечера по московскому времени на город немецкая авиация начала массированный налет. В 5.30 вечера в юго-западную часть Князь-Владимирского собора упали две авиабомбы. Люди в это время подходили к святой плащанице. Была громаднейшая очередь верующих, желающих исполнить свой христианский долг. Я видел, как человек около 30 лежало на паперти ранеными. Эти раненые были в разных местах близ храма. Некоторое время они были беспомощны, пока им не была оказана медицинская помощь.

Произошла страшная картина смятения. Люди, не успевшие войти в храм, поспешно стали убегать в близ расположенные траншеи, а другая часть, вошедшая в храм, разместилась по стенам храма, в ужасе ожидая своей смерти, потому что сотрясение храма было настолько сильно, что непрерывно, в течение некоторого количества времени, падали стекла, куски штукатурки, и вот, спустившись из комнаты второго этажа, я был потрясен открывшимся передо мной зрелищем.

Люди бросились ко мне: «Батюшка, вы живы?» «Батюшка, как же теперь понять, как поверить в то, что говорили о немцах, что они — верующие люди, что немцы любят Христа, что они не трогают людей, которые верят в бога, где же эта вера, когда в пасхальный вечер так обстреливают?..» Я должен заметить, что налет немецких самолетов продолжался вплоть до самого утра, всю пасхальную ночь, — ночь любви, ночь христианской радости, ночь воскресенья была превращена немцами в ночь крови, в ночь разрушения и страданий ни в чем не повинных людей.

Смирнов: У меня последний вопрос к Вам, свидетель. Скажите, пожалуйста, выезжая для проверки церквей в область, не были ли Вы очевидцем глумления над религией и над церквами?

Может быть, Вы, будете добры рассказать об этом Суду?

Ломакин: В июле 1943 года, по распоряжению митрополита Алексия, я выезжал в район Старого Петергофа и Ораниенбаума. Из личных наблюдений и из моих бесед с верующими я установил следующее и для себя считаю это очевидным, а позже все это подтвердилось, когда Новый Петергоф был освобожден от немецкой оккупации, и то, о чем я сейчас расскажу, может быть проверено воочию.

В Старом Петергофе, вскоре после того, как немцы заняли Новый Петергоф, ровно в 10 дней были уничтожены артиллерией врага и немецкими самолетами абсолютно все храмы. При этом немецкая авиация и артиллерия обставили дело так, что вместе с храмами погибли и молив-

шиеся в них или искавшие в них убежища от боев и артиллерийской стрельбы мирные жители города.

Все храмы Старого Петергофа, а именно: Знаменская церковь, Святотроицкая кладбищенская церковь и приписанная к ней маленькая Лазаревская церковь, церковь-музей при даче императрицы Марии Федоровны, церковь Серафимовская и церковь на военном кладбище — все эти храмы немцами уничтожены. Можно с уверенностью сказать, что под Святотроицкой кладбищенской церковью и Лазаревской — ее подвале, а также в склепах кладбищ, главным образом под сводами Знаменской церкви, погибло до 5 тысяч человек. Немцы не позволяли выходить спасавшимся людям на воздух. Легко себе представить санитарное состояние и вообще состояние людей, находившихся в церковных подвалах. Одуряющий воздух от дыхания, испражнений несчастных, насмерть перепуганных людей, вызывали обмороки, головокружения, а малейшая попытка выйти из храма на свежий воздух каралась фашистами расстрелом мирных жителей.

Сейчас уже много времени утекло с тех пор, а мне особенно запомнился один случай. Мне рассказывала его близкая родственница тех людей, о которых я сейчас скажу. Маленькая девочка из подземелья Троицкой церкви вышла на воздух и моментально была убита немецким снайпером. Мать, желая внести ребенка, тоже вышла, но, обливаясь кровью, упала на этого ребенка. Гражданка Ромашова и до сих пор жива, и мне не раз с ней приходилось встречаться, и она с ужасом вспоминает этот факт. А таких фактов и подобных этому было много.

Смирнов: *В других районах Ленинградской области не были ли Вы очевидцем осквернения святынь?*

Ломакин: *Был. Например, в Пскове. В Пскове там очень страшная, я бы сказал, ужасная картина разрушения вообще города. В частности, по данному вопросу я считаю долгом сказать Вам, господа судьи, следующее. Псков — город-музей, православный заповедник, украшенный большим числом храмов, расположенных по берегу реки Великой и ее притоков. В нем, в этом городе, до 60 храмов разных размеров и разных наименований, из коих до 39 представляют собой не только высокохудожественные памятники церковного зодчества, иконографии, стенописи (фрески), но и замечательные исторические памятники, отображающие в себе все величие, всю многообразную и многовековую историю русского народа.*

Троицкий собор в Кремле с его замечательным иконостасом. Весь этот храм немецкие войска разграбили, вывезли из него все имущество, и не только из него, но и из всех храмов города. Вы не найдете ни одной иконочки уцелевшей и не найдете ни одного церковного облачения, сосуда — все вывезено немцами. Троицкий собор — я снова к нему возвращаюсь. Буквально за полчаса до моего появления в храме взорвалась мина у самых царских врат. Цар-

ские врата уничтожены, престол забрызган кровью. Перед своими глазами у царских врат я увидел трех наших воинов, погибших здесь под миной, заложенной, как я уже сказал, у самых царских врат. Мины были заложены и в других местах. Я здесь приведу интересную справку. Ведь Псков освобожден в августе 1944 года, а вот в праздник Крещения в этом году, в 1946 году, там произошел в этом храме новый взрыв и две жертвы поплатились жизнью. Подобным же образом, как и Троицкий собор, был заминирован храм Святого Василия на Горке. Там была заложена мина у входа в самый храм. Во всех храмах вас поражает изобилие всякой грязи, отбросов, бутылок, жестянок из-под консервов и всякой нечисти.

В соборе Иоанновского монастыря была устроена немцами конюшня. В другом храме — Богоявления — был устроен склад вина. В третьем храме я видел склад горючего, торфа, угля и прочего. Да что говорить об отдельных храмах. Куда ни придешь, сердце обливается кровью от несчастья, от грабежа людей, на всю Европу кричавших о своей культуре, презиравших человечество и говоривших, что они веруют в бога. Где же тут вера?

Смирнов: *У меня нет больше вопросов, господин председатель.*

Ломакин: *Я хотел бы просить господина обвинителя разрешить мне сказать несколько слов о том, что у нас делалось в Ленинграде...*

Николо-Богоявленский собор — кафедральный храм Ленинграда. Здесь же во время блокады жил нынешний патриарх Алексий. Я был свидетелем, прослужив здесь до конца войны с июля 1942 года, неоднократных артиллерийских обстрелов этого храма.

Просто удивляться приходилось: какой же военный объект искали горе-вояки в нашем святом храме. Как только великий праздник или просто воскресенье — сейчас же артиллерийский обстрел. Да и какой обстрел. В великий пост, на первой неделе, в 1943 году с самого раннего утра и до поздней ночи ни притч (то есть духовенство), ни молящиеся не имели физической возможности выйти из храма. Кругом снаружи царили смерть и разрушения. Я сам лично видел человек 50, точно я затрудняюсь сейчас сказать цифру, моих духовных детей, погибших около храма. Они поспешили выйти, не дождавшись отбоя тревоги артиллерийского налета, и нашли гибель около храма. В этом святом храме мне пришлось похоронить тысячи людей, изорванных в клочья, погибших в результате разбойничьих налетов немецкой авиации и обстрелов немецкой артиллерией мирных жителей города.

Много слез пролито здесь за так называемыми заочными отпеваниями.

Во время одного из обстрелов едва не погиб наш владыка митрополит Алексий. Несколькими осколками была разбита его келья.

Должен сказать еще, не утруждая продолжительными показаниями присутствующих, что самые интенсивные обстрелы Ленинграда были именно в праздники. Обстреливались храмы божьи, обстреливались трамвайные остановки, обстреливались госпитали, разрушались всякими способами — и артиллерией и немецкой авиацией. Бомбились дома мирных жителей.

Мне бы очень долго пришлось утруждать вас, господа судьи, если бы я стал Вам перечислять эти страшные дни крови, страданий ленинградцев за период войны. Но могу сказать одно в заключение: русские люди, ленинградцы до конца исполнили свой долг перед Родиной. Несмотря на жесточайшие обстрелы и налеты немецкой авиации, в городе царили исключительный порядок и организованность, а православная церковь разделила чашу этих страданий. Она молитвой и проповедью слова божьего вносила бодрость и утешение в сердца верующих и принесла на алтарь отечества щедрую жертву.

Председатель: *Кто-нибудь еще из Главных обвинителей хочет задать вопросы свидетелю? Кто-либо из защитников хочет задать вопросы свидетелю? Свидетель, можете идти.*

Документ ПС-138

ПИСЬМО КЕЙТЕЛЯ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ СУХОПУТНЫМИ СИЛАМИ ОТНОСИТЕЛЬНО ИЗЪЯТИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НА ОККУПИРОВАННЫХ ЗАПАДНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ОТ 17 СЕНТЯБРЯ 1940 Г.

Копия
Начальник штаба
верховного командования
вермахта, № 3812/40g Берлин,
17 сентября 1940 г.

Главнокомандующему
сухопутными силами
для военных властей
оккупированной территории
Франции

В дополнение к ранее сообщенному приказу фюрера рейхслейтеру Розенбергу о поиске и сохранении с помощью гестапо в оккупированных западных областях ценного для Германии из хранилищ, библиотек и архивов фюрер решил:

Определяющим при решении вопроса о владельце являются условия, существовавшие во Франции до объявления войны 1.9.1939. Произведенное после этого дня изменение владельца — передача французскому государству и тому подобное является беспредметным и недействительным в правовом (например, польские и словацкие библиотеки в Париже, предметы из дворца Ротшильдов или другие бесхозные еврейские владения). Возражения на основе подобных аргументов против осмотров, конфискации и отправки в Германию не принимаются.

Рейхслейтер Розенберг или его заместитель рейхсгауптштелленлейтер Эберт получили однозначные указания лично от фюрера относительно права на изъятие. Они уполномочены отправлять в Германию и хранить там представляющиеся им ценными предметы искусства и культуры. Решение об их использовании фюрер оставил за собой.

Просим дать соответствующие указания причастным к этому вопросу военным комендатурам и властям.

Кейтель

Копия верна, Берлин, 15 декабря 1940.
Доктор Цейс

Информация: К сведению рейхслейтера Розенберга

IMT, vol. 25, p. 232—233.

Документ ПС-141

ИНСТРУКЦИЯ ГЕРИНГА ОТНОСИТЕЛЬНО МЕРОПРИЯТИЙ ПО ЗАХВАТУ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ВО ФРАНЦИИ ОТ 5 НОЯБРЯ 1940 Г.

Заверено круглой печатью эйнзатцштаба Розенберга

Копия

Для обеспечения вопросов сохранности произведения искусств, изъятые у евреев военной администрацией и штабом Розенберга и хранящиеся в Лувре должны подразделяться следующим образом:

1. Предметы искусства, в отношении, которых фюрер оставил за собой право указать их дальнейшее назначение.
2. Предметы искусства, которые могут служить для пополнения коллекции рейхсмаршала.
3. Произведения искусства или коллекции, которые можно использовать для высшей школы, согласно общему плану рейхслейтера Розенберга.
4. Предметы, которые подходят для направления в немецкие музеи, обязательно инвентаризируются в установленном порядке штабом Розенберга и с помощью военно-воздушных сил доставляются в Германию.
5. Предметы искусства, которые подходят для того, чтобы быть направленными во французские музеи и в немецкую и французскую систему торговли предметами искусства с аукциона в момент, подлежащий еще определению, и полученная от этого выручка передается французскому государству в пользу пострадавших от войны.
6. Дальнейший учет произведений искусства из еврейских владений во Франции происходит в оправдавшей себя ранее форме штабом Розенберга во взаимодействии с начальником военной администрации в Париже.

Париж, 5 ноября 1940 г.

Я буду докладывать это предложение фюреру. До его решения является действительной настоящая инструкция.

Подписал Геринг

IMT, vol. 25, p. 233—234.

Документ Р-146

ЦИРКУЛЯР БОРМАНА И ПРИЛОЖЕНИЕ К НЕМУ О КОНФИСКАЦИИ ЦЕРКОВНОГО ИМУЩЕСТВА ОТ 20 МАРТА 1941 Г.

Национал-социалистская немецкая рабочая партия
Заместитель фюрера
Начальник штаба

Мюнхен, 20 марта 1941 г.
Коричневый дом Лично!
Секретно!

Циркуляр № 5 д

Всем гаулейтерам
По вопросу: конфискация церковного имущества
(Монастырские владения и т. п.)

В последнее время должны были в большем объеме, а именно в Остмарке конфисковываться владения церквей; эти конфискации, как сообщалось фюреру гаулейтерами, производились неоднократно ввиду нарушений распоряжений в области военной экономики (например, ввиду укрывания со спекулятивными целями каких-либо продовольственных

продуктов, тканей, кожаных изделий и т.д.), а в других случаях ввиду нарушений закона о злостной враждебной деятельности и, наконец, множество раз ввиду незаконного владения оружием. При конфискациях по указанным выше причинам, само собою разумеется, ни о какой выплате компенсации церквам речи быть не может.

С учетом дальнейших конфискаций различные гаулейтеры Остмарка при последнем посещении фюрера в Вене выясняли вопрос о том, кому должно пойти конфискованное имущество. Решение фюрера я прошу усматривать из письма имперского министра д-ра Ламерса имперскому министру внутренних дел от 14 марта 1941 г., которые выборочно прилагаю в копии.

(Подпись) М. Борман

Приложение.

Имперский министр и начальник Имперской канцелярии — Берлин, 14 марта 1941 г.

В наст. вр.
штаб-квартира фюрера
Rк 3883 В

Господину министру внутренних дел

По вопросу: Проект распоряжения в дополнение к предписаниям о конфискации имущества врагов народа и государства.

К нашему письму от 27 января 1941 г.

Rк 19291 В П

Имперский наместник и гаулейтер фон Ширах, а также д-р Юри и Айгрубер недавно подали фюреру жалобу на то, что имперский министр финансов все еще стоит на той точке зрения, что конфискация имущества врагов государства должна производиться в пользу рейха, а не имперских гау.

В ответ фюрер информировал меня о том, что он желает, чтобы конфискация подразумевающегося имущества производилась не в пользу рейха, а в пользу того имперского гау, в которой конфискуемое имущество находится. В случае же, если имущество находится в нескольких гау, следует по возможности предпринимать разумный раздел этого имущества между участвующими имперскими гау.

(Подпись) Д-р Ламмерс

IMT, vol. 38, p. 410—411.

Документ ПС-1015(Л)

ИНСТРУКЦИЯ ГЕРИНГА ВСЕМ ПАРТИЙНЫМ, ГОСУДАРСТВЕННЫМ И АРМЕЙСКИМ ОРГАНАМ ОБ ОКАЗАНИИ СОДЕЙСТВИЯ ШТАБУ РОЗЕНБЕРГА ОТ 1 МАЯ 1941 Г.

Рейхсмаршал великогерманского рейха — Ставка, 1 мая 1941 г.

Борьба против евреев, масонов и их союзников, а также с другими идейными противниками является срочной задачей национал-социализма во время войны.

Поэтому я приветствую решение рейхслейтера Розенберга создать эйнзатцштабы во всех оккупированных областях с задачей сохранения и доставки в Германию всех исследовательских материалов и культурных ценностей упомянутых выше кругов.

Все органы партии, государства и вермахта получили поэтому указания оказывать любую помощь и поддержку в решении задач, выполняемых начальником штаба рейхслейтера Розенберга, которым является партайгеноссе Утикаль, и его заместителем — партайгеноссе фон Бер. Вышеназванные лица имеют указание докладывать мне о работе, особенно о возникающих трудностях.

Геринг

IMT, vol. 26, p. 537.

Документ ПС-1015(С)

УКАЗАНИЕ РОЗЕНБЕРГА РЕЙХСКОМИССАРУ «ОСТЛАНД» О ЗАХВАТЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ОТ 12 НОЯБРЯ 1941 Г.

Копия Рейхсминистр по делам оккупированных восточных территорий Рейхскомиссару «Остланд»
Ковно /Каунас/

Берлин, 20 августа 1941 г.

По вопросу: о сохранении культурных ценностей в оккупированных восточных областях.

Как Вам известно, мой штаб, как уполномоченного фюрера, ответственного за общую духовную и мировоззренческую подготовку и воспитание в НСДАП, провел работу по сохранению культурных ценностей во всех западных областях и в последнее время — везде на Балканах, которые могут иметь значение для предстоящих национал-социалистских исследований. Как я Вам сообщал устно, я использую этот же штаб и в восточных областях, оккупированных нами. Этим письмом я приказываю Вам сохранять все культурные ценности в пределах всего Вашего рейхскомиссариата, которые пригодны для изучения деятельности противников национал-социализма и национал-социалистских исследований. Как и прежде, я возлагаю руководство штабом на рейхсгауптштеллейнлейтера Утикаля, который подчиняется непосредственно моему министерству и получил от меня подробные указания. Он находится в Вашем распоряжении для выполнения этого задания. При выполнении задания, как и прежде, целесообразно действовать так, чтобы полиция проводила конфискацию в соответствии с положением, а мой эйнзатцштаб потом делал осмотр предметов. Я прилагаю для Вас действующие приказы на Западе. Я настоятельно прошу запретить отправку любыми органами каких-либо культурных ценностей за пределы Вашего рейхскомиссариата без разрешения с Вашей стороны. В отношении конфискованных культурных ценностей, остающихся в рейхскомиссариате, которые возможно потребуются для исследовательской работы в Хоэ шуле, решение должно быть принято в последующем. Я прошу информировать об этом указании подчиненных Вам генеральных и гебитскомиссаров. Государственное уп-

равление музеями, библиотеками и т. п. не затрагивается правом на осмотр со стороны оперативного штаба в соответствии с данными указаниями.

Хайль Гитлер

Подписал: А. Розенберг
Копия верна: Лангкопф

Берлин, 12 ноября 1941 г.

IMT, vol. 26, p. 530—531.

Документ ПС-001

МЕМОРАНДУМ РОЗЕНБЕРГА О ЗАХВАТЕ ИМУЩЕСТВА ЕВРЕЕВ И МАССОВЫХ РАССТРЕЛАХ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ ОТ 18 ДЕКАБРЯ 1941 Г.

Заметки для фюрера
по вопросу:
Еврейская собственность
во Франции

Как видно из приказа фюрера о сохранении культурных ценностей из еврейских владений, большое количество еврейских квартир осталось без присмотра. Следствием этого было исчезновение со временем многих предметов обстановки, так как, естественно, не могла быть осуществлена их охрана. Повсюду на Востоке администрация застала ужасные условия жизни, возможности снабжения столь ограничены, что фактически нельзя ничего купить. Поэтому я запросил разрешения фюрера на изъятие всей движимости, принадлежавшей евреям, которые бежали, или тем, которые приготовились бежать из Парижа, как и на всех оккупированных западных территориях для того, чтобы, по возможности, обеспечить администрацию восточных областей движимым имуществом.

В Париже большое число видных евреев снова были отпущены после короткого следствия. Преступления против военнослужащих вермахта не прекратились, они продолжаются. В этом однозначно просматривается план нарушить германо-французское взаимодействие, вынудить Германию к мерам возмездия и этим вызвать новое усиление сопротивления Германии со стороны французов. Я предлагаю фюреру приказать расстреливать на месте по 100 французов каждый раз или по 100 или более еврейских банкиров, адвокатов и т. п. Евреи в Лондоне и в Нью-Йорке являются теми, кто подстрекают французских коммунистов проводить покушения, и представляется справедливым и простым, если в Париже соплеменники понесут наказание. Во Франции в полной мере к ответственности систематически должны привлекаться не рядовые, а видные евреи. Это могло бы способствовать пробуждению антисемитизма.

Берлин, 18.2.1941 г.

Подписал: А. Розенберг

IMT, vol. 25, p. 1—2.

Документ ПС-1015(И)

ПИСЬМО ГЕРИНГА РОЗЕНБЕРГУ ОТНОСИТЕЛЬНО СКУПКИ РЕЙХСМАРШАЛОМ КАРТИН ЧЕРЕЗ СОТРУДНИКОВ ЭЙНЗАТЦШТАБА ОТ 30 МАЯ 1942 Г.

Рейхсмаршал великогерманского рейха — Берлин, 30 мая 1942 г.

Дорогой партайгеноссе Розенберг!

Ваш штаб по учету культурных ценностей в Париже, как я полагаю, представлен Вам в неверном свете так, как будто он сам занимается торговлей предметами искусства. Я очень хорошо знаю работу эйнзатцштаба и должен констатировать, что нет ни одного органа, которому я мог бы высказать такую огромную похвалу за проделанную работу и готовность к действию, как именно этому штабу и всем его сотрудникам. Для возникновения слухов относительно торговли предметами искусства, по всей видимости, повод дал я, и именно потому, что я попросил нескольких человек — особенно хороших экспертов, если они услышат где-либо во время их пребывания в Париже о поступлении в продажу от торговцев или частных лиц картин или других произведений искусства, то посмотреть эти вещи и сообщить мне, есть ли при этом что-нибудь интересное для меня. Так как последнее часто случалось, то я просил этих людей о новом одолжении приобрести эти вещи для меня, за что я предоставлял им хранилища. Если, таким образом, некоторые люди были весьма активны в установлении связей с продавцами произведений искусства, то это было исключительно личная услуга, которая оказывалась мне и которая служила на пользу пополнения моего собрания. Так как в настоящее время в оккупированных областях очень много покупателей разыскивают предметы искусства, то я могу себе представить, что они по незнанию положения дел, а возможно из зависти, неправильно возвели подозрения на сотрудников Вашего штаба.

Я чувствую себя обязанным дать Вам это разъяснение и просить Вас этим исчерпать дело. С другой стороны, я лично поддерживаю работу Вашего штаба, где это для меня возможно, и учет значительной части предметов искусства объясняется и тем, что я через свои органы мог помочь при этом эйнзатцштабу.

С искренним приветом, хайль Гитлер

Ваш Герман Геринг

IMT, vol. 26, p. 534—535.

Документ ПС-015

ОТЧЕТ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШТАБА РОЗЕНБЕРГА ЗА 1940 — НАЧАЛО 1943 Г. И СОПРОВОДИТЕЛЬНОЕ К НЕМУ ПИСЬМО РОЗЕНБЕРГА ГИТЛЕРУ ОТ 16 АПРЕЛЯ 1943 Г.

Промежуточный отчет о взятии на учет бесхозных еврейских собраний произведений искусства эйнзатцштабом рейхслейтера Розенберга в оккупированных западных областях

Акция по взятию на учет началась по приказу фюрера от 7.9.1940 г. Сначала были учтены те собрания произведений искусства, которые оставили в Париже сбежавшие из оккупированных областей Франции евреи.

Акция была распространена на другие города и населенные пункты в оккупированных французских областях, где предполагалось существование спрятанных евреями собраний произведений искусства. В результате изучения всех имевшихся возможностей были найдены и конфискованы спрятанные французскими евреями произведения искусства в парижских квартирах, провинциальных дворцах, транспортных фирмах и других местах хранения. Акция частично была затруднена и требовала много времени и в настоящее время еще не завершена. Сбежавшие евреи сумели надежно замаскировать хранилища произведений искусства, и работа была осложнена тем, что французы, которым было поручено управление этими сокрытыми еврейскими собраниями произведений искусства сильно препятствовали работе штаба. Однако, несмотря на это, в результате проведения мероприятий по розыску во взаимодействии с СД и валютными подразделениями, а также самостоятельно эйнзатцштабу удалось учесть во Франции и отправить в рейх значительную часть оставленных сбежавшими евреями собраний произведений искусства. Важнейшей составной частью общей акции явилось взятие на учет во Франции 79 собраний известных еврейских коллекционеров. Список собраний содержится в приложении. На первом месте стоят при этом знаменитые собрания семьи Ротшильдов. Сложность акции по учету видна из того факта, что собрания Ротшильдов были рассредоточены по многим местам в Париже, Бордо и во дворце Ротшильдов. Их можно было обнаружить только после длительных поисков. Хотя акция продолжается уже более двух лет, только осенью 1942 года с помощью задействованных доверенных лиц могла быть выявлена и взята на сохранение еще одна весьма значительная часть собраний Ротшильдов.

Наряду с учетом этих сокрытых еврейских произведений искусства во всех покинутыми евреями квартирах в Париже и других населенных пунктах проводился поиск отдельных произведений искусства. Главная работа здесь состояла в установлении адресов всех бежавших из оккупированных областей евреев. При этом пришлось преодолевать большие трудности, создаваемые французскими полицейскими властями. В ходе этого поиска в сотнях еврейских квартир были учтены значительные культурные ценности.

Учтенные таким образом как произведения искусства собрания и отдельные предметы направлялись в Париж в сборное хранилище, созданное в здании прежней выставки и в предоставленных помещениях Лувра. Здесь все учтенные культурные ценности инвентаризировались сотрудниками штаба — искусствоведами, фотографировались и профессионально упаковывались. Инвентаризация осложнялась тем, что собрания учитывались без указания происхождения со стороны их прежних владельцев и без других исходных данных для описания отдельных произведений. Поэтому каждое произведение искусства обрабатывалось индивидуально для определения происхождения и времени создания. Обработка происходит так, что по завершении полного доклада он будет представлять собой со всех точек зрения безукоризненный документ, отражающий единственную в своем роде и исторически значимую акцию по учету произведений искусства. При таком способе обработки должна была учитываться не только огромная материальная ценность произведений искусства, но и идейная их ценность, а также значение для истории искусства. Еврейские коллекционеры и владельцы оценивали эти произведения искусства и обращались с ними, исходя только из их материальной ценности. Учтенный материал поэтому по существу не только не рассматривался евреями с точки зрения его значения для истории искусства, но они и не были заинтересованы в том, чтобы включить этот материал в общеисторическое исследование искусства. Специальный отдел эйнзатцштаба «Изобразительное искусство», имея в своем распоряжении небольшое число искусствоведов, провел такую историко-искусствоведческую обработку материала. Ее результаты сводятся в единый каталог, подготовка которого ведется и три тома которого уже имеются в предварительной редакции.

Из оккупированных западных областей в период с 17.9.1940 г. по 7.4.1943 г. в места хранения в Германии было отправлено 10 составов из 92 вагонов с 2775 ящиками картин, со скульптурами, антикварной мебелью, гобеленами, изделиями прикладного искусства и т. п. Кроме того, специальными составами отправлено на строительство объекта фюрера в Мюнхене 53 предмета произведений искусства и 594 предмета (картины, скульптуры, мебель, ткани) — господину рейхсмаршалу[1].

В качестве первого хранилища был определен дворец Нойшванштейн. После его заполнения для размещения доставленного последующими составами баварская администрация предоставила государственные дворцы и парки, а также помещения во дворце Херренхимзее. Так как оба места хранения оказались недостаточными, а администрация баварских садов и парков не смогла выделить новые места для хранения в государственных владениях, то при ее посредничестве были дополнительно арендованы два места для хранения у господина рейхсминистра геологии. Сняты были помещения бывшего монастыря в Буксгейме под Мемингеном/Швабия/, а также помещения находящегося в частном владении дворца Когл под Веклабруком /Верхний Дунай/. Расположение и вид обоих хранилищ по результатам проверок соответствующими органами отвечали максимальным требованиям в отношении воздушной среды, противопожарной безопасности и охраны. Все произведения искусства были распределены по этим четырем местам так, чтобы была обеспечена как возможность дальнейшей инвентаризации и составления каталогов, так и уход за объектом. Равномерным распределением по этим четырем местам исключалось чрезмерное сосредоточение ценностей в одном месте. Все мероприятия по охране и противопожарной безопасности совместно с баварской администрацией дворцов и парков, центральными органами пожарной полиции, а также во взаимодействии с местными государственными и партийными инстанциями организовывались так, что оказывалась обеспеченной наивысшая степень безопасности.

Из находившихся в местах хранения предметов произведения искусства по состоянию на 1 апреля 1943 г. прошли полную инвентаризацию 9455 предметов, а именно:

5255 картин,

297 скульптур,

1372 предмета обстановки и оборудования, имеющих культурную ценность,

307 изделий из ткани,

2224 миниатюрных изделий, включая созданные в Восточной Азии.

Инвентаризация происходит в форме составления по прилагаемому образцу католожной карточки наряду с предъявлением на каждый предмет общих учетных листов и транспортных накладных. На карточках в отдельные рубрики заносятся все важные данные для характеристики предмета, такие, как происхождение, автор, техника исполнения, масса. Эти карточки вместе с расширенными описаниями инвентарных листов образуют основу для создания общего каталога. Кроме того, готовится центральный документальный учет каждого предмета искусства в Берлине, а также создается фототека в Нойшванштейне. В силу небольшого числа сотрудников и необходимости возможно быстрой отправки из Парижа, научной инвентаризации там подвергаются только самые ценные предметы, так что инвентаризация должна продолжаться в местах хранения. По состоянию на данный момент инвентаризации по оценке подлежат по меньшей мере 10 000 предметов.

По состоянию на данный момент в сборном лагере в Париже имеется 400 подготовленных к отправке ящиков, которые по завершении в Париже необходимой предварительной обработки отправляются в рейх. Для размещения доставляемого последующими составами приготовлены еще два места хранения, а именно дворец Брук под Линцем и склад Зейзенегг под

---

[1] Т. е. Герингу.

Амштеттеном /Верхний Дунай/ на случай, если имеющиеся места окажутся недостаточными.

По соображениям противопожарной безопасности все находящиеся в хранилищах предметы искусства должны быть распакованы специалистами. Эта мера была необходимой и потому, чтобы наряду с продолжением инвентаризации можно было проводить работы по сохранению ценных предметов произведений искусства. Так как многие ценные произведения искусства уже при передаче находились в состоянии, требующем реставрации, то теперь она проводится. В настоящее время в Фюссене создана мастерская с необходимым оборудованием, в которой специалистами выполняются восстановительные работы, обеспечивающие сохранность требующих реставрации картин, мебели и прочих предметов. Распаковка, продолжение инвентаризации, создание фототеки и подготовка общего каталога займут еще длительное время.

Акция по учету в Париже и оккупированных западных областях хотя и в меньшем объеме, но продолжается, так как все еще попадаются весьма ценные предметы искусства. В связи с акцией по учету мебели министерством по делам оккупированных восточных территорий штаб взял на себя учет находящихся здесь культурных ценностей. И здесь в последние месяцы были сохранены значительные культурные ценности. Выявленные при этом культурные ценности также доставляются в хранилища и обрабатываются как и другие предметы. Кроме тех произведений, культурная ценность которых твердо и надежно определена и может считаться общепризнанной, учтены также сотни картин так называемой современной французской живописи, которые с германской точки зрения не должны рассматриваться как произведения искусства и в соответствии с национал-социалистскими взглядами на искусство не представляют желаемого обогащения немецких владений. Эти произведения современной французской живописи учитываются в особых списках, чтобы в последующем решить вопрос об их использовании.

По приказу рейхсмаршала некоторое количество произведений современного французского вырождающегося искусства при помощи одной парижской фирмы было обменено на картины, которые имеют общепризнанную художественную ценность. Таким образом, при очень интересных обстоятельствах было получено 87 произведений старых итальянских, фламандских и немецких художников, которые имеют общепризнанную высокую художественную ценность. По мере возникновения благоприятных условий такие обмены будут продолжены. По завершении всей акции будет представлено предложение относительно использования оставшихся произведений современной или абстрактной французской живописи, которые не поддаются обмену.

Берлин, 16 апреля 1943 г.

IMT, vol. 25, p. 51—55.

ПИСЬМО РОЗЕНБЕРГА ФЮРЕРУ ОТ 16 АПРЕЛЯ 1943 Г. 16.4.1943 г. 673/R/Ha

Мой фюрер!

Желая сделать Вам, мой фюрер, приятный подарок, я позволю себе передать Вам папку с фотографиями ценнейших картин, которые во исполнение Вашего приказа отобрал мой штаб в западных областях из бесхозных еврейских собраний произведений искусства. Эта папка с фотографиями представляет собой дополнение к 53 ценнейшим произведениям искусства, включенным уже в свое время в Вашу коллекцию в ходе этой акции. И эта папка дает только слабое представление об экстраординарной ценности и огромном количестве обнаруженных во Франции и надежно укрытых в рейхе моим ведомством культурных богатств.

Я прошу Вас, мой фюрер, разрешить мне при ближайшем докладе

устно сообщить Вам относительно общего размаха и хода выполнения этой акции по выявлению произведений искусства. Я прошу Вас, как основу этого предстоящего устного доклада, принять короткий промежуточный письменный отчет о ходе и размахе этой акции, а также три тома составленного на данный момент каталога картин, который охватывает лишь часть имеющегося в Вашем распоряжении собрания. Последующие каталоги, которые составляются, будут передаваться мною через определенные промежутки времени. Я позволю себе при испрашиваемом докладе передать Вам, мой фюрер, следующие 20 папок с фотографиями в надежде на то, что общение с прекрасными произведениями искусства, такими близкими Вашему сердцу, могло бы стать лучом прекрасного и радости в тяготах и величии Вашей жизни в настоящее время.

Хайль, мой фюрер

IMT, vol. 25, p. 50.

Документ ПС-1015(Б)

ИЗ ОТЧЕТА О РАБОТЕ ЭЙНЗАТЦШТАБА «ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО» ЗА ПЕРИОД С ОКТЯБРЯ 1940 Г. ПО ИЮНЬ 1944 Г.

...Кроме учета значительных культурных ценностей во Франции штаб проводил такой учет в Бельгии и Голландии из владений переселившихся еврейских эмигрантов.

Работа в восточных областях

В оккупированных восточных областях работа штаба «изобразительное искусство» ограничивалась научным учетом и фотографированием общественных собраний, обеспечением их сохранности и уходом за ними во взаимодействии с военными и гражданскими властями. В ходе освобождения областей во взаимодействии с отдельными группами армий в хранилищах рейха доставлены несколько сотен ценнейших русских икон, несколько сотен картин русских мастеров 18 и 19 веков, отдельные предметы мебели и оборудования дворцов. Были взяты на хранение для целей политических исследований одно собрание произведений абстрактного большевистского искусства, а также собрание абстрактного западного искусства.

Кроме того, штабом «Изобразительное искусство» собран обширный материал по уходу за произведениями искусства в Советском Союзе, музейной политике, искусствоведческой публицистике и фотоматериал по советской архитектуре.

25 папок с фотографиями ценнейших произведений, учтенных на Западе, переданы фюреру 20 апреля 1943 г. вместе с тремя томами предварительного каталога и промежуточным отчетом. К этому отчету прилагается еще 10 папок с фотографиями. Готовятся следующие папки с фотографиями.

Роберт Шольц
Начальник эйнзатцштаба
«Изобразительное искусство»

IMT, vol. 26, p. 529—530.

Разрушение городов и сел, промышленности, транспорта и связи

Выступление помощника Главного обвинителя от СССР М. Ю. РАГИНСКОГО[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 22 февраля 1946 г.

Господа судьи!

Я приступаю к представлению доказательств виновности подсудимых в разрушении городов и сел, в совершении других разрушений. Это обвинение предусмотрено пунктом «G» раздела III обвинительного заключения.

Мы представим доказательства того, что разрушение городов и сел производилось не в силу тех или иных случайностей войны или военной необходимости.

Мы представим доказательства того, что преднамеренные разрушения проводились в соответствии с тщательно разработанными планами гитлеровского правительства и приказами германского военного командования; что разрушение сел и городов, промышленности и транспорта являлось составной частью общего заговора, направленного на порабощение народов Европы и других стран, на установление мирового господства гитлеровской Германии.

Всюду, где побывали немецко-фашистские захватчики, они несли смерть и разрушение. В огне пожаров гибли ценнейшие машины, созданные человеческим гением, взрывались фабричные и жилые здания, дававшие работу и приют миллионам людей.

Гибли и сами люди, особенно старики, женщины и дети, оставшиеся без крова, лишенные средств к существованию.

С особым ожесточением гитлеровцы разоряли и разрушали города и села на временно оккупированной ими территории Советского Союза, где они, по прямым указаниям германского верховного командования, создавали «зону пустыни».

В доказательство я оглашу выдержку из представленного Трибуналу документа за номером СССР-51/2. Эту выдержку господа судьи найдут на странице 3 тома документов. Цитирую:

«...В захваченном недавно недалеко от города Верховья Орловской области приказе по 512 немецкому пехотному полку, подписанном полковником Шитниг, с беспредельной наглостью говорится: «Зона, подлежащая, смотря по обстоятельствам, эвакуации, должна представлять собою после отхода войск пустыню... В пунктах, в которых должно быть проведено полное разрушение, следует сжигать все дома, для этого предварительно набивать соломой до-

[1] ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 1, ед. хран. 28.

ма, в особенности каменные, имеющиеся каменные постройки следует взрывать, в особенности надо также разрушать имеющиеся подвалы. Мероприятие по созданию опустошенной зоны должно быть подготовлено и проведено беспощадно и полностью».

Разоряя наши города и села, немецкое командование требует от своих войск создавать «зону пустыни» во всех советских местностях, откуда с успехом изгоняют захватчиков войска Красной Армии».

Этот приказ по 512-му немецкому пехотному полку, который только что упоминался в цитированном мною документе, я представляю как доказательство СССР-168.

Председатель: Генерал Рагинский, Вы знаете дату этого приказа?

Рагинский: Этот приказ датирован 10 декабря 1941 г.

Из этого документа видно, что германское военное командование предписывало беспощадное и полное разрушение населенных пунктов и что это разрушение планировалось и подготавливалось.

В распоряжении советского обвинения имеется большое количество документов и фактов по этому вопросу. Ограничусь лишь оглашением выдержки из приговора военного трибунала округа по делу немецких военных преступников генерал-лейтенанта Бернгарда и генерал-майора Гаманна. Этот приговор я представляю Трибуналу как доказательство СССР-90.

Военный трибунал установил, что генералы Бернгард и Гаманн действовали по общим планам и указаниям верховного командования германской армии и что ими (цитирую) «производилось планомерное разрушение городов и населенных пунктов, причем заранее предусматривалось, помимо уничтожения промышленных зданий, уничтожение больниц, санаториев, учебных заведений, музеев и других культурно-просветительных учреждений, а также жилых домов. Последние взрывались без предупреждения проживающих в них советских граждан, в результате чего под развалинами зданий погибали и люди».

Так же как и разрушение населенных пунктов, преднамеренно и обдуманно разрушались заводы и фабрики, электростанции и шахты.

В подтверждение я сошлюсь на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии, представленное Трибуналу под номером СССР-2. Этот документ имеется на странице 28 тома документов.

В этом сообщении приводится секретная инструкция хозяйственного руководителя группы южных армий от 2 сентября 1943 г. № 1/313/43 г., которая предписывала армейским руководителям и руководителям хозяйственных команд проводить полное разрушение промышленных предприятий, причем особо подчеркивалось, что «...разрушения следует произвести не в последний момент, когда

войска будут уже вести бой или отступать, а своевременно».

О приказах германского верховного командования и о том, как были реализованы эти приказы, указывается в ноте Народного комиссара иностранных дел СССР от 27 апреля 1942 г., представленной Суду как доказательство СССР-51/3.

Я приведу несколько выдержек из раздела II указанной ноты. Раздел озаглавлен «Разрушение городов и деревень». Эти выдержки ранее не оглашались. Читаю:

«По прямому приказу своего верховного командования германско-фашистская армия подвергает неслыханному разрушению советские города и села при их захвате и во время пребывания в них».

Я опускаю окончание страницы 4 и начало страницы 5 своего доклада.

Председатель: *Я думаю, что Вам все-таки следует огласить первые четыре строки на странице 5.*

Рагинский: *Я опустил это, поскольку вчера этот документ мною цитировался, но, если Трибунал желает, я охотно это сделаю.*

Это выдержка из приказа по 6-й германской армии от 10 декабря 1941 г. за подписью Рейхенау. Документ представлен Трибуналу под номером СССР-112. Цитирую:

«Войска заинтересованы в ликвидации пожаров только тех зданий, которые должны быть использованы для стоянки войсковых частей, все остальное.., в том числе и здания, должно быть уничтожено».

Я продолжаю цитировать ноту Народного комиссара иностранных дел СССР:

«В конце 1941 года и в начале 1942 года германское командование издало ряд приказов, предлагающих, чтобы части германской армии, при своем отступлении под натиском Красной Армии, уничтожали все, что еще уцелело во время оккупации. Тысячи деревень и сел, целые кварталы многих городов даже целые города сжигаются, взрываются, сравниваются с землей отступающей немецко-фашистской армией. Организованное уничтожение советских городов и деревень превратилось в особую отрасль преступной деятельности немецких захватчиков на советской территории; методам разрушения советских населенных пунктов посвящены специальные инструкции и подробные приказы германского командования; для данной цели выделяются отдельные отряды, обученные этому преступному ремеслу.

Вот некоторые факты из числа многих, имеющихся в распоряжении Советского правительства».

Я снова обращаюсь к приказу по 512-му пехотному полку 293-й германской дивизии от 10 декабря 1941 г., который только что был представлен Трибуналу под номером СССР-168. В этом приказе излагается на семи листах точнейший план последовательного уничтожения одной де-

ревни за другой в районе расположения данного полка за время с 10 по 14 декабря включительно. В этом приказе, составленном по образцу, применяемому во всей германской армии, говорится:

«Подготовка разрушения населенных пунктов должна производиться так, чтобы: а) до объявления об этом у гражданского населения не возникало никаких подозрений; б) разрушение могло начаться сразу, одним ударом, в назначенное время.., в соответствующий день в населенных пунктах нужно особо строго следить за тем, чтобы никто из гражданских лиц не покинул этого пункта, в особенности с момента объявления о разрушении...»

В приказе командира 98-й германской пехотной дивизии от 24 декабря 194 г. после перечислений 16 назначенных к сожжению советских деревень говорится:

«Имеющиеся запасы сена, соломы, продуктов и т. д. сжечь. Все печи в жилых домах вывести из строя закладыванием ручных гранат и сделать, таким образом, невозможным их дальнейшее употребление. Этот приказ ни в коем случае не должен попасть в руки противника».

Таков же и приказ Гитлера от 3 января 1942 г. В приказе указывается:

«...Цепляться за каждый населенный пункт, не отступать ни на шаг, обороняться до последнего солдата, до последней гранаты; вот чего требует текущий момент. Каждый занимаемый нами пункт должен быть превращен в опорный пункт, сдачу его не допускать ни при каких обстоятельствах, даже если он обойден противником. Если все же, по приказу вышестоящего начальства, данный пункт должен быть нами оставлен, необходимо все сжигать дотла, печи взрывать...

Адольф Гитлер»

Гитлер не постеснялся и публично признать, что разрушение советских городов и деревень является делом рук его армии. В своей речи 30 января 1942 г. он заявил: «Там, где русским удалось прорваться и где они думали, что вновь заняли населенные пункты, этих населенных пунктов уже нет: там одни развалины».

Отступая под ударами Красной Армии с Кубани, германское верховное командование разработало подробный план операции, носящий название «Движение Кримгильды», и в этом плане большое место, целый раздел, занимает план разрушений. План предусматривает превращение Кубани в «совершенно негодную на долгое время, необитаемую, пустынную землю, где в течение месяцев будут происходить взрывы мин».

Этот план изложен в переданном по телеграфу секретном документе на двух страницах «для начальников высших штабов», подписан Гитлером и имеет на первой странице надпись:

«Секретно (А)2371. 17 экземпляров, № 2686, 43. Получение: 6/9 — 43. Передавать только через офицера».

Документ, который мы представляем Трибуналу под номером СССР-115, является 17-м экземпляром этого приказа.

На странице 2, под подписью Гитлера, указан № 430586/43 и дата — 4.9.1943 г., на странице 3 имеется перечень адресатов и приписка: «Условное название операции по отступлению с Кубани «Движение Кримгильды».

Я оглашу пункт 2 этого документа:

«2. Разрушения при отступлении:

а) Все полезные противнику сооружения, места расквартирования, дороги, искусственные сооружения, плотины и т. д. должны непременно разрушаться.

б) Все железные и полевые дороги должны быть сняты или полностью разрушены.

в) Все возведенные бревенчатые гати должны приводиться в негодность или уничтожаться.

г) Находящиеся на Кубанском предмостном укреплении сооружения для добычи нефти должны быть полностью уничтожены.

д) Новороссийский порт должен быть так разрушен и загрязнен, чтобы он долгое время не мог быть использован русским флотом.

е) К разрушению относится также минирование местности.

ж) Противник должен получить совершенно негодную на долгое время, необитаемую, пустынную землю, где в течение месяцев будут происходить взрывы мин».

Указания об аналогичных приказах мы имеем в ряде других документов, но я позволю просить внимания Трибунала лишь к двум: я имею в виду специально к этому вопросу относящуюся запись в дневнике подсудимого Франка и инструкцию командира 118-й истребительной дивизии, действовавшей в Югославии.

В представленном Трибуналу дневнике Франка, в папке, начатой 1 марта 1944 г. и доведенной до 31 мая того же года, под названием «Рабочее совещание в Кракове 17 апреля 1944 г.», имеется запись от 17 апреля следующего содержания:

«...Важным является то, что войскам был дан приказ оставлять русским лишь сожженную землю... Если уж приходится оставлять территорию, тогда не следует делать различия между генерал-губернаторством и другими областями».

Я напоминаю Трибуналу, что в представленной под номером СССР-132 секретной инструкции по 118-й истребительной дивизии за подписью генерал-майора германской армии Кюблера, захваченной в июне 1944 года частями Югославской народно-освободительной армии, предписывалось войскам обращаться с населением «беспощадно с

жестокой твердостью» и разрушать покинутые населенные пункты.

Господа судьи! Заканчивая эту часть моего выступления, считаю необходимым обратить ваше внимание еще на одно обстоятельство.

Разрушение мирных городов и сел не только планировалось, не только совершалось преднамеренно и с исключительной беспощадностью, но производилось специальными отрядами, для этой цели созданными германским командованием.

В доказательство я приведу несколько ранее не оглашенных выдержек из официальных правительственных советских документов.

В ноте Народного комиссара иностранных дел СССР от 27 апреля 1942 г., представленной Суду под номером СССР-51/3, указывалось (цитирую выдержку, имеющуюся на странице 9 Вашего тома документов):

«Специальные отряды, созданные германским командованием для сожжения советских населенных пунктов и массового истребления гражданского населения, в обстановке отступления гитлеровской армии, творят свои кровавые дела с хладнокровием профессиональных преступников. Так, например, перед своим отступлением из деревни Большекрепинской Ростовской области немцами были пущены по улицам деревни специальные огнеметные машины, которые один за другим сожгли 1167 домов, превратив цветущую большую деревню в пылающий костер, в котором погибли жилые дома, больница, школа, разные общественные здания. При этом автоматчики без предупреждения расстреливали жителей, приближавшихся к своим горевшим домам, а некоторых жителей связывали, обливали бензином и бросали в горевшие дома».

В ноте от 6 января 1942 г., представленной Трибуналу под номером СССР-51/2, приводятся такие факты:

«...Уходя из сел Красная Поляна, Мышецкое, Ожерелье, Высоково — Московской области, немцы выделяли автоматчиков, которые бутылками с горючей жидкостью обливали дома и зажигали их. При попытках жителей тушить пожары, немцы открывали огонь из автоматов. Из 80 дворов в селе Мышецкое осталось 5 домов, из 200 дворов в Ожерелье осталось 8 домов. В деревне Высоково из 76 домов уцелело 3 дома. А за слова семидесятилетнего крестьянина Григорьева Ф. К. «не жгите мою избу» — старик был расстрелян».

В Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии «О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Орле и Орловской области», представленном под номером СССР-46, говорится:

«В бешеной злобе против советского народа, вызванной поражением на фронте, командующий 2-й немецкой танковой армией генерал Шмидт и командовавший Орловским административным округом военный комендант горо-

да генерал-майор Гаманн создали специальные отряды подрывников для разрушения городов, сел и колхозов Орловской области. Эти команды громил и поджигателей уничтожали все на пути своего отступления. Они разрушали памятники культуры и искусства русского народа, жгли города, села и деревни».

В Вязьме и Гжатске командиры 35-й пехотной дивизии генерал-майор Меркер, 252-й пехотной дивизии генерал-майор Шефер, 7-й пехотной дивизии генерал-майор Ропперт выделили специальные отряды факельщиков и минеров, которые поджигали и взрывали жилые дома, школы, театры, клубы, музеи, библиотеки, больницы, церкви, магазины, заводы, оставляя по пути своего отступления лишь пепел и развалины.

В документе, представленном Трибуналу под номером СССР-2, имеется несколько показаний военнопленных немцев. Я приведу одно из этих показаний:

«Ефрейтор 597-го пехотного полка 306-дивизии германской армии Фергольц Герман показал: «В составе команды подрывников я принимал участие в поджоге и взрыве государственных учреждений и жилых домов на линии главной улице города Сталино. Лично я закладывал взрывчатые вещества, которые затем поджигал и таким путем взрывал здания. Всего с моим участием было взорвано пять больших домов и несколько подожжено».

Можно было, господа судьи, продолжить перечень подобных фактов. Их имеется очень много в показаниях и документах, представленных Трибуналу. Но я полагаю, что в этом нет необходимости. То, что уже оглашено, позволяет сделать вывод, что эти разрушения, преднамеренно и умышленно проводившиеся гитлеровцами на оккупированных территориях, являлись системой, а не отдельными фактами и что эти разрушения не были делом рук только рядовых солдат и офицеров германской армии, а проводились по приказам высшего командования гитлеровской армии.

Господа судьи!

В злодейских замыслах фашистских захватчиков особое место занимало разрушение столиц Советского Союза, Югославии и Польши. И в этих планах разрушений особое место занимало разрушение Москвы и Ленинграда.

Опьяненные первыми военными успехами, гитлеровцы разрабатывали безумные планы уничтожения дорогих советским людям крупнейших культурных и промышленных центров; они уже готовили для этой цели специальные зондеркоманды. Они даже поспешили объявить о своем «решении» отклонить никогда в природе не имевшую места капитуляцию этих городов!

Необходимо отметить, что такие выражения, как «сравнять с землей» или «снести с лица земли», довольно часто употреблялись гитлеровскими заговорщиками, и это были не только угрозы, но и преступные дела. Как мы увидим из

дальнейшего изложения, кое-где им удалось сравнять с землей цветущие города и села. И только воля и доблесть советского народа и армий наших союзников прекратили преступную деятельность заговорщиков, намеревавшихся сравнять с землей целые районы и даже области.

Я представляю Суду и оглашу два документа, разоблачающие намерения гитлеровских заговорщиков.

Первый документ является секретной директивой военно-морского штаба за номером 1а 1601/41 от 22 сентября 1941 г., озаглавленной «О будущности города Петербурга». Этот документ уже представлен Трибуналу нашими американскими коллегами. Поэтому, хотя в нашем распоряжении имеется подлинник этого документа, который был размножен в нескольких экземплярах, полагаю, что его можно не оглашать. С Вашего разрешения, господин председатель, я лишь напомню содержание этой директивы. В директиве указывается, что «фюрер решил стереть город Петербург с лица земли», что предложено тесно блокировать город и путем обстрела из артиллерии всех калибров и беспрерывной бомбежки с воздуха сравнять его с землей. В директиве также указывается, что, если будут заявлены просьбы о сдаче города, эти просьбы будут отвергнуты немцами. Наконец, в этой директиве говорится, что это есть директива не только военно-морского штаба, но и ОКВ.

Второй документ, имеющий номер С-123 и представленный нами под номером СССР-114, является также секретной директивой верховного командования вооруженных сил от 7 октября 1941 г. за номером 44 1675/4 и подписан подсудимым Иодлем.

На первой странице, помимо текста, имеются надписи:

«Верховное командование вооруженными силами № 44 1675/41.
Совершенно секретно!
Секр. канц. начальника штаба отд. Л. (1 опер.)
С. О. передавать только через офицера.
Относится к Верхов. ком. вермахта (опер.отдел)
№ 41 244/41
секр. канц. от 18.9.41»

«Главная квартира фюрера, 7.10.41.,
отпечатано 14 копий,
2 копия ОПС 1690/41.
Получено: 7
Приложения:10»

На странице 2 после подписи Иодля имеется запись: «проверил и нашел правильным. Фальк, капитан генерального штаба».

Оглашаю выдержки из этого документа:

«Фюрер снова решил, что капитуляция Ленинграда, а позже — Москвы не должна быть принята даже в том случае, если она была бы предложена противником...

Ни один немецкий солдат не должен вступать в эти города. Кто покинет город против наших линий, должен быть отогнан назад огнем....

До того, как города будут взяты, «они должны быть превращены в развалины артиллерийским огнем и воздуш-

ными налетами, а население должно быть обращено в бегство.

Недопустимо рисковать жизнью немецкого солдата для спасения русских городов от огня, точно так же, как нельзя кормить их население за счет германской родины...

Эта воля фюрера должна быть доведена до сведения всех командиров».

Свои преступные замыслы по разрушению Ленинграда гитлеровские заговорщики начали осуществлять с беспримерной жестокостью.

В докладе Ленинградской городской комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов подробно описаны чудовищные преступления гитлеровцев.

Этот документ уже представлен Трибуналу в качестве доказательства СССР-85. Я оглашу лишь общие данные, приводимые на странице 1 доклада, что соответствует странице 71 тома документов.

«В результате варварских действий немецко-фашистских захватчиков в Ленинграде и его пригородах полностью разрушено 8961 здание хозяйственного назначения и надворных построек общим объемом 5 192 427 кубических метров и частично разрушено 5869 зданий общим объемом 14 308 288 кубических метров. Полностью уничтожено 20 627 жилых зданий общим объемом 25 429 780 кубических метров и частично разрушено 8788 зданий с кубатурой 10 081 035 кубических метров. Полностью уничтожено 295 зданий культурно-бытового назначения общим объемом 844 162 кубических метра и частично разрушено 1629 зданий общим объемом 4 798 644 кубических метра. Полностью уничтожено 6 и частично разрушено 66 зданий религиозных культов. Гитлеровцами уничтожено, разрушено и повреждено разного рода сооружений более чем на 718 миллионов рублей и более чем на 1043 миллиона рублей промышленного оборудования, сельскохозяйственных машин и орудий».

Из этого документа также устанавливается, что гитлеровцы планомерно и методически, днем и ночью бомбардировали с воздуха и обстреливали артиллерийскими снарядами улицы, жилые дома, театры, музеи, больницы, детские сады, госпитали, школы, институты, трамваи, разрушали ценнейшие памятники культуры и искусства. Много тысяч бомб и снарядов брошены в исторические здания Ленинграда, на его набережные, сады и парки.

Пострадали Зимний дворец, грандиозное здание Адмиралтейства, являющееся характерным памятником Ленинграда и одной из прекраснейших построек в Европе эпохи классицизма, Инженерный замок, сооруженный в 1797 — 1801 гг., историческое здание Таврического дворца, воздвигнутое в 1788 году, ансамбль Петропавловской крепости, здание бывшего Государственного банка, Главный почтамт, Елагинский дворец, Гостиный двор, построенный в 1758 — 1785 гг., Строгановский дворец, здание бывшего

Пажеского корпуса, Исаакиевский собор, Государственный Эрмитаж, Публичная библиотека, здание театра оперы и балета имени Кирова, Академия художеств, старинное здание Государственного университета, Политехнический институт, научные учреждения Академии наук и многие другие неповторимые исторические, художественные и научные ценности Ленинграда.

В заключение позволю себе процитировать одно из многих показаний немцев, приводимых в документе, а именно абзац 4 страницы 14. Цитируемое показание Вы найдете, господа судьи, на странице 84 тома документов. Цитирую:

«Фриц Кепке, фельдфебель, командир 2-го орудия 2-й батареи 2-го дивизиона 910-го артиллерийского полка заявил:

«Для обстрела Ленинграда на батареях имелся специальный запас боеприпасов, отпускавшихся сверх лимита в неограниченном количестве... Все расчеты орудий знали, что обстрелы Ленинграда были направлены на разрушение города и уничтожение его гражданского населения. Поэтому они иронически относились к сводкам немецкого верховного командования, в которых говорилось об обстрелах «военных объектов Ленинграда».

Гитлеровские заговорщики намечали полное уничтожение столицы Югославии — Белграда.

Я напомню о документе ПС-1746, представленном Трибуналу 7 декабря 1945 г. под номером ВБ-20, являющемся приказом Гитлера от 27 марта 1941 г. о нападении на Югославию. Как известно, в этом приказе, носящем название «Директива № 25», подробно изложен военно-стратегический план нападения и наряду с этим указывается, что все югославские наземные сооружения и Белград должны быть уничтожены непрерывными дневными и ночными налетами авиации.

Я сошлюсь также на доклад Югославского правительства, представленный Суду 11 февраля под номером СССР-36, в котором на страницах 7 и 8 (русский перевод, что соответствует страницам 96-97 Вашего тома документов) приводятся показания немецкого генерала Лера, непосредственно руководившего разрушением Белграда с воздуха на основе личного приказа подсудимого Геринга.

Затем я оглашу несколько выдержек из страниц 22-23 доклада (это соответствует страницам 111 — 112 тома документов), которые свидетельствуют о разрушениях Белграда, совершенных гитлеровцами в октябре 1944 года, уже в момент отступления немецких войск. Читаю:

«Планомерность и систематичность таких преступлений на основании приказов имперского правительства и ОКВ подтверждается еще и тем, что разрушение населенных пунктов и уничтожение населения не прекращалось даже в момент отступления германских войск из Югославии.

Типичным среди тысячи подобных случаев является раз-

рушение Белграда и уничтожение его жителей в октябре 1944 года...

Бои за освобождение Белграда длились с 15 по 20 октября 1944 г. Еще до начала боев немцы составили план систематического разрушения города. Они послали в город большое число специально обученных частей, в обязанности которых входило минирование зданий и уничтожение населения. Хотя благодаря быстрому продвижению Красной Армии и Югославской национально-освободительной армии они не могли полностью выполнить свою задачу, порученную им германскими командующими, им все-таки удалось разрушить большое число зданий в южной части города и уничтожить значительное количество жителей.

Еще в больших размерах это произошло в северной части города, на Дунае и на Саве. Немцы ходили из дома в дом, выгоняли жителей на улицы без одежды и обуви, вносили легко воспламеняющиеся химические взрыватели в каждую квартиру и поджигали все здание. Если здание было из совсем твердого материала, его минировали. Жителей обстреливали, убивали беззащитных людей, в нескольких больших домах жители были заперты и уничтожены пламенем и взрывами мин.

Общий ущерб, понесенный, таким образом, Белградом, исчисляется в 1127129069 динаров довоенной стоимости».

Таким образом, разрушение Белграда предписывалось приказом Гитлера от 27 марта 1941 г., производилось по прямым указаниям подсудимого Геринга, а в октябре 1944 года осуществлялось теми же методами, которые гитлеровцы применяли на оккупированной территории СССР.

Перехожу к представлению доказательств преднамеренного и беспримерного разрушения гитлеровцами столицы Польского государства — Варшавы.

Я приведу три документа, которые вскрывают преступные намерения фашистских заговорщиков, «сравнять с землей» этот город.

Первым документом под номером СССР-128 я представляю Трибуналу телеграмму на имя подсудимого Франка за номером 13256, подписанную губернатором района Варшавы доктором Фишером (телеграмма имеется в томе документов на странице 148).

Оглашаю текст этой телеграммы:

«Генерал-губернатору, имперскому министру доктору Франку. Краков. Варшава, номер 13256, 11, 10, 94, 10, 40 НС.

Тема: Новая политика по отношению к Польше.

В результате заявления, сделанного обергруппенфюрером СС фон дем Бахом рейхсфюреру СС, я сообщаю вам следующее:

Обергруппенфюрер фон дем Бах получил новый приказ усмирить Варшаву, то есть еще во время войны сравнять ее с землей, если на это не будет возражения с военной точки зрения (использование города в качестве

крепости). Перед уничтожением необходимо вывезти все сырьевые материалы, текстильные изделия и мебель. Главную роль в выполнении этой задачи должна играть гражданская администрация. Я сообщаю вам эти факты потому, что этот новый приказ фюрера о разрушении Варшавы имеет колоссальное значение для выяснения политики по отношению к Польше в будущем.

Губернатор района Варшавы, временно находящийся в Сохачеве, доктор Фишер»[1].

Упоминаемый в оглашенной телеграмме фон дем Бах-Зелевский известен Вам, господа судьи, он давал показания на вечернем заседании Трибунала 7 января.

О том, как обергруппенфюрер СС фон дем Бах-Зелевский выполнил приказ Гитлера о разрушении Варшавы, видно из письменных показаний, данных им под присягой 28 января 1946 г. при допросе его прокурором Польской Республики господином Савицким.

Подлинный протокол допроса на немецком языке, подписанный Бах-Зелевским, представляю Суду под номером СССР-313. Я оглашу две выдержки из этого протокола:

«Когда я разговаривал с Рейнефартом и сказал, что подобные поступки наносят удар морали и разуму, Рейнефарт сослался на приказ Гитлера и Гиммлера. Этот приказ...»

(К микрофону подходит защитник подсудимого Франка адвокат Зейдль)

Зейдль: *Я протестую против оглашения протокола показаний фон дем Бах-Зелевского. Свидетель уже был заслушан в Суде, и тогда была возможность выслушать на Суде этого свидетеля о содержании протокола. Если представители советского обвинения не хотят отказаться от оглашения этого протокола, то я ходатайствую о том, чтобы свидетель Бах-Зелевский, который находится еще в настоящий момент в Нюрнберге, был вызван еще раз в Суд, чтобы защитники имели возможность подвергнуть свидетеля перекрестному допросу.*

Председатель: *Генерал, хотите ли Вы что-нибудь сказать?*

Рагинский: *Господин председатель, протокол допроса Бах-Зелевского был представлен советской делегации представителем Польского правительства уже после допроса свидетеля в судебном заседании. Показания даны под присягой, и протокол допроса оформлен в соответствии с процессуальным законом. Поэтому мы считали возможным представить протокол Трибуналу, не вызывая вторично Бах-Зелевского для допроса на Суде. Если Трибунал придет к выводу, что без вызова Бах-Зелевского в Суд не могут оглашаться его показания, то в интересах ускорения процесса, чтобы не затягивать представление наших дока-*

[1] Людвиг Фишер 3 марта 1947 г. приговорен к смертной казни Верховным Национальным Трибуналом Польской Республики.

зательств, мы согласны на то, чтобы не оглашать эти показания. Тем более, что содержащиеся в показаниях факты установлены и другими документами, которые я буду докладывать Суду.

Председатель: *Генерал Рагинский, Трибунал понял Вас так, что Вы готовы не предъявлять этого доказательства?*

Рагинский: *Совершенно правильно, господин председатель.*

Председатель: *И Трибунал считает, что такое решение было бы правильным. Таким образом, этот документ не будет представлен в качестве доказательства.*

Я думаю, что следует сделать перерыв.

(Объявляется перерыв)

Рагинский: *Я оглашаю выдержку из дневника подсудимого Франка, представленного Трибуналу под номером СССР-223. Эта выдержка имеется на странице 45 тома документов. Я имею в виду папку, начатую 1 августа 1944 г. и доведенную до 14 декабря 1944 г., озаглавленную «Дневник», в которой имеется запись о содержании телеграммы, посланной Франком на имя имперского министра Ламмерса. Цитирую:*

«5 августа 1944 г. ...генерал-губернатор направляет следующую телеграмму имперскому министру доктору Ламмерсу: «Город Варшава в большей части объят пламенем. Сожжение домов является самым верным средством, чтобы отнять у повстанцев убежища... После этого восстания и его подавления Варшава будет с правом предана заслуженной судьбе своего полного уничтожения...»

Приведенные документы, таким образом, устанавливают, что фашистские заговорщики задались целью стереть с лица земли столицу Польского государства — Варшаву, что уничтожением Варшавы руководили гитлеровское правительство и германское верховное командование и что активную роль в этом злодеянии играл подсудимый Франк.

На всех оккупированных ими территориях СССР, Югославии, Польши, Греции и Чехословакии немецко-фашистские захватчики систематически и планомерно уничтожали населенные пункты под видом борьбы с партизанами.

Специально выделенные германским военным командованием карательные экспедиции, отряды и команды сжигали и взрывали десятки тысяч сел, деревень и других населенных пунктов.

Из многочисленных документов, имеющихся в распоряжении советского обвинения, приведу для примера несколько, которые являются типичными и характеризуют в целом систему, проводившуюся гитлеровцами.

Донесение командира роты капитана Каспера от 27 сентября 1942 г., озаглавленное «Итоговый отчет об усмирительной экспедиции, произведенной в деревне Борисовке с 22 по 26 сентября 1942 г.», так и начинается:

«Задание: 9-й ротой должна быть уничтожена зараженная бандами деревня Борисовка».

Этот документ уже представлен Трибуналу под номером СССР-119.

В январе 1942 года в Резекнекском (Режицком) уезде Латвийской Советской Социалистической Республики немцами была уничтожена деревня Аудрины со всем населением якобы за помощь красноармейцам. В городах Латвии по этому поводу было вывешено извещение командира германской полиции безопасности оберштурмбанфюрера СС Штрауха на немецком, латышском и русском языках.

Заверенную фотокопию извещения представляют Трибуналу под номером СССР-262. Оглашаю выдержку из этого документа:

«Командир германской полиции безопасности сим извещает о следующем:

...2. Жители деревни Аудрины Режицкого уезда более четверти года скрывали у себя красноармейцев, прятали их, давали им оружие и всячески способствовали им в противогосударственной деятельности.

Как наказание я назначил следующее:

а) Смести с лица земли деревню Аудрины».

Широко практиковали гитлеровцы карательные экспедиции в оккупированных районах Ленинградской области.

Как видно из приговора военного трибунала Ленинградского военного округа, представляемого советским обвинением как доказательство СССР-91, гитлеровцы сожгли в феврале 1944 года 10 населенных пунктов в Дедовичском, Пожеревицком и Островском районах.

Гитлеровские карательные экспедиции также сожгли деревни Страшево и Заполье Плюсского района, деревни Большие Ляды, Лудони и другие.

Многочисленные карательные отряды, действовавшие по указаниям германского верховного командования, сожгли многие сотни населенных пунктов на территории Югославии.

В качестве доказательств я сошлюсь на раздел III Сообщения Югославской государственной комиссии по установлению преступлений немецких захватчиков, представленного Трибуналу под номером СССР-36, и на специальное Сообщение Югославской государственной комиссии за номером 2697/45, подписанное профессором Недельковичем, которое представляю под номером СССР-309.

В этих документах приводится большое количество фактов сожжения и уничтожения гитлеровцами сел и деревень специальными карательными экспедициями.

В качестве примера можно назвать населенные пункты Загнездье, Удора, Мечковац, Марсич, Грашница, Рудника, Крупня, Растовач, Орах, Грабовица, Драчич, Лозинда и ряд других.

Целые области Югославии оказались совершенно опустошенными после пребывания там немцев.

Я также представляю фотокопию объявления командующего в Сербии, которое прошу принять в качестве дока-

зательства под номером СССР-200. Это объявление было обнаружено частями Югославской народно-освободительной армии в Сербии, о чем имеется надлежащее удостоверение Югославской государственной комиссии.

Я оглашу только один абзац из этого документа. Цитирую:

«Командующий в Сербии сообщает:

...Деревня Скела сожжена и сравнена с землей».

Гитлеровскими карательными отрядами уничтожались населенные пункты и в Польше.

В качестве доказательства представляю под номером СССР-368 удостоверение уполномоченного Польского правительства господина Стефана Куровского.

Это удостоверение является приложением к докладу Польского правительства и находится в вашем томе документов, страница 169.

Из приведенного документа устанавливается, что весной 1943 года на территории Замойского, Билгорайского, Хрубешовского и Красницкого уездов под руководством офицера СС Глобочкина фашистские оккупанты сожгли ряд населенных пунктов, а в феврале 1944 года в Красницком уезде были уничтожены при помощи авиации 5 деревень.

Значительное количество населенных пунктов было сожжено и стерто с лица земли гитлеровцами в Греции.

В качестве примера можно назвать поселки Амелофито, Клистон, Кизония, Ано-Керцелион, Като-Керцелион — в районе Салоник, поселки Мезовунос и Селли — в районе Корзани и другие.

Я представляю под номером СССР-103 заверенные фотостаты трех телеграфных донесений 164-й германской пехотной дивизии на имя начальника штаба 12-й армии. Эти донесения, господа судьи, имеются в томе документов на странице 170.

Каждое из донесений состоит из 9 — 10 строк, они однотипны и стандартны, но эти краткие официальные документы, по существу раскрывают чудовищную систему, повсеместно проводившуюся гитлеровцами на захваченных ими территориях.

Оглашу только одно из этих донесений:

«18.X.41. Начальнику штаба 12-й армии, Афины.

Рапорт за день. 1. Поселки Ано-Керцелион и Като-Керцелион (в 75 км на восток от Салоник, при устье реки Струмы), о которых у нас были доказательства, что они оказывали поддержку большой банде франтиреров в этой области, были стерты с лица земли войсками дивизии 17 октября. Мужчины в возрасте 16 — 60 лет (всего 207 человек) были расстреляны, а женщины и дети перевезены в другое место.

2. Никаких дальнейших важных событий.

64-я пехотная дивизия».

Вряд ли нужны комментарии к этому документу.

Я сошлюсь также на официальный доклад Греческого

правительства, представленный Трибуналу под номером СССР-358. На страницах 39 — 40 доклада (русский перевод соответствует странице 207 тома документов) приводятся многочисленные факты сожжения и уничтожения деревень на острове Крит. Так, деревни Скики, Прасси и Канадос были сожжены дотла в качестве возмездия за убийство нескольких немецких парашютистов во время нападения гитлеровцев на остров Крит.

Некоторые деревни разрушались по той лишь причине, что они находились в районе действий партизан.

В докладе указывается, что из 6500 деревень были полностью или частично разрушены 1600 деревень.

Следует еще отметить, что гитлеровцы умышленно бомбардировали незащищенные города и причинили тяжелый ущерб 23 городам Греции, в числе которых города Янина, Арта, Превеза, Туккала, Ларисса и Канеа были почти полностью разрушены. Об этом говорится на странице 21 доклада Греческого правительства. Вы найдете это место на странице 190 вашего тома документов.

Господа судьи! О злодеяниях гитлеровцев в Лидице знает весь мир.

10 июня 1942 г. был последним днем Лидице и ее обитателей.

Фашистские варвары оставили неопровержимую улику своего чудовищного преступления. Они запечатлели на пленку уничтожение Лидице, и мы имеем возможность представить это доказательство Трибуналу.

По распоряжению Чехословацкого правительства было произведено специальное расследование, которое установило, что фотографирование трагедии Лидице было поручено так называемым протектором консультанту по кино НСДАП Францу Тремлу и производилось последним совместно с Мирославом Вагнером.

Среди документов, которые представляются Трибуналу, имеются фотографии гитлеровских операторов, которые снимали момент разрушения Лидице.

Я представляю эти материалы и фильм в качестве доказательства под номером СССР-370.

Должен отметить, господа судьи, что этот немецкий документальный фильм был заснят несколько лет тому назад, техническое состояние его не совсем удовлетворительное, и поэтому при демонстрации могут быть некоторые неполадки. Я заранее приношу свои извинения Трибуналу. Прошу, господин председатель, разрешения приступить к демонстрации фильма.

(Демонстрируется фильм)

То, что гитлеровцы совершили в Лидице, они через некоторое время повторили в другом населенном пункте Чехословакии — поселке Лезаки.

В доказательство я сошлюсь на доклад Чехословацкого правительства (страницы 126 — 127). Этот доклад был представлен под номером СССР-60.

В докладе указывается:

«Лезаки, как и Лидице, были совершенно разрушены, а земля, на которой они стояли, покрыта грязью».

Господа судьи! Выше я приводил общие директивы преступлений гитлеровского правительства и германского верховного командования по разрушению населенных пунктов, промышленности и транспорта Советского Союза.

Сейчас я перехожу к представлению доказательств тех разрушений, которые во исполнение этих директив были произведены гитлеровцами повсеместно на временно оккупированной территории СССР.

Еще 6 января 1942 г. в ноте Народного комиссара иностранных дел СССР указывалось:

«Всюду, где только на советскую территорию вступали германские захватчики, они несли с собой разрушение и разорение наших городов, сел и деревень. Десятки городов, тысячи сел и деревень во временно оккупированных районах СССР ими разрушены, а то и сожжены дотла. Зарегистрированы многочисленные факты разбойничьего разрушения и уничтожения германскими войсками городских зданий, предприятий, сооружений, целых кварталов, как это имело место в Минске, Киеве, Новгороде, Харькове, Ростове, Калинине и других городах. Такие города, как Истра, Клин, Рогачево — Московской области, Епифань — Тульской области, Ельня — Смоленской области и ряд других, превращены в развалины. Немецкими захватчиками сметены с лица земли сотни сел и деревень на Украине и в Белоруссии, в Московской, Ленинградской, Тульской и других областях нашей страны».

В соответствии с пожеланием, высказанным Вами, господин председатель, я опускаю доказательства о разрушении отдельных городов Советского Союза, а приведу лишь общие данные.

В распоряжении советского обвинения имеется большое количество документов, изобличающих гитлеровских преступников в преднамеренном и систематическом, расчетливом и жестоком уничтожении и разрушении городов и сел, заводов и фабрик, железных дорог и средств связи.

Предъявление всей этой документации крайне затянуло бы данный процесс. Поэтому считаю возможным вместо представления отдельных документов перейти к оглашению некоторых итоговых данных, установленных Чрезвычайной Государственной Комиссией.

Из представленного Трибуналу документа — СССР-35 я оглашу лишь те разделы и цифры, которые ранее не оглашались, и только те, которые непосредственно относятся к пункту «G» раздела III обвинительного акта.

Эти выдержки Вы, господа судьи, найдете на страницах 223 — 224 Вашего тома документов. Цитирую:

«Немецко-фашистские захватчики полностью или частично разрушили и сожгли 170 городов и более 1710 тысяч сел и деревень, сожгли и разрушили свыше 6 миллионов

зданий и лишили крова около 25 миллионов человек. Среди разрушенных и наиболее пострадавших городов — крупнейшие промышленные и культурные центры: Сталинград, Севастополь, Ленинград, Киев, Минск, Одесса, Смоленск, Новгород, Псков, Орел, Харьков, Воронеж, Ростов-на-Дону и многие другие.

Немецко-фашистские захватчики разрушили 31 850 промышленных предприятий, на которых было занято около 4 миллионов рабочих...

От такой преступной деятельности немецко-фашистских орд наибольшие потери понесли следующие отрасли советской промышленности:

Угольная промышленность. В Донецком и Подмосковном угольных бассейнах немецко-фашистские захватчики разрушили 1135 шахт, на которых было занято 337 тысяч рабочих и добывалось свыше 100 миллионов тонн угля в год...

Нефтяная промышленность. ...На нефтяных промыслах Грозного и в Краснодарском крае немецко-фашистские захватчики с помощью воздушных бомбардировок и иными способами разрушили и уничтожили свыше 3 тысяч нефтяных скважин с добычей до 5 миллионов тонн нефти в год.

Они взорвали в Грозном атмосферно-вакуумную установку с годовой производительностью 660 тысяч тонн нефтепродуктов и крекинг-установку с годовой переработкой 227 тысяч тонн нефти, а также Одесский и Харьковский крекинговые заводы; разрушили Краснодарский нефтеперегонный завод; вывели из строя керосинопровод «Грозный-Трудовая» и уничтожили металлические резервуары емкостью свыше 2 миллионов кубометров на 720 нефтяных базах.

Электростанции. За время оккупации, и особенно при своем отступлении, немцы разрушили мощные энергосистемы Днепра, Донбасса, Ленинграда, Харькова, Краснодарского края, Киева, Воронежа, Крыма, Белорусской ССР и Кольского полуострова, а наиболее ценное оборудование электрических станций вывезли в Германию.

Они взорвали, сожгли и частично разрушили 61 крупнейшую и большое количество мелких электрических станций, с общей мощностью около 5 миллионов киловатт, вывели из строя около 10 тысяч километров магистральных высоковольтных линий электропередач, уничтожили более 12 тысяч зданий электростанций и подстанций и вывезли в Германию 14 тысяч паровых котлов, 1400 турбин, 11 300 электрогенераторов.

Черная и цветная металлургия. Немецко-фашистские захватчики полностью или частично разрушили 37 заводов черной металлургии, на которых работало 168 тысяч человек. На этих заводах ежегодно производилось 11 миллионов тонн чугуна, 10 миллионов тонн стали, 8 миллионов тонн проката. Немцы уничтожили и частично разрушили 62 домны, 213 мартеновских печей, 248 прокатных станов,

4740 коксовых печей с годовой производительностью в 19 миллионов тонн кокса. Они уничтожили 29 заводов огнеупорных изделий и 18 рудных предприятий с годовой добычей свыше 20 миллионов тонн железной руды...

Немецко-фашистские захватчики разрушили и вывели из строя 12 крупнейших предприятий цветной металлургии, в том числе: Днепровские — алюминиевый, магниевый и электродный заводы, Тихвинские — глиноземный завод и бокситовые рудники...

Машиностроение. Огромный ущерб немецко-фашистские захватчики нанесли машиностроительной промышленности.

Они разрушили 749 заводов тяжелого и среднего машиностроения, на которых было занято 919 тысяч рабочих, инженеров, техников и служащих...

Большой ущерб гитлеровцы причинили предприятиям, производящим тракторы, автомобили, железнодорожные вагоны, мотоциклы, велосипеды. Они полностью уничтожили 21 и частично разрушили 27 таких заводов...

Немецко-фашистские захватчики разрушили 61 станкостроительных и абразивных завода...

Они полностью уничтожили 169 заводов сельскохозяйственного, химического, деревообрабатывающего и бумагоделательного машиностроения...

Заводам электротехнической промышленности, выпускавшим электрогенераторы, электромоторы, трансформаторы, электровозы и другое оборудование, немцы причинили большой ущерб. Они разрушили 41 завод...

Лесная и бумажная промышленность. Немецко-фашистские захватчики разрушили большое число лесозаготовительных предприятий с годовой производительностью в 64 миллиона кубических метров древесины, 260 лесопильных и деревообрабатывающих предприятий производительностью в 12 миллионов кубических метров пиломатериалов в год, 28 фанерных заводов с выпуском 380 тысяч кубических метров фанеры в год.

Они уничтожили также 14 спичечных фабрик с годовым выпуском около 4 миллионов ящиков спичек и 77 бумажно-целлюлозных предприятий с годовой производительностью в 300 тысяч тонн бумаги.

Текстильная промышленность. В текстильной и легкой промышленности оккупанты разрушили 120 фабрик хлопчатобумажных тканей, 75 трикотажно-текстильных, 69 льняных, 125 пенькоджутовых, 36 фабрик шерсти, 12 меховых, 8 искусственного волокна, 160 предприятий кожевенно-обувной промышленности, свыше 100 стекольных заводов.

В результате разрушений текстильная промышленность лишилась 3 миллионов прядильных веретен и свыше 45 тысяч ткацких станков.

Пищевая и мясо-молочная промышленность. В пищевой и мясо-молочной промышленности немецко-фашистские захватчики полностью уничтожили и разрушили 204 сахар-

ных, 649 спирто-водочных заводов, 47 консервных, 29 масло-жировых заводов, 43 табачные фабрики и ферментационных завода, 157 хлебопекарен, 4490 мясо-колбасных, сыро-молочных и маслодельных предприятий.

Промышленность строительных материалов. В промышленности строительных материалов немецко-фашистские захватчики разрушили 409 предприятий. В том числе полностью уничтожены крупнейшие цементные заводы...»

Гитлеровцы разрушили 36 тысяч почтово-телеграфных учреждений, телефонных станций и других предприятий связи.

В период оккупации части территории Советского Союза и в особенности при своем отступлении немецко-фашистские захватчики причинили большой ущерб железным дорогам, водному и речному транспорту. Продолжаю цитату:

«Специальными путеразрушительными машинами они вывели из строя 26 и частично повредили 8 магистральных железных дорог, разрушили 65 тысяч километров железнодорожной колеи и 500 тысяч проводокилометров автоблокировки и линий железнодорожной связи. Они взорвали 13 тысяч железнодорожных мостов.., 4100 станций, 1200 насосных станций, 1600 водонапорных башен, 3200 гидроколонок. Они уничтожили 317 паровозных депо и 129 паровозоремонтных и вагоноремонтных заводов, а также заводов железнодорожного машиностроения.

Они разрушили, повредили и увезли 15 800 паровозов и мотовозов и 428 тысяч вагонов.

Враги причинили большой ущерб сооружениям, предприятиям, учреждениям и судам морского транспорта Северного Ледовитого океана, Белого, Балтийского, Черного и Каспийского морей. Они потопили и частично повредили свыше 1400 пассажирских, грузовых и специальных судов.

Сильно пострадали оснащенные передовой техникой морские порты — Севастопольский, Мариупольский, Керченский, Новороссийский, Одесский, Николаевский, Ленинградский, Мурманский, Лиепайский, Таллиннский и другие.

Оккупанты потопили и захватили 4 280 пассажирских, грузовых и буксирных пароходов речного транспорта и технического служебно-вспомогательного флота, 4 029 несамоходных судов; разрушили 479 портово-пристанских хозяйств, в том числе Ленинградский, Сталинградский, Киевский порты; сооружения Беломорско-Балтийского канала и канала Москва-Волга; 89 судостроительных верфей, механических заводов и предприятий.

Отступая под натиском Красной Армии, немецкие войска подорвали и разрушили 91 тысячу километров шоссейных дорог и 90 тысяч дорожных мостов общей протяженностью 930 километров».

На этом я заканчиваю, господа судьи.

Представленные Трибуналу и оглашенные документы наглядно показывают, как гитлеровские заговорщики пре-

ступно попирали на всех захваченных ими территориях СССР, Югославии, Польши, Чехословакии и Греции законы и обычаи войны, основные принципы уголовного права и прямые указания статей 46 и 50 Гаагской Конвенции 1907 года.

Представленные документы также показывают, что в планах немецких захватчиков предусматривалось полное разрушение городов и деревень, из которых гитлеровцы вынуждены были отступить под ударами вооруженных сил Советского Союза.

Представленные документы, наконец, показывают, с какой звериной жестокостью и беспощадностью гитлеровцы осуществляли свои преступные планы, превращая в прах и пепел крупнейшие культурные и промышленные центры.

На обширном пространстве от Белого до Черного и Эгейского морей, на территориях, временно захваченных германскими войсками, гитлеровцами намеренно и планомерно превращены в руины многолюдные и цветущие русские, белорусские, украинские, польские, югославские, греческие и чехословацкие города, села и деревни.

И все это — результат преступной деятельности гитлеровского правительства и германского верховного военного командования, представители которых посажены на скамью подсудимых.

В заключение, господин председатель, я бы хотел представить в качестве доказательства под номером СССР-401 документальный фильм о разрушениях, произведенных гитлеровцами на территории Советского Союза. Материалы, устанавливающие документальность этого фильма, я представляю Трибуналу.

(Демонстрируется фильм)

Председатель *(после окончания демонстрации фильма): Сейчас мы объявим перерыв.*

Документ С-123

ДИРЕКТИВА ОКВ О РАЗРУШЕНИИ МОСКВЫ, ЛЕНИНГРАДА И ДРУГИХ ГОРОДОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ОТ 7 ОКТЯБРЯ 1941 Г.

Верховное командование
вооруженными силами
№ 44 1675/41
Совершенно секретно
Секр. канц. начальника штаба,
отд. Л (1 опер.)
Передавать только
через офицера
Относится к Верховн. главноком.
вермахта (опер. отд.) № 41
244/41, секр. канц. от 18.9.41.

Ставка фюрера

7.10.41.Изготовлено 14 копий,
2 копия, ОПС 1690/41
Получено: 7
Приложение: 10

Фюрер вновь принял решение не принимать капитуляции Ленинграда или позднее Москвы даже в том случае, если таковая была бы предложена противником.

Моральное оправдание этого решения ясно для всего мира. Точно так же, как в Киеве, закладкой бомб и мин с часовыми механизмами был создан ряд тяжелых угроз для наших войск, нужно считаться с подобным же мероприятием в еще более широком масштабе в Москве и в Ленинграде. Само советское радио сообщило о том, что Ленинград заминирован и будет обороняться до последнего солдата.

Следует ожидать также сильного распространения эпидемий.

Поэтому ни один немецкий солдат не должен вступать в эти города. Все лица, пытающиеся покинуть город в направлении наших линий, должны быть отогнаны огнем. По тем же соображениям следует приветствовать оставление небольших незащищенных брешей, через которые население города может просачиваться во внутренние районы страны. Это относится также и ко всем остальным городам: перед их захватом они должны быть уничтожены огнем артиллерии и воздушными налетами, с тем чтобы побудить их население к бегству.

Не допускается, чтобы немецкие солдаты рисковали своей жизнью для спасения русских городов от огня или чтобы они кормили население этих городов за счет средств немецкой родины.

Хаос в России будет тем больше, наше управление и эксплуатация оккупированных областей будет тем легче, чем больше населения советских русских городов уйдет во внутренние районы России.

Об этой воле фюрера необходимо сообщить всем нашим командирам.

*По поручению начальника штаба
верховного главнокомандования вермахта
Иодль
проверил Фальк, капитан генерального штаба*

*ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 148, ед. хран. 227.
Преступные цели — преступные средства,
с.300 — 301.*

ДОНЕСЕНИЕ ПРАЖСКОГО ОТДЕЛА ГЕСТАПО ОБ УНИЧТОЖЕНИИ ЖИТЕЛЕЙ ЛИДИЦЕ

Тайная государственная полиция
Отдел
государственной полиции
в Праге

Прага, 24 июня 1942 г.

Меры возмездия против населенного пункта Лидице.

По приказу фюрера против населенного пункта Лидице в Богемии были проведены репрессии, так как скрывающиеся чешские агенты-парашютисты после их прыжка с английских самолетов сконцентрировались в этом населенном пункте и получали поддержку со стороны деревенских жителей и со стороны большей части жителей населенного пункта, являющихся родственниками лиц, состоящих в чешском легионе в Англии.

Населенный пункт из 95 домов был полностью сожжен, 199 мужчин старше 15 лет были расстреляны на месте, 184 женщины были направлены в концентрационный лагерь Равенсбрюк, 7 женщин — в полицейскую тюрьму в Терезиенштадт, 4 беременные женщины в больницу в Прагу, 88 детей — в Лицманштадт, а 7 детей, которым не исполнилось одного года, были доставлены в приют в Прагу. 3 ребенка направляются в империю для германизации. Одна тяжелобольная женщина находится еще в больнице в Кладно.

СС в действии, с. 526.

Д-р Гешке

ОБЪЯВЛЕНИЕ ВЫСШЕГО РУКОВОДИТЕЛЯ СС И ПОЛИЦИИ В XVIII ВОЕННОМ ОКРУГЕ ОБ УНИЧТОЖЕНИИ ДВУХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ В ОКРУГЕ ШТЕЙН (ЮГОСЛАВИЯ)

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Установлено, что значительная часть мужского населения Градище и Корено, округ Штейн, присоединились к бандам, в то время как остальное население регулярно снабжало их информацией и продуктами питания, а также было осведомлено о местонахождении и деятельности бандитов, не уведомив об этом власти.

Поэтому оба населенных пункта были сожжены, проживавшие в них мужчины старше 18 лет расстреляны, остальное население выселено.

Высший руководитель СС и полиции
в XVIII военном округе
Резенер группенфюрер СС
и генерал-лейтенант полиции

Нюрнбергский процесс
(в 3-х т.), т. 2, с. 257.

ПРИКАЗ ГИММЛЕРА О РАЗРУШЕНИИ ДОНБАССА ОТ 7 СЕНТЯБРЯ 1943 Г.

Рейхсфюрер СС, № 74/43.

Полевое управление,
7.9.1943. 7 экз.
Экз. № 7
Совершенно секретно
Государственной важности

Высшему руководителю СС
и полиции на Украине

Киев

Дорогой Прюцман![1]

Генерал пехоты Штапф имеет особые указания относительно Донецкой области. Немедленно свяжитесь с ним. Я возлагаю на Вас задачу всеми силами содействовать ему. Необходимо добиться того, чтобы при отходе из районов Украины не оставалось ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одного рельса; чтобы не остались в сохранности ни один дом, ни одна шахта, которая бы не была выведена на долгие годы из строя; чтобы не осталось ни одного колодца, который бы не был отравлен. Противник должен найти действительно тотально сожженную и разрушенную страну. Немедленно обсудите эти вопросы со Штапфом и сделайте все, что в человеческих силах, для выполнения этого...

Ваш Гиммлер

Дашичев В. И., Банкротство стратегии германского фашизма (в 2-х т.), М., из-во «Наука», 1973, т. 2, с. 475.

ДОНЕСЕНИЕ ОПЕРАТИВНОГО ОТДЕЛА 4-ГО МОТОРИЗОВАННОГО ПОЛКА СС «ФЮРЕР» ОБ УНИЧТОЖЕНИИ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ ОРАДУР-СЮР-ГЛАНА ОТ 11 ИЮНЯ 1944 Г.

4-й мотопехотный полк СС
«Фюрер»
Оперативное отделение
Ежедневное донесение
за 10/11.6.1944 г.

Команд. пункт полка
11.6.1944 г.

4-й моторизованный полк СС «Фюрер» продолжал 10 и 11.6.1944 г. проводить действия по очистке в районе «U».

1-й батальон полка СС «Фюрер» 10.6.1944 г. в 13.30 час. подошел к Орадуру и окружил этот населенный пункт. После обыска домов в населенном пункте он был сожжен. Почти в каждом доме хранились боеприпасы. 11.6.1944 г. в 14.50 час. 2 роты выступили из Ньля в направлении Шато. Террористы покинули этот населенный пункт еще в ночь с 10-го на 11 .6.

Результаты: 548 убитых у противника, — 1 раненый у нас.

Капитан (подпись)

СС в действии, с. 532 — 533.

[1] Прюцман возглавлял войска СС и полицию на Украине. В конце войны он был назначен руководителем фашистской организации «Вервольф» («Оборотень»), призванной вести террористическую борьбу в тылу наступающих союзных войск.

Документ ПС-754

ДИРЕКТИВА ОКВ О ВЫСЕЛЕНИИ НОРВЕЖСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И РАЗРУШЕНИИ ЖИЛИЩ ОТ 28 ОКТЯБРЯ 1944 Г.

Штаб оперативного руководства вермахта

28 октября 1944 г.
Совершенно секретно
Только для командования
Изготовлено 6 экземпляров
5-й экземпляр

Передано по телетайпу
Адресовано: 1) командованию 20-й армии
2) для сведения: военно-уполномоченному по Норвегии
3) — » — имперскому комиссару оккупированных норвежских областей
4) — » — командованию военно-морского флота

Учитывая, что население Северной Норвегии проявляет недостаточную готовность к добровольной эвакуации, фюрер согласился с предложениями имперского комиссара оккупированных норвежских областей и приказал в принудительном порядке эвакуировать все норвежское население, проживающее к востоку от Лингенфьорда, а все жилые помещения сжечь либо разрушить.

Командующий Северной Финляндией несет ответственность за то, чтобы приказ фюрера был беспощадно приведен в исполнение. Лишь таким путем можно избежать того, что крупные силы русских, опираясь на наличие жилых домов и на население, знакомое с местными условиями, еще зимой последуют по пути нашего отступления и в скором времени появятся перед нашими позициями у Лингена. Жалость к гражданскому населению неуместна.

Войскам, приводящим приказ в исполнение, следует разъяснить, что норвежцы через несколько месяцев будут нам благодарны за то, что мы избавили их от большевизма и что варварские методы воздушной войны против их родины — Германии и против ее культурных центров причинили немецкому народу в тысячу крат более тяжкие страдания, по сравнению с гуманными методами эвакуации и разрушения жилых домов в Северной Норвегии; эти методы являются необходимыми для войны, которую мы ведем, — если мы от них откажемся, за это придется заплатить кровью германских солдат.

Следует также отметить, что рыбацкое население Северной Норвегии располагает судами достаточного тоннажа и имеет возможность с их помощью уйти водным путем. Значительная часть норвежских мелких судов, которые население в настоящее время прячет, таким образом может найти применение и впоследствии их можно использовать для собственных транспортных нужд.

Представляется, что опасности появления норвежских банд нет, так как в зимнее время этим бандам не удастся опираться на жилые помещения.

Иодль
Верховное командование вооруженными силами

Нюрнбергский процесс (в 3-х т.), т. 2, с. 398 — 399.

Политика рабского труда

Выступление помощника Главного обвинителя от СССР Н. Д. Зори[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 22 февраля 1946 г.

Господа судьи! Я хочу приступить к представлению документальных доказательств советского обвинения, подтверждающих применение гитлеровскими заговорщиками в огромных масштабах системы рабского принудительного труда.

Фашизм, с его планами завоевания мирового господства, с его отрицанием права, морали, жалости и человечности, предусматривал порабощение мирного населения временно захваченных территорий, угон миллионов людей в фашистскую Германию и использование в принудительном порядке их рабочей силы.

Фашизм и рабство — понятия, неотделимые друг от друга. Я начну, господа судьи, представление документов по этому разделу с доклада правительства Югославской Республики, который уже представлен Трибуналу под номером СССР-36. Я прошу обратиться к странице 40 доклада, расположенной на странице 41 тома документов. Я оглашаю соответствующее место доклада, которое озаглавлено «Принудительный труд гражданского населения». Цитирую:

«Фашистская политика всесторонней эксплуатации оккупированных областей проводилась в полном объеме и в Югославии.

Имперское правительство и ОКВ тотчас же после оккупации Югославии ввели принудительную трудовую повинность для населения оккупированных областей. Использование рабочей силы в Югославии осуществлялось в рамках общего германского плана. Подсудимый Геринг как руководитель германского четырехлетнего плана давал своим подчиненным органам инструкции относительно систематического использования рабочей силы оккупированных областей.

В своем отчете один из руководящих чиновников хозяйственного отдела германской комендатуры в Белграде — Ран пишет, что, согласно указанию Геринга, мероприятия в области экономики и хозяйства в оккупированных странах не должны служить интересам местного населения, а использование рабочей силы оккупированных областей должно идти на пользу германского военного хозяйства.

Тотчас же по оккупации Югославии немцы основали там свои «вербовочные пункты» для вербовки рабочих на «добровольную» работу в Германию. Они также пользовались существовавшими в Югославии организациями, занимавши-

[1] ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 1, ед. хран. 28.

мися посредничеством по приисканию работы, а также проводили в жизнь свои планы через эти организации.

Так, например, в Сербии они использовали центральное ведомство по приисканию работы, а также биржу труда. Через посредничество этих организаций они к концу февраля 1943 года уже вывезли в Германию из одной только Сербии 47 500 рабочих. Позднее это число увеличилось, но точные данные еще не установлены. Все эти рабочие были использованы в сельском хозяйстве и промышленности Германии, главным образом, на самых тяжелых работах».

В докладе указывается, что гестапо и специальная комиссия применили давление и силу. Это зашло так далеко, что «добровольцев» ловили прямо на улицах, собирали партиями и угоняли в Германию.

Продолжаю цитировать:

«Помимо этих, так называемых «добровольных» рабочих, немцы угоняли в Германию на принудительную работу заключенных из лагерей и «политически неблагонадежных». Последние находили применение, естественно, на самых тяжелых работах и попадали в отвратительные условия труда и быта. Таким путем с 1942 года в Германию было привезено большое количество невинных жертв лагеря Баньица, Саймиште и других.

Первый эшелон был отправлен 24 апреля 1942 г. Вслед за ним непрерывно уходили эшелоны вплоть до 26 сентября 1944 г.

Отправляли молодых и старых, мужчин и женщин, крестьян, рабочих и интеллигенцию, притом не только в Германию, но и в другие страны, оккупированные рейхом.

Согласно данным регистрационных журналов лагеря Баньица, которые дают далеко не полное представление о действительных фактах, из этого лагеря было вывезено за границу на принудительные работы 10 тысяч заключенных.

Германские власти в Сербии приняли ряд мер, которые способствовали наиболее полной мобилизации рабочей силы. Первым мероприятием в этой области было два закона: закон о всеобщей трудовой повинности и ограничении свободы труда от 14 декабря 1941 г. и закон о введении национальной трудовой повинности для восстановления Сербии от 5 ноября 1941 г.

Согласно первому закону все лица от 17 до 45 лет могли быть призваны на работу на определенных предприятиях и в определенных отраслях хозяйства.

Согласно второму закону эти лица могли быть использованы в гражданской службе на пользу «национального восстановления», что в действительности означало работу по усилению германского экономического и военного потенциала.

Люди, подпадавшие под действие этих законов о трудовой повинности, хотя и оставались в стране, однако работали на благо и в целях германской экономической эксплуатации. В первую очередь они использовались на рудниках (Бор, Костолац и другие), на строительстве шоссейных и железных дорог, на водном транспорте и т. д.

26 марта 1943 г. германский командующий в Сербии чрезвычайным указом ввел на оккупированной части Сербии все так называемые военно-хозяйственные мероприятия, которые осуществлялись в самой Германии. Так, в Сербии была навязана всеобщая мобилизация рабочей силы.

Этим указом все население оккупированной Сербии было мобилизовано для германского военного хозяйства. И в действительности немцы в самом широком масштабе использовали сербскую рабочую силу. Так же обстояло дело в остальных оккупированных районах Югославии. Мы не хотим здесь останавливаться на многочисленных подробностях этой планомерной эксплуатации и приведем только один пример из оккупированной Словении.

Согласно официальному сообщению «Краевой крестьянской управы Каринтии» от 10 августа 1944 г. в Человече о каждом случае беременности не немецкой женщины должно было сообщаться в местное управление трудовой повинности. В таких случаях женщины были обязаны лишиться своего ребенка, — цитирую дословно, — «путем оперативного вмешательства в госпитале». В этом сообщении говорится, что роды женщины не немецкой национальности доставляют «не только трудности по использованию рабочей силы», но, сверх того, представляют «опасность народно-политического характера». Далее говорится, что управления трудовой повинности должны стремиться склонять беременных женщин не немецкой национальности к абортам.

В качестве еще одного доказательства эксплуатации рабочей силы следует привести инструкцию ландрата района Марбург (Марибор) от 12 августа 1944 г. Она посвящена вопросу охвата всех лиц, подпадающих под закон о трудовой повинности, для службы в германской армии и для принудительных работ. Этот закон должен был распространяться на все категории населения Нижней Штирии и притом не только на местное население, но и на голландцев, датчан, шведов, люксембуржцев, норвежцев и бельгийцев, находящихся в этой области».

Я перехожу сейчас к докладу правительства Польской Республики, который представлен Трибуналу советским обвинением под номером СССР-93.

Предварительно следует отметить особую роль подсудимого Франка в организации угона польского населения на принудительный труд в Германию.

Я позволю себе огласить несколько выдержек из документа, известного под названием дневника Франка, имеющегося в распоряжении Трибунала под номером СССР-223.

На заседании руководителей отделов 12 апреля 1940 г. в Кракове Франк так формулировал свое отношение к полякам. (То место, которое я буду сейчас цитировать, находится на странице 62 тома документов, точнее — на обороте этой страницы.) Цитирую:

«Под нажимом империи отныне сделано распоряжение о том, что так как на работу в Германскую империю добровольно поступает недостаточное количество рабочей силы, то должны быть приняты меры принуждения.

Это принуждение означает возможность ареста поляков, как мужчин, так и женщин. К тому же возникли определенные волнения, которые, как явствует из отдельных отчетов, очень сильно распространяются и могут привести к трудностям во всех областях.

Господин фельдмаршал Геринг в свое время указал на необходимость послать миллион рабочих в империю. До сих пор доставлено только 160 тысяч.

Арест молодых поляков при выходе из церкви, кино или театра может привести ко все возрастающей нервозности среди поляков».

Далее указывается, что — цитирую дословно: «Франк сам по себе ничего не имеет против того, чтобы забирать с улиц работоспособный, «шатающийся» элемент, но лучшим путем была бы организация облав. Вполне законно задержать поляка на улице и спросить его, что он делает, где он работает и т. д.».

В беседе с подсудимым Заукелем 18 августа 1942 г. подсудимый Франк говорил (я цитирую место, находящееся на странице 67 тома документов):

«Очень рад, что могу официально сообщить вам, что по сей день мы отправили в Германию свыше 800 тысяч рабочих. Недавно вы ходатайствовали о посылке 140 тысяч рабочих. Счастлив официально сообщить вам, что в соответствии с нашим вчерашним соглашением 60 процентов этих новых поляков мы дадим до конца октября, а остальные 40 процентов — до конца года».

Франк выполнил это обязательство, данное им подсудимому Заукелю.

4 декабря 1942 г. на совещании польских руководителей «трудового фронта» генерал-губернаторства Франк в своем выступлении говорил:

«Вы знаете, что мы отправили в Германию свыше 940 тысяч польских рабочих. В этом отношении генерал-губернаторство абсолютно и относительно стоит впереди всех европейских стран. Это исключительное усилие, и гаулейтер Заукель признает это. Кроме этих 940 тысяч, вы, однако, в следующем году можете рассчитывать на новые партии рабочих из генерал-губернаторства, ибо для вербовки мы используем полицию».

После этого разрешите мне процитировать раздел доклада правительства Польской Республики, озаглавленный «Угон населения на принудительные работы». Этот документ находится на страницах 72 и 73 тома документов. Я цитирую:

«...Уже 2 октября 1939 г. был издан Франком декрет относительно введения принудительных работ для польского населения в «генерал-губернаторстве». На основании упомянутого декрета польское население было обязано работать в земледельческих предприятиях, при охране общественных зданий, постройке дорог, регулировании рек, шоссе и железнодорожных линий».

Следующий декрет от 12 декабря 1939 г. расширил круг обязанных к работе, включая в него детей от 14 лет, а дек-

рет от 13 мая 1942 г. разрешил лагерям применять принудительную работу и за границами генерал-губернаторства.

На основании этих декретов возникла практика, состоявшая в массовом увозе населения из Польши в Германию. Во всем генерал-губернаторстве, в городах и деревнях плакаты постоянно приглашали поляков отправляться «добровольно» работать в Германию. Однако в то же время каждому городу и деревне объявлялось, сколько рабочих следует доставить.

Результаты «добровольного» призыва приносили обыкновенно весьма сильное разочарование. В результате этого германские власти призывали людей лично или устраивали облавы на улицах, в ресторанах и в других местах и высылали схваченных таким образом людей прямо в Германию.

Устраивались особые облавы на молодых рабочих обоего пола. В течение целых месяцев семьи не получали никаких известий от вывезенных таким образом, и лишь по истечении известного времени приходили открытые письма, описывающие скудные условия, в которых они были принуждены жить. Часто после многих месяцев рабочие возвращались домой в состоянии полной духовной депрессии и физического истощения.

Имеются конкретные доказательства, что во время этих принудительных работ тысячи мужчин были стерилизованы, а молодые девушки отправлялись в публичные дома...

Рабочих отправляли к немецким крестьянам обрабатывать их земли, на заводы или специальные принудительные работы в лагерях. Условия в этих лагерях были ужасны...

По оценкам, которые до сих пор удалось сделать, в одном только 1940 году 100 тысяч женщин и мужчин было отправлено в Германию в качестве рабочих...

К этой огромной армии рабочих рабов следует причислить также тысячи поляков, увезенных из присоединенных территорий, а также 200 тысяч польских военнопленных, которые, согласно декрету Гитлера от августа 1940 года, были «освобождены» из лагерей только для того, чтобы затем отправить их на принудительные работы в разные части Германии...

Эти депортации продолжались в течение всех лет войны. Общее число таких рабочих дошло в одно время до 2 миллионов.

Точные цифры, очевидно, недоступны. Но, если принять во внимание, что, несмотря на весьма высокую смертность среди этих людей, ныне около 835 тысяч поляков зарегистрировано в Западной Германии, — оценка покажется правильной.

Вся глава, касающаяся депортации на принудительные работы, представлена здесь в крайне сжатой форме. Эти несколько строк скрывают историю сотен тысяч разрушенных польских семейств, трагедию, смерть и скорбь. История каждого из этих рабочих была непрерывной трагедией. Отцы, оставляющие свои семьи без средств, мужья — своих жен без возможности содержать себя и с небольшой надеждой на их возвращение. Число 2 миллиона скрывает

море разбитых жизней, по крайней мере 10 процентов всего населения Польши.

Это было огромное преступление. Депортация и принудительные работы были явным нарушением законов ведения войны».

Доклад Греческого правительства о зверствах немцев, представленный Трибуналу под номером СССР-369, констатирует (я прошу обратиться к странице 74 тома документов):

«Как и на других оккупированных территориях, немцы в своей оккупационной политике в Греции руководствовались двумя определяющими факторами: максимальная эксплуатация ресурсов страны в интересах немецкой военной экономики и порабощение населения посредством методического террора и всеобщего угнетения. Немцы следовали своей двусторонней политике грабежа и мщения, тем самым нарушая всеми признанные законы».

В разделе доклада Греческого правительства, носящем название «Набор рабочей силы», имеются два абзаца, которые я собираюсь огласить:

«Одной из проблем, с которой столкнулась немецкая администрация, явилась проблема набора рабочей силы. Все мужское население в возрасте от 16 до 50 лет подлежало трудовой мобилизации. Забастовки были объявлены вне закона и карались суровым наказанием. Лица, которые организовывали забастовки и руководили ими, подлежали смертной казни. Забастовщиков судили военным судом.

Вначале немцы пытались навербовать греков для работ в Германии с помощью пропаганды и различных форм косвенного принуждения. Они обещали им высокую заработную плату и лучшие условия жизни. Когда такой «добровольный» набор рабочей силы не дал желаемых результатов, они отказались от него и поставили рабочих перед дилеммой — ехать в Германию работать или быть взятыми в качестве заложников».

Совершенно аналогичные меры принудительного угона рабочей силы в Германию применялись фашистами и в Чехословакии.

Но особенно большой размах угон фашистскими преступниками в рабство мирного населения получил на временно оккупированных ими территориях Советского Союза.

Я хотел бы сейчас кратко остановиться на подготовке гитлеровскими преступниками применения принудительного труда на временно оккупированных советских территориях.

Еще до начала военного нападения на Союз Советских Социалистических Республик в документе, известном Трибуналу под названием «Зеленая папка» подсудимого Геринга (документ советского обвинения номер СССР-10), этой организации принудительного труда на советских территориях, которые собирались оккупировать военные преступники, была отведена целая глава, так и называвшаяся «Использование рабочей силы, привлечение местного населения».

В этой главе (это страницы 17 — 18 русского текста «Зеленой папки», которая имеется на странице 83 тома документов) декларируется принудительный характер труда для мирного советского населения.

В параграфах 1 и 2 пункта «а» раздела 2 главы под заголовком «Привлечение местного населения» указывается, что:

«Рабочие коммунальных предприятий, нефтедобывающих, перерабатывающих установок, хранилищ и т. д. принуждаются к продолжению их работы в нужных случаях под угрозой наказания».

Несколькими строками ниже говорится:

«В случае необходимости рабочие сводятся в рабочие колонны».

Уже в этой так называемой «Зеленой папке» было предусмотрено фактическое отсутствие оплаты принудительного труда советских граждан. Заранее предполагалось, что вопрос оплаты будет сведен к вопросу питания. Для фашистских рабовладельцев было важно, чтобы человек мог бы только работать, в остальном же они не были заинтересованы. На странице 18 русского текста «Зеленой папки», это страница 3 тома документов...

Председатель: *Этот документ уже оглашался.*

Зоря: *По моим данным, эта часть документа не оглашалась. Это документ советского обвинения, который в целом был впервые оглашен в 1942 году в мае в ноте Народного комиссара иностранных дел СССР.*

Председатель: *Если Вы говорите, что он не оглашался, тогда, пожалуйста, продолжайте.*

Зоря: *На странице 18 русского текста «Зеленой папки» ссылку на то, что оплатой труда должно быть только питание, можно найти, по крайней мере, три раза.*

Я не стану задерживать внимание Трибунала на этом документе и перейду к дальнейшему изложению.

Подсудимый Геринг, давший свое имя этой инструкции по ограблению Советского Союза, ибо иначе трудно назвать только что упоминавшийся мною документ, в дальнейшем также продолжал заниматься организацией принудительного труда на временно оккупированных территориях СССР.

Я представляю в качестве доказательства под номером СССР-386 документ, освещающий эту сторону деятельности подсудимого Геринга. Этот документ, вернее, два документа представляют собой запись совещания «Об использовании русской рабочей силы», состоявшегося с участием подсудимого Геринга 7 ноября 1941 г., и сопроводительное письмо к этой записи.

Первоначально этот документ был изготовлен в 10 экземплярах и разослан в 14 адресов, перечень которых, Вы, господа судьи, сможете найти на странице 5 русского текста документа в конце препроводительного письма.

Препроводительное письмо к этой записи подписал доктор Рахнер — начальник военного управления хозяйственного штаба «Ост». Запись совещания, о котором идет

речь, составлена Норманом, который являлся, по-видимому, сотрудником этого аппарата.

Я считаю полезным для рассматриваемого нами вопроса огласить некоторые места этой записи. Цитирую страницу 6 русского текста документа, что соответствует странице 95 — 96 тома документов.

«Совещание от 7 ноября 1941 г. «Об использовании русской рабочей силы».

Рейхсмаршал дал следующее указание относительно использования русской рабочей силы:

1. Наличие крупных резервов рабочей силы на родине имеет решающее значение для исхода войны. Русские рабочие показали свою трудоспособность во время строительства гигантской русской промышленности, поэтому эта трудоспособность должна быть теперь использована на благо империи.

В связи с наличием этого приказа фюрера все возражения отходят на задний план.

Отрицательные стороны, которые может иметь использование этой рабочей силы, должны быть сведены к минимуму. Это является, в первую очередь, задачей разведывательных органов и полиции безопасности.

2. Русские в зоне боевых действий. Русских надо использовать преимущественно на строительстве шоссейных и железных дорог, для работы по расчистке, для разминирования и для строительства аэродромов. Значительная часть немецких строительных батальонов должна быть расформирована (пример авиации), квалифицированных немецких рабочих надо направить в военную промышленность; копать землю и дробить камни — эта работа не для них, для этого есть русские.

3. Русские в областях, находящихся в ведении имперских комиссаров и в генерал-губернаторстве. Должны соблюдаться правила, приведенные в пункте 2. Кроме того, следует больше использовать русских в сельском хозяйстве. Если нет машин, надо с помощью человеческих рук выполнять те требования, которые империя предъявляет сельскому хозяйству в восточном пространстве. Далее нужно предоставить достаточное количество местной рабочей силы для максимальной эксплуатации русских угольных месторождений.

4. Русские на территории империи, включая протекторат. Количество используемой рабочей силы зависит от потребности. При учете потребности следует исходить из того, что рабочие других стран, которые мало производят и много едят, должны быть выселены из империи, а также из того, что в будущем немецкая женщина не должна так сильно использоваться в трудовом процессе. Наряду с русскими военнопленными надо использовать также свободную рабочую силу...»

Я пропускаю одну страницу этого документа и остановлюсь на его седьмой странице. В середине текста этой страницы начинается раздел «б», озаглавленный «Свободные русские рабочие».

Мой коллега полковник Покровский уже упоминал о том, что гитлеровцы заносили в разряд военнопленных мирное население. Это, с одной стороны, давало им возможность в своих сообщениях в ходе военных действий искусственно увеличивать в пропагандистских целях количество солдат Красной Армии, будто бы взятых в плен, а с другой стороны, служило неисчерпаемым источником рабочей силы.

Раздел, о котором я только что упоминал, так и начинается:

«Использование рабочих и обращение с ними должны быть на практике такими же, как и по отношению к русским военнопленным».

Следует тут же отметить, что запись этого совещания оканчивается следующей установкой Геринга (это место находится на странице 98 тома документов):

«Мобилизация рабочих и использование военнопленных представляют собой единое мероприятие, и они должны организационно сочетаться друг с другом».

Возвращаясь к странице 7 той же записи, я должен сказать, что там содержится следующее красноречивое высказывание Геринга по вопросу об условиях труда русских рабочих и, в частности, об их зарплате...

Председатель: *Генерал Зоря, не можете ли Вы сообщить Трибуналу, сумеете ли Вы окончить представление материалов сегодня вечером?*

Зоря: *Мое намерение заключается в том, чтобы закончить сегодня.*

Председатель: *Очень хорошо.*

Зоря: *Я хотел бы огласить сейчас высказывания Геринга в только что представленном мною документе по вопросу об условиях труда русских рабочих и, в частности, об их зарплате. Цитирую:*

«В отношении условий труда свободных русских рабочих следует иметь в виду следующее:

1. Рабочий может получать немного карманных денег...

3. Поскольку его рабочая сила обходится предпринимателю дешево, следует обратить внимание на соответствующее финансовое обложение работодателя».

И дальше подсудимый Геринг дает следующее указание. Цитирую страницу 8 русского текста документа, раздел «b», пункт 6:

«...6. Использование русских ни в коем случае не должно вести к нарушению принципа зарплаты в восточном пространстве. Все финансовые мероприятия в этой области должны исходить из того положения, что минимальная зарплата на Востоке, согласно категорическому указанию фюрера, является предпосылкой для покрытия военных расходов и военных долгов империи после окончания войны. Нарушения этого положения должны наказываться строжайшим образом».

Затем следуют две строки, которые представляют интерес не только с точки зрения обвинения подсудимого Геринга в применении системы принудительного труда.

Высказавшись столь категорично против «нарушений

принципа зарплаты на восточном пространстве», Геринг заявил на этом же совещании:

«То же самое относится, естественно, ко всякому поощрению «социальных устремлений» на русской колониальной территории».

Сопроводительное письмо к записи этого совещания состоит из комментариев к ней, которые не вносят ничего принципиально нового к тому, что уже было доложено Трибуналу. Поэтому я не стану цитировать это письмо.

Следующим документом, который я считаю необходимым представить Трибуналу и просить принять его в качестве доказательства под номером СССР-379, является приказ Геринга от 10 января 1942 г. Я процитирую только 18 первых строчек этого приказа Геринга, которые находятся на странице 100 тома документов:

«В течение ближайших месяцев использование рабочей силы приобретает еще большее значение. С одной стороны, военная обстановка обусловливает необходимость передачи армии всех мужчин молодых возрастов для выполнения стоящих перед ней задач. С другой стороны, в военную промышленность и в другие отрасли военного хозяйства, а также в сельское хозяйство должна быть направлена рабочая сила, в которой они испытывают острую необходимость. В решении этой проблемы играет большую роль использование военнопленных, в особенности из Советской России.

Мероприятия, которые будут предприняты в этой области, только при наличии единого руководства смогут увенчаться успехом, для достижения которого я использую все средства.

В связи с этим я предоставил моей группе по использованию рабочей силы, которая еще раньше ведала вопросами использования рабочей силы в рамках четырехлетнего плана, неограниченные права в области руководства всеми мероприятиями по использованию рабочей силы...»

В дальнейшем, господа судьи, преступная деятельность фашистских заговорщиков в области организации и распространения системы принудительного труда приняла столь огромные размеры, что указом Гитлера от 21 марта 1942 г. было создано специальное ведомство подсудимого Заукеля, который развернул эту деятельность весьма широко.

Но на этих справках исторического характера, о которых уже говорили наши американские, английские и французские коллеги, я дальше останавливаться не буду.

Органическая связь фашизма с системой рабского принудительного труда особенно видна в той роли, которую играли в этой области не только аппарат фашистского государства, но и сама фашистская партия.

Я хотел бы сейчас передать в распоряжение Трибунала несколько документов, которые дают представление об этом.

Я представляю Трибуналу под номером СССР-365 печатное издание, носящее название: «Ведомости по четырехлетнему плану. Генеральный уполномоченный по использо-

ванию рабочей силы». Этот документ находится на странице 101 тома документов.

На переданном мною экземпляре ведомости стоит порядковый номер 1 и указана дата — 1 мая 1942 г.

На первой странице ведомостей опубликован указ Гитлера от 21 марта 1942 г. о назначении Заукеля на должность генерального уполномоченного по использованию рабочей силы. На второй странице напечатан приказ подсудимого Геринга от 27 марта того же года, определяющий место генерального уполномоченного по использованию рабочей силы в общей системе аппарата четырехлетнего плана. И на третьей странице этих ведомостей содержится программный документ Заукеля, составленный им ко «дню рождения фюрера» в 1942 году.

Господа судьи! Перечисленные документы уже были представлены американским обвинением. Но я прошу Вас обратить внимание на страницу 17 русского перевода, там находится документ, являющийся приказом подсудимого Заукеля от 6 апреля 1942 г. за № 1. Этот приказ представляется впервые. Он озаглавлен: «О назначении гаулейтеров уполномоченными по использованию рабочей силы в областях». Начинается этот приказ следующим образом. Цитирую:

«Настоящим приказом я назначаю гаулейтеров НСДАП моими уполномоченными по использованию рабочей силы в подведомственных им областях.

В их задачи входит:

1. Обеспечение бесперебойного взаимодействия всех государственных, партийных, военных и хозяйственных инстанций для достижения максимального эффекта в области использования рабочей силы. (Я пропускаю несколько пунктов.)

...4. Проверка результатов использования всех иностранных рабочих и работниц.

На этот счет будут даны специальные указания.

5. Проверка исполнения распоряжений о питании и размещении всех иностранных рабочих и используемых на работе военнопленных, а также об обращении с ними...»

В своей же программе по использованию рабочей силы, представленной, как я уже указал, ко дню рождения Гитлера в 1942 году, подсудимый Заукель писал (документ ПС-016):

«...4. В связи с этим генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы будет располагать минимальным кругом личных сотрудников, опираясь исключительно на поддержку соответствующих партийных, государственных и хозяйственных организаций...

5. С согласия фюрера и господина рейхсмаршала Германской империи, а также руководителя партийной канцелярии генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы назначил всех гаулейтеров Германской империи своими уполномоченными...

6. Уполномоченные по использованию рабочей силы используют в своих областях подчиненные им партийные учреждения.

Руководители всех высших областных государственных и хозяйственных учреждений информируют и консультируют гаулейтеров по всем важнейшим вопросам использования рабочей силы.

Наиболее важным является участие:

Президента провинциального трудового управления,

Уполномоченного по труду провинциального крестьянского руководителя,

Областного хозяйственного советника,

Областного руководителя немецкого «трудового фронта»,

Областной женской руководительницы,

Областного руководителя «гитлеровской молодежи»,

Руководителя внутреннего и общего управления.

7. Первейшей и важнейшей задачей гаулейтеров... как уполномоченных по использованию рабочей силы в своих областях является, таким образом, обеспечение наилучшего взаимодействия всех учреждений своей области, принимающих участие в мерах по использованию рабочей силы».

В этом же документе Заукель неоднократно обращается к гаулейтерам с просьбой об оказании ему всемерной и всесторонней помощи. Я остановлю Ваше внимание, господа судьи, только на одном из высказываний Заукеля в этом документе. Он сообщает о решении Гитлера отправить «в империю для помощи немецкой крестьянке из восточных областей около 400 — 500 тысяч отборных здоровых и сильных девушек», чтобы отказаться от трудовой повинности для немецких женщин и девушек.

Видимо, для того, чтобы придать больший вес аргументации этого мероприятия, Заукель писал:

«Я прошу Вас верить мне, как старому фанатическому национал-социалистскому гаулейтеру, что другого решения, в конечном счете, быть не могло».

Насколько велика была роль фашистской партии в организации рабского принудительного труда и как далеко в этом направлении проникла эта партия, показывает следующий документ, который я представляю Трибуналу в качестве доказательства под номером СССР-383.

Этот документ является письмом подсудимого Заукеля от 8 сентября 1942 г. и называется: «Специальные мероприятия генерального уполномоченного по использованию рабочей силы по отправке восточных работниц для оказания помощи многодетным домашним хозяйствам в городах и сельских местностях».

Я впоследствии позволю себе еще раз обратиться к этому документу. Пока же я хочу обратить внимание на то его место, которое имеет прямое отношение к роли фашистской партии в этом мероприятии. На странице 3 русского текста представленного мною документа есть раздел, озаглавленный: «Организация выбора домашних хозяйств»...

Председатель: *Разве имеет значение то обстоятельство, что женщины были направлены в дома, куда их не должны были направлять, а также важно ли нам знать, имела ли право та или иная немецкая женщина на получение работ-*

ницы или нет? Мне кажется, что основное — это то обстоятельство, что их насильно угоняли.

Зоря: Я как раз имел в виду сократить до минимума то место, о котором Вы только что сказали. Но я сейчас говорю о другом. Я хочу показать, какую роль фашистская партия играла в деле организации рабства внутри самой Германии и, в частности, в распределении тех женщин из Советского Союза, которые были доставлены с этой целью в Германию. Здесь содержатся два небольших документа, которые я считаю необходимым доложить Трибуналу. Обо всем же остальном, касающемся режима, о котором здесь достаточно было сказано и американским и английским обвинителями, я говорить не собирался.

Я хочу остановиться на том месте этого документа, которое говорит о том, что заявки на предоставление восточной работницы для работы в домашнем хозяйстве проверяются трудовым управлением в отношении степени нуждаемости домашнего хозяйства в домашней работнице, а затем направляются на утверждение соответствующего руководителя НСДАП (окружного руководителя).

В случае, если окружной руководитель возражает против предоставления домашнему хозяйству работницы, трудовое управление отказывает просителю в направлении ему восточной работницы или, соответственно, — в разрешении на использование таковой. Мотивировка при этом не приводится, решение является окончательным.

Дальше идет форма заявки. Это Вы найдете в приложении к документу СССР-383. В этой заявке приводятся краткие анкетные данные о семье того, кто собирается использовать в своем хозяйстве домашнюю работницу. В этой же самой заявке дается форма ответа соответствующей организации фашистской партии о том, можно или нельзя использовать восточную рабыню в этом хозяйстве.

Я прошу также Трибунал обратить внимание на другое приложение к документу СССР-383. Это приложение озаглавлено как памятка домашним хозяйкам об использовании восточных работниц в городских и сельских хозяйствах. Об этой памятке упоминал уже господин Додд. Я не собираюсь о ней подробно говорить и прошу только обратить внимание на подзаголовок этой памятки рабовладельца, имеющейся на странице 130. В скобках в этом подзаголовке сообщается, что памятка издана генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы по согласованию с начальником партийной канцелярии и другими соответствующими инстанциями. Точнее сказать трудно. В Германии томились миллионы иностранных рабов. Рабовладельцем немец мог стать с разрешения и под присмотром фашистской партии. По-видимому, это тоже был один из элементов «нового порядка» в Европе.

Я считаю необходимым также сослаться на приказ подсудимого Геринга от 27 марта 1942 г. Я не представляю этого документа (СССР-365), поскольку он уже имеется в распоряжении Трибунала.

В этом приказе говорится:

«Генеральный уполномоченный по использованию рабо-

чей силы пользуется для решения своих задач предоставленным фюрером правом отдавать распоряжения высшим имперским инстанциям, подчиненным им учреждениям, а также органам партии, ее составным частям и примыкающим к ним организациям...»

Этот приказ подсудимого Геринга не только устанавливает особую роль фашистской партии в проведении принудительной системы труда, но и подчеркивает также чрезвычайные полномочия подсудимого Заукеля в этой области.

Документы, на которые я ссылался до сих пор, дают основания советскому обвинению утверждать, что фашистская партия в общей системе фашистского государства стояла в центре всех мероприятий по организации рабского, принудительного труда.

Я хотел бы сейчас остановиться на роли главного немецкого военного командования в организации принудительного труда и угона в рабство советских людей. В этой связи я представляю Трибуналу под номером СССР-367 документ ОКХ относительно (я прибегаю к терминологии самого документа) «мобилизации русской рабочей силы для империи». Прошу обратиться к странице 138 тома документов, на которой находится этот документ.

Прежде всего я попрошу взглянуть на адрес, из которого исходит документ. В верхнем левом углу первого листа обозначено: «Главное командование сухопутных сил, генеральный штаб сухопутных сил, генерал-квартирмейстер, отдел военного управления, № 113210/42», гриф — «секретно». В правом верхнем углу помечено: «Ставка главного командования сухопутных сил, 10 мая 1942 г.» и снова гриф — «секретно». После заголовка документа указано:

«Основания: приказ главного командования сухопутных сил № 2877/42, секретно, от 25.4.1942 г.; приказ главного командования сухопутных сил 3158, 1942 г., секретно, 6 мая 1942 г.».

Таким образом, документ, который я собираюсь здесь процитировать, исходит из ОКХ и базируется на ранее изданных приказах ОКХ.

В конце этого документа имеется перечень адресов, в которые он был разослан. Я не буду подробно цитировать этот перечень, так как он не оставляет сомнений в исполнителях указаний, содержащихся в представленном документе. Этими исполнителями являлись военные инстанции.

Теперь следует перейти к содержанию представленного документа. Прежде всего, что заставило ОКХ издавать подобного рода документы? Ответ на этот вопрос содержится в первом абзаце документа, который я сейчас оглашу. Читаю:

«Назначенный фюрером генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы гаулейтер Заукель... в связи с возросшей потребностью империи в военной технике и вооружении для удовлетворения нужд немецкой военной промышленности и всего военного хозяйства распорядился об ускорении темпов мобилизации русской рабочей силы и ее отправки в империю и о значительном увеличении количества мобилизуемых рабочих...

Для выполнения этой задачи необходима поддержка военных и местных гражданских организаций (полевых комендатур, местных комендатур, сельскохозяйственных управлений хозяйственного штаба «Восток», районных управлений, бургомистров и т. д.).

Речь идет о мероприятии, имеющем решающее значение для исхода войны. Положение с рабочей силой в империи настоятельно требует, чтобы указанные мероприятия были осуществлены немедленно и в широком масштабе. Это должно стать важнейшей обязанностью всех организаций».

Следующие два абзаца документа объединены в один раздел под названием «Первоочередность удовлетворения потребности в рабочей силе армии и хозяйства на Востоке». Он содержит в себе следующие указания:

«Непосредственные потребности армии в рабочей силе должны удовлетворяться в первую очередь по сравнению с мобилизацией для империи в тех случаях, когда речь идет о действительно неотложных и постоянных потребностях.

Размер потребностей войск определяют штабы армий, командующие фронтовыми районами и войсковые командиры.

При этом следует, однако, учитывая острую нехватку рабочей силы в империи, строжайшим образом проверять установленные размеры собственной потребности войсковых частей в рабочей силе».

Председатель: *Не будет ли достаточным сказать, что этот документ предусматривает ускорение мобилизации рабочей силы и рабский труд для военных потребностей империи? Разве в нем говорится что-нибудь еще?*

Зоря: *Совершенно правильно, господин председатель. Это будет достаточно, если прибавить, что этот документ содержит не только требование об ускорении мобилизации рабочей силы, но и требование непосредственного участия в этой мобилизации военных инстанций, которые должны были выделить соответствующий аппарат.*

Я перехожу к следующему документу, который я имею в виду представить Трибуналу.

Было бы неправильно думать, что ОКХ отдавало только подобного рода указания общего характера. В июле 1941 года подсудимый Кейтель узнал, что подразделения организации Тодта в районе Львова выплачивают рабочим из местного населения зарплату по 25 рублей. Это обстоятельство возмутило Кейтеля. Немедленно Тодту было сделано соответствующее внушение. И вот появился документ, который я представляю Трибуналу под номером СССР-366. В этом документе имперский министр прямо ссылается на то, что генерал-фельдмаршал Кейтель выразил свое недовольство тем, что подразделения организации Тодта, находящиеся в окрестностях Львова, выплачивают местным рабочим зарплату в размере 25 рублей и что эти подразделения используют фабрики.

Тодт указывает, что во время своей последней поездки он разъяснил всем сотрудникам, что на русской территории действуют другие правила использования рабочей силы,

чем в Западной Европе. Он категорически запрещает выплачивать какие бы то ни было суммы. Заканчивается этот документ следующими словами:

«Платежи, которые не соответствуют этим принципам, возмещаться не будут». Подписано: «Доктор Тодт».

Германское правительство и военное командование давало указания о привлечении для производства опасных для жизни работ мирных советских граждан. Об этом говорил Геринг на совещании 7 ноября 1941 г. Теперь я представляю документ под номером СССР-106. Это перевод директивы Гитлера, подписанной им 8 сентября 1942 г. Директива касается применения труда для строительства оборонительных сооружений на Восточном фронте. Документ этот изъят из германских архивов, захваченных союзными армиями на западе. В препроводительной к этому документу указывается, что он «является особо секретным документом, копии которого будут разосланы по штабам и дивизиям, и их, по рассмотрении, надлежит вернуть в штаб армии и уничтожить».

На второй странице документа приводится директива Гитлера. Оглашаю ее:

«Штаб, 8 сентября 1942 г. Тяжелые оборонительные сражения в районе Центральной группировки армии и на севере принуждают меня к опубликованию моих взглядов на некоторые основные существенные черты обороны».

Затем следуют параграфы 1 и 2 на страницах 1 — 7, которые касаются общих принципов обороны, они нас сегодня не интересуют. На странице 178 тома документов имеется следующее место, которое я оглашаю.

«Враг прибегает к сооружению позиций в гораздо большей степени, чем наши собственные войска. Я знаю, что на это скажут, что враг располагает гораздо большим количеством труда для сооружения таких позиций, чем мы. Поэтому является абсолютно необходимым, чтобы мы применяли со всей возможной энергией всех военнопленных и весь наличный местный труд для этих работ. Таким путем можно уберечь немецкого солдата от всего труда по сооружению защитных укреплений за фронтом для того, чтобы освободить его для его собственных задач и сохранить его для них со свежими силами. Часто в этом направлении не применяется достаточной беспощадности и применяемая беспощадность не того характера, которого требует борьба за существование в настоящий момент...»

И далее:

«Во всех отношениях гуманнее заставить русское население работать, применяя все средства, чем жертвовать нашим наиболее ценным сокровищем — нашей собственной кровью».

Подписана эта директива Гитлером.

Частями Красной Армии был также захвачен приказ немецких оккупационных властей, ссылающийся на указания военного командования об использовании принудительного труда в прифронтовой полосе. Я представляю этот документ под номером СССР-407. Я считаю возможным огласить из него только несколько фраз. Цитирую:

«Приказ

На основании указаний начальника штаба верховного командования о трудовой повинности и посылке на работу в прифронтовой полосе вновь занятой территории Востока от 6 ноября 1943 г. все население женского пола рождения 1924 и 1925 гг. подлежит отправке на работу в Германию».

Пункт 5 этого приказа предусматривает, что не выполнившие распоряжения о явке в установленные сроки будут привлечены к ответственности как саботажники по законам военного времени.

Я суммирую этот раздел.

Верховное командование германскими вооруженными силами и подсудимый Кейтель принимали непосредственное участие в осуществлении системы рабского принудительного труда и для достижения этой преступной цели самым широким образом использовали весь аппарат военного управления снизу доверху.

Я прошу Вас, господа судьи, обратиться к следующему документу, который я представлю под номером СССР-381.

Этот документ называется «Инструкция рабочего отдела по использованию рабочей силы на Востоке».

Я прошу Вас, господа судьи, обратить внимание на дату этой инструкции — 26 января 1942 г. В этой инструкции указывается, что «...надежды, которые рейхсмаршал возлагает на управление по использованию рабочей силы, должны во что бы то ни стало оправдаться.

Задачей хозяйственных организаций и управлений по использованию рабочей силы на Востоке является заполнение в ближайшие месяцы бреши в хозяйстве, возникшей благодаря уходу в армию людей младшего призывного возраста, посредством поголовной вербовки русской рабочей силы.

Это является решающим для войны и поэтому должно быть достигнуто. Если число добровольцев не оправдает ожиданий, то, согласно приказанию, во время вербовки следует применять самые строгие меры».

Американским обвинителем был представлен документ советского обвинения под номером СССР-151, носящий название «Указание по обращению с иностранными рабочими из гражданского населения, находящегося в империи». Я не собираюсь вновь цитировать этот документ и считаю необходимым только указать...

(К микрофону подходит адвокат Нельте)

Нельте: *Документ СССР-407 был представлен как доказательство против Кейтеля. Я только сейчас нашел его. Если речь идет о том же документе, который помечен у меня СССР-407, то этот документ подписан местным командованием и начальником трудового управления. Скажите, пожалуйста, это тот документ, который был представлен под номером СССР-407?*

Председатель: *Я уже сказал, — не правда ли? — что этот приказ Кейтелем не подписан. Я уже сказал это.*

Нельте: *Но господин обвинитель на это повторно указал, что документ 407 представляет собой приказ Кейтеля. Поэтому я и хотел сейчас выяснить этот вопрос.*

Зоря: *Может быть, Трибунал разрешит мне внести неко-*

торую ясность. По-видимому, недоразумение возникло в силу затруднения с переводом. Я говорил о том, что частями Красной Армии был захвачен немецкий приказ, и добавил: приказ немецких оккупационных властей, — это можно сверить по стенограмме, — который ссылался на приказ Кейтеля об использовании принудительного труда в прифронтовой полосе. Приказ этот начинается следующими словами: «На основании указаний начальника штаба верховного командования о трудовой повинности и посылке на работу в прифронтовой полосе вновь занятой территории Востока от 6 ноября 1943 г. ...» и т. д. Я не буду цитировать дальше. Если я попрошу Трибунал вернуться к документу, который я предъявил ранее как документ главного командования сухопутных сил за номером 113210 от 1942 года, то я должен сказать, что там ссылка была на соответствующие приказы верховного командования вооруженными силами о мобилизации рабочей силы на Востоке. Приказ оккупационных властей, который я представил под номером СССР-407, ссылается на один из таких приказов. Тут совершенно ясно сказано, что «на основании указаний начальника штаба верховного командования». В качестве такового я и представил этот приказ...

Председатель: Я думаю, что не следует больше занимать время рассмотрением этого вопроса.

Зоря: Я возвращаюсь к тому документу, на котором я остановился. Этот документ, который носит название «Указание по обращению с иностранными рабочими из гражданского населения, находящегося в империи». Я не буду цитировать этот документ, а укажу только, что он устанавливает для восточных рабочих специальный режим в закрытых лагерях под охраной часовых и начальника лагеря. Он запрещал восточным рабочим нормальный режим жизни вплоть до того, что им запрещалось посещение церкви, общественных мест и они обязаны были носить специальный знак — прямоугольник с бледно-голубой окантовкой, где было написано на синем фоне белым слово «Ост».

В «Памятке» домашним хозяйкам об использовании восточных работниц в городских и сельских домашних хозяйствах было указано: «Всякий иностранец по личному поведению и политическим взглядам каждого немца судит об убеждениях нашего народа. Иностранные рабочие должны видеть в домашней хозяйке и в членах ее семьи достойных представителей немецкого народа».

Далее указывается, что «если в исключительных случаях в одном и том же домашнем хозяйстве используются одновременно немецкие домашние работницы и восточные работницы, то немецкой домашней работнице следует поручить преимущественно обслуживание семьи, а также надзор за восточной работницей.

Немецкие работницы должны быть во всех отношениях в привилегированном положении».

На восточных работниц не распространялись общие условия труда. Точнее, их труд ничем не регламентировался, кроме усмотрения рабовладельца. Это нашло свое выражение в параграфе 4 того же раздела «Памятки». Цитирую:

«Восточные работницы, используемые в домашнем хозяйстве в империи, находятся в специфических трудовых условиях. Немецкие положения, касающиеся условий труда и правил охраны труда, относятся к ним лишь постольку, поскольку на этот счет будут даны специальные указания».

Характер этих специальных указаний может быть усмотрен в параграфе 9 раздела «В» «Памятки», где прямо указывалось, что «права на свободное время восточные работницы не имеют. Восточные работницы не имеют права находиться за пределами домашнего хозяйства без каких-либо обязанностей, связанных с потребностью этого домашнего хозяйства... Посещение ресторанов, кино, театров и других заведений запрещается».

В параграфе 10 этой «Памятки» указывалось:

«...Восточные работницы, используемые в домашнем хозяйстве, мобилизуются на неопределенное время».

Параграф 12 «Памятки» устанавливает, что «немец не должен жить в одной комнате с восточной работницей, а в параграфе 4 указывалось, «что одежда, как правило, восточной работнице не предоставляется».

Эти два документа, только что упоминавшиеся мною, — инструкция об обращении с иностранными рабочими и «Памятка» об использовании восточных работниц — отражают нечеловеческие условия труда насильственно мобилизованных советских людей.

Советское обвинение располагает многочисленными документами, а также показаниями людей, испытавших на себе ужас фашистского рабства. Простой перечень этих материалов занял бы очень много времени.

Советское правительство уже в начальный период войны против фашистской Германии имело в своем распоряжении многие доказательства преступлений фашистских заговорщиков такого рода. Первым документом, который исходил от Советского правительства, являлась нота Народного комиссара иностранных дел СССР от 6 января 1942 г., которая была представлена Трибуналу советским обвинением под номером СССР-51/2. В этой ноте отмечалось, что:

«Мирных жителей, насильно отправленных на принудительные работы, германские власти объявляют «военнопленными» и приравнивают по режиму содержания к таковым. Установлено, что в донесениях штабов германской армии попавшие в руки немцев крестьяне и другие мирные жители, угоняемые на принудительные работы, автоматически зачисляются в категорию «взятых военнопленных», чем искусственно и незаконно увеличивают число «военнопленных»...

Близ города Плавска Тульской области был организован лагерь, где совместно содержались военнопленные и гражданское население из окрестных деревень. Там советские мирные жители подвергались нечеловеческим истязаниям и мукам. Среди заключенных имелись и подростки, и старики, и женщины. Питание составляли две картофелины в сутки. Смертность в лагере достигала 25 — 30 человек в сутки.

В этой же ноте указывалось, что после занятия Киева не-

мцы сгоняли на работу все гражданское население от 11 до 60 лет, без различия профессий, пола, состояния здоровья. Больных, которые были не в состоянии держаться на ногах, за пропущенные дни работы немцы штрафовали.

В Харькове немецкие оккупанты решили поиздеваться над местной украинской интеллигенцией. 5 ноября 1941 г. было дано распоряжение всем актерам явиться для регистрации в здание театра имени Шевченко. Когда артисты собрались, они были окружены немецкими солдатами, которые запрягли их в повозку и погнали по самым людным улицам к реке за водой.

Вторым документом Советского правительства является нота Народного комиссара иностранных дел СССР от 27 апреля 1942 г. Эта нота представлена Трибуналу под номером СССР-51. Раздел III этой ноты озаглавлен «Установление рабско-крепостнического режима в оккупированных районах СССР и увод гражданского населения в «плен».

В этой ноте указывалось, что на Украине и в Белоруссии немцы ввели 14- и 16-часовой рабочий день, в большинстве случаев без всякой оплаты, а в некоторых случаях с издевательски низкой оплатой...

В секретной инструкции «Об актуальных задачах в восточных областях», захваченной частями Красной Армии в начале марта 1942 года, начальник «военно-экономической инспекции группы армий «Центр» генерал-лейтенант Вейганг признает, что «оказалось невозможным поддержать промышленное производство работой полуголодных и полураздетых людей», что «обеспечение денег и товарный кризис совпадают с опасным недостатком доверия к германской власти со стороны местного населения» и что это «чревато совершенно недопустимыми в тылу сражающихся войск опасностями для спокойствия оккупированных областей», которые германский генерал в этом же документе осмеливается назвать «нашими новыми восточно-колониальными владениями».

Признавая, что полный развал промышленного производства в оккупированных областях привел к массовой безработице, германский генерал Вейганг дает следующее указание об ускорении насильственной отправки в Германию русских, украинских, белорусских и других местных рабочих:

«Только отправка в Германию нескольких миллионов отборных русских рабочих за счет неисчерпаемых резервов работоспособных, здоровых и крепких людей в оккупированных восточных областях... сможет разрешить неотложную проблему выравнивания неслыханной потребности в рабочей силе и покрыть тем самым катастрофический недостаток рабочих рук в Германии».

В захваченном частями Красной Армии приказе предписывалось привлекать к различным тяжелым работам все гражданское население оккупированных областей, причем устанавливалось, что этот принудительный труд не должен оплачиваться, и нагло заявлялось о том, что бесплатной работой население искупит «свою вину за уже совершенные

акты саботажа, а также за акты саботажа, которые могут быть совершены в будущем».

В Калуге 20 ноября 1941 г. за подписью германского коменданта майора Портациуса было расклеено «Объявление», которое гласило:

«1. Граждане, которые будут работать лениво или не работают назначенное количество часов, будут приговариваться к денежному штрафу. В случае неуплаты виновные будут подвергнуты телесным наказаниям.

2. Граждане, которые были назначены на работу и не явились на нее, будут подвергнуты телесному наказанию и не получат продовольственной помощи от города.

3. Граждане, которые вообще уклоняются от работы, будут, кроме того, высылаться из Калуги. Боящиеся работы граждане будут соединены в рабочие отряды и колонны и будут помещены в казармы; им придется работать на тяжелых работах»...

Я перехожу к следующей ноте Народного комиссара иностранных дел СССР, которая была опубликована спустя год после ноты от 27 апреля 1942 г.

11 мая 1943 г. Народный комиссар иностранных дел СССР направил всем послам и посланникам всех стран, с которыми СССР имел дипломатические отношения, ноту «О массовом насильственном уводе в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан и об ответственности за это преступление германских властей и частных лиц, эксплуатирующих подневольный труд советских граждан в Германии». Эта нота представлена Трибуналу в качестве доказательства под номером СССР-51/4.

Я считаю необходимым огласить отдельные цитаты из этой ноты. На странице 165 тома документов имеется ссылка на уже цитировавшееся мною выступление Геринга на совещании 7 ноября 1941 г. Я не буду вновь повторять всего того, что говорил Геринг на этом совещании. Я сошлюсь на то, что Геринг издал кровожадный приказ не щадить советских людей, пригнанных в Германию, и расправляться самым жестоким образом, под любым предлогом. Этот приказ содержится в упомянутой ноте. Он гласит следующее:

«При применении мер поддержания порядка решающим соображением являются быстрота и строгость. Должны применяться лишь следующие разновидности наказания, без промежуточных ступеней: лишение питания и смертная казнь решением военно-полевого суда».

31 марта 1942 г. Заукель протелеграфировал следующий приказ:

«Вербовка, за которую Вы отвечаете, должна форсироваться всеми доступными мерами, включая суровое применение принципа принудительности труда».

В распоряжении Советского правительства имеется полный текст доклада начальника политической полиции и службы безопасности при руководителе СС в Харькове «О положении в городе Харькове с 23 июля по 9 сентября 1942 г.».

«Вербовка рабочей силы, — говорится в этом докумен-

те, — доставляет соответствующим учреждениям беспокойство, ибо среди населения наблюдается крайне отрицательное отношение к отправке на работу в Германию. Положение в настоящее время таково, что каждый всеми средствами старается избежать вербовки... О добровольной отправке в Германию уже давно не может быть и речи».

Господа судьи, я должен отметить, что подсудимый Заукель в качестве генерального уполномоченного по использованию рабочей силы активно проводил преступную деятельность, как об этом и указывается в только что представленной мною ноте Народного комиссара иностранных дел.

31 марта 1942 г. Заукель разослал по своим подчиненным инстанциям телеграфные указания об использовании русских и работе вербовочных комиссий. Я представляю эту телеграмму Заукеля Трибуналу в качестве доказательства под номером СССР-382.

В этой телеграмме Заукель пишет:

«Ход мобилизации должен быть немедленно и при всех условиях усилен, чтобы в кратчайший срок, то есть уже в апреле, могло быть обеспечено увеличение количества отправляемой рабочей силы в три раза».

Усердие Заукеля было оценено подсудимым Герингом в то время, когда он был уполномоченным по четырехлетнему плану. Я ссылаюсь теперь на совещание, которое проводил Геринг 6 августа 1942 г. Этот документ под номером СССР-170 уже был представлен советским обвинением Трибуналу. Я прошу обратиться к страницам 12 — 13 этого документа, странице 184 тома документов.

Геринг выступил со следующими словами:

«К этому я должен сказать. Я не хочу хвалить гаулейтера Заукеля, в этом он не нуждается...»

Председатель: Все это оглашалось вчера, именно эти слова приводились вчера.

Зоря: Господин председатель, мой коллега, огласивший в основном этот документ, именно это место не оглашал.

Председатель: Но я все-таки думаю, что он оглашал этот отрывок, который имеется в Вашем документе: «Я не хочу хвалить гаулейтера Заукеля, в этом он не нуждается...» Он, несомненно, ссылался на отрывок, который Вы сейчас пересказали нам суммарно — о Лозе.

Зоря: Я не смею спорить, но у меня были сведения, что этот отрывок не оглашался. Я могу не оглашать этот отрывок.

Председатель: Да, Вы, может быть, правы. Я не уверен.

Зоря: Тогда я оглашу его:

«Я не хочу хвалить гаулейтера Заукеля, в этом он не нуждается. Но то, что он сделал в короткий срок для того, чтобы быстро собрать рабочих со всей Европы и доставить их на наши предприятия, является единственным в своем роде достижением. Я должен сказать всем господам, что, если каждый в своей области приложил бы только десятую часть той энергии, которую приложил гаулейтер Заукель, тогда действительно были бы легко выполнимы задачи, ко-

торые возложены на вас. Это мое искреннее убеждение, а отнюдь не красивые слова».

Я возвращаюсь к ноте Народного комиссара иностранных дел Советского Союза от 11 мая 1943 г.

В этой ноте приводятся данные о количестве советских людей, угнанных в Германию. В этой ноте указано, что угону советских людей в немецкую неволю почти повсеместно сопутствуют кровавые репрессии захватчиков против советских граждан, укрывающихся от охотящихся за ними работорговцев. Перечисляется, что в Гжатске немцы расстреляли 75 мирных жителей города, в Полтаве повесили 65 железнодорожников. То же самое и в других городах — казни, расстрелы и повешения применялись в таких же размерах.

Председатель: *Как я понял Вас, в начале Вашей речи Вы заявили, что намереваетесь сегодня закончить свое выступление. Однако сейчас уже пять минут шестого, есть какие-нибудь шансы на то, что Вы сегодня закончите?*

Зоря: *Если бы меня не прерывала защита в течение десяти минут в связи с дискуссией по поводу приказа немецких оккупационных властей, то этого времени было бы мне достаточно, чтобы закончить выступление.*

Председатель: *Сколько, Вы думаете, Вам еще понадобится времени?*

Зоря: *Максимум десять минут.*

Председатель: *Хорошо.*

Зоря: *В этой ноте указывалось, что советские граждане на захваченных немцами территориях все чаще и все организованнее оказывали рабовладельцам и их агентам сопротивление. Рост партизанского движения в связи с сопротивлением советских людей насильственному уводу их в немецкое рабство признавался в ряде секретных донесений германского военного командования.*

В ноте приведен целый ряд показаний советских людей, вырвавшихся из немецкой неволи. Я приведу лишь одно из таких показаний — показания колхозницы Варвары Бахтиной из села Николаевка Курской области, которая рассказала:

«В Курске нас впихнули в телятник по 50 — 60 человек в вагон. Выходить не разрешали. Немецкий часовой то и дело отпускал нам подзатыльники. Во Львове нас высадили, здесь мы проходили осмотр специальной комиссии. В присутствии солдат заставляли раздеваться догола, осматривали тело. Чем ближе к Германии, тем все больше пустел наш эшелон. Из Курска взяли 3 тысячи человек, но почти на каждой станции выбрасывали больных и умирающих с голоду людей. В Германии нас заключили в лагерь, где находились советские военнопленные. Это был участок в лесу, обнесенный высокой оградой из колючей проволоки. Через четыре дня нас распределили по местам. Я, моя сестра Валентина и еще 13 девушек попали на военный завод».

Далее, в третьем разделе этой ноты, описывался ре-

жим, в котором содержались советские граждане в немецкой неволе.

В этом же разделе ноты приводятся высказывания Геринга о русских рабочих. В упоминавшихся выше указаниях Геринг говорил:

«Русский неприхотлив, поэтому его легко прокормить без заметного нарушения нашего продовольственного баланса. Его не следует баловать или приучать к немецкой пище».

Наконец, в ноте приводились многочисленные письма самих немцев, адресованные солдатам на Восточном фронте, в которых описывались издевательства, творимые над советскими рабочими. Я приведу выдержку из одного такого письма.

У убитого немецкого солдата 21-й немецкой пехотной дивизии Вильгельма Бока найдено письмо от его матери из Хемница. В этом письме говорится:

«Много русских женщин и девушек работает на фабриках «Астра Верке». Их заставляют работать по 14 и более часов в день. Зарплаты они, конечно, никакой не получают. На работу и с работы они ходят под конвоем. Русские настолько переутомлены, что они буквально валятся с ног. Им часто попадает от охраны плетьми. Пожаловаться на побои и скверную пищу они не имеют права. Моя соседка на днях приобрела себе работницу. Она внесла в кассу деньги, и ей предоставили возможность выбирать по вкусу любую из только что пригнанных сюда женщин из России».

В письмах сообщают о массовых случаях самоубийств русских женщин и мужчин.

Заканчивается нота заявлением Советского правительства о том, что оно возлагает ответственность за эти зверства прежде всего на правящую гитлеровскую клику и на командование немецко-фашистской армией. Цитирую:

«Советское правительство считает также целиком ответственными за перечисленные преступления всех тех гитлеровских чиновников, которые ведают набором, уводом, перевозкой, содержанием в лагерях, продажей в рабство и бесчеловечной эксплуатацией советских мирных граждан, насильно увезенных из родной страны в Германию... Советское правительство считает, что столь же суровую ответственность... должны понести такие уже изобличенные преступники, как... Фриц Заукель.., а также... Альфред Розенберг...»

И, наконец, в ноте указывалось, что «Советское правительство выражает уверенность, что все заинтересованные правительства солидарны в том, что гитлеровское правительство и его агенты должны понести полную ответственность и суровое наказание за свои чудовищные преступления, за лишения и муки миллионов мирных граждан, насильственно уводимых в немецко-фашистское рабство».

Этим кончается нота.

Разрешите и мне на этом закончить свое выступление.

Из выступления представителя обвинения от США Т. Додда[1]

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 11, 12 и 13 декабря 1945 г.

Господа судьи! Мы думаем представить Вам документальные доказательства, свидетельствующие о деятельности заговорщиков по преступному угону и порабощению иностранных рабочих, беззаконному использованию военнопленных, о позорных концентрационных лагерях, а также о безжалостном преследовании евреев.

Мы представим Вам документальные доказательства, дающие общее представление о программе заговорщиков, а наши французские и советские коллеги соответственно представят доказательства о конкретном осуществлении этой программы на Западе и на Востоке.

Рассматриваемые преступления совершались и до того, как нацистская Германия приступила к очередным актам агрессии, и в последующем. Преступления совершались как в самой Германии, так и в других государствах. Хотя совершаемые преступления были разделены во времени и пространстве, они были, разумеется, взаимосвязаны, это объяснялось тем, что их общим источником была нацистская идеология; как мы здесь докажем, в самой Германии заговорщики сделали ненависть к евреям и уничтожение евреев официальным мировоззрением, общественной обязанностью. Мы докажем, что они выдвигали концепцию «расы господ», непосредственным следствием чего было рабство для других людей. Мы докажем, что ими отвергались и уничтожались достоинство и права человеческой личности. Своим орудием политической власти нацисты сделали насилие, жестокость и террор, применяемые ими ежедневно. Они в своих расовых и политических мифах, своих законах и политике базировались на концентрационных лагерях и огромном аппарате насилия. Каждый гитлеровский министр или высший чиновник знал, что с законами и декретами империи не был согласен народ и его представители. Так осуществлялся террор концентрационных лагерей и полицейского государства. Немецкие заговорщики утверждали, что война — благородное занятие и что насилие является тем средством, при помощи которого следует разрешать международные разногласия, а затем, мобилизовав всю германскую жизнь, все стороны германской экономики для войны, они втянули Германию и мир в войну. Мы говорим — это система ненависти, жестокости и отрицания личности, которую нацисты превратили в философию правительства Германии, превратили в то, что мы называем нацистской конституцией, нацистскими армиями, прошедшими по

---

[1] IMT, vol. 3, p. 402 — 491.

всей Европе. Евреи оккупированных стран разделили судьбу евреев Германии. Иностранные рабочие стали рабами «расы господ». Их депортировали и порабощали миллионами. Многие из них присоединились к жертвам концентрационных лагерей, где они, буквально говоря, непосильной работой были замучены насмерть. Все это проводилось соответственно нацистской программе истребления путем использования на непосильной работе. Мы намерены доказать, что весь этот нацистский порядок из сборочных конвееров, камер пыток и мест казней отвратителен человеческому разуму XX века. Мы утверждаем, что программа концентрационных лагерей, преследований евреев, рабского труда — представляет собой части одного общего плана. Это станет еще яснее, когда мы будем изучать доказательства, касающиеся этих программ, и проверять их законность путем применения соответствующих принципов международного права. Сейчас я остановлюсь на программе рабского труда. Эти доказательства, касающиеся нацистской программы рабского труда, сосредоточены в книге документов «Р». Имеется также приложение к этой книге документов, состоящее из определенных фотографий. Мы систематизировали некоторые книги документов, нанеся на них соответствующие указатели, что, в свою очередь, облегчит ознакомление Трибунала с ними. К сожалению, число таких указателей неполно и поэтому мы не смогли закончить эту работу. Возможно, проще будет рассматривать конкретные доказательства, которые мы представим позднее, если я вначале в общих чертах остановлюсь на нацистской политике использования рабского труда иностранных рабочих.

Это была политика массовой депортации и массового порабощения, как я уже говорил об этом. Она проводилась путем применения насилия, путем использования террора, обмана, поджога и другими различными методами, которые запрещены правилами ведения войны, и недопустима по нормам человечности и соображениям милосердия. Это была политика, при которой иностранные рабочие умирали от голода и непосильного труда. Это была политика, которая подвергала их всевозможному унижению, жестокости и бесчеловечности. Это была политика, которая заставляла иностранных рабочих и военнопленных производить вооружение, а также работать на другие нужды войны, направленной против их собственных стран. Это была, говоря коротко, политика, которая, как мы установим, представляла собою беспрерывную цепь нарушений правил ведения войны и законов человечности.

Далее мы покажем, что подсудимый Заукель и Шпеер были, главным образом, ответственны за разработку и проведение политики рабского труда, а также что подсудимый Заукель, генеральный уполномоченный нацистов по вербовке рабочей силы, организовывал вербовку, депортацию, а также распределение иностранной рабочей силы. Он давал санкции на использование насилия как орудия вербовки. Кроме того, на нем лежала вся ответственность за обращение с этими миллионами порабощенных.

Подсудимый Шпеер как бывший имперский министр вооружения и боеприпасов, который в то же время был директором организации Тодта и членом центрального комитета по планированию, несет ответственность за определение требовавшегося числа иностранных рабов для германской военной машины. Он ответствен за решение вербовать силой, а также за использование в бесчеловечно жестоких и невыносимых условиях иностранных рабочих — гражданских лиц и военнопленных на предприятиях вооружения и боеприпасов, на строительстве укреплений, а также для участия в военных операциях.

Мы также покажем, что подсудимый Геринг в качестве главного уполномоченного четырехлетнего плана несет ответственность за все эти преступления, которые входили в нацистскую программу использования рабского труда.

Мы также докажем, что подсудимый Розенберг в качестве имперского министра по делам оккупированных восточных территорий, подсудимый Франк — генерал-губернатор Польши, подсудимый Зейсс-Инкварт — рейхсминистр оккупированных Нидерландов и подсудимый Кейтель — как начальник штаба верховного командования — также несут ответственность за насильственную вербовку, террор и депортацию в Германию граждан с захваченных вооруженными силами Германии территорий. Использование иностранных рабочих было запланировано Германией еще до развязывания ею войны и являлось составной частью заговора о ведении агрессивной войны.

23 мая 1939 г. в кабинете Гитлера в имперской канцелярии состоялось совещание. На нем присутствовали подсудимые Геринг, Редер и Кейтель, документ Л-79, США-27. Напомню суду, что именно на этом совещании Гитлер заявил о своем намерении напасть на Польшу при первом удобном случае.

«Если судьба вовлечет нас в вооруженный конфликт с Западом, то обладание обширными территориями на Востоке будет представлять для нас преимущество, тем более что мы можем рассчитывать на богатые урожаи во время войны значительно меньше, чем в мирное время. Население негерманских территорий не будет выполнять никакой воинской повинности, но будет использоваться в качестве источника рабочей силы».

В своей программе рабского труда нацистские заговорщики преследовали две цели, причем обе являются преступными. Первая состояла в том, чтобы удовлетворить потребности в рабочей силе нацистской военной машины, насильственно заставив миллионы иностранных рабочих в действительности вести войну против своих собственных стран и их союзников. Второй целью было уничтожить или ослабить народы, которые для нацистских ученых, занимавшихся вопросами расовых теорий, казались низшими расами, либо представлялись потенциально враждебными тем, кто планировал нацистскую политику завоевания.

Эти обе цели публично высказывались нацистскими заговорщиками — документ ПС-016, США-168.

Этот документ был направлен подсудимым Заукелем

подсудимому Розенбергу 20 апреля 1942 г., и он излагает программу использования рабочей силы, составленную Заукелем.

«Целью этой новой гигантской рабочей мобилизации является использование всех богатств и неограниченных источников, захваченных и закрепленных для нас нашими вооруженными силами под руководством Адольфа Гитлера для укрепления нашей армии, а также для нужд нашей страны. Все сырьевые материалы, плодородие оккупированных территорий, а также их рабочая сила должны быть полностью и сознательно использованы в интересах Германии и ее союзников».

Теория расы господ лежала в основе политики заговорщиков по использованию рабочей силы на Востоке.

Документ ПС-1130, США-169. Этот документ представляет собой заявление, которое было сделано Эрихом Кохом, рейхскомиссаром Украины, 5 марта 1943 г. на совещании национал-социалистской партии в Киеве:

«Первое. Мы являемся расой господ, и мы должны управлять жестоко, но справедливо. Второе. Я извлеку все возможное из этой страны. Я пришел сюда не для того, чтобы даровать благо. Я пришел сюда, чтобы помочь фюреру, и население должно работать, работать и еще раз работать, так как некоторые люди обеспокоены тем, что население может не иметь достаточного количества продовольствия. Население не может требовать. Стоит лишь вспомнить, какие лишения терпели наши герои в Сталинграде. Мы пришли сюда не для того, чтобы оказывать помощь. Мы пришли сюда, чтобы создать основу для победы. Третье. Мы раса господ и должны помнить, что даже самый плохой германский рабочий в биологическом отношении и с расовой точки зрения в тысячу раз ценнее, чем данное местное население...»

Документ ПС-1919, США-170. Речь Гиммлера, рейхсфюрера СС, с которой он обратился к группе генералов СС 4 декабря 1943 г. в Познани:

«Что произойдет с русскими, чехами — меня совершенно не интересует. Мы возьмем то, что нам могут предложить эти нации в части хорошей крови нашего типа. Мы будем, если это необходимо, даже красть их детей и воспитывать их здесь у нас. Вопрос о том, живут ли нации в довольстве или умирают голодной смертью, интересует нас постольку, поскольку нам необходим рабский труд для нашей культуры, в ином отношении он не представлял бы для меня никакого интереса. Умрут ли десять тысяч русских баб от изнурения во время рытья противотанковых рвов, меня не интересует. Для меня важно только одно — когда этот ров будет закончен для Германии».

Документ ПС-031, США-71. Этот документ представляет собой совершенно секретный меморандум, подготовленный для министерства по делам оккупированных восточных территорий 12 июня 1944 г. и одобренный подсудимым Розенбергом:

«...группа армий «Центр» планирует захватить 40 — 50

тысяч подростков в возрасте от 10 до 14 лет и доставить их в Германию.

Имеются намерения использовать этих юношей в первую очередь на германских ремесленных работах в качестве учеников, которые после двух лет обучения будут превращены в квалифицированных рабочих. Это должно быть организовано через организацию Тодта, которая наиболее пригодна для этого. Это мероприятие приветствуется германскими ремесленниками, так как оно представляет собой решающее мероприятие, которое урегулировало бы вопрос недостатка в учениках...

Это мероприятие ставит своей целью не только предотвратить усиление вражеской военной мощи, но и сократить его биологические потенциалы с точки зрения перспектив на будущее; за эти идеи высказались не только имперский руководитель СС, но также и сам фюрер. Соответствующие приказы давались в период отступления в прошлом году в южном секторе...»

На странице 3 этого документа имеется пометка, содержащая одобрение подсудимого Розенберга. В оригинале эта пометка сделана чернилами:

«В отношении вышеизложенного, обергруппенфюрер Бергер получил меморандум 14 июня и соответственно имперский министр одобрил это мероприятие».

На предыдущей странице того же документа фраза: «Министр согласен на проведение операции «Сено» в расположении армий при соблюдении условий и наличии предпосылок, оговоренных с группой армий «Центр».

Цели программы использования рабского труда, о которых я только что говорил, а именно — усиление фашистской военной машины, уничтожение и ослабление народов, которых нацистские заговорщики считают низшими, были достигнуты путем насильственной вербовки и угона миллионов лиц в Германию для принудительного труда. Это повлекло отделение мужей от жен, детей от родителей и создало невыносимые условия для существования, что привело к колоссальной смертности. Польша явилась первой жертвой. Так, подсудимый Франк, бывший в то время генерал-губернатором Польши, заявил тогда, что в Германию должен быть послан миллион рабочих, причем он рекомендовал окружать польские деревни и насильственно угонять население.

Я представляю в виде доказательства документ ПС-1375, США-172. Этот документ представляет собой письмо подсудимого Франка подсудимому Герингу от 25 января 1940 г.

Я сейчас хотел бы зачитать выдержки, начиная с третьего абзаца:

«Имея в виду нынешние запросы империи в области оборонной промышленности, совершенно невозможно проводить экономическую политику в генерал-губернаторстве, рассчитанную на длительное время. Необходимо проводить экономическую политику в генерал-губернаторстве таким образом, чтобы она в течение кратчайшего времени принесла результаты, которые дали бы максимум того, что

может быть извлечено из экономических ресурсов генерал-губернаторства для немедленного усиления нашей собственной обороноспособности. В частности, следующие изменения ожидаются во всей экономике генерал-губернаторства».

Я сейчас перехожу к параграфу «д»; это будет страница 3:

«Обеспечение и перевозка по меньшей мере миллиона мужчин и женщин в качестве сельскохозяйственных и промышленных рабочих в империю (при этом из 750 тысяч сельскохозяйственных рабочих приблизительно 50 процентов должно быть женщин) для того, чтобы обеспечить сельское хозяйство рабочей силой, а также заменить промышленных рабочих, которых недостает в империи».

Методы, при помощи которых эти рабочие должны были доставляться, также предусматривались подсудимым Франком. Об этом говорится в другом документе, который представляется в качестве доказательства. Это выписка из дневника подсудимого Франка под номером ПС-2233(А), США-173. Я сейчас зачитаю запись, относящуюся к периоду 10 мая 1940 г. Эта запись находится на странице 3 в середине. Здесь говорится:

«...Затем генерал-губернатор коснулся проблемы обязательной трудовой повинности для поляков. На основании требований, которые поступают из империи, сейчас принято решение, которое оформлено декретом, что принуждение может применяться ввиду того факта, что необходимое количество рабочей силы для использования в Германии не может быть набрано на добровольной основе. Это принуждение означает возможность арестов как мужчин, так и женщин польской национальности. Ввиду этих мероприятий было вызвано определенное беспокойство, которое, согласно отдельным отчетам, распространялось очень широко и которое могло создать повсеместные трудности...

Генерал-фельдмаршал Геринг за некоторое время до этого в своей пространной речи указал на необходимость доставки одного миллиона рабочих в империю. До настоящего времени доставлено 160 тысяч человек. Однако нужно преодолеть большие трудности. Целесообразно поэтому проводить такую акцию при содействии районных и городских руководителей, с тем, чтобы с самого начала была уверенность в ее относительной эффективности. Аресты юных поляков, когда они ходят в церковь или кино, вызовут возрастающую нервозность населения. Вообще говоря, он не имел никаких возражений против того, чтобы все те, кто способен работать, арестовывались на месте. Лучшим методом для этого будет организация облав: будет совершенно оправданным задерживать поляков на улице и спрашивать каждого, что он делает, где работает, где собирается работать и т. д.».

Я сейчас хотел бы обратить внимание Трибунала на другую запись в дневнике подсудимого Франка от 16 марта 1940 г. Это находится в книге документов ПС-2233(В), США-174.

«...Генерал-губернатор указывает, что он имел продол-

жительные беседы в Берлине с представителями имперского министерства финансов, а также имперского министерства продовольствия. Одно лицо настоятельно требовало отправки в империю большого количества польских сельскохозяйственных рабочих. Он сделал заявление в Берлине о том, что если от него потребуют, то он, естественно, может прибегнуть к силе, например, так: окружить при помощи полиции деревню, забрать всех мужчин и женщин силой, а затем послать их в Германию. Однако можно проводить такую работу иным путем, не прибегая к помощи полиции, а просто не выплачивать этим людям пособия по безработице».

Использование насилия и террора, которые применялись для того, чтобы проводить в жизнь эту программу, проникло во многие области жизни в Польше. Германские власти, которые занимались вопросом поставки рабочей силы, совершали облавы в церквях и театрах, они хватали многих присутствовавших и увозили затем в Германию. Упоминание об этом имеется в меморандуме, адресованном Гиммлеру. Это документ ПС-2220, США-175. Этот меморандум датирован 17 апреля 1943 г. Он был написан доктором Ламмерсом, начальником имперской канцелярии, и в нем характеризуется ситуация, существовавшая в генерал-губернаторстве Польши. Я хочу обратить особое внимание на последние две фразы этого абзаца. Я цитирую:

«Создалось такое положение вещей, когда надо было применить те или иные насильственные методы для набора рабочей силы. Применялись, например, такие методы, когда специальные группы, назначенные учреждением по использованию рабочей силы, схватывали тех лиц, которые шли в кино или церковь, а затем отправляли их в империю. Такие методы только уменьшают желание народа работать, подрывают его доверие, причем в такой степени, что остановить этот процесс не удается даже путем террора. Следствием их было также усиление движения Сопротивления».

Известно, что польские фермы были конфискованы при помощи СС. Они были распределены между немцами или находились в ведении германских общин, а владельцы этих ферм использовались в качестве батраков или насильно отправлялись в Германию. Я представляю в виде доказательства документ ПС-1352, США-176. Документ является докладом СС, озаглавленным: «Проведение мероприятий по конфискации польских сельскохозяйственных предприятий с целью перевести поляков в старую империю и использовать их там на сельскохозяйственных работах».

Я сейчас цитирую английский текст документа, начиная с абзаца пятого, страница 1. В немецком тексте он находится на странице 9, абзац первый. Здесь говорится: «Возможно без всяких трудностей провести в жизнь конфискацию небольших сельскохозяйственных предприятий в деревнях, в которых более крупные предприятия уже были конфискованы и находятся под контролем восточногерманской корпорации сельскохозяйственного развития». Затем пропускаю три предложения и снова цитирую: «Прежние собственники польских ферм вместе с их семьями будут

отправлены в империю учреждениями по набору рабочей силы для использования их в качестве сельскохозяйственных рабочих. Этим путем многие сотни польских сельскохозяйственных рабочих могут быть самым простым образом предоставлены в распоряжение сельского хозяйства империи. Таким образом, серьезный недостаток рабочей силы, который испытывается в империи, может быть устранен».

Согласно указаниям, полученным от подсудимого Заукеля, его агенты и СС перевозили поляков в Германию без семей. Таким образом, выполнялась основная цель программы — предоставление рабочей силы для германской военной машины и ослабления потенциала польского народа.

Теперь я представляю в виде доказательства документ Л-61, США-177. Этот документ представляет собой письмо подсудимого Заукеля, адресованное председателям управлений по набору рабочей силы. Письмо датировано 26 ноября 1942 г. Я читаю первый абзац:

«По согласованию с начальником полиции безопасности и СД, евреи, которые еще используются на работе, начиная с настоящего времени должны вывозиться с территории Германии. Их следует заменить поляками, которые депортируются из генерал-губернаторства Польши».

Я перехожу к третьему абзацу этого письма:

«Поляки, которые должны быть эвакуированы в результате этого мероприятия, будут помещаться в концентрационные лагеря, где их заставляют работать, если они являются неблагонадежными элементами. Остальные поляки, которые могут быть использованы в качестве рабочей силы, будут транспортироваться без их семей в империю, в особенности в Берлин. Здесь они будут переданы в распоряжение различных учреждений, которые занимаются распределением рабочей силы, для использования их в военной промышленности вместо евреев, которые должны быть заменены».

Документ ПС-1526, США-178. Это письмо, написанное председателем главного украинского комитета в Кракове в феврале 1943 года. Я хочу прочитать выдержку с третьей страницы английского текста, начиная со второго абзаца. В немецком тексте это — вторая страница, пятый абзац. Я цитирую:

«Общая нервозность еще более усиливается неправильными методами изыскания рабочей силы, которые применялись и все чаще применяются в течение последних месяцев. Жестокая и безжалостная охота за людьми, которая ведется везде: в селах, в городах, на улицах, площадях, железнодорожных станциях и даже в церквах, по ночам в жилых домах — очень сильно поколебало чувство безопасности у населения. Всякий подвергается опасности быть схваченным в любом месте и в любое время полицейскими внезапно и неожиданно и быть привезенным на сборный пункт.

Никто из его родных не знает, что с ним случилось, и только по прошествии недель или месяцев тот или иной из

схваченных имеет возможность сообщить о себе почтовой открыткой».

Я обращаюсь к тому же документу — к приложению № 5 на странице 8. Цитирую, начиная со слов: «в ноябре прошлого года».

«В ноябре прошлого года в районе Залещики был произведен осмотр всех мужчин с 1910 до 1920 года рождения. После того, как люди являлись для осмотра, все те, которые признавались годными, немедленно арестовывались, погружались в поезда и отправлялись в империю.

Такой метод набора рабочей силы для империи имел место также и в других местах этого района. После известного вмешательства это было приостановлено.

Сопротивление польского народа проведению этой программы порабощения и необходимость в увеличении количества рабочей силы были описаны заместителем подсудимого Заукеля — неким Тимом на заседании центрального комитета по планированию. Это была одна из гитлеровских организаций, созданных во время войны для планирования. Комитет состоял из подсудимого Шпеера, фельдмаршала Мильха и статс-секретаря Кернера. Центральный комитет по планированию был самой ответственной планово-экономической организацией, которая осуществляла контроль над продукцией путем изыскания сырьевых материалов, рабочей силы для руководителей предприятий.

Я сейчас представлю в качестве доказательства документ Р-124, США-179. Этот документ содержит выдержки из протоколов совещания этого центрального комитета по планированию, а также из протоколов совещаний между подсудимым Шпеером и Гитлером. Подробные протоколы этого совещания, если Трибунал пожелает, могут быть полностью представлены и переданы в распоряжение Трибунала.

Заместитель Заукеля — Тим сделал заявление на 36-м совещании этого комитета:

«Положение, в особенности в Польше, в данный момент необыкновенно серьезно. Хорошо известно, что все время происходят жестокие стычки, вызванные этими действиями. Сопротивление против установленной нами (германскими властями) администрации очень сильно. Большое количество наших людей все время подвергается все увеличивающимся опасностям, и как раз за последние 2 — 3 недели некоторые из них были убиты.

Глава трудового управления в Варшаве был убит в своей канцелярии, а вчера был убит еще один человек. Таково положение вещей на сегодня. И сама вербовка рабочей силы остается, если она даже проводится очень добросовестно, весьма трудным делом, если только не имеется под рукой полицейских отрядов».

Вывоз и порабощение гражданского населения достигли небывалого уровня на так называемых оккупированных восточных территориях. Такой массовый угон рабочих явился прямым результатом требований подсудимого Заукеля к подсудимому Розенбергу, бывшему тогда министром по делам оккупированных восточных территорий, и к его под-

чиненным, а также результатом требований к армии, которые предъявил ей подсудимый Заукель.

5 октября 1942 г., например, подсудимый Заукель написал подсудимому Розенбергу и указал, что ему необходимы еще два миллиона иностранных рабочих и что большинство из них должно быть вывезено с недавно оккупированных восточных территорий, в первую очередь с Украины.

Я хочу теперь сослаться на документ ПС-017, который представляю под номером США-180. Это письмо подсудимого Заукеля подсудимому Розенбергу. Я хочу процитировать его полностью. Оно начинается с сообщения о том, что «фюрер разработал новый и весьма срочный план вооружения, который требует быстрой мобилизации еще двух миллионов иностранных рабочих.

Фюрер поэтому предоставил мне для проведения своего декрета от 21 марта 1942 г. новые полномочия для выполнения моих новых обязанностей. Он также специально уполномочил меня принимать любые меры, которые я найду необходимыми, в империи, в протекторате и генерал-губернаторстве, а также на оккупированных территориях для того, чтобы любой ценой обеспечить планомерную мобилизацию рабочей силы для германской военной промышленности. Добавочные рабочие должны быть набраны, главным образом, на только что оккупированных восточных территориях, в особенности в рейхскомиссариате Украины. Поэтому рейхскомиссариат Украины должен предоставить нам 225 тысяч рабочих рук к 31 марта 1942 г. И еще 225 тысяч рабочих рук к 1 мая 1942 г. Прошу вас информировать рейхскомиссара гаулейтера Коха относительно новой ситуации и новых требований и в особенности обратите внимание на то, чтобы он лично поддержал всеми возможными способами выполнение нового приказа. Я собираюсь посетить Коха в самое ближайшее время, и я был бы вам очень благодарен, если бы вы сумели информировать меня относительно того, где и когда я могу встретить его для личных переговоров. Теперь, однако, я прошу, чтобы меры были приняты немедленно при содействии всех инстанций, в том числе трудового управления, и чтобы было сделано все необходимое для проведения любыми средствами этого мероприятия. Все директивы, которые временно ограничивали вербовку восточных рабочих, теперь аннулируются. Прежде всего сейчас надо обеспечить империю, а потом уже осуществлять другие меры. Я не закрываю глаза на трудности, которые встретятся в связи с выполнением нового приказа, но я убежден, что безжалостное использование всех ресурсов и полное сотрудничество со всеми заинтересованными организациями приведут к тому, что выполнение новых требований сможет быть закончено к назначенному сроку. Я уже сообщил новые требования рейхскомиссару Украины по почте. Согласно сегодняшнему телефонному разговору, я пошлю вам декрет фюрера в начале следующей недели».

Я хочу напомнить Трибуналу, что мы уже упоминали на вечернем заседании имя этого рейхскомиссара — нацистс-

кого гаулейтера Коха. Мы здесь цитировали его высказывания: «Немцы — раса господ. Мы должны быть тверды» и т. д.

7 марта 1943 г. подсудимый Заукель снова написал Розенбергу. На этот раз он требовал вывоза еще одного миллиона мужчин и женщин с восточных территорий в последующие четыре месяца. Я хочу обратить ваше внимание на документ ПС-019, США-181. Я цитирую это письмо полностью:

«После продолжительной болезни мой заместитель по снабжению рабочей силой на оккупированных восточных территориях государственный советник Пекерт будет теперь заниматься урегулированием вопросов снабжения рабочей силой как для самой Германии, так и для этих территорий. Поэтому я прошу вас, дорогой товарищ по партии Розенберг, оказать ему максимальную поддержку, поскольку его миссия имеет чрезвычайно важное значение. Я хочу уже теперь поблагодарить вас за оказанный ему прием. Он получил от меня абсолютные и неограниченные полномочия в отношении сотрудничества со всеми организациями на восточных территориях. Германское сельское хозяйство, а также выполнение важнейшей программы вооружения, по приказу фюрера, требуют срочного ввоза рабочей силы. Нам нужен примерно миллион рабочих — мужчин и женщин, и они нужны нам в ближайшие четыре месяца. Начиная с 15 марта каждый день надо вывозить 5 тысяч мужчин и женщин; начиная с апреля это число должно быть увеличено до 10 тысяч, иначе пострадают самые срочные программы по весенним сельскохозяйственным работам и будет причинен ущерб снабжению продуктами питания. Я предусмотрел распределение примерных квот для отдельных территорий, и в соответствии с тем, что сообщили эксперты, эти цифры таковы: ежедневная квота начиная с 15 марта 1943 г. из генерального комиссариата Белоруссии — 500 рабочих, из центральной экономической инспекции — 500 рабочих, из рейхскомиссариата Украины — 3 тысячи, из южной экономической инспекции — тысяча, всего 5 тысяч. Начиная с 1 апреля 1943 г. ежедневные контрольные цифры должны быть удвоены. Я надеюсь лично посетить восточные территории в конце этого месяца и снова просить вас лично о вашем любезном сотрудничестве».

Подсудимый Заукель действительно поехал на Восток. Он посетил Каунас в Литве для того, чтобы сообщить там о своих требованиях. Теперь я представляю документ ПС-204, США-182. Этот документ представляет собой резюме отчета германского комиссара в Каунасе и протокола заседания, на котором присутствовал Заукель. Я цитирую:

«В лекции, прочитанной уполномоченным по вопросам рабочей силы гаулейтером Заукелем 18 июля 1943 г. в Каунасе, и на официальном совещании, которое затем последовало между Заукелем и генеральным комиссаром, был вновь выдвинут вопрос о необходимости срочного вывоза рабочей силы в империю. Заукель снова потребовал, чтобы литовская рабочая сила была предоставлена в большем количестве для нужд рейха».

Председатель: *Кто был этот генеральный комиссар? Розенберг?*

Додд: *Его имя нам неизвестно. Это, очевидно, местный партийный чиновник. Во всяком случае, это не Розенберг.*

Подсудимый Заукель посетил также Ригу для того, чтобы проследить за выполнением своих требований. Цель этого визита описана в документе ПС-2280, США-83. Это письмо рейхсминистра по делам оккупированных восточных территорий генеральному комиссару в Риге; оно датировано 3 мая 1943 г. Я прочитаю первую страницу английского текста, начиная с первого абзаца:

«Имея в виду основные требования генерального уполномоченного по вопросам рабочей силы гаулейтера Заукеля, выдвинутые им при посещении Риги 21 апреля 1943 г., было решено, в связи с критическим положением, отвергнуть все прочие соображения и немедленно отправить 183 тысячи рабочих с восточных территорий для нужд империи. Эта задача должна быть выполнена в течение ближайших четырех месяцев — до конца августа...»

Теперь я обращаюсь к документу ПС-3010, США-184. Это совершенно секретный приказ по группе армий «Юг», датированный 17 августа 1943 г. Я читаю первую страницу английского текста, первые два абзаца которой гласят: «Генеральный уполномоченный по вопросам рабочей силы распоряжением VI А 578 028 (приложение 1-е) приказал произвести набор всех лиц двух обозначенных возрастов на вновь оккупированной восточной территории. Копия этого распоряжения прилагается. Рейхсминистр по делам вооружения и боеприпасов одобрил этот приказ. Согласно этому приказу генерального уполномоченного по набору рабочей силы, мы обязаны набрать и перевезти в Германию немедленно всех рабочих, имеющихся на вашей территории, рождения 1926 — 1927 гг.

Приказ и последующие инструкции от 6 февраля 1943 г. о трудовой повинности и найме рабочей силы на театре военных действий и на только что оккупированных восточных территориях являются основанием для проведения этой меры. Срок выполнения — не позже 30 сентября 1943 г.».

Совершенно ясно, что требования подсудимого Заукеля вызвали вывоз гражданского населения с оккупированных восточных территорий. Подсудимый Шпеер протоколировал совещания с Гитлером 10, 11 и 12 августа 1942 г. Эти протоколы содержатся в документе Р-124, США-179.

Я хочу теперь процитировать страницу 34 этого документа:

«Гаулейтер Заукель обещает предоставить русскую рабочую силу для выполнения программы добычи железа и угля. Он сообщил, что, если потребуется, он может предоставить еще миллион русских рабочих для германской промышленности вооружения до октября 1942 года. Он уже предоставил около миллиона рабочих для промышленности и 700 тысяч для сельского хозяйства. В связи с этим фюрер заявил, что проблема рабочей силы должна быть разрешена во всех случаях и доведена до требуемой численности. Он поручил гаулейтеру Заукелю принять все необходимые

меры для набора рабочей силы. Он согласен на любые меры принуждения на Востоке так же, как и на Западе, если этот вопрос не удастся разрешить на принципах добровольности».

Для того чтобы выполнить эти требования о вывозе 1 700 тысяч рабочих в одном месте и 100 тысяч — в другом, нацистские заговорщики сделали террор, насилие и поджоги, как мы говорили вчера, главными инструментами своей политики порабощения.

Через 20 дней после того, как Заукель выдвинул свои требования от 5 октября 1942 г., высокопоставленный чиновник министерства Розенберга описал все необходимые меры, которые вызвало проведение в жизнь этих требований.

Я теперь привожу документ ПС-294, США-185. Этот документ — совершенно секретный меморандум, датированный 25 октября 1942 г. и подписанный неким Бройтигамом:

«При условии, что военнопленные умирали от голода, как мухи, мы встретились с невероятно сложной задачей — набрать миллион рабочих с оккупированных восточных территорий для того, чтобы заполнить пробелы в рабочей силе, образовавшиеся в Германии...»

Неожиданно вопрос о питании перестал существовать. Проявляя привычное для них безграничное пренебрежение к славянским народам, нацисты применяли методы «набора» рабочей силы, которые берут свое начало в самых черных периодах работорговли. Фактически была санкционирована охота за людьми. Людей отправляли в Германию независимо от состояния здоровья и возраста. Более чем 100 тысяч из них должны были быть, как вскоре выяснилось, сейчас же отправлены обратно вследствие серьезных заболеваний и физической невозможности работать.

Подсудимый Розенберг сам писал об этих жестокостях человеку, который подстрекал его к ним, — подсудимому Заукелю.

Перехожу к документу ПС-018, США-186.

Председатель: Скажите, пожалуйста, откуда этот секретный документ, который Вы цитировали раньше?

Додд: Из архива подсудимого Розенберга. Следующий документ ПС-018 — письмо подсудимого Розенберга подсудимому Заукелю от 21 декабря 1942 г. с приложениями. Я хочу процитировать первую страницу английского текста, начиная с середины второго абзаца:

«Отчеты, которые я получил, показывают, что рост партизанской деятельности в оккупированных восточных районах объясняется, главным образом, тем фактом, что методы, которые применяются для добывания рабочей силы в этих районах, являются насильственными методами массового угона. Люди, таким образом, могут избежать своей судьбы только тем, что уходят в леса и вступают в партизанские отряды».

Здесь имеется приложение к письму Розенберга, состоящее из выдержек из писем жителей оккупированных восточных территорий — по всей вероятности, эти выдержки

были сделаны нацистскими цензорами. В немецком тексте это на странице 6, абзацы 1 и 2.

Цитирую страницу 4 того же текста на английском языке:

«У нас — новости. Людей уводят в Германию. Так, например, 5 сентября несколько человек из Ковкутского района должны были ехать по плану в Германию, но они не хотели ехать, поэтому деревню подожгли. Они угрожали сделать то же самое в Боровичах, так как не все, кто был намечен, соглашались ехать. Тогда приехавшие на трех грузовиках немцы подожгли дома этих людей. Во Врасничах подожжено 12 домов, в Боровичах также подожгли 3 дома. 1 октября была проведена новая вербовка рабочей силы. Я опишу тебе только важнейшие события. Ты не можешь себе представить эту жестокость. Ты, может быть, помнишь, что нам говорили.

Тогда мы этому не верили, таким же невероятным это кажется теперь. Был дан приказ предоставить 25 рабочих, но никто из них не явился. Все убежали. Тогда явилась немецкая полиция и начали поджигать дома тех, кто убежал. Огонь сильно распространялся, так как два месяца не было дождя. Кроме того, недалеко находились склады зерна, которые также загорелись. Ты можешь себе представить, что там было. Люди, которые прибежали, чтобы тушить огонь, разгонялись, их били и арестовывали. 7 домов сгорели дотла. В то же время полицейские продолжали поджоги. Люди падали на колени и целовали полицейским руки, но полицейские били их дубинками и угрожали сжечь всю деревню. Я не знаю, чем бы это кончилось, если бы Сапуркани не вмешался. Он обещал, что к утру будут рабочие. В течение пожара полиция ходила по соседним деревням, хватала рабочих и арестовывала их. Там, где они не находили самих мобилизованных, они задерживали их родителей до тех пор, пока не являлись дети. Так они бесчинствовали в Белозерске. Те, которые не появлялись вовремя, должны были быть расстреляны. Все школы были закрыты и все женатые учителя были отправлены на работу здесь же, а неженатые — в Германию. Они охотятся за людьми так, как отлавливают собак, уже в течение недели, и им этого недостаточно. Заключенных рабочих запирают в школьном здании, и они даже не могут отправлять своих естественных надобностей и должны это делать, как свиньи, в той же комнате. Люди многих деревень отправились в один из дней в монастырь Потшаев, но их всех арестовали, заперли и их пошлют на работу. Среди них были хромые, слепые и старики».

Несмотря на тот факт, что подсудимый Розенберг написал это письмо, все же очевидно, что он санкционировал невероятно жестокие методы изыскания рабской рабочей силы и признал, что он ответствен за те «необычайные» и жестокие меры, которые применялись...

Из письма, датированного 21 декабря 1942 г., документ ПС-018, США-186...я хочу процитировать первую страницу. Это, между прочим, письмо подсудимого Розенберга подсудимому Заукелю.

«Если я далее не буду закрывать глаза на то, что число людей, необходимых министерству вооружения и боеприпасов, а также сельскохозяйственным организациям, требует необыкновенных и суровых мер, я должен буду настоятельно требовать в связи с ответственностью за оккупированные восточные территории, которая лежит на мне, чтобы было исключено использование таких мер, за последствия которых могут потом упрекнуть меня и моих сотрудников, так как мы относились к ним терпимо.

На Украине в качестве террористической меры были использованы поджоги, и таким образом проводился набор рабочей силы».

Я теперь ссылаюсь на документ ПС-254, США-188. Этот документ изъят из официальных папок министерства Розенберга и был найден там в его архивах. Он датирован 29 июня 1944 г. В нем же находится копия письма некоего Пауля Рааба, районного комиссара. Это письмо адресовано подсудимому Розенбергу. Я хочу процитировать из письма Рааба первый абзац:

«Что касается обвинения верховного командования в том, что я сжег несколько домов на территории деревни Васильково, принадлежавших непокорным жителям, которые были обязаны явиться на трудовую повинность, сообщаю, что это обвинение правильно».

Я теперь цитирую третий абзац:

«В течение 1942 года вербовка рабочих проводилась исключительно путем пропаганды. Очень редко встречалась необходимость прибегать к силе. Только в августе 1942 года нужно было предпринять меры против двух семей в деревне Главенко и деревне Соленый хутор, каждая из которых должна была представить одного работника. Впервые это было предложено в июне, но они не хотели явиться. Их пришлось привести силой, но они дважды убегали с пункта или во время транспортировки. Перед вторым арестом отцы обеих семей были взяты под стражу и находились там в качестве заложников и должны были быть освобождены только в том случае, если их сыновья явятся. После того, как сыновья вторично убежали, был дан приказ об их аресте и аресте их отцов, но полицейские патрули, которым была поручена эта операция, обнаружили, что там никого нет».

Теперь я перехожу к четвертому абзацу. Он гласит: «На этот раз я решил принять меры для того, чтобы показать всем молодым украинцам, которые все более проникаются духом неповиновения, что мои приказы должны выполняться. Я приказал сжечь дома обоих беглецов».

«В результате в последующем люди охотно подчинялись. Все приказы относительно вербовки рабочей силы выполнялись. Однако метод сожжения домов придуман не мною. О нем говорится в секретном письме имперского комиссара по найму рабочей силы, где этот метод рекомендуется в качестве принуждения, когда все другие меры не имеют успеха.

Биддл *(Трибунал): Г-н Додд, Вы только что сказали «комиссар по найму рабочей силы». Кто это был?*

Додд: *Мы уже обсуждали этот вопрос перед сегодняшним выступлением. В документе это лицо по имени не названо. Мы не знаем, кто это.*

Биддл: *Благодарю Вас.*

Додд: *Эта жестокая мера наказания была принята населением с удовлетворением, так как обе семьи всячески насмехались над покидающими свой дом людьми, которые добровольно посылали своих детей на трудовую повинность...» «После первоначальных успехов среди населения началось пассивное сопротивление, которое, в конце концов, вынудило меня снова начать аресты, конфискации и вывоз в трудовые лагеря. А после того, как у станции Васильково партия мобилизованных рабочих смяла полицейский заслон и разбежалась, передо мной снова встала необходимость проводить в жизнь суровые меры. Некоторые зачинщики, которые убежали до этого, были найдены в Призецкое и в Митнице. После неоднократных попыток захватить их пришлось сжечь их дома...*

О моих действиях в отношении скрывающихся от повинности всегда сообщалось районному комиссару Дореру, который находился в Василькове, и генеральному комиссару в Киеве. Оба они были знакомы с положением вещей и согласны с моими мерами, потому что они имели успех».

Этим генеральным комиссаром в Киеве был Кох. Мы цитировали его высказывание по поводу «расы господ».

Другой документ подтверждает, что акты поджогов входили в систему насильственного проведения программы вербовки рабочей силы в деревне Белозерск на Украине в случае сопротивления против насильственного угона на работу. Материалы о зверствах в этой местности имеются в документе ПС-018, США-186. В дополнение к этому есть еще другой документ ПС-290, США-189. Этот документ представляет собой сообщение из министерства Розенберга. Оно датировано 12 ноября 1943 г. Я собираюсь процитировать первую страницу английского текста:

«Но если даже Мюллер и присутствовал при сжигании домов в связи с вербовкой в Белозерске, это совсем не значит, что его нужно снять с работы. В директиве генерального комиссара Луцка 21 сентября 1942 г. специально упоминается, что можно применять экстренные меры при проведении вербовки. Дома тех, кто отказывается работать, должны сжигаться. Родственники их должны арестовываться в качестве заложников и направляться в трудовые лагеря».

Войскам СС было приказано участвовать в вербовке рабочей силы, в налетах на деревни и в сжигании этих деревень, а также загонять все население на рабский труд в Германию.

Я представляю документ ПС-3012, США-190. Это секретный приказ по войскам СС, датированный 19 марта 1943 г. Он гласит:

«Деятельности комиссий по набору рабочей силы должна быть оказана всякая возможная поддержка. Не всегда будет возможно удерживаться от применения силы. На совещании с начальником управления по набору рабочей си-

лы было достигнуто соглашение о том, что там, где могут быть использованы заключенные, их нужно представить в распоряжение управления по набору рабочей силы. При обыске деревень, если есть необходимость, следует сжигать деревни, все население должно быть предоставлено в распоряжение начальника по набору рабочей силы».

Председатель: *Не думаете ли Вы прочитать четвертый абзац?*

Додд: *Читаю четвертый абзац: «Как правило, детей не надо больше расстреливать...».Хотел бы сказать Вам, Ваша честь, что части этих документов будут использоваться в последующем, для доказывания других положений, поэтому порой Трибуналу может показаться, что мы пропускаем некоторые из этих выдержек; тем не менее, я весьма благодарен Трибуналу, что наше внимание было привлечено к этим выдержкам, так как они весьма важны и для обосновываемых нами в данное время пунктов обвинения.*

В сообщении генерального комиссара из Житомира, откуда подсудимый Заукель потребовал новых рабочих для империи, говорится о жестокости, с которой заговорщики проводили свою программу. Он описал ее как программу порабощения. Я ссылаюсь на документ ПС-265, США-191 — секретный отчет о совещании между генеральным комиссаром Житомира и подсудимым Розенбергом в Виннице 17 апреля 1943 г. Отчет датирован 30 июня 1943 г. и подписан Лайзером. Я собираюсь процитировать третий абзац:

«Явления, которые были вызваны набором рабочей силы, несомненно, хорошо были известны имперскому министру по сообщениям и его собственным наблюдениям. Поэтому я не буду останавливаться на них. Очевидно, набор рабочей силы по существу не может быть назван набором. Это попросту — насильственный увоз рабочей силы...

Поскольку главный уполномоченный по мобилизации рабочей силы объяснил нам серьезность положения, у нас не было другой возможности. Я, в соответствии с этим, разрешил уполномоченному применять самые жестокие меры для того, чтобы достигнуть установленной квоты. Отрицательное моральное воздействие этих мер не требует специального доказательства, однако надо выиграть войну и на этом фронте. Проблема мобилизации рабочей силы не может быть разрешена в «белых перчатках».

В результате мер по набору рабочей силы целые области стали безлюдными.

Я обращаюсь теперь к документу ПС-3000, США-192. Этот документ представляет собой частичный перевод отчета начальника главного управления № 3 военного командования в Минске. Он датирован 28 июня 1943 г. и адресован министериаль-директору Рикке, который занимал высокий пост в министерстве Розенберга. Я собираюсь процитировать первую страницу английского текста:

«Набор рабочей силы в империи, несмотря на то, что был необходим, имел ужасающие последствия. Меры, которые применялись в последнее время, были невероятно жестокими. Это была, по существу, охота за людьми. Она имела непоправимые политико-экономические последст-

вия. Из Белоруссии было до сегодняшнего дня вывезено примерно 50 тысяч человек. Нужно вывезти еще примерно 130 тысяч.

Имея в виду численность населения в 2,4 миллиона, такая квота просто немыслима. В результате чистки под метелку, проведенной СС и полицией в 1942 году, примерно 115 тысяч гектаров ее пахотной земли не используется, поскольку население было целиком вывезено из деревень».

Мы уже говорили о целях заговорщиков, имевших в виду постоянно ослаблять врага путем порабощения его рабочей силы и разрушения семьи. Мы обращаем внимание Трибунала на документ ПС-031, США-171. Мы хотим подчеркнуть, что политика, которая применялась на оккупированной восточной территории с одобрения подсудимого Розенберга, включала планы вывоза от 40 тысяч до 50 тысяч подростков в возрасте от 10 до 14 лет. Цель этого вывоза заключалась в том, чтобы не давать возможности врагу усилить свою военную мощь, а также снизить биологические возможности врага. Мы уже цитировали документ, которым было доказано, что подсудимый Розенберг одобрил этот план — так называемую акцию «Сено».

Дальнейшие доказательства, касающиеся планов нацистских заговорщиков ослабить своих врагов вопреки всем нормам международного права, содержатся в документе ПС-1702, США-193. Этот документ — секретный приказ тылового управления военного коменданта районному комиссару в Казатине, датированный 25 декабря 1943 г. Цитирую первый абзац:

«1. Все трудоспособное мужское население в возрасте от 15 до 65 лет и скот должны быть вывезены из района, расположенного к востоку от линии Белиловка — Бердичев — Житомир (за исключением этих городов)».

Эта программа, которую мы здесь описывали, и методы, жесточайшие по своему характеру, о которых мы здесь говорили, не были ограничены Польшей и оккупированными восточными территориями. Они проводились также и в Западной Европе. Французы, голландцы, бельгийцы, итальянцы — все испытали ярмо рабства и жестокости со стороны нацистских рабовладельцев. Во Франции эти рабовладельцы усилили свою деятельность в начале 1943 года согласно инструкции подсудимого Шпеера, которую сообщили по телефону подсудимому Заукелю в 8 часов вечера 4 января 1943 г. из штаб-квартиры Гитлера.

Я обращаюсь теперь к документу ПС-556, США-194. Этот документ представляет собой заметку в личном деле, подписанную Заукелем и датированную 5 января 1943 г. Я хочу процитировать только первый абзац:

«4 января 1943 г. в 8 часов вечера министр Шпеер позвонил по телефону из штаб-квартиры фюрера и сообщил, что на основании решения фюрера нет больше необходимости особо относиться к французам при дальнейшем наборе специалистов и подсобных рабочих во Франции. Теперь набор рабочей силы можно проводить энергично и с помощью крайних мер».

Для того чтобы преодолеть сопротивление своей про-

грамме, подсудимый Заукель придумал новые меры, которые применялись и во Франции и в Италии его собственными представителями. Эти меры он сам определил как «гротескные», ужасные.

Я цитирую документ Р-124, США-179 — заявление, сделанное Заукелем 1 марта 1944 г. на совещании центрального комитета по планированию:

«Самым неприятным заявлением из всех, сделанных моими противниками, является то, что в целях набора рабочей силы среди французов, бельгийцев и итальянцев и направления их на работу в этих районах не было создано никаких исполнительных органов. Поэтому я нанял и начал готовить целую кучу французов: мужчин и женщин, которые за хорошую плату, как это делалось в свое время в Шанхае, охотились за людьми, спаивали их алкогольными напитками и одурманивали сладкими речами для того, чтобы вывезти их в Германию. Более того, я поручил нескольким опытным людям создать специальную организацию по набору рабочей силы, для чего под эгидой высшего руководства СС и полиции было подготовлено и вооружено несколько групп из местного населения. Однако все же я должен просить министерство вооружить этих людей, потому что в течение года несколько десятков высококвалифицированных и способных сотрудников по набору рабочей силы были убиты. Эти меры должны были применяться, как бы это гротескно ни звучало, для того, чтобы отвергнуть обвинение в том, что у нас не было организации, которая добывала бы рабочую силу для Германии из этих стран».

Набор рабочей силы путем террора и насилия проводился в Голландии так же, как и во Франции. Ссылаюсь на документ ПС-1726, США-195. Этот документ называется: «Заявление правительства Нидерландов в связи с привлечением к суду и наказанием главных немецких военных преступников». Я собираюсь цитировать приложение «Н», озаглавленное «Центральное бюро статистики. Вывоз нидерландских рабочих в Германию»:

«Многие большие и средние фирмы и концерны, особенно в металлургической промышленности, посещались германскими представителями, которые отбирали рабочих для вывоза их в Германию. На каждом таком предприятии проводились так называемые «акции Заукеля», которые так назывались потому, что Заукелю был поручен набор иностранных рабочих для Германии. Наниматель должен был расторгнуть свой контракт с рабочими, отобранными для отправки, и эти последние должны были регистрироваться в рабочем управлении, которое затем заботилось о том, чтобы перевезти их в Германию под наблюдением немецкого «консультанта». Рабочие, которые сопротивлялись, а их было сравнительно мало, преследовались СД. Если их захватывали, они немедленно, в качестве заключенных, помещались на некоторое время в пресловутые лагеря в Нидерландах, а потом их отправляли в Германию. В этих преследованиях СД поддерживалась полицией, связанной с управлением по труду и состоящей из членов НСДАП и вспомогательных организаций.

В конце апреля 1942 года вывоз рабочей силы начал проводиться в очень широком масштабе. Вследствие этого в мае и июне количество этих перемещенных лиц уже равнялось соответственно 22 — 24 тысячам, многие из которых были рабочими металлургической промышленности. После этого набор ослаб. Но в октябре 1942 года снова была достигнута цифра 2600. После того как были использованы все большие концерны, наступила очередь меньших предприятий, которые должны были тоже уступить Германии свой штат рабочих. Положение изменилось в ноябре 1944 года. Немцы тогда начали жестокую кампанию погони за рабочей силой в обход управлений. Без всякого предупреждения они оцепляли целые кварталы города, хватали людей на улицах и в домах и увозили их. В Роттердаме и Шидаме, где 10 и 11 ноября тоже были проведены налеты, количество людей, вывезенных таким образом, составляло соответственно 50 тысяч и 5 тысяч человек. В других городах, где налеты проводились несколько позже, эти цифры были значительно ниже, потому что люди уже были предупреждены прошедшими событиями. Точные цифры неизвестны, они никогда не опубликовывались оккупантами. Люди, схваченные таким образом, использовались на работе частично в самой Голландии и частично отправлялись в Германию».

Я ссылаюсь теперь на документ ПС-3003, США-196, найденный в архивах ОКВ.

Этот документ представляет собой частичный перевод текста лекции, прочитанной неким Гауптом из германских вооруженных сил, по поводу положения военной экономики в Нидерландах. Я процитирую, начиная с первого абзаца:

«Были некоторые трудности в наборе рабочей силы, так как процесс ловли людей стал заметным потому, что методы не были заранее организованы и подготовлены. Людей арестовывали на улицах и выволакивали из домов. Невозможно было заранее провести единую процедуру освобождения от трудовой мобилизации, т. к. по соображениям безопасности, заранее о времени проведения акции не объявлялось. Всякие ордера на освобождение чиновниками, проводившими эти действия, не учитывались. Не только рабочие, которые освободились в результате прекращения работы промышленности, но даже и те, кто работал на наших собственных предприятиях, производя предметы необходимости для нас самих, задерживались, либо боялись выходить на улицу. Во всяком случае, это представляло большие трудности для нас».

Огромное количество перемещенных в Германию лиц показывает ту степень, в которой нацистские заговорщики преуспели в выполнении своей программы трудовой мобилизации. Самая достоверная документация, имеющаяся в руках союзников, включающая немецкие документы, показывает, что к январю 1945 года примерно 4795 тысяч гражданских иностранных рабочих были направлены на работу на военные заводы Германии. Среди них были насильственно мобилизованные рабочие, граждане четырнадцати инос-

транных государств, четырнадцати различных национальностей.

Я представляю теперь документ ПС-2520, США-197. Это письменное показание, данное под присягой Эдвардом Дуэссом, экономистом. Тут есть цифры, показывающие, сколько было военнопленных и так называемых политических заключенных и какой именно национальности. Согласно заявлению Дуэсса, специалиста в этой области, цифра 4795 тысяч относится только к рабочим. Во втором абзаце его показания говорится следующее, — и я хочу огласить это для протоколирования:

«Я, Эдвард Дуэсс, в течение трех лет работал в Вашингтоне в управлении экономики иностранных государств, выступал в организации в качестве экономиста-аналитика в Лондоне, Париже и Германии. Я специализировался в вопросах труда и населения Германии во время войны и настоящим удостоверяю, что цифры, отражающие количество иностранной рабочей силы в Германии, собраны на основании материалов из наиболее достоверных германских и союзных источников и касаются количества иностранных рабочих в Германии в январе 1945 года, а также из источников, которые я получил из американских, английских и французских документов о количестве иностранных рабочих, фактически обнаруженных в Германии с 10 мая 1945 г.».

Только очень небольшое количество этих вывезенных рабочих прибыло в Германию добровольно.

1 марта 1944 г. на заседании того же центрального комитета по планированию, о котором мы говорили, подсудимый Заукель ясно сказал, насколько велик масштаб и сколь широко применялось насилие при увозе рабочей силы. Я цитирую документ Р-124, США-179. Заукель говорит:

«Из шести миллионов иностранных рабочих, которые прибыли в Германию, даже 200 тысяч не прибыли добровольно».

Нацистские заговорщики не удовольствовались тем, что оторвали пять с лишним миллионов людей от их детей, их домов и вывезли из родной страны. Более того, подсудимые, которые сейчас находятся здесь, настойчиво стремились к тому, чтобы эти большие группы несчастных людей, которые находились в так называемой старой империи, как рабы, избивались, подвергались зверскому обращению, получали меньше пищи, чем это необходимо для существования, медленно умирали от голода, вымирали целиком из-за недостатка пищи, самой минимальной одежды, сносного жилья иногда только потому, что они производили недостаточно.

Условия вывоза и угона ярко описаны в документе ПС-054. Это отчет подсудимому Розенбергу относительно обращения с украинскими рабочими.

Я хочу сослаться на документ ПС-054, США-198. Прежде чем я процитирую этот документ, я хочу сказать, что согласно отчету положение этих несчастных людей, захваченных на Украине, было особенно тяжелым, поскольку им не давали возможности взять с собой одежду. Женщины и

мужчины забирались прямо с постели и до отправки помещались в подвал. Некоторые были в ночных рубашках. Стража их била. Захваченные были заперты на долгое время в вагоны, которые не отапливались, и были лишены какой-либо возможности получать хотя бы воду, пищу и одежду или пользоваться уборной. Там не было воды и отопления. Женщины подвергались всевозможным физическим и моральным издевательствам в процессе так называемых медицинских осмотров.

Документ ПС-054. Это препроводительное письмо Розенбергу. Оно подписано неким Торером, лейтенантом вермахта. К нему приложена копия отчета коменданта сборного пункта для мобилизованных украинских специалистов в Харькове. Тут есть еще письмо некоего Григория, специалиста, который был завербован и увезен в Германию.

Цитирую четвертый абзац:

«Старосты часто поддаются коррупции. Они продолжают захватывать квалифицированных рабочих, стаскивают их с постели по ночам, держат в подвалах до тех пор, пока не увезут в Германию. Поскольку они часто не дают возможности захваченным мужчинам и женщинам брать с собой багаж, многие из квалифицированных рабочих прибывают на сборный пункт, надо прямо сказать, недостаточно экипированными (без обуви и смены одежды, без ложек, посуды, одеял и т. д.). В некоторых случаях возникало такое положение, что их приходилось посылать обратно, чтобы взять самое необходимое. Если люди не возвращаются немедленно, полиция очень часто избивает и запугивает этих квалифицированных рабочих. Это случается ежедневно. В некоторых случаях женщин избивали так, что они не могли больше идти.

Я сообщил, в частности, об одном ужасном случае полковнику Замеку, шефу гражданской полиции, для принятия суровых мер (деревня Соцолинково, район Дергачи). Насилия старост и полиции носят особенно жестокий характер потому, что они часто оправдываются тем, что делают это от имени германских вооруженных сил. Фактически же надо сказать, что на протяжении всего времени вооруженные силы вели себя весьма терпимо по отношению к квалифицированным рабочим и украинскому населению, чего отнюдь нельзя сказать об административных учреждениях. Для иллюстрации можно указать на такой случай: однажды женщина была доставлена одетой только в рубашку...»

Цитирую второй абзац:

«На основании того, что было сообщено, следует привлечь внимание к тому факту, что невозможно держать рабочих запертыми в вагонах в течение многих часов, они даже не имеют возможности отправлять свои естественные потребности. Совершенно очевидно, что нужно дать людям, находящимся в транспорте, возможность получить питьевую воду, помыться и сделать, что нужно. Мне показывали вагоны, в которых люди проделывали дырки для того, чтобы отправлять свои естественные потребности».

Первый абзац:

«Мне сообщили о следующих злоупотреблениях в душевых и пунктах санобработки для женщин и девушек. Эти душевые обслуживали мужчины. Наоборот, в мужских душевых был женский персонал. Мужчины фотографировали женщин во время душа. В последние месяцы главным образом вывозились украинские крестьянки. Женщины эти были высокой морали и целомудрия и поэтому рассматривали такое обращение как унижение их национального достоинства...

Я получил отчеты о фотографировании в душевых из Галле. О других оскорблениях мне сообщили из Киеверце. Эти инциденты, которые только подрывают авторитет и честь великой германской империи, могут вновь иметь место. В отношении больных и слабых различий не делалось, их угоняли вместе с остальными. Те, которым удавалось выжить во время этого путешествия в Германию, но которые оказывались негодными для работы, будучи совсем больными, отправлялись обратно, как скот вместе с теми, кто заболел во время работы. Обратный путь проходил в тех же ужасных условиях, как и первоначальное путешествие. Больные не получали никакой медицинской помощи. Многие умирали, их трупы без всяких церемоний выбрасывались из вагонов без погребения».

Цитирую третью страницу:

«Очень плохо влияют на моральное состояние квалифицированных рабочих и населения встречные поезда, когда провозят рабочих, которых немцы сделали нетрудоспособными или которые не годились для работы с самого начала. Много раз эти транспорты квалифицированных рабочих по пути в Германию встречались с обратными транспортами инвалидов и останавливались на путях друг против друга, простаивали так в течение долгого времени. Эти обратные транспорты недостаточно обслуживаются, несмотря на то, что там находятся больные, слабые, раненые люди по 50 — 60 человек в вагоне; весь поезд обычно сопровождают всего три-четыре человека. Нет достаточного ухода и пищи. Надо сказать, что возвращающиеся часто делают неблагоприятные, но, конечно, преувеличенные заявления и выводы о своем положении в пути и о том, как с ними обращались в Германии. В результате всего этого и того, что люди видят собственными глазами, панический страх охватывает специалистов, то есть всех рабочих, отправляющихся в Германию. Некоторые начальники эшелонов, особенно 62-го и 63-го, подробно докладывали о подобных случаях. В одном случае начальник транспорта квалифицированных рабочих видел собственными глазами, как человека, умершего от голода, выбросили из встречного транспорта в придорожную канаву. Это был старший лейтенант Гофман, начальник 63-го транспорта. В другой раз сообщили, что трое мертвых должны были быть оставлены в стороне от поезда и что они никем не были похоронены. К сожалению, эти инвалиды прибывали сюда без всяких документов. В соответствии с отчетами транспортных начальников создается впечатление, что людей, которые не могут работать, собирают, запихивают в вагоны и отправляют обратно в сопровожде-

нии всего лишь нескольких охранников. Они не получают никакого ухода, никто не заботится об их питании. Управление труда на месте прибытия, так же как и транспортное руководство, подтверждает это впечатление».

Как это ни кажется невероятным, роженицы находятся в тех же вагонах, где и больные туберкулезом и венерическими заболеваниями. Новорожденных выбрасывали через окна, а умирающие лежали в тех же товарных вагонах на голом полу, им не подстилали даже соломы.

Документ ПС-084, США-199 — это междуведомственный отчет, подготовленный доктором Гутткельхом из министерства Розенберга. Он датирован 30 сентября 1942 г. Я хочу процитировать абзац первый:

«Насколько необходимо было это вмешательство, видно из того, что этот поезд с возвращающимися рабочими остановился на том же месте, где стоял поезд с вновь набранными рабочими, которые направлялись в Германию с Востока. Из-за наличия трупов в обратном эшелоне могла произойти серьезная неприятность, если бы не вмешалась госпожа Миллер. В этом поезде несколько женщин родили, и немцы выбрасывали новорожденных из окон во время хода поезда. Больные венерическими болезнями и туберкулезом лежали рядом со здоровыми. Умирающие лежали в тех же вагонах на голом полу даже без соломы. Один из мертвых был выброшен на железнодорожную насыпь. То же самое происходило в других обратных эшелонах».

Некоторое представление об этих немецких транспортах было дано подсудимым Заукелем в его декрете от 20 июля 1942 г. Я представляю в этой связи документ ПС-2241, США-200. Это декрет, который помещен был в разделе Б-1а в книге «Использование иностранной рабочей силы в Германии»:

«Согласно отчетам начальников транспортов, которые были представлены мне, специальные поезда, предоставленные немецкими властями, часто находились в неудовлетворительном состоянии, без оконных стекол. Эксплуатируются вагоны без уборных, поэтому рабочим приходится использовать пустые купе в качестве уборных. В других случаях вагоны не топят зимой, и поэтому рабочие не могут пользоваться уборными, потому что они становятся негодными из-за порчи водопроводной системы, они замерзают, и водопроводный аппарат не действует...»

Трибунал вне сомнения отметил или обратил внимание на то, что ряд документов, на которые мы ссылались — и которые мы представили — являются жалобами чиновников министерства подсудимого Розенберга или других функционеров по поводу условий, при которых иностранных рабочих набирали, и условий, в которых они жили. Как я полагаю, уместно будет сказать, что эти документы фактически представлялись обвинением ради двух целей, или с двойной целью; во-первых, разумеется, для того, чтобы установить зафиксированные в этих документах факты, а, во-вторых, также и для того, чтобы показать, что заговорщики знали о существовании таких условий и все же продолжали проводить в жизнь программу порабощения громадного

количества гражданского населения оккупированных районов. Попав в Германию, эти порабощенные рабочие подвергались невероятно жестокому обращению, унижающему их человеческое достоинство. О характере обращения с рабочими частично свидетельствуют заявления самих подсудимых. Документ ПС-016, США-168, подтверждает это:

«Всех этих людей надо кормить, расселять и обращаться с ними таким образом, чтобы эксплуатировать их в самой высокой степени и при этом при самых минимальных расходах».

Сила и жестокость, как орудие для повышения производительности труда, нашли ярого апологета в лице подсудимого Шпеера, который сказал в присутствии подсудимого Заукеля на совещании центрального комитета по планированию... Я цитирую документ под номером Р-124, США-179. Шпеер, выступая на этом совещании, сказал:

«Мы также должны поговорить о прогульщиках. Лей уведомил меня, что количество больных сократилось до 1/4 или 1/5 на тех фабриках, где есть штатные врачи и где больные подвергаются медосмотру. Полицию и СС нельзя ни в чем упрекнуть. Они делают все возможное, применяют сильнодействующие средства и помещают этих прогульщиков в концентрационные лагеря. У нас нет иного выхода. Случись это еще раз, сведения об этом быстро распространятся».

И на более позднем совещании центрального комитета по планированию, где присутствовал Шпеер, я снова ссылаюсь на документ Р-124, фельдмаршал Мильх сказал: «Список прогульщиков должен быть передан Гиммлеру».

Мильх далее добавил: «Невозможно эксплуатировать полностью иностранных рабочих, если мы не принудим их к сдельной работе или не будем иметь возможности принять другие меры против иностранцев, которые не выполняют норму».

Фактическое осуществление этой политики было еще более ужасным, чем намечавшиеся заговорщиками планы. Этих рабочих нагружали непосильной работой, селили в лагерях в страшной тесноте, держали, как арестантов. Они голодали и были лишены элементарных удобств: необходимого жилья, достаточного количества одежды, минимального медицинского обслуживания, и в результате страдали от различных болезней. Их заставляли работать до полного изнеможения. Они, кроме того, избивались и подвергались нечеловеческим унижениям. Примером такого бесчеловечного отношения является положение рабочих на заводах Круппа. Рабочие иностранного происхождения на заводах Круппа не получали достаточного количества пищи и не могли поэтому выполнять работу, которая на них возлагалась.

Я представляю документ Д-316, США-201. Этот документ был найден в архиве Круппа. Это меморандум, составленный для господина Хупе, директора паровозного завода Круппа в Эссене. Он датирован 14 марта 1942 г. Я хочу процитировать, начиная с первого абзаца:

«В течение последних нескольких дней мы установили,

что количество пищи, которое получают русские, столь незначительно, что люди с каждым днем все более слабеют. Все исследования показали, что некоторые русские даже не могут взять в руки кусок металла для того, чтобы положить его на станок, из-за недостатка физических сил. Такие же условия существуют во всех других местах, где работают русские рабочие».

Условия существования иностранных рабочих в лагерях Круппа описаны детально в письменном заявлении, сделанном в Эссене (Германия) 15 октября 1945 г. доктором Вильгельмом Егером, который был старшим врачом в лагере. Это документ Д-288, США-202.

«Я, доктор Вильгельм Егер, практикующий в Эссене и окрестностях его, родившийся в Германии 2 декабря 1888 г. и проживающий теперь в Кетвице, Зенгенкольц, 6, Германия, заявляю следующее добровольно и без всякого принуждения; меня ничем не запугивали и не обещали никакого вознаграждения:

1 октября 1942 г. я стал старшим лагерным врачом в рабочих лагерях для иностранцев у Круппа и ведал санитарным надзором за всеми рабочими заводов Круппа в Эссене. Одной из моих задач было докладывать о санитарных условиях в лагерях и о состоянии здоровья рабочих своему начальнику на заводах Круппа. Частью моей задачи было также посещать каждый лагерь Круппа, в котором был хотя бы один иностранный гражданский рабочий. И поэтому мое заявление делается на основании моих собственных умозаключений и наблюдений. Как старший врач лагерей я проводил инспекции различных лагерей. В это время, в октябре 1942 года, я нашел следующие условия.

Восточные рабочие и поляки, которые работали на заводах Круппа и Эссене, содержались в лагерях на Зойманнштрассе, Шпенлерштрассе, Griперштрассе, Германиаштрассе, Капитан-Леманштрассе, Дехеншуле и Кремерплатц.

Все эти лагеря были окружены колючей проволокой и тщательно охранялись. Условия во всех этих лагерях были ужасны. Эти лагеря были переполнены. В некоторых лагерях было в два раза больше людей, чем допускали жилищные условия. На Кремерплатц люди спали на трехэтажных нарах. В других лагерях они спали на нарах в два этажа. Несмотря на то, что санитарными органами был установлен минимум расстояния между кроватями в 50 см, он совершенно не соблюдался, и кровати стояли на расстоянии 20 — 30 см друг от друга. Рацион для восточных рабочих был совершенно недостаточным. Они получали на тысячу калорий меньше, чем составлял минимум для каждого немца. Там, где немецкие рабочие, занятые на тяжелой работе, получали 5 тысяч калорий в день, восточные рабочие получали только 2 тысячи калорий. Они получали пищу только дважды в день плюс хлебный паек. Один раз давался водянистый суп. Я не уверен, что рабочие с Востока получали даже тот минимум, который был установлен для них. Когда в 1943 году я проверял питание в нескольких лагерях, я обнаружил много случаев, когда рабочим просто не давали еды. Они должны были получать небольшое количество мяса в

неделю. Для этой цели предписывалось употреблять только мясо низших сортов, забракованное ветеринарами, как, например, конину или мясо, пораженное туберкулезом. Это мясо обычно отваривалось в супе... Процент больных среди восточных рабочих был вдвое больше, чем среди немецких рабочих.

Особенно широко среди них был распространен туберкулез. Количество больных туберкулезом было в 4 раза больше, чем это бывает обычно. В Дехеншуле около 2,5 процента страдали от открытого туберкулеза, то есть активной формы туберкулеза. Больше всего страдали татары и киргизы. Они умирали, как мухи: из-за плохих жилищных условий, из-за плохого качества и малого количества пищи, из-за переутомления, из-за того, что они не могли достаточно отдыхать. У этих рабочих очень часто встречалось заболевание сыпным тифом. Вши — распространители тифа, клопы и другие насекомые терзали обитателей лагерей. В результате этих антисанитарных условий почти все восточные рабочие страдали кожными заболеваниями.

Недостаток пищи также во многих случаях вызывал всевозможные болезни, в том числе авитаминоз, нефрит и т. д. Было установлено, что рабочие должны были выходить на работу во всех случаях, если только лагерный доктор не заявлял, что они не в состоянии работать. На других улицах — Зойманнштрассе, Грипперштрассе, Германиаштрассе, Капитан-Леманштрассе и Дехеншуле доктора не появлялись вообще в течение 2 — 3 дней, там не было ежедневного осмотра. В результате рабочие вынуждены были ходить на работу, независимо от того, больны они или здоровы. Я пробовал, поскольку было возможно, улучшить состояние рабочих. Я настаивал на том, чтобы были построены новые бараки для того, чтобы разгрузить скученность лагерей. Но даже после того, как это было сделано, лагеря все равно были перегружены, но не так, как прежде. Я пытался улучшить санитарные условия в Кремерплатце и Дехеншуле, заставляя строить уборные, но число их было недостаточно, и положение мало изменилось. С того времени, как начались воздушные налеты, в марте 1943 года положение в лагерях еще более ухудшилось. Жилищные условия, питание и медицинское обслуживание стали еще хуже. Рабочие жили в развалившихся бараках. Все медикаменты были израсходованы, а снабжение медикаментами было трудно наладить. Нужно сказать, что временами снабжение водой полностью прекращалось на периоды от 8 до 14 дней. В течение последующего периода вслед за налетами в марте 1943 года некоторым рабочим разрешалось спать на заводах Круппа в тех же помещениях, где они работали. Те рабочие, которые работали днем, спали ночью, а те, кто работал ночью, спали днем, несмотря на постоянный шум.

Я думаю, что такое положение продолжалось до вступления американских войск в Эссен. После того, как увеличилось количество налетов, условия стали еще хуже. В июле 1944 года, 28-го числа, я сообщил своему начальнику: бараки для больных в лагере Рабенхорст находятся в таком

ужасном состоянии, что вообще нельзя назвать бараками для больных, дождь проникает сквозь крышу во всех углах. Поэтому больные здесь вообще не могут находиться. Обеспечение производства рабочими находится под угрозой, т. к. заболевшие не в состоянии поправиться. В конце 1943 года и в начале 1944 года (я не совсем уверен в точности этой даты) я получил разрешение в первый раз посетить лагерь для военнопленных. Я узнал в результате то, что условия в этих лагерях еще хуже, чем условия в лагерях для восточных рабочих. Медикаменты в такие лагеря не поставлялись. Стараясь исправить это невыносимое положение, я обратился к командованию вооруженных сил, которое обязано было наблюдать за медицинским обслуживанием этих лагерей. Мои усилия не привели ни к чему. В течение двух недель я оказывал довольно сильный нажим, и в результате мне дали 100 аспириновых таблеток для 3 тысяч военнопленных. Лагерь для французских военнопленных на Ногераштрассе был разрушен во время воздушного налета, и его жители около полугода содержались в выгребных ямах, собачьих конурах и в старых пекарнях. Собачьи конуры были 3 фута в высоту, 9 футов в длину и 6 футов в ширину. 5 человек спали в каждой из них. Заключенные должны были вползать туда на четвереньках. В лагере не было ни столов, ни стульев, ни шкафов. Количество одеял было недостаточно. В лагере не было воды. О многих из этих условий мне сообщалось доктором Стиннесбеком в его отчете от 12 июня 1944 г. В этом отчете говорилось: «315 рабочих все еще находятся в лагере, 170 из них живут уже не в бараках, а в тоннеле под железной дорогой Эссен-Мюльгейм. Тоннель очень сырой и, конечно, не годится в качестве постоянного человеческого жилья. Остальные заключенные живут на 10 различных заводах Круппа. Медицинская помощь оказывается французским военным врачом, который очень старается помочь своим соотечественникам.

Больные с заводов Круппа должны привозиться в амбулаторию, которая находится в уборной сгоревшего кабака за пределами лагеря. Четыре французских санитара спят в бывших мужских уборных. Для больных сделаны двухэтажные деревянные нары, нет ни воды, ни стульев, ни столов. Лечат на открытом воздухе. В дождливую погоду лечат в упомянутой маленькой комнате. Эти условия недопустимы. Историю болезни вести невозможно. Очень мало бинтов и медикаментов. Те, которые сильно ранены или пострадали вследствие какой-нибудь травмы на заводе, не могут получить достаточной медицинской помощи, хотя их сюда для этого и привозят, чтобы перебинтовать до отправки в госпиталь.

Есть много жалоб на пищу, которые охрана считает справедливыми.

Нужно иметь в виду, что эти условия определяют состояние нашей рабочей силы и могут вызвать ее потерю...

В своем отчете моему начальству на предприятиях Круппа от 2 сентября 1944 г. я сообщил, что лагерь «Гумбольдштрассе» населен итальянским интернированным военным персоналом. После того, как лагерь был уничтожен

в результате воздушного налета, итальянцев вывезли, а 600 еврейских женщин из лагеря Бухенвальд были привезены на их место для работы на заводах Круппа. После того, как их привезли, я посетил этот лагерь. Я был первым врачом, которого они увидели в течение двух недель, хотя все женщины страдали от острейших заболеваний, и у многих были даже открытые раны. В лагере не было постоянного врача, не было бинтов. Не было никаких медикаментов. Они ходили босиком. Вся их одежда состояла из мешка с дырами, соответственно для рук и ног. Волосы их свалялись. Лагерь был окружен колючей проволокой и охранялся отрядами СС. Пищи было в лагере очень мало, и она была очень плохого качества. Люди жили фактически не в домах, а в развалинах бывших бараков, которые не представляли никакого убежища от дождя и ветра. Я сообщил своему начальнику, что охрана спит вне бараков, так как войти в них невозможно без того, чтобы не быть атакованным блохами. Один из нанятых мною врачей отказался снова поехать в лагерь после того, как он был жестоко искусан.

Я посетил этот лагерь вместе с господином Гроне два раза. Оба раза мы были сильно искусаны, и нам было очень трудно избавиться от блох и других насекомых, которые буквально на нас напали. В результате этого нападения я оказался весь в больших волдырях и укусах. Я попросил своего начальника на заводах Круппа предпринять необходимые меры для того, чтобы во всяком случае провести санобработку в лагере, потому что там были ужасные антисанитарные условия, которые могли вызвать эпидемию. Однако мне не удалось добиться никакого улучшения, и, когда я посетил лагерь второй раз через две недели, я не нашел в нем никаких изменений.

В результате, когда люди стали инвалидами или слишком больными для того, чтобы работать, их вернули на биржу труда в Эссен и оттуда послали в лагерь «Фридрихсфельд». Среди тех, которые вернулись обратно на биржу, были такие, которые серьезно болели туберкулезом, малярией и раком в такой стадии, когда нельзя уже было оперировать. Кроме того там были старики и лица, страдавшие от дистрофии.

Я не буду писать об условиях в лагере «Фридрихсфельд» потому, что я его никогда не посещал. Я только знаю, что это был лагерь, куда ссылались рабочие, которые больше не годились для Круппа. Мои коллеги и я сообщали обо всем этом господину Инну — директору предприятия Фридрих Крупп, доктору Виле — личному врачу Густава Круппа фон Болен унд Гальбах, главному начальнику лагерей Купке и иногда в министерство здравоохранения. Более того, я знаю, что эти господа лично посещали лагеря».

Подписано: «Доктор Вильгельм Егер».

Мы закончили сейчас чтение свидетельского показания доктора Вильгельма Егера. Условия, которые были описаны Егером, не ограничивались только промышленными предприятиями Круппа, но существовали по всей Германии.

Сейчас мы переходим к отчету Польского главного комитета, адресованному администрации генерал-губерна-

торства Польши 17 мая 1944 г., документ Р-103. Я прошу присвоить этому документу номер США-204. В этом меморандуме описывается положение польских рабочих в Германии. Я хотел бы зачитать выдержки со страницы 2 английского перевода, начиная со второго абзаца:

«Загрязнение многих помещений в переполненных лагерях противоречит самым элементарным требованиям. Часто нет никакой возможности достать теплой воды для умывания, поэтому родители не в состоянии выполнять даже самые элементарные требования гигиены в отношении своих детей, и часто они не в состоянии выстирать даже свою единственную смену белья. В результате распространяются кожные заболевания, против которых нельзя бороться...

Мы получаем письма из лагерей для восточных рабочих и их многодетных семей, в которых они умоляют оказать им помощь продовольствием. Количество и качество норм продовольствия, о которых говорится в этих письмах (так называемая четвертая норма), абсолютно недостаточны для того, чтобы восполнить энергию, затрачиваемую при тяжелой работе. Три с половиной килограмма хлеба в неделю, водянистый суп из брюквы или других овощей без мяса и без жира, а иногда немного картофеля — вот все, что составляет голодную норму для рабочих, занятых на тяжелых работах.

Иногда применяется в виде наказания лишение пищи. Оно применяется, например, за отказ носить значок «Восток». В результате такого наказания рабочий теряет сознание во время работы. Так было, например, в лагере «Клостертейх», в Саксонии. Следствием этого является полное истощение, плохое состояние здоровья и туберкулез.

Распространение туберкулеза среди польских промышленных рабочих вызвано недостаточностью продовольственных норм, которые выдаются в массовых лагерях, так как энергия, затрачиваемая на тяжелой работе, не может быть восполнена этими продовольственными нормами.

Просьбы о помощи, которые доходят до нас, свидетельствуют о голоде, лишениях, об острых желудочных заболеваниях, в особенности у детей, что происходит из-за неудовлетворительного питания, не отвечающего потребностям детей.

Необходимая медицинская помощь и забота в отношении больных в массовых лагерях недоступны...

В дополнение к этим невыносимым условиям отсутствуют также систематическая забота и наблюдение за многочисленными детьми, что влияет на жизнь многодетных семей, заключенных в лагерях. Дети предоставлены самим себе, они не получают школьного обучения или религиозного воспитания, растут без присмотра и без образования. Дурное окружение может привести и приводит к нежелательным результатам у этих детей. К чему могут привести такие ужасные условия, видно из такого факта, что в лагерях для восточных рабочих (лагерь «Вальдлюст», почтовое отделение Лауф, Пегниц) имеются случаи, когда восьми-

летних хилых и слабых от плохого питания детей принуждают к работе и дети от такой работы умирают.

Доказательством губительного действия этих плохих условий на состояние здоровья и жизнеспособность рабочих служат многочисленные случаи заболевания туберкулезом, которым подвержены юноши и девушки, возвращающиеся из империи в генерал-губернаторство как непригодные более для работы. Их состояние здоровья, как правило, таково, что выздоровление невозможно. Объясняется это тем, что полное истощение, вызванное непосильным трудом и голодным пайком, не принимается во внимание до тех пор, пока заболевание не проявляется в виде лихорадки и обмороков.

Хотя организовано несколько приютов для непригодных к работе рабочих в виде предохранительной меры, но туда можно попасть лишь тогда, когда выздоровление уже невозможно (Неймаркт в Баварии). Даже там безнадежные больные медленно угасают, и ничего не делается для того, чтобы облегчить их состояние здоровья путем соответствующего питания и медицинской помощи.

Есть дети, заболевшие туберкулезом, которых можно было бы вылечить, и есть взрослые мужчины, которые, если направить их обратно в их семьи, в сельские местности, могли бы выздороветь. Многие страдают из-за того, что разбиваются семьи, когда жен и матерей, имеющих малолетних детей, разлучают с их семьями, посылают в империю для принудительного труда...

Если при таких условиях нет никакой моральной поддержки, то есть такой поддержки, которая обычно вытекает из семейной жизни в нормальных условиях, то во всяком случае надо поддерживать и усиливать религиозные чувства польского населения. Отмена церковной службы и отправления религиозных обрядов для польских рабочих, запрещение посещения церкви в то время, когда там происходит служба для других, а также иные меры свидетельствуют о неуважении к роли религии...»

Председатель: *Можете ли Вы сообщить нам, из кого состоял Польский главный комитет — я хочу сказать, как он был образован?*

Додд: *Насколько мы осведомлены, это был комитет, созданный, по-видимому, нацистским государством, когда оно оккупировало Польшу, с тем, чтобы этот комитет работал в какого-то рода сотрудничестве с ним во время оккупации. Нам неизвестны имена членов комитета и более конкретной информацией о нем мы не располагаем.*

Председатель: *Это трофейный документ?*

Додд: *Да, сэр, это трофейный документ.*

Особенно зверскому и бесчеловечному обращению подвергались рабочие, которые вывозились с захваченных восточных территорий. Как я уже указывал, они жили на положении рабов, их подвергали почти всем видам унижения, их помещали в сараях вместе со скотом. Они были лишены права посещать церкви, и им запрещались обычные развлечения, существующие в человеческом обществе. Данные о таком обращении содержатся в документе ЕС-68,

США-205. Этот документ озаглавлен «Директивы об обращении с иностранными сельскохозяйственными рабочими польской национальности». Документ этот был издан министром финансов и экономики 6 марта 1941 г. в Бадене, Германия. Мы не знаем имени этого министра и не смогли его установить.

«Отделения ассоциации крестьян земли Баден, которая входит в имперскую администрацию по вопросам продовольствия, с чувством глубокого удовлетворения узнали о результатах переговоров с начальником и полиции безопасности и СД в Штутгарте 14 февраля 1941 г. Соответствующее сообщение уже разослано областным отделением ассоциации крестьян.

Ниже излагаются конкретные инструкции в том виде, в каком они были выработаны на совещании, и соответствующий порядок их выполнения:

1. Основным положением является то, что сельскохозяйственные рабочие польской национальности больше не имеют права на то, чтобы жаловаться, поэтому никакие жалобы не будут больше приниматься официальными органами.

2. Сельскохозяйственные рабочие польской национальности не могут покидать места своей работы. Им запрещено хождение с 20.00 до 6.00, начиная с октября по 31 марта и с 21.00 до 5.00, начиная с апреля по 30 сентября.

3. Строжайшим образом запрещено использовать велосипеды. В виде исключения разрешаются поездки на полевые работы, но лишь в присутствии родственника хозяина или самого хозяина.

4. Строго запрещается посещение церквей, независимо от вероисповедания, даже когда нет церковной службы. Разрешается индивидуальное общение со священнослужителями вне церкви.

5. Строго запрещается для сельскохозяйственных рабочих польской национальности посещение театров, кино и других увеселительных учреждений.

6. Строго запрещается посещение ресторанов сельскохозяйственными рабочими польской национальности. Исключение составляет только один ресторан в деревне, который должен быть выделен ландратсамтом, и его посещение разрешается только один день в неделю. День посещения этого ресторана будет также установлен ландратсамтом. Это правило не изменяет правил относительно запрещения хождений, установленных в параграфе 2.

7. Половые сношения с женщинами и девушками не допускаются. О каждом отдельном случае, когда это обнаруживается, надлежит сообщать.

8. Запрещаются собрания сельскохозяйственных рабочих польской национальности после работы, независимо от того, происходит ли это на других фермах, в сараях или в местах, где живут поляки.

9. Запрещается сельскохозяйственным рабочим польской национальности пользование железнодорожным транспортом, автобусами и другими видами общественного транспорта.

10. Им разрешено покидать деревни только в исключительных случаях и лишь по разрешению местной полиции. Однако такое разрешение не должно даваться, если поляк хочет по собственной инициативе обратиться к властям будь то отдел по труду или областное отделение ассоциации крестьян — по какому-либо вопросу или если он хочет переменить место работы.

11. Строго запрещается произвольное изменение условий найма. Сельскохозяйственные рабочие польской национальности должны работать ежедневно в течение такого времени, какое требуется в интересах предприятия, а также по усмотрению предпринимателя. Рабочий день не ограничен.

12. Каждый предприниматель имеет право применять телесные наказания по отношению к сельскохозяйственным рабочим польской национальности, если не действуют его указания и его выговоры. В таких случаях предприниматель не несет ответственность перед официальным агентством.

13. Сельскохозяйственные рабочие польской национальности должны, если это возможно, размещаться не в жилых помещениях, а в сараях и т. д. Никакие соображения морального порядка не должны мешать выполнению этого условия.

14. Обязательно следует докладывать властям о случаях, когда сельскохозяйственные рабочие польской национальности совершают какие-нибудь преступления с целью саботажа на предприятии или замедления работы: о нежелании, например, работать, о вызывающем поведении, а также о других менее серьезных проступках. Если предприниматель теряет польского рабочего, который должен отбыть длительное тюремное заключение вследствие такого доклада, то он получит взамен другого польского рабочего от учреждения, ведающего распределением рабочей силы, по его требованию и в льготном порядке.

15. Во всех других случаях правомочна только государственная полиция. Поскольку это касается предпринимателя, то он будет подвергнут строжайшему наказанию, если будет установлено, что имела место недопустимая близость между предпринимателем и польскими рабочими. Это относится также и к женщинам и девушкам.

Строго запрещено всякое дополнительное питание. Несоблюдение норм зарплаты, установленных государством для сельскохозяйственных рабочих польской национальности, будет наказываться соответствующими властями тем, что у предпринимателя отберут рабочего».

Женщин оккупированных территорий угоняли против их воли и использовали в качестве прислуги. Подсудимый Заукель изложил эту программу в документе ПС-016, США-168:

«С целью принести значительное облегчение германской домашней хозяйке, особенно многодетной матери, весьма перегруженным работой женам фермеров, а также с целью избежать в дальнейшем какой-либо угрозы их здоровью, фюрер также поручил мне обеспечить доставку в

Германию 400 — 500 тысяч отборных, здоровых и сильных девушек с территорий, расположенных на Востоке».

Захваченные и принужденные работать в Германии, эти восточные женщины по приказу главного рабовладельца — подсудимого Заукеля, оказывались «закрепленными» за тем домом, куда их направляли. Им разрешали самое большее три свободных часа в неделю, и их лишали всякого права на возвращение домой.

Документ ПС-3044(В), США-206, представляет собой декрет, изданный подсудимым Заукелем, который содержит инструкции для домашних хозяек в отношении восточных домашних работниц. Декрет гласит:

«Права на свободное время восточные работницы не имеют. Восточные работницы не имеют права находиться за пределами домашнего хозяйства без каких-либо обязанностей, связанных с потребностью этого домашнего хозяйства».

В качестве награды за хорошую работу, однако, им можно предоставлять возможность оставаться вне дома без работы в течение трех часов один раз в неделю. Этот отпуск должен кончаться с наступлением темноты, самое позднее в 8 часов вечера. Запрещается посещать рестораны, кинотеатры и театры, а также другие подобные учреждения, предназначенные для немецких или иностранных рабочих.

Запрещается посещать церковь. В особых случаях для восточной домашней прислуги могут организовываться вечера в городах «германским трудовым фронтом», а в сельской местности — имперской администрацией по продовольственным вопросам совместно с лигой германских женщин. Вне дома домашние работницы должны всегда носить с собой свою рабочую карточку в виде личного пропуска.

Вопрос об отпуске или возвращении домой. Отпуска и возвращение домой пока не разрешены. Восточные работницы, используемые в домашнем хозяйстве, мобилизуются на неопределенное время».

Всегда над этими угнанными в рабство рабочими нависала угроза ужасов концентрационных лагерей и гестапо.

Орудием в осуществлении нацистской программы были применяемые эсэсовцами методы обращения с людьми. По поводу использования угнанных в рабство рабочих был издан секретный приказ от 20 февраля 1942 г. рейхсфюрером СС Гиммлером, адресованный офицерам СД и полиции безопасности, который свидетельствует о насилии, применяемом по отношению к восточным рабочим. Я представляю этот документ под номером ПС-3040, США-207.

«III. Борьба против нарушений дисциплины:

В соответствии с тем, что рабочие, вывезенные с собственно советско-русских территорий, находятся в том же положении, что и военнопленные, должна поддерживаться строжайшая дисциплина как на местах жительства, так и на месте работы. Борьба против нарушений дисциплины, включая отказ от работы и бездельничание, будет вестись исключительно тайной государственной полицией. При ме-

нее значительных случаях нарушений меры должны применяться начальником охраны, согласно инструкциям штаб-квартиры государственной полиции, по которым разрешается применять меры, перечисленные в приложении. С целью сломить активное сопротивление охране будет разрешено использовать также физическую силу против рабочих. Но к этому можно прибегать только в случаях, не вызывающих сомнения. Рабочие всегда должны быть предупреждены о том, что с ними будут хорошо обращаться, если они будут соблюдать дисциплину и добросовестно работать. В случаях серьезных нарушений, то есть тогда, когда средства, которыми располагает начальник охраны, недостаточны, должна вмешиваться государственная полиция, используя те средства, которые имеются в ее распоряжении. В таких случаях, как правило, будут применяться только строжайшие меры, как-то: перевод в концлагерь или особая мера. Перевод в концлагерь должен производиться обычным путем. В самых серьезных случаях нарушений следует обращаться в главное имперское управление безопасности с тем, чтобы применить особую меру. При этом следует указать данные о нарушителе и точное изложение проступка. Особая мера заключается в положении. Это не следует производить в непосредственной близости от лагеря.

Определенное число рабочих из областей Советской России должно присутствовать при приведении в исполнение особой меры. При этом их следует предупредить относительно действий, которые влекут за собой особую меру.

В случае, если в интересах лагерной дисциплины требуется привести в исполнение особую меру в самом лагере, то на это также надо испрашивать соответствующее разрешение».

Теперь я обращаюсь к странице 20 немецкого текста.

«VI. Половые сношения. Рабочим, вывезенным с русской территории, половые сношения запрещены. Они не имеют для этого никакой возможности уже в силу крайнего стеснения жилищных условий.

В каждом случае установления половых сношений с немцами — мужчинами и женщинами — следует делать запрос о применении особой меры для рабочих из областей Советской России и о переводе в концентрационный лагерь для работниц».

Перехожу к странице 21.

«VIII. Розыск скрывавшихся рабочих из областей собственно Советской России должен производиться главным образом путем объявления в германской розыскной книге. Кроме того, мероприятия по розыску проводятся местными властями.

При поимке бежавшего к нему надо применить особую меру».

Как я уже неоднократно указывал, первостепенной задачей всей программы рабского труда было заставить население оккупированных стран работать на германскую военную экономику.

Декрет, которым Заукель был назначен генеральным

уполномоченным по вопросам рабочей силы, устанавливает что целью назначения было облегчать захват рабочей силы, требовавшейся для германской военной промышленности, и в частности для промышленности вооружения, тем, что вся ответственность за вербовку и распределение иностранных рабочих и военнопленных между этими отраслями промышленности была возложена на Заукеля.

Документ ПС-1666, США-208, представляет собой декрет, подписанный Гитлером, Ламмерсом и подсудимым Кейтелем 21 марта 1942 г. Этим декретом подсудимый Заукель был назначен генеральным уполномоченным по вопросам рабочей силы. Я прошу Суд принять этот документ без доказательств:

«В целях обеспечения рабочей силой, необходимой для военного производства в целом и для производства вооружения в особенности, надо, чтобы использование всех могущих быть использованными рабочих, включая иностранных рабочих и военнопленных, было подчинено единому контролю, который должен проводиться в соответствии с потребностями военной промышленности. В дальнейшем надо мобилизовать всю еще не полностью использованную рабочую силу на территории великой германской империи, включая протекторат, а также в генерал-губернаторстве и на оккупированных территориях. Рейхсштаттгальтер и гаулейтер Фриц Заукель должен выполнять эту задачу по использованию рабочей силы в рамках четырехлетнего плана. В этой своей должности он будет непосредственно подчинен уполномоченному по выполнению четырехлетнего плана...

Имперское министерство труда, отдел III (Заграница) и V (Использование рабочей силы), будет подчинено генеральному уполномоченному для выполнения порученной им задачи».

О том, насколько успешной была деятельность Заукеля, можно судить по письму, которое он сам направил Гитлеру 15 апреля 1943 г. В этом письме содержался отчет о его деятельности в течение одного года, документ ПС-407(VI), США-209:

«После годичной работы в качестве уполномоченного по вопросам рабочей силы я могу доложить, что германской военной экономике было передано 3 638 056 новых иностранных рабочих, начиная с 1 апреля прошлого года до 31 марта этого года. Эти 3 638 056 человек распределены между следующими отраслями германской военной промышленности: промышленность по производству вооружения — 1 568 801 человек...»

Дополнительные доказательства относительно неуклонного использования порабощенных иностранных рабочих можно найти также в отчете центрального комитета по планированию, на который мы неоднократно ссылались вчера и сегодня утром. Одно из совещаний этого комитета состоялось 16 февраля 1944 г. Я ссылаюсь на документ Р-124, США-179. В протоколе совещания записано:

«В промышленности по производству вооружения ши-

роко используются иностранные рабочие. Согласно последним данным, — 40 процентов».

Согласно данным министерства Шпеера на 31 декабря 1943 г., примерно 2 миллиона иностранных рабочих использовались непосредственно в производстве вооружения и боеприпасов; документ ПС-2520, США-197.

То, что подавляющее большинство этих рабочих угонялось в Германию против их воли, явствует из заявления Заукеля... третий абзац стр. 11 документа Р-124. Там говорится, что из 5 миллионов иностранных рабочих менее 200 тысяч прибыли добровольно...

Подсудимые Заукель, Шпеер и Кейтель также преуспевали в принуждении иностранных рабочих к участию в строительстве военных сооружений.

Таким образом, граждан Франции, Голландии и Бельгии принуждали против их воли участвовать в строительстве «Атлантического вала».

Документ ПС-556(2), США-194 представляет собой приказ Гитлера от 8 сентября 1942 г., и на нем имеются инициалы подсудимого Кейтеля.

Я зачитаю непосредственно из приказа:

«Обширное строительство укреплений на побережье, которые я приказал возвести в районе группы армий «Запад», вызывает необходимость мобилизации всех пригодных рабочих на оккупированных территориях для того, чтобы максимально использовать всю их производительную способность. Прежний уровень мобилизации внутренних ресурсов рабочей силы оказался недостаточным. С целью обеспечить большее количество рабочей силы я приказал ввести обязательную трудовую повинность, а также запретил менять место работы без разрешения властей, находящихся на оккупированной территории.

Получение карточек на продовольствие и одежду лицами, подлежащими рабочей мобилизации, должно в дальнейшем зависеть от наличия удостоверения о работе. Отказ от работы там, где это назначено, и самовольное оставление работы без разрешения соответствующих властей повлекут за собой лишение продовольственных карточек и карточек на одежду.

Заместитель генерального уполномоченного по вопросам использования рабочей силы, по согласованию с военным командованием, а также имперский уполномоченный издадут соответствующие декреты для проведения в жизнь вышеизложенного».

Подсудимый Заукель хвастался перед Гитлером относительно важной роли программы рабского труда при строительстве «Атлантического вала», которое производилось организацией Тодта, возглавляемой подсудимым Шпеером. Я ссылаюсь на документ ПС-407, США-210. Это письмо подсудимого Заукеля Гитлеру, датированное 17 мая 1943 г., я зачитаю второй и последний абзацы:

«В дополнение к рабочей силе, которая была передана всей германской экономике управлением по вопросам рабочей силы, после того как я принял на себя руководство, свежая рабочая сила постоянно поступала и в организацию

Тодта... Таким образом, управление по использованию рабочей силы сделало все для того, чтобы сделать возможным завершение «Атлантического вала»...»

Аналогичным образом русских гражданских лиц принуждали вступать в рабочие батальоны и заставляли строить укрепления, которые должны были быть использованы против их собственных соотечественников.

В документе ПС-031, США-171, являющемся меморандумом Розенберга, говорится:

«Мужчины и женщины в районах театров военных действий мобилизовывались и будут мобилизовываться в рабочие батальоны, которые должны быть использованы на строительстве укреплений».

В дополнение нацистские заговорщики принуждали военнопленных участвовать в военных операциях против их собственной страны и ее союзников. На совещании центрального комитета по планированию 19 февраля 1943 г., на котором присутствовали подсудимый Шпеер, подсудимый Заукель и фельдмаршал Мильх, имела место следующая беседа, запись о чем имеется в документе Р-124:

«Заукель: Если будут взяты военнопленные, то они там понадобятся.

Мильх: Мы запросили приказ о том, чтобы определенный процент лиц, занятых в зенитной артиллерии, состоял из русских. Всего будет использовано 50 тысяч человек. 30 тысяч человек уже используются в качестве орудийной прислуги. Забавно, что русские должны обслуживать орудия».

Я представляю документ ПС-3027, США-211 и документ ПС-3028, США-212. Это — официальные фотографии фотографов германской армии. Подписи гласят, что русские военнопленные используются в качестве подносчиков боеприпасов во время атаки на Щедово. Все это является вопиющим нарушением норм международного права, особенно статьи 6 правил, приложенных к четвертой Гаагской Конвенции 1907 года, которые гласят, что работа, поручаемая военнопленным, не должна иметь никакого отношения к военным действиям.

Использование военнопленных в военной промышленности Германии было столь же распространенным и обширным, как использование принудительного труда иностранных гражданских лиц.

Я представляю документ ПС-3005, США-213. Этот документ представляет собой секретное письмо имперского министра труда, адресованное председателем местных учреждений по распределению рабочей силы, в котором имеется ссылка на приказ подсудимого Геринга. Я оглашу первый абзац этого документа:

«По личному приказу рейхсмаршала 100 тысяч человек должны быть взяты из числа французских военнопленных, еще не используемых в промышленности по производству вооружения, и переданы в распоряжение промышленности по производству вооружения (строительство самолетов). Недостаток рабочей силы, который возникает в результате того, должен быть возмещен за счет советских военноплен-

ных. Перевод вышеупомянутых французских военнопленных должен быть закончен к октябрю».

Аналогичная попытка проводилась в отношении русских военнопленных. Подсудимый Кейтель возглавил проведение в жизнь приказа Гитлера об использовании военнопленных в германской военной промышленности. Я ссылаюсь на документ ЕС-194, США-214. Это секретный меморандум, составленный, согласно имеющейся на нем надписи, в ставке Гитлера 31 октября 1941 г. Я оглашаю абзацы 1 и 2:

«Недостаток рабочей силы становится все возрастающим опасным препятствием для будущего германской военной промышленности и промышленности по производству вооружения. Облегчение, которое ожидается в результате демобилизации из армии, неопределенно как в отношении размеров, так и в отношении даты. Однако возможные результаты демобилизации никоим образом не смогут удовлетворить всех наших ожиданий и требований ввиду больших запасов. Фюрер приказал, чтобы в качестве рабочей силы широко использовались русские военнопленные путем применения их в широких масштабах в военной промышленности. Необходимым условием для производства является достаточное питание.

Следует также предусмотреть выплату зарплаты в очень небольших размерах для приобретения некоторых предметов первой необходимости, а также, в зависимости от обстоятельств, дополнительные выплаты за особое старание».

Я процитирую абзац 2, пункты 2 и 3 того же документа:

«2. Строительство и производство вооружения:

а) Рабочие команды для строительства сооружений всякого рода, в особенности для возведения укреплений на побережье. Бетонщики, которые позволят освободить команды по разгрузке для важных военных заводов.

б) Подходящие заводы по производству вооружения, которые должны быть подобраны таким образом, чтобы их рабочие состояли в большинстве из военнопленных, находящихся под контролем и наблюдением, после того как будут отозваны оттуда и использованы на другой работе германские рабочие.

3. Другие отрасли военной промышленности:

а) шахты, как указано в 2 (б);

б) строительство железных дорог;

в) сельское и лесное хозяйство.

Указанные команды должны состоять только из военнопленных.

Использование русских военнопленных должно регулироваться на основании вышеуказанных примеров следующими организациями: в отношении пункта 1 — вооруженными силами, в отношении пункта 2 — имперским министром вооружения и боеприпасов и генеральным инспектором германских железных дорог по согласованию с имперским министром труда и верховным командованием германских вооруженных сил. Представители имперского министра вооружения и боеприпасов должны допускаться в

лагеря для военнопленных для того, чтобы содействовать отбору квалифицированной рабочей силы».

Подсудимый Геринг на совещании в министерстве авиации 7 ноября 1941 г. также обсуждал вопрос об использовании военнопленных в промышленности по производству вооружения.

Я ссылаюсь на документ ПС-1206, США-215. Этот документ представляет собой совершенно секретные заметки по поводу инструкций Геринга в отношении использования военнопленных и обращения с ними во многих отраслях германской военной промышленности.

«Точка зрения фюрера по вопросу использования военнопленных в военной промышленности изменилась коренным образом. До настоящего момента из общего количества в 5 миллионов военнопленных используются 2 миллиона...

В Германии и протекторате будет идеальным условием, если целые фабрики будут укомплектованы русскими военнопленными, за исключением служащих, необходимых для руководства. В первую очередь внутри Германии и в протекторате снабжению рабочей силой подлежат:

а) Приоритет имеет угледобывающая промышленность. По приказу фюрера надо произвести осмотр всех шахт для установления возможности обслуживания их русскими.

В некоторых случаях надо будет целиком укомплектовать такие предприятия русскими рабочими.

б) Транспорт (строительство локомотивов, вагонов и ремонтные мастерские).

Надо выявлять из числа военнопленных рабочих железнодорожных ремонтных мастерских и промышленных рабочих. Железнодорожный транспорт является наиболее важным видом транспорта на Востоке.

в) Производство вооружения. Предпочтение имеют предприятия по производству танков и пушек. Можно также использовать при изготовлении частей для самолетных моторов. Надо укомплектовать подходящие цеха на заводах по возможности исключительно русскими. В отношении остальных видов производства, указанных в таблице, — использовать русских в ограниченном количестве. Применять их следует на предприятиях по производству тракторов, генераторов и т. д., а также станкостроения. В случае крайней необходимости следует строить бараки для временных рабочих, которые используются при разгрузке деталей и т. д. (Имперский министр внутренних дел через местные власти).

Верховное главнокомандование вооруженных сил ответственно за перевозку русских военнопленных, используемых в военной промышленности, и действует через плановое управление по использованию всех военнопленных. В случае необходимости надо прибегать к помощи управлений имперских уполномоченных...

Исключить применение русских там, где можно легко создать условия опасности для людей и материальных ценностей; а именно: на фабриках, где имеют дело с взрывчатыми веществами, или использовать их на энергетических

установках, водопроводных сооружениях и т. д. Нельзя допускать никакого контакта с германским населением, особенно никакой «солидарности». Германский рабочий, как правило, является старшим над русскими.

Вопросами продовольствия должно заниматься управление четырехлетнего плана. Обеспечение специального продовольствия (кошки, лошади и т. д.). Одежда, жилищные условия и питание должны быть несколько лучшими, нежели дома, где часть населения живет в землянках.

Русских, как правило, следует снабжать деревянной обувью. Если необходимо, организовывать русские мастерские по ремонту обуви.

Медицинский осмотр для того, чтобы воспрепятствовать распространению заболеваний.

Восстановление шахт должно, как правило, производиться русскими; если возможно, отбирать для этой цели русских саперов».

Однако не только один подсудимый Геринг из числа этих подсудимых руководил и проводил в жизнь политику использования военнопленных в промышленности по производству вооружения. Подсудимый Шпеер также руководил использованием военнопленных в промышленности по производству вооружения. Я сейчас ссылаюсь на документ ПС-1435, США-216. Этот документ представляет собой речь, произнесенную подсудимым Шпеером перед нацистскими гаулейтерами 24 февраля 1942 г.:

«...Поэтому я предложил фюреру, чтобы к концу декабря вся моя рабочая сила, включая специалистов, была бы освобождена для массовой вербовки на Востоке. Соответственно оставшиеся военнопленные, примерно 10 тысяч человек, представлены мною в распоряжение промышленности по производству вооружения».

Он говорил также на 36-м совещании центрального комитета по планированию 22 апреля 1943 г. о том, что только 30 процентов русских военнопленных были заняты в промышленности по производству вооружения. Подсудимый Шпеер нашел, что этого недостаточно. Я сейчас зачитаю выдержку из документа Р-124 — протокола этого совещания. Подсудимый Шпеер заявил тогда следующее:

«Имеются подробные данные, показывающие, в каких отраслях используются русские военнопленные. Эти данные представляют большой интерес. Они показывают, что промышленность по производству вооружения получила только 30 процентов. Я всегда выражал недовольство этим...

90 тысяч русских военнопленных, которые используются во всей промышленности по производству вооружения, состоят в большинстве из квалифицированных рабочих».

Подсудимый Заукель, назначенный генеральным уполномоченным по вопросам рабочей силы, ясно заявил, что военнопленных необходимо использовать в германской промышленности по производству вооружений. Его программа мобилизации рабочей силы изложена в документе ПС-016, США-168:

«Все военнопленные как с территорий на Западе, так и с

территорий на Востоке, находящиеся сейчас в Германии, должны полностью использоваться в германской промышленности по производству вооружения и в производстве продуктов питания. Их производительность должна достигнуть максимально возможного уровня».

Сейчас я хотел бы перейти от темы использования иностранной рабочей силы в целом к специальной части нацистской программы, которая сочетает в себе жестокость и цели программы рабского труда, с одной стороны, и цели, которые преследовались с учреждением концентрационных лагерей. Нацисты помещали всех граждан союзных наций в концентрационные лагеря и заставляли их вместе с другими заключенными работать в таких условиях, которые должны были привести к их гибели. Это было то, что мы называем нацистской программой истребления посредством непосильного труда.

Весной 1942 года нацистские заговорщики обратились к концентрационным лагерям как дополнительному источнику рабочей силы для промышленности по производству вооружения. Я представляю в виде доказательства документ Р-129, США-217. Это письмо, адресованное Гиммлеру, рейхсфюреру СС, от 30 апреля 1942 г. одним из его подчиненных по фамилии Поль, который был обергруппенфюрером СС и генералом войск СС.

«Сегодня я докладываю относительно нынешнего положения с концентрационными лагерями и относительно мероприятий, которые я провел в соответствии с вашим приказом от 3 марта 1942 г.

1. Война вызвала заметную перемену в структуре концлагерей, а также изменила их назначение в отношении использования заключенных. Лишение свободы в интересах обеспечения безопасности ради воспитательных или предохранительных целей более не является основным соображением. На первое место все более выдвигается цель мобилизации всех заключенных, которые пригодны для работы сейчас в интересах войны, а затем в интересах предстоящего строительства в послевоенное время.

2. Для этого необходимы определенные мероприятия, имеющие целью превратить концентрационные лагеря в организации, которые будут более пригодны для использования их в интересах экономических, в то время как ранее они использовались только в чисто политических целях.

3. С этой целью я созвал всех руководителей бывшего управления концентрационных лагерей, всех комендантов лагерей, а также всех руководителей и надзирателей за рабочими 23 и 24 апреля 1942 г. Я лично объяснил им это новое положение вещей. Я обобщил в своем приказе, который прилагается при сем, основные цели, которые надо проводить в жизнь в самом срочном порядке, чтобы не задерживать производство вооружения».

Приложение к письму представляет собой часть документа Р-129:

«4. Комендант лагеря несет всю ответственность за использование лиц, пригодных для работы. Это использование должно быть в полном смысле этого слова выматываю-

щим с целью добиться наибольшей производительности труда. Задания устанавливаются только главой департамента «Д» в централизованном порядке. Комендантам лагерей запрещается соглашаться на выполнение по их собственной инициативе работы, предложенной третьими лицами, или вести переговоры об этом.

5. Рабочий день не ограничен. Продолжительность рабочего дня определяется видом предприятия и характером работы. Продолжительность рабочего дня устанавливается только комендантами лагерей.

6. Любые условия, которые могут привести к сокращению рабочего дня (как-то: еда, поверки и т. д.), должны быть сокращены до минимума. Запрещено совершать длительные переходы к месту работы, а также запрещено делать дневные перерывы для принятия пищи».

Программа производства вооружений была не просто планом мобилизации потенциала рабочей силы лагерей. Эта программа была фактически частью более обширной нацистской программы, суть которой — истребление людей.

Документ ПС-654, США-218, представляет собой соглашение рейхсфюрера СС Гиммлера и министра юстиции Тирака от 18 сентября 1942 г.

«...2. Передача антиобщественных элементов из тюрем для отбытия наказания рейхсфюреру СС с тем, чтобы они выматывались работой до смерти. Согласно решению имперского министра юстиции, ему передаются находящиеся в превентивном заключении лица, а также евреи, цыгане, русские, украинцы, поляки, приговоренные более чем к 3 годам заключения; чехи и немцы, приговоренные более чем к 8 годам, и в первую очередь — самые закоренелые антиобщественные элементы из указанных выше. Я сообщу об этом фюреру через рейхслейтера Бормана...

14. Решено, что в будущем, учитывая цели правительства в отношении решения восточных проблем, евреи, поляки, цыгане, русские и украинцы более не должны предаваться обычным судам, поскольку это касается подлежащих наказанию преступлений, а будут передаваться рейхсфюреру СС. Это не касается гражданских процессов и поляков, фамилии которых объявлены или занесены в германские расовые списки».

Теперь, в сентябре 1942 года, подсудимый Шпеер принял меры к тому, чтобы этот новый источник рабочей силы поступил в его ведение. Шпеер убедил Гитлера в том, что значительной производительности удастся добиться лишь в том случае, если узники концентрационных лагерей будут работать на предприятиях, находящихся под формальным контролем министерства Шпеера, а не под контролем администрации лагерей. Мы утверждаем, что фактически без участия подсудимого Шпеера было бы весьма трудно в сколько-нибудь крупных масштабах использовать узников концентрационных лагерей в военной промышленности, так как Шпеер отказывался предоставить Гиммлеру станки и другое необходимое оборудование. Соответственно, было принято соглашение о том, что узников концлагерей будут

использовать на предприятиях под контролем подсудимого Шпеера. С целью компенсировать Гиммлеру за то, что он передал Шпееру сферу своих полномочий, подсудимый Шпеер предложил — и Гитлер согласился — что Гиммлер будет получать определенную долю от производства оружия, установленную с учетом человеко-часов, вложенных в производство находящимися в его ведении узниками.

Запись совещания Шпеера с Гитлером 20, 21 и 22 сентября 1942 г. содержится в документе Р-24, США-79:

«Я указал фюреру, что если речь не идет о работе в незначительном объеме, то организовать производство вооружения в концентрационных лагерях нет возможности, потому что:

1) не имеется необходимых станков и 2) нет подходящих помещений.

Оба эти условия будут иметься в промышленности вооружения при использовании двух смен. Фюрер согласился с моим предложением о том, чтобы многочисленные предприятия, построенные вне пределов городов в целях ПВО, отпустили своих рабочих на работу во вторую смену на городских предприятиях, а вместо этого получили рабочую силу из концентрационных лагерей также в две смены.

Я указал фюреру на трудности, которые следует ожидать, если рейхсфюрер СС Гиммлер будет, как он просит, иметь решающее влияние на эти предприятия. Фюрер также считает, что в этом влиянии нет необходимости.

Фюрер, однако, согласен с тем, что рейхсфюрер СС Гиммлер должен получить преимущества от такого использования его заключенных — он должен получить снаряжение для своей дивизии.

Я предложил компенсировать натурой (военным снаряжением) в соответствии с количеством рабочих часов, отработанных его заключенными. Обсуждалась доля в 3 — 5 процентов, причем снаряжение также должно распределяться в соответствии с количеством рабочих часов.

Фюрер согласился с таким решением. Фюрер готов приказать дополнительно передать снаряжение и оружие СС по представлении ему списка».

После того как возник спрос на рабочую силу из концентрационных лагерей и после того как подсудимый Шпеер создал механизм для использования этой силы в промышленности вооружения, были приняты меры к увеличению количества жертв, подлежащих уничтожению путем непосильного труда. Постоянное снабжение заключенными было обеспечено вышеупомянутым соглашением между Гиммлером и министром юстиции, которое проводилось в жизнь при помощи различных планов, как, например, следующего. Я цитирую параграф 3 письма подсудимого Заукеля от 26 ноября 1942 г. Это — документ Л-61, США-177. Как Трибунал помнит, это письмо было направлено земельным начальникам бюро по использованию рабочей силы. Цитирую:

«Поляки, которые подлежат эвакуации, в результате этого мероприятия будут направлены в концлагеря и ис-

пользованы на работе, как преступные или антиобщественные элементы».

Помимо этих общих мер, были проведены специальные кампании против лиц, которые иначе не были бы посланы в концентрационные лагеря.

Документ ПС-1063(D), США-219, представляет собой приказ Гиммлера от 17 декабря 1942 г. В нем говорится:

«...В силу военной необходимости, не подлежащей здесь разъяснению, рейхсфюрер СС и начальник германской полиции приказал 14 декабря 1942 г., чтобы до конца января 1943 года не менее 35 тысяч заключенных, способных к работе, были посланы в концентрационные лагеря.

Для того, чтобы обеспечить это количество, требуются следующие меры:

1. С настоящего момента и впредь до 1 февраля 1943 г. все восточные рабочие или такие иностранные рабочие, которые сбежали или которые порвали контракты и которые не принадлежат к союзным, дружественным или нейтральным государствам, должны скорейшим способом быть переведены в ближайшие концентрационные лагеря.

2. Коменданты и командиры полиции безопасности и службы безопасности и начальники государственной полиции немедленно должны тщательно и строго проверить: а) тюрьмы, б) трудовые исправительные лагеря.

Все трудоспособные заключенные, если для этого имеются какие-либо возможности, будут немедленно переведены в ближайшие концентрационные лагеря в соответствии со следующей инструкцией. Это касается и тех, в отношении которых в скором времени должно начаться судебное разбирательство. В тюрьмах можно оставлять только таких заключенных, которые в интересах следствия должны оставаться в строгом одиночном заключении. Нам нужен каждый рабочий...»

Были также приняты меры для обеспечения того, чтобы истребление посредством непосильного труда производилось с максимальной эффективностью. Вблизи от важных военных предприятий были созданы вспомогательные концентрационные лагеря. Подсудимый Шпеер признал, что он лично объездил Верхнюю Австрию и выбрал места для концентрационных лагерей близ различных предприятий вооружения в этом районе.

Оглашаю выдержки из протокола допроса под присягой подсудимого Шпеера, документ США-220:

«...Хорошо известно, что мы хотели использовать рабочих из концентрационных лагерей на предприятиях и создать небольшие концлагеря близ предприятий для того, чтобы использовать рабочую силу, которая там имелась. Но это связано не только с этой поездкой» (то есть поездкой подсудимого Шпеера в Австрию).

Подсудимый Геринг одобрил использование рабочей силы из концлагерей и потребовал, чтобы оно было увеличено. Это видно из телеграммы Геринга Гиммлеру от 14 февраля 1944 г. Документ ПС-1584, США-221. Цитирую, начиная со второй фразы:

«В то же время я прошу вас предоставить в мое распо-

ряжение для использования в авиационной промышленности максимальное количество заключенных концентрационных лагерей, так как опыт показал, что эта рабочая сила оказалась очень полезной. Условия воздушной войны делают необходимым перевод промышленности под землю. При такой работе заключенные концентрационных лагерей могут быть особенно успешно сконцентрированы как на работе, так и в лагерях».

Впоследствии подсудимый Шпеер взял на себя ответственность за выполнение этой программы; Гитлер обещал Шпееру, что если нельзя будет получить необходимую рабочую силу для выполнения плана, то части СС привезут 100 тысяч евреев из Венгрии. Подсудимый Шпеер записал свои беседы с Гитлером 6 и 7 апреля 1944 г. Документ Р-124, США-179:

«...Предложил фюреру, чтобы ввиду недостатка строителей и оборудования следующее большое строительство было осуществлено не на немецкой территории, а вблизи границ, на подходящей почве: на французской, бельгийской или голландской территории. Фюрер согласился с этими предложениями при условии, что строительство будет произведено за укреплениями.

Французская территория особо приемлема, так как там легче будет найти рабочих. Однако фюрер предлагает попытаться соорудить второй завод в более безопасном районе, а именно — в протекторате. Если и там окажется невозможным получить необходимых рабочих, то фюрер сам свяжется с рейхсфюрером СС и даст приказ привезти евреев из Венгрии, чтобы обеспечить доставку 100 тысяч рабочих. Подчеркивая, что в промышленном объединении в Силезии организация по строительству провалилась, фюрер требует, чтобы эти заводы были построены исключительно организацией Тодта и чтобы рабочие были предоставлены рейхсфюрером СС. Он намеревается вскоре провести совещание для того, чтобы обсудить детали со всеми заинтересованными лицами».

Безгранично зверское, бесчеловечное и издевательское обращение с гражданами союзных стран и другими жертвами концентрационных лагерей, которых заставляли работать, пока они от этого не умирали. Документ Л-159, США-222 — официальный отчет комитета американского конгресса, который осматривал освобожденные лагеря по просьбе генерала Эйзенхауэра.

Я хотел бы процитировать последний абзац на странице 14 и первые два абзаца на странице 15 английского текста:

«Обращение с этими заключенными в концентрационных лагерях обычно заключалось в следующем: они содержались в деревянных бараках, которые в нормальных условиях должны были бы вмещать в 10 раз меньше людей. Они были вынуждены спать на деревянных нарах в 3 или 4 этажа, грязное тряпье служило и постелью и одеялом.

Их пища обычно состояла из полфунта черного хлеба в день и водянистого супа в полдень и вечером, а иногда они и этого не получали. Ввиду скученности и недостатка питания увеличивались вшивость и грязь, распространялись бо-

лезни; те из заключенных, которые быстро не умирали от истязаний и болезней, мучительно и медленно умирали от голода.

Несмотря на преднамеренную программу умерщвления заключенных голодом, мы не нашли никаких признаков того, что германский народ в целом страдал от недостатка пищи или одежды. Этот контраст был столь разительным, что мы могли прийти только к одному выводу — доведение до голодной смерти было преднамеренным.

При заключении в эти лагеря вновь прибывшие были вынуждены работать на близлежащем военном предприятии или бригадами выполнять другие работы поблизости, причем каждую ночь они возвращались в бараки. Обычно один из немецких преступников получал контроль над каждым из корпусов или бараков, где спали заключенные. Он время от времени набирал самых активных или сообразительных из заключенных или тех, которые проявляли способность вести за собой других. Эти заключенные должны были следовать в караульное помещение, откуда уже не возвращались. Заключенные предполагают, что этих людей расстреливали или отравляли газом, а их тела затем сжигали. Отказ от работы или нарушение правил обычно приводили к избиению или другим пыткам, как, например, вырыванию ногтей, и это обычно оканчивалось смертью жертвы после тяжелых страданий».

Описанная политика является преднамеренной программой пыток и истребления со стороны тех, кто входил в германское правительство.

Теперь перехожу к описанию лагеря Дора в Нордхаузене.

«В общем и целом мы нашли, что этот лагерь управлялся приблизительно так же, как и Бухенвальд. Когда производительность труда рабочих уменьшалась в результате их бытовых условий, их рацион в качестве наказания также понижался. Это был заколдованный круг: тот, кто был слаб, становился еще слабее и в конце концов погибал».

Таков был круговорот труда, пыток, голода и смерти для рабочих концентрационных лагерей, рабочих, которых подсудимый Геринг назвал очень полезными, требуя, чтобы большее количество их было предоставлено в его распоряжение, рабочих, которых подсудимый Шпеер «очень хотел» использовать на предприятиях, находящихся под его контролем. О политике, методах ее проведения и ответственности за нее заговорщиков уже много говорилось. В данный момент мы хотим указать на особую ответственность подсудимого Заукеля...

Генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы он был назначен декретом от 21 марта 1942 г., который был подписан Гитлером, Ламмерсом и подсудимым Кейтелем. Согласно этому декрету, Заукель был подчинен только Гитлеру и Герингу, который руководил четырехлетним планом, по всем вопросам, касающимся набора, распределения и использования внутренней и иностранной рабочей силы.

Подсудимый Геринг, которому Заукель был непосредст-

венно подчинен, упразднил отделы своего управления по четырехлетнему плану, занимавшиеся набором и распределением рабочей силы, передав эти вопросы в ведение подсудимого Заукеля, и дал ему большие полномочия как заместителю по проведению четырехлетнего плана.

«Во исполнение декрета фюрера от 21 марта 1942 г. приказываю следующее:

1. Все мои отделы по использованию рабочей силы настоящим упраздняются (циркуляр от 22 октября 1936 г.). Их функции (набор и распределение рабочей силы, регулирование условий труда) передаются генеральному уполномоченному по использованию рабочей силы, который подчинен непосредственно мне.

2. Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы будет нести ответственность за установление условий труда (уровень зарплаты) рабочих, занятых на территории Германии, с учетом необходимости использования рабочей силы.

3. Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы будет работать в рамках четырехлетнего плана. В случае, если понадобится введение новых законов или изменение существующих, он будет представлять мне соответствующие предложения.

4. Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы может для выполнения своих задач пользоваться правом, данным мне фюрером, давать указания высшим имперским органам власти, их отделам, партийным органам, их подразделениям и подчиненным им организациям, а также протектору Чехии и Моравии, генерал-губернатору Польши, командующим воинскими соединениями и главам гражданских органов администрации. О декретах и сугубо важных инструкциях мне должно докладываться заблаговременно».

Документ ПС-1903 — это декрет Гитлера от 30 сентября 1942 г., дающий подсудимому Заукелю чрезвычайную власть над гражданскими и военными властями на оккупированных Германией территориях:

«Настоящим уполномочиваю генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, рейхсштаттгальтера и гаулейтера Заукеля принимать все необходимые меры по его усмотрению для проведения в жизнь моего декрета от 21 марта 1942 г. относительно генерального уполномоченного по использованию рабочей силы (напечатанного в «Рейхсгезетцблатт» № 1, стр. 179) на территории германской империи, протектората и генерал-губернаторства, а также на оккупированных территориях, — меры, которые при всех обстоятельствах обеспечат правильное распределение рабочей силы для германской военной экономики. С этой целью он может назначать уполномоченных в военные и гражданские органы администрации. Они подчиняются непосредственно генеральному уполномоченному по использованию рабочей силы. Для выполнения своих задач они имеют право издавать директивы компетентным военным и гражданским властям, занимающимся распределением рабочей силы и установле-

нием зарплаты. Более подробные директивы будут изданы генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы.

Ставка фюрера, 30 сентября 1942 г., Адольф Гитлер».

Через месяц после своего назначения подсудимый Заукель направил подсудимому Розенбергу свою «Программу мобилизации рабочей силы» (документ ПС-016, США-168). Она предусматривает принудительный набор и максимальное использование всех ресурсов рабочей силы в захваченных районах и военнопленных в интересах нацистской военной машины с минимальными затратами со стороны германского государства. Подсудимый Заукель заявил в этом документе:

«Огромные резервы такой рабочей силы имеются на оккупированных территориях Востока. Поэтому требуется обязательно и полностью использовать существующие людские резервы в захваченных советских районах. Если не удастся получить потребную рабочую силу на добровольной основе, надо немедленно приступить к ее изъятию или принудительной депортации. Таким образом, наряду с военнопленными, которые находятся на оккупированных территориях, нужно мобилизовать прежде всего гражданских лиц и квалифицированных рабочих и работниц в советских районах, начиная с пятнадцатилетнего возраста, для использования на работе в Германии...

Полное использование всех военнопленных, а также использование огромного количества новых иностранных гражданских рабочих — мужчин и женщин — стало настоятельной необходимостью для решения программы мобилизации рабочей силы в этой войне».

Подсудимый Заукель начал проводить этот план путем некоторых основных директив. Он предусмотрел, что если добровольный набор иностранных рабочих будет безуспешным, то надо будет установить трудовую повинность.

Документ ПС-3044 — это указание Заукеля № 4 от 7 мая 1942 г.:

«Набор иностранных рабочих будет проведен в принципе на основе добровольности. Однако когда на оккупированных территориях приток добровольцев будет недостаточным, то при всех обстоятельствах следует применять трудовую повинность и мобилизацию. Этого требует наше положение».

Заукель также предусмотрел распределение иностранной рабочей силы в порядке значимости для нацистской военной машины. Документ ПС-3044(А) — это указание Заукеля № 10, которое гласит (третий абзац):

«Источники рабочей силы, которые имеются на оккупированных территориях, должны быть использованы внутри Германии главным образом для удовлетворения требований, имеющих значение для ведения войны.

При распределении этой рабочей силы на оккупированных территориях следует соблюдать следующий порядок очередности:

а) рабочая сила, требуемая для войск, для оккупационных и гражданских властей;

б) рабочая сила, требуемая для германской промышленности вооружения;

в) рабочая сила, требуемая для продовольствия и сельского хозяйства;

г) рабочая сила, требуемая для промышленности, помимо промышленности вооружения;

д) рабочая сила, требуемая для производства в интересах соответствующей территории».

Заукель и подчиненные ему учреждения осуществляли всю полноту власти в отношении набора рабочих со всех районов Европы, оккупированных и контролируемых Германией или находящихся в дружественных с ней отношениях. Цитирую документ ПС-3044, США-206:

«Набор иностранной рабочей силы в районах, оккупированных Германией, в союзных, дружественных или нейтральных государствах будет проводиться исключительно моими уполномоченными или компетентными германскими военными или гражданскими властями по мобилизации рабочей силы...

Мои уполномоченные несут полную ответственность за набор в союзных, дружественных или нейтральных иностранных государствах».

Помимо этого следующие подсудимые, которым Заукель сообщил о требуемом им количестве иностранных рабочих, сотрудничали с Заукелем и его агентами при проведении набора. Подсудимый Кейтель, шеф верховного командования, сотрудничал с Заукелем.

Документ ПС-3012, США-190 — это запись беседы по телефону начальника экономического штаба германской армии от 11 марта 1943 г.:

«Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы гаулейтер Заукель сообщает мне в срочной телеграмме, что в связи с выделением рабочих для германского сельского хозяйства, а также в связи с весьма срочными программами вооружения, проводимыми по приказу фюрера, возникает неотложная необходимость в течение ближайших 4 месяцев получить с недавно оккупированных восточных территорий в самом безотлагательном порядке примерно 1 миллион мужчин и женщин. Для этой цели по требованию гаулейтера Заукеля начиная с 15 марта ежедневно нужно отправлять с оккупированных восточных территорий по 5000 рабочих, а с 1 апреля — по 10 000 рабочих, мужчин и женщин.

Учитывая огромные потери рабочих, которые понесла германская военная промышленность в силу событий последних месяцев, необходимо, чтобы набор рабочих повсюду вновь проводился с максимальной энергией. При нынешнем положении дел совершенно нетерпима тенденция, которая имеется на этой территории, — ограничить или полностью прекратить набор рабочей силы для Германии. Эта тенденция абсолютно нетерпима в свете развития событий.

Гаулейтер Заукель, которому стало известно об этом, немедленно обратился к фельдмаршалу Кейтелю 10 марта 1943 г. и в телеграмме подчеркнул, что в данном случае,

как это происходило на всех оккупированных территориях, когда другие методы оказываются безуспешными, следует, согласно приказу фюрера, применять некоторый нажим».

Я ссылаюсь на допрос подсудимого Заукеля от 5 октября 1945 г., документ США-226:

«Вопрос: Для того, чтобы осуществить выполнение установленных квот набора, было ли необходимо установить связь с верховным командованием?

Ответ: Я помню, что фюрер дал указание фельдмаршалу Кейтелю о том, что моя задача была чрезвычайно важной, и я сам часто беседовал с Кейтелем после таких встреч с фюрером, когда я просил его поддержки.

Вопрос: Его задачей было наблюдать за тем, чтобы военные командиры в оккупированных странах правильно выполняли свои задачи?

Ответ: Да, фюрер сказал мне, что он сообщит шефу верховного командования и начальнику имперской канцелярии об этих заданиях. То же самое относится и к министру иностранных дел».

Подсудимый Альфред Розенберг, имперский министр по оккупированным восточным территориям, также сотрудничал с Заукелем. Я ссылаюсь на протокол допроса под присягой подсудимого Розенберга после полудня 6 октября 1945 г., документ США-187:

«Вопрос: Правда ли, что Заукель установил количество рабочих, которое должны были поставить различные районы, находящиеся в Вашей компетенции?

Ответ: Да.

Вопрос: А после этого Ваши уполномоченные добывали эту рабочую силу для того, чтобы выполнить эти нормы?

Ответ: Обычно Заукель имел очень далеко идущие желания, которые нельзя было выполнить без тщательного изучения вопроса.

Вопрос: Неважно, были бы желания Заукеля далеко идущими или нет. Это никакого отношения к делу не имеет. Вам сообщали нормы по районам, находящимся в Вашей компетенции, и Вы должны были выполнить эти нормы?

Ответ: Да, административные чиновники получали эти установленные нормы и распределяли их по районам в соответствии с количеством и возрастом людей для того, чтобы разумным образом выполнить их.

Вопрос: Эти административные чиновники работали в Вашей организации?

Ответ: Они были чиновниками имперского комиссара по делам Украины, но их назначало министерство по делам оккупированных восточных территорий.

Вопрос: Вы понимали, что нормы, установленные Заукелем, не могли быть выполнены на добровольных началах, и Вы не были против принудительного набора?

Ответ: Я сожалел, что требования Заукеля были столь неотложны, что они не могли быть удовлетворены на добровольных началах. Поэтому я подчинился необходимости принудительного набора.

Вопрос: Письма Заукеля и Ваши, которые мы уже видели, не указывают на какое-либо несогласие с Вашей сторо-

ны с принципом принудительного набора рабочей силы. Насколько я помню, Вы возражали против обращения, которому затем подвергались эти рабочие, а не против их принудительного набора — не так ли?»

Председатель: *Г-н Додд, думаю, что для справедливости нужно зачитать также следующие два ответа подсудимого Розенберга после того, как он сказал, что подчинился необходимости принудительного набора.*

Додд: *Хорошо, я зачитаю.*

«Вопрос: Вы когда-нибудь предлагали Заукелю вообще отказаться от принудительного набора рабочей силы, когда набор на добровольных началах не давал должных результатов?

Ответ: Я не мог этого сделать, потому что нормы, которые были установлены самим фюрером, были совершенно обязательны, и я не мог ничего сделать».

Обращаюсь снова к вопросу, который я уже зачитал. Ответ следующий: «Это правильно. Я главным образом искал возможности установления наименее жесткого подхода к решению этих вопросов, но никогда я не противился самим приказам, которые он выполнял для фюрера».

Мы уже представляли документы ПС-017 и ПС-019 и зачитывали выдержки из них. Напоминаю Трибуналу, что это были письма, адресованные подсудимым Заукелем подсудимому Розенбергу, в которых он просил у подсудимого Розенберга помощи в наборе дополнительных иностранных рабочих. Я ссылаюсь на эти письма в порядке напоминания, в связи с участием подсудимого Заукеля в программе использования рабского труда, а также в связи с помощью, оказанной ему подсудимым Розенбергом.

Известно также, что подсудимый Заукель также получал помощь от подсудимого Зейсс-Инкварта, который был в то время рейхскомиссаром оккупированных Нидерландов.

Я вновь ссылаюсь на стенограмму допроса подсудимого Заукеля:

«Вопрос: Я хочу обратить теперь Ваше внимание на Голландию. Насколько я понимаю, количество рабочих, которое должно быть вывезено из Голландии, согласовывалось, а затем эти нормы сообщались Зейсс-Инкварту для выполнения. Это правильно?

Ответ: Да, это правильно.

Вопрос: После сообщения Зейсс-Инкварту норм он должен был выполнять их с помощью Ваших представителей, не правда ли?

Ответ: Да. Это — единственно, что я мог сделать.

То же самое относится и к другим странам».

Подсудимый Ганс Франк, который был генерал-губернатором Польши, также участвовал в выполнении заданий подсудимого Заукеля по набору рабочей силы.

«Вопрос: Применялся ли такой же порядок при распределении норм в Польском генерал-губернаторстве?

Ответ: Да. Я снова должен заявить, что единственная возможность выполнения этих заданий для меня была в том, чтобы связаться с высшими германскими военными властями в соответствующих странах, передать им эти рас-

поряжения фюрера и просить, как я всегда это делал, их выполнить.

Вопрос: В Польше такие переговоры, конечно, велись с генерал-губернатором Франком?

Ответ: Я два или три раза провел утро и вечер в Кракове и лично разговаривал с генерал-губернатором Франком. Здесь же, естественно, присутствовал секретарь доктор Геббельс».

СС также оказывала свою помощь, как и во всех вопросах, связанных с применением насилия.

Документ ПС-1292, США-225, является отчетом начальника рейхсканцелярии Ламмерса о совещании у Гитлера, на котором, среди других, присутствовали подсудимые Заукель, Шпеер и рейхсфюрер СС Гиммлер.

«Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы Заукель заявил, что он попытается с фанатичной решимостью получить этих рабочих. В прошлом он всегда выполнял свои обещания относительно количества рабочих, которые должны быть предоставлены. Однако при всем желании он не может дать определенного обещания в отношении 1944 года. Он будет делать все, что может, чтобы предоставить требуемое количество рабочей силы в 1944 году. Удастся это или нет, зависит от того, что сумеют сделать немецкие агенты по набору. Его планы не могут быть выполнены при помощи местных агентов по набору рабочей силы...»

Заукель участвовал в разработке потребности в рабочей силе и распределял квоты, которые должны были выполняться, твердо зная, что сила и жестокость — единственные средства для выполнения этих требований.

Я вновь обращаюсь к этому документу.

«Сегодня у фюрера состоялось совещание, на котором присутствовали генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы гаулейтер Заукель, министр вооружения и военного производства Шпеер, руководитель вооруженных сил генерал-фельдмаршал Кейтель, генерал-фельдмаршал Мильх, исполняющий обязанности министра продовольствия и сельского хозяйства Бакке, министр внутренних дел рейхсфюрер СС Гиммлер и я».

Затем в скобках сказано:

«Министр иностранных дел и министр экономики неоднократно просили, чтобы их допустили на совещание, но фюрер не хотел, чтобы они присутствовали».

Продолжаю цитату:

«Фюрер заявил во вступительном слове:

Я хочу иметь ясную картину: 1) сколько рабочих необходимо для поддержания германской военной экономики..., б) для увеличения объема производства; 2) сколько рабочих можно получить из оккупированных стран и сколько еще может быть получено из Германии путем применения надлежащих мер. Это — вопрос компенсации потерь рабочей силы, вызванных смертью, болезнями и постоянными перемещениями рабочих и т. д., а также вопрос о предоставлении дополнительного количества рабочих...

Заукель заявил, что для того чтобы сохранить нынешнее

количество рабочих, необходимо будет набрать, по крайней мере, 2,5, а возможно, и 3 миллиона новых рабочих в 1944 году. Иначе производство снизится. Министр Шпеер заявил, что ему требуется дополнительно 1300 тысяч рабочих. Однако это будет зависеть от того, возможно ли будет увеличить производство железной руды. Если это окажется невозможным, то ему не нужно будет дополнительных рабочих. Предоставление дополнительных рабочих за счет оккупированных территорий будет, однако, ограничено и должно быть подчинено тому условию, чтобы этих рабочих не брали с предприятий военной промышленности и вспомогательных предприятий, уже имеющихся в оккупированных странах, потому что это привело бы к снижению производства, а с этим он не может согласиться. Те, например, рабочие, которые уже работают во Франции на предприятиях упомянутого типа, не должны посылаться на работу в Германию.

Фюрер согласился с мнением министра Шпеера и подчеркнул, что меры, предпринимаемые генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы, не должны создавать обстоятельств, которые привели бы к снятию рабочих с оборонного производства на оккупированных территориях, т. к. это привело бы к нарушению ритма производства в оккупированных странах.

Фюрер, кроме того, указал, что не менее 250 тысяч рабочих будет требоваться для гражданской ПВО. Только для одной Вены немедленно необходимо от 2 до 2,5 тысяч человек. Уполномоченный по использованию рабочей силы должен добавить, по крайней мере, 4 миллиона новых рабочих, учитывая, что требуется 2,5 миллиона для поддержания нынешнего уровня производства, что министр Шпеер нуждается в 1300 тысячах дополнительных рабочих и, кроме того, нужно 250 тысяч для противовоздушной обороны...»

Цитирую далее со стр. 5, абзац 1 немецкого текста:

«Рейхсфюрер СС объяснил, что находящихся в его распоряжении агентов крайне мало, но он попытается оказать содействие программе Заукеля, увеличив число агентов и заставив их работать интенсивнее. Рейхсфюрер СС немедленно предоставит от 2000 до 2500 человек из концентрационных лагерей для подготовки к воздушным налетам на Вену».

Перехожу к следующему абзацу этого документа и продолжаю цитировать с абзаца, озаглавленного «Результаты совещания»:

«Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы должен получить с оккупированных территорий как минимум 4 миллиона новых рабочих».

Из документа ПС-3012, США-190, видно, что, когда Заукель просил помощи у армии в наборе миллиона человек — мужчин и женщин — за счет оккупированных восточных территорий, он сообщил подсудимому Кейтелю о необходимости принять быстрые меры, а также необходимости, как и во всех других оккупированных странах, применять силу, если другие меры не приведут к успеху.

Вновь обращаю внимание на то, что, как это явствует из документов ПС-018, уже представлявшегося и цитировавшегося, подсудимый Розенберг сообщил подсудимому Заукелю, что порабощение иностранных рабочих осуществляется путем насилия и жестоких мер. Несмотря на то, что ему было известно об этих условиях, подсудимый Заукель продолжал требовать предоставления все возрастающей численности рабочих из районов, в которых применялись самые безжалостные методы набора.

В самом деле, когда германские командиры на восточном фронте пытались сопротивляться или ограничить требования подсудимого Заукеля, потому что этот насильственный набор увеличивал количество партизан и осложнял задачи армии, Заукель послал телеграмму Гитлеру, в которой он просил его вмешаться. Ссылаюсь на документ ПС-407-11, США-226. Это телеграмма, как я уже сказал, Заукеля Гитлеру от 10 марта 1943 г. Это довольно пространный документ:

«Поэтому, мой фюрер, прошу вас отменить все приказы, которые мешают использованию иностранных рабочих, и сообщить мне, правильно ли я понимаю изложенные здесь задачи...

Если трудовую повинность и принудительную мобилизацию рабочих на Востоке более не будет возможности проводить, тогда германская военная промышленность и сельское хозяйство не смогут полностью выполнить свои задачи...

Сам я считаю, что наши руководители армии не должны ни при каких обстоятельствах верить проводимой партизанами пропагандистской кампании о зверствах. Сами генералы заинтересованы в том, чтобы армии была оказана своевременная поддержка. Я хочу указать, что сотни тысяч рабочих, которые сейчас идут в армию, никак не могут быть заменены немецкими женщинами, которые не привыкли к работе, даже если они делают все, что могут. Поэтому я должен использовать людей, вывезенных с восточных территорий...

Я докладываю вам, что с рабочими из всех иностранных государств обращаются гуманно и правильно, что им предоставляется хорошее питание, помещение и даже одежда. На основании своего личного опыта я могу даже заявить, что никогда ранее в истории иностранные рабочие не встречали такого хорошего обращения, как сейчас в Германии, во время этой самой трудной из всех войн».

Помимо того, что он нес ответственность за осуществляемый силой набор иностранных граждан в качестве рабочих, подсудимый Заукель нес ответственность за условия, в которых этих иностранных рабочих везли в Германию, и за то обращение, которому они подвергались в пределах Германии.

Мы уже говорили о варварских условиях, при которых эти люди вывозились в Германию, и мы довольно распространенно говорили о жестоких, унизительных условиях, в которых эти рабочие работали и жили в Германии, о чем Заукель знал.

Вчера мы подробно говорили о жестоких, унижающих и бесчеловечных условиях, в которых эти рабочие жили и работали в Германии. Мы вновь просим Трибунал обратить внимание на документ ПС-3044, который уже был представлен под номером США-206. Это распоряжение № 4 от 7 мая 1942 года, изданное Заукелем в качестве генерального уполномоченного по мобилизации рабочей силы, оно касалось набора иностранных рабочих обоего пола, обращения с ними, предоставления им жилья, питания и ухода. В этом распоряжении подсудимого Заукеля содержалось четкое указание на то, что комплектование и эксплуатация железнодорожных транспоров и обеспечение питанием в пути являлось задачей его агентов до того момента, пока транспорты не прибывали в Германию. Тем же распоряжением подсудимый Заукель отдавал указание о том, что в пределах Германии попечение иностранных рабочих должно осуществляться германским трудовым фронтом, а попечение иностранных сельскохозяйственных рабочих — имперской администрацией по продовольствию. По формулировке этого распоряжения Заукель сохранял за собой окончательную ответственность за все аспекты обращения с иностранными рабочими, предоставления им жилья, питания и ухода, как во время их транспортировки в Германию, так и в пределах Германии...

Мы уже представляли Трибуналу доказательства того, что подсудимый Заукель нес ответственность за то, что принуждал граждан оккупированных стран, против их воли, производить оружие и боеприпасы и строить военные укрепления, которые использовались в военных операциях против их собственной страны и ее союзников. Кроме того, он нес ответственность за то, что принуждал военнопленных производить оружие и боеприпасы, которые использовались против их стран и союзников их стран, активно оказывающих сопротивление Германии.

В декрете, которым Заукель назначался генеральным уполномоченным по вопросам рабочей силы, указывалось на то, что одна из четко сформулированных задач, которые ставились перед Заукелем, заключалась в том, чтобы интегрировать военнопленных в германскую военную промышленность.

В ряде рапортов Гитлеру Заукель описывает, какого успеха он добился в выполнении этой программы. В одном рапорте он указывает, что в течение одного года в германской экономике было использовано 1 622 829 военнопленных. Это подтверждается письмом подсудимого Заукеля Гитлеру от 14 апреля 1943 г., документ ПС-407, США-228:

«Мой фюрер, после года работы в качестве уполномоченного по использованию рабочей силы, имею честь доложить Вам, что 3 638 056 новых иностранных рабочих включены в германскую военную экономику в период с 1 апреля прошлого года по 31 марта настоящего года...»

И далее, где говорится о военнопленных: «Помимо иностранных гражданских рабочих, дополнительно — 1 622 829 военнопленных используются в германской экономике».

В более позднем отчете указывается, что, помимо этого, 846 511 иностранных рабочих и военнопленных были дополнительно включены в германскую военную промышленность. Имеется еще одно письмо подсудимого Заукеля, документ ПС-407(9), США-229. Цитирую:

«Мой фюрер, прошу разрешения доложить вам о положении по использованию рабочей силы в течение первых пяти месяцев 1943 года. Впервые следующее количество новых иностранных рабочих и военнопленных было использовано в германской военной промышленности: 846 511».

Это использование военнопленных в производстве вооружения, проводившееся подсудимым Заукелем, подтверждается подсудимым Шпеером, который заявил, что 40 процентов всех военнопленных было использовано в производстве вооружения и боеприпасов и во вспомогательных отраслях промышленности.

Я хочу коротко коснуться текста протокола допроса подсудимого Шпеера от 18 октября 1945 г., документ США-220.

«Вопрос: Когда Вы хотели использовать труд военнопленных, Вы требовали военнопленных отдельно или Вы подавали заявку на общее количество рабочих?

Ответ: Только Шмельтер на это может ответить точно. Использование военнопленных обычно производилось через бюро труда лагерей. Я несколько раз пытался увеличить общее количество военнопленных, которые были использованы на производстве, за счет других требований.

Вопрос: Не можете ли объяснить это более подробно?

Ответ: На последней фазе производства, то есть в 1944 году, когда все рухнуло, 40 процентов всех военнопленных было использовано на производстве. Я хотел увеличить этот процент.

Вопрос: Когда Вы говорите — «использовано на производстве» — Вы хотите сказать, в вспомогательных отраслях промышленности, о которых Вы говорили, а также в производстве вооружения и боеприпасов. Это правильно?

Ответ: Да. Такова была задача, поставленная передо мной...

Биддл: Что такое «вспомогательные отрасли промышленности»? Являются ли они частью военной промышленности?

Додд: Насколько мы понимаем, это — отрасли военной промышленности. Подсудимые часто говорили об этом, как о составной части своих планов.

Я хочу вновь привлечь внимание трибунала к протоколу 36-го совещания центрального комитета по планированию от 22 апреля 1943 г., документ Р-124, где указано, что подсудимый Шпеер заявил:

«90 тысяч русских военнопленных, использованных в промышленности вооружения, в основном, являются квалифицированными рабочими».

Шпеер был министром вооружения и главой организации Тодта. Оба эти поста он занял 15 февраля 1942 г. Позже, установив контроль над управлениями по вооружению армии, флота, военно-воздушных сил и над производствен-

ными отделами министерства экономики, подсудимый Шпеер был ответствен за все военное производство Германии, а также за сооружение укреплений и строительные работы для германской армии. Доказательства того, что подсудимый Шпеер занимал эти посты, имеются в документе ПС-2980, США-18.

Отрасли промышленности, находившиеся под контролем подсудимого Шпеера, были основными потребителями рабочей силы в Германии. Таким образом, по словам Заукеля, требования Шпеера о предоставлении рабочей силы имели безусловную первоочередность по отношению к другим требованиям о рабочей силе. В доказательство этого представляю протокол допроса подсудимого Заукеля от 22 сентября 1945 г. под номером США-230:

«Вопрос: Кроме Шпеера, в других сферах экономики требования о предоставлении рабочей силы учитывались в целом, а не по отраслям промышленности как для Шпеера? Не так ли?

Ответ: Остальным я давал только то, что оставалось. Однажды Шпеер сказал мне в присутствии фюрера, что я должен работать на него, что я, в основном, являюсь его подчиненным».

Подсудимый Шпеер признал под присягой, что участвовал в совещаниях, на которых были приняты решения об использовании иностранной рабочей силы. Он заявил также, что согласился с этим решением, составлявшим основу плана принудительного ввоза в Германию иностранных рабочих. Я ссылаюсь на протокол допроса подсудимого Шпеера от 18 октября 1945 г. под номером США-220.

«Вопрос: Вы участвовали в обсуждениях относительно принудительного использования иностранной рабочей силы в 1942 году, когда принимались решения по этому вопросу. Не правда ли?

Ответ: Да.

Вопрос: Таким образом, выполнение программы принудительного набора иностранных рабочих и отправки их в Германию, по указанию Заукеля, было основано на более ранних решениях, принятых с Вашего согласия?

Ответ: Да. Но я должен указать, что лишь небольшая часть рабочей силы, которую Заукель привозил в Германию, предоставлялась мне. Гораздо большая часть предоставлялась другим ведомствам».

Это признание подтверждается протоколами совещаний Шпеера с Гитлером, происходивших 10, 11 и 12 августа 1942 года — это документ Р-124, который здесь уже представлялся и цитировался. Абзац 1 стр. 34 английского текста документов вчера уже здесь приводился. Напоминаю Трибуналу, что подсудимый Шпеер рассказывал об исходе своих переговоров по поводу насильственного набора 1 миллиона русских рабочих для германской промышленности вооружения. Вопрос о применении силы при наборе обсуждался Гитлером и подсудимым Шпеером 4 января 1943 г., документ ПС-556(13). Было решено применять более строгие меры для ускорения набора французских рабочих.

Подсудимый Шпеер требовал иностранных рабочих для

контролируемых им отраслей промышленности и использовал этих рабочих, зная, что они были привезены силой и работали по принуждению. При допросе, произведенном под присягой 18 октября 1945 г., Шпеер заявил следующее:

«Я не хочу, чтобы создалось впечатление, будто я отрицаю тот факт, что я требовал иностранную рабочую силу от Заукеля чрезвычайно энергично».

Он признал свою осведомленность о том, что значительная часть рабочей силы была получена принудительным порядком.

«Вопрос: Таким образом, в тот период, когда Вы требовали рабочую силу, Вы, очевидно, знали, что Вы получали иностранных рабочих, так же как и немецких рабочих, в ответ на ваши запросы и что значительная часть иностранных рабочих посылалась в принудительном порядке?

Ответ: Да.

Вопрос: Таким образом, в качестве иллюстрации предположим, что 1 января 1944 г. вам требовалось 50 тысяч рабочих для тех или иных целей. Вы представляли требование на 50 тысяч рабочих и знали, что среди этих 50 тысяч будут иностранные рабочие, посылаемые в принудительном порядке?

Ответ: Да...».

Подсудимый Шпеер заявил также под присягой, что еще в сентябре 1942 года он знал, что рабочие с Украины насильственно увозились в Германию. Он знал также, что огромное большинство рабочих западных оккупированных стран были принуждены против своей воли ехать в Германию.

«Вопрос: Когда Вы впервые узнали, что некоторая часть рабочей силы с Украины привозилась не добровольно?

Ответ: Довольно трудно сейчас на это ответить, то есть установить определенную дату. Однако в какой-то период я, несомненно, узнал, что рабочие с Украины не приезжали добровольно.

Вопрос: Это касается и рабочих из других оккупированных стран, то есть наступило такое время, когда Вы узнали, что они прибывали не добровольно?

Ответ: Да.

Вопрос: Можете ли Вы вообще сказать, когда это было, не указывая точно месяца?

Ответ: Что касается Украины, то я думаю, что они после первых нескольких месяцев перестали приезжать добровольно, потому что допускались огромные ошибки в обращении с ними. Я могу сказать приблизительно, что это произошло в июле, августе или сентябре 1942 года.

Вопрос: Немногие рабочие приехали из западных оккупированных стран в Германию?

Ответ: Да.

Вопрос: Это значит, что огромное большинство рабочих из западных стран, из западных оккупированных стран, были привезены против их воли в Германию?

Ответ: Да...»

Эти признания подтверждаются, разумеется, другими

доказательствами; как явствует из документа Р-124, который мы цитировали, во всех странах набор для работы в Германии удавалось проводить лишь при активном содействии полиции; методы, применявшиеся чаще всего при наборе, спровоцировали такое насилие, что многие германские агенты по набору были убиты.

На совещании с Гитлером, где обсуждались потребности в рабочей силе на 1944 год, — документ ПС-1292 — подсудимый Заукель сообщил подсудимому Шпееру, что потребности в рабочей силе — включая заявку Шпеера на 1 300 000 дополнительных рабочих — удастся удовлетворить лишь в том случае, если будут обеспечены германские агенты для осуществления программы порабощения в оккупированных странах.

Мы утверждаем, что, хотя Шпеер знал, что этих рабочих набирают и вывозят в Германию против их воли, Шпеер тем не менее продолжал делать заявки на иностранных рабочих и требовал предоставления их для тех отраслей промышленности, которые находились под его контролем. Это подтверждается протоколами Центрального комитета по планированию, документ Р-124.

Мы утверждаем также, что подсудимый Шпеер виновен в том, что выступал за террор и жестокость в качестве средств доведения производительности до максимума руками рабочих-рабов.

Шпеер сказал, что нет оснований возражать против того, чтобы СС и полиция приняли решительные меры для увеличения производительности труда этих рабочих, документ Р-124.

В качестве руководителя организации Тодта подсудимый Шпеер проводил политику, которая прямо противоречила законам войны.

Организация Тодта насильственно мобилизовала в свои ряды граждан союзных стран. Это подтверждается докладом Международного бюро труда относительно эксплуатации иностранных рабочих в Германии, напечатанным в Монреале, Канада, в 1945 году, документ Л-191, США-231:

«Методы вербовки иностранных рабочих, предназначенных для организации Тодта, мало чем отличались от методов, применяемых при наборе иностранцев для отправки в Германию. Основное отличие заключалось в следующем: поскольку основная деятельность организации происходила вне границ Германии, иностранцы не переправлялись в Германию, а должны были работать либо в своей собственной стране, либо в какой-нибудь другой оккупированной стране.

При наборе иностранных рабочих организация использовала методы принуждения так же, как и методы убеждения, причем последние приносили очень небольшие результаты».

Более того, эта организация принуждала союзных граждан и военнопленных принимать участие в военных действиях против своей собственной страны.

Из выступления представителя обвинения от Франции Ж. Герцога[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 18 и 19 января 1946 г.

Господин председатель, господа судьи!

...Трудовая повинность в Германии была учреждена законом от 26 июня 1935 г. за подписью Гитлера и подсудимого Фрика, министра внутренних дел. Этот закон был опубликован в «Рейхсгезетцблатт», часть I, страница 769. Я представляю его Трибуналу под номером РФ-6, ПС-1389.

С 1939 года к трудовой повинности прибавилась мобилизация рабочих. Декреты об этом были приняты подсудимым Герингом как уполномоченным по четырехлетнему плану. ...Я только укажу на то, что мобилизация рабочих касалась иностранцев, проживающих на германской территории. Этот факт свидетельствует о том, что принцип принудительной мобилизации иностранных рабочих относится еще к довоенному периоду. Принудительная мобилизация иностранных рабочих не была вызвана нуждами военной промышленности Германии, она явилась результатом политики, направленной на подготовку к войне. Доказательством этому является документ РФ-7, С-2, представляющий собой меморандум верховного командования германских вооруженных сил от 1 октября 1938 г., составленный с учетом будущего вторжения в Чехословакию; он содержит классификацию возможных нарушений международного права. Каждому такому нарушению в документе противопоставлено объяснение, которое верховное командование вооруженных сил считает необходимым заранее подготовить. Документ этот состоит из таблицы в четыре колонки. В первом столбце перечислены нарушения международного права. Второй столбец дает соответствующий конкретный пример. В третьем столбце, с одной стороны, изложена точка зрения международного права, а с другой выводы, которые вытекают из этого нарушения. Четвертый столбец отведен для объяснения министерства пропаганды...

Принудительная мобилизация иностранных рабочих, согласно национал-социалистской доктрине, является одним из элементов политики германского господства. Сам Гитлер неоднократно признавал это. В этой связи я цитирую его речь от 9 ноября 1941 г., которая была воспроизведена газетой «Фолькишер беобахтер» от 10 ноября 1941 г., которую я представляю Трибуналу под номером РФ-8. Я читаю выдержки из этой речи:

«На территории, население которой работает сейчас непосредственно на нас, живут более чем 250 миллионов человек, а на территории, население которой косвенно рабо-

[1] IMT, vol. 5, p. 438 — 512.

тает в Европе на войну, сейчас живут более чем 350 миллионов человек...

Нет сомнения в том, что на германской территории и территории оккупированных нами районов, которыми мы сейчас управляем, нам удастся мобилизовать на работу всех до последнего».

Мобилизация иностранных рабочих является, таким образом, результатом применения двух политических принципов в оккупированных Германией странах: использование всех активных сил оккупированных и подвластных немцам территорий и уничтожение всех непроизводительных сил.

Оправдание мобилизации иностранных рабочих, заключающееся в том, что необходимо привлекать народы порабощенных стран к германским военным усилиям, явствует прежде всего из самого смысла декрета от 21 марта 1942 г., согласно которому подсудимый Заукель назначается уполномоченным по использованию рабочей силы. Декрет опубликован в «Рейхсгезетцблатт» за 1942 год, часть 1, стр. 179. Я представляю его в качестве документа РФ-9 и позволю себе зачитать его Трибуналу полностью:

«Чтобы обеспечить всю германскую военную экономику, и в первую очередь производство вооружения, необходимой рабочей силой, следует создать объединенное управление, отвечающее требованиям военной экономики для использования имеющейся рабочей силы, включая иностранцев и военнопленных, а также мобилизовать всю рабочую силу, которая еще не была использована в великой германской империи, включая протекторат, генерал-губернаторство и оккупированные районы. Эта задача будет выполнена имперским наместником и гаулейтером Заукелем в качестве генерального уполномоченного по использованию рабочей силы в рамках четырехлетнего плана. В качестве такового он будет подчинен непосредственно уполномоченному по четырехлетнему плану».

Я прерываю здесь оглашение декрета для того, чтобы указать, что подсудимый Заукель развивал ту же тему на совещании гаулейтеров и крейслейтеров от 5 и 6 февраля 1943 г. в Познани. Он говорил совершенно категорически, оправдывая принудительную мобилизацию национал-социалистской философией и необходимостью включить все европейские народы в борьбу, которую вела Германия. Текст этой речи является документом ПС-1739 РФ-10, и прошу Трибунал принять его в качестве доказательства вины подсудимого Заукеля. Оглашаю выдержки:

«Неслыханная ожесточенность войны заставила меня принудительно мобилизовать от имени фюрера много миллионов иностранцев на работу в германской военной промышленности и добиться от них очень большой производительности труда. Целью этой мобилизации является обеспечение необходимых материальных возможностей ведения войны в борьбе за жизнь и свободу прежде всего нашего народа, а также за сохранение нашей западной культуры, культуры тех народов, которые в отличие от ев-

рейских хищников и плутократов живут жизнью, наполненной трудом и усилиями честных и сильных народов...

Вот в чем та громадная разница между работой, понадобившейся в свое время по Версальскому договору, а также планам Дауэса и Юнга, принявшей форму рабства и дани, и использованием рабочей силы, которому я в качестве национал-социалиста имею честь отдать предпочтение и осуществлять и которое представляет собой участие в борьбе Германии за свою свободу и за свободу дружественных наций».

Принудительная мобилизация иностранных рабочих имела целью не только сохранить уровень германской военной промышленности. В ней выражена также политика, направленная на уменьшение человеческого потенциала оккупированных государств.

Понятие уничтожения путем непосильной работы было известно теоретикам национал-социализма и руководителям Германии. Оно явилось одной из основ политики господства над оккупированными странами. Я представляю Трибуналу доказательства того, что национал-социалистские заговорщики предполагали уничтожить путем непосильного труда целые этнические группы. 14 сентября 1942 г. состоялась беседа между Геббельсом и министром юстиции Тираком. Эта беседа очень показательна. Это документ ПС-682, РФ-11 и зачитаю из него следующую выдержку:

«Что касается уничтожения асоциальных элементов, то Геббельс считает, что следующие группы должны быть истреблены: евреи и цыгане; поляки, которые приговорены к трем или четырем годам заключения; чехи и немцы, приговоренные к смерти или к принудительным работам пожизненно либо подвергнутые пожизненному превентивному заключению. Мысль о том, чтобы истребить их путем непосильной работы, — лучшая мысль».

Мысль об уничтожении путем непосильной работы относилась не только к этническим группам, истребление которых подсудимые хотели обеспечить, она привела также к использованию иностранной рабочей силы в германской военной промышленности до последних пределов человеческих сил. Я вернусь к этому аспекту политики принудительного труда, когда буду излагать Трибуналу вопрос об обращении с иностранными рабочими в Германии. Жестокое обращение, которому они подвергались, явилось результатом основного понятия в национал-социализме, согласно которому рабочая сила оккупированных стран должна быть использована до самого предела, то есть до наступающей в конце концов смерти.

Подсудимые не только приняли принципы принудительной мобилизации иностранных рабочих, они проводили также последовательную политику применения его на различных оккупированных территориях. Для того чтобы достичь этого, они прибегали к одинаковым насильственным методам мобилизации. Они везде создавали аналогичные организации по мобилизации, которым давали одинаковые инструкции.

Следовало прежде всего заставить иностранных рабочих работать в своей собственной стране в интересах оккупационной армии и ее управлений. Германские власти — военные и гражданские — везде создавали стройки, чтобы на месте производить все необходимое для осуществления их военной политики. На стройках организации Тодта под руководством подсудимого Шпеера, после смерти ее основателя, на стройках вооруженных сил, включая авиацию и военно-морской флот, и других стройках было использовано большое количество иностранных рабочих на всей территории Западной Европы.

Но главным видом использования немцами иностранных рабочих были угон и переброска их на военные заводы Германии. Для этого были использованы самые различные методы, которые превратились в политику, заключающуюся в следующем.

Сначала это использование иностранных рабочих имело видимость законности: оно осуществлялось посредством принудительного набора, якобы согласно статье 52 четвертой Гаагской Конвенции. Оно происходило также путем добровольного набора рабочих, которым немецкие бюро по найму предлагали подписать трудовой договор.

Я представлю Трибуналу доказательство того, что, произведя принудительный набор рабочей силы, национал-социалистские власти умышленно игнорировали букву и дух международной Конвенции, со ссылками на которую этот набор производился. Я докажу Трибуналу, что добровольный характер набора некоторых иностранных рабочих был только видимым. В действительности же их трудовые договоры заключались подневольно, под давлением, которое оказывали оккупационные власти на них.

Подсудимые, однако вскоре сбросили маску. Они заставляли военнопленных выполнять работы, запрещенные международными конвенциями. Я докажу, каким образом работа военнопленных была включена в общий план использования рабочей силы оккупированных территорий.

В конце концов именно при помощи силы подсудимые осуществляли свой план набора рабочих. Они без колебаний использовали методы принуждения. Они ввели трудовую повинность на территориях, которые они оккупировали. Иногда они сами опубликовывали приказы за подписью командующих войсками или рейхскомиссаров. Это как раз относится к Бельгии и Голландии. А иногда они вынуждали марионеточные власти, которые они сами же создали на оккупированных территориях, принимать «законные» меры. Это относится, в особенности, к Франции и Норвегии. Но иногда они просто действовали силой, то есть перебрасывали иностранных рабочих на заводы Германии без всякого письменного оформления. Так было в Дании. Наконец, на некоторых оккупированных территориях, германизацию которых они предприняли, подсудимые возлагали на местных жителей трудовую повинность, существовавшую в Германии. Так они поступили во французских департаментах Верхнего Рейна, Нижнего Рейна, Мозеля и в Люксембурге.

Политика принудительного труда проводилась и совер-

шенствовалась с того дня, как подсудимый Заукель был назначен генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы.

Член национал-социалистской партии со дня ее создания, член тюрингского ландтага и член рейхстага, обергруппенфюрер СС и СА, подсудимый Заукель являлся гаулейтером и имперским наместником Тюрингии. 21 марта 1942 г. декретом Гитлера он был назначен генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы. Декрет был подписан Ламмерсом в качестве рейхсминистра и руководителя имперской канцелярии, а также подсудимым Кейтелем.

Я уже зачитал Трибуналу этот декрет. Напоминаю, что подсудимый Заукель, согласно этому декрету, подчинялся подсудимому Герингу, действовавшему в качестве уполномоченного по четырехлетнему плану. Последний несет непосредственную ответственность за проведение плана принудительной мобилизации рабочих.

Я прошу Трибунал разрешения представить здесь в качестве первого доказательства декрет, подписанный подсудимым Герингом на следующий день после назначения подсудимого Заукеля. Этот декрет от 27 марта 1942 г. был опубликован в «Рейхсгезетцблатт» за 1942 год, часть 1, стр. 180. Я представляю его Трибуналу под номером РФ-12, ПС-1902. Этим декретом Геринг ликвидировал все организации четырехлетнего плана, которым была поручена мобилизация рабочей силы. Он передал их полномочия управлению подсудимого Заукеля.

Полномочия Заукеля в 1942 — 1944 гг. приобрели гораздо большую силу после издания декретов Гитлера и Геринга. Эти декреты укрепили Заукеля в качестве уполномоченного. Они предоставили ему административную самостоятельность и такую законодательную компетенцию, которые лишают его возможности утверждать, что он являлся лишь исполнителем заданий. Важная политическая роль, которую он играл в течение двух последних лет войны, еще более увеличивает его ответственность.

Я обращаю особое внимание Трибунала на декреты Гитлера от 30 сентября 1942 г. и от 4 марта 1943 г., а также на декрет подсудимого Геринга от 25 мая 1942 г.

Я не зачитываю Трибуналу этих декретов, так как они были комментированы моим американским коллегой господином Доддом. Я привожу их в качестве подтверждения моих аргументов. Ссылаюсь сначала на декрет подсудимого Геринга от 25 мая 1942 г., опубликованный в «Рейхсгезетцблатт» за 1942 год, часть 1, страница 347. Он передает подсудимому Заукелю часть полномочий министра труда по использованию рабочей силы, документ РФ-13, ПС-1905.

Декрет Гитлера от 30 сентября 1942 г. предоставил Заукелю огромные полномочия над гражданскими и военными властями территорий, оккупированных германскими военными властями. Он уполномочил подсудимого приставить к оккупационным штабам своих личных представителей, которым он передавал приказы непосредственно. Этот декрет был также подписан Ламмерсом и подсуди-

мым Кейтелем. Он был опубликован в 1942 году. Я представляю его под номером РФ-14, ПС-1903.

Во исполнение этого декрета представители бюро Заукеля были фактически приставлены к штабам военного командования. Допрос генерала фон Фалькенхаузена, военного губернатора Бельгии и Северной Франции, представляет в этой связи доказательство, на которое я обращаю внимание Трибунала. Генерал фон Фалькенхаузен был допрошен 27 ноября 1945 г. начальником следственного отдела французской делегации. Я представляю Трибуналу его показания, документ РФ-15 и зачитываю из них следующую выдержку:

«Вопрос: Свидетель, можете ли Вы сказать нам, каковы были разграничения между Вашими полномочиями и функциями ведомства по использованию рабочей силы?

Ответ: До некоторого времени в моем департаменте существовала служба труда, которая занималась набором рабочих добровольцев.

Я не помню точно, когда это было, возможно, осенью 1942 года, служба по труду была передана в ведение Заукеля, и мне приходилось только выполнять указания, которые я получал от него.

Я не помню, но Ридер, который также находится в тюрьме, осведомлен лучше и сможет, без сомнения, сообщить Вам более точные сведения.

Вопрос: До того как вопросы труда были полностью переданы организации Заукеля, существовал ли в генштабе генерал или офицер, которому были поручены эти вопросы? А позже, существовал ли в этой инстанции представитель из бюро Заукеля?

Ответ: До момента вступления Заукеля в свои права Ридер занимался делами бюро труда в моем учреждении. Бюро труда действовало так же, как действовали бюро по найму в Германии, то есть оно продолжало подбирать добровольных рабочих.

Вопрос: Что произошло позже?

Ответ: После изменения порядка набора бюро продолжало существовать, но приказы поступали непосредственно от Заукеля через меня...»

Я уже напоминал Трибуналу о правовых рамках, в которых осуществлялась деятельность подсудимого Заукеля. Эти рамки были расширены властью самого подсудимого. Первый документ свидетельствует о том, что Заукель решительно принял на себя всю ответственность за проведение общей политики по вербовке иностранных рабочих. Это распоряжение от 22 августа 1942 г. вводит принцип принудительного набора рабочей силы и устанавливает, какие меры должны проводиться для того, чтобы все людские резервы оккупированных территорий были предоставлены в распоряжение германской военной экономики. Заукель вынуждал жителей оккупированных стран участвовать в войне, которую Германия вела против их отечества. Это было не только нарушением международного права, это — преступление против человеческих прав. Я представ-

ляю это распоряжение Трибуналу под номером РФ-17 и цитирую его:

«Распоряжение № 10 генерального уполномоченного по использованию рабочей силы от 22 августа 1942 г. относительно применения рабочей силы оккупированных территорий.

В целях мобилизации рабочей силы оккупированных территорий в соответствии с новой организацией по использованию рабочей силы, согласно европейскому плану, надо предоставить эту силу в распоряжение единого и авторитетного управления. Необходимо обеспечить максимальную производительность, а также рациональное распределение этой рабочей силы в целях удовлетворения нужд империи и оккупированных территорий. На основании предоставленных мне полномочий я приказываю:

1. В силу декрета фюрера от 21 марта 1942 г. о назначении генерального уполномоченного по использованию рабочей силы и распоряжения уполномоченного по проведению четырехлетнего плана от 27 марта 1942 г., изданного во исполнение этого декрета, мне предоставлены полномочия рационально распределять рабочую силу оккупированных территорий, а также проводить все меры, необходимые для увеличения производительности труда, осуществляемой на основании моих директив. Немецкие органы власти, ведающие использованием рабочей силы и проведением политики зарплаты, как и уполномоченные мною лица, будут использовать рабочую силу и принимать все необходимые меры по увеличению производительности труда в соответствии с моими директивами.

2. Этот приказ распространяется на все территории, оккупированные во время войны вооруженными силами Германии, насколько они находятся в ведении немецкой администрации.

3. Наличная рабочая сила на оккупированных территориях должна быть использована в первую очередь для удовлетворения важнейших военных нужд в Германии...»

Второй документ представляет собой распоряжение подсудимого Заукеля об обращении с иностранными рабочими. Это — соглашение, заключенное 2 июня 1943 г. с начальником управления по продовольственному снабжению. Я не буду оглашать этот документ, напомню лишь, что он был опубликован в «Рейхсарбайтсблатт» за 1943 год, часть 1, стр. 588, и представляю его в подтверждение сказанного мной под номером РФ-18, ПС-1913...

Прошу Трибунал отметить, что ответственность за проводившуюся политику вербовки иностранной рабочей силы ложится на всех немецких министров, руководивших хозяйственной и общественной жизнью империи. Организация, координировавшая деятельность различных министерств, центральное управление по проведению четырехлетнего плана, участвовала в разработке программы вербовки иностранных рабочих.

Все заинтересованные в этой проблеме учреждения были представлены на заседаниях, происходивших в центральном управлении. Фельдмаршал Мильх председательство-

вал на этих заседаниях от имени подсудимого Геринга. Подсудимый Заукель и подсудимый Шпеер лично на них присутствовали. Я представлю Трибуналу некоторые заявления, которые они сделали. Подсудимый Функ также принимал участие в этих заседаниях. Таким образом, он знал и был согласен с программой угона рабочей силы. Он даже участвовал в составлении этой программы.

Два документа, которые я сейчас представлю, свидетельствуют о виновности подсудимого Функа. Первый из них — это письмо от 9 февраля 1944 г., которым Функ приглашается на заседание центрального управления по проведению четырехлетнего плана. Это документ РФ-19. Цитирую:

«Господин Функ! От имени центрального управления по проведению четырехлетнего плана я приглашаю Вас на заседание по вопросу об использовании рабочей силы. Это заседание состоится в среду 16 февраля 1944 г. в 10 часов в зале заседаний государственного секретариата в министерстве авиации, Лейпцигерштрассе в Берлине.

При сем прилагаются некоторые статистические данные по вопросу роста использования рабочей силы. Эти статистические данные будут рассматриваться на указанном заседании».

Функ не мог лично присутствовать на этом заседании, но он направил вместо себя заместителя статс-секретаря Хейлера. Получив отчет об этом заседании, Функ 7 марта 1944 г. написал письмо фельдмаршалу Мильху, принося свои извинения в том, что он зачастую отсутствует на заседаниях управления. Я представляю эти документы Трибуналу. Из отчета о 53-м заседании центрального управления по проведению четырехлетнего плана, документ РФ-20, Трибунал может убедиться в том, что министр Функ получил этот отчет. На второй странице французского перевода имеется список лиц, которым он был разослан. На второй строчке этого списка фигурируют фамилии имперского министра Шпеера, а затем и имперского министра Функа.

Сейчас я представляю документ РФ-21. Это — письмо, в котором Функ извиняется перед фельдмаршалом Мильхом в том, что он не мог присутствовать на заседаниях центрального управления:

«Многоуважаемый и дорогой фельдмаршал! К сожалению, в последнее время заседания управления часто назначаются в такое время, когда я занят на других важных заседаниях. Вот почему, к моему большому сожалению, я не смогу присутствовать в субботу на заседании центрального управления ввиду того, что в этот день я должен произносить речь в Вене по случаю большого торжества в честь годовщины аншлюса.

Статс-секретарь Хейлер также будет в пятницу и в субботу в Вене, где в это время состоится важная южноевропейская конференция, с участием иностранных делегатов, на которой я также должен буду выступать.

Ввиду этих обстоятельств я прошу Вас разрешить присутствовать в качестве моего представителя на заседании центрального управления по четырехлетнему плану брига-

денфюреру СС Олендорфу, являющемуся постоянным заместителем статс-секретаря Хейлера...»

Политика центрального управления по проведению четырехлетнего плана, которую проводил Заукель, выражалась в массовом вывозе рабочей силы. Этот вывоз в принципе сам по себе является преступным, но формы, в которых он проводился, были еще более преступными. Я представляю Трибуналу соответствующие доказательства, излагая последовательно методы принудительной вербовки, ее результаты и те условия, в которых происходил вывоз рабочих.

Обвинение, которое я имею честь предъявлять в Трибунале, ограничивается представлением материалов о вербовке иностранных рабочих в оккупированных странах Западной Европы, потому что материалы о вербовке рабочих из стран Восточной Европы представляются моими советскими коллегами.

В течение всего времени оккупации местные коменданты в принудительном порядке использовали рабочую силу из населения оккупированных территорий. Работы по строительству укреплений, которые были признаны необходимыми в ходе военных действий, сторожевая служба, вызывавшаяся необходимостью поддерживать безопасность оккупационных войск, осуществлялись жителями оккупированных территорий. Мобилизация рабочей силы касалась не только отдельных лиц, но и целых категорий рабочих.

Во Франции, например, были последовательно проведены мобилизации индо-китайских, североафриканских и других иностранных рабочих, а также специалистов из молодежи. Я представляю в качестве доказательства выдержку из доклада о принудительном труде и об угоне рабочих, составленного Французским правительственным институтом статистики.

Доклад, который я представляю в качестве доказательства, является документом РФ-22, Ф-515:

«...Принудительная мобилизация существующих рабочих групп. Наконец, последний способ, которым немцы неоднократно пользовались за время оккупации как для открытого, так и для завуалированного применения принудительного труда, заключался в насильственной мобилизации целых партий уже обученных и дисциплинированных рабочих.

а) Индо-китайские рабочие. Это соединение колониальных рабочих было создано в начале военных действий для удовлетворения нужд французской промышленности в неквалифицированной работе. Укомплектованные составом французских офицеров и унтер-офицеров, ставших после июля 1940 года гражданскими чиновниками, эти соединения индо-китайских рабочих с 1945 года использовались немцами прямо или косвенно на принудительных работах».

Я перехожу к таблице на стр. 18.

«б) Рабочая сила из Северной Африки. В период между 11 августа и 6 ноября 1942 г. метрополия дважды получала из Северной Африки рабочую силу. В первый раз были присланы 5560 алжирцев, во второй раз — 1825 мароккан-

цев. Эти рабочие были немедленно направлены на принудительные работы. В итоге количество североафриканских рабочих, используемых организацией Тодта, достигло 17 582 человек.

в) Рабочая сила из других стран. Закон от 11 июля 1938 г., относящийся к организации нации в военное время, предусматривал трудовую повинность для иностранцев, живущих во Франции. Немцы всемерно расширяли применение на принудительных работах иностранных рабочих, которыми руководили офицеры и унтер-офицеры, превращенные в гражданских чиновников по закону от 9 октября 1940 г.».

Я пропускаю таблицу и цитирую далее:

г) Набор специалистов из молодежи. 29 января 1943 г. штаб немецкой комиссии по перемирию в Париже опубликовал сообщение о том, что главное командование «Запад» изучает вопрос о том, «возможно ли и в каких формах обратиться с призывом к французским рабочим организациям для привлечения их к выполнению задач в общих интересах обеих стран». Затем последовали: частичный набор рабочих и требования поставить молодежь на принудительные работы».

Точно такие же мобилизации производились на всех оккупированных территориях Западной Европы. Эти мобилизации были совершенно незаконны. Они производились якобы на основании статьи 52 Гаагской Конвенции. В действительности, по существу и по форме они являлись грубейшим нарушением международного права.

Каково действительное содержание статьи 52 приложения к четвертой Гаагской Конвенции 1907 года? Она сформулирована следующим образом:

«Реквизиция натурой и повинности могут быть востребованы от общин и жителей лишь для нужд занявшей область армии. Они должны соответствовать средствам страны и быть такого рода, чтобы они не налагали на население обязанности принимать участие в военных действиях против своего отечества.

Эти реквизиции и повинности могут быть востребованы лишь с разрешения военачальника занятой местности».

Таким образом, те условия, в которых статья 52 разрешает проводить мобилизацию рабочей силы оккупационной армией, сформулированы совершенно точно. Этих условий четыре:

1. Трудовая повинность может вводиться только для удовлетворения нужд оккупационной армии. Поэтому привлечение рабочей силы, осуществляемое в общих интересах экономики оккупационной державы, запрещено.

2. Мобилизуемые не должны принуждаться к участию в военных действиях, которые ведутся против их отечества. Всякая мобилизация, осуществляемая в интересах военной экономики оккупационной державы, для несения сторожевой службы или выполнения иных повинностей запрещается.

3. Мобилизации, осуществляемые на данной территории, должны соответствовать ее экономическим ресурсам и

не препятствовать их нормальной эксплуатации. Отсюда следует, что мобилизация рабочей силы противоречит международному праву, если она затрудняет и препятствует нормальному использованию природных богатств оккупированного государства.

4. Наконец, согласно второму абзацу статьи 52, мобилизации рабочей силы могут проводиться на основании приказов оккупационной администрации лишь в пределах территории, управляемой этой администрацией. Переброска мобилизованных рабочих с одной части оккупированной территории на другую ее часть, а тем более угон этой рабочей силы на территорию оккупирующей страны запрещаются.

Мобилизация рабочей силы проводилась военными властями и гражданскими немецкими учреждениями на оккупированных территориях в нарушение духа статьи 52. Она проводилась с целью удовлетворения нужд немецкой экономики и военной стратегии вражеских войск. Немцы абсолютно не признавали необходимости сохранить возможность рациональной эксплуатации местных ресурсов. Наконец, они осуществляли вывоз рабочих. Характерным примером является тот факт, что во всех странах Западной Европы были мобилизованы рабочие для организации Тодта, возводившей систему укреплений, известную под названием «Атлантический вал».

Таким образом, нарушение международных конвенций является совершенно очевидным. Это вызывало протесты генерала Дуайена, французского представителя при германской комиссии по перемирию. Я прошу Трибунал принять в качестве доказательства письмо генерала Дуайена от 25 мая 1941 г., документ РФ-23, Ф-283. Цитирую:

«Висбаден, 25 мая 1941 г.

Корпусной генерал Дуайен, председатель французской делегации при германской комиссии по перемирию.

Генералу артиллерии Фогелю, председателю германской комиссии по перемирию.

Господин генерал!

Неоднократно, и в частности моими письмами за № 4263/AE и 14887/AE от 26/II и 8/III я имел честь заявлять Вам протест против проведения мобилизации рабочей силы во Франции для использования ее организацией Тодта при строительстве военных сооружений на побережье Бретани.

Сегодня я должен обратить Ваше внимание на другие случаи, когда оккупационные власти прибегали к использованию французских гражданских лиц для выполнения чисто военных обязанностей — случаи, еще более серьезные, чем те, о которых я сообщал Вам ранее.

Если в отношении рабочих, занятых в организации Тодта, можно утверждать, что некоторые из них добровольно пошли на ту работу, на которой они используются (хотя на практике в большинстве случаев они были лишены возможности отказаться от этой работы), этот довод не может быть принят во внимание в тех случаях, когда префекты средствами своих департаментов и общин должны обеспечивать

охрану таких важных пунктов, как мосты, тоннели, искусственные сооружения, телефонные линии, склады вооружения, окрестности аэродромов.

Прилагаемая нота приводит примеры такой охранной службы, которая была навязана французам, службы, которая раньше выполнялась немецкой армией и которую они обычно должны выполнять потому, что речь идет об участии в охране немецкой армии от опасности, вытекающей из военных действий, ведущихся между Германией и Великобританией».

Оккупационные власти перед лицом сопротивления, которое они встречали, хотели добиться выполнения своих приказов по мобилизации рабочей силы, и меры, которые они принимали в этой связи, были столь же незаконными, какими были сами меры по мобилизации. Национал-социалистские власти в оккупированной Франции действовали путем установления своих порядков и законов. Они издавали приказы, в силу которых в отношении лиц, не подчинявшихся приказам о мобилизации, могла быть применена смертная казнь.

Я представляю Трибуналу в качестве доказательства два таких приказа. Первый из них был издан в первые месяцы оккупации — 10 октября 1940 г.

Я представляю его Трибуналу под номером РФ-24 и цитирую:

«Приказ о мерах против актов саботажа от 10 октября 1940 г.

В силу полномочий, данных мне фюрером и верховным главнокомандующим вооруженных сил, приказываю следующее:

1. Любое лицо, которое умышленно не выполняет или плохо выполняет те задачи по охране, которые на него возложены начальником военной администрации во Франции или органами, уполномоченными им, будет приговорено к смертной казни».

Я пропускаю параграф 2 и читаю параграф 3:

«В менее серьезных случаях нарушений, предусмотренных первым и вторым параграфами настоящего приказа, и в случаях халатности виновный может быть наказан лишением свободы в одиночном заключении с использованием на тяжелых работах или тюремным заключением».

Второй приказ военного командования во Франции, на который я сейчас ссылаюсь, датирован 31 января 1942 г. Я представляю его Трибуналу под номером РФ-25:

«Приказ от 31 января 1942 г. относительно мобилизации рабочей силы и реквизиции в натуре.

В силу полномочий, предоставленных мне фюрером и верховным главнокомандующим вооруженных сил, приказываю следующее:

1. Любое лицо, которое не выполнит обязанностей, связанных с трудовой повинностью, или не представит в натуре поставок, требуемых от него военным командующим во Франции или уполномоченными им властями, либо которое выполнит это таким образом, что нанесет ущерб цели этих обязанностей или реквизиций, будет наказываться присуж-

дением к принудительным работам, тюремному заключению или штрафу. Штраф может налагаться в дополнение к наказаниям в виде работ или заключения.

2. В более серьезных случаях может быть применена смертная казнь».

Эти приказы вызвали протесты французских властей. Генерал Дуайен неоднократно протестовал против первого из этих приказов, однако безуспешно.

Я снова ссылаюсь на его письмо от 25 мая, которое я представил Трибуналу. Оглашаю вторую страницу французского текста:

«Я уполномочен заявить Вам формальный протест против таких мер и просить Вас вмешаться для того, чтобы этому немедленно был положен конец.

16 ноября в письме за номером 7843/АЕ я уже заявлял протест против приказа, изданного 10 октября 1940 г. начальником военной администрации во Франции и предусматривающего смертную казнь для всех лиц, которые не выполняют или выполняют неудовлетворительно те задачи по охране, которые на них возлагаются оккупационными властями. Я уже указывал, что это требование, так же как и наказание, предусмотренное приказом, противоречит духу условий перемирия, целью которого было избавить французское население от всякого участия в военных действиях.

Я ограничился этим принципиальным протестом потому, что в то время мне не было сообщено о каких-либо конкретных случаях, когда возлагались бы обязанности по охране. Но было невозможно считать факторами, оправдывающими приказы, о которых идет речь, те доводы, которые Вы изложили в Вашем письме за номером 1361 от 6 марта.

Вы указываете там, что статья 43 Гаагской Конвенции предоставляет оккупирующей стране право издавать законы. Но право, на которое Вы ссылались, ограничено в той же статье двумя условиями: издавать законы можно только для того, чтобы установить и обеспечить, поскольку это возможно, общественный порядок и общественную жизнь; с другой стороны, приказы, которые издаются, должны уважать существующие в стране законы, если к тому не встретится неодолимого препятствия».

Те немецкие приказы, которые я огласил перед Трибуналом, являлись формальным нарушением общих принципов международного уголовного законодательства. Они находятся в полном противоречии со статьей 52 приложения к четвертой Гаагской Конвенции, а также в противоречии со статьей 43, на которой они якобы основывались. Таким образом, эти приказы были незаконны и преступны потому, что они предусматривали смертную казнь, чего нельзя обосновать ни одним пунктом международного или национального права.

Программа мобилизации рабочей силы представляет собой первый пример преступного характера методов, которые использовались подсудимыми при выполнении их плана вербовки иностранных рабочих.

Национал-социалистские власти прибегли и к другому методу для того, чтобы создать видимость законности вер-

бовки иностранных рабочих: они стали взывать к так называемым рабочим добровольцам. С 1940 года оккупационные власти открыли бюро по найму во всех больших городах оккупированных территорий. Эти органы находились под контролем специальных управлений, учрежденных для этой цели при штабах командующих зонами оккупации.

Трибунал уже знает, что с 1940 по 1942 год эти бюро функционировали под контролем командующих войсками. Начиная с 1942 года, а точнее говоря с того дня, когда подсудимый Заукель стал уполномоченным по использованию рабочей силы, они получали приказы непосредственно от него. Генерал фон Фалькенхаузен, командующий войск в Бельгии и на севере Франции, заявил в письменном показании, которое я только что огласил Трибуналу, что с лета 1942 года он превратился в посредника, уполномоченного передавать инструкции от Заукеля в управление по использованию рабочей силы.

Таким образом, деятельность немецких бюро по вербовке, созданных на оккупированных территориях, протекала под непосредственным руководством подсудимого Заукеля и его прямого начальника — уполномоченного по проведению четырехлетнего плана подсудимого Геринга. Я прошу Трибунал запомнить это.

Бюро по вербовке имели задание проводить набор рабочих для заводов и мастерских, созданных в Европе организацией Тодта, командованием вооруженных сил, флота и авиации, а также другими немецкими организациями. Им было поручено также снабжать немецкие военные заводы необходимым количеством иностранной рабочей силы. Рабочие, завербованные подобным путем, подписывали трудовой договор. Таким образом, в принципе они были на положении свободных рабочих и якобы являлись добровольцами.

Оккупационные власти постоянно подчеркивали добровольный характер набора, который проводился этими бюро по вербовке; в своей пропаганде они систематически игнорировали истинный характер своих действий. В действительности добровольный характер этой вербовки был фикцией: рабочие оккупированных территорий, прежде чем согласиться подписать такие трудовые договоры, подвергались моральному и физическому принуждению.

Это давление носило различные формы. Иногда оно носило коллективный характер, иногда оказывалось индивидуальное воздействие, но во всех случаях это давление было настолько сильным, что так называемое «добровольное» согласие этих жертв было вынужденным.

Недействительность договоров, заключенных посредством насилия, является основным принципом права всех цивилизованных народов. Это совершенно определенно выражено в немецком праве, точно так же как в законодательстве тех наций, которые представлены сейчас в Трибунале, и в законодательстве оккупированных Германией стран. Бюро по вербовке навязывали рабочим подписание договоров, не имеющих юридической силы, так как они заключались посредством насилия. Я утверждаю это и

сейчас представлю Трибуналу доказательства своего утверждения.

Прежде всего я докажу, что действия немцев являлись преднамеренными: давление, которому подвергались иностранные рабочие, не являлось отдельным актом со стороны местных властей, оно было обусловлено ясно выраженной волей руководителей национал-социалистской Германии, волей, нашедшей свое выражение в точных инструкциях.

Я представляю Трибуналу документ ПС-1183, РФ-26. Речь идет о циркуляре от 29 января 1942 г. о вербовке иностранных рабочих. Циркуляр этот издан бюро по распределению рабочей силы при управлении по проведению четырехлетнего плана. Он подписан доктором Мансфельдом — начальником отдела. Этот документ свидетельствует об ответственности подсудимого Геринга как уполномоченного по четырехлетнему плану. Я оглашаю циркуляр:

«Берлин, 29 января 1942 г.

Саарландштрассе, 96.

Тема: Увеличение вербовки рабочей силы с оккупированных территорий для германской империи и подготовка к проведению принудительной мобилизации.

Недостаток рабочей силы особенно усилился ввиду призыва в армию и, с другой стороны, вследствие увеличения объемов работ в области вооружения рейха. Поэтому необходимо, чтобы рабочая сила для нужд империи рекрутировалась на оккупированных территориях в значительно больших размерах, чтобы восполнить недостаток в ней.

В связи с этим необходимо применять все меры, которые позволяют немедленно отправить с оккупированных территорий в империю всех без исключения рабочих, которые в данное время не работают и которые могут быть высвобождены для работы в Германии. Цель мероприятий тщательно скрывать».

Я оглашаю дальше страницу 2 немецкого текста:

«Прежде всего эта мобилизация должна производиться, как и было до сих пор, добровольным путем. По этой причине надо значительно усилить деятельность по вербовке рабочих для работы в германской империи. Но если мы хотим достигнуть удовлетворительных результатов, немецкие власти, действующие на оккупированных территориях, должны иметь возможность осуществлять необходимое давление для того, чтобы помочь этой добровольной вербовке рабочих для Германии.

Поэтому необходимо в случае надобности расширять действующие на оккупированных территориях правила, касающиеся распределения рабочей силы и карающие тех, кто отказывается работать. Дополнительные директивы, касающиеся распределения рабочей силы, должны, в первую очередь, обеспечить направление на работу лиц старших возрастов, ранее освобождавшихся от трудовой повинности, с тем чтобы они заменяли более молодых, которые будут отправлены в империю. Таким образом будет значительно сокращена помощь, оказываемая органами здравоохранения, с тем чтобы заставить рабочих согла-

шаться на отправку в Германию. Пособия по безработице должны быть настолько снижены, чтобы их размеры, по сравнению со средней зарплатой, выплачиваемой в Германии, и представляющаяся возможность посылать домой деньги побуждали рабочих согласиться на отправку в Германию. Если отказ от работы в Германии ничем не оправдан, пособие таких рабочих должно снижаться до пределов, едва удовлетворяющих жизненные потребности, или вовсе не выплачиваться. В этом случае можно будет удерживать даже часть полагающегося им по карточкам пайка и направлять их на особенно тяжелые принудительные работы».

На этом я кончаю цитату и хочу, чтобы Трибунал отметил, что этот циркуляр был адресован всем службам, ведающим набором рабочей силы на оккупированных территориях. В Западной Европе он был разослан имперскому комиссару по норвежским оккупированным территориям, имперскому комиссару по голландским оккупированным территориям, начальнику военной администрации в Бельгии и Северной Франции, начальнику военной администрации Франции, начальнику гражданской администрации в Люксембурге, начальнику гражданской администрации в Метце и начальнику гражданской администрации в Страсбурге.

Таким образом, доказано существование общего плана, целью которого было принуждение рабочих оккупированных территорий работать в пользу Германии.

Мне остается показать, как этот план был проведен в жизнь в различных зонах оккупации. Методы давления, которое оказывалось национал-социалистскими властями в отношении иностранных рабочих, могут быть определены следующим образом. Германские органы по распределению рабочей силы создали обширные и многообразные формы пропаганды в пользу набора иностранных рабочих. Эта пропаганда была направлена на то, чтобы обманывать рабочих, используя материальные преимущества, которые сулили им немецкие бюро найма. Она распространялась через прессу, по радио и всеми другими средствами.

Помимо официальных средств, пропаганда велась также при помощи агентуры, подстрекавшей рабочих уходить с производства у себя в стране и проводившей среди них самую настоящую «вербовку».

Эти меры, однако, оказались недостаточными. Тогда оккупационные власти вмешались в общественную жизнь оккупированных стран. Они старались создать искусственную безработицу и в то же время стремились ухудшить материальные условия жизни рабочих и безработных.

Но, несмотря на безработицу и нищету, которая им угрожала, рабочие оказывались нечувствительными к немецкой пропаганде. Вот почему немецкие власти в конце концов прибегли к прямому нажиму. Они оказывали давление на политические власти оккупированных стран для того, чтобы те поддерживали их кампанию по вербовке. Они заставляли работодателей, особенно во Франции, и комитеты предпринимателей побуждать своих рабочих заключать договоры с немецкими бюро по вербовке. Они, наконец, пря-

мо воздействовали на рабочих и постепенно перешли от мнимо добровольной вербовки к прямым методам принуждения.

Фикция добровольности рассеялась, когда начались индивидуальные аресты и коллективные облавы, жертвами которых стали рабочие оккупированных территорий.

Документы, которые могут явиться доказательством упомянутых мною фактов, бесчисленны...

Господин председатель, господа судьи! Сегодня утром я продемонстрировал, какова была официальная пропаганда, которая велась германскими организациями во Франции, для того чтобы побудить рабочих наниматься на работу в Германии. Результат этой официальной пропаганды был усилен действиями секретных организаций по набору. Эти заведения по вербовке были организованы германскими оккупационными властями, помимо административных учреждений, и дополняли деятельность последних. Они руководились германскими агентами, которым нередко удавалось находить сообщников среди населения. Во Франции заведения эти распространили свою деятельность на неоккупированную зону, где эта деятельность имела место в такой же мере, как и в зоне оккупированной. Некоторые документы свидетельствуют о существовании тайных организаций по вербовке. Первый из этих документов — доклад, переданный 7 марта 1942 г. вице-председателем правительства де-факто Виши генеральному уполномоченному по франко-германским экономическим отношениям.

Доклад написан на официальном бланке вице-председателя совета министров Дарлана. На бланке имеется подпись офицера штаба Дарлана капитана 2-го ранга Фонтэна. Я представляю этот доклад, документ РФ-28...

Подсудимые стремились принудить жителей оккупированных территорий уехать в Германию, ухудшив для этого снабжение их продовольствием. Доказательством этого является протокол совещания в управлении по четырехлетнему плану, состоявшегося 1 марта 1944 г. Это — документ № РФ-30, к которому я только что обращался. Речь идет о выдержке из этого документа, которая еще не была оглашена и которую я позволю себе сейчас огласить перед Трибуналом.

«...Мильх: Разве не было бы более предпочтительно, чем поддерживать некоторые заводы, использовать следующее средство: германская администрация могла бы заняться вопросами снабжения продовольствием итальянцев и заявить им: пищу получит лишь тот, кто будет работать на заводах, пользующихся нашей поддержкой, или тот, кто поедет в Германию.

Заукель: Действительно, французских рабочих во Франции кормят лучше, чем германских рабочих в Германии, это в такой же мере относится и к итальянским рабочим; даже если итальянские рабочие вообще не работают в той части Италии, которую мы занимаем, они лучше питаются, чем в том случае, если они работают в Германии».

Я продемонстрировал Трибуналу, каковы были экономические и социальные меры, принимавшиеся нацистскими

властями для того, чтобы заставить рабочих оккупированных территорий подписать трудовые договоры, которые им навязывали германские учреждения.

Это косвенное принуждение было усилено непосредственным давлением, оказывавшимся на рабочих и служащих совместно с соответствующими властями.

Национал-социалистским руководителям было известно, что проведение их политики вербовки может быть осуществлено местными властями. Вот почему они стремились, используя марионеточные правительства оккупированных территорий, создать фикцию добровольного принципа набора. Я покажу в качестве примера, как германские учреждения оказывали в этих целях давление на правительство Виши. Прежде всего они добились того, чтобы государственный секретариат по вопросам труда разослал 29 марта 1941 г. всем префектам специальный циркуляр. Но германские власти не довольствовались изданием этого циркуляра; сознавая незаконность своих методов вербовки, они хотели использовать в качестве оправдания соглашение с правительством de facto во Франции.

Они потребовали, чтобы это соглашение было предано гласности. Переговоры об этом велись в 1941 и 1942 гг. О силе давления, оказанного Германией, свидетельствуют письма доктора Михеля, начальника административного управления, генеральному уполномоченному по франко-германским экономическим отношениям. Я оглашу перед Трибуналом письмо от 15 мая, которое представляется под номером РФ-39.

«Париж, 15 мая 1942 г.

Тема: Вербовка французской рабочей силы, предназначенной для Германии.

В результате переговоров 24 января 1942 г. и после неоднократных запросов, 27 февраля был вручен первый проект заявления Французского правительства по вопросу о наборе рабочей силы. С германской стороны он был принят с небольшими изменениями, изложенными в письменной форме 3 марта, с тем условием, что будет обращено внимание на то, что при передаче этого проекта организационным комитетам Французское правительство решительным образом выразит одобрение использованию рабочих в Германии...

9 марта было сделано напоминание о вручении проекта циркуляра, адресуемого организационному комитету. Такой проект изменений был передан 27 марта...»

Я пропускаю два последующих абзаца и оглашу последний абзац:

«Хотя отсутствуют какие-либо причины, которые могли бы объяснить столь необычную и необъяснимую задержку, но до сегодняшнего дня проект еще не был вручен. Прошло более двух месяцев с тех пор, как было направлено первое требование о представлении циркуляра. Настоящим требуется, чтобы новая редакция была передана между сегодняшним числом и 19 мая.

От имени военного коменданта начальник административного управления Михель».

Как Трибунал смог убедиться, доктор Михель требовал не только публичного заявления, он настаивал также на том, чтобы текст этого заявления был вручен организационным комитетам. Оккупационные власти оказывали давление на французских предпринимателей, чтобы заставить их через организационные комитеты содействовать отправке рабочих их предприятий в Германию. Германские управления по набору рабочей силы действовали в непосредственном контакте с организационными комитетами. Эти управления навязывали совещания, в ходе которых они диктовали свою волю руководителям комитетов; они придерживались такой позиции по отношению к организационным комитетам, в соответствии с которой последние должны были быть информированы о всех навязанных французским властям мероприятиях, подлежащих осуществлению ими...

В 1941 году немцы потребовали, чтобы циркуляры, особенно циркуляр от 29 марта 1941 г. по вопросу о вербовке рабочей силы для Германии, который был ранее разослан префектам, был вручен организационным комитетам. Требования оккупационных властей были удовлетворены изданием циркуляра от 25 апреля, который я предъявляю Трибуналу, документ РФ-41.

Но положения этого циркуляра не были приняты германским управлением, и 28 мая 1941 г. доктор Михель заявил французскому генеральному уполномоченному по франко-германским экономическим отношениям решительный протест. Я предъявляю его Трибуналу под номером РФ-42, Ф-522.

«Париж, 28 мая 1941 г.

Т е м а : Вербовка рабочих для Германии.

О с н о в а н и е : Ваше письмо № 192 от 29 апреля 1941 г.

Из Ваших объяснений я понял, что еще до получения моего письма от 23 апреля был составлен проект циркуляра, предназначенного для организационных комитетов, который был разослан 25 апреля.

Я считаю, что этот циркуляр не является удовлетворительным для того, чтобы эффективно содействовать вербовке рабочих, проводимой Германией. Вот почему я считаю необходимым, чтобы в другом циркуляре было обращено внимание на те пункты, которые были мною специально указаны 23 апреля; прошу Вас представить в мое распоряжение как можно скорее соответствующий проект.

Освобождение в ближайшее время довольно значительного числа военнопленных должно создать впечатление, что оно осуществлено по германской инициативе, что, в свою очередь, должно создать благоприятную атмосферу, а это, как Вами было сообщено во время переговоров 24 марта, является предварительным условием для достижения успеха в принудительной мобилизации рабочих для Германии. Вот почему я не ошибусь, если выражу надежду, что Вами будет сделано сообщение экономическим организациям в такой форме, которая будет способствовать превращению в плодотворное сотрудничество выжидательной

позиции, занятой французской экономикой. Я жду Ваших предложений как можно скорее».

Наконец, непосредственное давление германскими службами было оказано на самих рабочих.

Прежде всего оказывалось моральное давление. В этом отношении характерна операция по обмену, которую пытались осуществить во Франции весной 1942 года. Оккупационные власти обещали компенсировать отправку французских рабочих в Германию освобождением военнопленных. Возвращению одного военнопленного должна была соответствовать отправка одного рабочего. Это обещание было лживым, в действительности положение было совершенно иным.

Я цитирую в связи с этим доклад о наборе рабочей силы и отправке рабочих, который я предъявил сегодня утром Трибуналу документ РФ-22, Ф-515:

«Если инспирируемая оккупационными властями пресса, притворствуя в своих комментариях, выражает бурный восторг в отношении настойчиво просимого ею обмена одного военнопленного на одного рабочего, то это делается из определенного расчета и по приказу... Эта мнимая пропорция была предложена немцами Михелем и Риттером во время переговоров с французскими административными учреждениями. Фактическое же соотношение оказалось один к пяти, что как будто бы явилось полной неожиданностью, и пресса не проронила об этом ни слова».

Давление, жертвами которого явились иностранные рабочие, было также экономическим давлением. Я уже сообщил, что фикция добровольного принципа рассеялась в связи с производившимися арестами. Я хочу предъявить Трибуналу документ, который явится характерным примером того, какими средствами пользовалась нацистская администрация. Здесь имеется в виду письмо уполномоченного имперского министра труда во французском департаменте Па-де-Кале. Этот чиновник под страхом неблагоприятных последствий предписывает молодому французскому рабочему уехать в Германию в качестве рабочего по вольному найму.

Я оглашу этот документ, представленный под номером РФ-43, Ф-527:

«Милостивый государь! 26 марта я приказал Вам ехать в Германию для работы по вашей специальности. Вы должны были выехать в эшелоне 1 апреля, но Вы не приняли во внимание этого уведомления. Я предупреждаю Вас, что Вы должны явиться со своим багажом в следующий понедельник, 28 апреля, в 19 часов... Я заявляю, что Вы направляетесь в Германию в качестве вольнонаемного рабочего, что Вы будете работать там в тех условиях, как и германские рабочие, и будете получать такую же зарплату, что и они.

Я должен Вам сообщить, что если Вы не явитесь, это может привести к неблагоприятным последствиям.

Уполномоченный имперского министра труда Ханнеран».

Может быть и далее продолжена демонстрация того, как германские учреждения проводили насильственным пу-

тем так называемый «добровольный» набор рабочих на оккупированных территориях...

Силой удерживаемые на германских заводах иностранные рабочие не являлись ни свободными, ни вольнонаемными рабочими. Я ограничился изложением германских методов вербовки, чтобы показать Трибуналу фиктивный характер добровольного принципа, на который немцы хотели опереться. Иностранные рабочие, выразившие согласие работать на военных заводах нацистов, действовали не по собственной воле. К тому же их число было всегда ограниченным. У рабочих оккупированных территорий было достаточно мужества для оказания физического и духовного сопротивления германскому режиму. В качестве доказательства я сошлюсь на признание, сделанное подсудимым Заукелем, которое я беру в форме выдержки из протокола заседания от 3 марта 1944 г. в управлении по четырехлетнему плану.

Имеется в виду выдержка, которая была оглашена моим американским коллегой, господином Доддом. Поэтому я не буду вновь оглашать ее, а лишь напомню Вам, что подсудимый Заукель признал, что из 5 миллионов иностранных рабочих, которые прибыли в Германию, менее 200 тысяч приехали добровольно.

Сопротивление, которое оказывали иностранные рабочие, занимало подсудимого Заукеля лишь постольку, поскольку оно создавало ему беспокойство. Однажды он выразил свое удивление какому-то немецкому генералу, на что последний заметил:

«Трудности возникают из-за того, что вы обращаетесь к патриотам, которые не разделяют нашего идеала».

Действительно, только силой можно было заставить патриотов оккупированных стран работать на врага. И национал-социалистские власти прибегли к силе.

С 1940 года германские военные власти организовали рабочие команды в лагерях военнопленных. Они придавали все большее значение использованию подобных команд, которые были заняты на работах в сельском хозяйстве и в военной промышленности.

Значительность масштабов, в которых использовался труд военнопленных, подтверждается докладом о принудительном использовании рабочей силы, который я уже предъявил Трибуналу, документ РФ-22.

«В конце 1942 года в Германии находилось 1 036 319 французских военнопленных, из которых 987 687 были направлены в рабочие команды и только 48 632 не были использованы».

Использование военнопленных на германских заводах не отличается какими-либо особенностями, которые позволили бы отделить его от общего плана вербовки рабочей силы. Напротив, оно является неотъемлемой частью этого плана.

Нацисты всегда считали, что использование принудительного труда применимо по отношению к военнопленным в такой же мере, как и по отношению к гражданским

рабочим оккупированных территорий. Они многократно излагали это убеждение.

В одном из документов Заукель утверждал, что военнопленных следует привлекать в принудительном порядке к работе в такой же мере, как и гражданских лиц. Речь идет о письме, написанном им подсудимому Розенбергу 20 апреля 1942 г., спустя несколько дней после назначения Заукеля. Это — документ ПС-016, который мой американский коллега господин Додд уже комментировал. Я не буду оглашать его, но напомню, что на второй странице немецкого текста вопрос о принудительном труде находится в общей рубрике, озаглавленной: «Военнопленные и иностранные рабочие».

Использование военнопленных было предписано и организовано по плану гражданского учреждения — «Управления по использованию рабочей силы». Следовательно, за это ответственны наряду с подсудимым Кейтелем те германские руководители, которые ведали вопросами, связанными с рабочей силой: подсудимый Заукель, подсудимый Шпеер и подсудимый Геринг.

Трибуналу известно, что международное право определяет условия, которые допускают принуждение военнопленных принимать участие в работе. Гаагская Конвенция сформулировала правила, которые были закреплены в статьях 27, 31 и 32 Женевской Конвенции.

«Статья 27:

Воюющие государства могут использовать в качестве рабочих трудоспособных военнопленных в том случае, если это допускается законом, в соответствии с их чином и их трудоспособностью, за исключением офицеров и лиц, приравненных к ним в правах. Тем не менее, если офицеры и лица, приравненные к ним в правах, просят дать им работу, которая им подходит, она им обеспечивается по мере возможности. Военнопленные унтер-офицеры могут принуждаться лишь к наблюдению за работой, за исключением тех случаев, когда они выражают желание получить какую-либо работу за соответствующее вознаграждение».

«Статья 31:

Работы, осуществляемые военнопленными...»

Председатель: *Мы рассматриваем эти документы как официальные и обладающие достаточной доказательной силой.*

Герцог: *Эти положения международного права определяют законные права державы, в чьих руках находятся военнопленные. Принуждение военнопленных работать в течение их пребывания в плену законно, но это право содержит три законных ограничения:*

1) запрещение принуждать работать военнопленных унтер-офицеров, если они не выражают на это своего желания;

2) военнопленные не могут быть использованы на опасных работах;

3) военнопленные не могут быть использованы на работах, направленных на удовлетворение нужд, связанных с ведением войны.

Нацистские власти систематически игнорировали эти важнейшие положения. Они нарушали их, включая военнопленных унтер-офицеров в рабочие команды и используя военнопленных на любых предприятиях, вне зависимости от характера работы, которую военнопленным было приказано выполнять. Использование военнопленных осуществлялось в незаконных, антигуманных условиях...

С 1941 года немцы осуществляли прямое давление на унтер-офицеров для того, чтобы вынудить их выполнять работы в интересах военной экономики Германии. После провала пропагандистских методов это давление приняло форму репрессий. Непокорные унтер-офицеры стали объектом издевательства. Они направлялись в специальные лагеря, где подвергались дисциплинарному режиму. Некоторые из них за отказ от работы понесли различные уголовные наказания...

Национал-социалистские военные власти использовали военнопленных на опасных работах. Французские, британские, бельгийские, голландские военнопленные посылались на работы, связанные с транспортировкой боеприпасов, подвеской бомб к самолетам, восстановлением авиационных лагерей, постройкой оборонительных сооружений. Показания французских репатриированных военнопленных служат доказательством использования военнопленных на подвозке боеприпасов и подвеске бомб к самолетам.

Эти показания собраны в докладе министерства по делам военнопленных. Сейчас я оглашаю страницу 27 документа РФ-46:

«б) Военнопленные привлекались в принудительном порядке для строительства оборонительных сооружений и для доставки боеприпасов, часто производящихся поблизости от линии огня.

Военнопленные, рабочая команда № 274 в лагере Шталаг II Б, декабрь 1944 г., жаловались на то, что они использовались по воскресным дням на рытье противотанковых рвов.

2 февраля 1945 г. военнопленные лагеря Шталаг II Д, которые были эвакуированы ввиду продвижения русской армии, сразу же по прибытии были принуждены строить оборонительные сооружения, рыть противотанковые рвы вокруг города.

С момента эвакуации лагеря Шталаг III Б военнопленные были заняты до конца апреля на земляных работах, на рытье траншей, на перевозке авиационных бомб.

Рабочую команду № 553 в Лебусе заставили выполнять работы на передовой линии, под огнем русской артиллерии.

Многие товарищи, эвакуированные в Фюрстенвальде, использовались на подвеске бомб к немецким бомбардировщикам.

Несмотря на протесты, представленные Международному комитету Красного Креста в Женеве, а также полковнику, начальнику лагеря Шталаг IIIБ, относительно размещения военнопленных в сараях, ужасных антисанитарных условиях, недостаточного снабжения продовольствием, на-

чальник лагеря отвечал, что он подчиняется приказам ОКВ, и заставлял военнопленных рыть окопы».

Нацистские руководители признали, впрочем, что они использовали французских и британских военнопленных на работах при военных аэродромах, являвшихся объектами бомбардировок союзников.

ОКХ, например, 7 октября 1940 г. сообщило, документ РФ-47, Ф-549:

«Протест французской делегации будет рассматриваться как необоснованный. Размещение военнопленных в лагерях, расположенных поблизости от аэродромов, не противоречит принципам международного права.

Согласно статье 9, часть 4, Конвенции об обращении с военнопленными от 27 июля 1929 г., ни один военнопленный не должен находиться под огнем в зоне боев. Под зоной боев следует понимать то пространство, на котором происходит бой между двумя противостоящими друг другу армиями, или же площадь, равную приблизительно 20 километрам в глубину, считая от передовой линии. Однако возможно, что места, являющиеся объектом воздушных атак, не входят в зону боев. В настоящую эпоху воздушной войны не существует более безопасных мест. Факт использования военнопленных для сооружения лагерей, для восстановления разрушенных взлетных полос не может быть использован как довод.

Согласно статье 31 вышеназванной Конвенции, военнопленные не должны быть использованы на работах, связанных непосредственно с военными действиями. Постройка бараков, домов, лагерных сооружений не является в прямом смысле военным действием. Признано, что военнопленные могут быть использованы при постройке дорог. Исходя из этого, их использование на восстановлении разрушенных аэродромов разрешается. По дорогам ездят грузовики, танки, машины с боеприпасами, на взлетных полосах — самолеты, не видно никакого различия.

Но было бы незаконным использовать военнопленных на подвеске бомб и подвозке боеприпасов к бомбардировщикам. Это была бы работа, связанная непосредственно с военными действиями.

В силу этого правового положения ОКХ отказалось от мысли освободить от работы французских военнопленных, работающих на аэродромах».

Я обращаю внимание Суда на этот документ. Он подчеркивает злонамеренность руководителей нацистской Германии...

Мне остается доказать еще, что союзные военнопленные, принужденные работать на немецких заводах вооружения, приобщались к военным усилиям противника. В связи с этим я привожу документ ПС-1206. Этот документ представляет собой меморандум от 11 ноября 1941 г., касающийся письма рейхсмаршала в министерство авиации от 7 ноября. Этот документ доказывает прямую ответственность подсудимого Геринга. В нем предписывается использовать русских военнопленных, а также упоминается

об использовании военнопленных стран Западной Европы. Я предъявляю этот документ РФ-50.

На первой странице говорится об использовании в индивидуальном порядке французских и бельгийских военнопленных на работах, связанных с производством вооружения. Подобное использование военнопленных на немецких заводах вооружения проводилось согласно заранее продуманному плану и являлось результатом последовательной политики. Управления по использованию рабочей силы решительно определяли всех военнопленных, которые казались им способными выполнять специальные работы, на военные заводы...

Военнопленные оказывали немецкому режиму незначительное сопротивление. Нацистские власти пытались добиться повышения производительности труда военнопленных. Я сошлюсь на документ ПС-233, который я предъявляю Суду, РФ-53. Это — циркуляр ОКВ от 17 августа 1944 г. В нем даются указания различным управлениям по делам военнопленных относительно тех мер, которые следует принять для того, чтобы увеличить производительность труда военнопленных. Я оглашаю этот документ:

«Содержание: Обращение с военнопленными. Увеличение производительности труда.

Меры, принятые до настоящего времени относительно обращения с военнопленными и увеличения их производительности труда, не дали ожидаемых результатов. Партийные и хозяйственные инстанции не перестают жаловаться на малую производительность труда...

Настоящим циркуляром сообщаются директивы, изданные совместно с заинтересованными отделами партии и государственными органами, относительно военнопленных. Следовательно, инструкции должны быть даны всем охранным частям и частям, им подведомственным.

1. Сотрудничество с руководителями НСДАП.

Сотрудничество всех офицеров, на которых возложена обязанность руководства военнопленными, с партийными руководителями должно стать еще более тесным. С этой целью коменданты лагерей военнопленных должны немедленно выделить для подведомственного им округа в качестве «офицера связи при крейслейтере» одного офицера, находящегося в курсе всех вопросов, связанных с военнопленными. На этого офицера будет возложена задача в тесном сотрудничестве с крейслейтерами в соответствии с инструкциями коменданта лагеря разрешать все вопросы, связанные с военнопленными и могущие приобрести широкую гласность.

Это сотрудничество имеет целью:

1) увеличить производительность труда военнопленных,

2) преодолеть в кратчайший срок и на месте все трудности,

3) организовать использование военнопленных в округах таким образом, чтобы это отвечало всем запросам политического, военного и экономического характера.

Партийная канцелярия со своей стороны даст соответствующие указания гаулейтерам и крейслейтерам.

2. Обращение с военнопленными (в рамках, допускаемых требованиями безопасности) должно зависеть исключительно от того, насколько это может влиять на возможно высшую производительность труда...

Контроль за производительностью является одним из средств, повышающих эту производительность. По отношению к лодырям и бунтовщикам должны применяться со всей суровостью любые репрессивные меры».

Принудительное использование труда военнопленных не дало возможности немецким властям решить проблему рабочей силы в военной экономике. Они применили насильственную политику по отношению к гражданскому населению оккупированных территорий...

Необходимость использования принудительного труда проповедовалась в той или иной форме Герингом, Заукелем, Кейтелем, Франком и другими подсудимыми.

Я не буду возвращаться к этому, представлю еще заявление подсудимого Иодля. Это — выдержка из длинной речи, произнесенной генералом Иодлем 7 ноября 1943 г. в Мюнхене перед гаулейтерами, документ Л-172, РФ-54.

«Нехватка рабочей силы навела на мысль использовать как можно больше резервы рабочей силы оккупированных нами территорий...

По моему мнению, наступил момент, когда следует действовать со всей решительностью и беспощадностью в Дании, Голландии, Франции и Бельгии и вынудить сотни бездельников выполнять работу по постройке оборонительных сооружений, являющихся исключительно важными в настоящее время. Необходимые приказы были уже даны в этом направлении»...

Во Франции управление трудовой повинности было учреждено законодательством так называемого правительства Виши, но это законодательство было навязано французским властям подсудимыми, в частности Заукелем.

Первое мероприятие Заукелем было осуществлено весной 1942 года, сразу же после назначения подсудимого уполномоченным по использованию рабочей силы. Управление по использованию рабочей силы решило провести набор 150 тысяч специалистов во Франции...

После того как первое мероприятие Заукеля было завершено, подсудимому оставалось лишь использовать созданный им источник рабочей силы. Однако сопротивление, оказанное французскими рабочими, способствовало провалу плана набора рабочих. Поэтому Заукель замышляет осуществить, начиная с января 1943 года, свое второе мероприятие. Оно заключается в установлении трудовой повинности, которая была введена после принятия двух постановлений: циркуляр от 2 февраля 1943 г. предписывал общую перепись всех французских граждан мужского пола, родившихся между 1 января 1912 г. и 1 января 1921 г. Перепись была произведена в период с 15 по 23 февраля.

Перепись только началась, когда появился закон от 16 февраля 1943 г. Он вводил трудовую повинность для всех молодых людей, родившихся между 1 января 1920 г. и

31 декабря 1922 г. Я представляю эти документы, РФ-60 и РФ-61, которые прошу принять без доказательств.

5 января 1943 г. Заукель передал различным подведомственным ему отделам приказ Гитлера, о котором сообщил ему подсудимый Шпеер. Это — документ ПС-556(13), РФ-62, который я представляю и оглашаю первый абзац:

«4 января 1943 г. в 8 часов вечера министр Шпеер позвонил из ставки Гитлера и сообщил, что, согласно решению фюрера, в будущем не следует при наборе специалистов и подсобных рабочих во Франции проявлять особое уважение к французам. В указанной стране можно прибегать к принуждению и применять более суровые меры в целях обеспечения нас рабочей силой».

11 января 1943 г. подсудимый Заукель был в Париже. Он присутствовал на совещании, происходившем у командующего, на котором присутствовали все ответственные чиновники управления по набору и использованию рабочей силы. Он сообщил им, что во Франции в скором времени должны быть приняты новые меры принуждения. Я ссылаюсь на протокол этого совещания, являющийся документом ПС-1342, РФ-63, который я представляю:

«Гаулейтер Заукель благодарит различные управления за те успехи, которые были достигнуты в ходе первой кампании. Теперь же, в начале нового года, он считает своим долгом сообщить о необходимости принятия новых суровых мер, так как фронт и военная промышленность Германии остро нуждаются в рабочей силе».

Я пропускаю конец абзаца и зачитываю следующий:

«Положение на фронте вынуждает направить туда 700 тысяч солдат. Военная промышленность должна потерять в связи с этим до первой половины марта 200 тысяч техников. Я получил приказ фюрера о том, чтобы заменить немецких специалистов 200 тысячами иностранных специалистов. Мне необходимо поэтому 150 тысяч французских специалистов, а остальная часть — 50 тысяч — будет набрана из Голландии, Бельгии и других оккупированных стран.

Кроме того, Германии нужны 100 тысяч французских чернорабочих. В ходе второго набора во Франции до второй половины марта следует набрать и отправить в Германию 150 тысяч специалистов, 100 тысяч чернорабочих, в том числе и женщин».

Несколько дней спустя подсудимый Заукель возвратился в Германию. 16 февраля он присутствовал в Берлине на совещании в центральном управлении по четырехлетнему плану. На этом совещании он выступил с комментариями к закону, который появился в тот же самый день, и признал, что он является инициатором принятия этого закона. Я ссылаюсь на отчеты о совещаниях по четырехлетнему плану, собранные в документе Р-124. Я представил его Суду сегодня утром под номером РФ-30. Я зачитал Суду выдержку из этого документа:

«Положение во Франции следующее. Когда мне и моим сотрудникам, после длительного обсуждения, удалось убедить Лаваля ввести трудовую повинность, она приняла под нашим нажимом такие размеры, что со вчерашнего дня

уже были призваны три возрастные категории французов. Таким образом, наши действия узаконены, и мы можем с помощью Французского правительства производить во Франции набор рабочих трех категорий, которых мы с настоящего момента можем использовать на французских заводах, и из этого числа выбрать рабочих для отправки в Германию для удовлетворения ее потребностей».

Подсудимый Заукель возвратился во Францию 24 февраля. Я представляю Суду письмо, которое он послал Гитлеру перед своим отъездом и в котором он информировал его о своей поездке. Это письмо показывает дальнейшую деятельность Заукеля. Оно имеет номер ПС-556(25), я представляю его Суду за номером РФ-64 и зачитываю:

«Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы — фюреру, главная ставка фюрера.

Мой фюрер!

Настоящим я позволю себе сообщить о моей предстоящей служебной поездке во Францию. Цель поездки заключается в осуществлении следующих мероприятий.

1. Предоставить в распоряжение Германии в предусмотренные сроки рабочих для замены немецких рабочих, используемых в вооруженных силах.

Я позволю себе добавить к этому, что фельдмаршал Кейтель и генерал Унру получили вчера сообщения от меня о том, что половина рабочих, предназначенных для замены немецких рабочих, состоит из 125 тысяч квалифицированных французских рабочих. Эти рабочие прибыли в Германию еще 1 января 1943 г. Теперь соответствующая мобилизация в германскую армию может проводиться. Я направляюсь сейчас во Францию с тем, чтобы убедиться, что и вторая половина набора французских рабочих прибудет в Германию к концу марта или раньше, если это возможно. Первая французская программа была осуществлена в конце декабря.

2. Обеспечить необходимой рабочей силой французские судоверфи с тем, чтобы они могли выполнить планы, предусмотренные адмиралом Деницем и гаулейтером Кауфманом.

3. Обеспечить необходимое количество рабочей силы для осуществления планов немецкой авиации.

4. Обеспечить необходимую рабочую силу для выполнения других немецких военных планов, осуществляемых во Франции.

5. Подготовить дополнительную рабочую силу совместно с господином статс-секретарем Бакке в целях повышения производительности французского сельского хозяйства.

6. Провести необходимые переговоры с французским правительством относительно трудовой повинности, набора новых возрастных категорий, активизации набора рабочей силы в интересах военной немецкой экономики и т. д.».

9 апреля 1943 г. подсудимый Заукель потребовал от французских властей, чтобы ему было предоставлено еще

120 тысяч рабочих в течение мая и 100 тысяч рабочих — в июне. В июне он сообщил, что до 31 декабря он намеревается отправить в Германию 500 тысяч рабочих.

Затем последовало третье мероприятие Заукеля. 3 июня 1943 г. была произведена тотальная мобилизация лиц контингента 1942 года. Все льготы, которые предусматривались законом от 16 февраля и последующими инструкциями, были отменены, и молодые люди контингента 1942 года были мобилизованы по всей Франции.

Третье мероприятие подсудимого Заукеля ознаменовалось жестоким давлением, которое осуществлял подсудимый, стремясь достигнуть массового вывоза путем применения принудительных мер.

Я представляю Трибуналу в качестве доказательства три документа, которые свидетельствуют о деятельности Заукеля в течение лета 1943 года. Первый документ — это письмо Заукеля Гитлеру от 27 июня 1943 г. Оно было написано подсудимым после его возвращения из поездки во Францию. В нем излагается план вербовки французских рабочих на второе полугодие 1943 года. Речь идет, во-первых, о необходимости набора 1 миллиона рабочих для работы на французских военных заводах и, во-вторых, о вывозе в Германию 500 тысяч французских рабочих. Это письмо, представляющее собой документ ПС-556(39), я представляю под номером РФ-65; цитирую:

«Веймар, 27 июня 1943 г.

Мой фюрер!

Я осмеливаюсь настоящим письмом сообщить Вам о своем возвращении из Франции, куда я ездил по служебным делам.

Имея в виду, что ресурсы рабочей силы на оккупированных территориях в большинстве своем уже мобилизованы, сейчас я углубленно изучаю возможность мобилизации новых контингентов рабочих для работы в Германии или на оккупированных территориях в интересах военной экономики Германии.

В моем сообщении от 20 апреля я позволил себе указать на то, что необходимо проводить точную координацию распределения рабочей силы, находящейся на подвластных Германии европейских территориях.

Целью моего пребывания в Париже являлось изучение путем личного ознакомления и переговоров возможности получить дополнительное количество рабочей силы. На основании тщательно подведенных итогов я принял следующее решение:

1. Учитывая, что во Франции проведены еще далеко не все необходимые мероприятия, касающиеся военной экономики, которые проведены в Германии, имеется возможность мобилизовать до 31 декабря 1943 г. еще миллион рабочих — мужчин и женщин для французской промышленности вооружений, выполняющей немецкие заказы. В этом случае станет возможным размещение дополнительных заказов во Франции.

2. С учетом этого мероприятия станет возможным после

тщательного изучения вопроса и на основе сотрудничества нашей промышленности вооружений и управления по распределению рабочей силы перевезти до конца года еще 500 тысяч французских рабочих — мужчин и женщин на территорию Германии.

Необходимыми условиями для выполнения разработанной мною программы являются следующие:

1. Тесное сотрудничество между всеми немецкими управлениями в особенности тех, которые находятся во взаимоотношениях с французскими учреждениями.

2. Постоянное изучение французской экономики при помощи смешанных комиссий, создание которых было предусмотрено господином Шпеером, имперским министром вооружения, и мною.

3. Непрерывное ведение умелой пропаганды...»

Я пропускаю следующий абзац и оглашаю последний:

«В связи с этим я прошу Вас, фюрер, разрешить мне использовать один миллион французов и француженок для нужд военной экономики Германии во Франции в течение второго полугодия 1943 года, а также перевезти 500 тысяч французов и француженок на территорию империи до конца этого года.

Ваш верный и покорный Фриц Заукель».

Документ, на который я сейчас хочу обратить внимание Трибунала, показывает, что Гитлер дал свое согласие на проведение программы Заукеля. Запись от 28 июля 1943 г., составленная доктором Штотфангом, со штампом управления по использованию рабочей силы, представляет собой отчет о совещании Заукеля с фюрером. Это документ ПС-556(41), который я представляю Трибуналу в качестве доказательства под номером РФ-66. Я ограничусь тем, что оглашу последний параграф:

«Фюрер одобрил перевод одного миллиона французских рабочих на французские военные предприятия и отправку 500 тысяч других французских рабочих на территорию империи до конца этого года».

Наконец, еще один документ доказывает, что подсудимый Заукель, заручившись одобрением Гитлера, попытался провести свою программу путем воздействия на французские власти. Этим документом является письмо Заукеля Гитлеру. Оно датировано 13 августа 1943 г. и написано по возвращении подсудимого из его поездки во Францию, Бельгию и Голландию. Это — документ ПС-556(43), РФ-67. Я оглашаю его и представляю Трибуналу:

«Веймар, 13 августа 1943 г.

Мой фюрер!

Осмеливаюсь сообщить Вам о своем возвращении из Франции, Бельгии и Голландии, куда я ездил в служебную командировку. В результате долгих и трудных переговоров я предписал проведение в течение последних пяти месяцев 1943 года нижеследующей программы по западным территориям, а также подробно разработал меры по ее проведению во Франции совместно с германским командующим,

Бельгии — с германским командующим и в Голландии — с управлением имперского комиссара.

Программой предусмотрено:

1. Перевод одного миллиона рабочих и работниц с невоенных на военные германские предприятия во Франции. Это мероприятие позволит нам снова передать во Францию выполнение большого количества военных заказов.

2. Вербовка 500 тысяч французских рабочих для работы в Германии. Эта цифра не подлежит оглашению...»

С разрешения Трибунала, я продолжу цитату до конца, так как следующие параграфы касаются Бельгии и Голландии. Это даст мне возможность в дальнейшем, снова не оглашая этот документ, ссылаться на него.

«4. Для Бельгии, по согласованию с военной администрацией в Бельгии, была разработана программа, предусматривающая использование в Германии 150 тысяч рабочих, а также организацию принудительного труда по тому же образцу, как во Франции».

Я пропускаю сейчас несколько строк и начинаю пятый абзац:

«5. Была разработана также программа для Голландии, предусматривающая отправку в Германию 150 тысяч рабочих и набор для немецкой военной промышленности еще 100 тысяч рабочих и работниц, которые должны быть переведены с предприятий, не работающих на военные нужды».

Такова была программа Заукеля в 1943 году. Его план был частично сорван благодаря сопротивлению патриотов — рабочих и служащих. Доказательством этому служит признание самого подсудимого. Я ссылаюсь на отчет о заседании центрального управления по четырехлетнему плану от 1 марта 1944 г. Это — документ, который я вчера представил Трибуналу под номером РФ-30. Я оглашаю второй абзац:

«Прошлой осенью программа вербовки иностранных рабочих осталась в значительной степени невыполненной.

Мне нет необходимости приводить здесь причины, мы достаточно говорили о них. Но я должен заявить: программа была провалена».

Заукель, однако, не был обескуражен теми трудностями, которые он встретил в 1943 году. В 1944 году он пытался провести новую программу и для этого осуществил четвертое мероприятие.

Нацистские власти решили обеспечить в 1944 году переброску 4 миллионов иностранных рабочих в Германию. Это решение было принято 4 января 1944 г. на совещании в ставке Гитлера с его участием. Отчет об этом совещании является документом ПС-1292. Я представляю его Трибуналу в качестве доказательства под номером РФ-68 и оглашаю страницу 3 французского перевода:

«Итоги совещания.

1. Уполномоченный по набору и распределению рабочей силы обеспечит, по крайней мере, 4 миллиона новых рабочих из оккупированных стран».

Подробные данные о количестве рабочей силы, которую должна предоставить каждая из оккупированных тер-

ритории, должны быть установлены 16 февраля 1944 г. на совещании центрального управления по четырехлетнему плану.

В начале моего выступления я представил отчет об этом совещании под номером РФ-20, Ф-675. Сегодня я процитирую его заключительную часть:

«Выводы 53-го заседания центрального управления по четырехлетнему плану.

Кампания по набору рабочей силы в 1944 году.

1. Среди внутренних германских резервов можно было бы, применив чрезвычайное усилие, мобилизовать приблизительно 500 тысяч...» Я пропускаю несколько строк.

«2. Набор рабочей силы в Италии в количестве 1500 тысяч, из которых с января по апрель должно набираться по 250 тысяч в месяц и с мая по декабрь — оставшиеся 500 тысяч.

3. Набор рабочей силы во Франции в количестве 1 миллиона равными ежемесячными партиями с 1 февраля по 31 декабря 1944 г. — приблизительно 91 тысяча человек в месяц.

4. Набор рабочей силы в Бельгии — 250 тысяч.

5. Набор рабочей силы в Нидерландах — 250 тысяч».

На этом я заканчиваю цитату, так как другие параграфы касаются стран Восточной Европы...

Четвертое мероприятие Заукеля, таким образом, было направлено к тому, чтобы использовать всю рабочую силу Франции. Сопротивление французов и развитие военных операций помешали проведению плана Заукеля. Подсудимый, однако, заранее предусмотрел исключительные меры, которые следовало принять в день высадки войск союзников во Франции. Я снова цитирую документ ПС-1289, представленный под номером РФ-71. Читаю:

«На оккупированных территориях уже частично разработаны мероприятия, которые необходимо провести для эвакуации населения тех районов, которые могут подвергнуться вторжению, и для того, чтобы драгоценная рабочая сила не попала в руки противника. Учитывая современное положение с рабочей силой в Германии, необходимо доставить в Германию наибольшее количество рабочих, способных дать соответствующую производительность труда. Необходимо издание соответствующих приказов для того, чтобы военные силы обеспечили безопасность при проведении этих мер. Предлагается следующий текст для приказа фюрера».

Я не буду читать текста приказа, предложенного Заукелем.

Союзники одержали победу так быстро, что Заукель не смог осуществить своего плана массового вывоза рабочих. Однако он приступил к его выполнению. И вывоз рабочих продолжался вплоть до освобождения этих территорий. Многие сотни тысяч французских рабочих находились тогда в Германии в результате различных мероприятий Заукеля. Я прошу Трибунал запомнить это.

Принудительный труд был введен в Норвегии таким же образом, как и во Франции. Подсудимые заставили нор-

вежские власти издать закон, вводивший обязательную регистрацию норвежских граждан и принудительную мобилизацию. В связи с этим я приведу цитату из предварительного отчета о преступлениях, совершенных немцами по отношению к Норвегии. Этот отчет, составленный Норвежским правительством, уже был представлен Трибуналу. Этот документ ВБ-79. Я представляю его Трибуналу под номером РФ-72 и оглашаю первую страницу:

«Результатом приказа Заукеля в Норвегии явилось издание Квислингом закона от 3 февраля 1943 г. об обязательной регистрации норвежцев и норвежек для так называемого «национального трудового натиска».

Тербовен и Квислинг открыто признавали, что закон был издан для того, чтобы использовать рабочую силу Норвегии в интересах немецкой военной экономики.

В речи 2 февраля Тербовен заявил, между прочим, что он сам и германская империя поддерживают этот закон своим авторитетом, и угрожал применением силы против всякого, кто воспротивится проведению этого закона».

В Бельгии и Голландии немецкие власти использовали неприкрытый метод: обязательная трудовая повинность была введена непосредственно распоряжениями оккупационных властей.

В Бельгии это были приказы военного коменданта; в Голландии — приказы имперского уполномоченного. Я напомню Трибуналу, что власть военного коменданта в Бельгии распространялась также на север Франции.

Приказ от 6 марта 1942 г. вводил принцип обязательного труда в Бельгии. Он был опубликован в бельгийском «Ферорднунгсблатт» за 1942 год, страница 845. Я представляю его Трибуналу под номером РФ-73 и прошу принять его в качестве доказательства.

Приказ от 6 марта исключал возможность принудительного вывоза рабочих в Германию. Но этот принудительный вывоз был введен приказом от 6 октября 1942 г., который был опубликован в бельгийском «Ферорднунгсблатт» за 1942 год, страница 1060. Я представил его в качестве доказательства под номером 57 во время моего выступления.

Действия немцев в Бельгии вызвали многочисленные протесты со стороны различных высокопоставленных бельгийцев, в том числе бельгийского короля и кардинала Ван-Роэ.

Приказы, которые вводили принудительный труд в Бельгии и на севере Франции, были подписаны генералом фон Фалькенхаузеном. Однако этот последний издал свой приказ от 6 октября по распоряжению Заукеля. Я снова ссылаюсь на свидетельство генерала фон Фалькенхаузена, которое я вчера представлял Трибуналу под номером РФ-15.

Я прошу Трибунал разрешить мне зачитать из него некоторые выдержки:

«Вопрос: 6 октября 1942 г. был опубликован приказ, который вводил обязательную трудовую повинность в Бельгии и в северных департаментах Франции для мужчин в

возрасте от 18 до 50 лет и для незамужних женщин — от 21 года до 25 лет. Кем Вы тогда были?

Ответ: Я был командующим в Северной Франции и в Бельгии.

Вопрос: Помнит ли свидетель о том, что он издал этот приказ?

Ответ: Я не помню точно текста этого приказа, потому что он был издан в результате долгого спора с уполномоченным по использованию рабочей силы, Заукелем.

Вопрос: Имелись ли у Вас какие-нибудь разногласия с Заукелем?

Ответ: Я решительно возражал против введения принудительного труда и, только получив прямое приказание, я согласился на издание этого приказа.

Вопрос: Таким образом, этот приказ был издан не по Вашей инициативе?

Ответ: Напротив.

Вопрос: Кто давал инструкцию по этому вопросу?

Ответ: Я полагаю, что в тот момент Заукель уже был назначен генеральным уполномоченным по распределению рабочей силы, и он давал мне в тот момент все инструкции по приказу Гитлера».

Я делаю тут пропуск и далее цитирую с третьей страницы французского перевода четвертый абзац:

«Вопрос: Хотя Вы возражали против такого понимания принудительного труда, Вы тем не менее никак не реагировали, когда получили эти инструкции?

Ответ: Происходила бесконечная борьба между Заукелем и мною; это в конце концов послужило одной из причин моей отставки».

Мне остается заняться вопросом о введении принудительного труда в Голландии.

Я прошу Трибунал иметь в виду, что за введение принудительного труда на оккупированных нидерландских территориях должен нести ответственность, наряду с подсудимым Заукелем, также и подсудимый Зейсс-Инкварт.

Действительно, вывоз голландских рабочих был организован на основании приказов имперского уполномоченного. Эти приказы совершенно ясно говорят об ответственности Зейсс-Инкварта, тем более что последний в качестве имперского комиссара получил полномочия непосредственно от Гитлера.

Подсудимый Зейсс-Инкварт ввел в Голландии принудительный труд приказом от 28 февраля 1941 г., который был опубликован в Голландии в «Ферорднунгсблатт» за 1941 год, № 42. Я уже ссылался на этот приказ вчера. Это — документ РФ-58, который я просил Трибунал принять без доказательств.

Как и в Бельгии, принудительный труд сначала должен был применяться только в пределах оккупированной территории, но, как и в Бельгии, уже вскоре пределы его применения были расширены для того, чтобы дать возможность вывозить рабочих в Германию. Для этого был издан другой приказ Зейсс-Инкварта от 23 марта 1942 г.,

опубликованный в № 26 «Ферорднунгсблатт». Я представляю его под номером РФ-74 и прошу Трибунал приобщить его к делу.

Таким образом, Зейсс-Инкварт проложил путь, идя по которому Заукель смог осуществлять свою деятельность. Заукель действительно постарался использовать все человеческие ресурсы Голландии, но вскоре понадобились новые меры. Эти меры были приняты Зейсс-Инквартом.

Приказ от 6 мая 1943 г., опубликованный в «Ферорднунгсблатт» за 1943 год, страница 173, предписывал мобилизацию всех мужчин в возрасте от 18 до 35 лет. Я представляю этот приказ Трибуналу в качестве доказательства под номером РФ-75.

Кстати, уже 19 февраля 1943 г. Зейсс-Инкварт издал инструкцию, которая давала его аппарату возможность принимать любые меры для использования рабочей силы.

Этот приказ, опубликованный в «Ферорднунгсблатт» за 1943 год, я представляю Трибуналу под номером РФ-76.

Насколько значительным был вывоз рабочей силы из Голландии, доказывается письмом представителя Заукеля в Нидерландах, датированным 16 июня 1943 г. Это письмо я представляю под номером РФ-77 и оглашаю его:

«В соответствии с приказом о переписи от 7 мая, контингенты с 1920 года по 1924 год рождения были зарегистрированы. Помимо этой очень значительной работы, оказалось возможным отправить 22 986 рабочих в Германию, не считая военнопленных, переведенных в категорию рабочих. Таким образом, в июне будет компенсировано число, которое не было достигнуто в мае.

Согласно голландским статистическим данным, каждый контингент включает 80 тысяч человек, и перевоз этих людей в империю уже начался. 446 493 человека были перевезены в Германию до 1 июня 1943 г., часть из них снова возвратилась.

Цифры мобилизованных рабочих таковы:

контингент 1921года — 43 331; 1922 — 45 354; 1923 — 47 593; 1924 — 45 232.

Поскольку имелось до 80 процентов случаев уклонения, сейчас необходимо перевозить эти контингенты целиком на территорию империи. Имперский уполномоченный дал на это свое согласие. Руководители различных областей, както: экономики, вооружения и сельского хозяйства, командование армии — ввиду необходимости также дали свое согласие».

В конце 1944 года германские власти усилили давление, оказываемое на Голландию. В это время несколько десятков тысяч человек были арестованы в течение двух дней в Роттердаме. Во всех больших городах Голландии происходили систематические облавы, иногда неожиданные, а иногда после обращения к населению с требованием явиться в определенные пункты. Я представляю Трибуналу в качестве доказательства эти обращения, объединенные в документ ПС-1162. Этот документ уже представлял господин Додд. Я не стану оглашать эти обращения заново, но представляю их под номером РФ-78 в подтверждение моей аргумента-

ции. Все эти документы говорят не об отдельных фактах, а вскрывают систематическую политику, которую подсудимые проводили до тех пор, пока 5 мая 1945 г. капитуляция Германии не повлекла за собой освобождение Голландии[1].

Я должен представить Трибуналу еще одно дополнительное объяснение.

Подсудимые не ограничивались введением принудительной трудовой повинности на оккупированных территориях. Я уже сказал, что они применяли меры преступного принуждения, для того, чтобы обеспечить проведение мобилизации иностранных рабочих. Я сейчас представлю доказательство этого.

Меры, которые принимались нацистами для того, чтобы гарантировать принудительную вербовку иностранных рабочих, нельзя отрывать от тех мероприятий, которые они проводили для обеспечения так называемой «добровольной» вербовки. В первом случае давление было более сильным, но в обоих случаях оно проходило по одной и той же линии. Действовали обманом или, если это не помогало, прибегали к принуждению. Очень скоро подсудимые поняли, что никакая пропаганда не могла оправдать принудительный труд в глазах их жертв. Если у них и оставались какие-либо сомнения по этому поводу, то они рассеивались по получении отчетов от оккупационных властей. Эти власти единодушно указывали на политические волнения, которые были вызваны принудительной мобилизацией, и на то сопротивление, с которым они сталкивались. Таким образом, только путем принуждения подсудимые пытались осуществить проведение мобилизации гражданских лиц.

Одной из первых мер наказания строптивых, к которой прибегали немцы, являлось отобрание продовольственных и промтоварных карточек. Трибунал знает, что уже в январе 1942 года эта мера была предусмотрена циркуляром доктора Мансфельда, который я представил Трибуналу под номером РФ-26, ПС-1183. Трибунал также помнит, что в приказе Гитлера от 8 сентября 1942 г., который я представил под номером РФ-55, ПС-556(2), подтверждалось, что эта мера должна применяться. Согласно этому приказу, карточки на продукты питания и на одежду не должны были выдаваться тем лицам, которые не могут доказать, что они где-нибудь работают, а также тем, кто уклоняется от принудительной трудовой повинности.

Приказ Гитлера был проведен в жизнь на всех оккупированных территориях.

Во Франции циркуляры, издаваемые оккупационными властями, запрещали возобновление карточек на питание французам, которые уклонялись от переписи, проводившейся согласно закону от 16 февраля 1943 г.

В Бельгии лишение карточек устанавливалось приказом

---

[1] Имеется в виду капитуляция германских войск в Голландии, Дании и Северной Германии, подписанная главнокомандующим военно-морскими силами Германии Фридебургом 4 мая и вступившая в силу 5 мая.

командующего генерала фон Фалькенхаузена, документ РФ-79...

В Голландии также было запрещено выдавать новые карточки, если на старых не было штампа бюро труда.

Но подсудимые применяли методы принуждения еще более преступные, чем лишение карточек. Я хочу указать на преследования, которым подвергались семьи лиц, уклонявшихся от трудовой повинности. Я считаю, что это преследование является преступным потому, что оно основано на понятии коллективной ответственности семьи, которое противоречит основным положениям уголовного права цивилизованных наций. Это преследование получило тем не менее утверждение в нескольких беззаконных актах, изданных или навязанных нацистами.

Во Франции это было проведено законом от 11 июня 1943 г., который я представляю Трибуналу под номером РФ-80, и прошу принять его без доказательств.

Что касается Бельгии, я ссылаюсь на приказ военного коменданта от 30 апреля 1943 г., опубликованный в «Ферорднунгсблатт» 6 мая 1943 г. Представляя этот приказ под номером РФ-81, я прошу Трибунал принять его без доказательств...

Так как никакой мерой не удавалось устрашить рабочих оккупированных территорий, подсудимые в конце концов обратились к своей полиции, чтобы обеспечить арест рабочих, которых они предназначали для угона в Германию. Это полицейское вмешательство было осуществлено по требованию подсудимого Заукеля.

Я представляю в качестве доказательства документ — это отчет о совещании, которое имело место 4 января 1944 г. в главной ставке Гитлера. Я недавно уже представлял этот документ Трибуналу под номером РФ-68, ПС-1292. Я зачитаю выдержки из него:

«Уполномоченный по набору и распределению рабочей силы Заукель заявил, что он будет с фанатическим упорством добиваться получения рабочих. До сих пор он всегда держал свое обещание в отношении числа мобилизованных рабочих. Однако, несмотря на всю его добрую волю, он не может обещать ничего определенного на 1944 год.

Успех будет зависеть прежде всего от сил германской полиции, которые будут предоставлены в его распоряжение. Его проект не может быть осуществлен без помощи германской полиции»...

Таким образом, в конце концов угон рабочих в Германию был обеспечен путем их ареста и угрозами репрессий. Совершенно логично, с точки зрения национал-социалистской системы, что политика угона иностранных рабочих закончилась полицейским террором.

Я сказал Трибуналу, что сопротивление, которое оказывали военнопленные и рабочие оккупированных стран то коварным, то жестоким действиям подсудимых, провалило план набора иностранных рабочих. Подсудимый Заукель встречал громадные затруднения в осуществлении программы, принятию которой Гитлером и подсудимым Герингом, Шпеером и Функом он содействовал.

Из этого не следует, что гитлеровской Германии не удалось произвести массового угона иностранных рабочих. Число рабочих из оккупированных территорий Западной Европы, угнанных в Германию, очень велико. Еще больше было привлечено рабочих к принудительному труду на местах: на заводах и на стройках, находившихся в ведении оккупационных властей.

Я представлю Трибуналу статистические сведения для того, чтобы позволить ему проверить мое утверждение. Эта статистика состоит из отрывков — выдержек из докладов, которые правительства оккупированных стран составили уже после их освобождения, а также из отчетов, адресованных во время войны управлениями по использованию рабочей силы властям, в ведении которых эти страны находились.

Статистика, представленная союзниками, не является полной, так как архивы, по которым она была составлена, были частично уничтожены. С другой стороны, административные органы оккупированных стран располагали только сведениями из вторых рук каждый раз, когда речь шла о принудительном наборе рабочих, произведенном непосредственно оккупационными властями. Что же касается германской статистики, то она также неполная, потому что союзники обнаружили еще не все вражеские архивы.

Однако имеется возможность дать Трибуналу более или менее точное определение огромного значения угона населения, произведенного немцами. Это определение покажет, что нарушения международного права, совершенные подсудимыми, не оставались в стадии попыток начать выполнение этого преступления, а согласно уголовному законодательству представляли собой законченные преступления.

Сначала я представлю Трибуналу статистику, приведенную в официальных отчетах Французского правительства. Они содержат многочисленные статистические таблицы, из которых я назову итоги. Они дают следующие сведения:

738 тысяч рабочих были направлены на работу в принудительном порядке во Франции;

875 952 французских рабочих были угнаны на работу на германские заводы;

987 687 военнопленных были использованы в военной экономике Германии, то есть всего:

2 601 639 рабочих-французов были вынуждены работать на военные нужды нацистской Германии.

Из официального доклада Бельгийского правительства я заимствую сведения о том, что 150 тысяч человек были привлечены к принудительному труду, а из официального доклада Датского правительства я называю цифру 431 400 человек. Но следует заметить, что эти цифры не включают людей, захваченных во время систематических облав, которые проводились в ноябре 1944 года, а также людей, угнанных на работу в 1945 году.

Я сейчас представлю Трибуналу уточнения по всем этапам политики мобилизации иностранных рабочих.

Эти уточнения почерпнуты из докладов самого подсуди-

мого Заукеля или различных административных органов, которые занимались угоном рабочей силы.

О громадном значении рабочей силы, использованной на оккупированных территориях, свидетельствуют сведения о рабочих, предназначенных на строительство укреплений так называемого «Атлантического вала» в организации Тодта, руководство которой, я напоминаю, осуществлялось подсудимым Шпеером после смерти основателя этой организации.

Я почерпнул эту статистику из телеграммы, адресованной 17 мая 1943 г. подсудимым Заукелем Гитлеру. Это — документ ПС-556(33), который я представляю Трибуналу под номером РФ-84. Цитирую:

«Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы.

Главная ставка фюрера.

Мой фюрер!

Я буду Вам очень благодарен, если Вы разрешите мне представить Вам следующие статистические данные по вопросу об использовании рабочей силы в организации Тодта.

С тех пор как я являюсь ответственным за обеспечение рабочими всей германской промышленности, организации Тодта были переданы новые рабочие силы. Общая цифра рабочих, использованных в организации Тодта, включает на конец марта 1942 года 270 969 человек и на конец марта 1943 года — 696 003 человека.

В этой связи следует отметить, что рабочим, особенно тем, которые используются в организации Тодта, было специально поручено выполнение работ по сооружению «Атлантического вала».

Несмотря на эти многочисленные трудности, число рабочих в организации Тодта на Западе увеличилось в конце марта 1942 года на 66 701 рабочего, а в конце марта 1943 года — на 248 200 рабочих».

Количество угнанных в Германию иностранных рабочих указывается в докладе от 30 сентября 1941 г., который был обнаружен в архивах ОКВ. Это — документ ПС-1323, который я представляю под номером РФ-85. Согласно этому документу, 1 228 686 рабочих были использованы в Германии на 30 сентября 1941 г. Из этого числа 483 842 происходили из оккупированных территорий Запада.

Я зачитаю документ, в котором подробно указано происхождение рабочих по странам. Я ограничусь рубрикой, которая относится к западным странам, так как статистические данные о рабочих, угнанных из восточных стран, входят в компетенцию моих советских коллег. Дания — 63 309 чел; Голландия — 134 093 чел.; Бельгия — 212 903 чел.; Франция — 72 475 чел.; Италия — 238 557 чел.

Наконец, 7 июля 1944 г. Заукель в одном из своих последних отчетов сообщал нацистскому правительству о результатах своей кампании за первую половину 1944 года. Я цитирую документ ПС-208, который я представляю Трибуналу под номером РФ-86. Читаю вторую страницу:

«Происхождение иностранцев: из Франции, кроме Северной Франции — 33 тысячи; из Бельгии (включая Север-

ную Францию) — 16 тысяч; из Голландии — 15 тысяч; из Италии — 37 тысяч».

Речь идет о новой рабочей силе, предоставленной германской промышленности с 1 января по 30 июня 1944 г.

Я привел Трибуналу доказательство, которое я должен был ему представить. Трибунал вспомнит о признании Заукеля на 58-м совещании управления по четырехлетнему плану, которое я зачитал ранее. Заукель признал, что в Германии было 5 миллионов иностранных рабочих, из которых только 200 тысяч прибыли добровольно. Фактическая сторона преступления, о котором я говорю, установлена как обстоятельствами выполнения плана, так и многочисленностью жертв, которые оно вызвало. Чтобы утверждать о серьезности его результатов, мне остается сказать об обращении, которому подвергались иностранные рабочие в Германии.

Германская пропаганда всегда утверждала, что с угнанными в Германию иностранными рабочими обращались так же, как с германскими рабочими: те же условия жизни, тот же трудовой режим и та же дисциплина. Мои американские коллеги привели доказательства посягательств нацистских заговорщиков на достоинства, права и жизненные условия германских рабочих. С иностранными рабочими в Германии обращались еще хуже, вовсе не так, как следует обращаться с людьми. Я это утверждаю и постараюсь представить Трибуналу соответствующие доказательства.

Но сначала я хочу привлечь внимание Трибунала к значению нового преступления, которое я изобличаю. Оно не только дополняет преступление, заключающееся в угоне, но и придает ему зловещий смысл.

Я сказал, что политику подсудимых на оккупированных территориях можно резюмировать следующим положением: использование активных сил и истребление непродуктивных. Следует иметь в виду эту цель, характеризующую замыслы нацистов, для того чтобы судить об обращении, которому подсудимые подвергали иностранных рабочих. Немцы использовали человеческий потенциал оккупированных стран до предела, они использовали каждого рабочего.

Они оказывали кое-какое внимание иностранным рабочим тогда, когда желали увеличить прозводительность их труда, но обращались с ними так же, как и со всеми остальными угнанными, если производительность их труда падала.

В качестве доказательства сошлюсь на соглашение, заключенное Заукелем с руководителем «германского трудового фронта» Леем 2 июня 1943 г., оно было опубликовано в «Рейхсгезетцблатт» за 1943 год; я представил его Трибуналу под номером РФ-18 в начале моего выступления. Из этого соглашения следует, что обращение с иностранными рабочими контролировалось особой инспекционной службой «Арбайтсэйнзатц». Таким образом, подсудимый Заукель не мог не знать о жестоком обращении, которому подвергались иностранные рабочие; те из

жестокостей, которые он сам не предписывал, он все же допускал.

Прежде всего я обращу внимание Трибунала на расписание работы, которое было навязано иностранным рабочим. Согласно декрету Заукеля от 22 августа 1942 г., продолжительность рабочего времени была установлена из расчета 54 часа в неделю. В действительности большинство иностранных рабочих работали гораздо больше. Сверхурочные задания, требовавшие дополнительных часов работы, поручались чаще всего иностранцам.

Нередко последние должны были работать по 11 часов в день, то есть 66 часов в неделю в том случае, если они пользовались одним днем отдыха в неделю.

Сейчас в этой связи я процитирую доклад министерства по делам военнопленных, угнанных и беженцев, документ УК-78-3, который я представлю в качестве доказательства под номером РФ-87:

«Рабочий день: средняя продолжительность рабочего дня была 11, иногда 13 часов на некоторых предприятиях, например «Машиненфабрик». На заводе Алькетт заставляли работать 10 — 14 часов днем и 12 часов — ночью. В Кенингсберге на заводах гусеничных лент Круппа работали 12 часов в день».

Зарплата рабочих, использовавшихся в Германии, была ограничена. Впрочем, она еще отягощалась многочисленными поборами и налогами. Наконец, были еще большие штрафы, которые германские предприятия имели право налагать на своих рабочих. Эти штрафы могли достигать суммы еженедельной зарплаты за легкие нарушения дисциплины.

Я представляю в доказательство документ Д-182. Речь идет о двух проектах правил для иностранных рабочих. Одно из правил предназначалось для русских и польских рабочих; о нем будут говорить мои советские коллеги. О другом же я представляю Трибуналу документ под номером РФ-88, который я зачитываю:

«Проект правил для гражданских иностранных рабочих. Обеспечение рабочей дисциплины. Январь, 1944 год.

Я должен вас информировать о следующем:

Увеличивающееся число опозданий и случаев проявления небрежности вынудило компетентные власти принять новые, более строгие правила дисциплины на работе. Нарушения рабочей дисциплины, как, например, самовольный уход с работы, будут караться штрафами, которые смогут достигнуть средней ежедневной зарплаты.

В серьезных случаях, например при повторном и беспричинном невыходе на работу, виновные будут караться штрафами, которые могут достигнуть средней еженедельной зарплаты. Кроме того, в крайнем случае при таких обстоятельствах дополнительные продовольственные карточки могут быть отобраны на срок до 4 недель».

Управление германской пропаганды издавало во Франции иллюстрированные брошюры, в которых жилища для иностранных рабочих были описаны как комфортабельные помещения. В действительности все было по-другому. Я не

буду долго останавливаться на этом вопросе. Мой американский коллега господин Додд представил вам протокол допроса под присягой доктора Егера, главного врача в лагере рабочих завода Круппа. Я не буду зачитывать снова Трибуналу этот документ, но я напоминаю, что, по словам доктора Егера, французские рабочие заводов Круппа, военнопленные, в течение полугода жили в конурах, в уборных, в бывших печах; конуры были размером 3 фута в вышину, 9 футов в длину и 6 — в ширину. В каждой конуре помещалось по 5 человек. Документ РФ-89.

Плохие жилищные условия часто усугублялись плохим питанием. В этой связи я дам некоторые пояснения Трибуналу. Я не говорю, что иностранные рабочие, угнанные в Германию, систематически доводились до истощения. Я говорю, что о взглядах национал-социалистов в этом случае можно судить по тому, как кормили иностранных рабочих. Их кормили прилично, когда управление рабочей силы желало увеличить производительность их труда. Их морили голодом, как только по какой-либо причине производительность их труда снижалась. Эти рабочие попадали тогда в категорию непроизводительных сил, которые национал-социализм обрекал на уничтожение.

10 сентября 1942 г. подсудимый Заукель заявил на первом съезде «трудового фронта Великой Германии»:

«Питание и вознаграждение иностранных рабочих должно быть пропорционально производительности их труда и их доброй воле».

Он развил эту тему в документах, которые я представляю Трибуналу в качестве доказательства. Я имею, прежде всего, в виду письмо Заукеля Розенбергу, которое является документом ПС-016. Я не буду его зачитывать, так как его уже зачитывали Трибуналу мои американские коллеги. Но я все-таки обращаю внимание Трибунала на второй абзац страницы 20 этого документа, в котором говорится о снабжении военнопленных и иностранных рабочих. Он гласит:

«Все эти люди должны получать питание, жилье, и с ними должны обращаться так, чтобы их можно было использовать максимально с минимальными затратами».

Я прошу Трибунал запомнить это выражение — использовать максимальным образом иностранную рабочую силу с минимальными затратами...

Подвергаясь, таким образом, заболеваниям и эпидемиям из-за плохого питания и плохих жилищных условий, иностранные рабочие, кроме того, не пользовались достаточным медицинским обслуживанием. В качестве доказательства представляю доклад от 15 июня 1944 г., составленный доктором Феврие, руководителем медицинского обслуживания французской делегации при «германском трудовом фронте». Это — документ Ф-536. Я представляю его в качестве доказательства под номером РФ-91 и цитирую страницу 15 французского оригинала:

«В Освенциме среди 2 тысяч рабочих находятся туберкулезные, болезнь которых была установлена местным немецким врачом «Арбайтсэйнзатц». Этот последний не возвращает их на родину вследствие его враждебного

безразличия. Я сейчас принимаю меры к их возвращению на родину.

В Берлине, в госпитале, где немецкий главный врач появляется один раз в три недели и где русская докторша раздает всем больным каждое утро одни и те же успокоительные капли, я видел человек двенадцать туберкулезных, из которых трое военнопленных, переведенных из категории военнопленных в рабочие. Их болезнь перешла всякие границы, когда можно было оказать медицинскую помощь».

Статистических данных об иностранных рабочих, умерших на работах, не было составлено. Профессор Анри Дессай, генеральный врач — инспектор министерства труда, считает, что в Германии умерли 25 тысяч французских рабочих. Но не все они умерли от болезней, так как к медленному истреблению прибавилось быстрое истребление в концентрационных лагерях.

Действительно, дисциплинарный режим иностранных рабочих был чрезмерно строгим и нарушал международное право. Я уже представил несколько примеров взысканий, которым подвергались угнанные рабочие. Кроме того, рабочих, которых охранники считали строптивыми, посылали в специальные штрафные лагеря, а некоторые из рабочих бесследно исчезали в концентрационных лагерях для политических заключенных.

Напомню Трибуналу, что я уже представил ему косвенное доказательство того, о чем я говорю. Во время моего выступления я представил Трибуналу под номером РФ-44 приказ Заукеля от 29 марта 1943 г., согласно которому продлевается срок трудовых договоров на время, которое рабочий провел в тюрьме или в концентрационном лагере. Я не буду останавливаться на этом вопросе.

Я подчеркиваю, однако, важное значение преследования иностранных рабочих. Оно завершает преступления по угону рабочих и доказывает последовательность германской политики истребления.

Я осветил перед Трибуналом события, которые отметили мобилизацию иностранных рабочих из гражданского населения на службу нацистской Германии. Я объяснил, каким образом организация принудительных работ входила в общие рамки немецкой политики господства. Я изобличил перед Трибуналом методы, которыми подсудимые пользовались для принудительной мобилизации иностранной рабочей силы. Я подчеркнул значение угона, к которому прибегала «Арбайтсейнзатц», и я напомнил Трибуналу, какому плохому обращению подвергались угнанные на работу.

Политика принудительного труда включает все нарушения, рассмотрение которых входит в компетенцию Трибунала: нарушения международных конвенций, посягательства на международное право, преступления против внутреннего права оккупированных стран.

Все подсудимые несут ответственность за эти преступления. Именно правительственный кабинет установил принципы политики принудительной мобилизации. Верховное

командование германских вооруженных сил привело в исполнение эти принципы на стройках вермахта. Гражданская администрация опиралась на эти нарушения в военной экономике Германии.

Я подчеркиваю особо виновность некоторых подсудимых:

Геринг — генеральный уполномоченный по четырехлетнему плану — координировал составление и выполнение плана по мобилизации иностранных рабочих.

Кейтель — руководитель вооруженными силами, визировавший декреты Гитлера о принудительном труде, — включил в эту систему военнопленных.

Функ — министр экономики рейха и Шпеер — министр вооружения — основывали свою программу военного производства на принудительном труде.

Наконец, Заукель — генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы — показал себя решительным исполнителем и, согласно его собственному выражению, фанатическим последователем политики принудительной мобилизации, инициатором применения которой в Голландии явился Зейсс-Инкварт.

Трибунал определит их ответственность; я прошу его покарать виновных в преступлении и восстановить достоинство человеческого труда.

Из допроса свидетеля Г. МИЛЬХА[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 11 марта 1946 г.

Джексон[2]: *Принимали ли Вы участие в вывозе в Германию гражданского населения оккупированных территорий для принудительного труда?*

Мильх: *Нет.*

Джексон: *Но Вы знали, что это делалось?*

Мильх: *Я не знал, что рабочие увозились насильственно. Нам было сообщено, что они приезжали добровольно...*

Джексон: *Знаете ли Вы, что военнопленных принуждали работать в авиационной промышленности и даже в орудийных расчетах? Вы знали об этом?*

Мильх: *Я слышал об этом.*

Джексон: *И Вы слышали об этом от Ваших друзей-офицеров, не так ли?*

Мильх: *От кого я это слышал, я не помню сейчас...*

Джексон: *На одном из допросов Вам был задан вопрос: «Чувствовали ли те генералы, с которыми Вы сотрудничали еще до 1939 года, что путь, избранный Гитлером, по всей вероятности, приведет к войне?», на что Вами был дан сле-*

[1] IMT, vol. 9, p. 44—133.

[2] Р. Джексон — Главный обвинитель от США.

дующий ответ: «Те, которые способны были понимать международную политическую обстановку, — да, но они должны были быть очень осторожны, поскольку они не могли высказать своих мнений вслух. Они не смели делать этого». Это правильно?

Мильх: *Да, это правильно.*

Джексон: *Чего же так боялись генералы, командовавшие армиями, что они даже не высказывали вслух своих мнений?*

Мильх: *Они не могли об этом докладывать Гитлеру.*

Джексон: *Кого же они опасались? Ведь генералов было много, а Гитлер только один. Кто же должен был выполнять приказы, направленные против них?*

Мильх: *Это было невозможно. Гитлер был настолько силен, что все контраргументы других или отклонялись или вообще не выслушивались...*

Джексон: *Я хочу задать Вам несколько вопросов, относительно Вашей деятельности и Ваших задач в центральном бюро планирования. Вы были членом этого бюро, не так ли?*

Мильх: *Да.*

Джексон: *В течение какого времени?*

Мильх: *С самого начала, мне кажется, это было в 1941 или 1942 году и до конца.*

Джексон: *Членами этого бюро, помимо Вас, были подсудимый Шпеер?..*

Мильх: *Да.*

Джексон: *И Функ?*

Мильх: *Да, но только позднее.*

Джексон: *Когда он стал членом центрального бюро планирования?*

Мильх: *Тогда, когда большинство гражданской промышленности перешло в министерство вооружения Шпеера.*

Джексон: *Был ли Кернер членом бюро?*

Мильх: *Да.*

Джексон: *Кто был доктор Зауэр?*

Мильх: *Он был чиновником министерства Шпеера, однако он не принадлежал к центральному бюро планирования...*

Джексон: *Заукель часто присутствовал на заседаниях бюро, не так ли?*

Мильх: *Часто — нет, но время от времени — да.*

Джексон: *Каковы были функции центрального бюро планирования?*

Мильх: *Распределение сырьевых ресурсов между отдельными потребителями, как-то: вооруженными силами (сухопутной армией, военно-воздушными и военно-морскими силами), а также различными гражданскими секторами, как, например, рудниками, промышленными стройками и т. д.*

Джексон: *А также вопросами рабочей силы, не так ли?*

Мильх: *Простите, рабочих мы не распределяли.*

Джексон: *Бюро не имело никакого отношения к рабочей силе?*

Мильх: *Нет, мы могли давать предложения по этому вопросу, но распределение не входило в наши функции...*

Джексон: *Знаете ли Вы о том, что Шпеер передал властям США все свои личные документы и записи, включая и протоколы заседаний центрального бюро планирования?*

Мильх: *Я услышал об этом лишь здесь.*

Джексон: *Я прошу передать свидетелю протоколы заседаний центрального бюро планирования, документ РФ-124, чтобы он ознакомился с ними по подлиннику. (Обращаясь к Мильху) Посмотрите на страницу 1059, это протокол № 21 от 30 октября 1942 г. Из протокола явствует, что Вы присутствовали на этом заседании. Вы это припоминаете?*

Мильх: *Из этой фразы это еще не следует, но я думаю, что это было так. Да, я вижу, что в протоколе мое имя часто упоминается...*

Джексон: *Имело ли центральное бюро планирования какое-либо отношение к использованию в качестве рабочей силы военнопленных?*

Мильх: *По моему мнению, нет.*

Джексон: *В протоколе заседания центрального бюро планирования от 2 ноября 1942 г. (страница 1042, строка 24) приводится Ваше выступление. Я прочту запись: «Мильх: Я думаю, что сельское хозяйство должно получить свою норму рабочей силы. Если бы мы были в состоянии передать для использования в сельском хозяйстве на 100 тысяч человек больше, то и количество относительно сытых людей было бы у нас больше на 100 тысяч человек. Однако же человеческий материал, который мы сейчас получаем, в частности военнопленные, находятся не в достаточно хорошем для работы состоянии». Вы выступали с таким заявлением?*

Мильх: *Я в деталях не помню, но предполагаю. Я не знаю, видел ли я этот протокол...*

Джексон: *Присутствовали ли Вы на совещании с фюрером и министром Шпеером?*

Мильх: *К какому времени Вы это относите?*

Джексон: *К 5 марта 1944 г.*

Мильх: *5 марта 1944 г.? Да, я присутствовал на этом совещании у фюрера. Там речь шла о создании штаба по строительству истребителей, то есть объединении усилий всей промышленности вооружения для того, чтобы добиться повышения производства истребителей.*

Джексон: *Я прошу, чтобы Вам сейчас показали записи Шпеера относительно этого совещания у фюрера, на котором присутствовали также генерал фон Боденшатц и полковник фон Белов. Не так ли? Я прошу Вас обратить внимание на следующий абзац: «Я сообщаю фюреру о желании рейхсмаршала относительно дальнейшего использования труда военнопленных путем передачи стационарных лагерей в ведение СС, за исключением англичан и американцев. Фюрер согласился с этим предложением и попросил фон Белова принять соответствующие меры». Я спрашиваю*

Вас, каким образом СС могла повысить производительность труда военнопленных? Какие меры она, по-вашему, должна была предпринять? (Пауза)

Отвечайте на мой вопрос. Какие меры, по-Вашему, должны были предпринять в СС для того, чтобы повысить производительность труда военнопленных?

Мильх: *Я сейчас уже не помню этого. Во всяком случае, в то время нам не было так широко известно о методах действия СС, как это известно сегодня.*

Джексон: *Это было в марте 1944 года?*

Мильх: *Да.*

Джексон: *Значит, Вы ничего не знали о тех методах, которыми СС могла бы повысить производительность труда военнопленных? Вы хотите, чтобы Ваш ответ был зафиксирован именно так?*

Мильх: *Нет, я не хотел бы так оставлять это. Я как раз обдумываю этот пункт. Я думаю, что речь шла о том, следует ли использовать военнопленных в качестве рабочей силы или нет. Речь не шла о том, чтобы использовать этих военнопленных каким-то образом при СС, военнопленные были переданы для использования их в качестве рабочей силы. Я так это понимаю.*

Джексон: *...Хорошо, перейдем к 33-му совещанию центрального бюро планирования от 16 февраля 1943 г., где в числе прочих присутствовали Вы, Шпеер и Заукель. Если суммировать происходившее на этом совещании, то можно сказать, что там имело место серьезное обсуждение вопроса о рабочей силе. Вначале был сделан доклад Шрейбером и Тимом, а затем происходило общее обсуждение положения с рабочей силой.*

Ваше выступление гласит: «Мильх: Мы выдвинули требование о том, чтобы известный процент людей, занятых в зенитной артиллерии, состоял из русских. В общей сложности будет использовано 50 тысяч. 30 тысяч их уже используется в качестве орудийной прислуги. Забавно, что русские должны действовать в качестве орудийной прислуги».

Что было «забавного» в том, что русские военнопленные должны были работать в качестве орудийной прислуги?

Мильх: *«Мы выдвинули требование» — «мы» — это не относится к бюро планирования, эти требования выставил Гитлер.*

Джексон: *Так «мы» — это Гитлер?*

Мильх: *Да, германское правительство. Я считаю, что своеобразным было то, что военнопленных заставляли стрелять по самолетам их союзников. Мы были недовольны, так как мы должны были снимать их с работы. Мы были против их использования в зенитной артиллерии.*

Джексон: *Вы сказали: «Забавно, что русские должны действовать в качестве орудийной прислуги». Что в этом было забавного?*

Мильх: *«Забавно» — это значит своеобразно, удивительно. Но я не могу сказать, было ли сказано это слово. Я не видел протокола.*

Джексон: *Я обращаю внимание на конец вашего выступления. «Остальные 20 тысяч человек еще не получены. Вчера я получил письмо от главного командования сухопутных сил, в котором говорится, что они не в состоянии выделить ни одного человека. Они сами испытывают недостаток. Это мероприятие, таким образом, не окажется для нас успешным». К чему относится «для нас», если не к Вашим потребностям в области промышленности?*

Мильх: *Я думаю, что этот протокол был неправильно составлен... Я могу сказать, что речь шла о том, чтобы взять из промышленности вооружения часть людей и использовать их в противовоздушной обороне. Мы, занимавшиеся вооружением, не хотели отдавать этих людей и возражали против их перевода из промышленности вооружения в зенитную артиллерию...*

Джексон: *Я прошу обратить внимание на следующее Ваше высказывание: «Мильх: Конечно, имеется фронт и на Востоке. Этот фронт будет держаться некоторое время. Единственное, что остается русским, если мы эвакуируем какую-либо область, так это — население. Вопрос заключается в следующем, не лучше ли было для нас, как правило, вначале эвакуировать население в тыл на 100 км от линии фронта. Таким образом, все гражданское население будет переводиться в тыл на 100 км от фронта». Вы нашли это?*

Мильх: *Да, я это нашел.*

Джексон: *Сегодня утром, насколько я Вас понял, Вы заявили, что правило, включенное в солдатскую памятку, гласило, что нельзя действовать во вред гражданскому населению?*

Мильх: *...Я не знаю, о каких именно людях идет речь, но во всяком случае их уже использовали в качестве рабочей силы.*

Джексон: *И Вы знали это? Вы знали, что их использовали для подобного рода работы?*

Мильх: *Я сегодня этого не помню, но во всяком случае, в протоколе написано, что это имело место, если этот протокол верен.*

Джексон: *И Вы знали, что гражданское население принуждали рыть окопы для ваших войск?*

Мильх: *Сегодня я не помню этого, но согласно протоколу тогда было сказано именно так.*

Джексон: *Теперь я прошу обратить внимание на протокол 11-го совещания центрального бюро планирования, которое происходило 22 июля 1942 г. В первую очередь я обращаю Ваше внимание на то, что среди присутствующих на совещании были Шпеер, Вы, Кернер. Скажите, представлял ли Кернер там рейхсмаршала?*

Мильх: *Да, он был представителем по вопросам четырехлетнего плана.*

Джексон: Таким образом, на всех совещаниях бюро Кернер представлял рейхсмаршала. Не правда ли?

Мильх: Да, он был представителем рейхсмаршала по вопросам четырехлетнего плана.

Джексон: Заукель там также присутствовал и присутствовали представители чугунолитейной ассоциации, угольной ассоциации и министерства по производству вооружения и боеприпасов?

Мильх: Да.

Джексон: Имели место серьезные дискуссии по вопросу о проблемах рабочей силы и запросах этих отраслей промышленности. На странице 3062 имеется следующая запись, на которую я обращаю внимание: «Генерал-фельдмаршал Мильх примет меры к тому, чтобы ускорить поступление для промышленности русских военнопленных из лагерей». Я спрашиваю Вас, какие меры Вы должны были предпринять для того, чтобы ускорить поступление для промышленности русских военнопленных из лагерей?

Мильх: Так как я был солдатом, я взял на себя обязанность довести этот вопрос до сведения ОКВ, которому были подчинены военнопленные.

Джексон: Таким образом, Вы лично не занимались военнопленными, но Вы принимали меры к получению их от ОКВ. Не правда ли?

Мильх: Правительство предоставило в наше распоряжение этих военнопленных в качестве рабочей силы. Перевозки длились очень долго. Так как надо было договариваться по этому вопросу с ОКВ, меня попросили об этом, и я обязался просить ОКВ о том, чтобы оно ускорило темпы перевозки военнопленных.

Джексон: Теперь перейдем к совещанию № 36, которое состоялось 22 апреля 1943 г. Я вновь обращаю Ваше внимание на тот факт, что Шпеер, Вы, Заукель и Кернер были в числе присутствовавших. Там Вы вновь обсуждали вопрос о рабочей силе? Не так ли?

Мильх: Да.

Джексон: И Кернер доложил следующее: «Кернер: 1 апреля нам недоставало в сельском хозяйстве примерно 600 тысяч рабочих. Было запланировано восполнить этот недостаток путем получения рабочей силы с Востока, главным образом женщин. Эта рабочая сила должна быть доставлена до того, как другие рабочие будут сняты с сельскохозяйственных работ. Сейчас наступает как раз такой период, когда мы можем затребовать много людей, так как наступает время, когда должны производиться самые тяжелые полевые работы, требующие много рабочих», и далее в том же духе, однако я не могу занимать времени оглашением остальной части выступлений. Я обращаю Ваше внимание на страницу 2128, где записано Ваше выступление на этом совещании. Вы сказали следующее: «Если сделать так, как предлагаю я, с чем также согласен Тим, то не будет нанесено никакого ущерба. Это должно быть сделано во что бы то ни стало. Больше того, я считаю, что мы

должны снабдить рабочей силой угольную промышленность. Большую часть рабочей силы, которую мы получим с Востока, составляют, конечно, женщины. Но женщины с Востока вполне привычны к сельскохозяйственным работам и особенно к той работе, которая должна быть сделана в течение ближайших недель, как, например, прополка, посадка корнеплодов и т. д. Женщины вполне пригодны для этого. Следует только иметь в виду одно: мы должны вначале обеспечить сельское хозяйство этими женщинами и только затем забрать рабочих мужчин. Было бы неправильным забрать сначала мужчин и оставить, таким образом, фермеров без рабочей силы на период от четырех до шести недель. Если женщины прибудут спустя такой промежуток времени, то это будет слишком поздно».

Я спрашиваю Вас, сколько женщин было вывезено для сельскохозяйственных работ в результате этого совещания?

Мильх: *На этом совещании высказывались лишь предложения с нашей стороны о том, как можно добиться равновесия в распределении рабочей силы между промышленностью и сельским хозяйством, чтобы дать ему достаточно рабочей силы. Без рабочей силы в горной промышленности нельзя было дальше вести войну. Необходимо было достать рабочую силу, и для этого было сделано предложение, каким образом можно произвести обмен рабочей силы. Нужно было заменить мужчин, занятых в сельском хозяйстве, женщинами, которые, конечно, не могли работать в шахтах.*

Джексон: *Кому Вы сделали эти предложения? Вы говорите, что это были не решения, а только предложения?*

Мильх: *Да, это было предложением министру труда или властям по распределению рабочей силы. Я вижу здесь имя Тима. Это был один из ответственных чиновников по распределению рабочей силы.*

Джексон: *И Заукелю?*

Мильх: *Я не помню, был ли там Заукель. Я вижу лишь имя Тима.*

Джексон: *Из протоколов совещания явствует, что он там присутствовал. Но независимо от того, присутствовал он или нет, Вы направляли Ваши предложения Заукелю в отношении потребностей в рабочей силе, не правда ли? И поручали ему обеспечивать рабочую силу? Не так ли?*

Мильх: *Да, мы испытывали необходимость получить рабочих для работы в шахтах. Новых рабочих мы не могли достать, следовательно, можно было лишь произвести замену.*

Джексон: *Я понимаю Вас. Вы сбережете нам много времени, если будете отвечать только на вопросы.*

Я обращаю внимание на совещание № 54 центрального бюро планирования, которое состоялось 1 марта 1944 г. На этом совещании, я Вам напоминаю, в числе присутствующих были Заукель, Мильх, Шрейбер и Кернер. Оно происходило в министерстве воздушного флота, и Вы обсуждали на нем желательность изъятия из Франции юношей с тем,

чтобы они не были в состоянии действовать в качестве партизан в случае вторжения союзников во Францию. Вспоминаете ли Вы это совещание?

Мильх: *Деталей я не помню. Я уже на других допросах, как в Нюрнберге, так и в Англии говорил, что совершенно невозможно вспомнить все эти события в точности, так как их было чрезвычайно много...*

Джексон: *Вам поможет, если Вы обратитесь к странице 1799 и прочтете следующую запись, имеющуюся после фамилии «Мильх». «Мильх: В случае, если высадка десанта произойдет во Франции и окажется до известной степени успешной, мы столкнемся с такой волной партизанского движения, с какой мы никогда не встречались ни на Балканах, ни на Востоке, и это произойдет лишь потому, что мы сделали это возможным, обращаясь с ними не так, как это было нужно. Четыре полные возрастные группы выросли во Франции — мужчины в возрасте от 18 до 23 лет, то есть в том возрасте, когда молодежь, движимая чувством патриотизма либо подстрекаемая другими, готова пойти на все, чтобы найти выход своему чувству ненависти. И, конечно, вполне естественно, что они ненавидят нас. Эти люди должны были бы быть призваны по возрастным группам и отправлены в Германию, так как они представляют собой величайшую опасность, которая угрожает нам в случае высадки.*

Я твердо убежден, как уже заявлял несколько раз, в том, что, если начнется вторжение, то акты саботажа на всех железных дорогах, промышленных предприятиях и базах снабжения будут повседневным явлением. Однако тогда мы не будем располагать нашими войсками для поддержания порядка внутри страны, так как они должны будут сражаться на фронте, имея в своем тылу очень опасного врага, нарушающего линии коммуникаций, и т. д. Если же были бы приняты достаточно суровые меры, то в критический момент в нашем тылу было бы все спокойно, как в могиле. Я неоднократно подчеркивал необходимость всего этого, но я боюсь, что ничего еще не делается в этом направлении. Когда же мы будем вынуждены прибегнуть к расстрелам, то будет уж слишком поздно. Тогда мы уже не будем более располагать людьми для того, чтобы дать отпор партизанам».

Далее Вы заявили, что, по Вашему мнению, «армия должна проводить операции, необходимые для изъятия подобных лиц».

Скажите, теперь Вы припоминаете?

Мильх: *Да, это, приблизительно верно...*

Джексон: *И Вы предложили уничтожить население за линией фронта, так как оно могло создать угрозу для ваших операций во время вторжения?*

Мильх: *Нет, эти люди должны были своевременно... быть посланы на работу в Германию. Это было моим мнением. Было необходимо, чтобы эти люди прибыли на работу в Германию в соответствии с теми обещаниями, которые*

дало в своем договоре Французское правительство, вместо того чтобы эти люди становились партизанами и потом занимались саботажем, а в качестве контрмер против саботажа был необходим расстрел.

Джексон: *Однако Вы не ограничивались применением принудительного труда только по отношению к Вашим противникам. Вы также применяли его по отношению к своим собственным союзникам. Не так ли? Я обращаю внимание на страницу 1814. Разве Вы не сказали следующее во время обсуждения? «Мильх: Разве не были бы «оборонные фабрики» защищены еще лучше, если бы мы взяли под свой контроль вопросы продовольственного снабжения в Италии, а затем заявили бы итальянцам: «Вас будут кормить только в том случае, если вы будете работать на этих фабриках или поедете в Германию».*

Мильх: *Это было после отпадения от нас части Италии, и речь шла об итальянских солдатах, которые выступили против Муссолини. Многие из этих людей находились за линией фронта, не хотели работать и организовывали акты саботажа против германских вооруженных сил. Поэтому было внесено предложение о том, чтобы этим людям было сказано: «Вы можете получать свое питание, но вы должны будете работать там, где будет нужно, будь то в Италии или в Германии».*

Джексон: *Мне кажется, что во время Вашего прямого допроса или в начале перекрестного допроса Вы сказали, что Вам ничего не было известно о насильственном вывозе рабочей силы с оккупированных территорий. Что Вы об этом ничего не знали? Вы все еще это утверждаете?*

Мильх: *Я не совсем понял. То есть о принудительном труде?*

Джексон: *Да, о принудительном труде.*

Мильх: *Да.*

Джексон: *И Вам об этом ничего не было известно?*

Мильх: *Речь шла о военнопленных итальянцах, которые находились в нашем распоряжении, использовании их на работе согласно договоренности с признаваемым нами Итальянским правительством. Муссолини совершенно определенно предоставил их для этой цели в наше распоряжение.*

Джексон: *Не будем сейчас тратить времени на Муссолини. Я спрашиваю Вас, продолжаете ли Вы еще настаивать на сделанном Вами ранее заявлении, о котором я напомнил Вам, а именно, что Вам ничего не было известно о насильственном вывозе рабочей силы из оккупированных стран в Германию? Вы дали такое показание? Так или нет?*

Мильх: *Поскольку речь идет о свободных людях и свободных рабочих, постольку я еще утверждаю, что это было так. По-моему, здесь речь идет о тех людях, которые были предоставлены в наше распоряжение...*

Джексон: *Я прошу обратить Ваше внимание на страницу 1827 протокола совещания, на котором Вы присутствовали и где имело место обсуждение, в отношении которого Вы*

только что ответили утвердительно. Я прошу Вас обратить внимание на строчку, которая идет после фамилии Заукеля. Там говорится, что Заукель доложил о том, что «из 5 миллионов иностранных рабочих, вывезенных в Германию, менее 200 тысяч прибыли добровольно».

Мильх: *Я об этом абсолютно ничего не помню.*

Джексон: *Вы этого совершенно не припоминаете? Ну хорошо...*

Тогда мы перейдем к 23-му совещанию центрального бюро планирования, которое состоялось 3 ноября 1942 года. Из протокола явствует, что Вы присутствовали на этом совещании и принимали участие в дискуссиях. Я обращаю Ваше внимание на страницу 1024 стенографической записи этого совещания.

«**Шпеер:** *Ну, хорошо. Что касается промышленности, то мы могли бы разыграть перед французами нашу готовность отдать им сталеваров и прокатчиков, находящихся в плену, если только они сообщат нам имена.*

Роланд: *Мы организовали наше управление в Париже. Мне кажется, что вы имеете в виду то, что французы должны сообщить имена сталеваров, которые находятся в плену в Германии?*

Мильх: *Я просто сказал бы: Вы получаете два человека в обмен на одного из таких лиц.*

Шпеер: *Французские фирмы совершенно точно знают о том, какие военнопленные были сталеварами. В неофициальном порядке Вы должны создать впечатление, что они будут освобождены. Они сообщат нам имена, а затем мы получим их в свое распоряжение. Попытайтесь...*

Роланд: *Это — идея».*

Итак, в своем выступлении Вы заявили, что хотите обменять два человека на одного? Не так ли?

Мильх: *Да. Это означало двух людей какой-либо другой профессии в обмен на одного.*

Джексон: *И Ваша цель заключалась только в этом?*

Мильх: *Единственная цель заключалась в том, чтобы получить именно таких людей и взамен дать других.*

Джексон: *Перейдем к 53-му совещанию центрального бюро планирования, которое состоялось 16 февраля 1944 г. Вы найдете себя в числе присутствовавших на этом совещании, которое состоялось в имперском министерстве авиации. Я обращаю Ваше внимание на следующую запись после фамилии Мильх: «Военная промышленность в большей степени использует иностранных рабочих. По последним данным, они составляют 40 процентов. Последние пополнения, поступившие от генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, состоят главным образом из иностранных рабочих. Мы потеряли очень много немецкого персонала, который был призван в армию. В особенности авиационная промышленность, являющаяся молодой отраслью промышленности, использует большое число молодежи, которая должна быть призвана в армию. Это будет крайне затруднительно, если принять во внимание, что*

нельзя трогать тех, кто работает в экспериментальных центрах. В массовом производстве приобретают решающее значение иностранные рабочие. Они составляют свыше 95 процентов общего числа рабочих. В производстве нашего лучшего нового мотора занято 88 процентов русских военнопленных и только 12 процентов немецких рабочих и работниц. На заводах, выпускающих самолеты Ю-52 (используемые в качестве транспортных самолетов), выпуск которых за один месяц составляет 50 — 60 машин, работают лишь 6 — 8 процентов немецких рабочих; остальные — украинские женщины, производительность труда которых ниже, чем производительность труда квалифицированных рабочих». Помните ли Вы это?

Мильх: *Да, я очень точно помню это.*

Джексон: *И на странице 1873 записано, что Вы сделали следующее предложение: «Мильх: Список лиц, отлынивающих от работы, должен быть передан в руки Гиммлера, который заставит их работать как следует. Это весьма важно для общего воспитания людей, а также окажет устрашающее действие на таких рабочих, которые также были бы не прочь увильнуть от работы».*

Мильх: *Здесь речь идет о тех рабочих, которые отлынивали от работы.*

Джексон: *Среди иностранных рабочих? Не правда ли?*

Мильх: *Нет, это были англичане, которые отлынивали от работы.*

Джексон: *Я думаю, что англичане являются иностранцами в Германии. Не так ли? Я не знаю, что Вы имеете в виду, утверждая, что они не были иностранцами. Они были англичанами... Я хочу спросить Вас, каким путем Гиммлер мог заставить работать этих лиц? Как поступал Гиммлер, какими возможностями он располагал? Почему Вы предложили Гиммлера для этой цели?*

Мильх: *Потому, что на одном совещании Гиммлер делал доклад о дополнительном питании. Рабочие получали нормальное основное питание, равное нормам для остального населения, и, сверх того, они получали значительное добавочное питание, которое для рабочих сверхтяжелого труда было в несколько раз больше основного питания. Это дополнительное питание выдавалось специальными продовольственными учреждениями, независимо от того, как и где работал человек. Гиммлеру поступило предложение выдавать дополнительное питание только тогда и только в такой норме, которую люди заслуживают своей работой. Так как у Гиммлера были многие из концентрационных лагерей, то это было возможно. Однако эту систему нельзя было ввести для свободных рабочих, поэтому было предложено людей, саботировавших работу, воспитывать тем, что давать полагающиеся в соответствии с их работой дополнительные пайки только в том случае, если они выполняли эту работу...*

Джексон: *Надеюсь, Вы нашли то место, где Вы предла-*

гаете свой метод для борьбы с этим явлением? «Я сказал своим инженерам: я буду сам Вас наказывать, если Вы не будете бить таких людей. Чем больше Вы сделаете в этом направлении, тем больше я буду Вас хвалить. Я позабочусь о том, чтобы с Вами ничего не случилось. Однако это еще не дошло до всех. Я не могу лично говорить со всеми руководителями предприятий, но я хотел бы посмотреть на того, кто помешал бы мне в этом, потому что я могу разделаться с каждым, кто мне помешает». Вы нашли это место?

Мильх: *Да, я сейчас это увидел. Я не помню хорошо отдельных слов, но я стоял тогда на точке зрения, что было совершенно невозможно, когда пленный или иностранный рабочий смел говорить немецкому начальнику, что он оторвет ему голову, а руководителю предприятия...*

Джексон: *Хорошо, неужели Вы хотите этим сказать, что если военнопленный пытался или угрожал перерезать горло немецкому мастеру, то немецкие чиновники защищали бы его от предпринимателя? Неужели Вы это имеете в виду?*

(Молчание)

Джексон: *Ну, хорошо. Я продолжаю:*

«Если руководитель небольшого предприятия, — я все еще цитирую Ваше выступление, — будет поступать таким образом, то его поместят в концентрационный лагерь...» Вы нашли это место?

Мильх: *Да, вижу.*

Джексон: *«...И, с другой стороны, он рискует лишиться военнопленных». Я все еще продолжаю цитировать Ваши слова, и я хотел бы, чтобы Вы нашли эту запись. «В одном случае два русских офицера пытались взлететь на самолете, но потерпели аварию. Я приказал немедленно повесить обоих этих людей. Вчера они были повешены или расстреляны. Я предоставил это СС. Я хотел, чтобы они оба были повешены на том же заводе для того, чтобы это видели другие». Вы нашли это?*

Мильх: *Да, я нашел это место и хочу сказать, что никогда в жизни не приказывал повесить кого-либо. Я считаю совершенно невозможным, чтобы я так сказал...*

Джексон: *Не хотите ли Вы еще что-нибудь сказать в отношении этой записи?*

Мильх: *Нет, я ничего больше не имею сказать. Мне ничего неизвестно по этому делу, и я не верю, что я сказал это.*

Джексон: *У меня больше нет вопросов на данной стадии...*

Робертс[1]: *Я хотел бы перейти к инциденту в стационарном лагере ВВС № 3 в Сагане. Вы знаете, о чем я сейчас говорю?*

Мильх: *Да, я теперь об этом знаю.*

Робертс: *Знаете ли Вы, что 24 и 25 марта 1944 г. около*

[1] Д. Робертс — представитель обвинения от Великобритании.

80 офицеров военно-воздушных сил Англии и доминионов совершили побег из этого лагеря?

Мильх: *Я узнал об этом событии в английском лагере, в котором я был.*

Робертс: *Знаете ли Вы, что из этих 80 беженцев 50 человек были расстреляны?*

Мильх: *Да...*

Робертс: *Вполне ясно, что если это было убийство, то приказ о совершении этого убийства должен был исходить от высших инстанций. Не так ли?*

Мильх: *Да, безусловно. Об этом я узнал более детально от начальника отдела военнопленных — генерала Вестгофа, когда я вместе с ним был в плену в Англии.*

Робертс: *Я хочу спросить Вас об организации, ведавшей военнопленными. Являлась ли эта организация одним из отделов ОКВ?*

Мильх: *Я полагаю, да...*

Робертс: *Не был ли начальником этого отдела генерал-майор фон Гревеницц?*

Мильх: *Да, фон Гревеницц...*

Робертс: *Не думаете ли Вы, что этот случай покрывает позором вооруженные силы Германии?*

Мильх: *Да, это большой позор...*

Робертс: *Я хотел бы вкратце остановиться на вопросах, которые затронул господин Джексон. Но он не оглашал письма. Это — вопрос об экспериментах, которые проводились в интересах исследовательской работы военно-воздушных сил. Я постараюсь возможно реже обращаться к самим документам, я буду лишь ссылаться на них. Знаете ли Вы, что 15 мая доктор Рашер написал письмо Гиммлеру? Это документ ПС-1602, страница 1848 стенограммы.*

Мильх: *Это мне не было известно.*

Робертс: *Он производил очень опасные эксперименты, подвергаться которым никто добровольно не соглашался; обезьяны для этой цели не были пригодны, и он просил предоставить ему человеческие существа в качестве объектов для производства этих опытов. Гиммлер сразу же ответил, что он будет рад предоставить человеческие существа для производства опытов над ними. Это было в 1941 году. Было ли Вам об этом что-нибудь известно?*

Мильх: *Об этом мне ничего не известно...*

Робертс: *Письмо от 20 мая 1942 г., адресованное Вольфу, то есть обергруппенфюреру Вольфу, это письмо написано Вами. Не так ли?*

Мильх: *Да. Я подписал это письмо... Вольф был адъютантом Гиммлера. Он послал нам телеграмму, по-видимому, в санитарную инспекцию, но санитарный инспектор отвечал ему через меня. Я не знаю, по какой причине он не ответил сам. Я уже говорил во время допроса, что я подписал эти письма, но что они не были составлены в моем бюро и что они были написаны на моем бланке как ответ санитарной инспекции.*

Я не имел ничего общего ни с опытами высотных

полетов, ни с какими-либо опытами СС вообще, ни с санитарной инспекцией.

Робертс: *Знали ли Вы о том, что в этих камерах высокого давления производились опыты над живыми людьми, над человеческими существами, которые доставлялись в Дахау?*

Мильх: *Над кем производились эти опыты, следует из письма, которое представила мне санитарная инспекция...*

Робертс: *Разве Гиммлер не послал Вам письмо в ноябре 1942 года, в котором он писал: «Дорогой Мильх! Произведены эксперименты как с высоким давлением, так и с холодной водой», и что он, Гиммлер, предоставлял социально опасных лиц и преступников из концентрационных лагерей для этих опытов? Помните ли Вы это письмо?*

Мильх: *Это письмо мне показывали. Но я его не помню. Я не знаю, почему Гиммлер вообще писал мне. Из моего бюро письма без моего просмотра передавались непосредственно соответствующим отделам санитарной инспекции, и оттуда шел ответ через мое бюро. Я не мог создать себе определенную точку зрения на эту переписку, так как я не знал, о чем идет речь, и не могу судить о том, что там происходило с точки зрения медицины.*

Робертс: *Если Вы говорите, что Вы ничего не знали даже о тех письмах, которые Вы сами подписывали, то едва ли есть смысл дальше задавать Вам вопросы.*

Документ ЕС-66

ПРЕДПИСАНИЕ ОБЛАСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЗЕМЛИ БАДЕН ПО ЗАГОТОВКАМ ВСЕМ ОРГАНИЗАЦИЯМ КРЕСТЬЯН ОБ ОБРАЩЕНИИ С РАБОЧИМИ ПОЛЬСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ ОТ 6 МАРТА 1941 Г.

49-7 III. В 50 Министр финансов и хозяйства Бадена
Областное управление по заготовкам, отдел «А»
(областная организация крестьян)

Карлсруэ, 6 марта 1941 г.
Секретно
Только для служебного пользования

Содержание: Об обращении с иностранными рабочими польской национальности

Официальные учреждения имперского управления заготовок — областная организация крестьян Бадена — с удовлетворением встретили результаты переговоров у высшего руководителя СС и полиции, происходивших 14 февраля 1941 г. в Штутгарте. Соответствующие справки уже переданы районным организациям крестьян. Дополнительно довожу до сведения положения по частным вопросам, принятые на основе этих переговоров и подлежащие выполнению.

1. Сельскохозяйственные рабочие польской национальности принципиально не имеют больше права подавать жалобы; соответственно этому ни одно учреждение не может принимать жалобы от этих рабочих.

2. Сельскохозяйственные рабочие польской национальности больше не могут отлучаться из населенных пунктов, куда они присланы на работу; им запрещается выходить из помещений с 1 октября по 31 марта с 20 до 6 час. и с 1 апреля по 30 сентября с 21 до 5 час.

3. Езда на велосипедах строго воспрещается. Исключение возможно только для поездок к месту работы в поле в сопровождении представителя руководителя предприятия или самого предпринимателя.

4. Посещение церквей безотносительно к вероисповеданию строго запрещается. Это относится и к тем случаям, когда нет службы. Индивидуальное посещение духовных лиц вне церкви разрешено.

5. Сельскохозяйственным рабочим польской национальности строго запрещено посещение театра, кино или прочих культурных заведений.

6. Сельскохозяйственным рабочим польской национальности строго запрещается посещение общественных мест отдыха, за исключением одного ресторана в населенном пункте, который отведен для этого ведомством ландрата и может посещаться только один раз в неделю. День посещения ресторана определяется также ведомством ландрата. Это положение не меняет указанного в п. 2 запрещения об отлучках и выходе из помещений.

7. Половая связь с женщинами и девушками строго запрещается. В случае констатирования такого факта свидетель обязан об этом доложить.

8. Встречи сельскохозяйственных рабочих польской национальности в свободные вечера на других дворах запрещаются, хотя бы эти встречи происходили в конюшнях или жилых помещениях поляков.

9. Использование железных дорог, автобусов или прочих общественных средств передвижения для сельскохозяйственных рабочих польской национальности запрещено.

10. Удостоверения от местных полицейских властей (ведомства бургомистра), дающие право на отлучку из населенного пункта, могут выдаваться только в самых исключительных случаях. Но они не должны выдаваться, если поляк по собственному почину намеревается посетить учреждение,

будь то биржа труда или районная организация крестьян, или изменить свое место работы.

11. Произвольная смена места работы строго запрещена. Сельскохозяйственные рабочие польской национальности обязаны ежедневно работать столько часов, сколько необходимо в интересах предприятия и сколько требует предприниматель. Ограничения рабочего дня не существует.

12. Право телесного наказания предоставляется каждому предпринимателю в отношении сельскохозяйственных рабочих польской национальности в том случае, если не помогают добрый уговор и наставления. В таких случаях ни одно официальное учреждение не имеет права привлекать предпринимателя к ответственности.

13. Сельскохозяйственные рабочие польской национальности должны по возможности удаляться от семьи предпринимателя и могут быть помещены в сараях. Этому положению не должны препятствовать никакие причины.

14. О всех совершенных сельскохозяйственными рабочими польской национальности проступках, которые были произведены с целью саботировать выполнение или завершение работы, например нежелание работать или дерзкое поведение, следует немедленно доносить даже в том случае, если речь идет о небольших проступках. Предприниматель, теряющий своего рабочего-поляка вследствие того, что на основании его доноса последний подвергся наказанию заключением на долгий срок, по своему заявлению получает от соответствующей биржи труда другую польскую рабочую силу вне очереди.

Во всех других случаях дело передается государственной полиции.

15. Для руководителей предприятий предусмотрены также тяжелые наказания в случае, если будет установлено, что они не сохраняют определенной дистанции в отношении сельскохозяйственных рабочих польской национальности. То же самое распространяется на женщин и девушек. Особые поощрения строго запрещаются.

Несоблюдение имперских тарифов в отношении сельскохозяйственных рабочих польской национальности карается немедленным изъятием рабочей силы через соответствующую биржу труда.

При возникновении инцидентов справки дает областная организация крестьян, отдел I Б.

Письменная передача вышеназванного соглашения[1] сельскохозяйственным рабочим польской национальности строго запрещается.

Эти положения не распространяются на поляков, являющихся военнопленными и поэтому подчиняющихся вооруженным силам. На них распространяются положения, изданные вооруженными силами.

Хайль Гитлер!
По поручению д-р Клотц

Нюрнбергский процесс (в 3-х т.), т. 3, с. 24 — 26.

Документ СССР-366

ПРИКАЗ МИНИСТРА ВООРУЖЕНИЯ И БОЕПРИПАСОВ ТОДТА О ЗАПРЕЩЕНИИ ОПЛАТЫ ТРУДА РАБОЧИХ В ОККУПИРОВАННЫХ ВОСТОЧНЫХ ОБЛАСТЯХ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИХ НА ТЯЖЕЛЫХ РАБОТАХ ОТ 28 ИЮЛЯ 1941 Г.

гор. Берлин 28 июля 1941 г.

Генерал-фельдмаршал Кейтель выразил свое недовольство тем, что подразделения организации Тодта (ОТ), находящиеся в окрестностях Льво-

[1] Так в оригинале. — Прим. перев.

ва, выплачивают местным рабочим зарплату в размере 25 рублей в день и что подразделения ОТ привлекают для работы персонал фабрик.

В связи с этим приказываю:

Как я уже подробно разъяснил всем сотрудникам во время моей последней поездки, на русской территории действуют другие правила использования рабочей силы, чем в Западной Европе. Использование рабочей силы нужно главным образом осуществлять в порядке трудовой и гужевой повинности без вознаграждения. Рабочий за это получает скромное питание. О выплате во фронтовом районе вознаграждения впредь не может быть и речи.

На территории областей, в которых учрежденная рейхсмаршалом хозяйственная организация уже начала свою деятельность, за несложные строительные работы в крайнем случае производить оплату лишь по ставкам, согласованным с этой хозяйственной организацией. Местонахождение ближайшего отделения хозяйственной организации могут в любое время указать офицеры связи при группах армий. В настоящее время существуют отделения в следующих пунктах:

На территории группы армий «Юг» —

Яссы, Львов, Тернополь, Проскуров, Бердичев, Житомир, Луцк

На территории группы армий «Центр» —

Толочин, Цировици (восточнее Могилева), Минск

На территории группы армий «Север» —

Каунас, Вильнюс, Даугавпилс, Рига, Себеж, Полоцк

Моя личная точка зрения известна. Каждый руководитель ответствен передо мной за то, чтобы организация Тодта не прибегала к методам, противоречащим моей установке. Фирмы должны быть соответствующим образом проинформированы.

Платежи, которые не соответствуют этим принципам, фирмам не возмещаются.

Этот приказ доводится до сведения всех подчиненных отделений и всех фирм.

Д-р Тодт

ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 2,
ед. хран. 127.
Преступные цели — преступные средства,
с. 207 — 208.

Документ ПС-1201

ИЗ ЗАПИСИ ДОКЛАДА МИНИСТЕРИАЛЬДИРЕКТОРА УПРАВЛЕНИЯ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РАБОЧЕЙ СИЛЫ НА СОВЕЩАНИИ В УПРАВЛЕНИИ ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ И ВООРУЖЕНИЯ ОКВ, СОСТОЯВШЕМСЯ 19 ФЕВРАЛЯ 1942 Г.

2-й III Ц Ст.
К(32)510

Берлин, 20 февраля 1942 г.
Секретно

Управление военной экономики
и вооружения штаба
верховного командования
вооруженными силами

Касательно: доклада министериальдиректора д-ра Мансфельда — представителя генерального уполномоченного по использованию рабочей силы — по общему вопросу об использовании рабочей силы.

Время:
19 февраля 1942 г.,10 час.
Место:
государственная
экономическая палата

Присутствовали:
от управления
военной экономики
и вооружения ОКВ
д-р Гротиус

...Современные трудности в вопросе использования рабочей силы не возникли, если бы мы своевременно решились на использование русских военнопленных в больших масштабах.., 3,9 млн. русских находилось в нашем распоряжении, в настоящее время их осталось всего 1,1 млн. Только в ноябре 1941 — январе 1942 года умерло 500 тыс. русских. Вряд ли представится возможным увеличить количество занятых теперь русских военнопленных (500 тыс.). Если снизится цифра заболеваний тифом, то появится, вероятно, возможность привлечь в хозяйство еще 100 — 150 тыс. русских.

Напротив, использование русских гражданских лиц получает все большее значение. В общей сложности в нашем распоряжении находится 600 — 650 тыс. русских гражданских лиц, из которых 300 тыс. — промышленные квалифицированные рабочие и 300 — 350 тыс. — сельскохозяйственные рабочие. Использование этих русских упирается исключительно в вопрос транспорта. Бессмысленно перевозить эти рабочие руки в открытых или нетопленных закрытых товарных вагонах, чтобы на месте прибытия выгружать трупы.

Каждую неделю в Германию прибывает 8 — 10 тыс. русских граждан, являющихся прекрасной рабочей силой. У них имеются хорошие практические знания, они работают точно и в таком трудовом темпе, которого частично не могут придерживаться германские рабочие.

Особые трудности возникли по вопросу питания. Русские хорошо упитаны и одеты и должны поддерживаться в физически трудоспособном состоянии. После обсуждения этого вопроса со статс-секретарем Бакке нормы выдачи продуктов для русских будут улучшены...

Нюрнбергский процесс
(в 3-х т.), т. 3, с. 29 — 30.

Документ ПС-407 (VI)

ИЗ ПИСЬМА ЗАУКЕЛЯ ГИТЛЕРУ О ПОЕЗДКЕ НА ВОСТОК ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫВОЗА 1 МЛН. ИНОСТРАННЫХ РАБОЧИХ ОТ 15 АПРЕЛЯ 1942 Г.

Фюреру, Оберзальцберг

Веймар,
15 апреля 1943 г.
№ 435/43, 10 час. 25 мин

Мой фюрер!

Как Вам уже сообщил обергруппенфюрер Борман, я 15 апреля выезжаю в восточные области, чтобы обеспечить вывоз 1 млн. восточных рабочих для германской военной экономики.

Результат моей последней поездки во Францию состоит в том, что после точного выполнения последней программы из западных областей до начала лета также будет снова доставлено в империю 450 тыс. рабочих. При учете рабочей силы, составляющей около 150 тыс. человек, которые прибудут из Польши и других областей, нам тогда удастся в летние месяцы предоставить в распоряжение сельского хозяйства снова 500 — 600 тыс., а в распоряжение промышленности вооружения и остальной военной экономики — 1 млн. рабочих.

...Помимо иностранных гражданских рабочих в германской экономике будут заняты 1 622 829 военнопленных...

3 638 056 рабочих распределяются в следующих отраслях германской военной экономики:

вооружение	*1 568 801*
горное дело	*163 632*
строительство	*218 707*
транспорт	*199 074*
сельское и лесное хозяйство	*1 007 544*
прочие отрасли экономики	*480 298...*

В связи с тем, что я, мой фюрер, 20 апреля буду находиться в восточных областях, прошу уже теперь принять мои сердечные пожелания счастья.

Самым горячим желанием является, чтобы Вы, мой фюрер, всегда были в наилучшем здоровье и чтобы мы могли служить Вам.

Ваш верный и послушный
Фриц Заукель

IMT, vol. 26, p. 59.
Нюрнбергский процесс
(в 3-х т.), т. 3, с. 46.

Документ СССР-383

ИЗ ПИСЬМА ГЕНЕРАЛЬНОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РАБОЧЕЙ СИЛЫ «СПЕЦИАЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РАБОЧЕЙ СИЛЫ ПО ОТПРАВКЕ ВОСТОЧНЫХ РАБОТНИЦ ДЛЯ ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ МНОГОДЕТНЫМ ДОМАШНИМ ХОЗЯЙСТВАМ В ГОРОДАХ И СЕЛЬСКИХ МЕСТНОСТЯХ» ОТ 8 СЕНТЯБРЯ 1942 Г.

Заявки по прилагаемой форме (см. образец) на предоставление восточной работницы для работы в домашнем хозяйстве проверяются управлением по вопросам труда в отношении степени нуждаемости домашнего хозяйства в домашней работнице и затем направляются на утверждение соответствующего руководителя НСДАП (окружного руководителя).

В случае если окружной руководитель возражает против предоставления домашнему хозяйству работницы, управление по вопросам труда отказывает просителю в направлении ему восточной работницы или соответственно — в разрешении на использование таковой. Мотивировка при этом не приводится, решение является окончательным...

Форма заявки

К № Уа 5780.28.2714 от 8 сентября 1942 г. Управление по вопросам труда Уа 5780.28/2714 Организации НСДАП...

Относительно использования восточных работниц в домашнем хозяйстве

Имя главы семьи
Профессия главы семьи
Домашний адрес
Частное хозяйство — врач, ремесленник и т. д. (род занятий).

Вышеуказанное домашнее хозяйство сделало заявку о предоставлении (о разрешении на использование) восточной работницы.

Прошу вашего заключения о наличии возражений против использования восточной работницы в указанном домашнем хозяйстве.

(Место печати и дата)

(Подпись)

Ответ Управлению по вопросам труда

Против использования восточной работницы в указанном домашнем хозяйстве возражений не имеется.

(Место и дата)

(Подпись)

Нюрнбергский процесс (в 7-ми т.), т. 3, с. 771 — 772.

Документ ПС-556(2)

ПРИКАЗ ГИТЛЕРА О ВВЕДЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ОТ 8 СЕНТЯБРЯ 1942 Г.

Фюрер и верховный главнокомандующий вермахта

Ставка фюрера, 8 сентября 1942 г.

Создаваемые по моему указанию в районе группы армий «Запад» многочисленные береговые укрепления требуют использования и крайнего напряжения всей имеющейся в распоряжении в оккупированной области рабочей силы. Направление до сих пор на работу местной рабочей силы является недостаточным. Чтобы увеличить поступление рабочей силы, я предписываю введение трудовой повинности и запрета на изменение места работы без разрешения соответствующих местных властей в оккупированных областях. Кроме того, выдачу в будущем продовольственных и промтоварных карточек для трудоспособных сделать зависимой от наличия удостоверения о работе. Уклонение от работы на указанном месте и уход с работы без разрешения соответствующих властей будет иметь последствием лишение продовольственных и промтоварных карточек. Областное ведомство по строительству совместно с военным командованием или рейхскомиссаром издает соответствующие постановления по выполнению этих указаний.

Адольф Гитлер

IMT, vol. 26, p. 151.

Документ СССР-170

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ РОЗЕНБЕРГА НА ЗАСЕДАНИИ «ГЕРМАНСКОГО ТРУДОВОГО ФРОНТА» В НОЯБРЕ 1942 Г.

Секретно

Рейхслейтер Розенберг

Мои дорогие товарищи по партии и соотечественники!

Масштабы, которые война приняла в течение последних лет, дали понять каждому немцу, что мы стоим перед решением этих важных

проблем, которые война поставила перед всеми народами мира и прежде всего перед нами самими.

...Фактически тотальная война возникла за наш старый почтенный континент. Помимо того, война является тотальной еще в одном направлении: она ведется не только за сырье, места поселения, обеспечение жизненного пространства, политическое и военное обеспечение контингента, но и является войной за мировоззрение, войной наибольшего масштаба...

На Востоке мы, несомненно, столкнулись с чудовищно упорным сопротивлением и решительным наступлением. Это наступление едва ли можно рассматривать иначе, чем обычное, старое славянское упрямство, связанное с фанатическим мировоззрением. Это мировоззрение... им довольно равномерно проникнуто русское население сверху донизу, причем проводником его является большевистская партия... Эти... люди действительно верили, что они смогут принести спасение миру, что они самые передовые люди и обладают самой прогрессивной системой в Европе...

Можно думать об этом и расценивать это как угодно, во всяком случае нам противопоставляется сила. Однако и эта борьба будет окончена, и если мы посмотрим на огромные территории, которые уже сегодня заняты немецкой армией, то мы сможем сказать: несмотря на все сопротивление, имеется пространство, которое и в будущем будет велико, чтобы обеспечить не только Германию, но и всю Европу и защитить от любой грядущей блокады какой-нибудь морской державы, которая еще сможет возникнуть в будущем.

Рука об руку с этим идет также разрешение еврейского вопроса, вопроса, которым мы занимались с первого дня нашего политического существования... Он может быть разрешен только одной-единственной жестокой, беспощадной и сильной державой... Мы не должны довольствоваться тем, что евреи будут выселены в другое государство и, может быть, там или здесь будет находиться большое еврейское гетто — наша цель должна оставаться прежней...

...Перед нами задачи, которые не так легко выполнить. Имеется ряд приказов фюрера, которые вы получили. Они должны быть выполнены, несмотря на нехватки и на то, что каждый старается утащить побольше для себя. Вооруженные силы... требуют использовать все имеющиеся возможности снабжения... Шпеер — ответственный за боеприпасы министр, требует продукции. Мы получили задание не просто поднять производство продукции в восточных областях, но поднять его в значительной степени. Однако гаулейтер Заукель, по поручению фюрера, требует рабочей силы с того же Востока. В результате восточные области потеряют колоссальное количество людей. Они вовсе не перенаселены настолько, чтобы оттуда можно вывезти такое количество людей, не вызвав этих тяжелых внутренних последствий. Советский Союз мобилизовал очень много народу. При подходе немецких армий он вывез даже женщин... Тем не менее, гаулейтер Заукель вывез уже с Востока 1,8 миллиона человек и должен до ближайшей весны поставить еще значительно большее количество.

Отыскать таких людей тоже не так просто. Частично там, где гебитскомиссар действовал толково, это прошло даже легко; они были доставлены на вокзал с музыкой для отправки на работы в Германию. К другой части были применены значительно более жестокие методы, иногда обдуманно — и тогда правильно, иногда необдуманно — и тогда неправильно. Во всяком случае, это дает вражеской пропаганде возможность заявлять, что Германия импортирует миллионы бедных пролетариев Востока, чтобы отдать их в ужасное рабство... Часть этих людей переходит к партизанам. Чрезвычайно нежелательное явление. Поэтому я считаю, что необходимо обдумать обращение с восточными рабочими в Германии.

Я знаю, что если прибудет 1,5 миллиона человек, то им нельзя создать блестящих условий. То, что тысячи находящихся здесь людей

живут в плохих условиях или подвергаются плохому обращению, является вполне естественным.

Из-за этого не стоит слишком волноваться. Однако это очень серьезный вопрос (я думаю, что гаулейтер Заукель уже обсудил его или собирается это сделать); ведь эти люди с Востока привезены в Германию, чтобы работать с возможно большей нагрузкой. Это очень серьезное дело. Чтобы дать им большую нагрузку, их нельзя привозить на три четверти замерзшими и заставлять стоять в пути по 10 часов; им нужно давать есть, чтобы они имели достаточный запас сил. При всех обстоятельствах им надо дать почувствовать, что они выполняют здесь великую задачу... Я думаю, что если ухватить их с этой стороны и изо дня в день вбивать такие мысли, то этим удастся воздействовать на определенные чувства, которые смогут ликвидировать некоторые затруднения. В этом положении не будет ничего странного в том, если они захотят петь вечером свои песни под гармошку... На такие мелочи не нужно чересчур энергично реагировать. Я уверен, что отнюдь не из сентиментальности, а из-за очень серьезных соображений целесообразности германский трудовой фронт получил задачу позаботиться о том, чтобы народы Востока действительно выполняли свое назначение и работали у нас, если мы уже решили взять на себя труд перевезти их сюда, используя для этого сильно загруженный железнодорожный транспорт.

...Я, наконец, думаю, что если удастся заставить этих людей написать домой письмо с мало-мальски благоприятными отзывами об обращении с ними, то такое письмо... обойдет всю деревню и облегчит вербовочным комиссарам их дальнейшую работу... Вы не должны забывать, что там было отнюдь не легко, и не можете себе представить, насколько велика была нагрузка, если за эти дни с Востока в Германию прибыло 3000 поездов с продовольствием; прибавьте к этому, что вся находящаяся на Востоке армия снабжается на месте, причем в это снабжение не входит то, что солдаты раздобывают себе сами.

Об этом не следует говорить открыто...

...Германия получила Восток и уверена, что это завоеванное ею жизненное пространство останется в ее руках (вне зависимости от того, какая политическая форма будет утверждена для него фюрером) и обеспечит Германию и Европу продовольствием и сырьем; национал-социалистская идея выдержала испытание, и на этом гигантском пространстве возникнет великая германская империя...

*Нюрнбергский процесс
(в 3-х т.), т. 1, с. 221 — 228.*

Документ ПС-407(VIII)

ПИСЬМО ЗАУКЕЛЯ ГИТЛЕРУ О ПРОВЕДЕНИИ «ВТОРОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ АКЦИИ» ОТ 6 АПРЕЛЯ 1943 Г.

Уполномоченный
по четырехлетнему плану,
генеральный уполномоченный
по использованию
рабочей силы

Берлин, 6 апреля 1943 г.

Фюреру, Оберзальцберг

Мой фюрер!
Разрешите доложить:

3 марта 1943 года успешно завершена как в количественном отношении, так и в качественном вторая французская акция. По договоренности с германским послом, военным командованием и французским правительством с 1 января по 31 марта 1943 г. было всего набрано 250 000 французских рабочих, из них около 156 000 — рабочих-специалистов.

Вербовка была осуществлена в результате действий специальной комиссии, руководствовавшейся моими указаниями по использованию рабочей силы во Франции. Она планомерно проверила французские предприятия металлургической промышленности и установила количество рабочих для передачи в военную промышленность рейха.

Кроме того, французское правительство в соответствии с предложенным мною законом от 15 февраля 1943 г. произвело призыв лиц 1920 — 1922 годов рождения и подготовило из их числа еще подходящих для использования в Германии вспомогательных рабочих для отправки. Хотя вторая французская акция изъяла из французской экономики еще 250 000 рабочих на французских предприятиях, работающих на вооружение Германии, не произошло снижения мощности и уменьшения выпуска продукции. Это прежде всего объясняется тем, что в необходимых случаях по установленному мною порядку на замену убывающему рабочему-специалисту ставятся на обучение по два человека.

И для организации Тодта постоянно имелась возможность предоставлять рабочую силу для строительства укреплений на Западе.

Наряду со 156 000 рабочими-специалистами из Франции, свыше 31 000 человек были направлены из Бельгии. Численность потребного контингента с 1 января по 31 марта 1943 г. составляла 28 000 человек. В соответствии с этим было направлено сверх этого количества 3000 человек.

Из Голландии должно было быть направлено 22 000 человек, в действительности направлено 16 000 человек.

Всего из западных областей с 1 января по 31 марта только в Германию было направлено на работу 203 000 рабочих-специалиста.

Я прошу поэтому, мой фюрер, разрешить предлагаемое облегчение статуса 250 000 французских военнопленных.

Повинующийся и преданный Вам
Заукель.

IMT, vol. 26, p. 10 — 12.

Документ ПС-020

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ РОЗЕНБЕРГА С ЗАУКЕЛЕМ, СОСТОЯВШЕЙСЯ 14 АПРЕЛЯ 1943 Г.

Я обратил внимание товарища по партии Заукеля на положение на Украине, в особенности в генеральных округах Волынь и Подолия, и попросил его сообщить мне о том, что относится к кругу его задач.

Гаулейтер Заукель заявил мне, что 14 дней тому назад он был у фюрера и совсем недавно имел беседу с рейхсмаршалом. Дело в том, что фюрер в течение этого года должен дополнительно получить в Германию один миллион рабочих рук. Если не удастся этого сделать, то у германских вооруженных сил не останется никаких резервов, то есть сила германского народа истощится. Заукель надеется получить с Запада еще 200 тысяч или более человек, остальное должен дать Восток.

Я сказал ему, что несколько дней тому назад господин Флоттман передал мне, что он видел собственными глазами, как команды по вербовке рабочей силы среди белого дня задерживали прохожих на

улицах Днепропетровска, чтобы направить их в Германию. При этом не помогали даже паспорта местных жителей из Бергхютте-Ост. Такое поведение недопустимо и никому не принесет никакой пользы.

Гаулейтер Заукель подчеркнул, что он полностью согласен со мной и что он не собирается пятнать свое имя ловлей рабов, а сделает все, чтобы добиться приличного разрешения этих вопросов. Он представляет себе это таким образом, что военные власти безусловно уже набрали себе очень большое количество местных рабочих, которых он должен у них отнять. В дальнейшем он обратит свое внимание главным образом на города с тем, чтобы учесть наверняка имеющийся еще там людской материал, впрочем он считает, что необходимо мобилизовать несколько возрастных контингентов.

Я сказал ему, что в такой ситуации я не ожидаю больших успехов от добровольчества, хотя, по донесениям бывшего работника моего штаба Штумпфа, я мог установить, что при ясной и разумной агитации из небольшого округа еще сегодня добровольно вызвались поехать в Германию 200 человек. Если он, Заукель, говорит, что он должен выполнить поручение, данное ему фюрером, то и я, со своей стороны, должен заявить, что все мобилизации для промышленности и сельского хозяйства имеют свои пределы, и для того чтобы избежать волнений по всей стране, какие имели место в генеральном округе Волынь и Подолия вследствие неверной политики имперского комиссара Коха, необходимо точно определить возможные политические последствия этой мобилизации. Затем я поставил гаулейтера Заукеля в известность о личном и деловом конфликте с имперским комиссаром Кохом.

Далее я сообщил Заукелю о том, что сделало министерство пропаганды для подготовки проведения мобилизации рабочей силы. Им издано плакатов — 398 000, 7 малых брошюр тиражом в 700 000, листовок — 1 870 000, заводских диаграмм о привлечении рабочей силы на германское производство — 7000, выставок по этому же вопросу — 3000.

Привлечено значительное количество ораторов, использованы радио и кино.

Выпущено два специальных фильма, два других фильма снимаются.

Потом я указал Заукелю на то, что подготовленная нами два года тому назад брошюра до сих пор не могла быть закончена, так как мы были вынуждены все время обращаться за справками к его сотрудникам. Все его сомнения я мог бы вполне учесть, но вопрос о знаках отличия я и сейчас еще считаю очень важным. Я считаю необходимым не нашивать большие названия «Ост», а ввести опознавательный значок с буквой национальной принадлежности.

Гаулейтер Заукель заявил, что он с этим согласен, только попросил не протестовать в случае, если для восточных рабочих нарукавный знак будет выполнен в коричневом цвете.

Я сказал, что это вполне подходит, но что тогда на каждом нарукавнике должны быть даны начальные буквы различных национальностей.

Было решено поставить в известность рейхсфюрера СС и приступить к осуществлению этого плана. Впрочем, гаулейтер Заукель хотел немедленно уведомить своих сотрудников в Веймаре с тем, чтобы приложить к брошюре последние распоряжения.

5.IV. Заукель летит на Украину и, как он обещал, будет регулярно информировать меня о положении дел, с которыми он там встретится. От министерства его будет сопровождать г-н Бейль.

А. Розенберг

Нюрнбергский процесс (в 7-ми т.), т. 3, с. 773 — 774.

Документ ПС-407(VIII)

ПИСЬМО ЗАУКЕЛЯ ГИТЛЕРУ И ГЕРИНГУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЕЙ ТОДТА ОТ 17 МАЯ 1943 Г.

Уполномоченный по четырехлетнему плану, генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы Отделение телеграфа партийной канцелярии

Берлин, 17 мая 1943 г.

Гаулейтер Заукель просит передать фюреру и г-ну рейхсмаршалу великого рейха следующую телеграмму

Хайль Гитлер!

а) Фюреру, ставка фюрера

б) Рейхсмаршалу великого германского рейха, ставка

К а)Мой фюрер!

К б) Высокоуважаемый г-н рейхсмаршал!

Прошу разрешения сообщить следующие цифры, характеризующие использование рабочей силы организацией Тодта:

В дополнение к рабочей силе, которая была передана всей германской экономике управлением по использованию рабочей силы, рабочая сила постоянно поступала в организацию Тодта.

Общее количество занятых в организации Тодта составляло:

на конец марта 1942 года — 270 969 и
на конец марта 1943 года — 696 003.

При этом видно, что использование рабочей силы, особенно организацией Тодта на Западе для работ на строительстве «Атлантического вала», осуществлялось ускоренно и с большей энергией.

1. Во Франции, Бельгии и Голландии промышленность этих стран на полную мощность работает в интересах германской военной экономики и постоянно также должна обеспечиваться рабочей силой.

2. В распоряжение германской промышленности в самом рейхе должно было выделяться огромное количество рабочих.

Несмотря на связанные с этим трудности количественный состав организации Тодта на Западе увеличился

с конца марта 1942 года — 66 701
до конца марта 1943 года — 248 200.

Таким образом, управление по использованию рабочей силы сделало все возможное для завершения строительства «Атлантического вала».

а) Хайль Гитлер!
повинующийся и преданный Вам
Фриц Заукель
б) Всегда преданный Вам
Фриц Заукель

IMT. vol. 26, p. 9 — 10.

Документ ПС-407(IX)

ПИСЬМО ЗАУКЕЛЯ ГИТЛЕРУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНОСТРАННЫХ РАБОЧИХ В ИНТЕРЕСАХ РЕЙХА ОТ 3 ИЮНЯ 1943 Г.

Уполномоченный
по четырехлетнему плану
генеральный уполномоченный
по использованию рабочей силы

Берлин, 3 июня 1943 г.
Фюреру
великого германского рейха,
ставка

Мой фюрер!

Разрешите доложить состояние дел по использованию рабочей силы за 5 месяцев 1943 года.

Первично из числа новых иностранцев и военнопленных в распоряжение германской военной экономики было предоставлено:

январь	1943 года	120 085
февраль	" "	138 354
март	" "	257 382
апрель	" "	160 535
май	" "	140 155
Всего		816 511

Разрешите заметить, что это количество — около 850 000 человек можно было достигнуть с огромным трудом, чего не было в прошлом году, в силу того, что все органы по использованию рабочей силы, особенно в оккупированных областях, работали самоотверженно по выполнению стоящих перед ними задач.

К сожалению, большое число служащих и чиновников стали жертвами преступных нападений со стороны партизан.

Кроме рабочих, предоставленных экономике рейха, в оккупированных областях органами управления по использованию рабочей силы были предоставлены многие тысячи рабочих как для организации Тодта, так и для работающих на германскую военную промышленность предприятий Востока и Запада. Наряду с большим количеством рабочих в вермахт оказалось возможным направить большое число согласившихся оказывать добровольную помощь.

Кроме того, на основе обязательной трудовой повинности с 27.1.1943 года было предоставлено из числа мужчин и женщин:

	мужчины	*женщины*	*всего*
февраль	14 594	163 012	177 606
март	45 606	494 931	540 537
апрель	19 315	269 374	288 689
май	11 485	186 683	198 168
Итого	91 000	1114 000	1 205 000

Около 600 000 рабочих имеются в распоряжении, правда, для работы менее 48 часов в неделю.

Всего за первые пять месяцев 1943 года в соответствии с этим в германскую военную промышленность было направлено свыше 2 миллионов рабочих...

IMT, vol. 26, p. 12 — 13.

Документ ПС-1292

ЗАПИСЬ НАЧАЛЬНИКА ИМПЕРСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ О СОВЕЩАНИИ В СТАВКЕ ГИТЛЕРА 4 ЯНВАРЯ 1944 Г.

Главная ставка фюрера,
4 января 1944 г.

По вопросу: использование рабочей силы на 1944 год.

1. Сегодня у фюрера состоялось совещание, на котором присутствовали генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы гаулейтер Заукель, имперский министр вооружения и военного производства Шпеер, начальник штаба верховного командования вооруженными силами генерал-фельдмаршал Кейтель, генерал-фельдмаршал Мильх, исполняющий обязанности имперского министра питания и сельского хозяйства статс-секретарь Бакке, имперский министр внутренних дел рейхсфюрер СС Гиммлер и я (имперский министр иностранных дел и имперский министр хозяйства до совещания неоднократно просили разрешения присутствовать на нем, однако фюрер не пожелал их присутствия).

Открывая совещание, фюрер заявил:

«Я хочу получить ясную картину о том:

1. Сколько рабочих рук требуется германскому военному хозяйству:

а) для поддержания на одном уровне его производственной мощности;

б) для повышения его производственной мощности.

2. Сколько рабочей силы можно подвезти из оккупированных областей или получить путем соответствующих мероприятий (повышения производительности труда) в германской империи.

Итак, речь идет, с одной стороны, о покрытии потерь рабочей силы вследствие смерти, инвалидности, постоянной текучести рабочей силы и т. д., с другой стороны, о получении дополнительных рабочих рук».

Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы Заукель заявил, что он для сохранения постоянного количества рабочей силы должен в 1944 году ввезти по меньшей мере 2,5 или даже 3 млн. новых рабочих; в противном случае наступит снижение производительности.

Рейхсминистр Шпеер заявил, что он дополнительно нуждается в 1,3 млн. рабочих. Во всяком случае, это зависит от возможности повышения добычи железной руды; если не удастся повысить эту добычу, он в дополнительной рабочей силе не нуждается. Однако получить новые рабочие руки из оккупированных областей возможно лишь при условии изъятия их из действующей там промышленности вооружения и товарной промышленности. Так как это означало бы снижение производительности данных отраслей промышленности, то это для него невозможно. Тот, кто, например, работает в таких отраслях промышленности во Франции, не должен подпасть под мобилизацию на работу в Германию.

Фюрер согласился с выступлением рейхсминистра Шпеера и подчеркнул, что мероприятия генерального уполномоченного по использованию рабочей силы ни в коем случае не должны привести к изъятию рабочих, занятых в промышленности вооружения и товарной промышленности в оккупированных областях, так как такое перераспределение рабочей силы привело бы только к падению производительности в оккупированных областях.

Далее фюрер указал, что для подготовки противовоздушной обороны в гражданской области требуется еще по меньшей мере 250 тыс. рабочих. Для Вены сейчас уже требуется от 2 до 2,5 тыс. рабочих. Если исходить из того, что генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы для сохранения постоянного количества рабочих рук нуждается в 2,5 млн. рабочих, а рейхсминистр Шпеер — в 1,3 млн. дополнительных рабочих рук и что для подготовки к противовоздушной обороне требуется 0,25 млн. рабочих, то потребность в рабочей силе составит по меньшей мере 4 млн. рабочих, подвоз которых обязан обеспечить генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы.

Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы Заукель заявил, что он с фанатической волею сделает попытку обеспечить этой рабочей силой. До сих пор он всегда выполнял свои обещания в отношении количества поставляемых рабочих рук, однако на 1944 год он при всем своем желании не в состоянии дать твердого обещания. Он сделает все от него зависящее для получения требуемых на 1944 год рабочих рук. Успех зависит в значительной мере от того, какие немецкие исполнительные органы будут находиться в его распоряжении. С помощью местных исполнительных органов эту кампанию провести нельзя.

Рейхсфюрер СС заявил, что находящиеся в его распоряжении исполнительные силы чрезвычайно малочисленны, но что он попытается путем увеличения их количества и более интенсивного использования помочь Заукелю в его кампании. Для подготовки противовоздушной обороны в Вене рейхсфюрер СС уже предоставил в распоряжение от 2 до 2,5 тыс. человек из концлагерей.

В общем все участники совещания пришли к единодушному выводу, что дополнительную рабочую силу можно получить и на родине путем активизации и интенсификации труда имеющихся рабочих рук, и прежде всего военнопленных, при условии выдачи им премий в форме дополнительного питания, одежды и т. д. Вопрос о выдаче дополнительного питания изучит статс-секретарь Бакке.

Генерал-фельдмаршал Мильх заявил, что в особенности в сельском хозяйстве большое число трудоспособных женщин уклоняется от работы, так как получает пособие за ушедших в армию мужей, а зарплата за произведенную работу вычитается из этого пособия; по своему примитивному расчету они думают, что должны работать «даром». Поэтому, с одной стороны, следует отказаться от начисления зарплаты в счет пособия, с другой стороны, следует принять постановление о лишении или о снижении пособия неработающим женщинам.

Фюрер не высказал своего взгляда по этому вопросу, заявив, что он не хочет вдаваться в подробности этих частных вопросов.

Результаты совещания:

1. Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы должен поставить по меньшей мере 4 млн. новых рабочих рук из оккупированных областей.

2. Эта рабочая сила не должна браться из работающей военной и товарной промышленности оккупированных областей.

3. Следует изучить вопрос о том, каким путем поднять и интенсифицировать производительность труда имеющихся рабочих, в частности военнопленных.

4. Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы до принятия этих мер должен обменяться мнением с рейхсминистром иностранных дел.

Подпись: Ламмерс

IMT, vol. 27, p. 104—107.
Нюрнбергский процесс
(в 3-х т.), т. 3, с. 92 — 94.

Документ ПС-199

ТЕЛЕГРАММА СТАТС-СЕКРЕТАРЯ МИНИСТЕРСТВА ПО ДЕЛАМ ОККУПИРОВАННЫХ ВОСТОЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ЗАУКЕЛЮ ОТ 11 ИЮЛЯ 1944 Г.

Берлин, 11 июля 1944 г. Секретно

**Генеральному уполномоченному
по использованию рабочей силы
гаулейтеру Заукелю**

Только что узнал, что лагеря беженцев в Белоруссии, Белостоке, Кракове закрыты для вербовки штабом по использованию рабочей силы «Центр».

Обращаю внимание на следующее:

1. Необходимо, чтобы военный штаб по использованию рабочей силы «Центр» продолжал свою деятельность по вербовке несовершеннолетней белорусской и русской рабочей силы для военных нужд рейха при всех обстоятельствах. Кроме того, штаб имеет задачу отправлять в рейх несовершеннолетних в возрасте от 10 до 14 лет.

2. Дело касается утвержденного фюрером приказа об использовании рабочей силы для военных нужд, которое должно быть усилено согласно вновь изданному приказу фюрера.

Подобные военные задания должны выполняться раньше всех остальных заданий.

3. В этом обстоятельстве ничто не должно быть изменено, несмотря на отступление из тех областей, в которых до этого времени производилась вербовка. Приказ о вербовке распространяется не на территории, а на население, проживающее на этих территориях.

4. Я должен отклонить все последствия, возникающие ввиду закрытия лагерей беженцев, и принужден при дальнейшей ликвидации лагерей руководствоваться решением фюрера. Этот же принцип действует при вербовке военным штабом «Север» рабочей силы для военно-воздушных сил в Эстонии и Латвии.

Настоящим я предупреждаю возникновение подобных же обстоятельств.

По поручению
Альфред Мейер

IMT, vol. 25, p. 289.
Нюрнбергский процесс
(в 3-х т.), т. 3, с. 7 — 8.

672

Нюрнбергский процесс

Нюрнбергский процесс: Сборник материалов в
Н97 8-ми т. Т. 4. —М.: Юрид. лит., 1990 — 672с.

ISBN 5-7260-0249-0(т. 4)

В IV том помещены материалы о военных преступлениях нацистов. Документы свидетельствуют о преступном попрании фашистами законов и обычаев войны, массовых убийствах и жестоком обращении с мирным населением, убийствах военнопленных и казнях заложников, о разграблении и разрушении культурных и научных ценностей, городов и сел, промышленности, транспорта и связи, об угоне в фашистское рабство мирного населения, применении принудительного труда на оккупированных территориях.

Для юристов, историков, широкого круга читателей. В издании использованы архивные фотодокументы.

Н $\frac{1207000000-063}{012(01)-90}$ подписное **67.91**

Редактор *В. В. Титов*
Художник *В. И. Пантелеев*
Художественный редактор *А. Б. Бобров*
Технический редактор *О. П. Соловова*
Корректоры *Л. А. Перовская, И. Г. Голышева*

ИБ № 2063.
Массово-политическое издание

Сдано в набор 09.12.88. Подписано в печать 27.06.90.
А-.07518. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура журнальная рубленая. Печать офсетная.
Объем: усл. печ. л. 42; усл. кр-отт. 54,37; уч.-изд. л. 49,3.
Тираж 75 000 экз. Заказ №774 Цена 3 руб. 60 коп.

Издание подготовлено к печати на ЭВМ и
фотонаборном оборудовании
в ордена «Знак Почета» издательстве
«Юридическая литература».
121069, Москва, Г-69, ул. Качалова, д. 14.

Ярославский полиграфкомбинат
при Государственном комитете СССР по печати.
150014, Ярославль, ул. Свободы 97.

ТОМ 4

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

Сборник материалов

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС
ТОМ 4

Убийство и жестокое обращение с военнопленными

Убийство гражданского населения и жестокое обращение с ним

Разграбление общественной и частной собственности

Разрушение и разграбление культурных ценностей

Разрушение городов и сел, промышленности, транспорта и связи

Политика рабского труда

Комментарий

«Юридическая литература»

3 р. 60 к

ТОМ 4

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

Сборник материалов в 8-ми томах

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

Сборник материалов

ТОМ 4